This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

F Slav 176.25 (1868/7)

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ

И ЛИТЕРАТУРЫ.

1868
7

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 7-ая.

ІЮЛЬ. 1868.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 7-ая. — ИЮЛЬ, 1868.

I. — СМЕРТЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА. — Трагедія Шиллера, въ пяти дѣйствіяхъ. — I-III. — **К. И. Павловой.**

II. — НЕСЧАСТНЫЕ. — Разсказы изъ быта ссыльныхъ. — II. На каторгѣ. — **С. В. Максимова.**

III. — РУССКОЕ МАСОНСТВО ДО НОВИКОВА. — II. Елагинская система. — **А. Н. Пыпина.**

IV. — ДРЕВНѢЙШІЙ ПЕРІОДЪ ИСТОРІИ СЛАВЯНЪ. — Глава первая. — Славяне въ ряду другихъ племенъ арійскихъ. — **А. О. Гильфердинга.**

V. — ПРОИСХОЖДЕНІЕ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ. — XI-XIV. — Окончаніе. — **В. В. Стасова.**

VI. — СВѢТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЦЕРКОВЬ СЪ XVII-го ВѢКА. — **Б. И. Утина.**

VII. — ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Современные вопросы. — **А. П-въ.**

VIII. — ЗЕМСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — САМАРСКОЕ ЗЕМСТВО. — I-III. — **И. П. Колюпанова.**

IX. — ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА ПОЛИТИКИ, ИСТОРІИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

X. — КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Іюнь. — I. Русская литература. — II. Иностранная литература.

XI. — БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новыя книги.

Редакція „Вѣстника Европы“ пріобрѣла въ рукописи новый и неизданный въ оригиналѣ романъ (отъ 30 до 40 листовъ)

Б. АУЭРБАХА

„ДАЧА НА РЕЙНѢ“

съ предисловіемъ И. С. Тургенева.

Печатаніе перевода начнется съ октября.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ XXXII. — ТОМЪ CLXXXVI. — 1/13 ІЮЛЯ 1868.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Third Year, Bk 7

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

1868
7

ТОМЪ IV.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста, № 30.

Экспедиція журнала: на Екатерингофскомъ проспектѣ, № 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1868.

~~3194~~
~~Slav 302~~
P Slav 176.25

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler
U. S. Consul
at Birmingham, Eng.

СМЕРТЬ
ВАЛЛЕНШТЕЙНА

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Шиллера.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ, ГЕРЦОГЪ ФРИДЛАНДЪ, генералиссимусъ имперскихъ войскъ въ Тридцатилѣтней войнѣ.
ОКТАВІО ПИККОЛОМИНИ.
МАКСЪ ПИККОЛОМИНИ, его сынъ, полковникъ кирасирскаго полка.
ГРАФЪ ТЕРЦКІЙ, свояк Валленштейна, начальникъ нѣсколькихъ полковъ.
ИЛЛО, фельдмаршалъ.
ИЗОЛАНИ, начальникъ Хорватовъ.
БУТТЛЕРЪ, начальникъ драгунскаго полка.
НЕЙМАННЪ, ротмистръ.
АДЪЮТАНТЪ.
ВРАНГЕЛЬ, полковникъ, посланный отъ шведовъ.
ГОРДОНЪ, комендантъ Эгры.
ГЕРАЛЬДИНЪ, маіоръ.
ДЕВЕРУ, МАКДОНАЛЬДЪ } капитаны въ арміи Валленштейна.
КАПИТАНЪ шведскій.
КИРАСИРЫ.
БУРГОМИСТРЪ Эгры.
БАПТИСТЪ СЭНИ, астрологъ.
ГЕРЦОГИНЯ ФРИДЛАНДЪ, жена Валленштейна.
ТЕКЛА, принцесса Фридландъ, ея дочь.
ГРАФИНЯ ТЕРЦКАЯ, сестра герцогини.
ДѢВИЦА НЕЙБРУННЪ, фрейлина принцессы.
ФОНЪ-РОЗЕНБЕРГЪ, штальмейстеръ принцессы.
Драгуны, слуги, пажи, народъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Въ Пильзенѣ.

Покой, назначенный для астрологическихъ занятій; въ немъ сферы, квадранты и другіе астрономическіе снаряды. — Отдернута занавѣсь ротонды, въ которой стоятъ, въ изображеніяхъ, странно освѣщенныхъ, семь планетъ, каждая въ особенной нишѣ. — СЭНИ наблюдаетъ звѣзды. — ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ стоитъ передъ черной доской, на которой начертанъ аспектъ планетъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ, СЭНИ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Оставь, Баптистъ! Ужъ наступаетъ день;
Пойдемъ. Разсвѣта часомъ правитъ Марсъ,
И негодится дѣло продолжать;
Достаточно того, что̀ мы узнали.

СЭНИ.

Лишь на Венеру посмотрѣть дозволь мнѣ,
Высочество! Вотъ поднялась она,
И на востокѣ блещетъ словно солнце.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Да, близится теперь въ своемъ теченьи
Она къ землѣ, и къ ней сполна стремитъ
Своихъ лучей могучее вліянье.

Смотря на фигуру, начертанную на доскѣ.

Аспектъ счастливый! Наконецъ, сошлись
Астральныя три силы роковыя,
И оба благодатныя свѣтила,
Юпитеръ и Венера, съ двухъ сторонъ
Стѣснили злого, пагубнаго Марса,
И лютаго врага мнѣ подчиняютъ.
Онъ долго былъ противникомъ моимъ;

То косвенно, то прямо съ высоты
Къ моимъ звѣздамъ онъ, злобно устремляя
Свой красный лучъ, ихъ дѣйствію благому
Препятствовалъ. Надъ недругомъ старинным
Онѣ теперь побѣду одержали,
И плѣнникомъ его ко мнѣ ведутъ.

СЭНИ.

И нѣтъ вредителя окрестъ! Сатурнъ
Стоитъ безсиленъ, *in cadente domo.*

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Владычество Сатурна миновалось,
Правителя таинственныхъ зачатій
Въ глуби земли, и въ пропастяхъ души,
Всего что̀ дня боится. Размышленій
И внутренней борьбы пора прошла;
Царитъ теперь Юпитеръ лучезарный,
Всесильно вовлекая въ область свѣта
Что̀ въ темнотѣ готовилось. Теперь
Я долженъ дѣйствовать, покуда счастье
Не пронеслося надъ моей главой,
Зане всечасно измѣненье неба.

Слышенъ стукъ въ дверь.

Стучатся въ дверь. Узнай кто тамъ.

ТЕРЦКІЙ — за сценой.

Впусти!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ты это, Терцкій. Что̀ за спѣхъ? Я занятъ.

ТЕРЦКІЙ — за сценой.

Оставь теперь свои занятья. Дѣло
Не терпитъ времени.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — къ Сэни.

Впусти его.

Между тѣмъ какъ Сэни отворяетъ дверь, Валленштейнъ задергиваетъ занавѣсъ ротонды.

ЯВЛЕНІЕ II.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ, ТЕРЦКІЙ.

ТЕРЦКІЙ — поспѣшно входя.

Ты знаешь-ли, что схваченъ онъ, что выданъ
Ужъ императору?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Кто схваченъ?..

ТЕРЦКІЙ.

Тотъ,
Кому извѣстны наши тайны, наши
Переговоры всѣ съ саксонцами
И шведами, кто былъ посредникомъ
Всего —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Сезина! Онъ? Скажи мнѣ: нѣтъ! —

ТЕРЦКІЙ.

Прямой дорогой къ шведамъ въ Регенсбургъ,
Былъ схваченъ онъ шпіонами Галласа;
Они давно его подстерегали.
Мои всѣ письма къ Оксенштирну, къ Турну,
Къ Аргейму, къ Кинскому везъ онъ съ собой;
Въ рукахъ враговъ все это; имъ извѣстенъ
Теперь нашъ каждый шагъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРЕЖНІЕ, ИЛЛО.

ИЛЛО — къ Терцкому.

Онъ знаетъ?

ТЕРЦКІЙ.

Знаетъ!

ИЛЛО — къ Валленштейну.

Мечтаешь-ли еще о примиреньи
Ты съ императоромъ? Еще-ли хочешь
Его довѣрье вновь пріобрѣсти?
Когда-бы ты свой замыселъ и бросилъ,
Что̀ ты задумалъ — знаютъ тамъ. Ты долженъ
Впередъ идти теперь. Назадъ нельзя!

ТЕРЦКІЙ.

Есть документы, явныя улики
У нихъ —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ни слова писаннаго мной,
Тебя я обвиню во лжи.

ИЛЛО.

Ужели
Ты думаешь, не взвалятъ на тебя,
Что, за тебя ручаясь, твой своякъ
Устраивалъ? Его должны-ль слова
Твоими быть словами лишь у шведовъ,
А не у вѣнскихъ недруговъ твоихъ?

ТЕРЦКІЙ.

Ты не писалъ. Но вспомни же какія
Изустныя Сезинѣ порученья
Даны тобой. Онъ будетъ-ли молчать!
Когда спастись твоей онъ можетъ тайной,
Ее скрывать ужель онъ предпочтетъ?

ИЛЛО.

Ты самъ того не ждешь. А если знаютъ,
Какъ далеко въ переговорахъ ты
Со шведами зашелъ, чего-жъ ты ждешь?
Тебѣ нельзя начальство сохранить,
Его-жъ лишась, погибъ ты безвозвратно.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Моя защита — войско; не покинетъ

Оно меня. Все, что̀ узнали въ Вѣнѣ,
Проглотятъ молча; власть въ моихъ рукахъ.
Я-жъ имъ найду поруку за себя,
Такъ по неволѣ стихнутъ.

ИЛЛО.

Войско, да,
Оно тебѣ покорствуетъ, — теперь.
Но времени медлительной ты власти
Не довѣряй; отъ явнаго насилья
Ты преданностью войска защищенъ
Сегодня, завтра, такъ; но дай лишь срокъ,
И мнѣніе народное, которымъ
Поддержанъ ты, противники твои
Съумѣютъ незамѣтно подкопать,
За другомъ друга у тебя украдутъ,
И въ мигъ, когда ударъ внезапный грянетъ,
Все зданіе обрушится во прахъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Несчастный случай!...

ИЛЛО.

Я его счастливымъ
Готовъ назвать, когда тебя принудитъ
Рѣшительный онъ шагъ скорѣй свершить.
Полковникъ шведскій....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Здѣсь онъ? Съ порученьемъ
Какимъ?...

ИЛЛО.

Тебѣ открыться одному
Намѣренъ онъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Несчастный случай, да! —
То, что̀ Сезина знаетъ, слишкомъ важно;
И онъ молчать не будетъ; это такъ.

ТЕРЦКІЙ.

Онъ бѣглый бунтовщикъ, повинный смерти,
Посовѣстится ль онъ свое спасенье
Твоей бѣдой купить?. И если станутъ
Его пытать, останется-ль онъ твердъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Довѣрья ихъ не обрѣсти мнѣ снова!
На что-бъ я не рѣшился, въ ихъ глазахъ
Останусь я измѣнникомъ. Какъ честно
Я-бъ не вернулся къ долгу моему —
Я этимъ не спасусь.

ИЛЛО.

Себя лишь этимъ
Погубишь ты. Безсилію припишутъ,
Не преданности дѣйствія твои.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — въ сильномъ волненіи.

Я — потому, что помысломъ игралъ,
Ужель его исполнить долженъ! Проклятъ,
Кто съ чортомъ шутитъ!

ИЛЛО.

Коль игрою это
Ты почиталъ, и шуткой, за нее
Не въ шутку ты поплатишься, повѣрь.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И если дѣйствовать, такъ тотчасъ надо,
Теперь же дѣйствовать, пока могу.

ИЛЛО.

Пока имъ времени не стало въ Вѣнѣ,
Опомнившись, тебя предупредить.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — беретъ бумагу со стола.

Согласье письменное генераловъ

Имѣю я; Максъ Пикколомини
Не подписался. Почему?

ТЕРЦКІЙ.

Сказалъ онъ....

ИЛЛО — прерываетъ.

Высокомѣрье! Межъ тобой и имъ
Не нужно, говоритъ онъ, договоровъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Не нужно ихъ; онъ совершенно правъ.
Во Фландрію идти не хочетъ войско;
Мнѣ грамоту полки прислали, ропщатъ,
Противятся упорно повелѣнью, —
Бунтъ подготовленъ.

ИЛЛО.

Легче имъ, повѣрь,
Быть съ непріятелями заодно,
Чѣмъ помогать союзникамъ-испанцамъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Хочу я выслушать, что̀ этотъ шведъ
Намѣренъ мнѣ сказать.

ИЛЛО — поспѣшно.

Пошлите-жъ, Терцкій,
Его сюда. Онъ ждетъ уже вблизи.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Повремени. Оно меня врасплохъ
Застало. Не привыкъ я дозволять,
Чтобы влекла случайность самовластно
Меня съ собой, въ неистовствѣ слѣпомъ.

ИЛЛО.

Услышь его. Подумать послѣ можешь.

Уходитъ съ Терцкимъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — одинъ.

Ужель въ своихъ я дѣйствіяхъ не воленъ?
Назадъ вернуться не могу? Поступокъ
Ужель свершить я долженъ, потому
Что думалъ я о немъ, что отъ соблазна
Не отказался, что питалъ я умъ
Мечтою этой, что себѣ я средства
Сберегъ сомнительнаго исполненья,
Себѣ къ нему дорогу проложилъ?
Свидѣтель Богъ! Намѣреньемъ моимъ
Опредѣленнымъ не было оно.
Мнѣ нравилася эта мысль; прельщала
Возможность совершенія меня.
Далекимъ призракомъ державной власти
Преступно-ль было тѣшиться? Въ груди
Свободную я не хранилъ ли волю?
Я путь къ добру не видѣлъ ли вблизи,
Открытый мнѣ, всегда мнѣ вновь доступный?
Гдѣ-жъ я теперь? — За мной ужъ нѣтъ исхода!
Изъ дѣйствій собственныхъ моихъ громадой
Несокрушимой поднялась стѣна,
Возвратную дорогу заграждая!

Онъ останавливается въ раздумьи.

Виновнымъ я кажусь, и оправдаться
Вотще хотѣлъ бы; обвиняетъ жизни
Двусмысленность меня. И подозрѣнье
Злымъ толкованьемъ будетъ отравлять
Безгрѣшныхъ даже дѣлъ источникъ чистый.
Когда-бъ я былъ измѣнникомъ коварнымъ,
Какимъ слыву теперь, я-бъ сохранилъ
Видъ добродѣтели, я скрылъ бы душу,
Я своего не высказалъ бы гнѣва.
Въ сознаніи безвинности сердечной
Я чувствамъ волю далъ, въ рѣчахъ былъ дерзокъ,
Затѣмъ, что былъ не дерзокъ я на дѣлѣ,
И въ томъ, что безъ разсчета я свершалъ,
Теперь разсчетъ увидятъ многолѣтній,
И что̀ досада, что̀ отвага сердца
Вложила мнѣ въ уста, — все это нынѣ

Въ искусное сплетенье съединятъ,
И сдѣлаютъ губительной уликой,
Передъ которой смолкну. Такъ опутанъ
Я сѣтью собственной; и лишь насильемъ
Ее теперь могу я разорвать.

Онъ опять останавливается.

Какъ иначе стремился произвольно
Въ отвагѣ думъ къ тому я, что̀ свершить
Суровая велитъ сегодня крайность!
Необходимости намъ грозенъ видъ,
И съ трепетомъ мы руку опускаемъ
Земныхъ судебъ въ таинственный сосудъ.
Мой помыселъ, хранимый въ нѣдрѣ сердца,
Въ моей былъ власти; выпущенный вонъ
Изъ своего родимаго пріюта,
Заброшенный въ бытъ внѣшній, онъ подвластенъ
Тѣмъ силамъ злымъ, съ которыми дружиться
Пытается напрасно человѣкъ.

Онъ проходится быстро по комнатѣ, и опять останавливается въ задумчивости.

И что̀-жъ предпринимаешь ты? Признался-ль
Ты въ этомъ честно самому себѣ?
Власть потрясти спокойную ты хочешь,
Упроченную обладаньемъ древнимъ,
Могуществомъ привычки вѣковой,
Въ понятьи дѣтско-набожномъ народовъ
Глубоко вкоренившуюся власть.
Не битва силы будетъ это съ силой:
Такой борьбы я не боюсь; кто-бъ ни былъ
Противникъ мой, лишь могъ бы я ему
Глядѣть въ глаза, лишь бы своей отвагой
Воспламенялъ отвагу онъ мою.
Пугаетъ бой меня съ врагомъ незримымъ,
Сокрытымъ въ человѣческой груди,
Съ врагомъ, мнѣ страшнымъ робостью своею.
Не то опасно, въ чемъ избытокъ силъ;
Опасно то, что̀ по̀шло и обычно;
То бывшее всегда, то неизмѣнно
Вчерашнее, что̀ вновь, и безконечно
Вновь возвращается, чему дадутъ
И завтра ходъ, затѣмъ, что нынѣ дали.
Воспитанъ и взлелѣянъ человѣкъ
Тѣмъ, что̀ обыкновенно, и привычка —

Кормилица его. Бѣда тому,
Кто давняго его добра коснется,
Наслѣдства предковъ! Дѣлаютъ лѣта
Все на землѣ законнымъ и завѣтнымъ.
Что̀ посѣдѣло, то для черни свято;
Чѣмъ ты владѣешь, то твое по праву,
И за тебя стоять готовы всѣ.

Пажъ показывается у двери.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — къ нему.

Полковникъ шведскій? Пусть взойдетъ.

Пажъ уходитъ. — Валленштейнъ глядитъ задумчиво на дверь.

Дверь эта
Еще не отворилася ему!
Зло не ступило чрезъ порогъ! Такою
Чертою узкой двѣ раздѣлены
Дороги жизни!

ЯВЛЕНІЕ V.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ, ВРАНГЕЛЬ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — посмотрѣвъ на Врангеля пытливымъ взоромъ.

Ваше имя Врангель?
Не такъ ли?

ВРАНГЕЛЬ.

Густавъ Врангель, такъ, полковникъ
Полка Зюдерманландъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Одинъ мнѣ Врангель
Нанесъ вреда немало подъ Штральзундомъ,
Сопротивленьемъ доблестнымъ своимъ.
Имъ городъ былъ спасенъ.

ВРАНГЕЛЬ.

Стихіи подвигъ,
Съ которой вы боролись, не моя
Заслуга, герцогъ. Защищалъ упорно
Порывомъ бури Бельтъ свою свободу;

Не дозволялось мужу одному
И землю подчинить себѣ, и море.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Чрезъ васъ лишенъ я шляпы адмиральской.

ВРАНГЕЛЬ.

Въ замѣну я корону приношу.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — даетъ ему знакъ сѣсть и садится самъ.

У васъ письмо есть вѣрющее. Канцлеръ
Вамъ далъ ли полномочіе?

ВРАНГЕЛЬ — подавая письмо.

Придется
Еще коснуться важныхъ пунктовъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — прочитавъ письмо.

Дѣльно
Написано письмо. Правитель умный
Начальствуетъ надъ вами. Канцлеръ пишетъ,
Что мысль покойнаго онъ короля
Свершитъ, доставивъ мнѣ вѣнецъ Богемскій.

ВРАНГЕЛЬ.

Онъ правду говоритъ. Король покойный
Высоко вашей свѣтлости цѣнилъ
Военный геній и могучій умъ;
И долженъ бы лишь тотъ быть властелиномъ,
Онъ говорилъ, кто властвовать умѣетъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Имѣлъ онъ право это говорить.
Взявъ руку Врангеля.
Полковникъ Врангель, — я всегда въ душѣ
Былъ шведамъ другъ. Въ Силезіи вы это
Узнали, и подъ Нюрнбергомъ; вы были
Не разъ въ моихъ рукахъ, и вамъ давалъ я

Все какъ-нибудь уйти. Вотъ мнѣ чего
И не прощаютъ въ Вѣнѣ, вотъ что нынѣ
До этого меня доводитъ шага.
И если-жъ ваша выгода теперь
Сливается съ моею, — пусть сомнѣній
Не будетъ между нами.

ВРАНГЕЛЬ.

Ихъ не будетъ,
Когда залогъ намъ дастся обоюдный.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я вижу, мнѣ не довѣряетъ канцлеръ;
Въ невыгодномъ ему кажусь я свѣтѣ;
Онъ думаетъ, что коль съ моимъ законнымъ
Я господиномъ поступаю такъ,
Я также поступить бы могъ съ врагами,
И было бы простительнѣй оно.
Вы не того-жъ ли мнѣнія?

ВРАНГЕЛЬ.

Не имѣю
Я мнѣнья здѣсь; имѣю только должность.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

До крайности послѣдней доведенъ
Я императоромъ; ему служить
Я уже честно не могу. Свершаю
Для своего спасенья тяжкій шагъ,
Который сознаю неправымъ.

ВРАНГЕЛЬ.

Вѣрю;
До этого охотно не доходятъ.

Послѣ короткаго молчанія.

Что̀ вашу свѣтлость побуждаетъ нынѣ
Возстать на государя своего,
Не слѣдуетъ намъ разбирать. Ведемъ
Мы, шведы, честный бой, за наше право
Стоимъ со шпагою своею доброй

И съ доброю мы совѣстью своей.
Удобный представляется намъ случай,
Въ войнѣ берутъ что̀ выгодно; беремъ же
И мы предложенное намъ. И если
Оно все такъ....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Чему-жъ не довѣряютъ?
Моей ли волѣ! Власти ли моей?
Я канцлеру далъ слово̀, — если ввѣритъ
Онъ мнѣ шестнадцать тысячъ человѣкъ, —
Осмнадцать тысячъ нашей рати съ ними
Соединить.

ВРАНГЕЛЬ.

Какъ славный полководецъ
Извѣстна ваша свѣтлость, какъ второй —
Пирръ и Аттила. Съ изумленьемъ помнятъ
Какъ паче чаянья, единымъ словомъ,
Огромную вдругъ подняли вы рать.
Но все же —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Все же?...

ВРАНГЕЛЬ.

Канцлеръ полагаетъ,
Что ратниковъ вдругъ тысячъ шестьдесятъ
Поставить въ поле, легче быть могло бы,
Чѣмъ хоть шестидесятую ихъ часть
Склонить....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Договорите.

ВРАНГЕЛЬ.

Къ вѣроломству.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Онъ это полагаетъ? Судитъ онъ
Какъ шведъ и протестантъ. Вы, лютеране,

Сражаетесь за библію свою;
Вамъ ваше дѣло важно; вы идете
Своимъ знаменамъ вслѣдъ душой и сердцемъ.
Къ противникамъ изъ васъ кто перешолъ,
Тотъ совершилъ двойное вѣроломство;
Объ этомъ всемъ и рѣчи нѣтъ у насъ —

ВРАНГЕЛЬ.

Помилуй Богъ! Иль нѣтъ здѣсь у людей
Ни очага, ни церкви, ни отчизны?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я объясню вамъ это. — У австрійца
Отчизна есть, и любитъ онъ ее,
Да и не даромъ любитъ. Но у этихъ
Имперскихъ войскъ, какъ называютъ ихъ,
Ни крова, ни отчизны нѣтъ; они
Бродяги изъ чужихъ земель, народа
Отверженная часть, и ихъ наслѣдье —
Одно лишь всѣмъ сіяющее солнце.
И здѣсь, въ краю Богемскомъ, за который
Воюемъ мы, привязанности нѣтъ
Къ властителю, лишь боевымъ успѣхомъ
Вѣнчанному, не выборомъ народнымъ.
Озлобленъ чехъ гоненіемъ за вѣру,
Насильемъ онъ запуганъ, — не смирёнъ.
Жестокихъ дѣлъ въ странѣ его свершенныхъ,
Въ немъ ярая не угасаетъ память.
Забыть возможно-ль сыну, что отца
Къ латинской литургіи гнали псами?
Когда народъ такія снесъ обиды,
Его страшна покорность, какъ и месть.

ВРАНГЕЛЬ.

Но офицеры и вожди? Такого
Предательства и вѣроломства, герцогъ,
Примѣра нѣтъ въ бытописаньяхъ міра.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Всѣ за одно со мною, безусловно.

Не мнѣ повѣрьте, а своимъ глазамъ.

Онъ даетъ ему бумагу, подписанную генералами. Врангель прочитавъ, кладетъ ее молча на столъ.

Понятно это вамъ!

ВРАНГЕЛЬ.

Пойми кто можетъ!
А я сниму личину. — Договоръ
Я заключить уполномоченъ, герцогъ.
Стоятъ отсюда лишь въ трехъ дняхъ похода
Пятнадцать тысячъ шведовъ, подъ начальствомъ
Рейнграфа; ждутъ они приказа къ вашимъ
Пристать войскамъ. Приказъ я этотъ шлю,
Какъ скоро все мы порѣшили съ вами.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Въ чемъ требованье канцлера?

ВРАНГЕЛЬ.

Идетъ
Тутъ дѣло о двѣнадцати полкахъ
Народа шведскаго; я отвѣчаю
За нихъ своею головой. Все это
Могло бы хитростью —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — вспыхнувъ.

Полковникъ Врангель!

ВРАНГЕЛЬ — спокойно продолжая.

Итакъ, на томъ настаивать я долженъ,
Чтобъ герцогъ Фридландъ явно прекратилъ
Связь съ императоромъ; ему иначе
Не можемъ ввѣрить шведскую мы рать.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Въ чемъ требованье? Говорите прямо.

ВРАНГЕЛЬ.

Чтобъ преданные Австріи полки

Испанскіе немедленно всѣ были
Обезоружены; чтобъ, взявши Прагу,
Вы городъ этотъ, какъ и крѣпость Эгру,
Намъ передали.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Требуете вы
Не малаго. Дать Прагу! — Я пожалуй
Вамъ Эгру дамъ; но Прагу — нѣтъ; нельзя! —
Готовъ я обезпечить васъ; но Прагой —
Нѣтъ: землю я Богемскую могу
Самъ защищать.

ВРАНГЕЛЬ.

Увѣрены мы въ этомъ;
Но дѣло не въ защитѣ лишь одной.
Мы не хотимъ и деньгами и ратью
Напрасно жертвовать.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Оно понятно.

ВРАНГЕЛЬ.

И быть должна у насъ въ залогѣ Прага,
Пока не дастся намъ вознагражденья.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Такъ мало довѣряете вы намъ?!

ВРАНГЕЛЬ — вставая.

Быть остороженъ съ нѣмцемъ долженъ шведъ.
Изъ-за моря насъ въ этотъ край призвали;
Отъ гибели спасли мы государство,
Мы вѣроисповѣданья свободу,
Ученіе Евангелія здѣсь
Запечатлѣли кровію своею.
Но ужъ забывъ благодѣянье нынѣ,
Лишь бремя чувствуютъ и смотрятъ косо
На чужеземцевъ; въ ихъ лѣса назадъ
Ихъ отослать хотѣли-бъ съ горстью денегъ.

Не ради мзды Іудовой, не ради
Мы серебра и золота здѣсь лечь
На полѣ битвы дали королю.
Такъ много шведской, благородной крови
Не ради золота лилось. Мы съ данью
Безплодныхъ лавровъ не хотимъ къ отчизнѣ
Свои опять направить корабли.
Хотимъ мы граждане земли быть этой,
Которую король нашъ бралъ мечемъ
И, падая, себѣ завоевалъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

На общаго врага со мной идите,
И вашимъ будетъ пограничный край.

ВРАНГЕЛЬ.

А что упрочитъ дружбу нашу съ вами,
Когда лишится силы общій врагъ?
Мы знаемъ, герцогъ, хоть отъ шведовъ это
Таится, что съ саксонцами вступили
Въ сношенья вы. Кто намъ порука въ томъ,
Что жертвою не *мы* тѣхъ уговоровъ,
Которые скрывать отъ насъ хотятъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Повѣреннаго своего избралъ
Съ умѣньемъ канцлеръ; болѣе тугого
Онъ мнѣ прислать не могъ. Вставая. Полковникъ Врангель,
Не думайте о Прагѣ.

ВРАНГЕЛЬ.

Полномочью
Тутъ моему конецъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Мою столицу
Отдать вамъ! Съ императоромъ моимъ
Скорѣе помирюсь я.

ВРАНГЕЛЬ.

Коль не поздно!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Мириться съ нимъ мнѣ можно хоть сейчасъ.

ВРАНГЕЛЬ.

Оно еще недавно можно было,
Теперь нельзя. Съ тѣхъ поръ какъ вашъ Сезина
Въ тюрьмѣ сидитъ, — нельзя.

Валленштейнъ смущенный молчитъ. Врангель продолжаетъ.

Мы вѣримъ, герцогъ,
Что съ нами откровенны вы со дня
Вчерашняго — мы въ томъ убѣждены.
Въ содѣйствіи полковъ же этотъ листъ
Порука намъ; такъ всякое сомнѣнье
Прекращено. Насъ Прага не поссоритъ.
Согласенъ канцлеръ взять лишь старый городъ,
Вамъ оставляя Градчинъ и Зарѣчье.
Но не вступивши въ Эгру намъ нельзя
Быть съ вами за одно.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Такъ долженъ вѣрить
Я вамъ, когда не вѣрите вы мнѣ?!
Я это все приму въ соображенье.

ВРАНГЕЛЬ.

Но, если можно, времени не тратя.
Второй ужъ годъ идутъ переговоры;
Коль тщетны будутъ и теперь они,
Ихъ вовсе прекратить намѣренъ канцлеръ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Торопите меня вы слишкомъ; надо
Подобный шагъ обдумать.

ВРАНГЕЛЬ.

Прежде чѣмъ
О немъ и думать, герцогъ, должно быстро
Его свершить, чтобы свершить удачно.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ, ТЕРЦКІЙ и ИЛЛО — входятъ поспѣшно.

ИЛЛО.

Что-жъ?

ТЕРЦКІЙ.

Вы сошлися?

ИЛЛО.

Шведъ отсюда вышелъ
Съ довольнымъ видомъ. Вы сошлися, да!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Еще ничто не рѣшено, и лучше
Отъ этого мнѣ вовсе отказаться.

ТЕРЦКІЙ.

Какъ? Это что?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Отъ милости зависѣть
Надменныхъ этихъ шведовъ! Было бъ мнѣ
Оно невыносимо.

ИЛЛО.

Къ нимъ идешь ли
Ты какъ бѣглецъ, о помощи моля?
Ты болѣе даешь, чѣмъ получаешь.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Французскій вождь, Бурбонъ происхожденьемъ,
Который продался врагамъ отчизны,
И сталъ ея бичемъ, — чего достигъ онъ?
Проклятія людей! За преступленье
Презрѣньемъ мстилъ народъ ему.

ИЛЛО.

Ровняться
Тебѣ съ нимъ можноль?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Говорю я вамъ,
Вступается за вѣрность человѣкъ,
Какъ другъ за друга кровнаго; рожденъ онъ
Ея защитникомъ. Враждебныхъ партій
Стихаетъ ярость, зависть умолкаетъ,
Все, что свирѣпую между собою
Ведетъ борьбу, мирится вдругъ, чтобъ вмѣстѣ
На общаго идти врага людского,
На злую тварь, вломившуюся люто
Въ жилище человѣка. Помнитъ каждый,
Что самому ему обороняться
Нельзя вполнѣ; онъ видитъ, кто идетъ
Ему на встрѣчу; за спиною долженъ
Онъ вѣрностью собрата быть хранимъ.

ТЕРЦКІЙ.

Вини себя не строже ты, чѣмъ шведы,
Готовые съ тобой быть за одно.
И Габсбурговъ порфироносный прадѣдъ
Не такъ разборчивъ былъ; того Бурбона
Съ отверстыми объятьями онъ принялъ:
Корысть одна всѣмъ править на землѣ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПРЕЖНІЕ и ГРАФИНЯ ТЕРЦКАЯ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — къ графинѣ.

Кто звалъ тебя! Насъ занимаетъ дѣло
Не женское.

ГРАФИНЯ.

Пришла я съ поздравленьемъ;
Ужель пришла я слишкомъ рано?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Терцкій!
Употреби супружескую власть,
Вели отсюда ей идти.

ГРАФИНЯ.

Богемцамъ
Ужъ одного дала я короля.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Таковскій онъ и былъ.

ГРАФИНЯ — къ прочимъ.

Въ чемъ затрудненье?
Скажите мнѣ!

ТЕРЦКІЙ.

Не хочетъ онъ.

ГРАФИНЯ.

Не хочетъ?
Хоть иначе нельзя?

ИЛЛО.

Возьмитесь вы,
Попробуйте. Со мною конченъ споръ,
Какъ скоро мнѣ про совѣсть говорятъ.

ГРАФИНЯ — къ Валленштейну.

Какъ? Ты былъ твердъ, ты смѣлости былъ полонъ,
Когда вдали скрывалась цѣль твоя,
Когда конца не видѣлъ ты дороги?
А въ часъ осуществленія мечты,
Когда успѣхъ такъ близокъ и такъ вѣренъ,
Робѣешь ты? — Такъ храбръ ты и отваженъ
Лишь въ замыслахъ, въ поступкахъ боязливъ? —
Что-жъ? и прекрасно! Докажи, что правы
Твои враги; они того и ждутъ.
Никто изъ нихъ въ намѣреньи твоемъ
Не сомнѣвается, и будешь ими
Въ немъ уличенъ вполнѣ ты; это знай.
Но въ исполненье замысла не вѣрятъ;
Нѣтъ! иначе они-бъ тебя боялись,
И уважали бы тебя. — Возможно-ль?
Когда повелъ ты дѣло такъ далеко,

Когда извѣстно худшее, теперь,
Когда въ поступкѣ этомъ, какъ въ свершенномъ,
Тебя винятъ, ты бросить хочешь все,
Всей выгоды лишиться предпріятья?
Кто́ лишь его задумалъ, — тотъ преступникъ;
Кто́ смѣлъ его исполнить, — тотъ герой!
Что́ удалось, того не порицаютъ,
Исходъ бореній каждыхъ — Божій судъ!

Входитъ слуга.

СЛУГА.

Полковникъ Пикколомини.

ГРАФИНЯ — поспѣшно.

Пусть ждетъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Нельзя его теперь мнѣ видѣть. — Послѣ.

СЛУГА.

О двухъ минутахъ только проситъ онъ,
По дѣлу неотложному.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ знать,
Съ какимъ извѣстьемъ онъ пришелъ. Хочу я
Услышать.

ГРАФИНЯ — смѣется.

Времени оно не терпитъ
Со стороны его. — Тебѣ не къ спѣху.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Чего же хочетъ онъ?

ГРАФИНЯ.

Потомъ узнаешь.
Со шведомъ прежде кончи дѣло.

Слуга уходитъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Еслибъ
Другая мнѣ еще нашлась дорога!
Я и теперь готовъ ее избрать,
Не прибѣгать къ насильственному средству.

ГРАФИНЯ.

Коль въ этомъ ты нуждаешься, такая
Близка дорога. Отошли назадъ
Ты Врангеля, забудь свои надежды,
Брось все свое прошедшее, и жизнью
Жить новою рѣшись. Герои есть
И добродѣтели, какъ есть герои
Военной славы. Не теряя часа
Отправься къ императору ты въ Вѣну,
Возьми казну съ собою, объяви,
Что слугъ его ты испытать усердье,
Что шведовъ обмануть хотѣлъ.

ИЛЛО.

Теперь
И этого нельзя; о всемъ ужъ знаютъ;
Онъ голову на плаху понесетъ.

ГРАФИНЯ.

Законнаго не жду я приговора,
Нѣтъ доказательствъ; дѣйствій произвольныхъ
Они всегда старались избѣгать.
Отправиться назадъ ему дозволятъ.
Предвижу я какъ дѣло поведутъ.
Король венгерскій явится, и герцогъ
Ему уступитъ мѣсто, какъ понятно,
Не нужно тутъ и объясненья будетъ.
Король къ присягѣ войско приведетъ,
И все въ своемъ останется порядкѣ.
Узнаютъ вдругъ, что герцогъ удалился.
Пойдетъ житье въ его наслѣдныхъ замкахъ,
Охотиться тамъ будетъ онъ, и строить,
Дворъ содержать, ключами золотыми
Домашнихъ жаловать, давать пиры
Своимъ сосѣдямъ; тамъ онъ будетъ, словомъ,

Великій властелинъ — въ размѣрахъ малыхъ.
За то, что въ скромности своей согласенъ
Онъ ничего не значить въ самомъ дѣлѣ,
Дадутъ ему казаться, какъ угодно,
Особой важною, и будетъ ею
Казаться онъ до своего конца.
Останется однимъ онъ изъ людей
Войной случайно возвышённыхъ въ свѣтѣ,
Временщикомъ-вельможей, какъ мгновенно
Ихъ царская причуда создаетъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — встаетъ въ сильномъ волненіи.

Спасенья путь мнѣ укажите, силы
Небесныя! путь укажите мнѣ
Доступный для меня! Я не могу,
Какъ хвастуны, герои на словахъ,
Мечтаньями пустыми утѣшаться;
Покинутый непостояннымъ счастьемъ,
Я не могу, со лживой похвальбой,
Ему сказать: — Иди! ты мнѣ не нужно! —
Коль мнѣ не дѣйствовать, я уничтоженъ.
Согласенъ я опасностямъ и жертвамъ
Подвергнуться, чтобъ не дойти до этой
Послѣдней мѣры, но скорѣй чѣмъ темной
Ничтожности обречься мнѣ отнынѣ;
Чѣмъ мнѣ, ступившему съ такою славой
На поприще, съ него сойти такъ жалко;
Скорѣй чѣмъ дамъ причислить я себя
Къ презрѣннымъ выскочкамъ! Пусть современныхъ
И будущихъ народовъ поколѣнья
Произнесутъ названіе мое
Съ проклятіемъ; пусть будетъ имя — Фридландъ,
Имъ лозунгомъ для всѣхъ преступныхъ дѣлъ! —

ГРАФИНЯ.

Поступокъ этотъ чѣмъ же такъ ужасенъ —
Скажи! — О, не давай ты суевѣрья,
Грозящимъ призракамъ брать верхъ надъ яснымъ
Твоимъ умомъ! Тебя винятъ въ измѣнѣ
Отечеству; правдиво ль обвиненье
Иль нѣтъ — не въ этомъ дѣло! Ты погибъ,

Коль власть свою употребить замедлишь.
Гдѣ жъ существо, которое себя
Не защищало-бъ всей своею силой?
Къ какимъ прибѣгнуть средствамъ не велитъ
Необходимость личной обороны?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Такъ благосклоненъ нѣкогда ко мнѣ
Былъ этотъ Фердинандъ! Цѣнилъ меня;
Меня любилъ онъ; никакимъ князьямъ
Владѣтельнымъ такого онъ почета
Не оказалъ, какъ мнѣ. — И кончить этимъ!

ГРАФИНЯ.

Его всѣ ласки въ памяти своей
Ты сохранилъ, — а позабылъ обиды?
Должна ль тебѣ напомнить я, какую
Ты получилъ награду въ Регенсбургѣ,
За службу вѣрную? Въ отчизнѣ были
Сословья всѣ тобой оскорблены;
Дабы его владычество упрочить,
Ты на себя навлекъ вражду народовъ,
Проклятье ихъ. Ни одного тебѣ
Во всемъ краю не оставалось друга,
За тѣмъ, что жилъ для государя только
Ты своего. — Ты за него держался,
Когда гроза гремѣла надъ тобою,
На Регенсбургскомъ сеймѣ. — И тебя
Тутъ выдалъ онъ! Тебя онъ выдалъ! Въ жертву
Тебя принесъ кичливому баварцу. —
Не говори, что отнятая власть
Тебѣ возвращена была, обида
Изглажена, — онъ не по доброй волѣ,
А по нужды суровому закону
Тебѣ далъ то, чего бъ не дать былъ радъ —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Да, это такъ; я не любви его
Обязанъ властью; пользоваться ею
Не значило-бъ обманывать довѣрье.

ГРАФИНЯ.

Довѣрье! — Ты былъ надобенъ ему:
Нужда, та притѣснительница злая,
Которая употреблять не можетъ
Нарядныхъ куколъ, и пустыхъ именъ,
Которая не словъ, а дѣйствій хочетъ,
Сильнѣйшаго отыщетъ, и ему,
Будь ею взятъ онъ хоть изъ черни, въ руки
Даетъ державы руль; она тебя
Поставила главою надъ другими,
И приложила къ грамотѣ печать.
Слѣпое это вѣнценосцевъ племя!
Покуда есть возможность, прибѣгаетъ
Къ рабамъ продажнымъ, и къ своимъ ничтожнымъ
Орудіямъ; но въ крайности жестокой,
Когда царямъ блескъ внѣшній не защита,
Тогда своей ихъ подчиняетъ власти
Могучее природы проявленье,
Гигантскій умъ, который лишь себѣ
Покорствуетъ, который договора
Не хочетъ знать, и съ ними по своимъ,
А не по ихъ законамъ поступаетъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какимъ я былъ, тѣмъ и казался, правда;
Не обманулъ я ихъ, — желаній смѣлыхъ
Я никогда не думалъ и скрывать.

ГРАФИНЯ.

Напротивъ, — ты всегда являлся грознымъ.
Не ты виновенъ, — вѣренъ оставался
Ты самому себѣ; виновенъ тотъ,
Кто власть тебѣ далъ въ руки, хоть страшился
Тебя въ душѣ. Не подлежитъ упреку
Кто дѣйствуетъ въ ладу съ самимъ собой,
И сообразно со своей природой;
Не правъ лишь тотъ, въ комъ есть противорѣчье.
И былъ ли ты другимъ, когда носился
Изъ края въ край съ мечемъ ты и огнемъ,
Поднявши бичъ надъ всѣми племенами,
Ругаясь надъ уставами державъ?

Когда, по бѣдственному праву силы,
Ты попиралъ, что̀ люди почитали,
Чтобъ увеличить твоего Султана
Могущество? — Тогда была пора
Сломить твою неистовую волю,
Тебя обуздывать; — но императоръ
Не сѣтовалъ на то, въ чемъ пользу видѣлъ
И выгоду себѣ, и допускалъ
Онъ молча зло. Что̀ было справедливо,
Когда въ угоду дѣлалось ему,
То грѣхъ ли будетъ, если повторится
Ему во вредъ теперь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Не приходила
Мнѣ эта мысль. Оно и вправду такъ;
Моей рукой онъ совершалъ дѣянья
Внѣ всякаго закона и порядка;
И титулъ мой наградой былъ услугъ,
Которымъ міръ дастъ имя преступленій.

ГРАФИНЯ.

Признайся же, что дѣло между вами
Не о правахъ и вѣрности идетъ,
А объ удобствѣ только, и о силѣ.
Тому, что̀ жизнь тебѣ должна осталась,
Теперь ты можешь подвести итогъ;
Аспекты надъ тобой побѣдоносны,
Пророчатъ счастіе тебѣ планеты,
Съ высотъ небесъ глася: — Приспѣло время! —
Вотще ли ты весь вѣкъ свой измѣрялъ
Теченье звѣздъ? Вотще ли ты квадрантомъ
И циркулемъ владѣлъ? Изобразилъ ли
Небесный шаръ и знаки зодіака
На этой ты стѣнѣ, вокругъ себя
Поставилъ ли, въ таинственномъ подобьи,
Ты семерыхъ властителей судьбы,
Чтобъ сдѣлать ихъ пустою лишь игрушкой?
Неужели ни къ чему ведетъ твой трудъ
И этотъ весь снарядъ? Твоя наука
Ничтожна ли, что самъ въ нее теперь
Не вѣришь ты, что въ этотъ часъ рѣшенья
Весь смыслъ ея безвластенъ надъ тобой?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ, — въ продолженіи послѣдней рѣчи графини ходитъ по покою въ сильномъ волненіи, вдругъ останавливается, и прерываетъ графиню.

Зовите Врангеля; и сей же часъ
Чтобъ три гонца сѣдлали.

ИЛЛО.

Слава Богу! —

Поспѣшно уходитъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

— Его и мой недобрый это геній!
Ему онъ казнь готовитъ чрезъ меня,
Свершителя его корыстныхъ видовъ;
И мщенія, быть можетъ, тяжкій мечъ
И для моей уже груди наточенъ.
Кто зубы змѣя сѣетъ, тотъ о доброй
Не думай жатвѣ. Каждая вина
Невидимую мстительницу носитъ
Уже въ себѣ, — зловѣщую мечту.
— Мнѣ вѣрить онъ уже не можетъ; къ долгу
Тогда и я вернуться не могу.
Да будетъ такъ! — Нельзя сужденій рока
Избѣгнуть человѣку; сердце въ немъ
Ихъ ревностный, могучій исполнитель!

Къ Терцкому.

Мнѣ шведа приведи въ мой кабинетъ;
Гонцовъ я самъ отправлю. — Да позвать
Октавіо ко мнѣ.

Къ графинѣ, которая приняла видъ радостнаго торжества.

Не торжествуй!
Одарена судьба ревнивой властью;
Кто будущему радуется счастью,
Ее гнѣвитъ. — Мы ей вручаемъ сѣмя, —
Добра иль бѣдъ, — то обнаружитъ время.

Между тѣмъ какъ онъ уходитъ, занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Въ Пильзенѣ.

Комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ, ОКТАВІО ПИККОЛОМИНИ. Вскорѣ потомъ МАКСЪ ПИККОЛОМИНИ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Мнѣ пишетъ онъ изъ Линца, что лежитъ
Онъ боленъ тамъ; но вѣрное извѣстье
Я получилъ, что графъ Галласъ его
Скрываетъ въ Фрауенбергѣ у себя.
Схвати обоихъ и пришли сюда.
Начальство надъ испанскими полками
Прими, въ путь снаряжайся безпрестанно,
И никогда не будь готовъ; и если
Тебя къ походу станутъ понуждать
Противъ меня, то говори: иду!
А самъ ни съ мѣста. Знаю, что тебѣ
Услугу окажу я, въ сторонѣ
Тебя оставивъ — ты наружный видъ,
Пока возможно, любишь соблюдать,
И до шаговъ ты крайнихъ не охотникъ;
Такъ для тебя я выбралъ эту роль;
Своимъ бездѣйствіемъ ты будешь мнѣ
Всего полезнѣй. Если-жъ я межъ тѣмъ
Верхъ одержу, свое ты знаешь дѣло.
Ступай, ступай. — Отправиться ты долженъ
Сегодня-жъ въ ночь. Возьми моихъ коней.

МАКСЪ ПИККОЛОМИНИ входитъ.

Максъ остается здѣсь. Прощаться долго
Вамъ не къ чему. Мы скоро всѣ, надѣюсь,
Вновь радостно увидимся.

ОКТАВІО — сыну.

Съ тобой
Еще поговорю я.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ, МАКСЪ.

МАКСЪ — подходя къ Валленштейну.

Генералъ! —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я болѣе не генералъ твой, если
Ты служишь императору.

МАКСЪ.

Такъ войско
Оставить хочешь ты?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я отказался
Отъ службы царской.

МАКСЪ.

И покинуть хочешь
Свое ты войско?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Крѣпче я, напротивъ,
Его къ себѣ надѣюсь привязать. —

Садится.

Да, Максъ. — Тебѣ я не хотѣлъ открыться,
Покуда дѣйствій часъ не наступилъ.
Въ дни юности легко понять, что̀ право;
И любо надъ несложною задачей
Испытывать сужденіе свое.
Но гдѣ изъ двухъ извѣстныхъ, явныхъ золъ
Пришлось избрать одно, гдѣ, въ тяжкомъ спорѣ
Обязанностей, сохранить нельзя

Всецѣлость совѣсти, — тамъ счастливъ тотъ,
Кому нѣтъ выбора; благодѣяньемъ
Становится тогда необходимость.
— Она явилась. — Не гляди назадъ,
Тебѣ нѣтъ пользы въ томъ. Гляди впередъ!
Не разсуждай! Будь дѣйствовать готовъ!—
Дворъ погубить меня намѣренъ; я же
Его хочу предупредить. Въ союзъ
Со шведами мы вступимъ. Эти люди
Хорошіе, и вѣрные друзья. —
— Ты удивленъ. — Не отвѣчай теперь.
Опомниться тебѣ даю я время. —

Встаетъ и отходитъ въ глубину сцены. Максъ долгое время стоитъ неподвижно, погруженный въ горесть. При первомъ его движеніи, Валленштейнъ возвращается къ нему.

МАКСЪ.

Ты нынѣ, герцогъ, дѣлаешь меня
Самостоятельнымъ. Своей дороги
Мнѣ выбирать досель не нужно было.
Вслѣдъ за тобой я безусловно шелъ;
Взглядъ на тебя давалъ мнѣ убѣжденье,
Что путь мой правъ. Обязанъ я впервые
Теперь прибѣгнуть къ самому себѣ,
И къ выбору меня ты принуждаешь
Между тобой и совѣстью моей.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Лелѣяла судьба тебя доселѣ,
Играя могъ обязанность свою
Ты исполнять, свободно предаваться
Всегда благимъ стремленіямъ своимъ
И дѣйствовать нераздѣленнымъ сердцемъ.
Такъ дольше быть не можетъ, путь двоится,
Долгъ споритъ съ долгомъ; надо государя
Тебѣ держаться твоего, иль друга,
Когда война межъ ними началась.

МАКСЪ.

Война ли это? — Нѣтъ! Война ужасна,
Какъ Божій бичъ, но также какъ и онъ,

Небесное она опредѣленье.
Въ войнѣ ли честной будешь угрожать
Ты императору его же войскомъ?
О Боже мой! Какая перемѣна!
Мнѣ-ль такъ съ тобою говорить? Съ тобою,
Который, какъ полярная звѣзда,
Жизнь озарялъ лучемъ мнѣ путеводнымъ?
О, какъ мнѣ сердце разрываешь ты!
Ото всего, что съ нимъ срослось издавна,
Отъ моего къ тебѣ благоговѣнья,
Отъ послушанья навыка святого,
Насильственно отречься долженъ я! —
Нѣтъ, не гляди ты на меня! Мнѣ это
Лице всегда божественнымъ казалось;
Власть надо мной оно свою не можетъ
Утратить вдругъ: мое осталось чувство
Въ твоихъ цѣпяхъ, хоть, обливаясь кровью,
Моя душа съ себя ихъ сорвала! —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Максъ! Выслушай меня.

МАКСЪ.

Не совершай,
Не совершай ты зла! На благородныхъ
Твоихъ чертахъ нѣтъ признака его:
Лишь твоего оно воображенья
Коснулося. Невинность удалиться
Не хочетъ съ величаваго чела. —
Сотри ты съ сердца черное пятно!
Пусть это злымъ лишь будетъ сномъ, намекомъ
Для праведныхъ о близости грѣха.
Такія есть минуты, но надъ ними
Добра понятье верхъ беретъ въ душѣ.
Нѣтъ! ты не кончишь *такъ!* Возвелъ бы этимъ
Ты клевету на все, что на землѣ
Одарено и волею и силой;
Ты оправдалъ бы мнѣніе толпы,
Которая не вѣритъ въ благородство
Свободнаго вполнѣ, и безопасность
Въ одномъ безсильи думаетъ найти.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Меня осудитъ строго міръ, — я знаю.
Что̀ можешь ты сказать, я уже самъ
Себѣ сказалъ. — И кто же радъ бы не былъ
Не доходить до крайности? — Но здѣсь
Нѣтъ выбора, употребить я долженъ
Насиліе, иль претерпѣть его:
Возможности другой не остается.

МАКСЪ.

Пусть будетъ такъ! Начальство удержи
Ты силой, императору противься;
Коль иначе нельзя, взбунтуй ты войско;
Не похвалю я этого поступка,
Но извиню его; я въ томъ рѣшусь
Участвовать, чего не одобряю.
Но лишь измѣнникомъ не будь ты! — Слово
Я вымолвилъ, — *измѣнникомъ* не будь!
Не прегрѣшенье это, не ошибка,
Въ которую впадать отвага можетъ,
Въ избыткѣ силъ. — Нѣтъ! здѣсь другое дѣло; —
Оно черно — оно черно какъ адъ! —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — съ мрачнымъ лицомъ, но сдерживая гнѣвъ.

Поспѣшно юность произноситъ слово,
Которымъ должно бережно владѣть,
Какъ лезвеемъ ножа; она горячей
Своей оцѣниваетъ головою
Дѣла, которыхъ мѣра въ нихъ самихъ;
Постыдными иль честными ихъ съ разу,
Достойными иль злыми называетъ;
И что̀ воображеніе ея
Въ неясныя слова вмѣщаетъ эти,
То переноситъ на людей она. —
Широкъ міръ внутренній, и тѣсенъ внѣшній:
Живутъ мечты свободно межъ собой,
На дѣлѣ-жъ, вещь вездѣ помѣха вещи;
Тутъ завладѣть чужимъ лишь можно мѣстомъ,
Иль вытѣсняй, иль вытѣснятъ тебя;
Тутъ вѣчный споръ, и верхъ беретъ въ немъ сила.
Да, кто свой путь проходитъ безъ желаній,

Кто позабыть о всякой цѣли могъ,
Тотъ съ саламандрами въ огнѣ витаетъ,
Въ стихіи чистой остается чистъ.
Грубѣе вещество моей природы,
Желаніемъ прикованъ я къ землѣ;
Земля есть достоянье злого духа,
А не благого. — Намъ дары шлетъ небо
Всеобщіе, насъ радуетъ ихъ блескъ,
Но не обогащаетъ насъ; стяжаній
Въ ихъ области для человѣка нѣтъ.
А золото, иль камень драгоцѣнный
Выманивать должно у силъ коварныхъ,
Зломышленныхъ, живущихъ въ темнотѣ. —
Нельзя безъ жертвъ снискать ихъ благосклонность,
Изъ службы ихъ еще никто на свѣтѣ
Не вынесъ душу чистую вполнѣ. —

МАКСЪ.

Страшись, страшись ты этихъ силъ лукавыхъ!
Онѣ не держатъ слова; лживо къ безднѣ
Онѣ влекутъ тебя; не вѣрь ты имъ!
Тебя остерегаю я! Вернуться
Рѣшися къ долгу своему. Ты можешь!
Пошли меня къ двору, дай примирить
Мнѣ императора съ тобою. Да!
Тебя я знаю, онъ тебя не знаетъ;
Моими на тебя глядѣть глазами
Я научу его и привезу
Тебѣ назадъ его довѣрье.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Поздно!
Не знаешь ты что уже свершено.

МАКСЪ.

И если поздно, если отъ паденья
Лишь преступленьемъ можешь ты спастись, —
Пади! Пади такъ честно, какъ стоялъ. —
Сдай власть свою! Ты съ поприща со славой
Сойдешь, сойди-жъ съ него и безъ вины.
Ты для другихъ жилъ долго, поживи же

И для себя. Я удалюсь съ тобой,
Твоя судьба моею будетъ! —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Поздно!
Пока слова здѣсь тратишь ты, несутся
Мои гонцы, отправленные въ Прагу
И въ Эгру съ приказаніемъ моимъ.
— Такъ покорись судьбѣ. Мы то свершаемъ,
Къ чему принуждены. Стопою твердой
Приступимъ же съ достоинствомъ мы къ дѣлу
Необходимому. — И чѣмъ виновнѣй
Я Цезаря, чьимъ именемъ и нынѣ
Великое зовется на землѣ?
Повелъ онъ противъ Рима легіоны,
Которые, для сохраненья края,
Ему далъ Римъ. Когда бъ онъ бросилъ мечъ,
Погибъ бы онъ, какъ нынѣ, безоружный,
Погибъ бы я. — Его отчасти духомъ
Я одаренъ. Дай счастье мнѣ его;
Взять на себя готовъ я остальное.

Максъ, стоявшій до этого времени въ сильной борьбѣ чувствъ, поспѣшно уходитъ. Валленштейнъ глядитъ ему вслѣдъ съ изумленіемъ, и впадаетъ въ глубокую задумчивость.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ, ТЕРЦКІЙ; потомъ ИЛЛО.

ТЕРЦКІЙ.

Максъ Пикколомини былъ здѣсь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Гдѣ Врангель?

ТЕРЦКІЙ.

Уѣхалъ онъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Такъ скоро?

ТЕРЦКІЙ.

Онъ исчезъ,
Какъ поглощенъ землей. Чуть только вышелъ
Онъ отъ тебя, пошелъ за нимъ я слѣдомъ.
Поговорить мнѣ нужно было съ нимъ.
Но онъ ужъ сгинулъ, и никто не вѣдалъ
Куда и какъ. — Не былъ ли это дьяволъ?
Такъ вдругъ пропасть не можетъ человѣкъ.

ИЛЛО — входя, Валленштейну.

Ужели правда, что куда-то шлешь ты
Октавіо?

ТЕРЦКІЙ.

Октавьо?! Что за мысль!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Онъ ѣдетъ въ Фрауенбергъ, принять начальство
Надъ итальянской и испанской ратью.

ТЕРЦКІЙ.

Избави Богъ отъ этого тебя!

ИЛЛО.

Коварному ты ввѣрить хочешь войско?
Его теперь изъ глазъ ты выпускаешь,
Въ мигъ, отъ котораго зависитъ все?

ТЕРЦКІЙ.

Не дѣлай этого, всѣмъ что̀ священно
Я умоляю!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Странные вы люди!

ИЛЛО.

Хоть этотъ разъ прими ты нашъ совѣтъ,
Не отпускай его!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И почему же
Ему я нынѣ довѣрять не долженъ,
Коль довѣрялъ всегда? — Мнѣ есть ли поводъ
О немъ вдругъ хуже думать? Я, въ угоду
Причудамъ вашимъ, измѣню-ль свое
На опытѣ основанное мнѣнье?
Вѣдь я не женщина. Доселѣ вѣрилъ,
Такъ вѣрить буду и теперь ему.

ТЕРЦКІЙ.

Не именно его-жъ отправить надо.
Пошли другого.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Именно его.
Ему я должность ту избралъ, къ которой
Способенъ онъ.

ИЛЛО.

Способенъ, — потому
Что итальянецъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Знаю, что къ обоимъ
Несклонны были вы всегда;
За то, что ихъ люблю я, уважаю,
Вамъ и другимъ предпочитаю явно,
По справедливости, вы имъ враги.
Какое дѣло мнѣ до вашей злобы,
И зависти? Своею вы враждою
Достоинство не уменьшите ихъ.
Другъ друга ненавидьте, иль любите,
Какъ вамъ угодно. Мнѣнія и чувства
Я каждаго въ покоѣ оставляю,
И каждаго умѣю оцѣнить.

ИЛЛО.

Онъ не уѣдетъ! У его повозки
Колеса прежде я разбить велю!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Опомнись, Илло!

ТЕРЦКІЙ.

Съ нимъ и Квестенбергеръ,
Пока былъ здѣсь, все велъ вдвоемъ бесѣды.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я зналъ о томъ, и это дозволялъ.

ТЕРЦКІЙ.

И что Галласъ къ нему гонцовъ шлетъ тайныхъ,
Извѣстно тоже мнѣ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Не правда это!

ИЛЛО.

Ты слѣпъ съ твоими зоркими глазами!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Не поколеблешь вѣры ты моей,
Основанной на знаніи глубокомъ.
— Коль *онъ* мнѣ лжетъ, то лгутъ и всѣ планеты;
Судьбой мнѣ данъ залогъ, что онъ мой лучшій,
Вѣрнѣйшій другъ.

ИЛЛО.

И что залогъ не ложенъ,
Въ томъ также-ль ты залогомъ убѣжденъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Минуты есть средь жизни человѣка,
Въ которыя онъ ближе къ безначальной
Душѣ вселенной, и судьбѣ вопросъ
Имѣетъ право сдѣлать ненапрасный.
Въ мгновеніе подобное, въ ночи,
Предшествовавшей Люценскому бою,

Я, прислоняся къ дереву, въ равнину
Задумчиво глядѣлъ. Въ объемѣ стана
Огни горѣли тускло сквозь туманъ,
Глухой оружья гулъ, иль стражи окликъ
Лишь прерывалъ порою тишину.
Предъ взоромъ умственнымъ моимъ былая
И будущая жизнь моя носилась,
И вѣщая душа, съ судьбою утра
Грядущаго, всю связывала участь
Моихъ грядущихъ, отдаленныхъ лѣтъ.
И я себѣ сказалъ: — Ты управляешь
Здѣсь столькими! Вслѣдъ за твоей звѣздою
Они идутъ, и на твою главу,
Какъ на большого выигрыша нумеръ,
Все, что они имѣютъ, ставятъ смѣло.
Въ ладью вступили счастья твоего
Они съ тобой. Но ихъ размечетъ случай
Когда нибудь, и не покинутъ только
Немногіе тебя. Я знать хотѣлъ бы,
Кто̀ въ этомъ станѣ мой вѣрнѣйшій другъ?
— Судьба! Означь его ты мнѣ. Узна̀ю
Его я въ *томъ*, кто, по восходѣ солнца,
Мнѣ прежде всѣхъ дастъ знакъ своей любви.
И съ этимъ помышленьемъ я заснулъ.
И сонъ унесъ меня въ тревогу боя.
Былъ натискъ лютъ. Съ убитымъ подо мною
Конемъ упалъ я въ прахъ, и чрезъ меня
Неслись, безпечно, всадники и кони,
И я, въ предсмертной мукѣ задыхаясь,
Подъ острыми подковами лежалъ.
И вдругъ, рукой спасительною, кто-то
Схватилъ меня: — мой избавитель былъ
Октавіо. Проснулся я, — свѣтало, —
И предо мной Октавіо стоялъ.
«Другъ, мнѣ сказалъ онъ, не садись сегодня
На своего обычнаго коня;
Возьми другого, выбраннаго мною.
Ты это сдѣлай изъ любви ко мнѣ; —
Зловѣщимъ я встревоженъ сновидѣньемъ».
— И этотъ добрый конь меня унесъ
Отъ гнавшихся за мной драгуновъ шведскихъ.
Взялъ моего мой родственникъ въ тотъ день, —
И конь и всадникъ безъ вѣсти пропали.

ИЛЛО.

Случайность!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Нѣтъ случайностей; что̀ въ мірѣ
Тѣмъ почитаютъ, то порождено
Источникомъ глубоко потаеннымъ.
Мнѣ доводъ вѣрный, несомнѣнный данъ,
Что онъ мой добрый геній. И теперь —
Ни слова болѣе. Идетъ.

ТЕРЦКІЙ.

Я тѣмъ утѣшенъ,
Что намъ залогомъ остается Максъ.

ИЛЛО.

И я его не выпущу живого.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — возвращаясь.

Вы оба не на женщинъ ли похожи,
Которыя все вновь свое твердятъ,
Что̀ ни толкуй, и какъ ни бейся съ ними.
— Дѣянія и помыслы людей
Не перекатъ слѣпой морского вала;
Міръ внутренній — вотъ, думъ ихъ и страстей
Всегдашнее, сокрытое начало;
Какъ древа плодъ, невольныя онѣ,
Случайнаго для нихъ нѣтъ измѣненья.
Кого узналъ природу я вполнѣ,
Того дѣла я знаю и хотѣнья. Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Покой въ жилищѣ Пикколомини.

ОКТАВІО ПИККОЛОМИНИ, въ дорожной одеждѣ. АДЪЮТАНТЪ.

ОКТАВІО.

Готовъ отрядъ?

АДЪЮТАНТЪ.

Онъ приказаній ждетъ.

ОКТАВІО.

Надежны-ль эти люди, адъютантъ?
Въ какомъ полку ихъ взяли?

АДЪЮТАНТЪ.

Въ Тифенбахскомъ.

ОКТАВІО.

Полкъ этотъ вѣренъ. Чтобъ они безъ шума
Дворъ задній заняли, и не казались
До времени, когда я позвоню.
Тогда замкнуть и сторожить ворота,
И всѣхъ, кого застанутъ, взять подъ стражу.

Адъютантъ уходитъ.

Безъ этого надѣюсь обойтись:
Въ своемъ разсчетѣ я вполнѣ увѣренъ;
Но рѣчь идетъ о службѣ государю,
И лишняя умѣстна осторожность.

ЯВЛЕНІЕ V.

ОКТАВІО ПИККОЛОМИНИ; ИЗОЛАНИ входитъ.

ИЗОЛАНИ — таинственно.

Являюсь, какъ мнѣ велѣно. — Кто̀ долженъ
Еще придти?

ОКТАВІО.

Мнѣ прежде надо съ вами
Здѣсь молвить слова два, графъ Изолани.

ИЗОЛАНИ — также.

Что̀? Къ дѣлу приступаемъ? Я готовъ;
Я преданъ вамъ. Меня вы испытайте.

ОКТАВІО.

То статься можетъ.

ИЗОЛАНИ.

Да, я не изъ тѣхъ,
Которые лишь храбры на словахъ,
И прочь бѣгутъ, когда дошло до дѣла.
Со мною герцогъ поступилъ какъ другъ,
Ей Богу такъ! Я всѣмъ ему обязанъ.
И положиться на мое онъ можетъ
Усердіе.

ОКТАВІО.

Окажется оно.

ИЗОЛАНИ.

Не всѣ такъ мыслятъ; будьте осторожны.
Здѣсь многіе на сторонѣ двора,
И говорятъ, что взятая обманомъ
Съ нихъ подпись, съ герцогомъ быть за-одно,
Не обязательна.

ОКТАВІО.

Чье-жъ это мнѣнье?
Нельзя-ль назвать?

ИЗОЛАНИ.

Да чортъ возьми, всѣ нѣмцы
Такъ разсуждаютъ, да и Деодатъ,
И Кауницъ самъ, и даже Эстергази
Твердятъ о послушаніи двору.

ОКТАВІО.

Я очень радъ.

ИЗОЛАНИ.

Вы рады?

ОКТАВІО.

Что надежныхъ
Еще друзей имѣетъ императоръ.

ИЗОЛАНИ.

Не смѣйтесь; это люди не плохіе.

ОКТАВІО.

Напротивъ. Не смѣюсь я, Богъ избави.
Я радъ душевно, что за честь и право
Такъ многіе стоятъ.

ИЗОЛАНИ.

Да какъ же это?...
Да развѣ вы!... Да я зачѣмъ же здѣсь?

ОКТАВІО.

Чтобъ объявить мнѣ коротко и ясно,
Вы другъ ли императору, иль врагъ.

ИЗОЛАНИ — гордо.

Я это объявить тому намѣренъ,
Кто спрашивать меня имѣетъ право.

ОКТАВІО — подавая ему бумагу.

Имѣю-ль это право я, иль нѣтъ,
Покажетъ вамъ бумага эта.

ИЗОЛАНИ.

Какъ?
Тутъ императора печать и подпись.
Читаетъ.
«Повелѣваемъ всѣмъ, безъ исключенья,
«Начальникамъ полковъ и офицерамъ
«Войскъ нашихъ императорскихъ, приказы
«Всѣ генерала Пикколомини
«Какъ наши собственные» — Гмъ! — Да! — Точно!
Я — я васъ поздравляю, генералъ.

ОКТАВІО.

Готовы-ль вы исполнить повелѣнье?

ИЗОЛАНИ.

Я — но такъ вдругъ нельзя же — вы, надѣюсь,
Дадите мнѣ хоть время.

ОКТАВІО.

Двѣ минуты.

ИЗОЛАНИ.

Но, Боже мой! Вѣдь дѣло —

ОКТАВІО.

Очень просто.
Хотите-ль государю своему
Вы измѣнить, иль вѣрнымъ быть слугою?

ИЗОЛАНИ.

Да кто же мыслитъ объ измѣнѣ?

ОКТАВІО.

Герцогъ.
Намѣренъ онъ къ врагамъ пристать съ войсками.
Скажите же: хотите ли присягѣ
Своей вы измѣнить? Продаться шведамъ?
Хотите?

ИЗОЛАНИ.

Я? Присягѣ измѣнить?
Да развѣ я сказалъ?... Когда же это
Сказалъ я?

ОКТАВІО.

Этого вы не сказали,
Хочу услышать, скажете-ль теперь.

ИЗОЛАНИ.

Вотъ видите: пріятенъ мнѣ вашъ отзывъ,
Что этого отнюдь не говорилъ я.

ОКТАВІО.

И такъ вы отлагаетесь вполнѣ
Отъ герцога?

ИЗОЛАНИ.

Коль измѣнить онъ хочетъ,
Измѣна связи разрываетъ всѣ.

ОКТАВІО.

И вы ему противиться готовы?

ИЗОЛАНИ.

Онъ дѣлалъ мнѣ добро, — но если онъ
Разбойникъ и злодѣй, такъ будь онъ проклятъ!
Похеренъ счетъ!

ОКТАВІО.

Я радъ, что мы сойтись
Могли добромъ. Вы тайно въ эту ночь
Со всею легкой выступите ратью;
Пусть думаютъ, что такъ велѣлъ самъ герцогъ.
Во Фрауенбергѣ сборный пунктъ. Галласъ
Дальнѣйшія тамъ дастъ вамъ приказанья.

ИЗОЛАНИ.

Исполню все. Но о моемъ усердьи
Не позабудьте же и доложить
Вы императору.

ОКТАВІО.

Не позабуду.

Изолани идетъ, входитъ слуга.

Полковникъ Буттлеръ? Хорошо.

ИЗОЛАНИ — возвращаясь.

И мнѣ
Вы грубыя слова мои простите.
Творецъ мой! Какъ же могъ я угадать
Съ какою важной говорю особой?

ОКТАВІО.

Оставимъ это!

ИЗОЛАНИ.

Я веселый малый;
Коль невзначай, за кружкою вина,
Противъ двора и вырвалося слово,
Безъ умысла, вы знаете, оно
Сказалося. Уходитъ.

ОКТАВІО — вслѣдъ ему.

Объ этомъ не заботьтесь.
— Съ нимъ удалось. Судьба! Пошли теперь
Такое же мнѣ счастье и съ другими.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ОКТАВІО ПИККОЛОМИНИ, БУТТЛЕРЪ.

БУТТЛЕРЪ.

Что̀ приказать угодно, генералъ?

ОКТАВІО.

Привѣтствую какъ друга васъ и гостя
Мнѣ дорогого.

БУТТЛЕРЪ.

Слишкомъ много чести.

ОКТАВІО — когда онъ и Буттлеръ сѣли.

Съ холодностью вчера вы отвѣчали
На дружелюбныя мои слова;
Сочли вы то учтивостью пустою,
Въ чемъ искреннее высказалось чувство.
Сойтися съ вами я желалъ. Теперь
Хорошіе должны сближаться люди,
И крѣпко съединиться межъ собой.

БУТТЛЕРЪ.

Единомышленные съединиться
Лишь могутъ такъ.

ОКТАВІО.

Однихъ и тѣхъ же мыслей
Всѣ люди честные. О человѣкѣ
Сужу я только по поступкамъ тѣмъ,
Въ которыхъ проявляется спокойно
Его природа. Недоразумѣній
Слѣпая сила можетъ совратить

И благороднѣйшихъ съ пути прямого. —
Вы были въ Фрауенбергѣ. Графъ Галласъ
Вамъ ничего не довѣрялъ? Скажите,—
Онъ другъ мой.

БУТТЛЕРЪ.

Онъ слова напрасно тратилъ.

ОКТАВІО.

Прискорбно слышать это. Былъ хорошъ
Его совѣтъ. И я бъ вамъ далъ такой же.

БУТТЛЕРЪ.

Отъ этого труда себя избавьте,
Меня-жъ отъ надобности непріятной
Васъ разувѣрить въ мнѣньи обо мнѣ.

ОКТАВІО.

Часъ каждый дорогъ, будемъ откровенны.
Вамъ все извѣстно. Герцогъ измѣнить
Намѣренъ; я вамъ болѣе скажу, —
Онъ уже измѣнилъ; союзъ съ врагами
Имъ заключенъ сегодня. Въ Прагу, въ Эгру,
Уже спѣшатъ его гонцы, и завтра
Перевести насъ къ шведамъ хочетъ онъ.
Но ошибется; осторожность наша
Не дремлетъ, есть друзья у государя
Надежные; силенъ союзъ ихъ тайный.
Вотъ манифестъ, который возлагаетъ
На герцога опалу, съ войскъ снимаетъ
Повиновенья долгъ, и всѣмъ велитъ
Соединиться подъ мое начальство.
И такъ хотите-ль въ правомъ дѣлѣ съ нами
Быть за одно, иль раздѣлить злодѣевъ
Злой жребій съ нимъ?

БУТТЛЕРЪ — вставая.

Его судьба—моя.

ОКТАВІО.

Послѣднее-ль рѣшенье это ваше?

БУТТЛЕРЪ.

Послѣднее.

ОКТАВІО.

Одумайтеся, Буттлеръ.
Въ грудь вѣрную упало ваше слово
Неосторожное, — возьмите вы
Его назадъ, путь лучшій изберите;
Недобрымъ вы намѣрены идти.

БУТТЛЕРЪ.

Что̀ вамъ еще угодно, генералъ?

ОКТАВІО.

Взгляните вы на сѣдину свою!
Одумайтесь!

БУТТЛЕРЪ.

Прощайте!

ОКТАВІО.

Мечъ свой честный
Въ такой войнѣ хотите-ль обнажить?
Въ гнѣвъ обратить хотите-ль государя
Признательность, которую снискали
Сорокалѣтней вѣрностью своей?

БУТТЛЕРЪ — смѣется горько.

Признательность — и отъ Австрійца!

ОКТАВІО — давъ ему дойти до дверей.

Буттлеръ!

БУТТЛЕРЪ.

Что̀ вамъ угодно?

ОКТАВІО.

Какъ то дѣло было,
Когда шла рѣчь о графѣ?

БУТТЛЕРЪ.

Рѣчь о графѣ?

ОКТАВІО.

Да, рѣчь о графскомъ титулѣ?

БУТТЛЕРЪ — вспыхнувъ.

Проклятье!

ОКТАВІО — спокойно.

Просили вы о немъ. Вамъ отказали.

БУТТЛЕРЪ.

Не дамъ вамъ насмѣхаться надо мною!
Обороняйтесь! шпагу вонъ!

ОКТАВІО.

Оставьте,
Скажите мнѣ, какъ было дѣло. Послѣ
Готовъ принять я вызовъ.

БУТТЛЕРЪ.

Пусть же знаютъ
О слабости, которой не прощаю
Я самъ себѣ. Да, я честолюбивъ.
Презрѣніе сносить мнѣ невозможно.
Съ досадой видѣлъ я, что званье, титулъ,
И знатность рода болѣе заслугъ
Цѣнились въ арміи, хотѣлъ не хуже
Товарищей я быть, и этотъ шагъ
Несчастная внушила мнѣ минута;
Я сдѣлалъ глупость, но столь тяжкой кары
Не заслужилъ. Могли мнѣ отказать,
За чѣмъ отказъ такъ пропитать презрѣньемъ?
Слугу испытаннаго, старика,
Уничтожать безжалостной насмѣшкой!
И низкій родъ его съ такой жестокой
Суровостью ему напомнить,
За то, что онъ, въ часъ слабости, забылся?
На то природою дано и гаду жало,
Когда, смѣясь, наступятъ на него —

ОКТАВІО.

Оклеветали васъ, то несомнѣнно.
Имѣете-ль понятье вы о томъ,
Кто могъ такъ повредить вамъ?

БУТТЛЕРЪ.

Кто бъ онъ ни былъ,
Злодѣй онъ подлый, негодяй придворный,
Испанецъ, рода древняго потомокъ
Какой нибудь, которому, быть можетъ,
Путь заслоняю я; завистникъ гнусный
Почета, мной добытаго себѣ!

ОКТАВІО.

Одобрилъ-ли намѣреніе ваше
Въ ту пору герцогъ?

БУТТЛЕРЪ.

Онъ его исполнить
Уговорилъ меня, съ усердьемъ друга
Самъ за меня старался.

ОКТАВІО.

Точно-ль въ этомъ
Вы убѣдились?

БУТТЛЕРЪ.

Я читалъ письмо.

ОКТАВІО — значительно.

Я также, — но не то я въ немъ нашелъ.

Буттлеръ глядитъ на него съ удивленіемъ.

Письмо случайно мнѣ попалось въ руки,
Удостовѣрьтесь сами.

Онъ даетъ Буттлеру письмо.

БУТТЛЕРЪ.

Какъ? — Что значитъ?...

ОКТАВІО.

Боюсь, полковникъ Буттлеръ, не игры-ль
Безсовѣстной вы жертвой были. Герцогъ,
Вы говорите, къ этому васъ шагу
Самъ понуждалъ. О васъ въ письмѣ онъ этомъ
Съ презрѣньемъ отзывается, министру
Совѣтуетъ высокомѣрье ваше,
Какъ говоритъ онъ, строго наказать.

Буттлеръ прочиталъ письмо, колѣни его дрожатъ, онъ хватается за стулъ и садится.

Никто васъ не преслѣдуетъ, не хочетъ
Вредить вамъ; нанесенной вамъ обиды
Виновникъ — герцогъ. Цѣль его ясна:
Васъ сдѣлать императора врагомъ
Хотѣлъ онъ, ждать того отъ вашей мести,
Что̀, при спокойномъ духѣ, вѣрность ваша
Извѣстная отвергла-бъ, негодуя.
Васъ къ исполненью замысловъ преступныхъ
Презрительно употребить хотѣлъ онъ,
Слѣпымъ орудьемъ. Удалось ему,
Съумѣлъ сманить онъ васъ съ пути прямого,
Которымъ сорокъ лѣтъ вы твердо шли.

БУТТЛЕРЪ — дрожащимъ голосомъ.

Отъ государя моего могу-ли
Прощенья чаять?

ОКТАВІО.

Больше чѣмъ прощенья.
Обиду, незаслуженную вами,
Загладить императоръ захотѣлъ;
Онъ утвердилъ за вами даръ, вамъ данный
Съ злой цѣлью герцогомъ. Отнынѣ полкъ,
Которымъ вы начальствуете, — вашъ.

Буттлеръ хочетъ встать, и падаетъ снова на стулъ. Онъ въ сильномъ волненіи, хочетъ говорить, и не можетъ. Наконецъ, онъ снимаетъ шпагу съ перевязи и подаетъ ее Пикколомини.

ОКТАВІО.

Зачѣмъ? Опомнитесь.

БУТТЛЕРЪ.

Возьмите!

ОКТАВІО.

Что̀ вы?
Опомнитесь, вы внѣ себя.

БУТТЛЕРЪ.

Возьмите!
Носить я эту шпагу недостоинъ.

ОКТАВІО.

Изъ рукъ моихъ ее примите вновь,
И ею съ честью правое вы дѣло
Впредь защищайте.

БУТТЛЕРЪ.

Измѣнить хотѣлъ я
Такому милосердому владыкѣ!

ОКТАВІО.

Загладьте грѣхъ свой. Съ герцогомъ разстаньтесь.

БУТТЛЕРЪ.

Разстаться съ нимъ!

ОКТАВІО.

Колеблетеся вы?

БУТТЛЕРЪ — съ ужаснымъ порывомъ ярости.

Разстаться только! — Онъ погибнуть долженъ!

ОКТАВІО.

Послѣдуйте за мною въ Фрауенбергъ:
Друзей двора Галласъ тамъ собираетъ;
Усовѣстить мнѣ удалося многихъ,
И въ нынѣшнюю ночь они уйдутъ
Изъ Пильзена.

БУТТЛЕРЪ — въ продолженіи послѣдней рѣчи Пикколомини, ходя взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи, подходитъ къ Октавіо съ рѣшимостью.

Графъ Пикколомини!

Тотъ говоритъ вамъ можетъ ли о чести,
Кто измѣнилъ?

ОКТАВІО.

Тотъ можетъ, кто такъ полонъ
Раскаянья.

БУТТЛЕРЪ.

Такъ здѣсь меня оставьте, —
На слово честное.

ОКТАВІО.

Съ какою цѣлью?

БУТТЛЕРЪ.

Съ полкомъ моимъ меня оставьте здѣсь.

ОКТАВІО.

Вамъ довѣрять могу я, но откройте
Мнѣ вашу мысль.

БУТТЛЕРЪ.

Ее откроетъ дѣло.
Не спрашивайте больше! Вѣрьте мнѣ!
Вы можете. Клянусь вамъ всѣмъ, что̀ свято,
Оставите его вы на рукахъ
Не ангела-хранителя! Прощайте!

Уходитъ.

СЛУГА — входитъ и подаетъ письмо.

Принесъ его какой-то незнакомецъ,
И тотчасъ удалился. У подъѣзда
Ужъ герцогскія лошади стоятъ.

Уходитъ.

ОКТАВІО — читаетъ.

«Скорѣе уѣзжайте. — Изолани».
О, еслибъ Пильзенъ ужъ лежалъ за мною!
Ужели намъ погибнуть суждено
Такъ близко пристани? Прочь, прочь отсюда!
Мнѣ здѣсь грозитъ опасность. Гдѣ-жъ мой сынъ?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Оба ПИККОЛОМИНИ.

МАКСЪ входитъ въ сильномъ душевномъ волненіи; взгляды его дики, походка невѣрна. Онъ не замѣчаетъ отца, который стоитъ въ отдаленіи и съ состраданіемъ на него смотритъ. Большими шагами онъ проходитъ черезъ комнату, останавливается, бросается на стулъ, и неподвижнымъ взоромъ смотритъ передъ собой.

ОКТАВІО — подходитъ къ нему.

Я ѣду, Максъ.

Не получивъ отвѣта, онъ беретъ его за руку.

Прости, мой другъ.

МАКСЪ.

Прости.

ОКТАВІО.

Не слѣдуешь за мной ты?

МАКСЪ — несмотря на него.

За тобою!
Нѣтъ, путь твой кривъ, не будетъ онъ моимъ.

Октавіо отступаетъ.

О, еслибъ ты всегда былъ прямодушенъ,
До этого бы не дошло, поступка
Ужаснаго не совершилъ бы онъ,
Не удалился-бъ отъ людей онъ честныхъ,
Не впалъ бы въ сѣть зломышленныхъ! Зачѣмъ
Такъ красться, такъ хитрить, такъ осторожно
Подглядывать, какъ воръ? Начало золъ,
Коварство жалкое! насъ погубило
Ты, бѣдоносное! Насъ всѣхъ спасла бы
Правдивость благодатная. Отецъ!
Нельзя мнѣ оправдать тебя, — нельзя.
Обманутъ былъ я герцогомъ, ужасно,
Безсовѣстно обманутъ — но и ты
Едва ли лучше поступилъ.

ОКТАВІО.

Прощаю
Твоей я скорби, сынъ.

МАКСЪ — встаетъ и смотритъ на отца подозрительно.

Отецъ! Отецъ!
Ужель быть можетъ, что его довелъ ты
Умышленно до этого поступка?
Паденіе его тебя возвыситъ.
Мнѣ не по нраву это —

ОКТАВІО.

Боже правый!

МАКСЪ.

Увы! моя природа измѣнилась!
Въ моей душѣ откуда подозрѣнье
Взялось? Довѣрчивость, надежда, вѣра,
Исчезли навсегда! Все было лживо
Предъ чѣмъ благоговѣлъ я. — Нѣтъ! не все!
Она осталась мнѣ; она безгрѣшна,
Правдива и чиста, какъ небеса.
Вездѣ обманъ, убійство, лицемѣрье,
Предательство и клятвопреступленье,
Во всей вселенной наше лишь любовь
Единое убѣжище святое.

ОКТАВІО.

Максъ, поѣзжай со мною, лучше будетъ.

МАКСЪ.

Какъ! не простившись съ ней? Въ послѣдній разъ
Съ ней не простившись? Нѣтъ!

ОКТАВІО.

Не подвергайся
Мученіямъ напраснымъ разставанья
Необходимаго. Поѣдемъ.

Хочетъ увести его.

МАКСЪ.

Нѣтъ!
Клянуся Богомъ!

ОКТАВІО — настоятельно.

Максъ! Я, твой отецъ,
Я требую, чтобъ ѣхалъ ты со мною.

МАКСЪ.

Поступка человѣческаго требуй.
Я остаюсь.

ОКТАВІО.

Максъ! Я повелѣваю
Во имя императора тебѣ!

МАКСЪ.

Нѣтъ кесаря — чтобъ сердцу предписать!
Ты у меня ужель похитить хочешь
Единое, что мнѣ, въ моемъ несчастьи,
Осталось, — состраданіе ея?
Жестокое я долженъ ли жестоко,
И неизбѣжное безчестно совершить?
Какъ недостойный, въ малодушномъ бѣгствѣ
Украдкою ее покинуть? Нѣтъ!
Она мое страданіе увидитъ,
Услышитъ вопль истерзанной души,
И слезы обо мнѣ прольетъ. О! люди
Жестоки, но она — небесный ангелъ.
Она спасетъ мой изступленный умъ
Отъ страшнаго отчаянья. Мученье
Мое смертельное она уйметъ
Сочувствія печальными словами.

ОКТАВІО.

Максъ! Отъ нея не оторвешься ты;
Пойдемъ, мой сынъ; спасись отъ искушенья.

МАКСЪ.

Не трать напрасныхъ словъ. Велѣнье сердца
Исполню я, ему могу я вѣрить.

ОКТАВІО — внѣ себя, дрожащимъ голосомъ.

Максъ! Максъ! Коль бѣдствіе меня постигнетъ,

Коль ты — страшусь подумать — ты, мой сынъ,
Измѣннику себя продашь, наложишь
На славный родъ отцовъ клеймо позора;
Тогда ужасное свершится дѣло,
И сына мечъ, въ безчеловѣчной битвѣ,
Прольетъ отца дымящуюся кровь!

МАКСЪ.

О, еслибъ ты о людяхъ лучше мыслилъ,
Ты лучше бы всегда и поступалъ.
О подозрительность, и ты, сомнѣнье!
Не знаете вы въ мірѣ ничего,
Что было бы неколебимо-твердо!
Гдѣ вѣры нѣтъ — все шатко и ничтожно.

ОКТАВІО.

Хоть и увѣренъ въ сердцѣ я твоемъ,
Но слѣдовать всегда ли будешь въ силахъ
Его ты чувствамъ?

МАКСЪ.

Верха не взялъ нынѣ
Надъ ними ты, — и герцогъ не возьметъ.

ОКТАВІО.

Максъ! Болѣе тебя я не увижу!

МАКСЪ.

Меня виновнымъ не увидишь ты.

ОКТАВІО.

Я ѣду въ Фрауенбергъ; а при тебѣ
Оставлю Паппенгеймовъ; Лотаринги,
Тосканцы, Тифенбахцы будутъ также
Твоимъ охраннымъ войскомъ. Вѣрны долгу
И преданны тебѣ они, и прежде
Сражаяся падутъ, чѣмъ отъ вождя
Отстанутъ и отъ чести.

МАКСЪ.

Будь спокоенъ.

Я здѣсь въ бою погибну, иль съ собою
Ихъ выведу изъ Пильзена.

ОКТАВІО.

Мой сынъ,
Прости.

МАКСЪ.

Прости.

ОКТАВІО.

Ужели такъ! Ни взгляда
Любви, ни дружеской руки пожатья?
Война кровавая, — успѣхъ невѣренъ!
Не такъ, бывало, разставались мы.
Ужели правда? Я лишился сына?

Максъ падаетъ въ его объятія. Они долго стоятъ, обнявшись молча, потомъ удаляются въ противоположныя стороны. Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Въ Пильзенѣ.

Комната у герцога Фридланда.

ЯВЛЕНІЕ I.

Графиня ТЕРЦКАЯ, ТЭКЛА, дѣвица НЕЙБРУННЪ. Двѣ послѣднія заняты женскимъ рукодѣльемъ

ГРАФИНЯ.

И ты меня не спрашиваешь, Тэкла,
Не спрашиваешь ни о чемъ? Я жду
Давно хоть слова. Можешь ли пробыть
Такъ долго ты, его не называя.
Иль больше вамъ я не нужна? Иные-ль

Ужъ есть пути? — Ты видѣла его?
Признайся мнѣ.

ТЭКЛА.

Его я не видала
Ни нынче, ни вчера.

ГРАФИНЯ.

И ничего
О немъ и не слыхала ты?

ТЭКЛА.

Ни слова.

ГРАФИНЯ.

И ты спокойна?

ТЭКЛА.

Я спокойна.

ГРАФИНЯ.

Нейбруннъ,
Оставьте насъ.

Дѣвица Нейбруннъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ГРАФИНЯ, ТЭКЛА.

ГРАФИНЯ.

Не нравится мнѣ это,
Что именно теперь такъ присмирѣлъ онъ.

ТЭКЛА.

Теперь?

ГРАФИНЯ.

Когда узналъ онъ обо всемъ.
Теперь бы надлежало объясниться.

ТЭКЛА.

Когда хотите, чтобъ васъ поняла я,
Вы говорить должны яснѣй.

ГРАФИНЯ.

Я съ этимъ
Намѣреньемъ ее и удалила.
Ты больше не ребенокъ, Тэкла. Сердцемъ
Созрѣла ты вполнѣ, когда ты любишь.
Любовь насъ учитъ смѣлости, ее
Ты доказала. Духомъ ты подобнѣй
Отцу, чѣмъ матери; чего она
Не въ силахъ перенесть, узнать ты можешь.

ТЭКЛА.

Прошу васъ, прекратите предисловья.
Чтобъ ни было, не можетъ быть страшнѣй
Оно мнѣ этого вступленья. Словомъ
Скажите, что̀ намѣрены сказать.

ГРАФИНЯ.

Не испугайся, какъ узнаешь.

ТЭКЛА.

Что̀?
Скажите.

ГРАФИНЯ.

Можешь оказать услугу
Ты важную отцу.

ТЭКЛА.

Услугу?

ГРАФИНЯ.

Любитъ
Максъ Пикколомини тебя. Навѣкъ
Его къ отцу ты можешь привязать.

ТЭКЛА.

Тутъ моего содѣйствія не нужно,
Ему онъ преданъ уже всей душой.

ГРАФИНЯ.

Былъ преданъ, да.

ТЭКЛА.

А почему жъ не нынѣ?

ГРАФИНЯ.

И къ императору привязанъ онъ.

ТЭКЛА.

Не болѣе чѣмъ долгъ велитъ и честь.

ГРАФИНЯ.

Теперь намъ нужны доказательства
Его любви, не чести. Честь и долгъ
Слова двусмысленныя. Пояснить ихъ
Ему должна ты. Пусть ему любовь
Велѣнье чести истолкуетъ.

ТЭКЛА.

Какъ?

ГРАФИНЯ.

Онъ долженъ императора покинуть,
Или тебя.

ТЭКЛА.

Онъ за моимъ отцомъ
Въ жизнь частную послѣдуетъ охотно.
Вы знаете, сложить съ себя оружье
Готовъ онъ.

ГРАФИНЯ.

Не сложить его съ себя,
А защищать имъ герцога онъ долженъ.

ТЭКЛА.

Какъ скоро нанесутъ отцу обиду,
Максъ за него всю кровь свою прольетъ.

ГРАФИНЯ.

Ты смысла словъ моихъ понять не хочешь,
Такъ слушай же: отецъ твой отложился
Отъ императора, и съ цѣлой ратью
Онъ перейти готовится къ врагамъ.

ТЭКЛА.

О, мать моя!

ГРАФИНЯ.

Примѣръ великій нуженъ,
Чтобы увлечь все войско; уважаетъ
Оно обоихъ Пикколомини;
Общественное мнѣніе за нихъ, и имъ
Послѣдовать готовы будутъ всѣ.
Коль сынъ за насъ, намъ и отецъ союзникъ.
Ты можешь, Тэкла, быть орудьемъ важнымъ
Теперь.

ТЭКЛА.

О, мать несчастная моя!
Не пережить ей этого удара!

ГРАФИНЯ.

Она нужды закону покорится.
Ее я знаю, ей, несмѣлой, страшно
Грядущее, но то, что̀ непреложно,
Что̀ ужъ сбылось, она смиренно сноситъ.

ТЭКЛА.

О, сердце вѣщее! Вотъ, вотъ она,
Холодная, желѣзная рука,
Свергающая въ прахъ мои надежды!
Я это знала; въ самую минуту,
Когда вступила я сюда, мнѣ чувство
Сказало тайное, что надо мною
Сіяетъ вредоносная звѣзда.

Но́ о своемъ ли помышлять мнѣ горѣ?
О мать моя!

ГРАФИНЯ.

Не трать напрасныхъ жалобъ,
Отцу ты дружбу Макса сохрани,
Себѣ его любовь. Тогда мы можемъ
Достигнуть всѣ желанной цѣли.

ТЭКЛА.

Цѣли?
Какой? — Я съ нимъ навѣкъ разлучена!
О нашихъ ужъ желаньяхъ нѣтъ и рѣчи.

ГРАФИНЯ.

Онъ отъ тебя не можетъ отказаться!

ТЭКЛА.

Несчастный!

ГРАФИНЯ.

Коль тебя онъ точно любитъ,
Рѣшится скоро онъ, повѣрь.

ТЭКЛА.

Рѣшится
Онъ скоро, да. — Увы! Тутъ есть ли выборъ?

ГРАФИНЯ.

Владѣй собою. Мать твоя идетъ.

ТЭКЛА.

Какъ встрѣтить мнѣ ее?

ГРАФИНЯ.

Владѣй собою.

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРЕЖНІЕ, ГЕРЦОГИНЯ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Сестра! кто былъ здѣсь? Говорила съ кѣмъ-то
Ты живо.

ГРАФИНЯ.

Не было здѣсь никого.

ГЕРЦОГИНЯ.

Меня пугаетъ все. Мнѣ каждый шорохъ
Сдается шагомъ вѣстника бѣды.
Ты знаешь ли сестра, что онъ рѣшилъ?
Исполнитъ-ли онъ волю государя?
Пошлетъ-ли конные полки инфанту?
Онъ Квестенберга отпустилъ-ли съ добрымъ
Отвѣтомъ?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Тогда всему конецъ!
Предвижу все, начальства надъ войсками
Его лишатъ; вновь будетъ то, что было
Съ нимъ въ Регенсбургѣ.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ; того не будетъ,
На этотъ разъ не будетъ. Не страшись.

Тэкла, сильно взволнованная, бросается со слезами въ объятія матери.

ГЕРЦОГИНЯ.

О, непреклонный этотъ человѣкъ!
Чего не вынесла, не претерпѣла
Въ супружествѣ я этомъ злополучномъ?
Какъ словно къ огненному колесу
Прикованная, быстро и быстрѣй —
Имъ увлеченная съ ужасной силой,

Я жизнью съ нимъ мучительной жила.
Безъ устали, надъ скользкимъ краемъ бездны,
Меня онъ мчалъ неистово съ собой.
Не плачь, мое дитя. Такихъ страданій
Быть жертвою не опасайся ты.
Нѣтъ Фридланда другого. Ты не можешь
Имѣть удѣлъ подобный моему.

ТЭКЛА.

Уйдемъ отсюда, мать! Скорѣй! Скорѣй!
Нельзя намъ здѣсь остаться. Съ каждымъ часомъ
Здѣсь новое страшилище грозитъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Твоя судьба спокойнѣй будетъ. Знали
И мы дни счастья, твой отецъ и я;
Года я первые съ отрадой помню:
Шелъ съ радостнымъ еще тогда онъ рвеньемъ
Дорогой жизни. Честолюбье было
Въ немъ грѣющій огонь, не пламень жадный,
Какъ нынѣ; довѣрялъ ему въ то время,
Любилъ его какъ друга императоръ;
И всѣ его труды и предпріятья
Вѣнчалъ успѣхъ. Но съ бѣдственнаго дня,
Который въ Регенсбургѣ съ верха власти
Его низвергнулъ, — овладѣлъ угрюмо
Имъ подозрительный, тревожный духъ.
Лишась покоя, своему онъ счастью
И собственнымъ недовѣряя силамъ,
Наукѣ темной предался, въ которой
Еще никто отрады не нашелъ.

ГРАФИНЯ.

Такъ судишь съ точки зрѣнья ты своей.
Но къ стати ли теперь такія рѣчи,
Когда мы ждемъ его. Придетъ онъ скоро.
Въ такомъ ли состояніи онъ долженъ
Найти *ее?*

ГЕРЦОГИНЯ.

Отри свои ты слезы,

Встрѣчай отца съ лицомъ веселымъ, Тэкла.
Смотри, здѣсь лента развязалась. Надо
Поправить волосы. Отри глаза,
Слезами ихъ не омрачай. Хотѣла
Сказать я — да. Максъ Пикколомини
Достойный, благородный человѣкъ.

ГРАФИНЯ.

Конечно.

ТЭКЛА — графинѣ съ боязнью.

Я иду. Вы извините...

Хочетъ идти.

ГРАФИНЯ.

Отецъ твой тотчасъ же войдетъ. Куда ты?

ТЭКЛА.

Его теперь я встрѣтить не могу.

ГРАФИНЯ.

Но онъ твое отсутствіе замѣтитъ.

ГЕРЦОГИНЯ — графинѣ.

Зачѣмъ идетъ она?

ТЭКЛА.

Мнѣ невозможно
Съ нимъ быть теперь.

ГРАФИНЯ — герцогинѣ.

Она больна.

ГЕРЦОГИНЯ — заботливо.

Что съ нею?

Онѣ идутъ за Тэклой и стараются удержать ее. ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ входитъ, разговаривая съ ИЛЛО.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ, ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ и ИЛЛО.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Еще спокойно въ станѣ?

ИЛЛО.

Все спокойно.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Мы можемъ черезъ нѣсколько часовъ
Извѣстье получить, что Прага наша;
Тогда, снявъ маску, знать дадимъ полкамъ
О предпріятьи и его успѣхѣ.
Вся сила тутъ въ примѣрѣ; человѣкъ —
Тварь подражающая, и по слѣду
Того, кто впереди, идетъ все стадо. —
Отрядъ, стоящій въ Прагѣ, въ томъ увѣренъ,
Что въ Пильзенѣ мнѣ присягнула рать,
А въ Пильзенѣ мнѣ присягнетъ она,
Узнавъ о данномъ ей примѣрѣ въ Прагѣ.
Ты говоришь и Буттлеръ быть за насъ
Уже рѣшился?

ИЛЛО.

Нынче добровольно
Мнѣ предложилъ себя онъ, и свой полкъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Не каждому, какъ вижу я, внушенью
Мы внутреннему довѣрять должны.
Порой духъ лжи коварно голосъ правды
Заимствуетъ, и съ цѣлью злобной шепчетъ
Пророчества обманчивыя намъ.
Такъ виновать и противъ старика
Достойнаго я этого. Мнѣ чувство
Непобѣдимое, — назвать боязнью
Я не хотѣлъ бы ощущенье это, —
Въ присутствіи его стѣсняетъ грудь,

И дружескимъ препятствуетъ влеченьямъ;
И онъ, кому не довѣряетъ сердце,
Онъ счастья первый мнѣ даетъ залогъ.

ИЛЛО.

И люди лучшіе его примѣру
Послѣдуютъ, повѣрь.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Иди, пришли же
Сюда мнѣ Изолани. Одолжилъ
Его недавно я; съ него начну.

Илло уходитъ. Между тѣмъ герцогиня съ графиней и Тэклой приблизились.

Мать съ дочерью! Такъ отдохнемъ отъ дѣлъ.
Желалъ я провести въ кругу семейномъ
Отрадный часъ.

ГРАФИНЯ.

Давно всѣ вмѣстѣ такъ
Мы не были.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — тихо графинѣ.

Могу ли ей открыться?
Успѣла ли ее ты приготовить? —

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — Тэклѣ.

Подойди ко мнѣ, мое дитя,
Сядь здѣсь со мною. На твоихъ устахъ
Благая сила. Мнѣ твое искусство
Хвалила мать. Въ груди твоей живетъ
Чарующая власть напѣвовъ стройныхъ.
Мнѣ сладкіе теперь потребны звуки,
Отгонятъ злого демона они,
Который мрачныя раскинулъ крылья
Надъ головой моей.

ГЕРЦОГИНЯ.

Гдѣ цитра, Тэкла?
Спой, докажи отцу свое искусство.

ТЭКЛА.

Мать! Боже мой!

ГЕРЦОГИНЯ.

Порадуй же отца.

ТЭКЛА.

Я не могу — нѣтъ силъ.

ГРАФИНЯ.

Что̀ это значитъ?
Ка́къ, Тэкла?

ТЭКЛА — графинѣ.

Пощадите! — Пѣть. — Теперь! —
Съ душой истерзанной! — Пѣть передъ тѣмъ,
Который мать мою въ могилу сводитъ!

ГЕРЦОГИНЯ.

Что̀ за упрямство, Тэкла? Твой отецъ
Напрасно-ль изъявилъ свое желанье?

ГРАФИНЯ.

Вотъ цитра.

ТЭКЛА.

Боже мой! — Я пѣть могу ли?

Она беретъ цитру дрожащей рукой, душа ея въ сильномъ волненіи. Она хочетъ запѣть, и вдругъ содрагается, бросаетъ цитру на-земь быстро уходитъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Дитя мое! — Она больна!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что̀ съ нею?
Всегда-ль она бываетъ такова?

ГРАФИНЯ.

Когда своей она не скрыла тайны,
То не къ чему и мнѣ молчать.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ?

ГРАФИНЯ.

Любитъ
Она его.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Его? Кого же?

ГРАФИНЯ.

Любитъ
Младого Пикколомини она. —
Ужель ты не замѣтилъ? Да и ты
Сестра?

ГЕРЦОГИНЯ.

О, это-ль тяготитъ ей душу?
Благословенье Божье надъ тобою,
Мое дитя, ты выбора такого
Стыдиться не должна.

ГЕРЦОГИНЯ.

Поѣздка съ нимъ —
Коль не имѣлъ ты видовъ, самого
Себя вини; назначить должно было
Не этого ей спутника.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Онъ знаетъ?

ГРАФИНЯ.

Надѣется ея быть мужемъ онъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ей мужемъ? Юноша съ-ума сошелъ!

ГРАФИНЯ.

Такъ самъ ей и скажи свое рѣшенье.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Дочь герцога Фридланда вздумалъ взять! —
Мнѣ это нравится; я вижу, ставитъ
Себѣ онъ цѣль не низкую.

ГРАФИНЯ.

Къ нему
Ты такъ всегда благоволишь, что нынѣ...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Быть и моимъ наслѣдникомъ онъ хочетъ. —
Да, я его люблю, цѣню высоко;
Но тутъ съ рукою дочери моей
Какая жъ связь? Родители даютъ ли
Въ знакъ милости единственную дочь?

ГЕРЦОГИНЯ.

Онъ благородствомъ мыслей —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Заслужилъ
Мою привязанность — не дочь мою.

ГЕРЦОГИНЯ.

Высокій родъ его, и предки —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Предки? —
Онъ подданный; а Тэклѣ жениха
Намѣренъ я искать средь вѣнценосцевъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

О, мой супругъ! Не будемъ мы стараться
Возвыситься чрезмѣрно, чтобъ не пасть
Тѣмъ бѣдственнѣй.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Съ такимъ трудомъ, за тѣмъ ли

Вознесся я надъ прочими людьми,
Чтобъ жизни всѣ великія стремленья
Обыкновеннымъ заключить родствомъ?
За тѣмъ ли я —

Опомнившись, вдругъ останавливается.

Ее одну оставлю
Я по себѣ на свѣтѣ, — я хочу
На головѣ ея корону видѣть,
Или не жить мнѣ! — Какъ? На все, на все
Дерзаю я, чтобы ее возвысить,
Да, въ самый этотъ часъ —

Опять опомнился.

И соглашусь
Я нынѣ, какъ отецъ мягкосердечный,
Въ простомъ быту, дочь выдать за того,
Кто полюбился ей? ее такъ выдать
Теперь, когда готовъ я увѣнчать
Свое почти оконченное дѣло?
Нѣтъ! мной давно она хранимый кладъ,
Послѣдняя монета дорогая
Моей казны, — не иначе намѣренъ
Ее отдать я, какъ за царскій скиптръ.

ГЕРЦОГИНЯ.

О, мой супругъ! Вы безпрестанно выше
И выше строите, о томъ не мысля,
Что ваше зданье устоять не можетъ
На шаткомъ основаніи своемъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — графинѣ.

Сказала ль ты, гдѣ мѣстопребыванье
Ей выбралъ я?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ. — Объяви ей самъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Какъ? Мы въ Каринтію не возвратимся?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Нѣтъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

И въ имѣнья ваши мы не ѣдемъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Грозила-бъ вамъ опасность тамъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Опасность
Въ землѣ австрійской, тамъ, гдѣ защищать
Насъ будетъ кесарь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Нѣтъ! моей женѣ
Отъ кесаря ждать нечего защиты.

ГЕРЦОГИНЯ.

О Боже мой! Вотъ до чего дошло!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Въ Голландіи защиту вы найдете.

ГЕРЦОГИНЯ.

У лютеранъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вамъ провожатый — герцогъ
Францъ Лауенбургскій.

ГЕРЦОГИНЯ.

Герцогъ Лауенбургскій,
Врагъ императора? Союзникъ шведовъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Врагъ императора ужъ мнѣ не врагъ.

ГЕРЦОГИНЯ — съ ужасомъ смотритъ на него и на графиню.

Такъ это правда? Кончено! Лишились
Начальства вы надъ войскомъ? Боже, Боже!

ГРАФИНЯ — тихо Валленштейну.

Не выводи ее изъ заблужденья!
Ты видишь, правды не снесла-бъ она.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ, ГРАФЪ ТЕРЦКІЙ.

ГРАФИНЯ.

Что̀ съ Терцкимъ? На лицѣ его испугъ,
Какъ будто бъ онъ увидѣлъ привидѣнье.

ТЕРЦКІЙ — тихо Валленштейну, отводя его въ сторону.

Велѣлъ ли ты Хорватамъ выступать?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Нѣтъ; и не думалъ я —

ТЕРЦКІЙ.

Измѣна! —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ?

ТЕРЦКІЙ.

Отправились Хорваты этой ночью,
И егеря. Кругомъ деревни пусты.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Гдѣ-жъ Изолани?

ТЕРЦКІЙ.

Вѣдь его услалъ ты.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я?

ТЕРЦКІЙ.

Не услалъ? И также Деодату
Ты ѣхать не велѣлъ? — Исчезли оба.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРЕЖНІЕ, ИЛЛО.

ИЛЛО — Валленштейну.

Ужъ Терцкій —

ТЕРЦКІЙ.

Все онъ знаетъ.

ИЛЛО.

И что Кауницъ
Колальто, Гётцъ, Марàдасъ, Эстергази
Тебя оставили?

ТЕРЦКІЙ.

Проклятье!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Тише!

ГРАФИНЯ — подходитъ, испуганная.

Братъ! Терцкій! Что̀ случилось?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ничего.
Терцкому.
Пойдемъ.

ТЕРЦКІЙ — женѣ.

Пустое дѣло. Не пугайся.

ГРАФИНЯ.

Пустое дѣло! Развѣ я не вижу,
Что кровь изъ вашихъ помертвѣлыхъ лицъ
Пропала вся? Что даже братъ съ усильемъ
Спокойный видъ старается принять?

ПАЖЪ — входитъ.

Васъ спрашиваетъ адъютантъ, графъ Терцкій!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — Терцкому.

Узнай — зачѣмъ.

Терцкій уходитъ съ пажемъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — обращается къ Илло.

Оно такъ незамѣтно
Произойти украдкой не могло.
Тутъ бунтъ. — Кто̀ стражи у градскихъ воротъ
Начальникъ?

ИЛЛО.

Тифенбахъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Смѣнить его
Теперь же. Терцкаго ты гренадеровъ
Тамъ на часы вели поставить. Слушай!
Гдѣ Буттлеръ, знаешь ты?

ИЛЛО.

Его я видѣлъ.
Сейчасъ онъ самъ здѣсь будетъ. Буттлеръ вѣренъ.

ГРАФИНЯ — герцогинѣ.

Сестра! Не выпускай его отсюда!
Бѣда случилась.

ГЕРЦОГИНЯ.

Боже! Что̀ такое!

Хочетъ удержать Валленштейна.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — освобождаясь отъ нея.

Пусти, мой другъ! И ты, сестра! Не бойтесь!
Мы въ станѣ; бури здѣсь смѣняютъ быстро
Лучъ солнечный; мятежными умами
Съ трудомъ лишь править вождь, и никогда
Не знаетъ онъ отраднаго покоя.
Коль мнѣ остаться здѣсь, идите вы.
Дѣла мущинъ не терпятъ жалобъ женщинъ.

Хочетъ идти. ТЕРЦКІЙ возвращается.

ТЕРЦКІЙ.

Останься. Изъ окна мы все увидимъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — герцогинѣ и графинѣ.

Идите.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я такъ хочу.

ТЕРЦКІЙ — отводитъ графиню въ сторону и значительно указываетъ на герцогиню.

Тереза!

ГЕРЦОГИНЯ.

Пойдемъ, сестра, коль онъ велитъ.

Герцогиня и графиня уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ, ТЕРЦКІЙ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — подходя къ окну.

Что-жъ тамъ?

ТЕРЦКІЙ.

Войска сбѣгаются, никто не знаетъ
Причины. Подъ свои знамена молча
Становится полкъ каждый съ мрачнымъ видомъ;
Недружелюбно смотрятъ Тифенбахцы.
Одни Валлоны въ сторонѣ стоятъ,
Построясь, никого не подпускаютъ,
И, какъ всегда, степенны и спокойны.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Максъ Пикколомини тамъ съ ними?

ТЕРЦКІЙ.

Нѣтъ.

Его искали, не нашли нигдѣ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какое адъютантъ принесъ извѣстье?

ТЕРЦКІЙ.

Его ко мнѣ полки мои послали,
Вновь въ вѣрности они тебѣ клянутся,
И съ нетерпѣньемъ ждутъ сраженья.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ же
Тревога эта въ станѣ поднялась?
Вѣдь я велѣлъ скрывать отъ войскъ все дѣло,
Покуда вѣсть изъ Праги не пришла.

ТЕРЦКІЙ.

О, еслибъ ты словамъ моимъ повѣрилъ!
Еще вчера тебя мы умоляли
Не выпускать изъ Пильзена лукавца
Октавіо. Ты самъ ему коней
Для бѣгства далъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Опять за туже пѣсню.
Мнѣ о твоемъ безумномъ подозрѣньи
Не говори.

ТЕРЦКІЙ.

И въ Изолани былъ
Увѣренъ ты; а измѣнилъ онъ первый.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Его вчера я спасъ отъ нищеты.
Чтожъ? Благодарности не ожидалъ я.

ТЕРЦКІЙ.

Всѣ таковы-жъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Онъ правъ, меня покинувъ;
Онъ вѣренъ остается божеству,

Которому, за карточнымъ столомъ,
Всю жизнь служилъ. Съ моимъ онъ счастьемъ дружбу
Завелъ и прекращаетъ не со мною.
Любили-ль мы другъ друга? Для него
Я лишь корабль, который онъ надеждой
Своею нагрузилъ. Открытымъ моремъ
Онъ плылъ на немъ; его опасный бѣгъ
Надъ рифомъ видя, онъ спасаетъ нынѣ
Свое добро. Меня онъ покидаетъ
Какъ птица вѣтвь, ей давшую пріютъ.
Сердечныхъ узъ межъ нами нѣтъ разрыва.
Да, по дѣломъ обманутъ тотъ бываетъ,
Кто чувства отъ безмысленнаго ждетъ.
Мгновенно всѣ житейскія явленья
На гладкомъ отражаются челѣ,
Въ безпечный умъ ничто не западаетъ.
Волнуется легко и живо кровь,
Но глубь груди душою не согрѣта.

ТЕРЦКІЙ.

Скорѣй готовъ я гладкому челу
Довѣриться, чѣмъ хмурному иному.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ, ТЕРЦКІЙ, ИЛЛО входитъ въ бѣшенствѣ.

ИЛЛО.

Измѣна!

ТЕРЦКІЙ.

Что опять?

ИЛЛО.

Велѣлъ я стражу
Смѣнить. Злодѣи Тифенбахцы!...

ТЕРЦКІЙ.

Что же?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что съ ними?

ИЛЛО.

Отказалися они
Сойти съ постовъ.

ТЕРЦКІЙ — Валленштейну.

Вели стрѣлять по нимъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — къ Илло.

Не горячись! Тебѣ какой же дали
Они отвѣтъ?

ИЛЛО.

Что слушаться имъ должно
Лишь генерала Пикколомини.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ? Это что?

ИЛЛО.

Войскамъ-де предъявилъ онъ
Собственноручный цесарскій указъ.

ТЕРЦКІЙ.

Ты слышишь, герцогъ!

ИЛЛО.

По его-жъ внушенью
Полковники отправились вчера.

ТЕРЦКІЙ.

Ты слышишь!

ИЛЛО.

Монтекукули, Караффа,
Еще шесть генераловъ ночью
Уѣхали, чтобъ съ нимъ соединиться;
Имѣлъ давно ужъ присланное онъ
Велѣнье императора, и здѣсь же
Онъ это все устроилъ съ Квестенбергомъ.

Валленштейнъ опускается на стулъ и закрываетъ лицо.

ТЕРЦКІЙ.

О, еслибъ ты вчера повѣрилъ мнѣ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПРЕЖНІЕ, ГРАФИНЯ.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ силъ, нѣтъ силъ моихъ взять верхъ надъ страхомъ!
Скажите, ради Бога, что̀ случилось?

ИЛЛО.

Отъ насъ всѣ отложилися полки;
Октавьо Пикколомини предатель.

ГРАФИНЯ.

Предчувствіе мое!

Бросается вонъ изъ комнаты.

ТЕРЦКІЙ.

Ты мнѣ не вѣрилъ;
Какъ звѣзды лгали, видишь ты теперь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — встаетъ.

Не лгутъ намъ звѣзды, но свершилось дѣло
Тутъ вопреки звѣздамъ. Вѣрна наука;
Но въ небеса правдивыя внесло
Обманъ и ложь коварство сердца злого.
Основаны на правдѣ предвѣщанья;
Гдѣ выступаетъ изъ своихъ границъ
Природа, тамъ все знаніе земное
Ошибочно. Коль былъ я суевѣренъ,
Не посягнувъ подобнымъ подозрѣньемъ
На человѣческое существо,
То слабости моей я не краснѣю.
Есть пониманье вѣрности и въ звѣрѣ,
Не смѣетъ дикій выпить чаши съ жертвой,
Которой въ грудь вонзить онъ хочетъ мечъ.
Октавіо! не подвигъ было это;
Не умъ твой верхъ взялъ надъ моимъ; побѣду

Твоя душа лукавая надъ честной
Моей душой постыдно одержала.
Я безъ щита былъ, ты ударъ безбожно
На обнаженную направилъ грудь.
Противъ такихъ оружій я — ребенокъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

ПРЕЖНІЕ, БУТТЛЕРЪ.

ТЕРЦКІЙ.

Вотъ Буттлеръ, другъ, оставшійся у насъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — идетъ Буттлеру на встрѣчу съ распростертыми руками и обнимаетъ его.

Въ мои объятья, старый мой товарищъ!
Не такъ отраденъ солнца вешній лучъ,
Какъ друга видъ въ подобную минуту.

БУТТЛЕРЪ.

Пришелъ я, герцогъ....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — прислонившись къ плечу его.

Слышалъ уже ты?
Старикъ мнѣ измѣнилъ. Что̀ скажешь? Жили
Мы вмѣстѣ неразлучно тридцать лѣтъ.
Во ставкѣ спали на одной постелѣ;
Изъ одного стакана пили мы,
Однимъ кускомъ дѣлились; опирался
Я на него, какъ на твое теперь
Плечо я дружеское опираюсь.
И въ часъ, когда съ довѣрчивой любовью
Къ его груди прижалъ я грудь свою,
Онъ, высмотрѣвъ удобный мигъ, украдкой
Мнѣ медленно вонзаетъ въ сердце ножъ.

БУТТЛЕРЪ.

Забудьте вы коварнаго. Скажите,
На что̀ рѣшаетесь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ты правъ, ты правъ.
Еще друзьями я богатъ, не такъ ли?
Еще любимъ судьбою; открывая
Мнѣ злобу лицемѣра, въ тоже время
Она мнѣ преданность души правдивой
Даетъ познать. Забудемъ мы о немъ.
Не думайте, что мнѣ его потеря
Такъ тяжела; нѣтъ, мнѣ тяжелъ обманъ.
Обоихъ я любилъ, цѣнилъ высоко,
И Максъ былъ искренно мнѣ преданъ, онъ
Не измѣнилъ мнѣ; Максъ не измѣнилъ.
Оставимъ это. Дѣйствовать намъ должно.
Гонецъ, изъ Праги посланный мнѣ Кинскимъ,
Явиться можетъ сей же часъ. Онъ вѣсть
Какую бы ни везъ, попасться въ руки
Бунтовщикамъ не долженъ; верхового
Отправить вѣрнаго ему на встрѣчу,
Чтобъ тайной провести его дорогой,
Сюда ко мнѣ.

БУТТЛЕРЪ.

Кого вы ждете, герцогъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Нарочнаго съ извѣстіемъ о томъ,
Какъ въ Прагѣ дѣло удалось.

БУТТЛЕРЪ.

Гмъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что же?

БУТТЛЕРЪ.

Такъ вы не знаете?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Чего?

БУТТЛЕРЪ.

Причины
Тревоги въ станѣ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ?

БУТТЛЕРЪ.

Гонецъ изъ Праги—

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что съ нимъ?

БУТТЛЕРЪ.

Онъ прибылъ.

ТЕРЦКІЙ и ИЛЛО.

Прибылъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Мой гонецъ!

БУТТЛЕРЪ.

Ужъ нѣсколько часовъ тому назадъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

А я не зналъ?

БУТТЛЕРЪ.

Его схватила стража.

ИЛЛО—топнувъ ногой.

Проклятье!

БУТТЛЕРЪ.

Распечатано письмо,
По стану ходитъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что оно содержитъ
Ты знаешь? Да?

БУТТЛЕРЪ.

Не спрашивайте, герцогъ!

ТЕРЦКІЙ.

О горе намъ! Все рушится! —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я въ силахъ
Услышать все; скажи мнѣ правду, Прага
Потеряна?... Не такъ ли? Говори.

БУТТЛЕРЪ.

Потеряна. — Вы войскомъ въ Кёньгенгрецѣ,
Въ Будвейсѣ, Брюннѣ, Цнаймѣ и Табо̀рѣ
Покинуты,—и снова присягнуло
Повсюду императору оно;
На васъ, на графа Терцкаго, на Илло
И Кинскаго наложена опала. —

Терцкій и Илло показываютъ испугъ и сильный гнѣвъ. — Валленштейнъ остается твердъ и спокоенъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — послѣ короткаго молчанія.

Рѣшенъ вопросъ; — душа исцѣлена
Отъ мукъ своихъ; въ груди воскресла сила,
Свободенъ умъ; мгла ночи быть должна
Тамъ, гдѣ сіяютъ Фридланда свѣтила!
Готовился мечъ обнажить въ бою,
Колеблясь я, съ сомнѣньемъ и тревогой,
Когда другой я могъ идти дорогой;
Прекращена борьба во мнѣ: стою
Теперь за жизнь и голову свою

Уходитъ. Прочіе слѣдуютъ за нимъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ГРАФИНЯ ТЕРЦКАЯ—выходитъ изъ боковой комнаты.

Нѣтъ! дольше не могу я. — Гдѣжъ они?
Все пусто. Я одна,— одна со страхомъ
Моимъ убійственнымъ. Передъ сестрою,

Казаться я спокойною должна,
И сдерживать въ груди свои всѣ муки.
Не въ силу мнѣ! — Коль счастье насъ покинетъ,
Коль долженъ будетъ къ шведамъ перейдти
Онъ нищимъ, бѣглецомъ, не знаменитымъ
Союзникомъ, вождемъ могучей рати,
Коль такъ же какъ Пфальцъ-графъ блуждать должны мы
Изъ края въ край, быть памятникомъ жалкимъ
Минувшаго величья — нѣтъ! дожить
До этого я не хочу! И еслибъ
Онъ, такъ упавъ, свою снести могъ долю,
Я-бъ не снесла паденія его.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ГРАФИНЯ, ГЕРЦОГИНЯ, ТЭКЛА.

ТЭКЛА — удерживая герцогиню.

Вернитесь, умоляю васъ!

ГЕРЦОГИНЯ.

Нѣтъ, тайну
Здѣсь страшную скрываютъ отъ меня.
Зачѣмъ сестра со мной не остается?
Зачѣмъ она, встревоженная, бродитъ
Безъ отдыха по заламъ? Ты зачѣмъ
Испугана? Что̀ значатъ эти знаки,
Которыми украдкою ты съ нею
Мѣняешься?

ТЭКЛА.

Повѣрьте, ничего.

ГЕРЦОГИНЯ.

Сестра, я знать хочу.

ГРАФИНЯ.

Скрывать нѣтъ пользы;
Да и возможноль? Раньше или позже
Придется жъ ей узнать и перенесть.

Теперь не время слабой быть женою,
Намъ твердый нуженъ духъ; учиться силы
Должны мы. Пусть однимъ рѣшится словомъ
Ея судьба. — Тебя ввели въ обманъ,
Сестра. Ты въ убѣжденіи, что герцогъ
Отставленъ, — не отставленъ онъ.

ТЭКЛА — идетъ къ графинѣ.

Хотите
Ее убить?

ГРАФИНЯ.

Твой мужъ —

ТЭКЛА — обнимая мать.

О, мать, крѣпися!

ГРАФИНЯ.

Твой мужъ возсталъ, и ужъ хотѣлъ предаться
Врагу, какъ отложилися полки,
И предпріятье рушилось его.

При этихъ словахъ герцогиня шатается и безъ чувствъ падаетъ на руки дочери.

Большая зала.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — въ панцырѣ.

Октавіо! достигъ своей ты цѣли!
Едва ли я не также вновь покинутъ,
Какъ нѣкогда, на Регенсбургскомъ сеймѣ,
Покинутъ былъ. Лишь самого себя
Тогда имѣлъ я, но что̀ можетъ значить
Единый мужъ, уже я доказалъ.
Роскошныя вы вѣтви обрубили,
Стою я, обнаженный стволъ, но въ нѣдрахъ
Скрывается живительная сила,
Родившая цвѣтущій міръ. Былъ часъ,

Когда одинъ я замѣнилъ вамъ войско.
Рать вашу истребляли силы шведа,
Послѣдняя надежда ваша, Тилли,
При Лехѣ палъ. Въ Баварскую страну,
Какъ яростный потокъ, Густавъ ворвался,
И въ Вѣнѣ императоръ трепеталъ.
Добыть солдатъ имъ было трудно: люди
Идутъ въ слѣдъ счастью. Тутъ-то обратили
Взоръ на меня, помощника въ бѣдѣ;
Смирилася предъ горько оскорбленнымъ
Надменность императора, молилъ онъ,
Чтобъ произнесъ я творческое слово,
И станъ пустой полками населилъ.
И это сдѣлалъ я. — Бой барабанный
Раздался, имя пронеслось мое,
Какъ брани Богъ, изъ края въ край по міру.
Свою соху оратай покидаетъ,
Ремесленникъ работу, всѣ спѣшатъ
Къ знакомымъ имъ, прославленнымъ знаменамъ. —
Все тотъ же я еще и нынѣ! Тѣло —
Созданье духа, и свой ратный станъ
Вокругъ себя наполнитъ Фридландъ снова.
Вы на меня ведите войско,
Оно умѣетъ одержать побѣду
Со мной, но не побѣду надо мною.
Когда глава отъ членовъ отдѣлится,
Поймете вы, гдѣ крылася душа.—

ИЛЛО и ТЕРЦКІЙ входятъ.

Мужайтеся, друзья!! — Мы не погибли!
Намъ Терцкаго остались полки,
И Буттлера драгуны. Завтра утромъ
Шестнадцать тысячъ шведовъ къ намъ примкнетъ.
Я не сильнѣй былъ девять лѣтъ тому,
Когда я шелъ властителямъ австрійскимъ
Германію подъ ноги покорить.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ПРЕЖНІЕ, НЕЙМАННЪ.

ТЕРЦКІЙ — Нейманну.

Кого вамъ нужно?

Нейманнъ отводитъ Терцкаго въ сторону и говоритъ съ нимъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — Терцкому.

Что̀ онъ говоритъ?

ТЕРЦКІЙ.

Что десять Папенгеймскихъ кирасиръ
Желаютъ видѣться съ тобой самимъ,
Отъ имени полка.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Пускай войдутъ.

Нейманнъ уходитъ.

Тутъ я успѣха жду. Они еще
Колеблются, уговорить ихъ можно.

ЯВЛЕНІЕ XV.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ, ТЕРЦКІЙ, ИЛЛО; десять КИРАСИРЪ, предводимые ЕФРЕЙТОРОМЪ, входятъ, и, построясь передъ герцогомъ, отдаютъ ему честь.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — посмотрѣвъ на нихъ нѣсколько времени, говоритъ ефрейтору.

Тебя я знаю: ты изъ Брюгге родомъ,
Тебя зовутъ вѣдь Мерси.

ЕФРЕЙТОРЪ.

Генрихъ Мерси.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Отрядомъ гессенцевъ отъ войска ты
Отрѣзанъ былъ и окруженъ; съ тобою
Сто-восемдесятъ было человѣкъ,
И съ ними ты сквозь тысячи пробился.

ЕФРЕЙТОРЪ.

Такъ точно, генералъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Тебя за это
Чѣмъ наградили?

ЕФРЕЙТОРЪ.

Честью, о которой
Я самъ просилъ, въ полкъ этотъ поступить.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — обращаясь къ другому.

Ты былъ въ числѣ охотниковъ, которыхъ
На шведскую послалъ я батарею
Подъ Нюрнбергомъ?

ВТОРОЙ КИРАСИРЪ.

Такъ точно.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Никого
Не забываю я, съ кѣмъ молвилъ слово.
Чего хотите вы?

ЕФРЕЙТОРЪ — командуетъ.

Ружье къ ноги! —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — къ третьему.

Ты кёльнскій уроженецъ, Рисбекъ.

ТРЕТІЙ КИРАСИРЪ.

Рисбекъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ты шведскаго полковника Дюбальда
Взялъ въ плѣнъ, и въ станъ доставилъ.

ТРЕТІЙ КИРАСИРЪ.

Никакъ нѣтъ —
Не я.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Такъ, старшій братъ твой, у тебя
Былъ и меньшой. Гдѣ онъ теперь?

ТРЕТІЙ КИРАСИРЪ.

Стоитъ онъ
Подъ Ольмюцемъ съ полкомъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — ефрейтору.

Ну, говори же.

ЕФРЕЙТОРЪ.

Намъ императорскій указъ объявленъ —
Въ немъ...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Кто̀ васъ выбралъ?

ЕФРЕЙТОРЪ.

Одного по жребью
Изъ каждой роты взяли.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Продолжай.

ЕФРЕЙТОРЪ.

Намъ императорскій указъ объявленъ —
Въ немъ сказано, что не должны отнынѣ
Повиноваться мы тебѣ, за тѣмъ
Что ты измѣнникъ, и отчизны врагъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

На что̀ же вы рѣшились?

ЕФРЕЙТОРЪ.

Наши братья
Въ Будвейсѣ, Прагѣ, Ольмюцѣ, ужъ этотъ
Приказъ исполнили, примѣръ съ нихъ взяли
И здѣсь полки Тосканы, Тифенбаха.
Но мы не вѣримъ, что ты врагъ отчизны
И злой измѣнникъ; почитаемъ это
Обманомъ мы, и выдумкой испанской.

Простодушно.

Пришли спросить тебя мы самого,
Что̀ дѣлать ты намѣренъ. Былъ ты съ нами
Всегда правдивъ; тебѣ мы довѣряемъ.
Межъ добрымъ войскомъ и его вождемъ
Пусть языковъ не будетъ постороннихъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Тутъ узнаю своихъ я Папенгеймцевъ.

ЕФРЕЙТОРЪ.

И вотъ съ чѣмъ насъ твой полкъ къ тебѣ отправилъ:
Коль власти жезлъ, врученный государемъ
Тебѣ по справедливости, ты только
Въ своихъ рукахъ намѣренъ сохранить,
Австрійскихъ войскъ быть честнымъ полководцемъ,
Мы за тебя готовы грудью стать,
Оборонять твое мы будемъ право;
И если всѣ полки тебя оставятъ,
Мы не оставимъ, голову положимъ
Мы за тебя; пасть, а тебя не выдать —
Нашъ долгъ солдатскій. Но коль такъ оно,
Какъ въ грамотѣ написано, коль хочешь
Измѣной насъ перевести къ врагу,
Чего избави Богъ! то покидаемъ
И мы тебя, какъ тотъ указъ велитъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Друзья мои —

ЕФРЕЙТОРЪ.

Не нужно много словъ,
Скажи намъ: да, иль нѣтъ, — и мы довольны.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Мнѣ молвить дайте. Вы, я знаю, люди
Разумные, не за толпой идете,
А судите вы собственнымъ умомъ —
За то я васъ и отличалъ отъ прочихъ.
Полки считаетъ быстрый взоръ вождя,
Онъ ратника не замѣчаетъ въ строѣ,

Тутъ безъ разбора всѣ подчинены
Велѣнью строгому, и не имѣетъ
Значенья человѣкъ для человѣка.
Такимъ для васъ начальникомъ я не былъ, —
Себѣ самимъ вы въ ремеслѣ суровомъ
Понятнѣй стали, на лицѣ я вашемъ
Разумной мысли видѣлъ лучъ, и съ вами
Я поступалъ какъ съ вольными людьми,
Вамъ голосъ подавать оставилъ право.

ЕФРЕЙТОРЪ.

Да, генералъ, ты къ намъ благоволилъ,
Довѣрья своего насъ удостоилъ,
Намъ болѣе чѣмъ всѣмъ другимъ ты милость
Всегда оказывалъ, за то и мы
Нейдемъ теперь за большинствомъ. Ты видишь,
Тебѣ мы вѣрны. Молви только слово,
Для насъ довольно слова твоего,
Что ты измѣны не затѣялъ, войско
Перевести не думаешь къ врагамъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Мнѣ измѣняютъ, мнѣ! — Меня на жертву
Моимъ злодѣямъ цесарь отдаетъ.
Погибну я, коль за меня дружины
Не вступятся мои. — Ввѣряюсь вамъ,
Моей твердыней будетъ сердце ваше.
Да, эту грудь разить готовы, эту
Сѣдую голову! вотъ благодарность
Испанская, вотъ цесаря спасибо
За смертный бой подъ Нюрнбергомъ, за сѣчу
На Люценскихъ равнинахъ. Для того-то
Мы вражьимъ пикамъ подставляли грудь!
Намъ мерзлая земля, холодный камень —
Постелью были, не останавливала
Ни рѣкъ насъ быстрина, ни глушь лѣсовъ;
Мы Мансфельда неутомимо гнали
Извилистымъ путемъ его побѣга;
Вся наша жизнь была походомъ тяжкимъ.
Мы по лицу встревоженной земли
Какъ бурный вѣтръ носились безпріютно.

И наконецъ, когда свершили дѣло
Тяжелое и полное проклятій,
Когда войны мы труженики были,
Вѣнецъ достигнутаго нами мира
Похититъ отрокъ цесарскій у насъ.

ЕФРЕЙТОРЪ.

Тому не быть! Того мы не допустимъ!
Ты велъ войну со славою, и ты
Ее покончишь. Ты на поле смерти
Насъ вывелъ, ты и въ мирный край родимый
Насъ поведешь обратно, и трудовъ
Раздѣлишь съ нами пользу и награду.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ужель вы чаете вкусить подъ старость
Плоды трудовъ своихъ? Того не ждите,
Конца войны вамъ не видать во вѣкъ,
Насъ всѣхъ она поглотитъ. — Императоръ
Миръ заключать не хочетъ, потому-то
Мнѣ пасть и должно, что хочу я мира.
Какое дѣло Австріи, что край
Опустошенъ войной, что гибнетъ войско?
Ей надобно расти и поворять.
Вы тронуты, — гнѣвъ благородный вижу
Въ глазахъ я вашихъ. О, когда бъ теперь
Моимъ я могъ воспламенить васъ духомъ,
Какъ увлекалъ онъ васъ средь грозныхъ битвъ!
Вы заступиться за меня хотите,
Готовы право защищать мое; —
Великодушно это, но не чайте
Успѣха вы, немногіе. Вы даромъ
Погибнете для вашего вождя.

Довѣрчиво.

Нѣтъ! Выбрать путь намъ надо безопасный,
Искать друзей. Шведъ помогать намъ хочетъ.
Воспользуемся помощью его,
Притворствуя, до дня, когда мы будемъ
Въ своихъ рукахъ держать судьбу Европы,
И выведемъ народамъ благодарнымъ
Желанный миръ изъ стана своего.

ЕФРЕЙТОРЪ.

Ты, стало быть, притворствуешь со шведомъ?
Не хочешь государю измѣнить?
Поддать насъ шведской власти? Только это
Мы и хотѣли отъ тебя узнать.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что̀ мнѣ до шведовъ? Ненавижу ихъ,
Какъ бездну адскую. Назадъ ихъ вскорѣ
Прогнать надѣюсь, съ помощію Бога,
Въ ихъ край заморскій. О всеобщемъ благѣ
Лишь думаю. Вѣдь я не безсердеченъ;
Народа нашего бѣду и горе
Мнѣ больно видѣть. Люди вы простые,
Но чувства ваши благородны; съ вами
Могу я какъ съ друзьями говорить.
Пятнадцать лѣтъ уже война пылаетъ,
Безъ устали, и все нейдетъ къ концу.
Папистъ и лютеранинъ, шведъ и нѣмецъ
Никто не уступаетъ; возстаютъ
Одни противъ другихъ; раздоры всюду,
И нѣтъ суда. — Какъ тутъ найти исходъ?
Какъ узелъ возрастающій распутать?
Нѣтъ! Надо смѣло разрубить его. —
Я чувствую, что призванъ я судьбою
На подвигъ этотъ, и съ пособьемъ вашимъ
Его вполнѣ надѣюсь совершить.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ПРЕЖНІЕ, БУТТЛЕРЪ.

БУТТЛЕРЪ — съ горячностью.

Такъ поступать не должно было, герцогъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ! Что̀ такое?

БУТТЛЕРЪ.

Повредитъ намъ это
Во мнѣніи людей хорошихъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что?
О чемъ же рѣчь?

БУТТЛЕРЪ.

Знакъ это явный бунта.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Но что же?

БУТТЛЕРЪ.

Графа Терцкаго полки
Австрійскаго орла съ знаменъ срываютъ,
И вашъ къ нимъ прикрѣпляютъ гербъ. —

ЕФРЕЙТОРЪ — кирасирамъ.

На лѣво —
Кругомъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Проклятъ, кто надоумилъ ихъ!

Уходящимъ кирасирамъ.

Остановитесь! Это по ошибкѣ
Случилось — строго накажу виновныхъ. —
Я объясню вамъ — выслушайте — стойте!
Не слушаютъ.

Обращаясь къ Илло.

Поди, уговори ихъ.
Назадъ ихъ приведи, во чтобъ ни стало.

Илло поспѣшно уходитъ.

Погибнемъ мы чрезъ это. — Буттлеръ! Буттлеръ!
Не добрый ты мой геній! Для чего
При нихъ ты говорилъ? Все шло успѣшно,
Мнѣ ихъ склонить почти ужъ удалось.
Безумцы, съ ихъ усердьемъ неумѣстнымъ!
Жестоко шутитъ рокъ! Меня погубитъ
Услужливость друзей, не злость враговъ.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ПРЕЖНІЕ, ГЕРЦОГИНЯ, ГРАФИНЯ, ТЭКЛА; потомъ ИЛЛО.

ГЕРЦОГИНЯ.

О Альбрехтъ! Что ты сдѣлалъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вотъ чего
Недоставало!

ГРАФИНЯ.

Братъ, прости меня,
Я все открыла имъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

О, что ты сдѣлалъ!

ГРАФИНЯ — Терцкому.

Ужель надежды нѣтъ, и все пропало?

ТЕРЦКІЙ.

Все. — Прагою владѣетъ императоръ,
Ему полки всѣ присягнули вновь.

ГРАФИНЯ.

Злодѣй Октавіо! — И графа Макса
Здѣсь также больше нѣтъ?

ТЕРЦКІЙ.

Гдѣ быть ему?
Съ отцомъ онъ къ императору уѣхалъ.

Тэкла бросается въ объятія матери и скрываетъ лицо на ея груди.

ГЕРЦОГИНЯ.

Несчастная, несчастнѣй я тебя.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — отводитъ Терцкаго въ сторону.

Распорядись, чтобъ можно было втайнѣ
Отправить ихъ. Намъ вѣренъ Шерфенбергъ;
Пусть онъ везетъ ихъ въ Эгру, мы туда же
Поѣдемъ вслѣдъ.

Возвратившемуся Илло.

Ты ихъ не воротилъ?

ИЛЛО.

Ты слышишь шумъ? Возстали папенгеймцы,
Мятежно требуютъ, чтобъ ихъ полковникъ
Графъ Максъ имъ отданъ былъ; кричатъ, что здѣсь онъ,
Что силою тобой задержанъ въ замкѣ,
И что, коль ты не выпустишь его,
Освободятъ они его мечами.

ТЕРЦКІЙ.

Какой тутъ смыслъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Не говорилъ ли я?
О сердце вѣщее мое! — Онъ здѣсь!
Не измѣнилъ, — не могъ мнѣ измѣнить!
Я былъ увѣренъ въ этомъ.

ГРАФИНЯ.

Если здѣсь онъ,
Еще поправить можно все, я знаю
Чѣмъ удержать его.

Обнимаетъ Тэклу.

ТЕРЦКІЙ.

Не можетъ быть. —
Подумай. — Императору насъ предалъ
Отецъ, и перешелъ къ нему; остаться
Отважится ли сынъ?

ИЛЛО — Валленштейну.

Коней, которыхъ
Ты незадолго далъ ему, я видѣлъ
Сегодня; ихъ по площади вели.

ГРАФИНЯ.

О, такъ онъ здѣсь, онъ съ нами, Тэкла!

ТЭКЛА — устремивъ глаза на дверь.

Вотъ онъ!

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ПРЕЖНІЕ, МАКСЪ ПИККОЛОМИНИ.

МАКСЪ — входитъ и останавливается посреди залы.

Да, вотъ онъ! — Мнѣ нѣтъ силъ скрываться дольше,
Вкругъ дома этого бродить украдкой,
Удобнаго мгновенья выжидать,
Боязни этой, этого сомнѣнья
Нѣтъ силъ снести.

Идетъ къ Тэклѣ, бросившейся въ объятія матери.

Взгляни, о нѣжный ангелъ!
Не отвращай лица. Признайся смѣло
Предъ всѣми здѣсь; не бойся никого.
Пусть знаютъ всѣ, что любимъ мы другъ друга.
Къ чему скрывать теперь? Имѣютъ тайны
Счастливцы; безнадежному несчастью
Не нужно покрывала и стѣсненья.
Свободно проявляетъ при сіяньи
Тысячесолнечномъ оно себя —

Увидавъ графиню, которая съ торжествующимъ взоромъ глядитъ на Тэклу и на него.

Нѣтъ! не смотрите на меня, графиня,
Съ улыбкою надежды! Не остаться
Я прихожу. Я прихожу проститься.
Все кончено. — Тебя покинуть, Тэкла,
Я долженъ — долженъ! Но съ собой отсюда
Взять ненависть твою я не могу.
Даруй мнѣ взглядъ единый состраданья,
Скажи, что ненависти ты ко мнѣ
Не чувствуешь, — скажи мнѣ это, Тэкла.

Беретъ ея руку.

О, Боже! Боже! Нѣтъ мнѣ силъ уйти,
Оставить эту руку не могу я.
О, Тэкла! молви слово состраданья,

Скажи, ты не сама-ль убѣждена,
Что̀ долженъ я такъ поступить?

Тэкла, избѣгая взоровъ его, указываетъ рукою на отца. Максъ обращается къ герцогу, котораго замѣчаетъ только теперь.

Ты здѣсь?
Я не тебя искалъ. Я въ жизни этой
Тебя опять увидѣть не хотѣлъ;
Имѣю здѣсь я дѣло только съ нею,
Хочу оправданъ быть я этимъ сердцемъ.
Мнѣ до всего другого нѣтъ нужды.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ты думаешь, что отпущу тебя
Я, какъ глупецъ, и разыграю сцену
Великодушья? Обманулъ, какъ воръ,
Меня отецъ твой, для меня ты нынѣ
Лишь сынъ его, и мнѣ попался въ руки
Не даромъ здѣсь. Не жди, чтобъ имъ безбожно
Нарушенную дружбу я уважилъ.
Прошла пора любви, пощады нѣжной,
Приходитъ очередь вражды и мести; —
Могу и я злодѣемъ быть, какъ онъ.

МАКСЪ.

Какъ хочешь поступай со мной. Ты знаешь,
Что нѣтъ во мнѣ ни похвальбы, ни страха,
Ты знаешь, почему я здѣсь—

Взявъ Тэклу за руку.

Хотѣлъ я
Всѣмъ быть тебѣ обязанъ, получить
Изъ рукъ твоихъ хотѣлъ свое блаженство,
Ты сокрушилъ его, но что̀ тебѣ
До этого? Привыкъ ты счастье ближнихъ
Топтать во прахъ. — Богъ, предъ которымъ клонишь
Колѣни ты, не милосердья Богъ!
Какъ дикая, ужасная стихія,
Съ которой мира заключить нельзя,
Ты слѣдуешь своимъ влеченьямъ бурнымъ.
Бѣда тому, кто довѣрялъ тебѣ,
Кто привлеченъ твоимъ привѣтнымъ видомъ,
Кто счастія земного своего

Тебя избралъ надежною опорой.
Средь тишины полночной закипитъ
Нежданно огнедышащее нѣдро,
Съ неистовою разразится силой,
И бѣдственно, чрезъ всѣ людей посѣвы,
Польется истребительный потокъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Изобразилъ ты своего отца—
Такъ чернаго онъ полонъ лицемѣрья.
Искусство адское мой умъ затмило,
Судьба коварнѣйшаго духа лжи
Жестоко избрала, и въ видѣ друга
Послала мнѣ его. Надъ силой ада
Верхъ одержать какъ можетъ человѣкъ?
Въ свои объятья взялъ я василиска,
Его поилъ я кровью жилъ своихъ,
И у груди любви моей окрѣпъ онъ,
И напитался. Никогда не думалъ
Его я опасаться; отворилъ
Предъ нимъ я настежъ двери мыслей тайныхъ,
И осторожности ключи отбросилъ;
Искалъ мой взоръ въ просторѣ звѣздномъ неба
Предателя, котораго впустилъ
Въ свое я сердце. — Еслибъ Фердинандомъ
Я былъ любимъ, какъ твой отецъ былъ мною,
Я бъ на него не шелъ, идти не могъ бы!
Онъ господиномъ былъ моимъ, — не другомъ,
Онъ не ввѣрялся мнѣ. Когда мнѣ далъ онъ
Власть полководца, между имъ и мной
Уже была война, какъ должно вѣчно
Межъ хитростью ей быть и подозрѣньемъ.
Лишь тамъ, гдѣ есть довѣрчивость и вѣра,
Всегда бываетъ миръ. Кто отравляетъ
Довѣрчивость, тотъ племенамъ грядущимъ
Наноситъ смерть въ утробѣ матерей!

МАКСЪ.

Отца не стану извинять. Увы!
Не нахожу ему я извиненій;
Несчастныя свершилися дѣла,

Сплелося преступленье съ преступленьемъ,
Звенами цѣпи бѣдственной; но мы,
Безвинные, какъ очутились въ этомъ
Кругу злодѣйствъ? Кому мы измѣнили? —
Зачѣмъ отцовъ виною обоюдной
Обвиты мы, какъ грозныхъ змѣй четой?
Зачѣмъ должна насъ, любящихъ другъ друга,
Вражда отцовъ жестоко разлучить?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — смотритъ на него молча, и подходитъ къ нему.

Максъ! Отъ меня не уходи! Останься
Со мною, Максъ! — Когда въ день зимній въ станѣ
Подъ Прагою, тебя мнѣ принесли
Въ палатку, отрока, къ нѣмецкой стужѣ
Привыкнуть не успѣвшаго, ты знамя
Еще держалъ рукой окостенѣлой,
Ты не хотѣлъ разстаться съ нимъ. Тогда
Плащемъ моимъ тебя покрылъ я, нянькой
Твоею былъ, съ заботливостью женской
Не постыдился за тобой ходить.
И мной согрѣтый ожилъ, молодою
Ты жизнью вновь въ объятіяхъ моихъ.
Когда съ тѣхъ поръ къ тебѣ я измѣнился?
Обогатилъ я многихъ, далъ въ награду
Имъ земли, почести, — тебя *любилъ* я,
Тебѣ я далъ себя, свое далъ сердце.
Они мнѣ чужды были, — ты дитя
Мое родное былъ. — Максъ! Ты не можешь
Меня покинуть! — Не хочу я вѣрить,
Что Максъ меня покинуть можетъ.

МАКСЪ.

Боже!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я съ дѣтства твоего тебя лелѣялъ,
И о тебѣ заботился. Что сдѣлалъ
Отецъ твой для тебя, чего-бъ я также
Не сдѣлалъ? Сѣтью я тебя опуталъ
Любовной — разорви ее, коль можешь.
Ко мнѣ ты всѣми чувствами души,

Привязанъ, всѣми узами природы,
Которыми быть можетъ человѣкъ
Соединенъ съ другимъ. Оставь меня!
Иди на службу къ цесарю! Златое
Тебѣ руно онъ дастъ за то въ награду,
Что отъ отца и друга ты отрекся,
Что чувство ты святѣйшее презрѣлъ —

МАКСЪ.

О Боже мой! Я воленъ ли?... Присяга....
Долгъ....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Долгъ? — Какой? И кто же ты? Коль нынѣ
Я противъ императора виновенъ, —
Вина моя, ты не причастенъ къ ней.
Себѣ ли ты принадлежишь? Собою
Располагаешь ли? Стоишь ли въ мірѣ,
Какъ я свободенъ, дѣятель ли ты
Твоихъ дѣяній? — Отъ меня зависишь,
Мнѣ ты подвластенъ, я твой императоръ;
Принадлежать, повиноваться мнѣ,
Вотъ весь твой долгъ, и твой законъ природы.
Когда тотъ міръ, котораго ты житель,
Съ пути сорвавшись своего, пылая,
Съ другимъ столкнется міромъ, не дано
Тебѣ избрать идти-ли съ нимъ, иль нѣтъ.
Умчитъ тебя всесиліемъ стремленья,
И всѣхъ своихъ онъ спутниковъ съ собой.
Грѣхъ на себя возмешь ты не тяжелый,
Не обвинятъ тебя, тебя похвалятъ
За то, что друга предпочелъ всему.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ПРЕЖНІЕ, НЕЙМАННЪ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что, Нейманнъ?

НЕЙМАННЪ.

Спѣшилися Папенгеймцы,

Идутъ сюда сомкнутымъ строемъ; замокъ
Они взять приступомъ, и графа Макса
Освободить хотятъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Цѣпь протянуть,
Орудія навесть! Картечью встрѣчу
Бунтовщиковъ.

Терцкій уходитъ.

Предписывать мечемъ
Законы мнѣ! — Иди, скажи имъ, Нейманнъ,
Что имъ велю я отступить, сейчасъ же,
И ждать въ порядкѣ, молча, что мнѣ дѣлать
Угодно будетъ.

Нейманнъ уходитъ. Илло подходитъ къ окну.

ГРАФИНЯ.

Отпусти его,
Братъ! Отпусти! молю тебя!

ИЛЛО — у окна.

Проклятье!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что тамъ?

ИЛЛО.

На ратушу они взошли;
Срываютъ кровли; вотъ взялись за пушки,
И направляютъ ихъ сюда.

МАКСЪ.

Безумцы!

ИЛЛО.

Готовятся стрѣлять.

ГРАФИНЯ И ГЕРЦОГИНЯ.

Творецъ небесный!

МАКСЪ — Валленштейну.

Позволь сойти мнѣ, объяснить.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ни шагу!

МАКСЪ — указывая на Тэклу и дерущихся.

Но жизнь ихъ! жизнь твоя?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — увидавъ входящаго Терцкаго.

Какія вѣсти!

ЯВЛЕНІЕ XX.

ПРЕЖНІЕ, ТЕРЦКІЙ.

ТЕРЦКІЙ

Отъ вѣрныхъ намъ полковъ извѣстье: рвенье
Ихъ безгранично; позволенья просятъ
Ударить на противниковъ; владѣютъ
Они двумя вратами городскими;
Лишь только знакъ дай, могутъ въ тылъ зайти
Они врагамъ, ихъ въ городѣ стѣснить,
И въ узкихъ улицахъ легко осилить.

ИЛЛО.

Не дай остыть ихъ рвенію. Намъ вѣренъ
Полкъ Буттлера, насъ больше чѣмъ мятежныхъ:
Мы верхъ возьмемъ, бунтъ здѣсь же прекратимъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И полемъ битвы будетъ этотъ городъ?
Неистовой, междоусобной брани
Дадимъ мы въ немъ свирѣпствовать по волѣ?
И ярости, незнающей вождя,
Рѣшенья дѣла предоставимъ? Здѣсь
Лишь для рѣзни есть мѣсто, не для боя.

Освобожденныхъ фурій дикой злобы
Не сдержитъ власть ничья. Да будетъ такъ —
Обдумывалъ я долго, пусть свершится
Оно теперь мгновенно и кроваво.

Обратясь къ Максу.

Чтожъ? Хочешь ли сразиться ты со мною?
Иди, ты воленъ, стань со строемъ ихъ,
Веди ихъ въ бой; ты воевать умѣешь,
Ты научился у меня, не стыдно
Тебя имѣть противникомъ, и случай
Едваль найдешь ты лучшій за уроки
Мнѣ заплатить.

ГРАФИНЯ.

Вотъ до чего дошло!
Максъ! Максъ! И это перенесть вы въ силахъ?

МАКСЪ.

Полки мнѣ порученные я вывесть
Отсюда обѣщалъ; — исполню это,
Или умру; къ другому не обязанъ
Я ни къ чему, не обнажу меча
Противъ тебя, пока возможно будетъ.
Твоя глава священна мнѣ и нынѣ,
Когда моимъ ты сталъ врагомъ.

Раздаются два выстрѣла, Илло и Терцкій спѣшатъ къ окну.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что тамъ?

ТЕРЦКІЙ.

Убитъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Кто?

ИЛЛО.

Выстрѣлили Тифенбахцы.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

По комъ?

ИЛЛО.

По Нейманну, который посланъ
Тобою былъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — съ гнѣвомъ.

Проклятье! Такъ я самъ....

Хочетъ идти.

ТЕРЦКІЙ.

Неистовымъ идти на встрѣчу хочешь?

ГЕРЦОГИНЯ И ГРАФИНЯ.

Избави Богъ!

ИЛЛО.

Теперь не время, герцогъ.

ГРАФИНЯ.

Останови, останови его!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Пусти!

МАКСЪ.

Не дѣлай этого, теперь
Не дѣлай; — ихъ ожесточилъ свирѣпый
Поступокъ ихъ, раскаянья дождись.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Прочь! Слишкомъ долго колебался я,
Они свершать дѣла такія смѣютъ
Лишь потому, что самого меня
Не видятъ; — такъ увидятъ же, услышатъ
Мой голосъ. Не мои ль они полки?
Не я-ль ихъ вождь, и грозный повелитель?
Посмотримъ, чуждо-ль стало имъ лице,
Которое ихъ солнцемъ было въ битвѣ?
Оружія не нужно. Покажусь
Бунтовщикамъ, и тотчасъ же, смирясь,
Вернутся вновь тревожные умы
Въ привычные предѣлы послушанья.

Уходитъ. За нимъ слѣдуютъ ИЛЛО, ТЕРЦКІЙ и БУТТЛЕРЪ.

ЯВЛЕНІЕ XXI.

ГЕРЦОГИНЯ, ГРАФИНЯ, МАКСЪ, ТЭКЛА.

ГРАФИНЯ — Герцогинѣ.

Когда его увидятъ.... Есть надежда,
Сестра.

ГЕРЦОГИНЯ.

Надежда! Я простилась съ нею.

МАКСЪ — который стоялъ въ сторонѣ въ примѣтной борьбѣ съ самимъ собою, приближается.

Нѣтъ! — Этого снести я не могу.
Пришелъ сюда съ намѣреньемъ я твердымъ,
И съ вѣрою, что правъ и непороченъ
Поступокъ мой, — здѣсь я стою, какъ извергъ
Достойный ненависти, на себя
Проклятье навлекая и презрѣнье
Всѣхъ тѣхъ, которыхъ я люблю; и видѣть
Страданье ихъ и горе долженъ я,
Когда могу ихъ осчастливить словомъ.
Все сердце возмущается, въ немъ спорятъ
Два голоса, душа объята мракомъ,
Я истины не узнаю. — Отецъ!
Ты правду говорилъ: я слишкомъ твердо
Увѣренъ былъ въ себѣ; стою колеблясь,
Не знаю я, какъ долженъ поступить.

ГРАФИНЯ.

Не знаете? Вамъ не сказало сердце?
Такъ я скажу. — Отецъ вашъ измѣнилъ
Безбожно намъ измѣной вопіющей,
На герцога онъ посягнулъ, онъ стыдъ
Навлекъ на насъ; — такъ ясно же что̀ дѣлать
Вы, сынъ его, должны: его злодѣйство
Исправивъ, вѣрности подать примѣръ.
Чтобъ имя Пикколомини проклятьемъ
Всегдашнимъ не осталось, и позорнымъ
Прозваніемъ въ семействѣ Валленштейновъ.

МАКСЪ.

Изъ чьихъ я устъ услышу голосъ правды?
Волнуютъ всѣхъ насъ страсти здѣсь. О, еслибъ
Теперь ко мнѣ сойти могъ ангелъ съ неба,
Мнѣ истину святую почерпнуть
Изъ чистаго ключа, рукою чистой.

Взоръ его обращается на Тэклу.

И я еще зову его? Другого
Жду ангела? —

Онъ подходитъ къ ней.

Судьею будь святое,
Непогрѣшительное сердце это.
Да, спрашиваю я твою любовь,
Которая лишь осчастливить можетъ
Безвиннаго, которой виноватый
Лишится навсегда. Меня любить
Ты можешь ли, когда останусь съ вами?
Скажи, что можешь, — и на вѣкъ я вашъ.

ГРАФИНЯ — Тэклѣ.

Подумай....

МАКСЪ — прерывая ее.

Нѣтъ! Не думай ни о чемъ.
Скажи что̀ чувствуешь.

ГРАФИНЯ.

Отецъ твой, помни....

МАКСЪ — опять прерываетъ ее.

Не Фридланда я спрашиваю дочь,
Мою я Тэклу спрашиваю. Дѣло
Идетъ не о коронѣ; размышлять
Тогда могла бы ты; дѣло о душевномъ
Спокойствѣ друга твоего идетъ,
О тысячѣ товарищей отважныхъ,
Которые послѣдуютъ теперь
Его примѣру. Отъ моей присяги
Я долженъ ли отречься? Въ станъ отца
Я долженъ ли послать преступно пулю?

Свинецъ, изъ ствола вырвавшійся вонъ,
Не мертвое орудіе. Духъ лютый
Вселяется въ него, во власть впадаетъ
Онъ Эвменидъ карающихъ, и злѣйшій
Онѣ ему указываютъ путь.

ТЭКЛА.

О Максъ!

МАКСЪ — прерываетъ ее.

Не отвѣчай мнѣ слишкомъ скоро.
Тебя я знаю, сердцемъ ты способна
Труднѣйшій долгъ всѣмъ прочимъ предпочесть.
Какъ человѣкъ здѣсь поступить хочу я,
Не какъ герой. Подумай, чѣмъ обязанъ
Я герцогу, припомни, чѣмъ воздалъ
Ему отецъ мой. А влеченье дружбы,
Признательности чувство для души —
Святой законъ, и мститъ тяжелымъ мщеньемъ
Природа нарушителю его.
Все, все ты взвѣсь, — и твоему дай сердцу
Рѣшить вопросъ.

ТЭКЛА.

Твое его давно
Рѣшило. Первому послѣдуй чувству
Ты своему.

ГРАФИНЯ.

Несчастная!

ТЭКЛА.

Какъ можетъ
Быть справедливымъ то, чего съ начала
Ты не избралъ правдивымъ этимъ сердцемъ?
Исполни долгъ свой. Какъ ты-бъ ни рѣшился,
Тебя любить не перестала-бъ я,
Поступки всѣ твои тебя достойны
И благородны были бы всегда;
Но не должно раскаянье нарушить
Душевнаго покоя твоего.

МАКСЪ.

Итакъ — разстаться долженъ я съ тобою!
Жить безъ тебя!

ТЭКЛА.

Себѣ оставшись вѣренъ,
Ты вѣренъ мнѣ. Судьба насъ разлучаетъ,
Сердецъ ей нашихъ разлучить нельзя.
Домъ Фридланда и Пикколомини
Отнынѣ будутъ во враждѣ свирѣпой
Изъ рода въ родъ, — но мы съ тобой стоимъ
Внѣ дома нашего. — Иди же, — дѣло
Свое ты праведное отдѣли
Отъ нашего злосчастнаго. Не медли!
На насъ сошло проклятіе небесъ,
Паденью мы обречены. Погубитъ
Вина отца съ нимъ и меня. Не сѣтуй!
Рѣшится скоро жребій мой.

Максъ, въ сильномъ волненіи, обнимаетъ ее. За сценой слышны громкія протяжныя восклицанія: Vivat Ferdinandus! сопровождаемыя военной музыкой. Максъ и Тэкла неподвижно остаются въ объятіяхъ другъ друга.

ЯВЛЕНІЕ XXII.

ПРЕЖНІЕ, ТЕРЦКІЙ.

ГРАФИНЯ — идетъ на встрѣчу Терцкому.

Что это?
Что значутъ эти клики?

ТЕРЦКІЙ.

Все пропало!
Все кончено!

ГРАФИНЯ.

Онъ ихъ смирить не могъ?

ТЕРЦКІЙ.

Напрасно было все.

ГРАФИНЯ.

Они кричали —
Да здравствуетъ...

ТЕРЦКІЙ.

Австрійскій Фердинандъ.

ГРАФИНЯ.

Измѣнники!

ТЕРЦКІЙ.

Ни одного промолвить
Ему и слова не дали. Когда
Онъ началъ говорить, его прервали
Музыкой громкой. — Вотъ идетъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

ПРЕЖНІЕ, ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ; съ нимъ входятъ ИЛЛО и БУТТЛЕРЪ, потомъ кирасиры.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Терцкій!

ТЕРЦКІЙ.

Князь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Чтобъ немедленно твои полки
Готовились къ походу. Мы до ночи
Оставимъ Пильзенъ. — Терцкій уходитъ.
Буттлеръ!

БУТТЛЕРЪ.

Генералъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Начальникъ въ Эгрѣ твой землякъ и другъ.

Отправь къ нему нарочнаго сейчасъ же
Съ письмомъ, чтобъ онъ принять насъ завтра въ крѣпость
Готовъ былъ. Выступишь съ своимъ полкомъ
Ты вслѣдъ за нами.

БУТТЛЕРЪ.

Слышу, генералъ.
Исполню все.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — подходитъ къ Максу и Тэклѣ, которые все это время держали другъ друга въ объятіяхъ.

Разстаньтесь!

МАКСЪ.

Боже!

Кирасиры съ обнаженными палашами входятъ, и останавливаются въ глубинѣ залы. Въ то же время слышны за сценой отрывки изъ Папенгеймскаго марша.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — кирасирамъ.

Вотъ онъ.
Свободенъ онъ. Я не держу его.

Отворачивается, и стоитъ такъ, что Максъ не можетъ подойти ни къ нему, ни къ Тэклѣ.

МАКСЪ.

Меня ты ненавидишь, изгоняешь
Меня ты въ гнѣвѣ. Узы дружбы нашей
Мы не развяжемъ съ кроткою пощадой;
Ты разрываешь ихъ, и захотѣлъ
Разрыва боль еще больнѣе сдѣлать
Для сердца моего. Жить безъ тебя
Не научился я, ты это знаешь;
Иду въ пустыню, — все здѣсь оставляю,
Все, что люблю! Не отвращай лица!
Твои черты, мнѣ вѣчно дорогія,
Мнѣ разъ еще теперь увидѣть дай!
Не отвергай меня!

Онъ хочетъ взять его руку; Валленштейнъ отдергиваетъ ее. Максъ обращается къ графинѣ,

Не обратится-ль
Взоръ состраданья на меня? Графиня!

Графиня отворачивается; онъ подходитъ къ герцогинѣ.

Мать Тэклы вы моей!

ГЕРЦОГИНЯ.

Идите, графъ,
Куда зоветъ васъ долгъ. Намъ вѣрнымъ другомъ,
Заступникомъ намъ можете усерднымъ
У трона императора вы быть.

МАКСЪ.

Вы не хотите безъ надеждъ оставить,
Предать вполнѣ отчаянью меня.
Отрады не ищите мнѣ напрасно
Въ пустой мечтѣ. Мое несчастье вѣрно,
И слава милосердымъ небесамъ,
Что прекратить его дано мнѣ средство.

Музыка гремитъ снова. Зала болѣе и болѣе наполняется вооруженными ратниками. Максъ видитъ Буттлера.

Вы здѣсь, полковникъ Буттлеръ? и со мной
Нейдете вы? Прощайте же! Служите
Вы господину новому вѣрнѣй,
Чѣмъ прежнему служили. Дайте руку
И слово мнѣ, что будете всечасно
Жизнь охранять его. — Буттлеръ не даетъ ему руки.
Онъ подъ опалой.
Его судъ цесаря предастъ ножу
Злодѣя каждаго, который цѣну
Назначенную взять себѣ захочетъ
За голову его. Ему теперь
Заботливость нужна прямого друга,
А тѣ, которыхъ вижу вкругъ него —

ИЛЛО.

Измѣнниковъ ищите тамъ, гдѣ Галласъ
И вашъ отецъ. Здѣсь лишь одинъ остался.
Насъ отъ него избавить вамъ пора.

Максъ хочетъ еще разъ подойти къ Тэклѣ; Валленштейнъ препятствуетъ ему. Онъ стоитъ въ горестномъ недоумѣніи. Между тѣмъ зала все больше наполняется ратниками, и за сценой звуки трубъ раздаются все громче и чаще.

МАКСЪ.

Трубите! О, когда бы это былъ
Зовъ шведскихъ трубъ, зовъ къ битвѣ безпощадной!
Когда-бъ мечи всѣ эти обнажились
Пронзить мнѣ грудь! — Чего хотите вы? —
Меня съ ней разлучить? — Не доводите
Вы до отчаянья меня! Придется
Раскаяться вамъ въ томъ. —

Вся зала наполнена ратниками.

Еще, еще
На тяжесть тяжесть, и людская масса
Увлечь меня готова. Берегитесь!
Себѣ вождемъ опасно брать того
Кто безнадеженъ. Вы меня изъ рая
Безжалостно влечете моего, —
Свершись же месть надъ вами роковая!
Будь выборъ вашъ вамъ карой и бѣдою!
Идетъ на смерть, кто слѣдуетъ за мною!

Онъ удаляется; кирасиры, въ шумномъ волненіи, окружаютъ и провожаютъ его. Валленштейнъ стоитъ неподвижно. Тэкла падаетъ въ объятія матери. Занавѣсъ опускается.

К. Павлова.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

НЕСЧАСТНЫЕ

II*).

НА КАТОРГѢ.

Въ началѣ декабря, темною ночью, подъѣзжалъ я къ Нижнему Карійскому промыслу, одному изъ центральныхъ мѣстъ, предназначенныхъ для работъ тѣхъ ссыльно-каторжныхъ, которые, по судебнымъ приговорамъ, назначаются въ такъ-называемые Нерчинскіе рудники.

Дорога шла въ сторону отъ рѣки Шилки густымъ хвойнымъ лѣсомъ; вовсе неразчищенная, мало-приспособленная къ проѣзду, но въ то же время (сколько можно было судить по ныркамъ, т. е. ухабамъ) крѣпко подержаная, дорога эта казалась торною. Вѣтви деревьевъ хлестали по лошадямъ, совались къ намъ въ сани: надо было изловчаться, чтобы не потерять глазъ, не исцарапать лица. Къ тому же дорога до того была узка, что мы принуждены были снять у саней отводы, хотя въ то же время сани наши были приспособлены именно для такихъ окольныхъ, мало-наѣзженныхъ дорогъ, и сани эти уже успѣли съ достоинствомъ выдержать испытаніе слишкомъ на тысячѣ верстъ.

Темнота и густота лѣса усиливали наши несчастія: мы налезали на пни и съ трудомъ съ нихъ снимались; сани безъ отводовъ валились въ первую глубокую и покатую выбоину. Провожатые мои ворчали и сердились.

— Ужъ во-истину дорога каторжная, замѣчалъ-одинъ.

— Оттого и каторжная, что ведетъ на каторгу! острилъ другой.

---

*) См. выше, т. III, стр. 480—545.

— Такъ-то, парень, поглядишь,—толковалъ первый: дорога на каторгу какъ бы узенькая, а подумаешь — такъ она выходитъ больно широкая.

— Туда-то широкая, мудрствовалъ второй, а оттуда-то опять узенькая. Попасть легко, а не вырвешься.

— Сказано, милый человѣкъ: не отпирайся ни отъ сумы, ни отъ тюрьмы.

И разговоръ кончился обоюднымъ вздохомъ.

Тишина и темнота давали широкій просторъ воображенію: рисуй что̀ хочешь, но не дальше заданной темы. Вотъ впереди то самое мѣсто, гдѣ соединяются вмѣстѣ всѣ тяжкіе преступники, высланные изъ Россіи, всѣ убійцы, разбойники и грабители. Работа на этихъ казенныхъ золотыхъ промыслахъ полагается самою высшею мѣрою наказанія для всѣхъ подобнаго рода злодѣевъ. Съ ослабленіемъ въ послѣдній десятокъ лѣтъ серебрянаго промысла въ нерчинскихъ горныхъ заводахъ и за уничтоженіемъ разработки рудниковъ руками ссыльныхъ преступниковъ,—Карійскіе промыслы (Верхній, Средній, Нижній и Лунжанкинскій) представляли единственный матеріалъ для изученія истиннаго значенія такъ-называемой каторги. Я поѣхалъ туда съ удвоеннымъ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что̀ во всемъ нерчинскомъ краѣ только при этихъ четырехъ промыслахъ (да еще при Петровскомъ желѣзномъ заводѣ) остались тюрьмы собственно каторжныя.

Ночь была до того темна, что мы съ великимъ трудомъ могли распознать, гдѣ кончился лѣсъ и начался перелѣсокъ. Запахъ жилого мѣста, не смотря на жгучій морозъ, вскорѣ далъ намъ знать, что селеніе у насъ уже на носу; а вотъ и самая каторга гдѣ-то тутъ же и очень близко. Откуда-то вырвался звонкій выкрикъ и раскатился въ морозномъ воздухѣ длинною трелью, которой, казалось, и конца не было; во всякомъ случаѣ, вела эту ноту здоровая грудь, ненатруженныя легкія. На окликъ послѣдовалъ отвѣтъ, который также со звономъ разсыпался въ разрѣженномъ воздухѣ по горамъ и заглохъ только въ перелѣскѣ. У третьяго оборвалась нота безъ трелей: голосъ осѣкся отъ морозной струи, судорожно захватившей крикливое горло. Оклики посыпались одинъ за другимъ; кричащіе, что̀ пѣтухи, играли въ перегонку, кто кого лучше и чище споетъ: и такихъ очень много. Значитъ — мы на каторгѣ, но распознать за темнотою ничего не можемъ.

Успѣваемъ припомнить прошлогоднее событіе, разсказъ о томъ, какъ на этихъ самыхъ промыслахъ, изъ какой-то тюрьмы вырвался одинъ звѣрь и въ одну ночь, въ разныхъ домахъ, за-

рѣзалъ пятерыхъ и въ томъ числѣ погубилъ мать съ двумя младенцами, такъ, изъ любви къ чужой крови, безъ всякаго повода и причины. На душѣ становится не совсѣмъ покойно: воображеніе говоритъ, что впереди насъ звѣринецъ, наполненный кровожадными и голодными звѣрями; къ тому же, звѣринецъ этотъ плохо сколоченъ, дурно и не крѣпко запертъ; но разсудокъ старается увѣрить въ томъ, что, вѣроятно, и здѣсь полагается недремлющій сторожъ, имѣется укротитель. Теперь, въ неопредѣленной темнотѣ, всего этого распознать мы не можемъ,—завтра навѣрное увидимъ.

Тяжелыя, гнетущія сердце мысли не покидаютъ насъ и въ уютной, теплой квартирѣ, до самаго утра, до разсвѣта. Пойдемъ же смотрѣть, что̀ день укажетъ. Вотъ мы и на улицѣ.

Направо и налѣво сильно-подержанныя, покривившіяся, утлыя хаты; онѣ идутъ въ порядкѣ, изъ порядковъ образуется улица одна, другая, пятая. Передъ нами цѣлое селеніе, которое только тѣмъ и отличается отъ шилкинскихъ и другихъ, что оно бѣдное, старое, совсѣмъ не подновляемое. Нѣкоторые дома, какъ мазанки, грязноваты снаружи, заборы полуобрушенные; видно, голь и бѣдность строились тутъ; видно, она же и теперь тутъ живетъ. Но селеніе это, какъ извѣстно, казенное: вотъ неизмѣнный хлѣбный и соляной амбаръ, съ неизбѣжнымъ часовымъ, товарищи котораго, а можетъ быть и самъ онъ кричалъ такъ усиленно и настойчиво-громко цѣлую прошлую ночь. Но гдѣ же тюрьма, частоколъ, острогъ—жилище главныхъ хозяевъ селенія? Смотрю кругомъ—и не вижу. Вижу опрятнѣе другихъ, чистенькій домикъ, — вѣроятно, начальника промысла, пристава; вижу другой, почти такой же, можетъ быть, смотрителя тюремнаго. Но гдѣ же тюрьма, когда кругомъ обыкновенные обывательскіе дома̀, свободные отъ часовыхъ и караула?

— Вонъ и тюрьма! говорятъ мнѣ, указывая на одинъ изъ домовъ, наружной постройкой похожій на обыкновенныя деревянныя сибирскія казармы. Домъ этотъ и я принялъ за казарму, не разглядѣвши только въ окнахъ ея желѣзныхъ рѣшетокъ, отсутствіе которыхъ въ другомъ сосѣднемъ домѣ характеризовало настоящую, дѣйствительную казарму. Близость тюрьмы объяснялась отчасти сосѣдствомъ гауптвахты, нѣсколькими физіономіями въ папахахъ, принадлежащими сибирскимъ казакамъ.

Но кто же эти люди, которые идутъ мнѣ навстрѣчу? Люди эти безъ кандаловъ; стало быть, не тюремные сидѣльцы, и, по всему вѣроятію, выслужившіе свой срокъ ссыльно-каторжные. Вѣжливо предупреждаютъ они поклонъ нашъ, снимая шапки и кланяясь. А вотъ и сами преступники, побрякивая кандалами,

творятъ свое домашнее дѣло: сопровождаемые часовымъ, несутъ они вдвоемъ на палкѣ ушатъ, накрытый тряпками. Изъ ушата этого валитъ паръ и щекочетъ обоняніе знакомымъ запахомъ національнаго «горячаго», извѣстнаго въ казармахъ подъ названіемъ щей купоросныхъ. И эти преступники вѣжливо снимаютъ намъ шапку: смѣшно намъ на себя за вчерашніе грезы и страхи, и готовы мы оправдаться только тѣмъ, что свѣтъ дневной всякіе страхи гонитъ.

— Хотите вы видѣть каторжнаго: вотъ вамъ первый изъ нихъ! говоритъ мнѣ приставъ промысла, обязательно вызвавшійся познакомить меня со всею подробностью своей службы.

— Иванушко, поди-ко сюда! кричалъ онъ встрѣчному.

Изъ воротъ сосѣдняго дома вышелъ человѣкъ въ рваной шапчонкѣ, со всклокоченной рѣденькой бороденкой; шея его была голая; армячишко совсѣмъ слѣзъ съ плечъ, и даже рубаха подъ нимъ была рваная. На ноги этого человѣка я уже и рѣшимости не имѣлъ посмотрѣть. Иванушку всего подергивало; голова нетвердо держалась на плечахъ; онъ то приклонитъ ее къ правому плечу, то быстро отдернетъ къ лѣвому. Лѣвое плечо ходуномъ ходитъ, и самого Иванушку какъ-будто всего ведутъ судороги, какъ будто чувствуетъ онъ, что всѣ его конечности не на своихъ мѣстахъ, и онъ употребляетъ теперь всѣ усилія, чтобы вправить ихъ кости въ чашки: въ надлежащія и пристойныя мѣста. Видно, тяжело Иванушкѣ носить свою головушку, да и съ остальнымъ тѣломъ мудрено ему ладить; а, повидимому, онъ не тяготится этой работой; на дворѣ слишкомъ тридцать градусовъ мороза, а у него оба плеча буквально голыя.

— Работа каторжная такъ его изуродовала? Въ серебряныхъ фабрикахъ наглотался онъ ртутныхъ паровъ и качаетъ теперь головой? Принялъ что-нибудь такого внутрь, по совѣту доброхота-злодѣя, чтобы умягчить для себя ядовитую болѣзнь или тяжесть каторги, и тѣмъ записать себя въ разрядъ неспособныхъ?

— Ни то, ни другое, ни третье! отвѣчаютъ намъ. Иванушку сюда именно такимъ и прислали, готовымъ.

Иванушко былъ передъ нами.

— Гдѣ ты былъ? ласково спрашивалъ его приставъ.

— Снѣжку отгребалъ: покормили за то! отвѣчалъ Иванушко и брызгалъ. Голова какъ будто еще сильнѣе заходила на плечахъ. Лѣвое плечо такъ и приподнялъ онъ до самыхъ ушей.

— А кто ты такой? продолжалъ разспрашивать приставъ.

— Я — божій человѣкъ! гнусливо растянулъ старичекъ.

— Какъ прозываешься-то?

— Поселенцомъ велятъ зваться.

— Откуда ты родомъ?

— Съ Вятки родомъ.

— За что̀ присланъ-то сюда?

— Я и самъ незнаю. Мнѣ бы ужъ домой идти надо. На родину пора.... Тамъ у меня тятька съ маткой остались.

— Да вѣдь ужъ нельзя тебѣ возвращаться-то....

— Можно, говорятъ вонъ тамъ.

Иванушко указалъ рукой на тюрьму.

— Надо, слышь, только бумагу этакую достать; безъ бумаги-де не пропустятъ и назадъ вернутъ. Дай ты мнѣ такую бумагу, чтобы мнѣ въ Расею уйти; сколько прошу!! (и въ послѣднихъ словахъ послышался упрекъ).

— Всякій разъ обращается онъ ко мнѣ съ этой просьбой! объяснялъ мнѣ приставъ потомъ, когда мы оставили Иванушку.

Вотъ что̀ мы слышали потомъ объ Иванушкѣ. Въ статейныхъ спискахъ (которые сопровождаютъ всякаго ссыльнаго, какъ паспортъ и аттестатъ), онъ показанъ приговореннымъ въ ссылку за скотоложство; самъ онъ разсказываетъ, что присланъ сюда за расколъ; знающіе люди увѣряли, что расколъ усугубилъ только степень наказанія. Но дѣло станетъ понятнымъ и яснымъ, если представить себѣ, что Иванушко родился *боженикомъ* (и не только къ какой-нибудь умственной, догматической работѣ, но и ни къ какой валовой домашней былъ неспособенъ), и попалъ за то въ пастухи, и что обездоленный идіотизмомъ (непомѣшавшимъ, однако, развиться въ немъ грубымъ, извращеннымъ животнымъ инстинктамъ), онъ въ скотскомъ стадѣ впалъ въ тотъ грѣхъ, который увелъ его въ самое дальное мѣсто поселенія. Ближніе судьи судили въ немъ отвлеченную идею; дальніе вершители не видали въ глаза подсудимаго, приговоръ былъ подписанъ, и вотъ приведенъ въ исполненіе. Надъ Иванушкой въ тюрьмѣ смѣются; посмѣшищемъ онъ былъ и во всю дорогу по этапамъ; всѣ его любятъ, всѣ его учатъ, кто чему можетъ, и хорошему, и худому; ходитъ онъ по чужимъ дворамъ просить милостыню; объ одеждѣ онъ не заботится; одѣнутъ другіе, онъ полагаетъ, что это такъ и слѣдуетъ: и спасибо не скажетъ. На Карѣ Иванушко человѣкъ неспособный и совсѣмъ лишній.

— Дай мнѣ такую бумагу, чтобы мнѣ въ Расею можно уйти! просилъ онъ меня, придя ко мнѣ на квартиру.

— Далъ бы я тебѣ такую бумагу, да дать не могу.

— А мнѣ въ тюрьмѣ сказали, что можешь.

— Далъ бы я тебѣ, Иванушко, такую бумагу, которая бы тебя въ богадельню увела и тамъ оставила, да не въ силахъ я!

— Въ богадельню бы мнѣ хорошо.

— Хорошо, Иванушко, такъ хорошо, что тамъ тебѣ только и мѣсто! Лечили бы тебя — вылечили. Здоровый бы вышелъ, дѣвку полюбилъ. Полюбилъ бы ты дѣвку, женился на ней.

— Нѣту! Я дѣвокъ смерть не люблю: въ дѣвкахъ-то черти, дьяволы сидятъ.

И Иванушко мой заплевался, разворчался; сердитъ сталъ не въ мѣру. Самыя судороги его пошли примѣтно-учащеннѣе и озлобленнѣе. Иванушко былъ просто идіотъ и притомъ, по свойству многихъ больныхъ-болѣзнями нервными, имѣлъ одно больное мѣсто (антипатію), прикосновеніе къ которому вызывало ожесточенные припадки. Иванушко, по общимъ сказамъ, не любилъ два-три слова и, смирный вообще, при напоминаніи словъ этихъ онъ выходилъ изъ себя, бросалъ чѣмъ ни попало въ равныхъ себѣ и знакомыхъ и бѣгалъ отъ неровней и незнакомыхъ, какъ это онъ сдѣлалъ и со мною. Сдѣлались ли слова эти ненавистными больному съ самаго того времени, когда онъ уразумѣлъ практическій смыслъ ихъ, или напротивѣли они ему до омерзѣнія отъ частаго напоминанія въ насмѣшкахъ досужихъ и праздныхъ товарищей — рѣшить теперь трудно. Иванушко во всякомъ случаѣ былъ вѣренъ антипатіи къ словамъ ненавистнымъ и во все время на каторгѣ не измѣнилъ себѣ ни одного раза. Безконечно жалко Иванушку, который, вмѣсто богадельни, попалъ на каторгу и страшно за него, когда знаешь, что въ сосѣдствѣ съ нимъ живутъ люди настоящіе каторжные. Не прилипнетъ къ нему злодѣйская грязь по причинѣ крайней неподатливости его почвы, но и не вылечатъ его здѣсь отъ болѣзни, для которой въ медицинѣ нашлись бы кое-какія облегчающія снадобья.

— А вотъ и другой экземпляръ ссыльно-каторжнаго! говорилъ мнѣ карійскій приставъ, указывая на высокаго старика, сѣдого какъ лунь, тщательно выбритаго и чистенько одѣтаго. Старикъ приковалъ мое вниманіе необыкновенно правильными чертами лица; въ глазахъ его было много еще жизни, и во всѣхъ чертахъ лица много мягкости и ничего злодѣйскаго ни во взглядѣ, ни въ улыбкѣ; даже и верхняя челюсть не была развита въ ущербъ остальнымъ частямъ лица. Глядѣлъ онъ бодро, честно и открыто; шелъ смѣло и увѣренно. Сложенъ онъ былъ превосходно и даже той сутулости, которая характеризуетъ всякаго ссыльнаго, битаго кнутомъ, и даже той запуганности, которая заставляетъ прятать взоръ куда-нибудь въ сторо-

ну, въ уголъ, мы въ немъ не замѣтили. Наконецъ, той робости, которая велитъ скидать шапку всякому встрѣчному (что̀ такъ любятъ и привыкли дѣлать всѣ, просидѣвшіе долгое время въ каторжной тюрьмѣ) — въ старикѣ нашемъ также замѣтно не было. Внѣшній видъ расположилъ меня въ его пользу, и я готовъ былъ усумниться въ подлинности и вѣроятіи рекомендаціи пристава; но послѣдній настаивалъ на своемъ:

— Три года въ Акатуѣ на цѣпи сидѣлъ.

И самъ старикъ разсказывалъ потомъ:

— Въ Калугѣ, на родинѣ, почту мы ограбили и почтальона съ ямщикомъ убили.

И откуда онъ взялъ столько хладнокровія, чтобы совершенно спокойно выговорить эти послѣднія слова изъ разсказа своего.

— А за что̀ тебя на цѣпь посадили? — спрашивалъ за меня приставъ.

— Сами знаете, ваше благородье! — отвѣчалъ старикъ, и мягкая, кроткая улыбка пробѣжала по лицу его. Улыбка эта, можетъ быть, въ то время меня обманула; но я и теперь за нее. Далеко ходить въ оправданіе ея; но лицо старика при дальнѣйшихъ распросахъ оставалось невозмутимо-спокойнымъ. Думалъ ли онъ на тотъ разъ, что передъ прямымъ, непосредственнымъ своимъ начальникомъ скрываться нечего: онъ все знаетъ; или сообразилъ онъ, что нѣтъ грѣха сознаться въ томъ преступленіи, которому минула законная давность, и тяжесть котораго давно уже искуплена цѣпью и одиночнымъ заключеніемъ, сосредоточивающимъ всѣ помыслы въ самомъ себѣ,—старикъ обо всемъ этомъ вслухъ не сознался; но повѣдалъ другое:

— На цѣпи я сидѣлъ за то, что изъ тюрьмы бѣжалъ, на дорогѣ бурятскую юрту ограбилъ и одного братскаго задушилъ.

И опять хладнокровный тонъ въ показаніи, какъ будто во свидѣтельство того, что старикъ теперь не боится за себя. Знать, «умыкали бурку крутыя горки».

— Взялъ я его къ себѣ въ водовозы, и не нахвалюсь стараніемъ и усердіемъ; запиваетъ иногда, но очень рѣдко — говорилъ мнѣ приставъ. У нашего начальника жила въ кормилицахъ женщина, сосланная сюда за убійство собственнаго ребенка, и исполняла свою обязанность съ такой любовью, что иная мать не прилагаетъ столько нѣжности и ласки къ собственному дѣтищу. Мы объяснили это порывами раскаявшейся натуры, жаждавшей искусственною, подогрѣтою любовью замыть кровавый грѣхъ ужаснаго преступленія,—но баба эта насъ обманула. Теперь она осталась нянькою при многихъ дѣтяхъ, и вотъ

уже четвертый годъ такая же неустанная, безсонная, честная и нѣжная работница.

Третій, Мокѣевъ, и также случайно попавшійся намъ на глаза былъ именно изъ тѣхъ боязливыхъ и робкихъ, которые привыкли прятать свой взглядъ, привыкли быть замкнутыми и неоткровенными на любой изъ вызывовъ вашихъ. Ссыльный этотъ писалъ, напр., стихи, и одно время исполнялъ даже обязанность полковаго піиты: написалъ по заказу начальства пѣсню на отправленіе первой экспедиціи, снаряженной для завоеванія Амура. Онъ же сочинилъ цѣлую тетрадку виршей, посвященныхъ описанію всяческаго быта ссыльнаго въ тюрьмѣ и за тюрьмою. Я долго просилъ его подѣлиться со мной плодами его досуговъ, въ разсчетѣ встрѣтить въ немъ одного изъ тѣхъ сочинителей пѣсенъ, которые приготовляютъ на тюремный обиходъ казарменныя новыя пѣсни въ замѣнъ старыхъ народныхъ, но получилъ отвѣтъ, что стихи онъ забылъ, а тетрадку зачитали товарищи. При дальнѣйшихъ просьбахъ, я добился только обѣщанія принести надняхъ; ждалъ я недѣлю и тетрадки все-таки не получилъ. Мокѣевъ пришелъ въ Нерчинскіе заводы *по дѣлу объ ограбленіи и умерщвленіи* какого-то купца, гдѣ-то въ степныхъ губерніяхъ, и принесъ съ собой рекомендательныя письма. По письмамъ этимъ онъ оказался виновнымъ только въ томъ, что былъ при убійствѣ свидѣтелемъ, но не участникомъ; письма говорили между прочимъ и то, что онъ, нося веселое званіе купеческаго сына или брата, велъ въ то же время и жизнь, приличную этому званію, т. е. ничего не дѣлалъ, кромѣ кутежей, ничего не видѣлъ, кромѣ трактировъ и погребковъ; жилъ такимъ образомъ долго и весело, пока не истощились отцовскія деньги. Недостатокъ денегъ вывелъ его изъ трактира въ кабакъ. Въ кабакѣ онъ попалъ на развеселыхъ товарищей, которые образовали шайку, имѣвшую намѣреніемъ поправить свои обстоятельства и подсластить пропойную жизнь на чужія средства. Средствомъ для этого друзья придумали грабежъ на большой дорогѣ. Желая ограничиться грабежемъ, они сгоряча и въ противоборствѣ совершили убійство, но безъ участія Мокѣева, хотя и въ его присутствіи. Какъ соучастникъ и другъ убійцъ, недавшій вовремя знать начальству о преступленіи, онъ, отъ товарищества судомъ выдѣленъ не былъ, и вмѣстѣ съ ними попалъ на каторгу. Сюда, когда онъ освободился изъ тюрьмы, богатые родные присылали ему деньги. На деньги, при посредствѣ промысловаго начальства, вознаградившаго его тѣмъ снисхожденіемъ и участіемъ, которыхъ не получилъ онъ отъ судей, онъ успѣлъ было затѣять кое-какую торговлю. Торговалъ онъ удачно и

деньги наживать началъ, да вдругъ вспомнилъ о своемъ бездольи и родинѣ — и запилъ. Запой сокрушилъ всѣ его средства; новыя присылки денежной помощи шли въ кабакъ. Сколько ни валили потомъ щебня въ болото, гати не сдѣлали; разъ прососавшаяся вода по знакомому ложу смывала всѣ преграды. На время (и только на время) пріостановилась - было вода на мельницѣ, не рвала гати и обѣщала по ней прямое и надежное русло туда, куда надо: Мокѣевъ полюбилъ вольную казачку, полюбился и ей, и женился. Торговля опять пошла на ладъ; колеса на мельницѣ завертѣлись: мука была и покупателей было довольно, да вдругъ загулъ, и опять прорвало плотину. Суетилась жена, хлопотали сосѣди, суетились и хлопотали много и долго, а - добились одного только, что больной сталъ пить не загулами, а заноемъ, что, какъ извѣстно, и безнадежно и неизлечимо. Сталъ Мокѣевъ человѣкъ убитый и потерянный, и скрежещетъ теперь зубами на свою шаль и дурь, и жену бы любилъ и всѣми сосѣдями былъ бы любимъ за кроткій податливый нравъ, да слабость свалила и не позволяетъ встать на ноги: Мокѣевъ теперь на все рукой махнулъ.

— Ничего съ нимъ не подѣлаешь, — говорила жена его: самый безпутный человѣкъ! пѣсни писать пуще прежняго началъ, станетъ тебѣ читать какую, — слезой прошибетъ. Лучше бы ужъ въ гробъ скорѣе ложился да гробовой доской накрывался. Вотъ и вчера пьянехонекъ домой пришелъ и завтра такой же будетъ.

Но отдѣльно взятыя, случайно попавшіяся, личности мало значутъ. Къ тому же, живя на свободѣ, они могли утратить много того, чѣмъ отличается настоящій каторжный, да и жизнь на свободѣ хотя и подлѣ самыхъ воротъ каторги — далеко не каторга. Про людей, вышедшихъ изъ тюрьмы и самые сосѣди многого не скажутъ: многое забыли они, многое стараются забыть, зла не помня. И сами мы намѣрены не біографіи писать: мы хотимъ видѣть каторгу.

Каторги, однако, мы видѣть не могли. Постоянные холода, стоявшіе все время ниже 30°,—и человѣколюбіе горныхъ офицеровъ задержали работы на разрѣзѣ до благопріятнаго времени. Каторжныхъ изъ тюрьмы не выпускали, кромѣ нарядовъ на легкія и недолговременныя работы. Тѣмъ лучше: стало быть, мы увидимъ тюрьму въ полномъ составѣ и сборѣ. Идемъ туда.

Вотъ эта тюрьма нижняго карійскаго промысла у насъ передъ глазами. На тюрьму, въ томъ смыслѣ, какъ бы хотѣло представлять наше воображеніе, она не похожа. Нѣтъ даже и того казеннаго вида, какимъ поражаетъ всякій старый этапъ по

сибирскимъ дорогамъ. Нѣтъ этихъ заостренныхъ сверху бревенъ, плотно приставленныхъ одинъ къ другому, черныхъ, погнившихъ; нѣтъ и этихъ огромныхъ воротъ по серединѣ, съ низенькой захватанной калиткой и двумя полуразвалившимися будками по обѣимъ сторонамъ скрипучихъ, громадныхъ, тяжелыхъ воротъ, которыя отворяются только два раза въ недѣлю, чтобы проглотить и потомъ выбросить проходящую партію. Карійская тюрьма глядитъ рѣшительной казармой, и много-много если она похожа на такую, гдѣ существуетъ такъ называемая сибирка, кутузка — мѣста для временнаго полицейскаго ареста. Снаружи, казарма эта очень ветхая, и даже не видать, чтобы она была недавно починена; рѣшетки ржавыя, крыльцо погнившее, крыша полинялая; но за то все остальное, обрядовое, въ совершенномъ порядкѣ и надлежащей форменности.

— Ефрейтора! закричалъ надъ нашимъ ухомъ часовой солдатъ, стоявшій у наружной двери.

Явилось требуемое лицо. Наряжены были еще двое конвойныхъ съ ружьями и пущены впередъ.

— Старосту! — закричалъ сзади насъ въ свою очередь ефрейторъ.

Явился и староста, съ бритой на половину головой, съ угодливостью въ лицѣ, съ судорожными движеніями во всемъ тѣлѣ, какъ будто готовый летѣть, растянуться въ воздухѣ по первому призыву и приказу начальника.

Предъ нами отворилась дверь, и словно изъ погреба, въ которомъ застоялась нѣсколько лѣтъ вода и не было сдѣлано отдушинъ, насъ облила струя промзглаго, спершагося, гнилого воздуха, теплаго правда, но едва выносимаго для дыханія. Мы съ трудомъ переводили послѣднее; съ трудомъ могли опомниться и придти въ себя, чтобы видѣть, какъ суетливо и торопливо соскочили съ наръ всѣ закованныя ноги и тотчасъ же, тутъ подлѣ, вытянулись въ струнку, руки по швамъ, по-солдатски. Многіе были въ заплатанныхъ полушубкахъ въ накидку, на сколько успѣли; большая часть просто въ рубашкахъ, которыя когда-то были бѣлыя, но теперь были грязны до невозможности. Мы все это видѣли, видѣли на этотъ разъ большую казарму, въ серединѣ которой въ два ряда положены были деревянныя нары; тѣ же нары обходили кругомъ, около стѣнъ казармы. Видъ извѣстный, неизбывный во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ держатъ людей для казенной надобности въ артелѣ, въ ротахъ, въ батальонахъ. На нарахъ валялись кое-какія лоскутья, рвань, тоненькіе какъ блинъ матрацы, измызганные за долгій срокъ полушубки, и вся эта ничтожная, неимѣющая никакой цѣны и достоинства собственность лю-

дей, лишенныхъ добраго имени, лишенныхъ той же собственности. Вопіющая, кричащая бѣдность и нагота кругомъ насъ, бѣдность и несчастіе, которыя въ добавокъ еще замкнуты въ гнилое жилище, окружены гнилымъ воздухомъ, дышатъ отравой его до цынги, ступаютъ босыми ногами съ жесткихъ наръ на грязный, холодный и мокрый полъ. Нечистота пола превзошла всякое вѣроятіе: на немъ пальца на два (буквально) накипѣло какой-то зловонной слизи, по которой скользили наши ноги, не разъ ходило сильное властью и средствами начальство, — и не замѣтило, а если и замѣтило — то навѣрное забыло. Половина смрада въ казармѣ копилась на полу и наполнила потомъ всю ее до самаго потолка, который также оказался неспособнымъ отправлять свою трудную службу. Отворялись и форточки — и не помогали дѣлу ни мало; топятся и уродливыя огромныя печи и оказываются безсильными. И вся сила спасенія не въ планочкахъ, которыя мы, набалованные повадкой, охотно прибиваемъ ко всякому мѣсту, которое сквозитъ, свиститъ и просвѣчиваетъ, не въ загрунтовкѣ мѣстъ, которыя проболѣли до того, что заразились гноемъ и сочатся гнилой, порченной кровью: вся сила—въ коренной перетрускѣ стараго и въ рѣшительномъ созданіи новаго. На прежнемъ мѣстѣ, пожалуй, но свѣжая казарма должна быть, во что бы то ни стало, и притомъ не по старому образцу и не старыми балованными руками сдѣланная, а по образцамъ новымъ, руками не запачканными, но чистыми, не выверченными изъ вертлюговъ на безполезныхъ работахъ, но здравыми и сильными, которыя зла не творили, а за добромъ давно тянутся и всякому живому гуманному движенію давно уже распростерли горячія объятія [1]).

---

[1]) Лѣтомъ 1857 года въ тюрьмахъ карійскихъ гнѣздилась повальная и смертная цынга. Люди заболѣвали отъ великихъ усиленныхъ работъ ради историческихъ *ста пудовъ золота*, когда всѣ ссыльные каторжные сгруппированы были здѣсь и размѣщены въ тѣсныхъ, и сырыхъ помѣщеніяхъ. Въ результатѣ было то, что свыше тысячи человѣкъ умерло, да въ архивахъ свидѣтельство мѣстнаго лекаря. Онъ писалъ, что причина тому «больше всего обветшалость острожныхъ зданій, въ особенности же зависящая отъ того сырость внутри оныхъ». Мѣрою къ исправленію лекарь полагалъ—просушку зданій, а для того совѣтовалъ на два лѣтнихъ мѣсяца открывать окна или лучше всего вовсе выставить рамы до 20 числа августа. «Для осушенія болотистаго грунта полезно было бы провести по близости около оныхъ тюремъ канавы. Для будущаго лѣта запасти нынѣшнимъ соленій черемши (дикаго чесноку)». Прошло десять лѣтъ и на Карійскихъ промыслахъ тѣ же порядки, тѣ же тюрьмы, а съ ними та же цынга съ раннихъ весеннихъ мѣсяцовъ до глубокихъ осеннихъ. Вотъ сравнительная таблица больныхъ цынгою по мѣсяцамъ: къ апрѣлю цынготныхъ 37, заболѣваетъ вновь 2; къ маю 39, вновь 4; къ іюню заболѣваетъ вновь 11, выздоравливаетъ 7; къ іюлю заболѣваетъ вновь 26, выздоравливаетъ 3, умираетъ 1; въ августѣ выздоравливаетъ 8. Въ октябрѣ, изъ всего числа остается больныхъ только 7 человѣкъ.

Но еще долго проживутъ каторжные въ своихъ вонючихъ и сырыхъ норахъ, пока и до нихъ добѣжитъ лучъ свѣта по казеннымъ инстанціямъ, послѣ множества бумажныхъ справокъ и выправокъ.

— А дай-то Богъ, чтобы поскорѣе время шло — говоритъ каторжный, въ ожиданіи тюремнаго срока содержанія и старательно клеитъ онъ и терпѣливо ладитъ себѣ балалайку или скрипку, ради утѣхи и возможнаго сокращенія досаднаго, безполезнаго времени тяжелой, скучной каторжной жизни.

Снялъ онъ намъ съ гвоздочка скрипку свою, далъ осмотрѣть, дернулъ смычкомъ по струнамъ: — ничего!

— Пѣсни къ этой скрипкѣ голосомъ не подладишь, а плясать можно.

— За что ты попалъ сюда? спросилъ я перваго попавшагося мнѣ на глаза арестанта.

— Лошадь своровалъ, много чужой лошадь своровалъ! отвѣчалъ татаринъ.

— А ты за что?

— Заграницной матеріи наси евреи возили..... — началъ было выясняться передъ нами обитатель западной русской границы, да перебилъ его другой досужій и знающій:

— А кто контрабанду черезъ границу возилъ и въ таможенную стражу изъ ружей стрѣлялъ, двухъ солдатъ положилъ на мѣстѣ?

Смолчалъ еврей.

— А ты за что?

— А я, ваше сіятельство, совсѣмъ понапрасну. Спрашивалъ я у начальства — ничего не сказали. Наказаніе получилъ, сюда привели; ей Богу, лопни глаза мои! занапрасно попалъ.

И арестантъ забожился, и въ рѣзкомъ акцентѣ его выяснился для насъ цыганъ, пришедшій сюда, по всему вѣроятію, за что нибудь по-крупнѣе конокрадства: можетъ быть за грабежъ на большой дорогѣ, подлѣ которой стояли родичи его таборомъ.

— Не хотите ли—предлагаютъ намъ—задаться задачей пройтись по губерніямъ: спросите изъ любой представителя, — изъ всякой можемъ представить. Выбирайте наугадъ!

Подвернулась первою на память кіевская, — нашлись цѣлыхъ трое. Прошлись по Волгѣ отъ вершины до устья, отозвались отъ каждой изъ девяти губерній по одному: на Симбирскую выкрикнули опять трое.

— Такъ и должно быть — поясняютъ намъ: изъ густо населенныхъ губерній захлопнетъ наша западня всегда не меньше одной пары, и при этомъ всегда больше другихъ отличаются юго-

западныя, а изъ приволжскихъ — Симбирская. Впрочемъ, больше идутъ и погуще даютъ преступленія губерніи ближнія къ Сибири: Оренбургская и особенно Пермская; изъ Вятской — поменьше. Изъ Финляндіи и инородцы чаще попадаютъ на поселеніе и если являются къ намъ, то не прямо съ родины, а уже съ мѣстъ поселенія. Замѣчаемъ, что Тобольская губернія преступнѣе всѣхъ и сердитѣе.

— Можемъ утѣшить васъ вотъ чемъ: изъ губерній глухихъ и лѣсныхъ, каковы Архангельская, Вологодская и Олонецкая, мы на столько рѣдко получаемъ къ себѣ паціентовъ, что я вотъ въ 12 лѣтъ ни одного не принялъ оттуда, людей этихъ мѣстностей не знаю и родовъ болѣзней ихъ объяснить себѣ не могу. Изъ инородцевъ не видимъ вовсе лопарей, самоѣдовъ, остяковъ и тунгусовъ: въ Березовѣ даже и тюрьмы не существуетъ. Татаринъ идетъ къ намъ, заурядъ со всѣми, обвиненный по роду тѣхъ преступленій, которыя водятъ на каторгу. Кавказскіе горцы идутъ за грабежи, а киргизы, кромѣ этого, ни въ какомъ уже иномъ преступленіи и не завиняются: баранта у нихъ — племенная добродѣтель, какъ у голодныхъ горцевъ набѣгъ. Еврей рекомендуется больше контрабандистомъ; цыганъ мы привыкли понимать за конокрада, и ужъ давно цыганъ проговорился, что краденая лошадь не въ примѣръ дешевле купленой обходится. Другіе инородцы для насъ безразличны.

— Женщины приходятъ къ намъ за убійство дѣтей, но чаще — за поджоги. Поджогъ также преступленіе дѣтей, стариковъ мы знаемъ, какъ кровосмѣсителей и растлителей; получали ихъ также за ересь и расколъ.

— Разбирая преступниковъ по возрастамъ мы имѣемъ табличку, которая говоритъ намъ, что сосланные до 40 лѣтъ составляютъ 0,65 всего количества, отъ 40 до 50 лѣтъ 0,2; отъ 50 до 60 лѣтъ 0,8 и свыше 60 лѣтъ 0,025.

— Соображая по состояніямъ и по отношенію ссыльныхъ къ общей числительности того и другого сословія, мы можемъ увѣренно сказать и доказать, что преступленія тяжкія, ведущія прямо къ намъ, всего чаще совершаются мѣщанами и солдатами — сословіями искусственно созданными. Они, вмѣстѣ съ другими, значительно облегчаютъ тяжесть упрека, который привыкли валить на крестьянъ, и въ сильной степени ослабляютъ въ общей цифрѣ тяжесть упрека въ черныхъ и тяжкихъ преступленіяхъ. Вотъ не угодно ли вамъ будетъ провѣрить слова наши хоть на промыслахъ нашихъ, хоть пожалуй — и здѣсь въ тюрьмѣ.

Узнавать въ короткихъ, скороспѣлыхъ вопросахъ мы не рѣшились, да къ тому же и не имѣли этого въ виду, а задавали

вопросы по вызову со стороны пристава и для того, чтобы сдѣлать что нибудь въ отвѣтъ на любезную предупредительность и имѣть больше времени осмотрѣться, познакомиться съ наружнымъ видомъ каторжной тюрьмы. Спрашивать самихъ арестантовъ объ ихъ преступленіяхъ намъ казалось неловкимъ и неделикатнымъ (мы въ этомъ и каемся теперь). Да притомъ же, мы давно и хорошо знали, что они никому и никогда не говорятъ истинной причины ссылки, стараясь затемнить ее окольнымъ показаніемъ или новымъ сочиненіемъ; къ правдѣ не пріучили ихъ прежнія слѣдствія наши, и отбили всякую охоту тюремные обычаи и тюремная наука.

Распросы свои мы прекратили, въ разсчетѣ и съ надеждою серьёзнымъ изученіемъ провѣрить наблюденія нашихъ проводниковъ (чего мы и достигли впослѣдствіи). На этотъ же разъ рѣшились прекратить и самое пребываніе въ тюремной казармѣ, гдѣ уже оставаться становилось не въ мочь головѣ и легкимъ (голова разболѣлась, грудь защемило): до того съ непривычки удушливо-тяжела была тюремная атмосфера! Какимъ же образомъ живутъ въ ней люди, что̀ они успѣваютъ тамъ дѣлать и чѣмъ вознаграждаютъ себя за эти лишенія и мученія? Вотъ вопросы, разрѣшенія которыхъ мы принуждены были искать на сторонѣ, узнавать отъ людей, близко стоящихъ къ этому дѣлу, и если не слишкомъ заинтересованныхъ имъ, то и не совсѣмъ чуждыхъ. Отъ нихъ мы узнали многое; все это многое мы провѣрили отчасти собственнымъ наблюденіемъ (насколько это позволяли обстоятельства), отчасти выяснили себѣ по архивнымъ бумагамъ, по разсказамъ самихъ ссыльныхъ, по свидѣтельствамъ ихъ приставниковъ. Все, что досталось намъ въ добычу, несемъ на общій судъ и вниманіе.

Всѣхъ ссыльно-каторжныхъ, находившихся въ то время на Карійскихъ промыслахъ, насчитывалось около 1200 человѣкъ (во всемъ же нерчинскомъ округѣ до 4 тысячъ). Всѣ карійскіе содержались въ четырехъ тюрьмахъ и размѣщены были почти въ одинаковомъ числѣ въ двухъ тюрьмахъ при Среднемъ и Нижнемъ промыслѣ; въ меньшемъ числѣ въ тюрьмѣ Лунжанкинскаго промысла, и самое меньшее, сравнительно, число помѣщено было въ тюрьмѣ Верхняго промысла. Эта послѣдняя тюрьма находилась прежде въ самомъ селеніи, но по удаленіи промысловыхъ работъ (въ 1850 году) она перенесена на новое мѣсто, въ вверхъ по теченію золотоносной рѣки Кары, на одну версту отъ центра промысла, къ подножію горы. Въ тюрьмѣ этой 8 комнатъ, изъ которыхъ каждая способна вмѣщать не болѣе 50 человѣкъ. Средняя тюрьма, построенная въ 1851 году, находится въ са-

момъ селеніи (Средне-Карійскомъ), и походитъ на первую; лицевая сторона ея также не забрана палями. Лунжанкинская тюрьма, по удаленіи промысловыхъ работъ, перенесена въ 1856 году вверхъ по рѣчкѣ, давшей свое названіе промыслу, за три версты, и поставлена на мѣстѣ, называемомъ Коврижка. Это самая маленькая изъ всѣхъ тюремъ (только съ двумя комнатами), но за то прочнѣе прочихъ: при ней службы еще весьма удовлетворительны [1]).

Вотъ оффиціальное топографическое описаніе тюремъ, которое потребуетъ еще отъ насъ дополненій.

Каждая тюрьма имѣетъ при себѣ непосредственнаго начальника, должностное лицо государственной службы, смотрителя. Каждому смотрителю дается помощникъ, извѣстный подъ именемъ тюремнаго надзирателя. Кромѣ того, каждая тюремная артель выбираетъ изъ среды себя старосту (на 40 человѣкъ арестантовъ полагается одинъ такой выборный). Староста получаетъ отдѣльный нумеръ отъ прочихъ, и онъ же вмѣстѣ съ тѣмъ и артельный экономъ, обязанный варить пищу, и помощникъ надзирателя (субъ-инспекторъ), обязанный быть комнатнымъ соглядатаемъ и фискаломъ. Старостъ этихъ такимъ образомъ въ каждой тюрьмѣ, судя по числу заключенныхъ, находится 3, 4 и 5 человѣкъ. Надъ ними полагается еще одинъ нàбольшій, старшій староста, который на тюремномъ языкѣ называется общимъ.

Такова должностная іерархія и тюремная бюрократія. А вотъ какова и вся процедура ихъ обязанностей, въ краткихъ и общихъ чертахъ, набросанныхъ однимъ изъ смотрителей карійскихъ тюремъ. «Смотритель, — говоритъ онъ, — завѣдуетъ, какъ хозяйственною, такъ и письменною частію. Надзиратель заботится о пищѣ и объ одеждѣ арестантовъ и кромѣ всего этого ведетъ отчетность. Поутру, въ назначенные часы для работъ, онъ идетъ на *раскомандировку* въ тюрьму. По приходѣ съ караульнымъ урядникомъ строитъ всѣхъ арестантовъ въ строй, дѣлаетъ перекличку по имѣющейся у него табели, чтобы узнать всѣ ли арестанты на лицо (точь-въ-точь, какъ дѣлалось это на этапахъ). Кончивъ таковую, сдаетъ партіи военному карауλу, наряженному въ конвой. По уходѣ арестантовъ на работу, онъ выдаетъ старостамъ провизію на день, слѣдующую по положенію, которая принимается заблаговременно имъ отъ коммисара промысловъ [2]). Окончивъ все это, идетъ въ канцелярію тюремнаго

---

[1]) Нижній промыселъ отъ рѣки Шилки и устья р. Кары находится въ разстояніи 15 верстъ; Нижній отъ средняго въ 5 верстахъ; Средній отъ Верхняго въ 3-хъ.

[2]) Каждому арестанту полагается по фунту мяса лѣтомъ и по ¾ ф. въ прочее

смотрителя, разводитъ арестантовъ по работамъ по имѣющемуся у него журналу *(о выводѣ арестантовъ на работу)*, и въ оном отбирается росписка съ военнаго караула относительно принятія арестантовъ на работы, а потомъ уже составляется кормчая табель, въ коей показывается число людей, ушедшихъ на работу, и пища, употребленная для нихъ. Съ нею идутъ на рапортъ къ смотрителю. Вечеромъ, когда арестанты сойдутъ съ работы, надзиратель дѣлаетъ счетъ, всѣ ли приведены съ работъ, и по завѣркѣ кладетъ о принятіи свою росписку въ вышеупомянутомъ журналѣ».

Приводя эти строки, мы съ намѣреніемъ остановились на тѣхъ подробностяхъ, какія даютъ онѣ намъ. Повидимому, не можетъ быть ничего однообразнѣе жизни арестантовъ, и не даромъ у нихъ существуетъ поговорка: каторжный — «хлѣбъ кончалъ, сухарь кончалъ, казенной службы не могъ кончать». Но тѣмъ не менѣе, заключенные всегда находятъ средства разнообразить свою жизнь, и первое утѣшеніе представляетъ имъ пѣсня. Дѣйствительно, тюремный сидѣлецъ и поетъ на каторгѣ съ великаго горя кручинныя пѣсни и любитъ онъ въ досужій часъ эти пѣсни. Съ любовью бросается онъ и на дѣланныя, сочиненныя; поетъ онъ и тѣ, которыя искренно вылились у какого-нибудь горемыки въ крайнюю минуту искренняго, неподкупнаго вдохновенія.

время, ¼ ф. крупы и 10 золот. соли. Правда, что они ѣдятъ и щи и картофель, и лукъ, но за то все это покупается на собственныя арестантскія деньги, зарабатываемыя въ праздничные дни. На это же идутъ и тѣ деньги, которыя получаются артелями за перевозку тяжестей на артельномъ рогатомъ скотѣ, и тѣ проценты, которые получаются съ разныхъ ссудъ, выдаваемыхъ частнымъ лицамъ изъ артельной экономической суммы (въ 1860 г. остатки ея простирались до 2781 р. 26¾ к.). Весь доходъ тюрьмы состоитъ изъ платы, зарабатываемой арестантами въ праздничные дни. Каждый изъ нихъ получаетъ въ мѣсяцъ изъ окладовъ: рабочіе по 75 к. и мастеровые третьей статьи — 1 р., второй — 1 р. 50 к., первой — 2 р. Казна даетъ отъ себя только кормовыя деньги 5 к. въ сутки и 4 ф. печенаго хлѣба. Лѣтомъ, во время промысловъ, идетъ 5 ф. хлѣба и по 1 ф. мяса. Больнымъ выдается половинный окладъ платы безъ кормовыхъ и провіанта; остальная часть удерживается въ уплату лазаретной пищи. По выпускѣ изъ тюрьмы, слѣдующая изъ артельныхъ сумма выдается каждому на руки. «Точно также и тѣмъ, которые хорошимъ поведеніемъ заслужили довѣріе, покупаются одежныя вещи и припасы смотрителемъ. Одежда приготовляется при промысловомъ цехѣ и выдается на сроки. На два съ половиной мѣсяца: холщевая рубаха, суконные порты, три пары юфтевыхъ чирковъ (вм. сапоговъ) и пара рукавицъ. На годъ поступаютъ арестанту: шинель серяжнаго сукна и подѣвка сукменная». Разсчитано примѣрно, что содержаніе всякаго арестанта на артельныя деньги обходится въ годъ въ 33 руб. 22 коп. «Но рѣдко случается (особенно въ лѣтнее время при разрѣзныхъ работахъ), чтобы арестанты вынашивали одежду въ срокъ, особенно чирки и рукавицы, которыя отъ гальки и мокроты глины не служатъ и двухъ недѣль».

Свѣдѣнія эти мы взяли изъ описанія тюремъ Шилкинскаго округа, сдѣланнаго однимъ изъ смотрителей этихъ тюремъ.

Въ какой бы формѣ ни привелось выливать свое тюремное горе, которое главнымъ образомъ сказывается въ лишеніи свободы, испытывается въ недостаткѣ участія со стороны милыхъ сердцу, какъ бы строго ни преслѣдовалась пѣсня, арестанты часто поютъ пѣсни хоромъ, а въ одиначку всегда, каждый вечеръ:

Бывало у соколика времячко:
Леталъ-то соколъ высокохонько,
Высокохонько леталъ по поднебесью;
Ужъ-то онъ билъ-побивалъ гусей-лебедей,
Гусей-лебедей, утокъ сѣрыихъ.
А нонѣ соколу время нѣту:
Сидитъ-то соколъ во поимани,
Во той во золотой клѣточкѣ,
На серебряной сидитъ на шесточкѣ,
Рѣзвы его ноженьки во опуточкахъ.

или:

Перекрѣпъ-то, перезябъ я, добрый молодецъ,
Стоючи подъ стѣнкой бѣлокаменной,
Глядючи на городъ на Катаевской.
У города воротцы крѣпко заперты,
Они крѣпко заперты воротцы — запечатаны;
Караульные солдатушки больно крѣпко спятъ,
Крѣпко больно спятъ солдатушки — не пробудятся.
Одна лишь не спитъ красна дѣвица,
Красна дѣвица — королевска дочь.
Брала она со престолику короночку;
Надѣвала ее на свою буйну головушку,
Еще брала со престолику златы ключи,
Отмыкала-отпирала каменну тюрьму,
Отпускала невольничковъ-подтюремщичковъ.

Но пока «красная дѣвица — королевская дочь» въ воображеніи только, а «златы ключи на престоликѣ» въ пѣсни хороши отвлеченнымъ смысломъ своимъ и безъ всякаго практическаго примѣненія: ворота тюремныя дѣйствительно крѣпко заперты, и караульные солдаты всю ночь не спятъ. Бдительность дозора схъ, приправленнаго крѣпкимъ и строгимъ наказомъ, до того уильна и закончена въ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ, что и арестантовъ нѣтъ другого исхода, кромѣ покорности, подчиненія и надежды не на настоящее, а на будущее. Конечно, покорность эта только временная и подчиненіе условное, но арестанты все-таки видятъ строгость надзора, неумолимость наказанія за проступки и ищутъ утѣшенія, по свойству человѣческой природы, въ другихъ путяхъ и средствахъ. Средства эти они находятъ въ собственной натурѣ, въ натурѣ русскаго человѣка, и гнету и преслѣдованіямъ сверху сопоставляютъ сильный оплотъ

и противодѣйствіе снизу, въ средѣ своей. Противоборство это заключается въ такъ-называемой артели тюремной, въ арестантской общинѣ. Община эта ладится плотно, очень скоро и просто. Правила для нея Богъ-вѣсть когда и кѣмъ придуманы, но уже приняли опредѣленную и законченную форму. Форма эта, по долгому опыту, состоятельна при практическомъ примѣненіи, а существованіе ея не подлежитъ сомнѣнію. Арестанты этого не скрываютъ и, можетъ быть, утаивая мелкія подробности, объявляютъ общія черты, по которымъ можно составить приблизительное описаніе. Описаніе это мы основываемъ на разсказахъ самихъ преступниковъ и провѣряемъ свѣдѣніями, сообщенными намъ тюремными приставниками, на словахъ, и въ оффиціальныхъ бумагахъ.

Одна и таже участь, равная степень наказанія, поразительное до мельчайшихъ подробностей сходство житейской обстановки — все это естественнымъ образомъ помогаетъ сближенію, дѣлаетъ это сближеніе не только возможнымъ, но даже и совершенно необходимымъ, по силѣ закона: «дружно — не грузно, а врозь — хоть брось». Сближеніе это, при одинаковой степени нравственнаго развитія и душевнаго настроенія, совершается тѣмъ скорѣе, чѣмъ вѣроятнѣе усталость и уступка со стороны противодѣйствія. Сближеніе становится прочнымъ и дѣйствительнымъ по мѣрѣ того, какъ преслѣдованіе дѣлается озлобленнѣе, а стало быть и бездарнѣе и недальновиднѣе. Пользуясь всякимъ благопріятнымъ моментомъ, тюремная община, не вѣдающая усталости, не желающая отдыха, накопляетъ внутри себя силы и притомъ въ такомъ количествѣ, что, при напорѣ ихъ, поневолѣ должны уступить всякія внѣшнія противоборства, хотя бы они и велись систематически. Кажется, сколько глазъ слѣдятъ за преступниками, сколько законовъ, правилъ и постановленій обрушилось на нихъ въ теченіи недолгаго времени, и все-таки тюремная община живетъ своею самостоятельною, особною жизнію. Она цѣла и самобытна, несмотря даже и на то, что тюрьма не вѣчная, неизбывная квартира, что она скорѣе постоялый дворъ, гдѣ однѣ лица смѣняются другими новыми. Правила для тюремной общины какъ-будто застываютъ въ самомъ воздухѣ; какъ-будто самыя тюремныя стѣны пересказываютъ ихъ. Преемственная передача убѣжденій, жизнь старыми преданіями, на вѣру, едва ли сильнѣе въ другой какой общинѣ.

Закономъ для всякой арестантской артели полагается выборный изъ среды преступниковъ — *староста*. Онъ прежде всего заботится о приготовленіи пищи товарищамъ и въ этомъ отношеніи можетъ быть названъ экономомъ; въ его рукахъ

скопляется вся сумма денегъ, образуемая изъ доброхотныхъ подаяній: вотъ и казначей. Староста — отвѣтственное лицо за проступки всей артели передъ начальствомъ, которое обязываетъ себя глядѣть на него, какъ бы на лицо оффиціальное и должностное, а по уставу — даже и утверждаетъ его въ этомъ званіи. Въ случаѣ, если бы онъ рѣшился скрыть какое-нибудь преступленіе, затѣянное арестантами, задумалъ бы не сказать о проступкѣ одного изъ нихъ: за все, про все отвѣчаетъ онъ, староста. Отвѣчаетъ онъ своей спиной, но не лишеніемъ мѣста: лишить его званія, отрѣшить отъ должности начальство безъ согласія всей артели не можетъ, точно также, какъ выбранный въ старосты, изъ уваженія къ общинѣ, дѣлающей ему такую честь и довѣріе, отказаться отъ должности не имѣетъ права. Условія взаимнаго уваженія, основаннаго съ одной стороны на довѣріи и съ другой на благодарности, одинаковую имѣютъ силу и въ обществѣ преступниковъ, какъ и во всякомъ другомъ.

Такимъ образомъ, староста стоитъ между двухъ огней. Та и другая сторона заявляетъ на него свои права, та и другая требуетъ исполненія обязанностей, а обязанности эти, или скорѣе угожденія, въ сущности своей діаметрально противуположны другъ другу. Какъ быть? Какъ выпутаться?

А на что же существуетъ община? отвѣтимъ мы на эти два вопроса также вопросомъ. Тюремная община держитъ своего старосту въ границахъ, положенныхъ его обязанностямъ: позволяетъ ему принимать съѣстные припасы и подаянія, хранить артельныя деньги и только. Этимъ власть его и ограничивается: и тѣни нѣтъ вліянія на нравственную сторону заключенныхъ. Арестанты опасаются навязать себѣ агента своихъ блюстителей, и потому отъ старосты требуется чрезвычайной осторожности, глубокой осмотрительности. Всякій изъ нихъ долженъ знать, что множество глазъ заботливо слѣдятъ за всѣми его дѣйствіями и съ особеннымъ вниманіемъ за сношеніями его съ тюремными властями. Малѣйшая ошибка (простая, преднамѣренная), и староста смѣняется.

— Я бывалъ свидѣтелемъ (разсказывалъ мнѣ одинъ изъ заключенныхъ), какъ смѣняемыхъ старостъ прогоняли сквозь строй жгутовъ (наказаніе, по сознанію самихъ виновныхъ, могущее поспорить съ таковымъ же оффиціальнымъ наказаніемъ, послужившимъ первому образцомъ и примѣромъ). Смѣщенный староста подвергается за тѣмъ общему презрѣнію, самому тяжкому изъ всѣхъ нравственныхъ наказаній, какія только могутъ быть придуманы въ мѣстахъ заключенія. Въ старостахъ, по избранію арестантовъ,

чаще всего является тотъ изъ нихъ, который и у свободныхъ людей носитъ прозваніе сквозного плута, и который прошелъ въ тюрьму сквозь огонь и воду и мѣдныя трубы, а въ тюрьмѣ съумѣетъ не остаться межъ двухъ на-голѣ, напоитъ и вытрезвитъ, обуетъ и разуетъ.

Такимъ образомъ, ябеда, доносъ — самое нестерпимое изъ всѣхъ тюремныхъ преступленій. Хотя ябедникъ и доносчикъ — тамъ явленіе очень рѣдкое, но тѣмъ не менѣе бывалое, и если больного этою трудно-излечимою болѣзнію не вылечатъ два испытанныхъ средства (каковы жгуты и презрѣніе), то его отравляютъ растительными ядами (обыкновенно дурманомъ). Къ исключительному средству этому прибѣгаютъ примѣчательно рѣдко и въ такомъ только случаѣ, когда начальство не имѣетъ средствъ или не сдается на просьбы товарищей и не перемѣститъ виновнаго въ отдѣльный покой или (если есть) въ другую тюрьму.

Товарищество соблюдается свято и строго и въ тюрьмѣ, какъ соблюдается оно, напр., во всѣхъ закрытыхъ заведеніяхъ, гдѣ также часто мелкій проступокъ возводится на степень преступленія, гдѣ также излишняя строгость вызываетъ неизбѣжную скрытность, какъ единственное подручное орудіе протеста. Въ этомъ отношеніи у корпусовъ, пансіоновъ и институтовъ сходство въ пріемахъ съ пріемами тюремными поразительно. Грани сходятся, и только въ результатахъ они естественнымъ образомъ должны расходиться — и расходятся. Преступники идутъ дальше, по пути преслѣдованія виновныхъ, идутъ смѣлѣе и рѣзче, какъ то и подобаетъ людямъ крѣпкаго житейскаго закала, сильныхъ и крупныхъ характеровъ.

Арестанты виноватаго (но не уличеннаго) товарища ни за что и никогда не выдадутъ; уличенный, но не пойманный съ поличнымъ, въ преступленіи своемъ никогда не сознается, и не было примѣра, чтобы пойманный въ извѣстномъ проступкѣ выдалъ своихъ соучастниковъ: онъ принимаетъ всѣ удары и всю тяжесть наказанія на себя одного. Равнымъ образомъ, если арестантъ попался и попался съ поличнымъ, оказался совершенно виновнымъ, и смотритель его наказываетъ, арестанты довольны и не препятствуютъ исполненію приговора, слѣпо вѣруя, что наказаніе научитъ ихъ товарища другой разъ быть осторожнѣе, заставитъ его потомъ концы хоронить подальше и повѣрнѣе.

Стремясь къ согласію и возможной дружбѣ, заботясь объ единодушіи, какъ главныхъ основаніяхъ всякаго товарищества, тюремная артель не терпитъ строптивыхъ, черезъ-чуръ озлобленныхъ, сутягъ и всякаго рода людей безпокойныхъ. Бывали примѣры, что арестанты огуломъ жаловались начальству на та-

кихъ озорниковъ, прося объ удаленіи ихъ изъ своей среды. Не рѣшаясь прибѣгнуть къ средствамъ, приложимымъ къ ябедникамъ (на томъ предположеніи, что наушничество неисправимое зло), они оставались довольны, если безпокойнаго товарища запирали въ отдѣльную камеру на одиночное заключеніе. Озлобленнаго и безпокойнаго человѣка арестанты, по долгому опыту, считаютъ исправимымъ и—говорятъ — не ошибаются; удаленные на время «злыдни» очень часто возвращались потомъ въ тюремную семью тихими, кроткими и примиренными. Одиночное заключеніе арестанты ненавидятъ и боятся его пуще всѣхъ другихъ. Разъ извѣдавши его, всѣми мѣрами стараются избѣжать въ другой разъ. Для всякаго арестанта дорога тюремная артель, мила жизнь въ этой общинѣ; оттого-то всѣ они съ такимъ стараніемъ и такъ любовно слѣдятъ за ея внутреннимъ благосостояніемъ: удаляютъ безпокойныхъ и злыхъ, исключаютъ наушниковъ, обставляютъ непререкаемыми правилами, сурово наказываютъ своимъ судомъ виновныхъ, а судъ тюремный, какъ мы сказали — самый неумолимый и жестокій.

Насколько сильно и крѣпко товарищество — вотъ примѣръ (первый подвернувшійся намъ на память изъ сотни другихъ). Дѣло было на одномъ изъ заводовъ Восточной Сибири (на какомъ именно, не упомню).

Тюремный смотритель сердитъ былъ на арестанта за его дерзкія грубости, за непочтеніе къ особѣ начальника, за что-то, однимъ словомъ, такое, чего никакъ не могъ забыть и умягчить въ своемъ сердцѣ смотритель. Арестантъ былъ ловокъ, увертливъ: смотритель, при всѣхъ стараніяхъ, поймать его не могъ, а между тѣмъ ему хотѣлось удалить непріятеля изъ завода и удалить такъ, чтобы онъ его помнилъ.

Смотритель призываетъ къ себѣ другого арестанта и начинаетъ уговаривать его допытаться, кто такой преслѣдуемый и ненавистный ему преступникъ, и если перемѣнилъ онъ свое имя и живетъ подъ чужимъ, то уйдетъ прямо на золотые карійскіе промыслы, т. е. въ самую каторгу.

— Я бы допытался, ваше благородіе, да мнѣ жизнь еще не надоѣла: сами знаете наши порядки. Тяжелы такія дѣла!

— Я тебѣ въ нихъ защитникъ и покровитель.

— Если такъ, то было бы изъ-чего начинать дѣло.

— Вотъ тебѣ три рубля.

— Такъ неужели я товарища-то своего продамъ такъ дешево. Да и на три рубля, что я могу сдѣлать?! ни обуви купить, ни одежды завести.

Стали толковать, торговаться—на десяти рубляхъ сер. порѣ-

шили дѣло. Беретъ арестантъ деньги, идетъ въ тюрьму и прямо къ товарищу:

— А я, братъ, тебя смотрителю продалъ: сказалъ, что ты чужое имя носишь; вотъ и денегъ десять рублей получилъ. Раздѣлимъ пополамъ. А ты меня выручи, нѣтъ-ли здѣсь въ селеніи на тебя кого похожаго? Не осрами передъ смотрителемъ!

— Шелъ одинъ въ пересыльной партіи похожъ на меня, да и живетъ-то онъ здѣсь на заводѣ: фамилія Клыгинъ.

— Клыгинъ!—рапортовалъ подговоренный смотрителю. Справился тотъ въ статейныхъ спискахъ: примѣты подходятъ (да и много-ли такихъ примѣтъ въ казенныхъ паспортахъ, которыхъ нельзя было примѣнить ко всякому въ особенности и ко всѣмъ однимъ разомъ).

Наскочилъ смотритель на врага своего: радъ-радехонекъ. Тотъ отрекается, идти на дальную каторгу не хочетъ, слѣдствія проситъ: «мало-ли де чего на свѣтѣ не бываетъ: я самъ своего двойника въ пересыльной партіи видѣлъ, да онъ и теперь живетъ на заводѣ, здѣсь». Даютъ очную ставку: смотритель дѣйствуетъ смѣло, въ разсчетѣ на купленнаго доносчика. Очная ставка съ мнимымъ двойникомъ не состоялась. Смотритель остался въ дуракахъ; наскочилъ на своего довѣреннаго:

— Зачѣмъ ты оболгалъ?

— Пошутить захотѣлось надъ вашимъ благородіемъ, что̀ я стану таить теперь по пустому?!..

И долго и громко смѣялась тюрьма надъ этой выходкой; многіе объ ней и теперь не забыли и мнѣ разсказали.

Насколько арестанты блюдутъ тайны своей артели и стерегутъ ея интересы, узнаемъ также изъ множества примѣровъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, болѣе характерный и смѣлый.

— Былъ у насъ (разсказывалъ мнѣ одинъ изъ ссыльныхъ, жившій въ послѣднее время въ иркутскомъ солеваренномъ заводѣ), былъ у насъ при тюрьмѣ унтеръ-офицеръ сердитый, тяжелый и неподкупный. Такіе люди несносны. Арестанты рѣшились его удалить, во что бы то ни стало; но какъ это сдѣлать? Надо было найти смышленаго человѣка. Ходили за нимъ недалеко. Содержался вмѣстѣ съ нами изъ бродягъ — Сенька: ловкій на всѣ руки и калачъ тертый съ солью. Ни надъ чѣмъ онъ не задумывался и на жизнь легко смотрѣлъ. Въ Россіи ходилъ по ярмаркамъ съ Петрушкой — фокусы показывалъ. Не посчастливилось тамъ,—въ Москвѣ жуликомъ долго былъ: ловко платки изъ кармана таскалъ, часы обрѣзывалъ. Ограбилъ тамъ церковь — въ Сибирь попалъ. Къ этому Сенькѣ и обратились арестанты.

— Помоги горю: смѣни ундера!

— Ладно, говоритъ. Сѣчь меня будутъ, такъ положите ли по двѣ копѣйки за розгу съ артели?

— Идетъ! — говорятъ, и смотрятъ, что̀ будетъ.

Ходитъ Сенька по казармѣ, ходитъ, бурлитъ, ко всѣмъ привязывается: притворяется пьянымъ. Увидалъ это ундеръ: донесъ смотрителю. Пришелъ смотритель и спрашиваетъ:

— Гдѣ взялъ водку, кто̀ принесъ?

— Вотъ онъ! говоритъ Сенька—и показываетъ на ундера.

— Врешь, говоритъ смотритель; не вѣрю — не таковской человѣкъ этотъ ундеръ.

Бо̀жится Сѐнька.

— Дохни!

Дохнулъ Сенька такъ, что какъ будто и въ самомъ дѣлѣ въ сосѣднемъ кабакѣ двери отворили.

— Розогъ! закричалъ смотритель.

Сенька мигнулъ товарищамъ: «Считайте-де братцы, а я васъ самъ повѣрять буду, чтобы потомъ не отжилили!»

Стали считать: пятьдесятъ розогъ насчитали.

Смотритель опять спросилъ: «врешь-де, собачій сынъ!» Побожился Сенька и снова драть его стали. Еще пятьдесятъ розогъ сосчитали: по счету на серебро два рубля приводилось съ артели. Артельному кошелю тяжело стало—закричали арестанты Сенькѣ:

— Будетъ, Сенька! Проси, шельмецъ, прощенія!

Не проситъ.

— Кто̀ принесъ вина?

— Этотъ самый ундеръ.

Опять положили. Арестанты громче шумъ подняли:

— Сказывай, Сенька, ну, тебя, къ чорту! (много-де артельскихъ денегъ изводишь и самъ-де того не стоишь).

Лежитъ себѣ Сенька подъ вторую сотню. Арестанты еще громче зашумѣли: «тебѣ-де дьяволу, ничего, шкура-то у тебя барабанная, стало—привычная, да артельнымъ то деньгамъ изъянъ большой.

Сенька стоитъ на своемъ: ундеръ принесъ. Получилъ двѣсти — всталъ; всталъ и говоритъ:

— Сказывалъ я вамъ, что̀ сказывалъ; не повѣрили вы мнѣ, ваше благородіе! Осмотрите-ко ундера: можетъ, онъ и четушку-то (косушку) еще не успѣлъ спрятать.

Послушался смотритель совѣта его: осмотрѣлъ ундера и въ ранцѣ у него нашелъ ту посудину (успѣлъ-таки ловко подложить свою вещь Сенька, умѣвшій таскать изъ тѣхъ же кармановъ и всякихъ ручныхъ мѣшковъ чужія вещи).

Артель достигла цѣли: ундера убрали; Сенька получилъ свои четыре рубля серебромъ. Смѣялись всѣ долго и еще пуще полюбили всѣ Сеньку.

Вообще, не скупясь ни на какія средства, не задумываясь ни передъ какими препонами, тюремная артель строго блюдетъ свою тайну, старательно прячется за завѣсой ея, у которой, если приподнять одинъ только уголокъ — мы увидимъ вотъ что:

Во всякой тюрьмѣ (русской и сибирской) существуетъ такъ называемый *майданъ*. Это въ тѣсномъ смыслѣ подостланная на нарахъ тряпка, полушубокъ или просто очищенное отъ этой ветоши мѣсто на нарахъ, на которомъ производится игра въ карты, кости, въ юлку и около котораго группируются всѣ игроки изъ арестантовъ. По тюремной примѣтѣ-пословицѣ: на всякаго майданщика по семи олуховъ.

Игра, какъ извѣстно, есть одна изъ самыхъ прилипчивыхъ и упорныхъ страстей между преступниками. Безпрестанная боязнь быть открытыми (не смотря на существованіе сторожей у дверей) заставляетъ преступниковъ торопливо играть и въ волненіяхъ душевныхъ, разжигаемыхъ игрой, находить самыя любезныя имъ наслажденія, самыя пріятныя и дорогія имъ утѣхи. Существованіе азартныхъ игръ присуще тюрьмамъ всего земного шара [1]).

Право содержать майданъ въ нашихъ тюрьмахъ отдается съ торговъ, независимо отъ содержанія другихъ оброчныхъ статей, (о чемъ мы будемъ говорить ниже). Откупщикъ майдана бываетъ, большею частію, самый бережливый изъ арестантовъ, скопидомъ и во всякомъ случаѣ обладающій извѣстнымъ капиталомъ. Онъ называется *майданщикъ* и если не пользуется уваженіемъ и любовью арестантовъ, то во всякомъ случаѣ находится подъ покровительствомъ артели. Въ средѣ ея онъ всегда найдетъ такихъ голышей, которые за нѣсколько копѣекъ становятся на стражу и

[1]) Вотъ что говоритъ Fregier въ своемъ сочиненіи «Des classes dangereuses» о французскихъ тюрьмахъ: «Арестанты, привыкшіе въ одинъ моментъ терять плоды недѣльной работы, доводятъ свою страсть къ игрѣ до того, что ставятъ на конъ хлѣбъ, которымъ должны кормиться мѣсяцъ, два, три мѣсяца. Но что всего удивительнѣе: между арестантами встрѣчаются такіе, которые, во время раздачи порцій оказываются нетерпѣливыми, даже жадными, тѣ, которые рвутъ хлѣбъ изъ рукъ и потомъ легко примиряются съ лишеніемъ пищи, проигранной въ карты. Прибавлю послѣднюю черту, показывающую до какой степени помѣшательства можетъ доводить разумное существо страсть къ игрѣ. Врачи центральнаго дома Mont-Saint-Michel наблюдали за однимъ преступникомъ, который игралъ съ такимъ увлеченіемъ, что, лежа въ больницѣ, ставилъ на конъ порцію бульона и вина, когда тотъ и другое были крайне необходимы для возстановленія его растраченныхъ силъ. Этотъ несчастный умеръ отъ истощенія силъ».

оповѣщаютъ играющихъ о приближеніи опасности (играютъ обыкновенно по ночамъ). Для этого существуютъ въ тюрьмахъ условныя выраженія, особенныя слова.

— *Стрёмà!* кричитъ сторожъ въ нерчинскихъ тюрьмахъ.

— *Вода идетъ!* оповѣщаетъ сторожъ въ тобольскомъ и другихъ спопутныхъ сибирскихъ острогахъ.

И майданъ исчезъ: свѣча погашена, карты спрятаны, такъ что самый опытный смотритель не найдетъ ихъ. А уйдетъ дозорщикъ *(стремà, вода)* — и опять пошли переходить съ рукъ на руки и *курынчà* (мѣдныя деньги, по тюремному названію) и *сàры* (т. е. бумажки и серебро, которое водится во всѣхъ видахъ, даже иностранные талеры, пятифранковики, старинные цѣлковые, и проч.).

— «Таланъ на майданъ!» — желаетъ арестантъ играющему въ карты товарищу; «шайтанъ на гайтанъ!» — шутливо отвѣчаетъ этотъ.

— «Давай въ святцы смотрѣть», говоритъ другой арестантъ третьему, желая натравить его на игру. «Быковъ гонять» на условномъ тюремномъ языкѣ значитъ въ кости играть, бросать пару обыкновенныхъ игральныхъ квадратныхъ костей (со значками въ точкахъ до 6-ти). «Свѣтомъ вертѣть», «головой крутить» — въ юлку [1]) играть.

«Хамло пить» зоветъ арестантъ товарища, когда онъ досталъ водки и желаетъ угостить. *Дыму* желаетъ купить арестантъ, когда табаку захочетъ курить, — и куритъ его теперь въ папиросахъ или лучше сказать въ тюрикахъ, свернутыхъ изъ самой толстой бумаги, ибо чѣмъ толще бумага, тѣмъ лучше махорка. Бумага краденая, табакъ купленый (у майданщика); иногда и бумагой торгуютъ, но чаще добываютъ ее изъ тѣхъ книгъ, которые раздаютъ для чтенія члены попечительныхъ о тюрьмахъ комитетовъ (всякой другой сортъ бумаги—плодъ, закономъ воспрещенный въ тюрьмахъ). Папиросы еще тѣмъ хороши, что прячутся ловко: да и налетишь съ ней на дозорщика такъ не жаль разставаться, а трубокъ — ненапасная пропасть переводится. Трубки держатъ только тамъ, гдѣ дозоръ посходнѣе и пристава попроще.

Арестантъ мастеритъ самъ или у другихъ покупаетъ *змѣйку*, когда намѣренъ перепилить тюремную рѣшетку въ окнѣ или дужку замка на кандалахъ, ради побѣга. Кандалы называются

---

[1]) *Юлку* дѣлаютъ изъ говяжьихъ костей, которыя распиливаютъ крученой суровой ниткой, постоянно смачивая ее въ растворѣ золы и березоваго угля. Одинъ пилитъ, другой подливаетъ щелокъ. Счетъ у юлки особенный: 9—лебедь, 11—лебедь съ пудомъ, 5 — пѣтушки, 4 — чекви и пр.,—такъ у клубныхъ игроковъ въ лото и у бостонистовъ (6—филадельфія, 8—индепандансъ и пр.)

ножные брушлеты (браслеты?); кнутъ — *лыко*, или съ добавленіемъ *адамово* лыко. *Заводская собака лаетъ* — остритъ ссыльный рабочій, когда звонитъ колоколъ, призывающій на работу.

Бѣглый идетъ на тюремномъ языкѣ подъ названіемъ *горбача* (за ношу, которая всегда имѣется у него сзади, на спинѣ). «Гляди въ *маршлутъ*: долго ли намъ идти?» говоритъ горбачъ своему товарищу, когда не желаетъ заходить въ спопутную деревню за милостыней и надѣется найти въ этомъ маршлутѣ (т. е. буракѣ или, по сибирски, туезѣ) достаточное количество запасу для прокормленія себя.

Бѣжитъ арестантъ изъ тюрьмы «къ генералу кукушкину на вѣсти» или просто «кукушку слушать»; но нерѣдко сходитъ только «простокишки (т. е. простокваши) поѣсть», т. е. дойдетъ до Верхнеудинска и, возвращенный оттуда опять на Кару, осмѣивается въ этомъ послѣднемъ выраженіи товарищами.

Въ тюрьмѣ арестантъ умоляетъ строгихъ по виду, на самомъ дѣлѣ податливыхъ сторожей, «привести мазиху» (т. е. женщину) и не щадитъ никакихъ денегъ; а на волѣ старается «краснаго пѣтуха пустить», въ отмщеніе той деревнѣ, въ которой покусились схватить его, бѣглаго, и представить по начальству, т. е. спѣшитъ «пожаръ въ ней сдѣлать». «Берись за жуликъ» (т. е. за ножъ), кричали арестанты, когда поднимали бунтъ противъ приставниковъ.

Вотъ почти всѣ тѣ слова, которыя находятся въ тюрьмахъ въ оборотѣ; едва ли есть больше, потому что нѣкоторыя изъ приведенныхъ нами крайне случайныя, мало употребительныя, другія отзываются легкой насмѣшкой, третьи легко и просто замѣняются самими сторожами, какъ принято, напр., въ тобольскомъ острогѣ, гдѣ сторожа, по увѣренію ссыльныхъ, особенно дешевы. Тамъ, если кричатъ со двора: «унтеръ-офицеръ!» значитъ «вода», начальникъ идетъ: берегись! Кричатъ ефрейтора: продолжай майданъ, — идутъ люди неопасные, свои, купленные. Часть условныхъ тюремныхъ словъ, судя по внѣшнимъ знакомымъ признакамъ, введена московскими жуликами или петербургскими мазуриками; другая часть, по всему вѣроятію, оставлена арестантамъ въ завѣщаніе волжскими и другими разбойниками, не такъ давно наполнявшими тюрьмы Сибири и Забайкалья.

Майданъ въ тюрьмахъ принимаетъ болѣе обширные размѣры, а потому и откупная цѣна на него, по торгамъ, значительно выше, чѣмъ та же во время путешествія арестантовъ по этапамъ. Во время этапнаго пути майданъ, какъ мы уже выше сказали, снимается за Тобольскомъ на время, необходимое арестантской партіи для того, чтобы дойти до Томска. Въ Томскѣ

опять торги до Красноярска; въ Красноярскѣ до Иркутска (самая меньшая цѣна майдана) и въ Иркутскѣ до Нерчинскихъ заводовъ (самая большая цѣна майдана). Принимая въ разсчетъ большее или меньшее количество верстъ (а стало быть и время), необходимое для путешествія, арестантская община, при сдачѣ майдана, имѣетъ также въ виду и большее или меньшее число желающихъ и могущихъ вести игру. Потому за продажу картъ полагается откупная плата отъ 15 до 30 руб. Майданщикъ обязуется при этомъ поставлять игрокамъ и освѣщеніе въ видѣ сальныхъ свѣчей. Деньги эти вносятся въ общую артельную кассу и сдаются на руки выборному старостѣ (онъ иногда бываетъ и майданщикомъ, но рѣдко, хотя въ старосты арестанты иногда стараются выбирать денежнаго, слѣдовательно и вліятельнаго до нѣкоторой степени). Чаще всего сдаютъ карточный откупъ въ тѣ же руки, въ которыхъ находится откупъ съѣстныхъ припасовъ, какъ тому лицу, которое въ тюремной общинѣ носитъ названіе харчевника. Условія откупа и выгоды, гарантирующія майданщика картъ, полагаются слѣдующія:

1) За карты, требуемыя въ круговую игру, платится играющими въ первый разъ 30 коп.; во второй — 20 коп., въ третій — 10 коп.; затѣмъ обыгранныя карты отдаются для игры даромъ, безплатно, грошовымъ игрокамъ, для которыхъ на тюремномъ саркастическомъ языкѣ имѣется прозваніе *жиганóвъ*.

2) Съ тѣхъ игоръ, которыя идутъ рука на руку, взыскивается всякой разъ 10 коп. съ выиграннаго рубля, за вычетомъ возвращенныхъ проигравшему.

Въ тюрьмахъ городскихъ карты, чрезъ сторожей, покупаются у торговцевъ: иногда новыми, иногда игранными; наружныхъ достоинствъ не требуется, были бы только очки примѣтны, а самыя карты до невозможности засалены и обмочалены. Но въ тюрьмахъ, помѣщенныхъ не въ городахъ (каковы, напр., всѣ каторжныя и заводскія тюрьмы), карты дѣлаются самими арестантами. При этой операціи самую серьёзную трудность—приготовленіе фигуръ — обходятъ условнымъ пріемомъ въ размѣщеніи очковъ, — и достигаютъ цѣли тѣмъ, что валета дѣлаютъ изъ двойки, даму изъ четверки, короля изъ тройки — словомъ изъ всѣхъ тѣхъ картъ, которыя выкидываются при игрѣ въ три листика. Къ двойкѣ придѣлываютъ два очка, по одному на верху слѣва и внизу справа, рядомъ съ существующими; въ четверткахъ прибавляютъ по одному очку на верху и внизу, въ серединѣ готоваго ряда. Своеобразная четверка служитъ такимъ образомъ за валета, а оригинальная, условная шестерка — за даму. Короля рисуютъ вновь изъ тройки: стираютъ старыя очки и намѣчаютъ

новыя, располагая значки ромбомъ по четыре наверху и по четыре внизу. Я пріобрѣлъ одинъ экземпляръ этихъ *чалдонокъ* (такъ называются самодѣльныя карты), но онѣ сдѣланы всѣ до одной заново изъ простой сѣрой писчей бумаги, проклеенной простымъ столярнымъ клеемъ; исподки выкрашены подъ одинъ цвѣтъ (красный); черные очки наведены краской изъ сажи съ клеемъ (иногда чернильными орѣхами съ купоросомъ); красные изъ мелкаго кирпичу съ тѣмъ же клеемъ; форматъ картъ для удобства почти вдвое мельче обыкновенныхъ. Но мой экземпляръ великолѣпенъ: очки наведены какъ бы какой-то печатной формой. Я видѣлъ другія, несравненно грубѣйшей работы. Повидимому, карты работаны на-спѣхъ, подъ множествомъ зоркихъ глазъ, и притомъ въ самой строгой тюрьмѣ, можетъ быть, именно, въ военной омской (крѣпостной) тюрьмѣ. Красные очки выведены кровью и даже сажа для черныхъ растворена на той же крови. Такими жертвами покупается право игры!

И сколько еще у арестантовъ выходовъ, если конфискуются, по несчастію, всѣ карты. Удобоскрываемыя кости, на случай конфискаціи, замѣняются *юлкой*. Отнимутъ юлку — въ тюрьмахъ есть дешевая и простая игра въ шашки, доска для которыхъ всегда готова на нарахъ; но въ особенности подручна игра въ такъ называемые — *бѣгунцы*, игра извѣстная во всей Россіи. Бѣгунцы родятся въ волосахъ, выпускаются на стекло, смазанное саломъ, въ кругъ или на бумагу съ двумя концентрическими кругами. Разомъ всѣхъ бѣгунцовъ выпускаютъ въ меньшій кругъ. Чья осилитъ кругъ прежде другой, тотъ и выигрываетъ. Побѣжденную казнятъ тутъ же на мѣстѣ преступленія; побѣдительницу сажаютъ опять въ старое убѣжище: въ перушко.

Игроки нарочно составляютъ такіе звѣринцы, тщательно сберегаютъ и держатъ при себѣ всегда на готовѣ. Также всегда на готовѣ и во всякое время къ услугамъ простѣйшій способъ игры въ *петлю:* заложившій банкъ беретъ въ руки веревку или нитку и дѣлаетъ изъ нихъ нѣсколько петель; желающіе сорвать ставку стараются попасть въ петли пальцомъ такъ, чтобы одна изъ нихъ защемила палецъ (или палочку) и сдѣлался узелъ. Но и здѣсь бываетъ подтасовка: въ ловкихъ рукахъ фокусника всѣ петли срываются и никогда узла не схлестываетъ.

Изъ игоръ карточныхъ самая употребительная *подкаретная*, или такъ называемая *въ три листика* съ фальками и бардадымами; но самая любимая—*едно*, которая составляетъ нѣкоторый родъ видоизмѣненія первой, съ разницею въ счетѣ очковъ по уговору: тузъ считается либо за 14, либо за одинъ очокъ, король всегда 13, дама 12 и валетъ 11. Существуетъ еще игра *юрдовка*, иначе

зерня, основанная на игрѣ въ оставшіяся отъ выброски карты: двойки, тройки, четверки и пятерки. Именемъ этой игры называлась отдѣльная слободка на Нижнемъ Карійскомъ промыслѣ по дорогѣ въ Средній. Называлась она такъ потому, что при началѣ промысла на Карѣ на этомъ мѣстѣ собирались записные картежники изъ каторжныхъ и вели сильнѣйшую зерню (игру). Господствуетъ она въ нерчинскихъ тюрьмахъ, гдѣ, какъ извѣстно, арестанты проигрываютъ все: одежду казенную, отъ полушубка до онучки, паекъ до послѣдней крошки и зерна, хлѣбъ, соль, по пословицѣ: «рубль и тулупъ и шапка въ гору».

3) Съ *майдана никто безъ выигрыша не уходитъ;* такъ, напр., одинъ пускаетъ въ игру на-конъ три рубля и всѣ проигралъ: выигравшій обязанъ возвратить ему третью часть (т. е. рубль), по правилу, Богъ вѣсть когда и кѣмъ постановленному и свято соблюдаемому во всѣ времена и всѣми арестантами. Точно также выигравшій казенныя вещи (платье, рубашку, сапоги и проч.) обязанъ ихъ возвратить проигравшему безплатно по истеченіи нѣкотораго времени, достаточнаго по соображеніямъ арестантовъ для того, чтобы охолодить горяченькаго и удержать его отъ опаснаго азарта. Неисполнившій этого правила во многихъ тюрьмахъ лишался права на всякой выигрышъ, т. е. принужденъ былъ самъ запереть себѣ двери къ игрѣ. Правила эти, столько же предупредительны на случай могущихъ быть ссоръ, споровъ, драки и, можетъ быть убійства, сколько придуманы онѣ въ видахъ круговой поруки, на случай, если бы всѣ игрецкія деньги перешли въ однѣ руки, къ счастливому, и такимъ образомъ остановили бы игру. На другой день, вчера проигравшійся и получившій на руки свою третью часть, пускаетъ ее опять на-конъ, и если проигрываетъ, то снова получаетъ свою третью часть изъ рубля (33 коп.) и играть въ тотъ день больше не имѣетъ права (да съ нимъ уже и не станутъ). На третій день онъ опять при деньгахъ и при правѣ на игру, т. е. на четвертый день обезпеченъ 11-ю коп. и т. д. Перестанетъ онъ играть, разорившись въ пухъ, если онъ не почетное лицо въ средѣ арестантовъ; и играетъ въ безконечность, если онъ аристократъ острога — т. е. бродяга, человѣкъ бывалый и тертый, а потому находящійся у всѣхъ на почетѣ.

4) *Бродягамъ майданщикъ обязанъ вѣрить всегда на* $1\frac{1}{2}$ *руб. сер.*, хотя бы они ничего за душой своей не имѣли. Эта фантастическая сумма, никогда не облекаемая въ существенный матеріалъ денежный, имѣетъ все-таки наглядное значеніе въ видѣ порціи вина для пьяницъ, и въ видѣ возможности участвовать въ игрѣ на кредитъ. Достаточно бродягѣ поставить на май-

данъ кирпичъ или просто собственный кулакъ, чтобы подъ видомъ этихъ вещественныхъ знаковъ шелъ въ кругѣ и въ круговой игрѣ и его отвлеченный, кредитованный майданщикомъ, капиталъ въ $1^1/_2$ руб. сер. Играющій долженъ вѣрить бродягѣ, хотя бы онъ и проигралъ свои полтора цѣлковыхъ; въ отвлеченномъ понятіи они не пропадаютъ и все-таки остаются въ кредитѣ. Не захочетъ вѣрить банкометъ — всѣ выигранныя деньги отдавай: таково уже тюремное правило; станетъ упираться—его повалятъ огуломъ и всѣ деньги отнимутъ; на это арестанты просты и къ тому же слѣпо вѣрятъ бродягѣ на его *честное варнацкое слово*, а за словомъ этимъ (но не за дѣломъ) ни одинъ бродяга не постоитъ. Кончается срокъ откупа обыкновенно разъ въ мѣсяцъ; остаются за бродягами долги; долги эти пропадаютъ, прощаются должникамъ по закону, хотя бы ихъ было и 50 человѣкъ. Весело шумятъ бродяги въ казармѣ и самые порывистые и малодушные изъ нихъ прыгаютъ на одной ногѣ и приговариваютъ на своемъ тюремномъ условномъ языкѣ: «лахманъ долгамъ, долгамъ лахманъ!» При новомъ откупщикѣ, для бродягъ опять идетъ кредитъ въ $1^1/_2$ руб., и такимъ образомъ идетъ онъ въ безконечность, а потому майданщики, снимая подрядъ и сходясь въ откупной платѣ, при установленіи цѣны, принимаютъ въ соображеніе и эти безпроигрышныя бродяжьи права. Не бываетъ *лахману*, исключаются эти статьи права и закона, только въ такомъ случаѣ, когда садится на майданъ бродяга, — человѣкъ такой же почетный и также уважаемый всею тюремною общиною.

5) Если играетъ бродяга съ бродягой, то проигравшійся получаетъ не треть проиграннаго, а уже цѣлую половину. Изъ этой половины, по окончаніи игры, бродяга спѣшитъ заплатить всѣ свои долги по крайнему своему разумѣнію и безъ всякихъ обязательствъ; можетъ, однако, и не заплатить (что, впрочемъ, рѣдко бываетъ), ибо все-таки имѣетъ право играть въ другой разъ на свои вѣчные полтора цѣлковыхъ. Бродяга можетъ и украсть у майданщика деньги, хотя это и почитается нѣсколько предосудительнымъ: иной товарищъ обзоветъ при случаѣ, выкоритъ. Но смѣло можетъ бродяга воровать вино у майданщика; въ этомъ до сихъ поръ ни одинъ преступникъ ничего не находитъ позорнаго; не находитъ позорнаго, столько же и потому, что откупщикъ питейнаго майдана не пользуется ничьимъ расположеніемъ и даже презирается, какъ мытарь и стяжатель неправильно пріобрѣтаемыхъ каторжныхъ, варнацкихъ грошей. Впрочемъ воровство—не тюремный, не арестантскій порокъ; напротивъ даже—тюрьма противъ этого непріятеля объявлена въ вѣчномъ осадномъ положеніи. Оба стана всегда на-готовѣ: когда одна поло-

вина смотритъ гдѣ у другой слабое мѣсто и у каждаго изъ нападающихъ чешутся руки на все безъ разбора (на деньги, на рухлядь, на съѣстное, на всякую бездѣлушку отъ осколка стекла до клочка бумаги, пригоднаго на папироску), въ тоже время другая стѣна высматриваетъ всякую щель и, пользуясь оплошностью нападающаго, заручается всякой замысловатой и секретной хоронушкой, чтобы отвести чужіе глаза отъ соблазна и уберечь отъ нихъ свою наживную, несчастную собственность. Въ особенности тщательно уберегаютъ деньги, подвязывая ихъ подъ мышками, закладывая въ выдолбленные каблуки сапоговъ (при чемъ послѣдніе и не снимаютъ на ночь), зашиваютъ деньги въ канты, въ бѣлье и проч., и проч. Впрочемъ и тутъ не всегда достигается цѣль—и воръ у вора дубинку крадетъ, воръ вору терпитъ. Воровство въ тюрьмахъ не дѣлается повальнымъ потому, что арестанты умѣютъ наблюдать другъ за другомъ; лишенные по суду права на недвижимую и стѣсненные въ правахъ на движимую собственность, они поколебались только въ разумѣніи истиннаго значенія ихъ и спутались, но понятія о собственности не совсѣмъ утратили.

6) Содержаніе питейнаго майдана существуетъ, обыкновенно, какъ отдѣльное тюремное откупное учрежденіе: питейный майданщикъ рѣдко принимаетъ на себя содержаніе картъ; но старается иногда захватить въ свои руки содержаніе съѣстныхъ припасовъ. За право продажи вина беретъ община въ артельный капиталъ обыкновенно отъ 30 до 60 руб., имѣя въ виду то, что майданщикъ будетъ продавать водку чайными чашками (120 штукъ въ ведрѣ); за каждую чашку будетъ брать или 30 или 50 коп. сер., а средній расходъ вина — по давнимъ соображеніямъ и разсчету—простирается въ большомъ острогѣ до одного ведра въ сутки. Всякій болѣе или менѣе значительный выигрышъ сопровождается попойкою; ни одинъ праздничный день безъ нея не обходится; существуютъ во множествѣ такіе аматёры, которые, кромѣ водки, уже ни въ чемъ не находятъ для себя утѣхи! Сколько въ тоже время ни существуетъ постановленій, чтобы арестанты не имѣли при себѣ денегъ и инструментовъ, не употребляли водки (объ открытіи водки, кажется, всякій разъ доносится министру), не играли въ карты и не имѣли сношеній съ женщинами: всѣ эти постановленія остаются безъ дѣйствія, всѣ мѣры ничтожны противъ ухищреній арестантской общины и откупа продолжаютъ существовать и процвѣтать.

7) За продажу припасовъ (куда входитъ также и табакъ [1])

[1]) Табакъ, впрочемъ, идетъ иногда, при большой массѣ арестантовъ, и отдѣльнымъ майданомъ на откупъ. За право продажи нюхательнаго и курительнаго табаку

и сласти) платится отъ 5 до 10 руб. въ мѣсяцъ, смотря по числу потребителей. При продажѣ этой статьи назначается обязательная такса для всѣхъ жизненныхъ припасовъ, употребляемыхъ въ острогѣ. Дивиденду назначается не болѣе 20%. Майданщикъ и этой статьи, какъ и двухъ остальныхъ (игорной и водочной), обязанъ вѣрить бродягамъ на завѣтные и неизмѣнные $1^1/_2$ рубля. И у этаго майданщика бываетъ долгамъ *лахманъ*, когда откупъ переходитъ въ руки другого. Но существуютъ и исключенія: если майданщикъ понесетъ какіе-нибудь случайные, непредвидѣнные артелью убытки, тогда долги становятся для всѣхъ обязательными. Они вычитываются потомъ при общемъ дѣлежѣ какихъ-либо случайныхъ доходовъ (каковыми бываютъ обыкновенно подаянія), или долги эти переходятъ къ слѣдующему майданщику, а этотъ выплачиваетъ уже ихъ своему предшественнику.

Всякій новичокъ, поступая въ острогъ и въ тюремную общину, обязанъ внести извѣстное количество денегъ, такъ называемаго *влазнаго*. Крестьянинъ и всякаго свободнаго состоянія человѣкъ вноситъ единовременно 3 руб. сер.; поселенецъ (т. е. идущій на поселеніе) — 50 коп.; бродяга — 3 коп. [1]). Вообще же всякій неопытный и неискусившійся новичекъ, поступая въ тюрьму, дѣлается предметомъ насмѣшекъ и притѣсненій. Если у него замѣтятъ деньги, то стараются ихъ возможно-больше выманить; если онъ довѣрчивъ и простосердеченъ — его спѣшатъ запугать всякими страхами, уничтожить въ немъ личное самолюбіе и самосознаніе. Доведя его до желаемой грани, помѣщаютъ обыкновенно въ разрядъ чернорабочихъ, т. е. станутъ употреблять на побѣгушки, въ сторожа майдановъ: карточнаго и виннаго; заставятъ выносить ночное ведро, такъ называемую *парашу*, или чистить отхожія мѣста (что, какъ извѣстно, лежитъ на обязанностяхъ самихъ арестантовъ) [2]). Слабые сдаются, но твердые на-

---

откупщикъ платитъ въ артель отъ 2 до 3 руб. Обязательная такса очень умѣренная, покупка изъ осторожности и въ виду конфискаціи производится по мелочамъ: берутъ на одну трубку (или что тоже, папиросу), много на три разомъ. Вся торговля майданщиковъ самая дробная.

[1]) Взносъ влазнаго — остатокъ весьма древняго обычая, перешедшій изъ рукъ властей къ арестантамъ и уничтоженный еще въ концѣ XVII-го вѣка, когда воспрещенъ былъ этотъ поборъ съ «колодниковъ, приводимыхъ на тюремный дворъ и за рѣшотку, чтобы въ томъ бѣднымъ людямъ тяготства и мучительства не было». Въ Тобольскомъ острогѣ и эта статья сбора *влазнаго* со вновь-поступающихъ отдается иногда на откупъ. Взявшій ее вноситъ отъ 2 до 3 руб. въ мѣсяцъ и обязывается на свой счетъ нанимать профосовъ, но пользуется за себя и за своихъ помощниковъ двойною противъ другихъ дѣлежкою.

[2]) Эта часть также иногда отдается на отдѣльный откупъ, какъ и право соби-

чинаютъ вдумываться и задумываться; а кончаютъ тѣмъ, что обращаются за совѣтомъ къ бывальцамъ. У этихъ на деньги и водку нѣтъ ничего завѣтнаго и запретнаго: милости просимъ! Правилъ немного, но всѣ приперты крѣпко, стоятъ твердо, незыблемо и нерушимо. Вотъ они: «за товарищей горой; свято хранить тайны, и если нѣтъ выходу, подопрутъ рогатиной въ уголъ, старайся впутывать въ вину свою и свое дѣло побольше такихъ арестантовъ, у которыхъ денегъ много, которые богаты; и путай ихъ больше, сколько возможно больше: начальники деньги любятъ; начальниковъ за деньги всегда можно купить. Твоихъ, голышъ, денегъ не хватитъ, а богатые начальника купятъ непремѣнно, и примѣровъ такихъ не было, чтобы арестанты начальниковъ своихъ не подкупали. А купятъ, такъ тебя и на цѣпь не посадятъ и въ кучумку не запрутъ; самое большое, что на розгахъ дѣло сойдется; а любятъ тебя богатые товарищи, такъ и того не будетъ.»

Второе дѣло для новичка: заставь себя полюбить! Полюбятъ, не выдадутъ, да еще уму-разуму научатъ. Научатъ, какъ врать на показаніяхъ, если живешь въ тюрьмѣ подсудимыхъ; научатъ, какъ оговаривать и куда, въ какія дальнія мѣста за справками отправлять, чтобы такимъ образомъ отдалить время наказанія или ослабить мѣру его, и проч. На этотъ предметъ, какъ извѣстно, существуетъ въ тюрьмахъ особая самостоятельная наука; имѣются профессора-законники, которымъ позавидовали бы московскіе стряпчіе, имѣвшіе притоны свои около часовни Иверской. Около законниковъ своихъ новичокъ-арестантъ, въ весьма непродолжительное время, становится тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, т. е. арестантомъ. Его трудно ловить на слѣдствіяхъ, его мудрено спутать на очныхъ ставкахъ, его не устрашишь тюрьмой и въ самой каторгѣ онъ уже не видитъ того страха, какимъ преисполнялось его тревожное воображеніе съ самаго ранняго возраста, а потомъ...

Потомъ вновь-поступившій, безъ руководства и объясненій, понимаетъ уже весь внутренній смыслъ тюремнаго быта на практикѣ, въ самомъ теченіи дѣлъ, и, черезъ недѣлю, онъ полноправный членъ этой общины, у которой существуютъ свои тенденціи, свои правила, какъ многомогущій рычагъ и двигатель.

Артельный капиталъ, образуемый такимъ образомъ изъ оброч-

рать влазное. Новичокъ, чтобъ откупиться отъ параши, платитъ въ артель, обыкновенно, отъ 3 до 5 руб. сер.; опытные и тутъ попадаютъ на 50 коп.; но бродяги платятъ только 3 коп. Право топить баню артель также продаетъ одному лицу, называемому банщикомъ. Стоитъ это право 2 — 3 руб., а гарантія этихъ денегъ заключается въ устройствѣ за условную (и довольно высокую) плату любовныхъ свиданій.

ныхъ статей, простирается отъ 50 до 100 руб., которые обыкновенно и дѣлятся поровну между всѣми арестантами.

При этомъ выдается двойная дѣлежка старостѣ и *парашникамъ*. Новички при этомъ обдѣляются: сидящимъ недѣли двѣ — ничего не даютъ. Утроенная часть (за троихъ) полагается палачу. Ему, сверхъ того, выдается *на рогожку* изъ общей кассы (образуемой добровольными подаяніями и неприкосновенной до конца тюремныхъ сроковъ); выдается *на рогожку* всегда, когда отправляютъ къ наказанію бродягу. Кромѣ того, палачъ считаетъ «рогожкой» и всѣ тѣ подаянія, которыя сходятся къ преступнику на то время, когда ведутъ послѣдняго изъ тюрьмы на эшафотъ, къ мѣсту торговой казни.

Деньги, уходящія изъ острога вонъ, на покупку вина, картъ и съѣстныхъ припасовъ, пополняются преимущественно вновь поступающими арестантами [1]). Принявши мѣры противъ возмож-

---

[1]) Мы не говоримъ уже о тѣхъ деньгахъ, которыя попадаютъ съ воли въ острогъ и въ руки искусниковъ, владѣющихъ какимъ-либо мастерствомъ или досужествомъ, на издѣлія, нужныя или ненужныя тамъ, за острожными стѣнами. Водятся въ тюрьмахъ такіе искусники, которые отлично приготовляютъ игрушки, бездѣлушки: изъ лучинокъ или тоненькихъ планочекъ мастерятъ такихъ голубковъ, которыхъ ни одинъ купецъ средней руки не задумается для украшенія подвѣсить въ серединѣ потолка гостиной или залы. Дѣтскія игрушки въ особенности отличаются замысловатостью и тщательной отдѣлкой изъ хлѣба, изъ вываренной говяжьей кости. Мудрено вообразить себѣ какое-либо мѣстечко или городокъ сосѣдній съ каторжною тюрьмой, гдѣ бы не показывали какихъ-либо мастерскихъ издѣлій арестантовъ, преимущественно столярныхъ и токарныхъ. Въ Сибири пользуется сильною извѣстностію повсюду Цезикъ, успѣвшій побывать и пожить во многихъ тюрьмахъ. Въ этомъ человѣкѣ тюремное досужество дошло до своего апогея и выразилось уже въ замѣчательномъ искусствѣ лѣпныхъ работъ. Работа Цезика для сибиряка предметъ серьёзнаго значенія и высокой цѣны въ нравственномъ и матеріальномъ значеніи слова: въ особенности рѣдки и цѣнны стали его работы со смертію мастера, самого старика, сосланнаго сюда въ 1830 году изъ Литвы во время польскаго мятежа. За недостаткомъ его работъ, которыми кичились и хвастались самые богатые и изысканные кабинеты золотопромышленниковъ и сибирскихъ начальниковъ, стали охотливо удовлетворяться работами его сына, но уже почти ничего не имѣющими общаго съ художественными работами отца. И за эти работы продолжаютъ платить хорошія деньги. Старикъ передалъ сыну секретъ составлять различныхъ сортовъ и цвѣтовъ глину, завѣщалъ нѣсколько образчиковъ лѣпныхъ фигуръ, силуэтовъ и проч., но унесъ съ собой въ могилу тотъ секретъ, который оживлялъ всѣ его работы, прыскалъ на нихъ живою водою смысла и значенія. Въ истинномъ широкомъ значеніи слова отецъ Цезикъ художникомъ не былъ, но искусство дѣлать миніатюрныя работы дѣйствительно достойно всякаго изумленія, особенно если вѣрить преданію, увѣряющему въ томъ, что нѣкоторыя работы производилъ онъ въ тюрьмѣ, не имѣя ничего остраго по общему тюремному положенію — осколкомъ стакана, обломкомъ гвоздя и проч. Я видѣлъ картину его, изображающую внутренность избы, въ которой сидитъ онъ самъ и работаетъ, подлѣ него любовница его качаетъ въ зыбкѣ ребенка среди множества аттрибутовъ его бѣднаго, но домовитаго хозяйства. Всякая вещь, отъ пеленокъ ребенка до топора, отличается отчетливостью; самъ

но-кругового и постояннаго перелива денегъ изъ рукъ въ руки въ тюремныхъ стѣнахъ, арестанты безсильны противъ неизбѣжнаго выхода ихъ за стѣны тюремныя или въ руки приставниковъ. Въ сибирскихъ же тюрьмахъ прибылыхъ денегъ отъ подавателей бываетъ очень мало, по той причинѣ, что сибирскіе купцы подаютъ больше натурой: молокомъ кислымъ, булками, калачами, солониной, и прочими припасами, большею частію порченными, каковые арестанты либо бросаютъ, когда подарокъ обзавелся червями, либо съѣдятъ, когда приношеніе только духъ даетъ.

Арестанты, въ видахъ усиленія денежнаго обращенія въ общинѣ своей, принуждены бываютъ искать побочныхъ средствъ и путей. Путей этихъ очень много, и за ними слѣдить очень трудно, но извѣстно напр., что тобольскій острогъ искони славился мастерствомъ приготовлять фальшивую монету серебряную (изъ олова) [1]). Рубль продается обыкновенно за 30 копѣекъ и караульные солдаты охотно берутъ эти деньги за таковую плату для сбыта темнымъ киргизамъ, остякамъ и татарамъ. Вторую статью дохода и въ томъ же тобольскомъ острогѣ составляла продажа фальшивыхъ печатей и видовъ; печать стоитъ въ цѣнѣ между полтинникомъ и рублемъ, а видъ продается отъ одного до трехъ рублей серебромъ. Иркутскій острогъ придумалъ новую статью откупа, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что за водою для арестантовъ надо было ходить чуть не за версту: въ рѣку Ушаковку. Воду эту арестанты сдали на откупъ водоносамъ, а въ водоносы записались тѣ два компаньона, которые исключительно стали заниматься этой работой и затѣмъ неустанно таскали воду цѣлый день съ утра до вечера. (Воды на большой острогъ требуется много). Во время этихъ прогулокъ оба возмѣщали съ большимъ избыткомъ тѣ два, три рубли, которые внесены ими въ артель за право, — подаяніями, полученными на переходахъ до рѣки и тюрьмы отъ всякихъ благотворителей, клавшихъ въ руки гроши и копѣйки добровольно и по вызову, по просьбѣ самихъ арестантовъ [2]). Для мастеровыхъ и ремесленниковъ въ сибирскихъ тюрьмахъ, за примѣт-

---

онъ и возлюбленная его—сходствомъ; и все это вытѣснено на глиняной доскѣ не шире $2^1/_2$ вершковъ и не длиннѣе $3^1/_2$. У меня сохраняются его работы трубка куительная, на которой изображенъ ландшафтъ осколкомъ стекла и лѣпная фигура его самого, прикованнаго къ тачкѣ и отдыхающаго подъ деревомъ.

[1]) Чтобъ дольше и прочнѣе держалась ртуть на оловѣ, приготовленный для монеты оловянный кружокъ арестанты кладутъ въ ротъ на цѣлую ночь, чтобы такимъ образомъ отдѣлить съ него окись.

[2]) Во время Святой недѣли откупъ воды сдавался рублей за семь.

нымъ недостаткомъ съ Сибири людей такихъ, всегда находится работа и лишнія деньги въ тюремные капиталы, про домашній обиходъ. Арестанты работаютъ дурно, на спѣхъ, казенными испорченными инструментами, но хорошо и то, когда нѣтъ ничего, а тѣмъ болѣе, что и плата арестанту на волѣ властей и начальства: ближайшему даромъ, дальнѣйшему за полцѣны. Все-таки это игры не останавливаетъ; пріобрѣтенію вина и иныхъ сластей благопріятствуетъ даже и въ томъ случаѣ, если мастеровыхъ мало, но подрядчикамъ настоитъ нужда въ поденныхъ работникахъ. Если арестанту и гривенникъ одинъ дадутъ за день — онъ поворчитъ и на другой день охотливо лезетъ въ казенную шинель или полушубокъ, чтобы и этотъ гривенникъ изъ рукъ не выскочилъ и можно было подышать вольнымъ воздухомъ, въ кабакъ забѣжать, а пожалуй на рискъ и совсѣмъ убѣжать въ лѣса темные, дебри дремучія.

Всѣхъ этихъ удобствъ почти не вѣдаютъ и измыслить что-нибудь подходящее собственно-каторжныя тюрьмы не могутъ. Эти тюрьмы, напр. карійскія — самыя бѣдныя своими домашними внутренними средствами и здѣсь проигрывается и пропивается все казенное: и одежда и даже пища. Тюремныя деньги свободно выплываютъ на волю. На Карійскихъ промыслахъ деньги на вино и вещи на чужой обиходъ сбываются тѣмъ бывалымъ тюремщикамъ, которые вышли изъ тюрьмы на такъ называемое пропитаніе и на краю селенія, въ особой слободкѣ обзавелись домкомъ-лачужкой, а въ ней и *юрдовкой*, т. е. заведеніемъ, удовлетворяющимъ всѣмъ арестантскимъ нуждамъ и апетиту на вино и харчи, на игру и мазихъ. Вещи, сбываемыя сюда всегда въ наличности, уходили, хотя и на наличныя деньги или на обмѣнъ, ухо на ухо, — уходили, разумѣется далеко ниже своей стоимости, напр., шинель, стоившая въ казнѣ 2 руб. 17 коп., отдавалась въ юрдовкахъ за 75 коп. и самое большее—за полтора рубля. Передача вещей вольнымъ людямъ производится тамъ во время работъ, на разрѣзѣ, но часто и непосредственно и въ самыхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ.

Въ каторжныхъ тюрьмахъ сходство пріемовъ и правилъ съ тюрьмами русскими и сибирскими пересыльными поразительно: и въ нихъ бродяга—почетный человѣкъ, любимое и нѣжное дѣтище всей тюремной общины, хотя въ каторжной онъ уже и носитъ прозваніе *оборотня* — не въ смыслѣ звѣря миѳическаго, но по тому обстоятельству, что бродяга, попавшій на нерчинскую каторгу былъ уже когда-то здѣсь, жилъ въ одной изъ здѣшнихъ тюремъ и теперь *оборочень* (обращенъ), возвращенъ назадъ по-

слѣ полученнаго имъ наказанія гдѣ-нибудь въ Россіи или въ той же Сибири.

Въ бродягѣ товарищи видятъ человѣка много испытавшаго на своемъ вѣку, много видавшаго и потому опытнаго: за многочисленныя страданія ему уваженіе отъ сердца, за его опытность уваженіе изъ практическаго разсчета самымъ поучиться. Возводя бродягу въ идеалъ тюремнаго быта, тюремные сидѣльцы любуются въ немъ образомъ мученика, страдальца (и при томъ многострадальнаго). Арестанты убѣждены, что одна часть имъ совершенныхъ преступленій невольная, сдѣланная отъ простоты, другая часть ему приписана судьями, о чемъ онъ узналъ только тогда, когда уже очутился въ тюрьмѣ. Знаютъ арестанты, что для товарища ихъ и въ будущемъ нѣтъ ничего отраднаго и живаго. Въ силу этихъ положеній идеалъ бродяги для всѣхъ любезенъ, и всѣ относятся къ нему съ любовью и простосердечіемъ, сколько по преданію и предразсудкамъ тюремнымъ, столько же и потому, что въ участи бродяги провидятъ свою будущую. Типъ этотъ и въ свою очередь выработывается такъ кругло и опредѣленно, что съ какой стороны ни подходи къ нему, арестантъ вездѣ встрѣтитъ черты, ему любезныя и понятныя. Бездольная жизнь по тюрьмамъ, тасканье по этапамъ—породили въ бродягѣ непониманіе, отчужденіе, даже отвращеніе ко всякаго рода собственности. Онъ не цѣнитъ и воруетъ чужую, не питаетъ никакой привязанности, не понимаетъ и своей личной собственности (арестанты давно уже выговорили про себя: «ѣдимъ прошеное, носимъ брошенное, живемъ краденымъ»). Бродяга сдѣлался простосердеченъ и добръ до того, что если у него завелись деньги: ступай къ нему смѣло всякій — отказа не получитъ. Бродягѣ ничего не нужно; бродяга потерялъ къ себѣ всякое уваженіе и себя не цѣнитъ ни въ грошъ, ни въ денежку. Вотъ за это-то и цѣнятъ его другіе, такіе же какъ онъ бездольные и скорбные люди, которые сами черезъ годъ—много черезъ два бѣгутъ съ каторги, сдѣлаются такими же бездомными бобылями, бродягами. У бродягъ нѣтъ никогда денегъ (и это новый поводъ къ сочувствію къ нимъ), но за то они богаты сердцемъ и въ сущности люди не злые, хотя иногда и озлобленные. Тюремные сидѣльцы, впрочемъ, и не требуютъ этой мягкости, и по особому складу ума своего и понятій, готовы полюбить въ бродягѣ и противоположный образъ—злодѣя, лишь бы только злодѣй этотъ удовлетворялъ главнымъ требованіямъ: былъ человѣкомъ твердаго нрава и несокрушимаго характера, былъ преданъ товариществу, общинѣ, былъ ловокъ на проступки и умѣлъ концы хоронить, никого не задѣвая и не путая; не дѣлалъ бы

никакихъ уступокъ начальству, преслѣдовалъ бы его на каждомъ шагу, на сколько то въ его тюремныхъ средствахъ, и вымогалъ отъ него всякими средствами льготы (не себѣ, а товарищамъ); а главное умѣлъ бы смотрѣть легко и на жизнь, и на себя самого. Во имя этихъ доблестей, объ его старыхъ грѣхахъ никто не помнитъ, никто не знаетъ, да и знать не хочетъ: довольно—если онъ теперь добрый молодецъ удалой.

Арестанты, по свидѣтельству всѣхъ стоявшихъ къ нимъ близко, неохотно и очень рѣдко разсказываютъ о своихъ похожденіяхъ, а о злодѣйствахъ никогда. Были попытки—но вся община строго приказывала смѣльчаку замолчать. Бывали случаи, что арестанты и разсказывали о своихъ похожденіяхъ легковѣрнымъ, всегда съ крайностями и циническимъ увеличеніемъ мнимыхъ подвиговъ, дѣлая это въ надеждѣ большаго вознагражденія за свои разсказы. Возвратясь къ своимъ, разсказчики эти вслухъ всѣхъ глумились надъ легковѣріемъ любопытныхъ.

Арестанты, окруженные и вещественною и нравственною грязью, сами дѣлаются циниками и затѣмъ уже озлобенно питаютъ отвращеніе къ тѣмъ людямъ и тѣмъ постановленіямъ, которые, доведя ихъ до преступленія, лишили свободы. Вырабатывая свои правила, часто смѣшныя, рѣдко несправедливыя, они въ правилахъ этихъ бываютъ жестоки и всегда оригинальны. Такъ напримѣръ: не привыкши хвастаться своими преступленіями и видѣть въ нихъ какое-нибудь удальство, арестанты все-таки съ большимъ уваженіемъ относятся къ тому изъ бродягъ, который испробовалъ уже кнутъ и плети, стало быть, повиненъ въ сильномъ уголовномъ преступленіи. Такіе бродяги почетнѣе кроткихъ; имена ихъ дѣлаются именами историческими, какъ бы имена героевъ, на манеръ Суворова, Кутузова, Паскевича. Такимъ образомъ, тобольская тюрьма помнитъ имена бродягъ: Жуковскаго, Туманова, Островскаго, Коренева; нерчинскія тюрьмы: Горкина, Апрѣлкова, Смолкина, Дубровина, Невзорова и друг. Память о нихъ переходитъ изъ артели въ артель съ приличными разсказами и легендами, а такъ какъ легенды эти имѣютъ много жизненнаго смысла и силы, то они въ то же время служатъ поучительнымъ образцомъ и руководствомъ.

Чтобы судить о степени вліянія на артель тюремную этихъ бродягъ изъ злодѣевъ, мы приводимъ одну изъ множества легендъ, сказывающую, въ тоже время, до какой степени плотно и прочно тюремное товарищество. Дѣло — говорятъ — происходило въ Тобольскомъ острогѣ, въ старомъ, стоявшемъ на обрывѣ, надъ оврагомъ (нынѣшній новый замокъ построенъ на берегу Иртыша).

Живетъ въ тюрьмѣ, въ ожиданіи судебнаго приговора, одинъ изъ бродягъ — Тумановъ. Много преступленій скопилось на его головѣ; отъ многихъ онъ отвертывался, впутывалъ разныхъ лицъ, затягивалъ слѣдствія на цѣлый годъ и подъ шумокъ судопроизводства жилъ себѣ въ тюрьмѣ, пришѣваючи, пользуясь всякими ея благодатями. Къ концу года Тумановъ сообразилъ, что время его близко, раскинулъ умомъ — вышло, что быть рѣшенью скоро и рѣшенье выйдетъ немилостивое, отъ военнаго суда. Ему ли, старому бродягѣ-законнику, не знать того, что шпицрутеновъ изломанной спинѣ его не миновать. Онъ и число палокъ сосчиталъ впередъ, не хуже любого законника. Разсказалъ онъ объ этомъ союзникамъ и попечалился имъ; не шутя и чуть не черезъ слезы, высказалъ онъ имъ, что все это надоѣло ему крѣпко. Онъ говорилъ имъ: «братцы, для меня кнутъ бы еще ничего: не люблю я солдатскихъ палокъ, да и нерчинская каторга дѣло бывалое. Вся бѣда въ томъ, что каторга эта стоитъ далеко; скоро ли съ каторги этой выберешься. А ужъ мнѣ и это надоѣло: два раза уходилъ оттуда. Не надоѣла мнѣ мать Россія: въ ней дураковъ больно много, и народъ въ ней простъ, и нашему брату лучше тамъ жить, способнѣе. Какъ ни-какъ, а мнѣ уходить отъ каторги надо дальше, ближе къ Россіи. Пособите, братцы. Вся моя просьба: больше молчите теперь, а смекайте дѣло послѣ. Такъ или этакъ, а бѣжать мнѣ надо! Такъ это дѣло я порѣшилъ въ себѣ и средства придумалъ: вы только не мѣшайте—объ одномъ прошу!»

Было за этимъ Тумановымъ художество: умѣлъ онъ фокусы показывать,—дѣло, собственно вниманія нестоющее и въ тюрьмѣ пригодное въ досужій часъ, какъ праздничная забава. Поиграй оловянными рублевиками—товарищи посмотрятъ; глотай горячую смолу — они подивятся; привѣсь смѣшливому товарищу замокъ къ щекѣ—посмѣются. Да и не учащай этого дѣла, не налегай на него; дуракомъ почтутъ, уваженіе всякое потеряешь: въ тюрьмѣ живетъ народъ угрюмый, серьёзный, формалистъ большой.

Тумановъ такъ и поступалъ до сихъ поръ. Но съ нѣкотораго времени арестанты замѣчать стали, что Тумановъ началъ старыя штуки припоминать, новыя выдумывать и даромъ ихъ не показываетъ. Кто смотрѣть желаетъ—давай деньги. Смекнули это арестанты и памятуя наказъ и просьбу, помогать ему стали. Отгородили ему мѣсто на нарахъ; занавѣску придѣлали изъ всякой рвани; солдатъ повѣстили, что у нихъ теперь «кіятры» будетъ Тумановъ показывать. Театръ въ Тобольскѣ дѣло рѣдкостное, любопытное: охотниковъ много нашлось. Съ своихъ товарищей Тумановъ бралъ грошъ, съ солдатъ пятакъ,

Копились у него деньги, но росла и слава, лучи которой сначала достигли до караулки, а потомъ хватили и до квартиры смотрителя. Приходилъ и онъ, старичокъ, съ семействомъ; похвалилъ Туманова и заплатилъ ему четвертакъ за посмотрѣнье. Не великое дѣло четвертакъ—дальше четушки водки его не вытянешь: велика сила, что смотритель его далъ. Теперь можно вести себя посмѣлѣе, бить на вѣрняка. Тумановъ и началъ бить.

Ни съ того, ни съ сего началась въ казармахъ возня и ломка; Тумановъ командуетъ всѣми; ставитъ одного къ стѣнѣ, другого къ нему на плечи; поставитъ двухъ рядомъ и опять къ нимъ одного на плечи. Цѣлое утро возится Тумановъ съ арестантскими ногами: и на одной оставляетъ многихъ и чуть у другихъ изъ вертлюговъ не выворачиваетъ. Въ казармѣ пыль столбомъ, смѣхъ и шумъ. Сторожа смотрятъ на все это, ничего не подозрѣваютъ, думая: казеннаго добра арестанты не нортятъ, стекла не бьютъ, штукатурку не обламываютъ, пусть себѣ ломаются. Тумановъ съ арестантами: стало быть, потѣшное что-нибудь надумали. Дѣло же подходитъ къ празднику: намъ же арестанты забаву готовятъ, насъ хотятъ тѣшить. Придетъ къ нимъ и начальство смотрѣть: благо разъ ужъ удостоило. Молчали солдаты.

Подошли тѣмъ временемъ праздники. Пошелъ по казармамъ слухъ, что Тумановъ намѣренъ дать «чрезвычайное и небывалое представленіе»: пройдетъ онъ съ шестомъ и изобразитъ живую пирамиду; но такъ какъ дѣло это въ казармахъ сдѣлать неспособно — потолокъ помѣшаетъ, то и не худо бы представить все это на тюремномъ дворѣ, на просторѣ; позволитъ ли только начальство, — смотритель?

— Пусть, говоритъ — представляютъ! Я самъ приду посмотрѣть.

— А нельзя ли (просятъ) на томъ дворѣ, который къ задамъ идетъ, земля тамъ глаже и дѣлать способнѣе?

— Можно (велитъ передать), можно и на задахъ сдѣлать.

Назначенъ день представленія. На выбранномъ мѣстѣ арестанты скамеечку для начальства приладили: обѣщалось начальство прибыть не одно, а съ гостями. Сбѣжался на представленіе чуть ли не весь острогъ: прибѣжали солдаты изъ караулки, хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть; дежурный офицеръ явился въ киверѣ и чешуйки растегнулъ. Ждали гостей начальника и его самого — дождались.

Шли сначала мелкіе фокусы изъ такихъ, которые уже видѣли; были такіе, которыхъ не видывали. Дошло дѣло до пирамиды; стали ее ладить: стала пирамида, что одинъ человѣкъ,

словно изъ мѣди вылитая. Взгромоздился на самый верхъ Тумановъ; шестъ въ руки взялъ. Пошла пирамида неразрывной стѣной.... Тумановъ шестомъ заигралъ. Шла пирамида тихо, торжественно; Туманову снизу полушубокъ бросили, подхватилъ и не оборвался, новую штуку показалъ: на ногахъ устоялъ. Арестанты закричали, гулъ подняли. Дежурный офицеръ, изъ выгнанныхъ кадетъ, захлопалъ въ ладоши, чтобы показать свое столичное происхожденіе передъ дураками изъ гостей смотрительскихъ. Всѣ, однимъ словомъ, остались довольны.

А пирамида шла себѣ дальше, не шелохнувшись, а Тумановъ стоитъ себѣ выше всѣхъ, выше стѣны тюремной. Держится пирамида ближе къ стѣнѣ, подошла къ углу; остановилась. Глянули зрители на верхъ: нѣтъ Туманова, только пятки сверкнули. Пока опомнились (а опомнился первымъ смотритель), пока побѣжали черезъ дворъ (а дворъ очень длинный); сбили команду, побѣжала команда кругомъ острога, а острожная стѣна еще длиннѣе, прошло времени битыхъ полчаса. Стали искать — и слѣдовъ не нашли; шла битая тропинка круто подъ гору, ускоряя шагъ и поталкивая, и вились цѣпкіе, густые кусты, которымъ не было конца; а тамъ овраги, глубокіе овраги пошли въ пустыя мѣста, чуть ли не до самой Тюмени. Чортъ въ этихъ оврагахъ заблудится, дьяволъ въ этихъ кустахъ увидитъ. И зачѣмъ тропа, и зачѣмъ овраги, когда, можетъ быть, лежитъ Тумановъ подъ стѣной съ изломанной ногой, съ отшибеннымъ легкимъ? Оглядѣли то мѣсто по примѣтамъ: и трава отошла, и ничьего и никакого слѣду не видно. Полезли на стѣну, — увидѣли, что и стѣну арестанты ловко и предусмотрительно обдумали: стѣна была ординарная въ этомъ углѣ, тогда какъ во всѣхъ другихъ и на всемъ дальнемъ пространствѣ она была двойная. И на стѣнѣ нѣтъ Туманова. Нашли только на гвоздѣ его большую, кудельную бороду. Для смѣху ее Тумановъ привязалъ. Взяли это отребье, принесли къ смотрителю. Смотритель рапортъ написалъ по формѣ; бороду къ рапорту приложилъ и припечаталъ, а самъ поѣхалъ съ докладомъ къ губернатору.

Генералъ разсердился, раскричался на смотрителя. Вырвалъ у него изъ рукъ не рапортъ, а куделю, приложилъ кудельную бороду къ бритому подбородку смотрителя, да и вымолвилъ:

— Вотъ велю привязать тебѣ, дураку, эту бороду и станешь ты ходить съ ней до гробовой доски. Ну, зачѣмъ ты мнѣ принесъ ее, а не привелъ бѣглаго? Зачѣмъ? Отчего? Почему?...

Кричалъ начальникъ долго, а Тумановъ тѣмъ временемъ былъ уже далеко.

— Пошехонцы въ трехъ соснахъ заблудились — сказываютъ;

а нашему брату, бродягѣ, два дерева дай, только два дерева дай: мы такъ спрячемся, что десять человѣкъ не найдутъ. Дѣло это для насъ плёвое, потому, какъ мы на томъ стоимъ, все въ лѣсахъ живемъ, все около деревьевъ этихъ водимся: одно слово — лѣсные бродяги.

Вотъ что разсказываютъ сами бродяги, которые знали Туманова лично, но что̀ съ нимъ сталось дальше — разсказать не могли: не знали. Знали только то, что генералъ простилъ смотрителя и далъ арестантамъ возможность еще не одинъ разъ надъ нимъ посмѣяться.

— Смѣшной былъ человѣкъ — смотритель этотъ! разсказывали мнѣ. Дуракъ не дуракъ, а съ роду такъ. Бѣжалъ у насъ одинъ арестантъ черезъ трубу изъ нужнаго мѣста; бѣжалъ и тоже слѣдъ простудилъ. Сказали смотрителю; пришелъ онъ въ тюрьму, зашелъ къ намъ въ казарму подсудимыхъ, зашелъ и головкой сѣденькой помахиваетъ.

— Этакая (говоритъ) скотина, въ какое мѣсто полезъ!... И какъ ему въ голову это пришло?

— И какъ ребята, лезъ онъ туда, окаянный?!

— Головой (думаемъ): ногами неспособно.

— Перепачкался поди весь!

— И что за охота, что за охота собачьему сыну — лезть?! Чортъ,—дьяволъ толкалъ его, распроклятаго. Что за охота!!

Головушкой трясетъ старичекъ и все одно слово повторяетъ. Мы глядѣли — глядѣли на него, да такъ и фыркнули всей казармой. Самъ-молъ ты дуракъ, сѣдой чортъ! Не знаешь, что и крѣпка твоя тюрьма, да чортъ ли ей радъ? Воля-молъ лучше боли; коли отвага кандалы третъ, такъ она де и медъ пьетъ.

Но какъ ни сильна эта отвага, побѣги собственно изъ казематовъ совершаются рѣже, и притомъ, какъ замѣчено, на побѣгъ рѣшается удалой и бывалый, и притомъ изъ тюремъ такъ называемыхъ пересыльныхъ. Правда, что арестантъ не опуститъ ни одного случая малѣйшей оплошности конвойныхъ, особенно за стѣнами острога на работахъ, и бѣжитъ; но все-таки побѣгъ не единственный выходъ изъ бездолья каторжнаго. Существуютъ и другіе пути, которыми идутъ арестанты къ призрачной свободѣ, и подкопомъ подъ тюрьму завоевываютъ временное облегченіе себѣ участи. Случаями этими особенно богаты собственно каторжныя тюрьмы.

Казенная работа изо-дня въ день, одна и та же, до возмутительно однообразныхъ и мелкихъ подробностей, по-мимо физическаго истомленія, истощаетъ всѣ нравственныя силы и, какъ вампиръ, высасываетъ послѣдній запасъ терпѣнія даже и въ тѣхъ,

у которыхъ мягкость нрава, нерѣшительность характера и слабодушіе — прирожденныя черты характера. Такимъ людямъ до побѣгу далеко. Малодушные выбираютъ другія средства и, небогатые вымысломъ и смѣлостью, кидаются на ближайшее.

Лѣтомъ арестантъ надрѣзываетъ (во время работъ) чѣмъ-нибудь острымъ (осколкомъ стекла, кусочкомъ желѣза, кремнемъ) кожу на какой-нибудь части своего тѣла (больше на половыхъ органахъ) и въ свѣжую рану пропускаетъ свой или конскій волосъ. Добившись мѣстнаго воспаленія, нагноенія, онъ идетъ къ лекарю, фельдшеру и попадаетъ въ госпиталь. Туда же идутъ арестанты съ распухшими щеками по зимамъ, когда, по ихъ опыту, стоитъ только наколоть внутри щеки булавкой и выставить щеку эту на морозъ. На карійскихъ промыслахъ очень часто, во время утреннихъ раскомандировокъ по работамъ, попадаются арестанты съ ознобленными пальцами на рукахъ. Наблюденія и розысканія убѣждаютъ въ томъ, что арестанты, обыкновенно ночью, смачиваютъ какой-нибудь палецъ подручною жидкостью и достаточно нагрѣтый и теплый палецъ мгновенно спѣшатъ высунуть въ форточку окна на морозъ. Опыты подобнаго рода арестанты любятъ учащать, на томъ основаніи, что вовремя незахваченный ознобъ скоро ведетъ за собою пораженіе отмороженнаго члена антоновымъ огнемъ, и отрѣзанный лекаремъ палецъ спасаетъ несчастнаго отъ исполненія полнаго числа уроковъ. Вотъ почему въ числѣ запретныхъ вещей арестанты любятъ добывать всякія ѣдкія, разъѣдающія жидкости [1]).

[1]) Сюда докторъ Кашинъ (Московская медицинская газета 1860 года) относитъ известь и колчеданъ, а также и шерсть. «Другіе арестанты—говоритъ онъ—производятъ язвы приложеніемъ къ тѣлу листьевъ прострѣла (Anemone pulsatilla)». Для распознаванія язвы такого рода докторъ совѣтуетъ перевязывать ихъ самому врачу, подъ бинтъ подкладывать вощеную бумагу и всю повязку припечатывать. Употребленіе вощеной бумаги необходимо для того, чтобы арестантъ не раздражалъ язвы иглой, которую онъ пропускаетъ въ такомъ случаѣ чрезъ наложенную повязку. Сдѣланныя иглою отверстія сейчасъ можно видѣть на бумагѣ. «Къ притворнымъ болѣзнямъ арестантовъ и ссыльныхъ, говоритъ далѣе г. Кашинъ, относятся также слѣпота, сведеніе конечностей и падучая болѣзнь; но во всемъ этомъ весьма легко удостовѣриться при нѣкоторомъ вниманіи и ловкости. При слѣпотѣ я подносилъ къ глазу свѣчу или иглу, сказавъ, что хочу дѣлать операцію, и обманъ открывался скоро. Въ притворныхъ сведеніяхъ стоитъ только сдѣлать значительный ударъ ладонью по верхнему плечу или по ляшкѣ—и больной отъ боли выпрямлялъ конечности. Отсутствіе пѣны и сведеніе большого пальца внутрь ладони служитъ вѣрнымъ распознавателемъ притворной падучей болѣзни; также внезапныя вспрыскиванья холодной водой и чувствительность при уколѣ иглой какой-нибудь части тѣла. Но за то чесотка (scabies) непремѣнная принадлежность тюремъ; сифилисъ въ страшныхъ формахъ и часто первичныя язвы не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ показано, а circa anum или же in recto, какъ слѣдствія педерастіи. Скорбутъ, диссентеріи и тифъ—болѣзни очень обыкновенныя, и многія другія.»

Вытяжкой сонной одури они дѣлаютъ искусственную слѣпоту: пуская жидкость въ глазъ, увеличиваютъ (расширяютъ) зрачки и, выставляя глазъ кверху при осмотрѣ, кажутся какъ бы дѣйствительно слѣпыми. При помощи жжоной извести съ мушкой или купоросной кислоты вытравляли клейма, но не совсѣмъ удачно: оставалась бѣлизна и большіе шрамы. Это—старый способъ; новый вѣрнѣе достигалъ цѣли: помогала высокая трава съ желтыми цвѣточками (ranunculis acris), растущая тутъ же передъ глазами, на острожныхъ дворахъ. Обваривши клейменыя мѣста кипяткомъ, бьющимъ ключемъ, немедленно прикладывали эту траву и, вынесши жестокую пытку отъ боли, достигали цѣли тѣмъ, что траву эту держали на обваренномъ мѣстѣ не долго (не болѣе получаса). Рука краснѣла, и если припухала при этомъ, то творогъ прекращалъ страданія и воспаленіе: выходило ровно и гладко, словно во младенчествѣ мать ошпарила [1]).

Принимая на тощакъ столовую ложку *прошки* (нюхальнаго табаку), арестанты достигали того, что ихъ клали въ больницу, принимая за начальные припадки серьёзной болѣзни происходившее отъ того отравленіе, сопровождаемое тошнотою, блѣдностью кожи, біеніемъ жилъ и общею слабостью. Принимавшіе цѣлую деревянную ложку толченаго стручковаго перцу съ сахаромъ, добивались грыжи и пили потомъ на тощакъ по таковой же ложкѣ соку изъ рѣпчатаго луку, когда грыжа надоѣдала и дѣлалась ненужною. Той же грыжи добивались тѣ, у которыхъ достаточно было смѣлости на то, чтобы проглотить серебро, и столько терпѣнія въ надсадѣ и прыганьяхъ, чтобы, долго натуживаясь, добиться-таки желаемой гостьи. Въ разсчетѣ на глухоту, кладутъ въ ухо смѣсь, въ родѣ кашицы, изъ травянаго соку, меду и гнилого сыра; послѣдній, разлагаясь, вытекаетъ наружу жидкостью, по дурному запаху и бѣлому цвѣту, весьма удовлетворительнаго характера. Порошкомъ, наточеннымъ въ древесныхъ дуплахъ червякомъ, дуютъ въ глаза желающему спекулировать бѣльмомъ, которое, однако, скоро проходитъ.

Хорошій флюсъ для арестантской практики также не мудреное дѣло: стоитъ надѣлать внутри щеки уколы иглой, пока не хрустнетъ (но не прокалывать насквозь), а затѣмъ, зажавши носъ и ротъ, надувать щеку до флюса: щека раздуется, покраснѣетъ: на рожистое воспаленіе это очень похоже. Чтобы вылечить — стоитъ проколоть щеку снаружи на сквозь и выпустить воздухъ.

Стягивая подъ колѣнкомъ кожу въ складки (съ захватомъ

[1]) См. доктора Кривошапкина «Описаніе Енисейской губерніи».

жилъ) и продѣвая сквозь морщины свиную щетину на иголкѣ, добивались искусственнаго сведенія ноги: щетина оставалась въ жилахъ. Распаривши ногу въ банѣ и вынувъ щетину, — можно и въ бѣги уйти [1]). Сушатъ ногу отъ колѣна до ступни тѣмъ, что подъ самымъ колѣномъ перетягиваютъ саржевымъ или шелковымъ платкомъ и помаленьку всю ногу помачиваютъ водой, и проч., и проч.

Впрочемъ, нѣкоторые арестанты наивны, какъ школьники, и идутъ на смотръ къ доктору, наколовши булавкой десны и ноздри и принявъ кровь на рубашку, увѣряютъ въ кровохарканіи; другіе (геморроидалисты) подвязываютъ животъ и жалуются на спазмы. Однако, въ тѣхъ и другихъ случаяхъ легко достигаютъ цѣли: доктора уступаютъ ихъ настоятельнымъ заявленіямъ на отдыхъ и, обманутые и необманутые, застаиваютъ у ссыльныхъ рабочихъ нѣсколько времени, давая имъ перевести духъ и расправить натруженные члены на больничныхъ койкахъ. За то арестанты и считаютъ ихъ своими первыми благодѣтелями и на поселеніи всегда съ любовью поминаютъ объ нихъ.

Замѣчательно, что подобнаго рода притворщики (по личному признанію самихъ арестантовъ) въ тюремной іерархіи занимаютъ невидное мѣсто. Это плебсъ — черный народъ, народъ, который возбуждаетъ въ товарищахъ состраданіе въ такомъ только исключительномъ случаѣ, когда подлогъ ихъ обличится, не достигши цѣли. Сами они, по большей части, не заботятся о возвышеніи своего нравственнаго уровня, мало блюдутъ за своими паденіями и довольны бываютъ тѣмъ униженіемъ, въ какое съумѣютъ поставить ихъ товарищи-аристократы изъ бродягъ. Ихъ обыкновенно называютъ жиганами. Роль ихъ тогда бываетъ незавидна и была бы тяжела для нихъ, если бы они въ то же время не были (за недостаткомъ практической изобрѣтательности) крайними бѣдняками, голышами. Конечно, въ тюрьмѣ найдутся средства кое-какъ добыть кое-какія деньги, но для того требуется униженіе, а разъ-униженному далеко уже до уваженія, даже и до такого, какимъ, напр., пользуются бродяги. Бродяга скорѣе вытерпитъ всякую невзгоду, вынесетъ, на обтертыхъ и привычныхъ плечахъ, всякую каторжную работу; разъ десять обманетъ сторожей и пристава, и смотрителя, но до крайняго униженія своей личности не дойдетъ. Бродяга не унизится передъ богатымъ, не пойдетъ онъ по заказу его *уткой* [2]), не согласится,

[1]) Вмѣсто щетины, для той же цѣли берутъ нитку изъ дерева, называемаго волчье лыко; кончикъ нитки оставляютъ наружѣ, чтобы послѣ вытянуть, ибо лыко—не щетина, держать долго нельзя: дѣлается краснота и приключается большой жаръ.

[2]) Въ числѣ игръ, выдуманныхъ арестантами въ тюрьмахъ для общаго и частнаго

когда заломается арестантъ-богачъ, чувствуя въ карманѣ деньги, и велитъ подать ему воды, принести какую-нибудь вещь, чтобы за такую услугу, за удовлетвореніе празднаго каприза, выдать прислужившемуся грошъ или пятакъ.

Настоящій бродяга на столько практикъ, чтобы не быть трусомъ и побѣжденнымъ, и на столько свободенъ онъ и не побѣжденъ, что готовъ попасть опять на старое каторжное пепелище, но предварительно побывавши въ бѣгахъ. Въ бѣга, однимъ словомъ, идутъ только тѣ люди, которые одарены волей и характеромъ, точно также, какъ въ госпиталь ложится только живой мертвецъ, побѣжденный и безнадежный.

Изъ нерчинскихъ тюремъ (да и вообще изъ тюремъ Восточной Сибири) побѣги совершаются замѣчательно часто и въ огромномъ числѣ. Какія обстоятельства предшествуютъ и какими случайностями обставляются побѣги — этимъ всего болѣе обрисовывается каторжный бытъ,—и мы объяснимъ всѣ подробности, относящіяся къ побѣгамъ, въ слѣдующей главѣ.

С. Максимовъ.

(по заказу богачей) развлеченія, чаще другихъ употребляется — [illegible]. Желающему быть общимъ посмѣшищемъ и получить за то, смотря по обоюдному договору, пятачекъ серебра или гривенникъ, арестанты связываютъ на спинѣ обѣ руки веревкой и такимъ образомъ, чтобы между ладонями можно было укрѣпить сальную свѣчку. Свѣчка эта зажигается. Нанятый шутъ обязанъ, не погасивши огарка, ползти на брюхѣ съ одного края казармы до другого и по тому грязно-скользкому полу, каковъ, напр., въ тюрьмѣ Нижне-карійскаго промысла, гдѣ эта игра въ большомъ употребленіи. Проползъ потѣшникъ на брюхѣ, не погасивши свѣчки, онъ получаетъ договоренную монету; погасилъ на дорогѣ—даромъ всѣ труды пропадаютъ.

— Да еще и попадаетъ, сверхъ того! — прибавляли мнѣ разсказчики.

— Бьютъ?

— Бить не бьютъ, а поднимутъ на глумъ, да такъ, что на этотъ разъ битье-то, пожалуй, лучше бы....

Замѣчательно, что всѣ тюремныя игры—какъ и быть впрочемъ слѣдуетъ — грубаго дѣла и большею частію основаны на испытаніи крѣпости зубовъ, волосъ, кожи и проч., на манеръ семинарскихъ бурсъ. Таковы между прочимъ и тѣ игры, которыя извѣстны напр. въ петербургскомъ острогѣ: масло ковырять, покойника отпѣвать, пальто шить, колокола лить, на оленяхъ катать, присяга на вѣрноподданство по замку, киршинъ портретъ, жгуты, голоса слушать, и проч.

РУССКОЕ МАСОНСТВО

до

НОВИКОВА.

II *).

Елагинская Система.

Мы имѣемъ пока слишкомъ мало данныхъ, чтобы представить сколько нибудь полную исторію «Елагинской Системы». Но наша цѣль здѣсь — дать общее понятіе о развитіи масонскаго содержанія изъ его первоначальнаго вида, и Елагинская Система представляетъ близкій поводъ къ этому изложенію, такъ какъ по принятому мнѣнію она предполагалась прямымъ продолженіемъ стараго вида масонства.

Эта система, называвшаяся также «Англійскою», считается обыкновенно подлинной системой англійскихъ ложъ, т. е. первоначальнымъ чистымъ масонствомъ. Если говорить вообще, то она дѣйствительно отличалась отъ другихъ системъ непосредственной связью съ Англіей и представляла больше формальной подлинности, напр. въ томъ, что ограничивалась первоначальными степенями и отвергала всѣ «высшія степени» другихъ системъ, — хотя, какъ увидимъ далѣе, въ строгомъ смыслѣ духъ первоначальнаго масонства не сохранился и здѣсь. По крайней мѣрѣ Елагинская Система хотѣла крѣпче держаться старыхъ традицій.

*) См. выше, т. III, стр. 546—589.

Въ чемъ же состояли *вообще* эти традиціи, т. е. первоначальное содержаніе стараго масонства, въ его трехъ іоанновскихъ степеняхъ, еще не испорченныхъ позднѣйшими прибавками?

Этотъ предметъ совершенно не былъ тронутъ въ русской литературѣ, и мы сочли поэтому нелишнимъ остановиться на немъ: подробнѣе иначе, русскій читатель масонской исторіи можетъ постоянно оставаться въ недоумѣніи относительно самыхъ основныхъ пунктовъ масонской практики.

Для разъясненія этой практики и самаго содержанія масонства, надобно вернуться къ его старѣйшимъ формамъ и литературнымъ памятникамъ. Въ прежнихъ статьяхъ мы указывали только вкратцѣ на образованіе англійской «Великой ложи» (1717), на «Конституціи» Андерсона (1723), и привели немногія выписки. Скажемъ теперь подробнѣе объ этихъ масонскихъ законахъ и старыхъ масонскихъ обрядахъ.

Мы замѣчали уже прежде, что «Конституціи» Андерсона (1723), первая законодательная книга масонства послѣ его преобразованія въ новую форму, распространившуюся потомъ въ европейскихъ обществахъ, — показываютъ въ своемъ содержаніи несомнѣнную близость новаго учрежденія со старымъ,—т. е., собственнаго масонства, какъ оно стало пониматься теперь, съ религіозно-ремесленными преданіями и обычаями средневѣкового цеха каменьщиковъ. Легко убѣдиться въ этомъ, если прочесть текстъ «Старыхъ обязанностей» [1]), гдѣ не одинъ разъ можно быть въ недоумѣніи о томъ, къ какому каменьщику обращаются эти «Старыя обязанности»: говорится ли въ нихъ о *ремесленникахъ* и ихъ мастерахъ, или о *масонахъ* — въ прямомъ непосредственномъ смыслѣ, или иносказательно, символически.

Та часть «Конституцій», которая посвящена опредѣленію общихъ внутреннихъ основаній масонства, политическихъ, общественныхъ и нравственныхъ положеній его ученія, дѣлится на шесть отдѣловъ, сущность которыхъ заключается въ слѣдующемъ.

Отдѣлъ I — «о Богѣ и религіи», говоритъ:

«Каменьщикъ обязанъ своимъ призваніемъ повиноваться нравственному закону; и если онъ хорошо понимаетъ свое искусство, то онъ не будетъ ни тупымъ отрицателемъ Бога, ни безбожнымъ развратникомъ. И хотя въ древнія времена каменьщики въ каждой странѣ были обязаны принадлежать къ религіи этой страны или этого народа, какова бы она ни была, но теперь сочтено за лучшее обязывать ихъ только къ *той* религіи, въ

[1]) Слѣдующія выписки сдѣланы по тексту, напечатанному у Финделя, въ приложеніяхъ.

которой всѣ люди согласны, и затѣмъ ихъ особенныя мнѣнія предоставить имъ самимъ; то есть, быть людьми *добрыми* и *вѣрными*, или людьми чести и честности, какими бы названіями или убѣжденіями они ни отличались. Черезъ это, масонство становится *средоточіемъ* соединенія и средствомъ основать вѣрную дружбу между людьми, которые безъ того должны были бы оставаться въ постоянномъ разъединеніи».

Отдѣлъ II — «о гражданской власти, высшей и подчиненной», говоритъ:

«Каменьщикъ, гдѣ бы онъ ни жилъ и работалъ, есть мирный подданный гражданскихъ властей, и онъ никогда не долженъ вмѣшиваться въ комплоты и заговоры противъ мира и благоденствія народа, ни нарушать своихъ обязанностей къ начальствамъ. Потому что какъ война, кровопролитіе и смуты всегда были вредны для каменьщичества; такъ съ древнихъ временъ короли и князья были очень склонны поощрять членовъ цеха, по причинѣ ихъ миролюбія и гражданской вѣрности, — чѣмъ они на дѣлѣ опровергали злословіе своихъ противниковъ, — и склонны были возвышать честь братства, которое всегда процвѣтало во времена мира. Поэтому, если бы братъ возмутился противъ государства, то его не слѣдуетъ поддерживать въ его мятежѣ; но должно сострадать о немъ, какъ о несчастномъ человѣкѣ» и пр. [1]).

Отдѣлъ III — «о ложахъ»:

«Ложа есть мѣсто, гдѣ каменьщики собираются и работаютъ: поэтому такое собраніе или должнымъ образомъ устроенное общество каменьщиковъ называется *ложею* [2]), и каждый братъ долженъ принадлежать къ ней и подчиняться какъ ея особеннымъ *законамъ*, такъ и *общимъ постановленіямъ*... Въ древнія времена ни одинъ мастеръ или членъ ложи не могъ отлучаться отъ нея, особенно если ему объявлено было, что онъ долженъ явиться въ ней, — иначе онъ подвергался строгому наказанію; нужно было, чтобы мастеръ или надзиратель ясно видѣлъ, что ему помѣшала дѣйствительная необходимость.

«Лица, которыя допускаются въ ложу какъ члены, должны быть люди добрые и вѣрные, свободные по рожденію [3]), зрѣлаго и разсудительнаго возраста, не крѣпостные, не женщины, не без-

---

[1]) Въ позднѣйшей редакціи «Конституцій», такой мятежникъ исключается изъ ложи.

[2]) Припомнимъ, что *lodge*, нѣм. *Bauhütte*, означаетъ собственно домикъ, который строятъ себѣ рабочіе подлѣ мѣста работы для храненія инструментовъ и для выдѣлки тонкихъ частей работы.

[3]) Потому что въ старину несвободныхъ, крѣпостныхъ въ цехъ не принимали.

нравственные или неприличные люди, но люди съ добрымъ именемъ».

Отдѣлъ IV—«о мастерахъ, надзирателяхъ, товарищахъ и ученикахъ»:

«Всякое преимущество между *каменьщиками* основывается единственно на истинномъ достоинствѣ и собственной заслугѣ, на томъ, чтобы *хозяевамъ* постройки было хорошо услужено, чтобы братьямъ не было стыдно, и королевское ремесло (royal craft) не подверглось презрѣнію. Поэтому, мастеръ или надзиратель выбирается вовсе не по лѣтамъ, а по своимъ заслугамъ. Эти вещи невозможно вполнѣ изложить на письмѣ; каждый братъ долженъ являться на своемъ мѣстѣ и изучать эти вещи тѣмъ способомъ, который свойственъ этому братству. Ищущіе могутъ знать только то, что ни одинъ *мастеръ* не можетъ принять *ученика*, если не имѣетъ для него достаточно занятія, и если это не есть совершенный юноша, безъ всякихъ уродливостей и тѣлесныхъ недостатковъ, которые могли бы сдѣлать его неспособнымъ изучить королевское ремесло, служить хозяевамъ своего мастера, сдѣлаться *братомъ* и въ свое время членомъ цеха, какъ скоро онъ прослужитъ извѣстное число лѣтъ, что предписываютъ обычаи страны...

«Ни одинъ братъ не можетъ быть *надзирателемъ*, если не былъ сначала членомъ цеха; ни *мастеромъ*, если не исполнялъ должности надзирателя; ни *великимъ надзирателемъ*, если не былъ прежде мастеромъ ложи; ни *великимъ мастеромъ* (гросмейстеромъ), если до своего избранія не былъ членомъ цеха. Гросмейстеръ долженъ также быть знатнаго происхожденія, или человѣкъ съ общественнымъ положеніемъ, или особенно высокаго образованія, или замѣчательный ученый, или искусный архитекторъ, или иной художникъ, происшедшій отъ достопочтенныхъ родителей, и притомъ по мнѣнію ложъ человѣкъ съ совершенно особенными, великими заслугами»...

Отдѣлъ V—«объ управленіи цеха при работѣ»:

«Всѣ каменьщики должны въ рабочіе дни работать честно, чтобы имъ можно было прилично жить въ праздничные дни; и должно быть наблюдаемо время, которое установлено законами страны или принято обычаями.

«Опытнѣйшій изъ товарищей цеха долженъ быть выбранъ или назначенъ *мастеромъ* или главнымъ надзирателемъ надъ запасомъ хозяина, и тѣ, кто работаетъ подъ его надзоромъ, должны называть его мастеромъ. Товарищи цеха должны избѣгать всякихъ дурныхъ разговоровъ, а также не называть другъ друга

невѣжливыми именами, а просто *братомъ* или *товарищемъ*, и въ ложѣ и внѣ ея обходиться ласково.

«Мастеръ, который знаетъ свое искусство въ ремеслѣ, долженъ брать у хозяина *заказъ* сколько можно дешевле и обходиться съ его имуществомъ такъ бережно, какъ если бы оно было его собственное; онъ не долженъ также давать брату или ученику больше *платы*, чѣмъ тотъ дѣйствительно заслужилъ...

«Всѣ принятые каменьщики должны принимать свою плату дружелюбно, безъ ропота и ссоръ, и не оставлять мастера до тѣхъ поръ, пока работа не будетъ окончена.

«Младшій братъ долженъ быть обучаемъ въ *работѣ*, чтобы онъ по недостатку пониманія не портилъ *матеріала*, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалась и сохранялась братская любовь.

«Всѣ *инструменты*, которые употребляются въ работѣ, должны быть одобрены отъ «Великой ложи»...

Отдѣлъ VI—«о поведеніи братьевъ», и именно во-первыхъ, «въ ложѣ, когда она устроена»:

«Вы не должны держать особыхъ отдѣльныхъ собраній, ни вести отдѣльныхъ совѣщаній безъ позволенія мастера; ни говорить чего нибудь не должнаго или неприличнаго, ни прерывать мастера или надзирателя, или другого брата, который говоритъ съ мастеромъ; вы не должны также дѣлать съ ними шутокъ или шалостей, когда ложа занята серьезными и торжественными вещами, ни говорить неприличнымъ образомъ подъ какимъ бы ни было предлогомъ: но вы должны оказывать должное высокое почтеніе своему мастеру, своимъ надзирателямъ и товарищамъ и уважать ихъ».

Въ случаѣ жалобъ и споровъ обвиняемый, по правиламъ общества, долженъ быть судимъ самой ложей; обращаться къ обыкновенному суду, въ дѣлахъ каменьщичества, позволяется только тогда, когда сама ложа найдетъ это нужнымъ.

Во-вторыхъ, о поведеніи братьевъ, «когда ложа закрыта, но братья еще не разошлись»:

«Вы можете развлекаться невинными забавами и другъ друга угощать по силамъ, но при этомъ избѣгая всякой неумѣренности и не принуждая никого изъ братьевъ ѣсть или пить, когда у него нѣтъ охоты, и не мѣшая ему уходить, когда его вынуждаютъ къ этому свои дѣла. Вы не должны также ничего говорить или дѣлать, что бы могло оскорблять или нарушать непринужденное и свободное обхожденіе; потому что это разстроило бы наше согласіе и разрушило бы наши похвальныя намѣренія. Поэтому, никакая вражда или ссоры не должны быть приносимы къ дверямъ ложи, и еще менѣе какой нибудь споръ о религіи, или о

разныхъ народахъ, или устройствѣ государствъ; такъ какъ мы всѣ, какъ каменьщики, держимся только упомянутой выше *всеобщей религіи*, и, кромѣ того, мы бываемъ изъ всѣхъ народовъ, говоровъ, нарѣчій или языковъ, и мы рѣшительно противъ всякихъ политическихъ споровъ, такъ какъ подобные споры еще никогда не были и никогда не будутъ полезны для блага ложъ»...

Въ-третьихъ, о томъ, какъ братья должны держать себя, «если встрѣтятся, хотя не при чужихъ, но не въ настоящей ложѣ»:

«Вы должны ласково привѣтствовать другъ друга, по наставленію, которое будетъ вамъ дано, должны называть другъ друга братьями, искренно давать другъ другу взаимное обученіе, насколько это окажется нужнымъ, не будучи наблюдаемы или подслушиваемы, и не превозносясь одинъ передъ другимъ и не уменьшая уваженія, которое подобало бы каждому брату, если бы онъ не былъ каменьщикомъ. Потому что, хотя каменьщики, какъ братья, всѣ равны между собою, но тѣмъ не менѣе каменьщичество нисколько не уменьшаетъ ни у кого той чести, какую онъ имѣлъ прежде, а напротивъ оно еще увеличиваетъ его честь, особенно если онъ оказалъ услуги братству, которое должно отдавать честь тому, кому честь подобаетъ, и избѣгать дурныхъ нравовъ».

Въ-четвертыхъ, о поведеніи «въ присутствіи чужихъ, некаменьщиковъ» — совѣтуется осторожность въ рѣчахъ и поступкахъ, чтобы чужой не узналъ того, чего не долженъ знать, и совѣтуется избѣгать разговоровъ, касающихся братства.

Въ-пятыхъ, «о поведеніи дома и съ сосѣдствомъ»,—предписывается поступать такъ, какъ прилично человѣку нравственному и мудрому, жить въ мирѣ съ друзьями и сосѣдями, заботиться о семьѣ, не предаваться пьянству и гульбѣ.

Въ-шестыхъ, о поведеніи «съ чужимъ братомъ»:

Надо съ осторожностью изслѣдовать его качества, и если это вѣрный и истинный братъ, то надо принять его, оказать ему уваженіе и, если нужно, помощь. «Вы должны дать ему нѣсколько дней работы. Но вы не обязаны дѣлать *сверхъ вашей возможности*: вы должны только при равныхъ обстоятельствахъ, предпочесть бѣднаго брата, когда это хорошій и вѣрный человѣкъ, всякому другому бѣдному человѣку».

«Наконецъ, вы должны исполнять всѣ эти предписанія, а также и всѣ тѣ, которыя будутъ сообщены вамъ другимъ путемъ; вы должны исполнять *братскую любовь*, основной и послѣдній камень, цементъ и славу этого древняго братства, и избѣгать всякихъ раздоровъ и несогласій, всякой клеветы и злословія, и

не дозволять другимъ клеветать на какого нибудь достойнаго брата, но защищать его, и оказывать ему всѣ добрыя услуги, — сколько позволяетъ ваша честь и благополучіе, и не далѣе. И если кто нибудь изъ нихъ окажетъ вамъ несправедливость, то вы должны обротиться къ его или своей ложѣ, — и потомъ апеллировать, если надо, къ Великой Ложѣ. Вы никогда не должны обращаться къ *суду* и начинать тяжбы; если же это будетъ неизбѣжно и процессъ начнется, то это должно быть безъ гнѣва и ожесточенія, и вы не должны ничего говорить или дѣлать такого, что могло бы помѣшать братской любви и возобновленію и продолженію добрыхъ услугъ, чтобы всѣ могли видѣть благотворное вліяніе каменьщичества, какъ дѣлали съ самаго начала міра всѣ вѣрные каменьщики, и какъ они будутъ дѣлать до конца временъ».

Таково содержаніе основнаго памятника масонства, составляющаго исходный пунктъ его новѣйшей исторіи. Этотъ памятникъ сохраняетъ всю свѣжесть новаго учрежденія. Терминологія каменьщичества, такъ очевидно искусственная въ ея дальнѣйшемъ употребленіи, здѣсь нерѣдко заставляетъ принимать ее въ буквальномъ, непосредственномъ смыслѣ. Замѣтимъ также простоту, съ которой говорится о нравственныхъ и религіозныхъ предметахъ: здѣсь нѣтъ и слѣда того аффектированнаго и притязательнаго мистицизма, который впослѣдствіи овладѣваетъ больше или меньше всѣми системами; нѣтъ преувеличенія братскаго союза: онъ понимается просто и здраво—это только взаимное уваженіе и обученіе, когда нужно помощь, но «не сверхъ возможности».

Мы не будемъ останавливаться на другомъ актѣ этого стараго масонства, «Общихъ Постановленіяхъ» Джорджа Пайна (1720),—гдѣ заключаются только подробности чиноначалія и администраціи ложъ,—и для болѣе опредѣленной характеристики первоначальной формы масонства, укажемъ еще нѣкоторыя данныя другого рода. Во-первыхъ, мы выберемъ изъ литературы того времени образчикъ общихъ понятій, какія давалъ о себѣ самъ орденъ; во-вторыхъ, остановимся на старѣйшихъ извѣстныхъ формахъ масонскаго ритуала. Это познакомитъ насъ и съ тѣми впечатлѣніями, какія масонство могло производить въ первую пору его введенія у насъ.

Для перваго, любопытныя черты представляетъ одна изъ самыхъ старыхъ апологій масонства, вышедшая въ 1742 г., слѣдовательно почти одновременно съ назначеніемъ Кейта въ русскіе гросмейстеры [1]). Хотя масонское общество называется здѣсь

[1]) Apologie pour l'Ordre des Francs-maçons. Par Mr N*** Membre de l'ordre. Avec

орденомъ — вещь уже новая, внесенная тѣми же вліяніями, изъ которыхъ произошли и высшія степени (прежде употреблялось названіе «общество» или «братство»: Society, Gesellschaft, Brüderschaft; Société, Confrérie; у англичанъ даже craft of masonry); а въ одной пѣсни, приложенной въ концѣ книги, уже упоминается chevalier de l'Aigle, одна изъ первыхъ выдуманныхъ «высшихъ степеней», — но въ общемъ характерѣ книги остаются еще черты старой масонской ортодоксіи и тѣ простые взгляды на цѣль учрежденія, какіе должны были существовать при первомъ распространеніи его за предѣлы цеха, въ высшіе слои общества.

Въ своей защитѣ авторъ старается опровергнуть возраженія и обвиненія противъ масонства, уже въ самое первое время возбуждавшаго подозрѣнія своей оригинальностью и таинственностью. Эти возраженія и обвиненія почти тѣ же, о какихъ намъ случилось говорить прежде: что масонство можетъ быть противно религіи вообще или отдѣльнымъ исповѣданіямъ; что его таинственность заставляетъ подозрѣвать какую нибудь тайную безнравственность; что оно можетъ скрывать партію, противную властямъ; что масонство можетъ облегчить какимъ нибудь заговорщикамъ ихъ дѣло; что многіе члены общества ведутъ себя дурно и т. д.; наконецъ, что тайна общества будто бы не нарушается членами его изъ страха тайнаго убійства. Опровергнувъ всѣ эти подозрѣнія, авторъ Апологіи на вопросъ о *цѣли ордена* отвѣчаетъ такимъ образомъ:

«Я думаю, — говоритъ онъ, — что публика въ правѣ сдѣлать намъ этотъ вопросъ; а мы, если есть какія нибудь выгоды быть членами этого ордена, мы обязаны не скрывать ихъ: и такъ, я считаю восемь главныхъ выгодъ:

«I. Орденъ соединяетъ въ одномъ духѣ мира и братства всѣхъ своихъ членовъ, какой бы партіи они ни были и въ какомъ бы исповѣданіи ни были воспитаны: такъ что каждый, оставаясь вѣренъ и ревностенъ къ своему собственному исповѣданію, съ неменьшимъ жаромъ любитъ братьевъ, которые, правда, раздѣлены различіемъ въ объясненіи догматовъ и въ обрядахъ богослуженія, но которые однако же каждый въ своемъ исповѣданіи питаютъ ту же надежду и то же довѣріе къ вѣчной жертвѣ Бога, восхотѣвшаго умереть за нихъ. Это соединеніе тѣмъ болѣе удивительно, что оно могло бы показаться невозможнымъ, если бы опытъ, постоянно повторяющійся въ орденѣ, не доказывалъ, что

---

deux Chansons composées par le Frère Américain. A la Haye, chez Pierre Gosse et à Dresde, cher George Conrad Walther. MDCCXLII (у Клосса № 276).

это соединеніе дѣйствительно существуетъ въ немъ; это — соединеніе сердца, какого всегда желали самые мудрые и самые благочестивые люди, — если нѣтъ соединенія въ догматахъ.

«II. Орденъ дѣлаетъ великихъ и малыхъ (des Grands et des Petits) братьями; онъ сближаетъ ихъ другъ съ другомъ, не смѣшивая ни имущества, ни сословій, — въ чемъ онъ умѣлъ избѣжать опасности, въ которую впали нѣкоторые христіане послѣднихъ вѣковъ, которые хотѣли основать общность имущества между всѣми людьми, или по крайней мѣрѣ между всѣми людьми ихъ мнѣній, — вещь, совершенно неисполнимая, если бы ихъ общество стало многочисленно. Здѣсь, великій хочетъ уничижиться и сдѣлаться братомъ малаго, и публично почтить его этимъ именемъ; онъ помогаетъ и покровительствуетъ ему во всѣхъ случаяхъ, справедливыхъ и согласныхъ съ правилами милосердія. Но если великій хочетъ снизойти до меньшого, этотъ послѣдній рано научается недопускать въ себѣ гордости, ни злоупотреблять братствомъ, столько для него лестнымъ и столько способнымъ утѣшить его въ посредственности его состоянія, — не забывать того, чѣмъ онъ обязанъ тому, кто превосходитъ его положеніемъ, происхожденіемъ и средствами. Онъ тѣмъ съ бо̀льшимъ усердіемъ и вѣрностію исполняетъ тѣ справедливыя и разумныя услуги, которыхъ великій отъ него требуетъ, что онъ знаетъ, что дѣлаетъ это для брата, и брата признательнаго. Наконецъ, великіе и малые всѣ обязаны, каждый по своему положенію, взаимно содѣйствовать общему благу и счастію; и мало того, довольно рѣдко случается видѣть, чтобы эта обязанность пренебрегалась.

«III. Всѣ тѣ славные ордены, установляемые государями, составляютъ удѣлъ великихъ, недоступный для малыхъ; орденъ, о которомъ мы говоримъ, возвращаетъ послѣднихъ остальнымъ людямъ, безразлично допуская ихъ на ряду съ самыми знатными лицами.

«IV. Всякій членъ ордена имѣетъ право войти во всѣ ложи міра; это выгода, которая, за недостаткомъ болѣе спеціальной рекомендаціи, доставляетъ владѣющему ей одно изъ самыхъ легкихъ средствъ познакомиться со многими хорошими людьми, — и которая, въ случаѣ непредвидѣннаго несчастія, какъ воровство, кораблекрушеніе и т. п., даетъ ему возможность найти помощь у братьевъ, пока онъ успѣетъ притти въ себя (de se reconnaître), и извлечь изъ своихъ собственныхъ дарованій средства существованія; или, если онъ иностранецъ и имѣетъ ресурсы въ своемъ отечествѣ, пока онъ успѣетъ получить оттуда, что нужно, для исполненія своихъ плановъ, которые побудили его къ путешествію.

«V. Удовольствіе узнавать братьевъ, хотя и въ чужой странѣ, языкъ которой неизвѣстенъ, и никогда не видѣвши этихъ братьевъ прежде, узнавать посредствомъ языка и знаковъ, употребляемыхъ въ орденѣ повсемѣстно: этотъ языкъ и знаки служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ тому, чтобы отличить брата отъ какого нибудь другого человѣка, который бы захотѣлъ ложно воспользоваться этимъ именемъ.

«VI. Удобство въ очень короткое время узнать знаки и выраженія, составляющіе этотъ своего рода универсальный языкъ. Средство, которое за незнаніемъ языка страны, даетъ возможность понять и узнать другъ друга, въ какомъ бы мѣстѣ міра мы ни нашли братьевъ ордена.

«VII. Болѣе общая выгода состоитъ въ томъ, что если единство и братство въ извѣстныхъ отношеніяхъ простираются только на братьевъ самаго ордена, то вмѣстѣ съ тѣмъ братья обязываются оказывать помощь и содѣйствіе всѣмъ другимъ людямъ, на сколько позволяютъ имъ средства, — и дѣлать это, не обращая вниманія на религію или отечество этихъ людей, но по мѣрѣ той нужды, какую несчастные могутъ въ этомъ имѣть.

«VIII. Наконецъ, самыя обязательныя правила братьевъ составляютъ 1) исполненіе: обязанностей къ Богу,—каждый дѣлаетъ это смотря по тому, что̀ предписываетъ христіанская религія вообще и, въ частности, то изъ христіанскихъ исповѣданій, въ которомъ онъ выросъ; 2) неизмѣнная вѣрность къ государю, или въ качествѣ его природнаго подданнаго, или пріобрѣтеннаго, или наконецъ въ качествѣ человѣка, живущаго въ его государствѣ и пользующагося публичной безопасностью подъ его покровительствомъ; 3) любовь къ своему собственному семейству и забота о немъ; 4) милосердіе, всегда готовое дѣйствовать въ пользу ближняго, подъ именемъ котораго разумѣются по началамъ христіанской вѣры всѣ люди, не исключая и самыхъ враговъ» [1]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что эта книжка, хотя и написана въ то время, когда уже были изобрѣтены высшія степени, еще продолжаетъ стоять на старыхъ, простыхъ основаніяхъ масонской морали и не пускается ни въ какія ухищренія.

Наконецъ, чтобы ввести читателя въ то старое масонство, которое въ первый разъ проникало къ намъ подъ непосредственными англійскими вліяніями, намъ слѣдовало-бы еще разсмотрѣть ритуалъ того времени, т. е. обрядность, исполнявшуюся въ ложѣ и составлявшую то, что̀ въ масонствѣ называлось вообще «работой».

---

[1]) Стр. 110—117.

Познакомившись съ нимъ, мы могли-бы составить себѣ достаточно отчетливое понятіе о самой сущности дѣла и о томъ, въ чемъ собственно заключалось позднѣйшее развитіе или вырожденіе масонства. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ подлинныхъ русскихъ ритуаловъ стараго времени, и не знаемъ, существуетъ ли вообще гдѣ-нибудь ритуалъ, появившійся на русскомъ языкѣ при первомъ введеніи ложъ. Онъ долженъ былъ сохранить многія первоначальныя черты стараго англійскаго масонства и далъ бы намъ прочное основаніе для сличенія съ позднѣйшими формами ложъ. Быть можетъ, впрочемъ, что онъ и не существовалъ на письмѣ. Елагинъ даже въ позднѣйшее время, разсказывая о своихъ отношеніяхъ къ англійской «Великой Ложѣ», жалуется, что эта ложа «раздаетъ одни токмо на постановленіе ложъ грамоты, повелѣвающія [1]) работать въ первыхъ трехъ іоанновскихъ степеняхъ, да и на сіи работы *письменно ничего не сообщаетъ*» [2]). Дѣйствительно, основной законъ масонства запрещалъ какимъ бы то ни было способомъ изображать, писать, печатать и т. д. тайну общества, и потому ложи не печатали ритуаловъ, и не сообщали ихъ письменно, какъ это дѣлали потомъ всѣ новыя системы. И если на дѣлѣ существуетъ много изданій, въ которыхъ сообщался ритуалъ англійскихъ и другихъ ложъ (такія изданія начинаются уже съ 1725 г.); то все это были только такъ называемыя измѣнническія изданія, дѣланныя людьми, предавшими тайну, а никакъ не изданія самихъ ложъ. Ложи напротивъ отказывались отъ подобныхъ изданій, даже иногда опровергали ихъ, но новѣйшіе историки сознаются, что опроверженія были натянутыя, что измѣнническія изданія вообще передавали подробности ритуала очень вѣрно, и что поэтому подобныя изданія могутъ служить надежнымъ историческимъ источникомъ для изученія масонской старины.

Въ настоящемъ случаѣ мы и обратимся къ этимъ источникамъ. Хотя, къ сожалѣнію, намъ доступна была только одна ихъ доля, но это дѣлаетъ мало разницы для нашей цѣли — познакомиться съ общимъ характеромъ стараго масонскаго ритуала, и съ его отношеніемъ къ средневѣковымъ обычаямъ рабочаго цеха каменьщиковъ.

Дѣло въ томъ, что при самомъ основаніи «Великой Ложи»

---

[1]) Въ Р. Арх. «повелѣванія».

[2]) Р. Арх. 1864, ст. 598. Ср. Handb. III. 73. Есть извѣстіе, что за отсутствіемъ письменныхъ «актовъ» англійскихъ, Елагинъ заимствовалъ ритуалы іоанновскихъ степеней шведской системы у Рейхеля (См. Handb. III. 492). Если это дѣйствительно и было, то можно думать, что въ этихъ степеняхъ тогда еще не было большой разницы съ англійскими.

англійское масонство раздѣлилось на двѣ вѣтви, Старыхъ и Новыхъ масоновъ (Ancient and Modern Masons). Исторія этого раздѣленія до сихъ поръ очень темна; но сущность его заключалась, кажется, въ слѣдующемъ. При своемъ основаніи (1717), «Великая Ложа» не соединила въ своемъ управленіи всего количества ложъ, такъ что внѣ ея оставалось извѣстное число братьевъ, рабочихъ-каменьщиковъ, продолжавшихъ свои прежніе, масонскіе обычаи и составлявшихъ ложи. Кромѣ того, сама «Великая Ложа» повидимому порождала недовольныхъ: разширивъ общество каменьщиковъ на лица, вовсе не принадлежавшія рабочему классу, а напротивъ принадлежавшія высшимъ сословіямъ, она ввела въ общество извѣстную привилегію, установила новыя важныя и почетныя должности въ своей средѣ, наконецъ присвоила себѣ господствующее положеніе: подобныя мѣры почти неизбѣжно должны были сопутствовать реформѣ, но онѣ нарушали равноправность ложъ и должны были возбуждать неудовольствіе. Естественно, что вмѣстѣ съ этимъ измѣненіемъ характера общества, съ его централизаціей и вступленіемъ въ него сильнаго нерабочаго элемента, должно было утрачиваться и многое изъ самыхъ обычаевъ: старые каменьщики еще сберегали ихъ и, по свидѣтельству Андерсона, могли, съ помощію этихъ старыхъ обычаевъ, понимать другъ друга даже и безъ тѣхъ масонскихъ знаковъ, какіе были теперь приняты и освящены «Великой Ложей», — «и этихъ обычаевъ, говоритъ Андерсонъ, не могли угадать даже самые опытные и ученые люди, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, между тѣмъ какъ старымъ каменьщикамъ не надо было даже и говорить, чтобы понять другъ друга»... Но Великая Ложа никакъ не хотѣла допускать раскола и не признавала этихъ каменьщиковъ, которые между тѣмъ, опираясь на старые обычаи, съ своей стороны принимали новыхъ членовъ, и повидимому въ особенности изъ низшаго и средняго класса. Великая Ложа принимала противъ нихъ свои мѣры и наконецъ, чтобы совершенно закрыть для нихъ входъ въ свое общество, произвела въ своей практикѣ нѣкоторыя, впрочемъ неважныя, измѣненія. Противная партія ухватилась за этотъ случай, чтобы выдать себя за настоящихъ *старыхъ* масоновъ, а Великую Ложу съ ея послѣдователями назвала *новыми*. Названіе *старыхъ* до извѣстной степени было правильно, но съ другой стороны и неправильно, потому что къ расколу Старыхъ масоновъ присоединились потомъ и нѣкоторыя совершенно новыя тенденціи. Именно, нашелся ревностный масонъ, который составилъ для Старыхъ масоновъ законодательную книгу и поддержалъ ихъ стремленія къ отдѣльности, рѣзко нападая на Великую Ложу: въ самомъ законѣ новаго еще не было,

но за то у Старыхъ масоновъ явилась новая степень, или усовершенствованіе степени мастера, Royal-Arch, занесенная, какъ полагаютъ, изъ главнѣйшаго источника высшихъ степеней, Франціи. Это было уже чистое нововведеніе, дѣлавшее «старыхъ» масоновъ новыми. Въ 1772 г., Старые Масоны успѣли наконецъ утвердиться окончательно, когда гросмейстеромъ ихъ собственной Великой Ложи сдѣлался въ первый разъ человѣкъ изъ высшей аристократіи, герцогъ Атольскій. Такимъ образомъ существовали двѣ Великія Ложи: но главной изъ нихъ все-таки оставалось Великая Ложа 1717 года, та, которой Старые Масоны давали названіе новой: за ней остался авторитетъ, и отъ нея, почти исключительно, распространялись ложи «англійской системы» на континентѣ, между прочимъ и русскія ложи. — Двѣ враждебныя Великія Ложи соединились наконецъ, послѣ взаимныхъ уступокъ, уже только въ 1813 году.

Каждая изъ этихъ Великихъ Ложъ представляетъ свои ритуалы, въ упомянутыхъ измѣнническихъ изданіяхъ. Ритуалы и обычаи собственной Великой Ложи (1717) изложены въ книгѣ *Причарда* (Sam. Prichard, Masonry dissected, Lond. 1730, 21-е изд. 1787), у *Престона* (Will. Preston, Illustrations of Masonry, Lond. 1772, 15-е изд. 1840), и въ болѣе новомъ видѣ у *Броуна* (J. Browne, The Master Key, Lond. 1794 и пр.) и друг. Ритуалы Старыхъ Масоновъ въ книгахъ: *Jachin and Boaz*, or an Authentic Key to the door of Free-Masonry, both ancient and modern, Lond. 1762, т. е. «Іакинъ и Боазъ, или подлинный ключъ къ двери Франкъ-Масонства стараго и новаго»; *The three distinct Knocks*, or the Door of the most ancient Free-Masonry, opening to all Men, etc., Lond. 6-е изд. около 1767, т. е. «Три сильные (или ясные, слышные) удара, или Дверь древнѣйшаго Франкъ-Масонства, открывающаяся для всѣхъ людей»[1]) и др.

Къ сожалѣнію, мы могли пользоваться только этими послѣдними книгами и не имѣли подъ руками Причарда. Разница ритуаловъ впрочемъ не такъ значительна, какъ мы могли въ этомъ убѣдиться изъ сличенія съ цитатами изъ ритуала Великой Ложи въ другихъ книгахъ[2]). Для сравненія можетъ служить

---

[1]) Клоссъ, № 1887, 1888. Изданіе «Іакина и Боаза» 1811, есть въ Академической библіотекѣ. Престонъ, въ изд. 1812 года, въ Публичной библіотекѣ. Ритуалъ «старыхъ масоновъ» переданъ у Краузе, Die drei ältesten Kunsturkunden der Freimaurerbrüderschaft, 1-е изд. Дрезд. 1810. Оттуда мы беремъ дальше варіанты изъ книгъ Причарда и Броуна.

[2]) Прежніе масонскіе историки, какъ Краузе, придавали первостепенное значеніе именно «Подлинному Ключу» и «Тремъ сильнымъ ударамъ». Новые приписываютъ имъ болѣе позднее происхожденіе и осуждаютъ Краузе, дѣйствительно преувеличи

также то, менѣе отчетливое, но кажется достовѣрное изложеніе англійскаго ритуала, которое находится въ книгѣ «Масонъ безъ маски» (Спб. 1784); подлинникъ ея, подъ названіемъ «Le Maçon demasqué» etc., вышелъ въ Лондонѣ 1751 [1]). Замѣтимъ наконецъ, что многія подробности сохраняются въ этихъ разныхъ ритуалахъ буквально сходно.

«Подлинный Ключъ» и «Три сильные удара», къ которымъ мы присоединимъ указанія Причарда, передаютъ общія черты англійскаго ритуала слѣдующимъ образомъ [2]):

Человѣкъ, который хочетъ сдѣлаться франкъ-масономъ, долженъ познакомиться съ членомъ какой-нибудь хорошей ложи, и этотъ послѣдній предложитъ его кандидатомъ въ слѣдующемъ собраніи. Братъ, предлагающій новаго члена, долженъ доставить ложѣ свѣдѣнія о званіи и качествахъ кандидата; братья разсуждаютъ потомъ, можетъ-ли онъ быть принятъ, и въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія, принятіе назначается въ слѣдующій же вечеръ.

Братья пунктуально собираются въ назначенный часъ.

Число братьевъ, принадлежащихъ къ ложѣ, неограниченно; но ложа вообще можетъ составиться только тогда, когда въ ней присутствуетъ мастеръ и необходимыя должностныя лица. — Въ общераспространенной практикѣ, трое свѣдущихъ братьевъ уже

вающаго дѣло; но люди безпристрастные, какъ Финдель, стр. 188, считаютъ этотъ ритуалъ «immer noch ein achtungswerthes Denkmal unserer Bruderschaft und eines gründlichen sorgfältigen Studiums werth». Разница состоитъ, наприм., въ числѣ вопросовъ (у Причарда 92, въ «Іакинѣ и Боазѣ» 108) и въ томъ, что самые отвѣты въ «Іакинѣ и Боазѣ» нѣсколько подробнѣе. Но во всякомъ случаѣ ритуалъ «Іакина и Боаза» несравненно ближе къ ритуалу Великой Ложи, чѣмъ ритуалы новѣйшихъ системъ, хотя и въ этихъ послѣднихъ первыя три степени вообще сохранились въ своей старой формѣ; и въ самомъ этомъ различіи мы скорѣе склонны видѣть варіанты дѣйствительно существовавшихъ обычаевъ, чѣмъ простое изобрѣтеніе Старыхъ Масоновъ, какъ повидимому хотятъ думать нѣкоторые новые критики; первое объясненіе кажется намъ гораздо болѣе сообразнымъ съ историческими вѣроятностями. Наконецъ, для нашей настоящей цѣли — указать *общія* черты стараго англійскаго ритуала и его историческое положеніе въ развитіи масонскаго содержанія и обрядности, разница стараго и новаго англійскаго масонства теряютъ большую долю своего значенія.

[1]) Клоссъ, № 1882, 1883. Англійскій переводъ, сдѣланный по изданію Berl. 1757, подъ заглавіемъ: Salomon in all his glory, or, the Master Mason etc. Lond. 1766, — упоминаетъ въ заглавіи, что подлинникъ былъ сожженъ по приказанію прусскаго короля, вслѣдствіе просьбы франкъ-масоновъ.

[2]) Въ слѣдующемъ изложеніи мы вообще удерживаемъ, сколько возможно, подлинныя слова источниковъ.

составляютъ ложу, пятеро составляютъ «справедливую», семеро— «совершенную» ложу.

При *мастерѣ* состоятъ два главныхъ должностныхъ лица, старшій и младшій *надзиратели* (senior and junior wardens), которые смотрятъ за соблюденіемъ законовъ ложи и исполненіемъ приказаній мастера. Надзиратели имѣютъ своихъ помощниковъ, старшаго и младшаго *діакона* (deacons); при нихъ были наконецъ *стюарты* (stewards). Въ «Подлинномъ Ключѣ» упоминаются діаконы, а стюартовъ нѣтъ. Діаконы составляли кажется исключительную принадлежность англійскихъ ложъ; но стюарты извѣстны также въ шведскихъ, нѣмецкихъ ложахъ, а также и русскихъ [1]).

Когда братья соберутся,—разсказываетъ «Подлинный Ключъ», мастеръ, два его ассистента, *секретарь* и *казначей* («хранитель сокровищъ» въ русскихъ ритуалахъ) прежде всего надѣваютъ себѣ на шею голубыя ленты треугольной формы: у мастера виситъ на лентѣ циркуль и линейка; ассистенты, старшіе надзиратели, носятъ одинъ циркуль.

На столѣ, за которымъ сидитъ мастеръ, ставятся свѣчи въ видѣ треугольника, и въ лучшихъ ложахъ на подсвѣчникахъ бываютъ искусно вырѣзаны эмблематическія фигуры. У каждаго брата надѣтъ бѣлый кожанный передникъ (запонъ). Мѣсто мастера за столомъ, на востокѣ; передъ нимъ лежитъ открытая библія, на ней положенъ циркуль, концы котораго покрыты lignum vitae, или наугольникомъ. Старшій и младшій надзиратели находятся напротивъ него, на западѣ и югѣ. «На столѣ ставится также вино, пуншъ, и проч., чтобы угощать братьевъ, которые занимаютъ мѣста по старшинству», т. е. конечно старшинству масонскому. Когда всѣ братья сядутъ въ такомъ порядкѣ, мастеръ приступаетъ къ открытію ложи. Оно происходитъ такимъ способомъ:

Мастеръ спрашиваетъ младшаго діакона:

— Какая первая обязанность масона?

— Смотрѣть, чтобы ложа была покрыта.

— Исполните свою должность.

Младшій діаконъ ударяетъ три раза въ дверь, и *покрыватель* (т. е. собственно кровельщикъ, tyler: одинъ изъ братьевъ, стоящій на стражѣ у дверей) отвѣчаетъ съ другой стороны также тремя ударами. Діаконъ доноситъ объ этомъ мастеру:

— Достопочтенный, ложа открыта.

Мастеръ. Скажите, гдѣ мѣсто младшаго діакона въ ложѣ?

---

[1]) Лонг., стр. 96.—Г. Лонгиновъ, кажется, принялъ это здѣсь за собственное имя.

Отвѣтъ. Позади старшаго надзирателя, или по его правую руку, если онъ позволитъ.

Мастеръ. Въ чемъ состоитъ ваша обязанность?

О. Передавать порученія отъ старшаго надзирателя младшему, чтобы онѣ могли быть сообщены по ложѣ.

Такимъ же образомъ дѣлаются вопросы старшему діакону: онъ отвѣчаетъ, что его мѣсто позади мастера или по правую руку его, «если онъ позволитъ»; обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы передавать порученія отъ мастера къ старшему надзирателю. Затѣмъ мастеръ дѣлаетъ вопросъ объ обязанностяхъ младшаго надзирателя; за него, изъ видовъ масонской скромности, отвѣчаетъ сначала старшій діаконъ (стоящій ниже младшаго надзирателя), а потомъ уже самъ младшій надзиратель и т. д. Все это дѣлается, по вѣроятнымъ объясненіямъ комментаторовъ, для того, чтобы въ концѣ экзамена, когда заходитъ рѣчь объ обязанностяхъ мастера, за самого мастера могъ отвѣчать другой, т. е. его подчиненный, старшій надзиратель.

Мастеръ. Гдѣ мѣсто младшаго надзирателя въ ложѣ?

Діаконъ. На югѣ.

Мастеръ — къ младшему надзирателю. Почему на югѣ?

Младшій надзиратель. Чтобы можно было лучше наблюдать солнце, когда оно стоитъ прямо на полуднѣ, — для того чтобы звать людей отъ работы къ отдыху и смотрѣть, приходятъ-ли они въ должное время, чтобы мастеръ получалъ отъ этого удовольствіе и прибыль.

Мастеръ. Гдѣ мѣсто старшаго надзирателя въ ложѣ?

Младшій надзиратель. На западѣ.

Мастеръ — къ старшему надзирателю. Какая ваша обязанность тамъ, братъ?

Старшій надзиратель. Какъ солнце заходитъ на западѣ, чтобы окончить день, такъ и старшій надзиратель стоитъ на западѣ, чтобы закрывать ложу, платить людямъ ихъ заработокъ и отпускать ихъ съ работы.

Мастеръ. Гдѣ мѣсто мастера въ ложѣ?

Старшій надзиратель. На востокѣ.

Мастеръ. Въ чемъ его обязанность тамъ?

Старшій надзиратель. Какъ солнце всходитъ на востокѣ, чтобы открыть день, такъ мастеръ стоитъ на востокѣ, чтобы открыть свою ложу и поставить людей на работу.

Затѣмъ мастеръ снимаетъ шляпу и объявляетъ ложу открытой, слѣдующими словами:

«Эта ложа открыта во имя св. Іоанна; я запрещаю всякую брань, клятвы или шопотъ, и всѣ профанные разговоры, ка-

кого бы рода ни было, подъ неменьшимъ штрафомъ, чѣмъ какой положитъ большинство».

Мастеръ ударяетъ три раза о столъ деревянныхъ молоткомъ и надѣваетъ шляпу; остальные братья остаются безъ шляпъ. Онъ спрашиваетъ потомъ, готовъ-ли къ принятію *джентльменъ* [1]), предложенный въ прошлый разъ? и получивъ утвердительный отвѣтъ отъ брата, которому порученъ кандидатъ [2]), посылаетъ надзирателей приготовить его.

Обряды пріема, сообщаемые нами дальше по «Подлинному Ключу», повторяются вообще въ масонскихъ ритуалахъ весьма сходно, и двѣ старыя отрасли англійскихъ ложъ представляютъ особенно много этого сходства.

Приведенный кандидатъ помѣщается въ особой комнатѣ, довольно отдаленной отъ самой ложи, и остается совершенно одинъ. Оттуда его приводятъ въ другую комнату, совершенно темную. Здѣсь спрашиваютъ его: имѣетъ ли онъ истинное желаніе быть принятымъ? Если онъ отвѣчаетъ утвердительно, у него спрашиваютъ его имя и званіе; отбираютъ всѣ металлическія вещи, напр. пряжки, пуговицы, кольца и даже деньги; потомъ обнажаютъ ему правое колѣно, на лѣвую обутую ногу надѣваютъ туфлю, завязываютъ платкомъ глаза и оставляютъ его на нѣсколько времени его размышленіямъ. Комната охраняется братьями.

Между тѣмъ въ ложѣ братья приводятъ все въ порядокъ, напр., на полу ложи въ верхней части комнаты рисуютъ мѣломъ или углемъ символическій чертежъ, или употребляютъ для этого тесемку и маленькіе гвозди, «чтобы не пачкать пола» [3]); чертежъ дѣлается отъ востока къ западу. Мастеръ стоитъ на востокѣ, на

---

[1]) «Масонъ безъ маски» также даетъ кандидату названіе «дворянина» и замѣчаетъ при этомъ: «такъ называютъ кандидатовъ, хотя бы они были и самые подлые.» Рус. изд. стр. 15. Это—или форма вѣжливости, которая, какъ видимъ, вообще строго соблюдалась въ старой ложѣ, или можетъ быть обычай, вошедшій тогда, когда въ ложи стали приниматься люди не изъ цеха, а изъ высшихъ сословій.

[2]) Этотъ братъ назывался обыкновенно приготовителемъ (preparateur, — также и у нѣмцевъ),—у насъ «провожатымъ» или «водителемъ»; должность его соединялась также съ должностью оратора, обязанность котораго состоитъ въ разъясненіи новопринятому его обязанностей и масонскаго ученія; вѣроятно болѣе позднимъ изобрѣтеніемъ является «братъ ужаса» (frère terrible, fürchterlicher Bruder), имя котораго показываетъ уже, что сущность его обязанности заключалась въ томъ, чтобы побольше напугать новаго масона.

[3]) Впослѣдствіи сталъ употребляться такъ называемый «коверъ» (tapis, Teppich) вошедшій вмѣстѣ съ изобрѣтеніемъ высшихъ степеней: рисунокъ дѣлался на клеенкѣ; потомъ употреблялись и готовые живописные «ковры». Въ англійскихъ ложахъ коверъ не употреблялся и вошелъ наконецъ уже не раньше XIX стол.

груди виситъ у него наугольникъ; библія открыта на евангеліи отъ Іоанна и три горящія свѣчи ставятся въ чертежѣ на полу, въ видѣ треугольника.

Должностные братья располагаются въ извѣстномъ порядкѣ около мастера, потомъ на югѣ, западѣ и сѣверѣ ложи; «бывшій мастеръ», налѣво отъ настоящаго мастера, стоитъ съ солнцемъ, циркулемъ и связкой веревокъ около шеи [1]); старшій надзиратель на западѣ, съ отвѣсомъ, который виситъ у него на шеѣ, на лентѣ, и колонкой, которая стоитъ на столѣ и имѣетъ въ длину до 29 дюймовъ; младшій надзиратель на югѣ, на шеѣ виситъ у него отвѣсъ на лентѣ, въ рукѣ онъ держитъ колонку; секретарь на сѣверѣ, съ лежащими на крестъ перьями; старшій и младшій діаконы — каждый съ черной палкой, на шеѣ циркуль; хранитель сокровищъ съ ключемъ, висящимъ на шеѣ. Остальные братья стоятъ во время церемоніи кругомъ.

Когда всѣ приготовленія кончены, предлагающій стучитъ три раза въ дверь ложи; мастеръ отвѣчаетъ тремя ударами молотка и младшій надзиратель спрашиваетъ: ктò тамъ? Кандидатъ (научаемый провожатымъ) отвѣчаетъ: «Человѣкъ, который желаетъ имѣть и проситъ участія въ благахъ этой достопочтенной ложи, посвященной св. Іоанну, какъ это сдѣлали до меня многіе братья и товарищи». Тогда двери растворяются, старшій и младшій надзиратели или ихъ помощники берутъ кандидата подъ руки и обводятъ его (все еще съ завязанными глазами) три раза вокругъ чертежа и наконецъ ставятъ на нижнемъ его концѣ, лицомъ къ мастеру, и братья, ставши по обѣ стороны, поднимаютъ шумъ, стуча въ находящіеся на нихъ аттрибуты ордена.

Потомъ мастеръ, ставъ за низкими креслами, спрашиваетъ самъ кандидата: имѣетъ ли онъ желаніе сдѣлаться каменьщикомъ? и послѣ утвердительнаго отвѣта говоритъ: «покажите ему свѣтъ». У кандидата снимаютъ съ глазъ платокъ, а братья въ ту же минуту окружаютъ его съ обнаженными мечами въ рукахъ и направляютъ острія въ грудь кандидата. [Масонскій эффектъ, который,—какъ замѣчаетъ «Іакинъ и Боазъ»—производилъ впечатлѣніе на новичка, при оригинальности всей обстановки и послѣ долгаго ожиданія съ завязанными глазами.]

Послѣ того кандидата подводятъ, тремя особенными масонскими шагами, къ скамейкѣ, стоящей передъ упомянутымъ чертежемъ. На скамьѣ лежатъ линейка и циркуль, и одинъ изъ братьевъ говоритъ кандидату такъ: «Вы вступаете теперь въ

---

[1]) «Бывшій мастеръ» и веревка являются только у Старыхъ Масоновъ; масоны Великой Ложи не принимали этихъ подробностей.

почтенное общество, которое серьезнѣе и важнѣе, чѣмъ вы думаете. Оно не допускаетъ ничего противнаго закону, религіи и нравственности; оно не допускаетъ также ничего противнаго обязанностямъ подданнаго; достопочтенный великій мастеръ объяснитъ вамъ остальное» [1]).

Послѣ этихъ словъ отъ кандидата требуютъ, чтобы онъ всталъ правымъ, т. е. обнаженнымъ колѣномъ на скамью, и великій мастеръ спрашиваетъ его: обѣщаетъ ли онъ никому и никакимъ образомъ не выдавать масонской тайны, кромѣ брата въ ложѣ и въ присутствіи великаго мастера? — и когда кандидатъ даетъ это обѣщаніе, ему разстегиваютъ жилетъ и къ обнаженной лѣвой груди приставляется остріе циркуля, который онъ самъ держитъ въ лѣвой рукѣ. Кандидатъ кладетъ правую руку на евангеліе, развернутое на чтеніи отъ св. Іоанна, и при этомъ произноситъ за мастеромъ присягу.

Присяга состоитъ въ обѣщаніи хранить и не выдавать ни подъ какимъ видомъ «никакой изъ тайныхъ мистерій свободнаго каменьщичества» (any of the secret Mysteries of Free-Masonry); далѣе въ обѣщаніи, что новопринятый не будетъ изображать этой тайны никакимъ вообразимымъ способомъ,—«ни писать, ни печатать, ни вырѣзывать, ни рисовать, ни красить или гравировать, ни подавать повода къ тому, чтобы это случилось, ни на какой вещи подъ небесами, подвижной или неподвижной, на которой бы она могла быть прочитана или понята», — для того, чтобы тайна не могла быть пріобрѣтена кѣмъ нибудь незаконно. Все это обѣщается безъ всякаго колебанія, внутренняго умолчанія и какой бы ни было увертки, и подъ страхомъ такого наказанія: «пусть мнѣ будетъ перерѣзана шея, языкъ вырванъ съ корнемъ и зарытъ въ морскомъ пескѣ при низкой водѣ, за кабельтовъ разстоянія отъ берега, гдѣ приливъ и отливъ проходятъ дважды въ двадцать четыре часа» [2]).

Затѣмъ новопринятаго члена научаютъ ученическому *знаку*, *прикосновенію* и *слову*,—тѣмъ внѣшнимъ пріемамъ, по которымъ «братья» узнаютъ другъ друга; потомъ научаютъ его масонскому шагу, какимъ онъ долженъ подходить къ мастеру по чертежу, сдѣланному на полу. «Этотъ чертежъ, — разсказываетъ старый ритуалъ, — походитъ въ нѣкоторыхъ ложахъ на большое зданіе,

---

[1]) Это, вѣроятно, такъ называемая рѣчь ритора; «Подлинный Ключъ» замѣчаетъ, что слова бываютъ различны, что и естественно; образчики этихъ рѣчей приводятся въ разныхъ ритуалахъ, между прочимъ у Престона, и также въ «Масонѣ безъ маски».

[2]) Эти формулы несомнѣнно обычныя; онѣ повторяются и въ ритуалѣ Великой Ложи и въ другихъ позднѣйшихъ ритуалахъ. См. также «Масонъ безъ маски».

которое называется мозаиковымъ дворцомъ и рисуется съ величайшей точностью. Рисуютъ также и другія фигуры: одна изъ нихъ называется Laced Tuft (бахрама), и другая—усѣянный звѣздами престолъ. Тамъ представляется также перпендикулярная линія въ видѣ каменьщическаго инструмента, который называется обыкновенно отвѣсомъ; другая фигура представляетъ могилу Гирама, перваго великаго мастера, умершаго три тысячи лѣтъ тому назадъ. Всѣ эти фигуры объясняются новопринятому самымъ точнымъ образомъ, и украшенія или эмблемы ордена описываются съ большой легкостью». Послѣ этого новопринятый обязанъ смыть на полу чертежъ, если онъ сдѣланъ былъ мѣломъ или углемъ. Затѣмъ кандидата уводятъ, возвращаютъ ему всѣ взятыя у него вещи, и онъ вернувшись садится направо отъ мастера. Ему даютъ также запонъ (передникъ) и списокъ ложъ.

Послѣ того братья поздравляютъ новопринятаго и садятся къ столу; мастеръ пьетъ за здоровье новаго брата, послѣдній дѣлаетъ свои тосты, начинается такъ называемая «пальба», т. е. масонскій пиръ, опять сопровождаемый извѣстными масонскими пріемами.

Церемонія пріема кончена. Кандидатъ считается «братомъ» и можетъ участвовать въ «работѣ». Онъ пріобрѣтаетъ первую каменьщическую степень, и «работу» этой степени мы увидимъ въ такъ называемой «ученической лекціи» (lecture), въ томъ, что̀ послѣ называлось обыкновенно катихизисомъ. Сообщая эту лекцію «Іакинъ и Боазъ» замѣчаетъ, что онъ приводитъ ее вполнѣ, но что «новые каменьщики» сокращаютъ ее по крайней мѣрѣ на половину.

Мы не станемъ разбирать вопроса о томъ, на чьей сторонѣ была въ этомъ случаѣ бо̀льшая вѣрность старому преданію, на сторонѣ Новыхъ или Старыхъ масоновъ, и замѣтимъ только, что оба эти ритуала несравненно больше, чѣмъ всѣ позднѣйшіе, открываютъ намъ историческую перспективу масонскаго общества и его старыхъ обычаевъ. «Подлинный Ключъ» нерѣдко указываетъ разницу между прежнимъ и нынѣшнимъ и отмѣчаетъ, какъ извѣстные обряды исполнялись прежде и какъ исполняются теперь, и здѣсь во всякомъ случаѣ еще сохранился отпечатокъ старины, который естественно сберегался на своей родной почвѣ гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ онъ становился простой заученой формулой. — Въ цѣломъ старомъ ритуалѣ мы опять находимъ тѣ же черты, какія видѣли въ «Конституціяхъ» Андерсона: обрядовая бесѣда мастера съ братьями носитъ еще свѣжіе слѣды *рабочей практики*, какъ въ «Конституціяхъ» еще ясенъ простой характеръ договора, заключеннаго между рабочими.

Въ первоначальныхъ формахъ ритуала мы найдемъ еще много простого и наивнаго, что̀ превратилось потомъ въ аффектацію и наборъ словъ. Краузе думалъ, что эта «лекція ученика» была существеннымъ элѣментомъ литургіи ложъ, а вовсе не такимъ катихизисомъ, который служилъ только для того, чтобы по̀ разнымъ условнымъ словамъ и пріемамъ его можно было узнавать «брата». По̀ словамъ его, масонская «тайна» (secret, mystery) была именно литургія, серьезный обрядъ, имѣвшій свое религіозно-нравственное значеніе.... Если Краузе и преувеличивалъ нѣсколько значеніе «лекціи» и слишкомъ идеализировалъ «тайну», то нѣтъ сомнѣнія, однако, что въ старомъ ритуалѣ продолжался народный цеховой обычай, и тайна «братской любви, помощи и вѣрности» придавала ему нравственно-поэтическій смыслъ. Этотъ смыслъ терялся больше и больше въ позднѣйшемъ искусственномъ масонствѣ, и прежній наивный обрядъ превратился наконецъ въ произвольную фантастическую церемонію, гдѣ нужно было употреблять всевозможныя театральныя уловки, чтобы производить дѣйствіе на новопосвящаемаго. Понятно, что если обычаи и символическіе обряды простыхъ рабочихъ не могли имѣть своего настоящаго смысла, когда изъ этого сословія они перешли въ другіе, самые высшіе слои общества, то и масонская «тайна» естественно должна была получить совсѣмъ иной смыслъ. Новѣйшее масонство, выдумавшее высшія степени, эксплуатировало эту тайну въ самыхъ различныхъ смыслахъ: или въ видѣ заговора въ пользу изгнанныхъ Стюартовъ, или съ рыцарскими (т. е. по нынѣшнему нѣмецкому, юнкерскими) затѣями или съ наклонностями клерикальными, т. е. іезуитски-обскурантными, или наконецъ въ видѣ дикой алхиміи и нелѣпаго колдовства. Въ этихъ случаяхъ «тайну» знали только изобрѣтатели новыхъ степеней и ближайшіе адепты, которымъ она довѣрялась; множество другихъ членовъ ордена томились нетерпѣливымъ стремленіемъ узнать эту тайну, мучились въ поискахъ за ней, иногда находили наконецъ какую-нибудь изъ пошлыхъ подложенныхъ «тайнъ», очень часто не удовлетворялись ею и начинали искать снова и т. д. Такова была исторія множества масоновъ въ прошломъ столѣтіи. Старые англійскіе ритуалы не знаютъ этой фантастической тайны; здѣсь тайна является въ формѣ простого секрета между членами цеха, связанными одной работой и одними нравственными правилами и обязательствами: братской любовью, помощью и вѣрностью. Символы тайны — инструменты ихъ ремесла; средства увѣряться во взаимномъ знаніи тайны — извѣстныя слова и пріемы, которые поэтому также составляютъ ихъ тайну. Дальше этого нейдетъ старый англійскій ритуалъ; онъ не

даетъ никакихъ обѣщаній раскрывать таинства природы, научать секретамъ алхиміи и магіи, философскаго камня и жизненнаго эликсира, духовидѣнія и т. п.; однимъ словомъ, не впадаетъ въ ту пошлость, которая наполняетъ позднѣйшіе ритуалы.

Лекція читается такимъ образомъ [1]):

Мастеръ. Братъ, нѣтъ ли чего-нибудь между вами и мною [2])?

Отвѣтъ. Есть, достопочтенный.

М. Чтоже такое, братъ?

О. Тайна.

М. Какая это тайна, братъ?

О. Масонство, каменьщичество [3]).

М. И такъ вы, я полагаю, масонъ?

О. Такимъ меня считаютъ и принимаютъ братья и товарищи [4]).

М. Скажите, прошу васъ, какимъ человѣкомъ долженъ быть каменьщикъ?

---

[1]) Первые вопросы мы приводимъ вполнѣ, но затѣмъ, для краткости, будемъ пропускать вопросы.

[2]) Въ нашихъ ритуалахъ вмѣсто «вы», постоянно «ты»; по-англійски, напротивъ, форма постоянно болѣе вѣжливая, въ вопросахъ прибавляется: pray и т. п.

[3]) Въ ритуалѣ «Великой Ложи» вставленъ еще вопросъ:

— По чему я могу узнать, что вы масонъ?

— Посредствомъ знаковъ, примѣтъ и полныхъ пунктовъ моего вступленія.

[4]) По смыслу лекціи Старыхъ Масоновъ главнымъ символомъ каменьщичества и его тайны являются (дальше) «три свѣтильника»: библія, наугольникъ и циркуль. Въ ритуалахъ Великой Ложи содержаніемъ масонства ставится «братская любовь, помощь и вѣрность», и разговоръ о тайнѣ ведется такъ:

— Почему сдѣлались вы масономъ?

— Для тайны (for the sake of secrecy), и чтобы изъ мрака тотчасъ перейти въ свѣтъ.

— Есть ли у масоновъ тайны?

— Есть много, и высокой цѣны.

— Гдѣ сохраняютъ они ихъ?

— Въ своихъ сердцахъ.

— Кому они довѣряютъ ихъ?

— Никому, кромѣ братьевъ и товарищей.

— Какъ открываютъ они ихъ?

— Посредствомъ знаковъ, примѣтъ и особенныхъ словъ.

Въ другой редакціи ритуала Великой Ложи этотъ послѣдній вопросъ переданъ такъ:

— Что такое тайны масона?

— Знаки, примѣты и многія слова.

Въ другомъ мѣстѣ того же ритуала: «Братъ скрываетъ всѣ секреты и тайну» (all secrets and secrecy).

Едва ли можно сомнѣваться, что подъ всѣми этими оборотами скрывался именно первоначальный цеховой секретъ, состоявшій въ особыхъ условныхъ знакахъ, словахъ и т. п., а вмѣстѣ и въ извѣстныхъ нравственныхъ положеніяхъ братства.

О. Это долженъ быть человѣкъ, родившійся отъ свободной женщины.

М. Гдѣ вы сначала готовились сдѣлаться масономъ?

О. Въ моемъ сердцѣ.

М. Гдѣ вы готовились потомъ?

О. Въ одной комнатѣ подлѣ ложи.

М. Какъ вы были приготовляемы здѣсь?

О. Я не былъ ни раздѣтъ, ни одѣтъ, ни босой, ни обутый, съ меня снятъ былъ всякій металлъ, я былъ съ завязанными глазами, съ веревкой на шеѣ [1]); тогда меня повели къ дверямъ ложи, въ неподвижно-подвижномъ положеніи, подъ руку съ другомъ, въ которомъ я узналъ потомъ своего брата.

М. Какъ вы могли знать, что тутъ была дверь, когда у васъ были завязаны глаза?

О. Потому что я нашелъ сначала задержку, потомъ входъ или допускъ.

М. Какъ получили вы допускъ?

О. Тремя сильными ударами.

М. Что вамъ сказано было изнутри?

О. «Кто тамъ»?

М. И что вы отвѣчали, братъ?

О. «Человѣкъ, который желаетъ имѣть и проситъ участія въ благахъ (benefit) этой достопочтенной ложи, посвященной святому Іоанну, какъ это сдѣлали до меня многіе братья и товарищи».

М. Почему вы надѣялись получить это участіе?

О. Потому что я родился свободнымъ и имѣю добрую славу.

М. Что сказали вамъ на это?

О. «Войдите».

М. Какъ вы вошли и по чемъ?

О. По острію меча, или копья, или другого военнаго оружія, которое приставили къ моей обнаженной груди.

М. Что сказали вамъ послѣ этого?

О. Меня спросили, не чувствую ли я чего?

М. Что вы отвѣчали?

О. «Я чувствую нѣчто, но видѣть не могу ничего».

М. Вы разсказали мнѣ, какъ вы были приняты; скажите теперь, кто принялъ васъ?

О. Младшій надзиратель.

М. Что онъ сдѣлалъ съ вами?

---

[1]) Въ ритуалѣ Великой Ложи веревки не упоминается, но едва ли она была здѣсь произвольной прибавкой.

О. Онъ передалъ меня мастеру, который приказалъ мнѣ стать на колѣни и получить благо молитвы.

Слѣдуетъ молитва, обращенная къ Великому и Всеобщему Архитектору (Каменьщику) міра и Строителю человѣка [1]), о благословеніи для всѣхъ ихъ предпріятій, о томъ, чтобы новый другъ сталъ ихъ вѣрнымъ братомъ, чтобы имъ послана была милость и миръ, чтобы, какъ онъ (т. е. другъ) простираетъ руку на божественныя слова писанія, такъ бы простиралъ ее и на служеніе брату, «если только это не будетъ вредно ему или его семейству», и, наконецъ, чтобы они могли сдѣлаться участниками Его божественной природы... Молитва заключается прошеніемъ о ниспосланіи всеобщей братской любви, чтобы масонство подъ божьимъ благословеніемъ распространилось *во всемъ мірѣ* и чтобы всѣ соединились тогда какъ одинъ человѣкъ.

Затѣмъ новый братъ, по вопросамъ мастера, продолжаетъ разсказъ о пріемѣ:—Когда я «получилъ» эту «молитву», меня спросили, на кого я возлагаю свое упованіе; я отвѣчалъ: на Бога; — Потомъ меня взяли за руку и одинъ братъ сказалъ: встаньте и слѣдуйте за вашимъ водителемъ и не бойтесь никакой опасности [2]);—Меня провели три раза кругомъ ложи;—Первое препятствіе я встрѣтилъ въ *спинѣ* младшаго надзирателя на югѣ: я постучалъ въ нее тремя ударами, какъ въ дверь; — И онъ сказалъ: кто тамъ?—Я отвѣчалъ тоже, что при двери (повторяется отвѣтъ); — Второе сопротивленіе встрѣтилъ я въ спинѣ старшаго надзирателя на западѣ, гдѣ я повторилъ то же, что при двери (повторяется вопросъ и отвѣтъ); — Третье сопротивленіе встрѣтилъ я въ спинѣ мастера на востокѣ, гдѣ я повторилъ то же;— Мастеръ послалъ меня назадъ къ старшему надзирателю на западѣ, чтобы получить наставленія [3]); — Онъ велѣлъ мнѣ сдѣ-

---

[1]) Great and universal Mason of the World and first Builder of Man, — въ ритуалахъ Великой Ложи: univ. Architect, или Architect of the Universe, что, собственно, одно и тоже, потому что Mason и Architect болѣе однозначительны. Это выраженіе было потомъ всеобщей принадлежностью ритуаловъ, потому что сравненіе нравилось масонамъ.

[2]) Въ ритуалѣ Великой Ложи:

— Что вы отвѣчали?

— «На Бога».

— Что сказалъ мастеръ?

— «Если я довѣряюсь такому вѣрному вождю, то я долженъ встать, слѣдовать за моимъ водителемъ и не бояться никакой опасности».

[3]) Такъ что обязательство приносилось на западномъ концѣ чертежа; вѣроятно мастеръ подходилъ къ принимаемому. Въ ритуалѣ Великой Ложи принимаемый приближается тремя шагами къ мастеру на востокѣ, и вопросы идутъ такъ:

— Что сдѣлалъ тогда съ вами младшій надзиратель?

лать шагъ на первую ступень прямоугольнаго продолговатаго четвероугольника [1]), при чемъ лѣвое колѣно было обнажено и согнуто, тѣло оставалось прямо, а правая нога составляла прямой уголъ, моя обнаженная правая рука лежала на св. библіи, на которой лежали наугольникъ и циркуль, а лѣвая рука поддерживала ее; тогда я принесъ торжественное обязательство или присягу масона.

На вопросъ мастера, новопринятый встаетъ и повторяетъ присягу. Послѣ того мастеръ произноситъ тостъ за Сердце, которое скрываетъ, и Языкъ, который никогда не разсказываетъ, и всѣ братья принимаютъ тостъ съ извѣстными обрядами.

Ученикъ по вопросамъ мастера отвѣчаетъ снова: — Когда обязательство было принято, у меня спросили: чего я желаю всего больше? — Я отвѣчалъ: быть приведеннымъ къ свѣту; — Меня привели къ свѣту мастеръ и остальные братья; — Когда я былъ приведенъ къ свѣту, то первыя вещи, которыя я увидѣлъ, были библія, наугольникъ и циркуль; — Мнѣ сказали, что они означаютъ *три великіе свѣтильника масонства* (Lights in Masonry); — Библія, чтобы управлять и руководить нашей вѣрой; наугольникъ, чтобы дѣлать прямыми наши дѣйствія; циркуль, чтобы соединять насъ въ извѣстныхъ границахъ со всѣми людьми, а особенно съ братомъ; — Потомъ мнѣ показали три свѣчи, о которыхъ сказали, что это *три меньшіе свѣтильника* въ масонствѣ; — Они представляютъ собой *солнце, луну* и *мастера масона*; — Потому что солнце управляетъ днемъ, луна управляетъ ночью, а мастеръ-масонъ управляетъ, или по крайней мѣрѣ долженъ бы былъ управлять, своей ложей [2]); — Затѣмъ мастеръ взялъ меня за правую руку и далъ мнѣ «прикосновеніе и слово» новопринятаго ученика.

Прикосновеніе, которымъ братья ученической степени узнаютъ другъ друга, состоитъ въ томъ, что надо ногтемъ большого

— Онъ приблизилъ меня къ достопочтенному мастеру на востокѣ и научилъ меня подходить къ нему тремя правильными шагами.

— Изъ чего состоятъ они?

— Изъ прямыхъ линій и becъ.

— Чему они научаютъ насъ въ нравственномъ смыслѣ?

— Честной (прямой) жизни и правильнымъ понятіямъ.

[1]) Т. е. упомянутаго выше чертежа, или «ковра», — къ которому вели три (начерченныя) ступени.

[2]) Въ ритуалѣ Великой Ложи, въ этомъ изложеніи есть нѣкоторая разница: великими свѣтильниками прямо называются солнце, луна и мастеръ; а объясненіе Библіи, наугольника и циркуля отнесено въ истолкованіе украшеній (furniture) ложи, — впрочемъ въ томъ же самомъ общемъ смыслѣ, какъ здѣсь.

пальца правой руки прижать къ первому суставу правой руки брата. *Слово* есть Jachin, произносимое братьями раздѣльно и по очереди: первый говоритъ «Ja», второй «chin», первый «Jachin» — (или же каждый говоритъ поочередно по одной буквѣ слова, которое потомъ выговаривается вполнѣ [1]). По Причарду, ученикъ долженъ знать и другое слово «*Боазъ*».—«Іакинъ и Боазъ» были названія двухъ миѳическихъ столбовъ въ Соломоновомъ храмѣ, къ которымъ относятся различныя легенды масонскія и средневѣковыя преданья, вѣроятно послужившія источникомъ или поводомъ для масонскихъ. Наконецъ, *знакъ* ученической степени: надо правой рукой горизонтально провести у шеи.

Когда мастеръ испытаетъ на примѣрѣ, знаетъ ли новопринятый прикосновеніе, слово и знакъ, новопринятый отвѣчаетъ, на новые вопросы: какъ онъ одѣлся снова по прежнему, какъ принесъ мастеру и всѣмъ братьямъ благодарность за принятіе въ «достойное общество» (worthy society), какъ мастеръ, призвавъ его «на сѣверовостокъ ложи» подарилъ ему запонъ, «знакъ невинности, болѣе старый, чѣмъ золотое руно или римскій орелъ, и почетнѣе звѣзды и подвязки или какого бы то ни было другого ордена подъ солнцемъ» [2]). Отвѣты продолжаются такъ: — Я сѣлъ потомъ по правую руку мастера, который показалъ мнѣ инструменты принятаго ученика; — Это были 24-дюймовый масштабъ, наугольникъ и обыкновенный молотъ (common gavel, or setting maul); — Наугольникъ служитъ мнѣ, чтобы дѣлать мою работу прямоугольной; 24-дюймовый масштабъ, чтобы вымѣрять мою работу; молотъ — отсѣкать весь ненужный матеріалъ, чтобы можно было легко и вѣрно наложить наугольникъ.

Мастеръ. Братъ, такъ какъ мы не всѣ работающіе масоны (каменьщики), то мы относимъ эти инструменты къ нашей нравственной жизни, что̀ мы называемъ одухотвореніемъ [3]): объясните это.

Ученикъ. 24-дюймовый масштабъ представляетъ 24 часа дня.

М. Какъ вы дѣлите ихъ?

У. Шесть часовъ на работу, шесть часовъ на служеніе Богу,

---

[1]) Кромѣ того дается еще такъ называемое «проходное слово», для предварительнаго освѣдомленія. Число знаковъ масонскихъ было очень велико, и между ними конечно были варіанты. Въ «Масонѣ безъ маски» пересчитываются (стр. 106) четыре разряда знаковъ: ручные, ножные, шейные и грудные, которые описываются уже въ Grand Mystery of Free-Masons 1724, и у Причарда. Исчислять ихъ здѣсь было бы длинно и безполезно.

[2]) Тоже сравненіе повторяется и въ ритуалѣ Великой Ложи.

[3]) Spiritualizing. Въ ритуалахъ Великой Ложи вмѣсто этого слова употреблено moralize, «объяснять въ нравственномъ смыслѣ».

шесть часовъ на служеніе другу или брату, «сколько я имѣю возможности безъ вреда себѣ и своему семейству», и шесть часовъ для сна.

Послѣ того, названные нами ритуалы излагаютъ «Доказательства (или основанія, Reasons) ученика», состоящіе въ объясненіи предъидущихъ символическихъ дѣйствій, словъ и предметовъ, и въ другихъ подобныхъ истолкованіяхъ. Собственно говоря, это есть продолженіе той-же «лекціи»; объясненія весьма любопытны иногда въ томъ отношеніи, что опять отличаются простодушіемъ средневѣковаго взгляда, которое исчезаетъ въ позднѣйшихъ ритуалахъ, пріобрѣтающихъ больше произвольной искусственности.

Ученикъ, опять по вопросамъ мастера, разсказываетъ: — Я былъ ни одѣтый, ни раздѣтый, ни босой, ни разутый и съ веревкой на шеѣ, потому, что если бы я отступился и выбѣжалъ на улицу, то народъ принялъ бы меня за сумасшедшаго; если же бы увидѣлъ меня братъ, то онъ воротилъ бы меня назадъ и позаботился бы, чтобы мнѣ оказана была справедливость [1]); — Глаза были мнѣ завязаны для того, чтобы мое сердце могло воспринять прежде, чѣмъ глаза могли увидѣть; — И еще потому, что какъ я находился тогда во мракѣ (т. е. относительно тайны масонства), такъ я долженъ весь міръ держать во мракѣ [2]); — Металлъ былъ отобранъ для того, чтобы я не принесъ въ ложу ничего для нападенія или для защиты; — И еще потому, что такъ какъ я былъ бѣденъ и не имѣлъ денегъ, когда былъ сдѣланъ масономъ, то это научало меня, что я долженъ помогать всѣмъ бѣднымъ и не имѣющимъ денегъ братьямъ, на сколько это для меня возможно; — Три сильные удара въ дверь означаютъ извѣстное изреченіе Писанія, — именно слѣдующее: просите и дастся вамъ; ищите и найдете; стучите и вамъ отворятъ; — Къ масонству это изреченіе примѣняется такъ: я искалъ въ моей

---

[1]) Этотъ отвѣтъ кажется страннымъ; и дѣйствительно, другія редакціи ритуала, Старыхъ и Новыхъ масоновъ, приводятъ другія объясненія; напр. «Я рожденъ былъ нагимъ, и нагимъ перейду въ истлѣніе; разутъ — потому что мѣсто, на которое вступаетъ мастеръ-масонъ, священно» (ср. Посл. къ Тимоѳ. VI, 7. Исх. III, 5), и подобныя сближенія изъ Св. Писанія. Но основа приведеннаго къ тексту отвѣта вѣроятно старая и подлинная.

[2]) Т. е., чтобы тайна могла быть получаема только правильнымъ, законнымъ образомъ. Эти и слѣдующіе вопросы вообще повторяются въ томъ же смыслѣ и ритуаломъ Великой Ложи; относительно завязыванья глазъ прибавлена еще черта весьма естественная: «Почему вамъ были завязаны глаза»? — Потому что въ случаѣ, еслибы я отказался подчиниться обычной церемоніи, которая происходитъ во время принятія масона, то я былъ бы уведенъ изъ ложи, *не узнавши ея вида*».

душѣ, я просилъ моего друга, я стучался и дверь масонства открылась мнѣ; — Мечъ, копье или другое военное оружіе было приставлено къ моей обнаженной лѣвой груди потому, что лѣвая грудь всего ближе къ сердцу, для того, чтобы это тѣмъ больше могло быть уколомъ для моей совѣсти, какъ оружіе кололо тогда мое тѣло; — Меня обвели три раза [1]) кругомъ ложи для того, чтобы всѣ братья видѣли, что я должнымъ образомъ приготовленъ; — Послѣ принятія въ ученики мое лѣвое колѣно было обнажено и согнуто, потому что лѣвое колѣно есть слабѣйшая часть моего тѣла, какъ новопринятый ученикъ есть слабѣйшая часть масонства, въ которое я только что вступилъ.

Затѣмъ, братья снова пьютъ тосты. Дальше идутъ вопросы о ложѣ, объ ея внутреннемъ составѣ, внѣшнихъ украшеніяхъ, и ея символическомъ смыслѣ.

Ученикъ. Ложу составляетъ извѣстное число масоновъ, которые соединились, чтобы вмѣстѣ работать; — Ложу составляютъ числа: три, пять, семь или одиннадцать [2]); — *Три* составляютъ ложу потому, что три Великіе Масона создали міръ, также какъ и это благородное произведеніе архитектуры, человѣка, которые такъ совершенны въ своихъ пропорціяхъ, что древніе начинали свою архитектуру съ тѣхъ же самыхъ правилъ; — И еще потому, что три великіе масона были при строеніи Соломонова храма [3]); — *Пять* составляютъ ложу потому, что каждый человѣкъ одаренъ пятью чувствами, именно: слухомъ, зрѣніемъ, вкусомъ, обоняніемъ и осязаніемъ; — Въ масонствѣ три изъ этихъ чувствъ имѣютъ для меня великую важность, именно слухъ, зрѣніе и осязаніе; — Слухъ служитъ къ тому, чтобы слышать слово; зрѣніе, чтобы видѣть знакъ; осязаніе, чтобы чувствовать прикосновеніе, такъ что я могу также хорошо узнать брата въ темнотѣ, какъ при свѣтѣ; — *Семь* составляютъ ложу потому, что есть семь свободныхъ наукъ, именно: грамматика, реторика, логика, ариѳметика, геометрія, музыка и астрономія; — Грамматика учитъ меня писать и говорить на языкѣ, которому я учусь, «по правиламъ перваго, втораго и третьяго согласованія»; — Реторика учитъ искусству говорить обо всякомъ предметѣ; — Логика учитъ правильно разсуждать, чтобы тѣмъ отличать истину

---

[1]) По ритуаламъ Великой Ложи принимаемаго водили кругомъ ложи только одинъ разъ.

[2]) Въ другихъ ритуалахъ Старыхъ масоновъ упоминается и число *девять*, и къ нему приводится аргументомъ девять музъ.

[3]) Здѣсь разумѣются: царь Соломонъ, царь тирскій Гирамъ, и Гирамъ (или Гирамъ-Абифъ) самый строитель или архитекторъ храма, — три лица, на которыхъ въ особенности останавливаются масонскія легенды, какъ мы упомянемъ дальше.

отъ заблужденія; — Ариѳметика учитъ свойству чиселъ; — Геометрія учитъ искусству измѣрять.....; — Музыка учитъ свойствамъ тоновъ; — Астрономія учитъ знанію небесныхъ тѣлъ [1]); — *Одиннадцать* составляютъ ложу, потому что было одиннадцать патріарховъ, когда Іосифъ былъ проданъ въ Египетъ и считался погибшимъ; — И еще потому, что было только одиннадцать апостоловъ, когда Іуда предалъ Христа; — Ложа имѣетъ видъ продолговатаго, прямоугольнаго четвероугольника [2]); — Длина ея отъ востока до запада; — Ширина отъ сѣвера до юга; — Высота отъ земли до неба; — Глубина отъ поверхности земли до ея центра; — Глубина ложи простирается отъ поверхности земли до ея центра потому, что масонство *универсально*; — Ложа расположена отъ востока къ западу потому, что такъ расположены, или должны быть расположены, *всѣ церкви и часовни*; — И это потому, что евангеліе прежде всего возвѣщено на востокѣ и оттуда распространилось на западъ; — Ложу поддерживаютъ три великіе столба; — Они называются: мудрость, сила и красота; — Столбъ мудрости представляетъ собой мастеръ на востокѣ; — Столбъ силы — старшій надзиратель на западѣ; — Столбъ красоты — младшій надзиратель на югѣ; — Первое потому, что мастеръ даетъ рабочимъ наставленія, чтобы они вели свое дѣло въ должномъ стилѣ, съ хорошей гармоніей; — Второе: какъ солнце заходитъ, чтобы окончить день, такъ старшій надзиратель стоитъ на западѣ, чтобы выдавать рабочимъ ихъ плату, что̀ и составляетъ силу и опору всякой работы; — Третье потому, что младшій надзиратель стоитъ на югѣ въ самый полдень (который и есть красота дня) сзывать рабо-

---

[1]) Это исчисленіе повторяется и въ ритуалѣ Великой Ложи и распространяется здѣсь примѣненіями къ масонству; при этомъ особенное значеніе дается геометріи, какъ заключающей въ себѣ все искусство масона. Этимъ словомъ объяснялась и буква G, изображеніе которой, окруженное свѣтомъ, сіяло въ масонской ложѣ.

[2]) Слѣдующее далѣе описаніе ложи почти въ томъ же самомъ видѣ повторяется въ старыхъ и болѣе новыхъ ритуалахъ Великой Ложи. Здѣсь прибавляется еще вопросъ:

— Гдѣ стоитъ ложа?

— На священномъ мѣстѣ, — или на самомъ высокомъ холмѣ, или въ глубочайшей долинѣ, или въ долинѣ Іосафатовой, или въ другомъ тайномъ мѣстѣ.

Эта «Іосафатова долина» осталась потомъ во всѣхъ позднѣйшихъ ритуалахъ, вообще развивавшихъ ту библейско-легендарную символику, начало которой, какъ видимъ, является уже и въ первыхъ ритуалахъ, но въ болѣе умѣренномъ количествѣ.

Объ *универсальности* масонства говорится у Броуна такъ:

— Почему говорится, что масонская ложа имѣетъ такое обширное протяженіе (т. е. отъ земли до неба)?

— Не только для того, чтобы показать всеобщность науки (the Universality of the Science), но также, что человѣколюбіе (charity) масона не имѣетъ никакихъ границъ, кромѣ благоразумія.

чихъ для отдыха отъ работы и смотрѣть, чтобы они во время возвращались на работу, для того, чтобы мастеръ получилъ отъ этого удовольствіе и прибыль;—Ложа поддерживается этими тремя столбами, потому что мудрость, сила и красота суть совершители (finisher) всѣхъ дѣлъ и безъ нихъ ничто не можетъ быть сдѣлано;—Это оттого, что мудрость придумываетъ, сила поддерживаетъ, а красота украшаетъ; — Наша ложа имѣла покровомъ облачный небесный сводъ [1]) разныхъ цвѣтовъ; — Вѣтеръ масона дуетъ прямо отъ востока къ западу.

Мастеръ. Который часъ, братъ?

О. Самый полдень.

М. Созовите людей отъ работы для отдыха и смотрите, чтобы они во время воротились опять на работу.

Этимъ оканчивается масонская бесѣда; въ заключеніе поется масонская пѣсня, причемъ масоны становятся вокругъ стола. При послѣднемъ стихѣ пѣсни они берутся за руки слѣдующимъ образомъ: человѣкъ, стоящій вправо, беретъ лѣвую руку своего сосѣда правой рукой, или стоящій влѣво беретъ правую руку своего сосѣда лѣвой рукой — такъ составляется масонская *цѣпь.* Братья всѣ поютъ въ хорѣ, поднимая и опуская въ тактъ руки и громко стуча ногами.

Послѣ того всѣ говорятъ о чемъ угодно, а мастеръ дѣлаетъ распоряженіе объ отдыхѣ.

На этомъ кончается изложеніе степени ученика въ ритуалѣ Старыхъ Масоновъ. Въ ритуалѣ Великой Ложи 1717 г., или Новыхъ Масоновъ, изложенномъ у Броуна и Престона, мы находимъ еще нѣкоторыя черты, которыя мы приведемъ вкратцѣ въ дополненіе масонской символики и нравственнаго ученія старыхъ англійскихъ ложъ, служившихъ первообразомъ Елагинской Системы.

Въ ритуалѣ Великой Ложи передъ закрытіемъ ложи приводятся еще другія подробности, и переданное сейчасъ описаніе ложи дополняется такимъ образомъ. Три столба, тосканскаго, дорическаго и коринѳскаго ордена, представляютъ Соломона, Гирама, царя тирскаго, и Гирама-Абифа. Ложа покрыта многоцвѣтнымъ балдахиномъ (небомъ), котораго масоны надѣются достигнуть по (символической) лѣстницѣ Іакова. Она имѣетъ три главныя ступени: вѣру — въ Христа, надежду — на спасеніе, любовь — ко всему человѣчеству. Эта лѣстница ведетъ къ небу и утверждается на библіи. «Но любовь обнимаетъ цѣлое; ко всему свойственна эта добродѣтель въ ея обширномъ смыслѣ, о томъ

[1]) По англійски canopy, что значитъ и «балдахинъ».

мы говоримъ, что онъ достигъ вершины своего призванія, или, говоря метафизически (sic), достигъ того эѳирнаго жилища, которое закрыто отъ глазъ смертныхъ звѣздною твердью, и далѣе представляется эмблематически семью звѣздами, обозначающими семь принятыхъ масоновъ» etc.

Дальше идетъ описаніе внутренности ложи. Внутри ложа состоитъ изъ украшеній, принадлежностей и клейподовъ. Къ первымъ относятся: мозаиковый полъ (изображаемый на чертежѣ), «прекрасное основаніе масонской ложи — онъ представляетъ богатство творенія и божественныхъ благодѣяній, также какъ перемѣнчивый и неизвѣстный ходъ жизни, и разнообразныя внѣшнія отношенія людей, которые по рожденію и могилѣ всѣ равны»; пылающая звѣзда, напоминающая о поданіи десяти заповѣдей на Синаѣ, о любящемъ и благомъ вездѣсущіи Бога и т. д. Принадлежности ложи: библія, чтобы управлять и руководить нашей вѣрой и обязывать на ней новопринимаемаго; циркуль и наугольникъ, чтобы управлять нашими дѣйствіями. Библія исходитъ отъ Бога для всѣхъ людей, какъ самое краснорѣчивое объясненіе его воли; циркуль относится къ великому мастеру, какъ его отличіе; наконецъ наугольникъ принадлежитъ всему цеху.... Наконецъ ложа тщательно бережетъ и скрываетъ отъ профановъ свои клейноды. Этихъ клейнодовъ — три подвижныхъ и три неподвижныхъ. Подвижные — наугольникъ, линейка и отвѣсъ; собственно, это необходимые инструменты рабочаго каменьщика, а для масона это клейноды неоцѣнимаго достоинства по своему нравственному значенію, потому что наугольникъ учитъ нравственности, линейка — равенству, а отвѣсъ — прямотѣ и чистосердечію во всю жизнь. Подвижными они называются потому, что колеблются, когда они висятъ на груди мастера и двоихъ надзирателей, и они движутся каждый разъ въ день св. Іоанна, а если нужно и чаще. Неподвижные клейноды — чертежная доска для мастера, дикій камень для ученика, чтобы обдѣлывать его и вырѣзать на немъ знаки и нарѣзки, и совершенный [1]) камень для опытнаго работника, чтобы пробовать на немъ свои клейноды и приводить ихъ въ порядокъ. Они называются неподвижными потому, что всегда должны находиться передъ глазами масона, какъ знакъ того, что они означаютъ въ нравственномъ смыслѣ. Ложа, украшенная такимъ образомъ, посвящается вообще Соломону, какъ первому великому мастеру, а такъ какъ онъ былъ еврей, то теперь ложа посвящается св. Іоанну Крестителю и Іоанну Евангелисту.

---

[1]) Или, какъ говорится обыкновенно, кубическій.

Затѣмъ въ новомъ отдѣлѣ излагаются основныя нравственныя положенія масонства. Мы приведемъ только нѣкоторыя черты. Масонство состоитъ изъ трехъ великихъ принциповъ: братской любви, помощи и вѣрности (brotherly Love, Relief and Truth). Братская любовь смотритъ на весь человѣческій родъ, какъ на одно семейство, въ которомъ люди должны взаимно защищать, оказывать помощь и поддерживать другъ друга. Помощь каждому нуждающемуся, особенно всякому масону, есть основаніе масонской дружбы и знакомствъ. Вѣрность есть божественное свойство и основаніе масонской добродѣтели, почему лицемѣріе и обманъ масонамъ неизвѣстны, а чистосердечіе и прямота составляютъ ихъ отличительный характеръ, и сердце и языкъ каждаго соединяются, чтобы содѣйствовать благосостоянію другого и радоваться этому.

Отличительный характеръ масона есть добродѣтель, какъ высшее образованіе сердца, какъ чистота, гармонія и настоящее равновѣсіе склонностей, здоровье, крѣпость и красота души. Совершенство добродѣтели состоитъ въ томъ, чтобы дать разуму его полную свободу, съ радостной силой повиноваться велѣніямъ совѣсти, въ томъ, чтобы душевныя движенія, относящіяся къ самозащищенію, дѣйствовали съ силой и постоянствомъ; относящіяся къ человѣческому обществу — съ справедливостью и, наконецъ, душевныя движенія частной жизни — съ умѣренностью.

Масоны называются свободными и принятыми [1]), потому что они свободны (имѣютъ взаимное право) для дружескихъ связей и должны быть свободны отъ пороковъ. Въ случаѣ, еслибы не находилось человѣка съ такими свойствами, они надѣются навѣрно найти его «между наугольникомъ и циркулемъ», потому что если они дѣйствуютъ по одному, то конечно они встрѣтятся внутри другого [2]) и т. д. Въ теченіе бесѣды, при главныхъ ея пунктахъ пьются тосты, напримѣръ въ память обоихъ св. Іоанновъ, въ честь масонскихъ принциповъ и добродѣтелей и т. п.

Въ заключеніе закрытіе ложи совершается съ такими же обрядовыми вопросами и отвѣтами мастера и обоихъ надзирателей, какими ложа открывалась.

Такъ кончалась «лекція ученика». Замѣтимъ, что въ этой лекціи первоначально и заключался *весь* ритуалъ и вся обрядность масонства, потому что степени товарища и мастера были уже позднѣйшимъ развитіемъ основной темы стараго обряда, какъ это

---

[1]) Англійскій терминъ: free and accepted, имѣвшій свои историческія основанія.

[2]) Одинъ изъ употребительныхъ масонскихъ символовъ, состоящій изъ соединенія раскрытаго циркуля (сверху) и наугольника (снизу), которые взаимно пересѣкаются.

доказываютъ новѣйшія изслѣдованія. Масонскіе историки восхищаются въ «лекціи» простотой и вмѣстѣ глубокимъ смысломъ ея содержанія[1]) и даже многозначительностью «цѣпи». Мы можемъ не раздѣлять такого восхищенія, но не можемъ не видѣть въ «лекціи» большого историческаго интереса.

Отрѣшившись отъ масонской мистики, опутавшей впослѣдствіи обрядность ложъ, и разсматривая приведенный памятникъ въ его непосредственной простотѣ, мы можемъ услѣдить въ этомъ старомъ ритуалѣ первоначальныя основы средневѣкового обычая, изъ которыхъ выросло масонство. Конечно, приведенные нами тексты, по всей вѣроятности, не представляютъ собой подлиннаго обряда собственныхъ каменьщиковъ, какъ онъ существовалъ въ старыя времена, когда еще не было Великой Ложи; можно легко предположить, что преобразователи масонства, расширившіе смыслъ стараго обычая людей одного ремесла до цѣлаго общественнаго учрежденія, произвели и здѣсь обобщенія, какія можно замѣчать въ «Конституціяхъ»,—но за всѣмъ тѣмъ лекція несомнѣнно сохранила большую долю старины и смыслъ ея есть именно обычай, легенда и мораль средневѣкового цеха. Ея символы, уподобленія, нравственныя правила очевидно шли первоначально не дальше того, что̀ говорится прямо, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, при всей своей простотѣ они представляли возможность дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія: въ этомъ содержаніи было много свѣтлыхъ и человѣчныхъ идей, которыя могли получить болѣе широкое значеніе и болѣе возвышенныя примѣненія. Этой способностью ихъ къ развитію и воспользовались преобразователи масонства.

Настоящая форма приведеннаго нами ритуала сохраняетъ черты стараго содержанія, во многихъ случаяхъ вѣроятно буквально. Если мы сравнимъ «Конституціи» и «лекцію», особенно первыя, съ такими памятниками какъ отысканные масонскими историками «Уставы нѣмецкихъ каменотесовъ въ Страсбургѣ» 1459 и другіе подобные цеховые документы каменьщиковъ XV и XVI вѣка, мы найдемъ въ нихъ весьма любопытныя указанія, подтверждающія ихъ историческую связь. Въ этихъ «Уставахъ» правила каменьщиковъ изложены въ чисто спеціальномъ цеховомъ смыслѣ и по сравненію съ ними мы можемъ наглядно судить о томъ, на сколько «Конституціи» должны были сохранить старое содержаніе: здѣсь тѣ же самые порядки, то же чиноначаліе, тѣ же отношенія между людьми ремесла и тѣ же заявленія о дру-

[1]) См. напримѣръ длинные, нерѣдко наивно преувеличенные, но не лишенные историческаго инстинкта комментаріи у Краузе, стр. 130 — 505.

желюбіи. Мы могли бы указать еще болѣе разительное сравненіе, изъ котораго можно видѣть, какъ естественно въ людяхъ цеха являлась не только ремесленная, но и нравственная связь и солидарность. Это — сравненіе съ нашими артелями, даже въ ихъ нынѣшней формѣ. Въ «Постановленіяхъ» артелей, напечатанныхъ Н. В. Калачовымъ при его изслѣдованіи о русскихъ артеляхъ [1]), мы не разъ встрѣтимъ тотъ же самый *тонъ* отношеній и то же присутствіе нравственныхъ требованій между членами общества. И здѣсь точно также «новикъ» принимается въ общину за поруками, какъ масонъ-кандидатъ долженъ быть представленъ ручающимся за него братомъ; равныя и справедливыя отношенія также выполняются между членами, отъ которыхъ требуется *вѣрность* и *честность;* артель точно также имѣетъ свой судъ надъ членами и приговариваетъ ихъ къ взысканіямъ по общему приговору; точно также членамъ артели предписывается доброе обращеніе; такая же заботливость о хорошей службѣ «господамъ хозяевамъ»; такое же обязательство «*не возвышаться* одинъ передъ другимъ *старшинствомъ* или *званіемъ*.... не заводить ссоръ, удерживаться отъ непристойныхъ выраженій», «не заводить съ артелью ни въ какомъ случаѣ никакихъ *споровъ по судебнымъ мѣстамъ*», наконецъ стараніе вести всю работу «добропорядочно и дружелюбно», чтобы «заслуживать доброе имя», однимъ словомъ совершенно въ томъ родѣ, какъ мы читали въ «Конституціяхъ». Къ этому цеховому характеру отношеній надобно только прибавить легенду и обрядность. А легенда въ средніе вѣка была такимъ общимъ спутникомъ бытовой жизни, что присутствіе ея здѣсь не требуетъ особенныхъ объясненій. Когда отдѣльныя мѣстности, сословія, промыслы имѣли свои священныя преданія или своихъ патроновъ между святыми, естественно, что патрональная легенда была и у каменьщиковъ. Особенная исключительность ихъ общества, которая высказывается въ характерѣ ложи, строго закрытой для профана, совершенно объяснится для насъ, если мы представимъ себѣ дѣйствительныхъ каменьщиковъ и дѣйствительные обряды религіозно-настроеннаго цеха, строившаго «церкви и часовни», и вмѣстѣ цеха-монополиста, который питалъ обычную корпоративную гордость своимъ искусствомъ и ревниво оберегалъ себя и отъ конкуррентовъ, и отъ непосвященныхъ. Нѣкоторые изъ масонскихъ историковъ думали, что *универсальность* масонства, о которой говоритъ ритуалъ въ обѣихъ редакціяхъ, выражаетъ собой благороднѣйшій и самый широкій идеалъ космополитической любви къ человѣчеству; мы

[1]) См. Этногр. Сборникъ Геогр. Общ. т. VI.—Ср. Handb. II, 479—502.

полагали бы, что подобнаго рода «универсальность» могла быть понята и приведена въ принципъ развѣ только Андерсономъ и Дезагюлье, но, что если она и упоминалась у старыхъ каменьщиковъ, то она скорѣе ограничивалась только всѣмъ составомъ *цеха*, который принималъ чужестранныхъ братьевъ и оказывалъ имъ дружелюбіе и помощь. Въ такомъ смыслѣ, напр., «Конституціи» говорятъ о каменьщикахъ *всѣхъ странъ*, считая всѣхъ членами одного общества, какъ рабочихъ одного высокаго ремесла. И точно также, какъ въ «Конституціяхъ» помощь брату не обязательна *сверхъ возможности*, такъ и въ «Уставахъ эта помощь всегда оговаривается наивно высказываемымъ условіемъ, «если это не будетъ вредно мнѣ самому и моему семейству».

Что касается до формы этой лекціи, здѣсь мы опять въ среднихъ вѣкахъ: это — обыкновенная форма средневѣковой «бесѣды», форма, которую мы встрѣтимъ и въ миѳологической бесѣдѣ бретонскихъ друидовъ и въ извѣстной «ученой» бесѣдѣ Алькуина, и во множествѣ народно-поэтическихъ бесѣдъ о предметахъ религіи и знанія, какія мы находимъ, напр., и въ старой русской письменности. Всѣ эти бесѣды имѣютъ въ своемъ характерѣ много общаго. Обрядность, естественно, привязывается къ символамъ ремесла. Расширеніе ложи отъ земли до неба, отъ сѣвера до юга и т. д., какъ идеальное представленіе высокаго значенія искусства масона, совершенно соотвѣтствуетъ пріемамъ народно-поэтической фантазіи. Особенная обстоятельность присяги и оригинальность казней, которыя призываетъ на себя масонъ за нарушеніе клятвы, также отражаютъ въ себѣ пріемы народнаго вкуса. Но каменьщики были вмѣстѣ и люди ученые, и въ «лекціи», записанной въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, эта наука представляется еще въ видѣ trivium et quadrivium.

Итакъ, содержаніе каменьщицкихъ обрядовъ и ученія было очень просто, наивно, но въ немъ было однако искреннее чувство дружелюбія и братской помощи. Поэтому реформа каменьщичества, совершившаяся въ Англіи въ началѣ XVIII-го вѣка, могла имѣть свой смыслъ: она хотѣла только развить національный обычай, и ввести его въ высшій слой общества, расширяя содержаніе старой цеховой поэзіи, чтобы сдѣлать изъ него средство нравственной дисциплины....

Но чтобы кончить съ этой старо-англійской формой масонства, мы должны сообщить еще нѣсколько подробностей. Мы сказали уже, что степень товарища и степень мастера были позднѣйшимъ распространеніемъ ритуала, которое уже вскорѣ стало однако существенной его принадлежностью. Здѣсь явились такія же или подобныя обрядности пріема, такія же лекціи или

катихизисы только съ новыми символическими толкованіями, а также и новыми словами, прикосновеніями, знаками и т. д. Принятіе въ ученики и товарищи вскорѣ стало дѣлаться даже въ одинъ вечеръ, потому, конечно, что въ церемоніяхъ оставалось слишкомъ много сходнаго [1]). Впрочемъ, степень товарища сообщаетъ уже нѣкоторыя указанія на строеніе Соломонова храма, масонскую легенду, которую стали сообщать окончательно въ степени мастера.

Объ этой легендѣ надобно сказать нѣсколько словъ, потому что впослѣдствіи она, въ самыхъ разнообразныхъ редакціяхъ, играла большую роль въ ритуалахъ различныхъ системъ новаго изобрѣтенія.

Замѣтимъ предварительно, что слѣдующая здѣсь легенда о Гирамѣ, или Адонирамѣ, или Гирамъ - Абифѣ, главномъ мастерѣ при строеніи Соломонова храма, воспользовалась нѣкоторыми чертами изъ легендъ о Соломонѣ и строеніи Іерусалимскаго храма, ходившихъ въ христіанской Европѣ среднихъ вѣковъ; но основной сюжетъ ея вѣроятно очень новый. Преданія о Соломоновомъ храмѣ, его великолѣпіи, чудесныхъ подробностяхъ его строенія, удивительномъ искусствѣ главнаго мастера, были чрезвычайно распространены въ средніе вѣка, и безъ сомнѣнія извѣстны были также и старымъ каменьщикамъ. Новѣйшіе масоны естественно могли развить свою легенду на почвѣ этихъ преданій, близкихъ къ спеціальности цеха. Къ Гираму относилось самое изобрѣтеніе масонскихъ *словъ* и *знаковъ*. По масонскому разсказу, «Гирамъ, главный строитель Соломонова храма, имѣлъ столько рабочихъ, съ которыми ему нужно было расплачиваться, что ему невозможно было знать ихъ всѣхъ; поэтому каждой степени или классу рабочихъ онъ далъ особенный знакъ и слово, по которымъ онъ легче могъ различать ихъ, чтобы платить имъ различное ихъ жалованье» [2]). Эти слова и знаки и стали потомъ принадлежностями и тайными примѣтами различныхъ масонскихъ степеней. Составленіе легенды объ убійствѣ Гирама масонскіе археологи относятъ кажется не раньше, какъ къ XVII-му столѣтію, если не XVIII-му. Сообщаемая нами редакція принадлежитъ къ числу самыхъ старыхъ.

Когда товарищъ «посвящается въ мастера», то въ «лекціи» — такимъ же образомъ, какъ мы видѣли это въ степени ученика,— разсказываются всѣ подробности пріема, къ которымъ прибав-

---

[1]) Послѣ законъ уже требовалъ, чтобы между двумя принятіями проходило не меньше 4-хъ недѣль.

[2]) Jachin and Boaz, 1811, p. 33, примѣч.

ляются потомъ новыя дѣйствія и разсужденія. Новопринятый мастеръ разсказываетъ, какъ онъ получалъ обученіе у старшаго надзирателя мастерской ложи:

— Опъ сказалъ мнѣ, что я представляю собой одного изъ величайшихъ людей въ мірѣ, именно нашего великаго мастера Гирама, который былъ убитъ при самомъ окончаніи (Соломонова) храма; и объ его смерти разсказываютъ слѣдующее:

«Было первопачально пятнадцать товарищей, которые, видя, что храмъ почти оконченъ, и не получая мастерскаго слова, были въ большомъ нетерпѣніи и согласились вынудить его силой у своего мастера Гирама, —при первомъ случаѣ, когда имъ удастся встрѣтить его одного,—чтобы послѣ имъ можно было считаться масонами въ другихъ странахъ и получать жалованье или прибыль мастера. Но прежде, чѣмъ они могли выполнить планъ, двѣнадцать изъ нихъ отказались отъ него; остальныя трое упорствовали и рѣшились получить слово силой, если нельзя найти другаго средства. Назывались они Jubela, Jubelo, Jubelum [3]).

«У Гирама былъ всегда обычай, въ полдень, какъ скоро людей позовутъ на отдыхъ, идти въ Sanctum Sanctorum, или святая святыхъ, приносить свою молитву истинному и живому Богу; тогда трое вышеупомянутыхъ убійцъ стали у восточныхъ, западныхъ и южныхъ дверей храма. На сѣверѣ не было входа, потому что лучи солнца никогда не падаютъ съ этой стороны.

«Гирамъ, кончивъ свою молитву къ Богу, пришелъ къ восточной двери и встрѣтилъ при ней Jubela, который рѣшительнымъ образомъ потребовалъ у него мастерскаго прикосновенія. Гирамъ отвѣчалъ ему, что не въ обычаѣ требовать этого прикосновенія такимъ тономъ, и что самъ онъ получилъ его не такъ; Гирамъ прибавилъ, что онъ долженъ ждать, и что время и терпѣніе это сдѣлаютъ. Гирамъ сказалъ ему дальше, что не во власти его одного открыть это (прикосновеніе), и что можетъ это сдѣлать только въ присутствіи Соломона, царя израильскаго, и Гирама, царя тирскаго. Jubela, недовольный этимъ отвѣтомъ, ударилъ его по шеѣ 24-хъ дюймовымъ масштабомъ (gauge). Гирамъ послѣ этого поступка его, побѣжалъ къ южной двери храма, и тамъ встрѣтилъ его Jubelo, который спросилъ у него мастерское прикосновеніе и слово такимъ же образомъ, какъ прежде Jubela; и получивъ отъ своего мастера тотъ же самый отвѣтъ, Jubelo нанесъ ему жестокій ударъ наугольникомъ въ лѣвую грудь, заставившій его покачнуться. Пришедши въ себя, Гирамъ по-

---

[1]) Въ другихъ варіантахъ этой мастерской легенды являются другія имена, конечно, столько же произвольныя.

бѣжалъ къ западной двери — единственное оставшееся средство уйти; но этотъ проходъ стерегъ Jubelum, который спросилъ его въ томъ же смыслѣ и получивъ такой же отвѣтъ, нанесъ ему страшный ударъ по головѣ, каменьщицкимъ молотомъ, что и причинило ему смерть».

«Въ этомъ пунктѣ церемоніи принятія мастера,—замѣчаетъ «Іакинъ и Боазъ», — вы встрѣчаете нѣкоторую неожиданность; младшій надзиратель ударяетъ васъ 24-дюймовымъ масштабомъ по шеѣ; старшій надзиратель вслѣдъ затѣмъ наноситъ вамъ ударъ наугольникомъ въ лѣвую грудь, и почти въ ту же минуту мастеръ ударяетъ васъ молотомъ. Такъ это бываетъ въ большей части ложъ; и при этомъ нужно не мало мужества, потому что удары бываютъ часто такъ жестоки, что бѣдный кандидатъ падаетъ назадъ на полъ; и чѣмъ больше бываетъ его страхъ при этомъ дѣйствіи, тѣмъ больше удовольствіе братьевъ. Этотъ обычай,—замѣчаетъ та же книга,—слишкомъ благопріятствуетъ жестокости, и можно привести много примѣровъ, что люди въ этомъ положеніи просили на колѣняхъ, чтобы ихъ выпустили на свободу, а другіе какъ могли скорѣе спасались изъ ложи.» Книга упоминаетъ потомъ, что у французовъ и швейцарцевъ есть другой, болѣе поразительный и торжественный способъ представлять смерть Гирама. Именно, когда братъ, посвящаемый въ степень мастера, приходитъ въ ложу, то на томъ мѣстѣ, гдѣ дѣлается чертежъ, онъ находитъ гробъ, въ которомъ лежитъ одинъ изъ членовъ ложи съ обезображеннымъ и окровавленнымъ лицомъ, представляющій убитаго Гирама. При естественномъ изумленіи новопринимаемаго, одинъ изъ братьевъ объясняетъ ему, что это лежатъ останки достойнаго мастера, который пожертвовалъ жизнью, чтобы не выдать прикосновенія и слова тѣмъ, кто не имѣлъ на это права, — и выводитъ отсюда должную мораль. Затѣмъ произносится присяга, и въ то время, когда читается исторія убіенія Гирама, братъ выходитъ изъ гроба и новопринимаемаго кладутъ на его мѣсто. Авторъ «Іакина и Боаза» находитъ, что этотъ обычай лучше англійскаго. Замѣтимъ, что здѣсь уже начинается передѣлка и внѣшнихъ масонскихъ обрядностей, которыя съ теченіемъ времени становились все больше и больше искусственными и театрально-эффектными.

Возвращаемся къ легендѣ и къ церемоніи.

«Послѣ того, убійцы вынесли тѣло Гирама въ западную дверь, и скрыли его подъ мусоромъ, до двѣнадцати часовъ слѣдующей ночи, когда они по уговору сошлись и похоронили его на скатѣ холма, въ могилѣ въ шесть футовъ глубины, вырытой отъ востока къ западу. (Другіе масоны,—замѣчаетъ «Іакинъ и Боазъ»,

— говорятъ иначе: что Гирамъ не былъ вынесенъ въ западную дверь, но похороненъ на мѣстѣ, гдѣ онъ былъ такимъ образомъ убитъ; трое убійцъ разобрали часть пола, сдѣлали отверстіе, и и положивъ туда тѣло, покрыли его камнями, а потомъ вынесли мусоръ въ своихъ передникахъ или запонахъ, чтобы предупредить подозрѣніе).

Затѣмъ, на вопросъ мастера, что происходило дальше, новопринимаемый разсказываетъ:

— Мнѣ сказали, что я представлялъ одного изъ величайшихъ людей въ мірѣ, т. е. нашего великаго мастера Гирама.

Мастеръ. Благодарю васъ, братъ. Прошу васъ, продолжайте.

О. Когда я легъ на спину, мастеръ сказалъ мнѣ, какъ Гирамъ былъ найденъ, и какимъ образомъ трое злодѣевъ были открыты. Именно: «Когда нашъ мастеръ Гирамъ не пришелъ по обыкновенію смотрѣть рабочихъ, царь Соломонъ велѣлъ сдѣлать строгіе поиски; и когда они были безплодны, то предположили, что Гирамъ умеръ. Когда двѣнадцать отставшихъ товарищей услышали это извѣстіе, въ нихъ заговорила совѣсть: они пришли къ Соломону съ бѣлыми запонами и перчатками, эмблемами ихъ невинности, разсказали ему все, что̀ знали объ этомъ дѣлѣ, и предложили свое содѣйствіе для отысканія трехъ другихъ товарищей, которые скрылись. Они раздѣлились на четыре партіи: на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ, чтобы искать убійцъ. Когда одинъ изъ двѣнадцати странствовалъ по морскому берегу близъ Яффы, онъ, уставши, сѣлъ отдохнуть, но вскорѣ былъ встревоженъ слѣдующими ужасными восклицаніями, изъ обрыва скалы: «Ахъ, пусть бы мнѣ перерѣзана была шея, языкъ вырванъ съ корнемъ и зарытъ въ морскомъ пескѣ при низкой водѣ, за кабельтовъ разстоянія отъ берега, гдѣ проливъ и отливъ проходитъ дважды въ двадцать четыре часа, прежде чѣмъ я согласился на смерть нашего великаго мастера Гирама» [1]). «Ахъ, (говорилъ другой), пусть бы лучше у меня было вырвано сердце изъ-подъ моей обнаженной лѣвой груди и отдано на пожраніе коршунамъ, чѣмъ принять мнѣ участіе въ смерти такого добраго мастера» [2]). «Но я ударилъ его сильнѣе васъ обоихъ (сказалъ третій); и я убилъ его. Ахъ, пусть бы мое тѣло было раздѣлено на двое и разбросано на югъ и сѣверъ, мои внутренности сожжены въ пепелъ на югѣ и разсѣяны по четыремъ вѣтрамъ земли, прежде чѣмъ я сдѣлался причиной смерти нашего добраго мастера Гирама» [3]). Товарищъ, услышавши это, пошелъ искать двухъ сво-

[1]) Формула изъ присяги ученика о сохраненіи масонской тайны. См. выше.

[2]) Такая же формула изъ присяги товарища.

[3]) Формула изъ присяги мастера.

ихъ спутниковъ и они вошли на скатъ скалы, взяли и связали убійцъ, и привели къ царю Соломону, передъ которымъ они добровольно сознались въ своей винѣ и просили смерти. Приговоръ, сдѣланный надъ ними, былъ тотъ самый, какой они выражали въ жалобахъ своихъ на скалѣ: Jubela была перерѣзана шея; сердце Jubelo было вырвано изъ-подъ его лѣвой груди; а тѣло Jubelum было раздѣлено на двое и брошено на югъ и на сѣверъ.

«Когда казнь была совершена, царь Соломонъ послалъ за двѣнадцатью товарищами и просилъ ихъ поднять тѣло Гирама, чтобы похоронить его торжественнымъ образомъ въ Sanctum Sanctorum. Такъ какъ Гирамъ умеръ, то мастерское слово было потеряно. Товарищи, исполняя приказаніе Соломона, пошли и разчистили мусоръ и нашли своего мастера въ искаженномъ состояніи, такъ какъ онъ лежалъ пятнадцать дней; при этомъ они съ изумленіемъ подняли руки надъ головами и сказали: Господи Боже! Такъ какъ это были первое слово и первый знакъ [1]), то царь Соломонъ принялъ ихъ какъ великій знакъ мастера-масона и онъ употребляется теперь во всѣхъ ложахъ мастеровъ».

Опускаемъ нѣсколько частныхъ подробностей. Лекція мастера кончается вопросами о строеніи Соломонова храма, — при которомъ не было употреблено никакого металла (почему у новопринимаемаго и отбираются металлическія вещи); дерево привозилось обдѣланное изъ ливанскаго лѣса и звукъ металлическаго орудія не былъ слышенъ въ храмѣ.

Мастеръ. Почему у васъ была снята обувь съ обѣихъ ногъ?

О. Потому что мѣсто, на которомъ я стоялъ, когда принятъ былъ въ масоны, было священное [2]).

М. Что̀ поддерживаетъ вашу ложу?

О. Три столба.

М. Прошу васъ, братъ, скажите, ка̀къ они называются?

О. Мудрость, Сила и Красота.

М. Что̀ они представляютъ?

О. Трехъ великихъ мастеровъ: Соломона, царя израильскаго, Гирама, царя Тирскаго, и Гирама-Абифа, который былъ убитъ тремя товарищами.

М. Участвовали ли эти три великіе мастера въ строеніи Соломонова храма?

О. Участвовали.

М. Въ чемъ состояло ихъ дѣло?

---

[1]) Т. е. первые, какіе случились при этомъ событіи.

[2]) Holy-ground, вѣроятно въ смыслѣ предполагаемой могилы Гирама.

О. Соломонъ доставлялъ содержаніе и плату рабочимъ; Гирамъ, царь тирскій, доставлялъ матеріалы для строенія, а Гирамъ-Абифъ совершалъ дѣло и имѣлъ главный надзоръ за нимъ [1]).

Такъ кончалась первоначальная легенда, которую стали сообщать въ степени мастера. Три первыя степени составляли полный циклъ, въ которомъ завершалась легенда и нравоученіе. Степени ученика, товарища и мастера представляли извѣстную градацію, въ которой и легенда и символическая мораль высказывалась все полнѣе; въ степени мастера и то и другое оканчивалось и мысль легенды, какъ полагаютъ, состояла въ нравоученіи, что исполняя свою обязанность, не должно бояться самой смерти. Дальнѣйшихъ притязаній эта форма масонства не имѣла.

Но уже и эта первая форма масонства, принятая въ Англіи, не представляла собой подлинной старой формы каменьщицкаго обряда, потому что самая градація трехъ степеней, составляющая потомъ основной характеръ масонскаго ритуала, повышеній и администраціи, образовалась уже послѣ открытія Великой Ложи, въ періодъ 1724 — 1730 г. Впослѣдствіи, на этихъ трехъ степеняхъ еще наросла цѣлая масса высшихъ степеней. Но и въ трехъ іоанновскихъ степеняхъ произошло потомъ много видоизмѣненій, исторію которыхъ трудно прослѣдить съ точностью, но которыя уже скоро должны были внести большое разнообразіе и во внѣшніе обряды, и въ самое толкованіе масонскаго содержанія. Мы ограничимся немногими замѣчаніями.

Нѣтъ сомнѣнія, что ремесленные обычаи рабочей ложи при самой реформѣ 1717 — 1723 г. должны были получить для новыхъ масоновъ только чисто иносказательный смыслъ, который открывалъ полный просторъ для символическихъ истолкованій. «Хозяинъ постройки» и «Строитель» (Builder), который сначала является только случайной аллегоріей, потомъ становится постояннымъ терминомъ; «работа» стала исключительнымъ названіемъ для нравственно-религіозныхъ упражненій; рабочіе инструменты, вся обстановка ложи превратилась въ масонскія «украшенія и клейноды», и получали все болѣе и болѣе широкія символическія толкованія, которыя наконецъ становились конечно все болѣе и болѣе произвольными. И это было не только въ новоизобрѣтенныхъ системахъ съ высшими степенями, но и въ самыхъ ложахъ Англіи. Книга Гучинсона (Spirit of Masonry, 1775), хотя и изданная съ одобреніемъ Великой Ложи, представляетъ уже сильное развитіе такой символики, которая повидимому не всегда была ортодоксальна въ старо-масонскомъ смыслѣ. Рядомъ

[1]) Jachin and Boaz, стр. 29 — 32.

съ этимъ, нравственно-общественныя идеи, съ которыхъ начало масонство, не всегда сохраняли свою чистоту, даже и въ самой Англіи. Напримѣръ, старыя «Конституціи» говорятъ прямо о «всеобщей религіи»,—«той, въ которой всѣ люди согласны»;—между тѣмъ позднѣйшее масонство исключаетъ евреевъ, не говоря о магометанахъ, и впослѣдствіи вопросъ о допущеніи евреевъ былъ предметомъ долгихъ споровъ. Вмѣсто деистическихъ идей масонство становится на почву мистики... Правда, англійскія ложи никогда не доходили въ мистическомъ направленіи до тѣхъ нелѣпостей, какія мы указывали въ континентальномъ масонствѣ, но тѣмъ не менѣе и здѣсь простота перваго учрежденія начинала теряться. Успѣхъ свободнаго каменьщичества, при его первомъ распространеніи въ Европѣ, былъ вѣроятно очень неожиданный, и это могло содѣйствовать появленію фальшивыхъ тенденцій: масоны старались разработать мистическую сторону дѣла въ томъ объемѣ, какой долженъ былъ соотвѣтствовать ихъ высокому понятію о значеніи ихъ общества, и съ другой стороны представить достойную его исторію. Начало этой исторіи, положенное Андерсономъ, было развито до цѣлаго баснословнаго сказанія о судьбѣ таинственной мудрости, оберегавшейся въ средѣ избранныхъ мужей съ самаго сотворенія міра. И то и другое, т. е. мистицизмъ и историческое баснословіе мы видимъ уже въ полномъ ходу въ упомянутой книгѣ Гучинсона. Другіе ревнители пошли дальше, и уже съ перваго времени являются поддѣлки масонскихъ памятниковъ, какъ напр. мнимый масонскій катихизисъ Локка, который былъ даже принятъ въ изданіе англійскихъ статутовъ, и которому вѣритъ поэтому и Елагинъ [1]); или какъ мнимая Іоркская конституція 926 г. и т. п. Отсутствіе исторической критики и готовность вѣрить всякимъ разсказамъ о древности ордена, обезпечивали успѣхъ поддѣлокъ и еще больше запутывали дѣло.

Вмѣстѣ съ содержаніемъ и самыя формы каменьщичества становились все болѣе искусственными. Естественно предположить, что первоначальные обряды были очень несложны, между прочимъ потому, что они должны были родиться въ простой народной средѣ. Церемоніи, описываемыя въ старѣйшихъ ритуалахъ, еще довольно просты. Но чѣмъ дальше, тѣмъ онѣ дѣлаются сложнѣе, изысканнѣе, театральнѣе. Темная комната, въ которой прежде всего оставляется кандидатъ, въ прежнее время

---

[1]) Р. Арх. 1864, 2-е изд. стр. 599. Онъ находится между прочимъ и въ русскомъ переводѣ книги Гучинсона, «Духъ масонства» (1783). Объ исторіи самаго документа см. Handb. I, 445 — 449.

была кажется просто комната съ завѣшенными плотно окнами; впослѣдствіи, это — *черная* комната, съ чернымъ столомъ, на которомъ лежитъ библія и человѣческій черепъ; потомъ въ ней является цѣлый скелетъ; потомъ — это скелетъ движущійся и т. д. Въ самой ложѣ, украшенія ея становятся все ухищреннѣе, эффектнѣе; чертежъ на полу мѣломъ превращается въ цѣлый «коверъ», на которомъ рисуется множество символическихъ изображеній [1]), потомъ является цѣлая таблица, въ родѣ мистической таблицы розенкрейцеровъ, описанной г. Лонгиновымъ; «низкія кресла», за которыми становился въ старину мастеръ при обрядѣ принятія, впослѣдствіи превращаются въ «жертвенникъ», и передъ нимъ совершалось даже нѣчто подобное церковнымъ обрядамъ: у нашихъ розенкрейцеровъ было миропомазаніе. Простое хожденіе новопринимаемаго кругомъ ложи, превращается въ цѣлое такъ называемое «путешествіе», которое чѣмъ дальше, тѣмъ больше усложнялось; встарину новопринимаемый встрѣчалъ въ этомъ хожденіи только тѣ «препятствія», какія находилъ въ спинахъ братьевъ, на которыхъ онъ натыкался съ завязанными глазами, — впослѣдствіи эти «препятствія» составляютъ цѣлый рядъ настоящихъ «испытаній» [2]), которыми пробо-

---

[1]) Смыслъ чертежа или «ковра» масонскіе археологи объясняютъ такимъ образомъ. Когда рабочія ложи превратились въ ложи условныя, чертежъ былъ именно условнымъ изображеніемъ ложи. Въ рабочей ложѣ было три окна, на востокѣ, югѣ и западѣ; здѣсь при свѣтѣ работали мастеръ и его помощники; на сѣверъ окна не было и здѣсь работали ученики. Въ масонской ложѣ положеніе лицъ осталось то же, но для того, чтобы представить истинную (идеальную) ложу, которой не соотвѣтствовала обыкновенная комната, на полу чертился параллелограммъ, изображавшій ложу, и здѣсь обозначались мѣста «свѣтильниковъ» на востокѣ, югѣ и западѣ, гдѣ въ рабочей ложѣ были окна; мастеръ и члены ложи находились внутри чертежа. Потомъ, когда и это стало неудобно, чертежъ дѣлался просто въ видѣ небольшаго рисунка чисто воображаемой ложи. Впослѣдствіи этого стало мало. Ложа была отожествлена съ Соломоновымъ храмомъ, и чертежъ изображалъ храмъ, наконецъ всевозможные символы и гіероглифы масонства, такъ что «объясненіе ковра» стало цѣлой масонской наукой. Причардъ, говоря о свѣтильникахъ ложи, замѣчаетъ, что «три постоянные свѣтильника (fixed lights, бывшіе въ ложѣ) суть три *окна*, которыя предполагаются въ каждой комнатѣ, гдѣ держится ложа, *хотя бы* оконъ въ ней *вовсе* не было».

[2]) «Масонъ безъ маски» разсказываетъ это уже съ такими подробностями. Когда мастеръ велѣлъ провести профана «подъ желѣзными сводами отъ Запада къ Востоку, чтобы искалъ свѣта» — его повели такъ:

«Фреръ (т. е. братъ, масонъ), который держалъ меня за руку, трижды провелъ меня кругомъ по ложѣ. При всякомъ шагѣ кричали мнѣ: подымай ноги, береги голову... Я вездѣ слышалъ надъ своею головою лескъ, произходившій отъ удареній мечей одинъ о другой и называемый ими желѣзными сводами. Всякой часъ бился я лбомъ будто какъ о обнаженное желѣзо, которое фреръ приставлялъ ко оному съ боку и повелѣвалъ мнѣ голову наклонять; сверхъ того, ощущалъ я всегда нѣчто подъ

вали храбрость кандидата. Въ донесеніи Олсуфьева о масонахъ, при имп. Елизаветѣ, это путешествіе названо прямо «мытарствами». Въ позднѣйшее время, особенно во французскихъ ложахъ, «путешествіе» представляло для кандидата цѣлый рядъ мудреныхъ задачъ, которыя приходилось ему разрѣшать, — онъ долженъ былъ переходить черезъ воду, прыгать черезъ пропасти, брать въ руки раскаленное желѣзо, на него лилъ дождь, сыпался градъ, надъ нимъ гремѣлъ громъ и т. п. Въ заключеніе, для приданія масонской практикѣ всевозможной эффектности, чтобы окончательно ошеломить и напугать кандидата, пущены были въ ходъ всякія театральныя уловки, оптическіе обманы, электрическія машины, гальваническіе приборы, провалы и т. п.

Въ какомъ же видѣ пришло масонство къ намъ? При Филиппсѣ или Кейтѣ, въ немъ конечно еще не было большихъ прикрасъ, которыя развиваются въ содержаніи и формахъ масонства уже нѣсколько позднѣе. Но тѣмъ не менѣе, эти прикрасы появились и у насъ, вѣроятно, довольно скоро. Единственное, что̀ извѣстно теперь о внѣшней обрядности старыхъ русскихъ ложъ, заключается въ упомянутомъ донесеніи Олсуфьева (около 1756 г.). По словамъ его, «палата», въ которой кандидатъ ожидалъ принятія, обивалась чернымъ сукномъ съ раскинутыми по немъ бѣлыми цвѣтами «во образѣ звѣздамъ»; столъ также покрытъ чернымъ сукномъ, и на немъ «мертвая голова», съ обнаженной шпагой и заряженнымъ пистолетомъ; огонь изъ комнаты выносятъ, «а оная мертвая голова, вдѣланная на пружинахъ, имѣетъ движеніе, и такъ до онаго (кандидата?) касается». Кандидата вводятъ въ ложу обыкновеннымъ порядкомъ, съ завязанными глазами; мастеръ (гранметръ) сидитъ за столомъ, покрытымъ пунцовымъ бархатомъ, «на столѣ обнаженная жъ шпага и циркуль, и оной столъ именуется *престолъ*»; чертежъ замѣняется клеенкой съ изображеніемъ Соломонова храма. Мастеръ велитъ новопринимаемаго «предать тремъ мытарствамъ»: его обводятъ два раза вокругъ ложи съ зажженными свѣчами, «съ употребленіемъ притомъ сильномъ вѣтрѣ и въ воздухѣ огня» (sic), потомъ вводятъ его на особенную для того приготовлен-

---

ногами и былъ принужденъ поднимать оные на подобіе обучаемой въ манежи лошади; ибо при всякомъ шагѣ находилъ я подъ ногами нѣкоторое препятствіе, которое или мѣшало мнѣ идти, или пугало.

«По многимъ трудамъ напослѣдокъ и по многихъ страхахъ ощутилъ я себя при самой стѣнѣ и ожидалъ спокойно своего рока». (Стр. 18 — 19).

Наконецъ мастеръ велѣлъ показать ему свѣтъ, и когда сняли съ его глазъ повязку, онъ увидѣлъ себя передъ братьями, направившими ему въ грудь свои обнаженные мечи.

ную гору, чтобы скинуть его съ горы, что и исполняется. Затѣмъ слѣдуетъ присяга, съ приложеніемъ Соломоновой печати и другими странными обрядами, напр. цѣлованіемъ у гранметра лѣвой ноги, три раза. Относительно символовъ, донесеніе говоритъ, что ложа имѣетъ три свѣтила: «первое свѣтило гранметръ, второе — небо, третіе — звѣзды, а у онаго жъ гранметра въ подножіе луна» и т. д. [1]).

Изложеніе донесенія вообще очень безсвязно и запутанно; доноситель вѣроятно многаго не понялъ, или передалъ невѣрно. Но во всякомъ случаѣ изъ донесенія видно, что въ обрядахъ уже не было той простоты, которую мы видѣли въ старомъ англійскомъ ритуалѣ, и что новѣйшія усовершенствованія вошли до значительной степени. Замѣтимъ, впрочемъ, что до сихъ поръ еще не опредѣлено, какого рода была ложа, описанная Олсуфьевымъ, въ которой «гранметромъ» былъ Романъ Иларіоновичъ Воронцовъ. Если это и не была ложа какой нибудь изъ французскихъ системъ, то могла быть по крайней мѣрѣ ложа, обряды которой были передѣланы по французскимъ образцамъ.

Обратимся наконецъ къ Елагину и его системѣ. Мы передавали въ предыдущей статьѣ [2]) его разсказъ о вступленіи въ масонство и о впечатлѣніи, какое оно на него произвело. Повидимому, ложи, съ которыми онъ тогда познакомился, были англійской системы, потому что, разсказывая о своемъ масонствѣ, онъ нигдѣ не упоминаетъ, чтобы самъ принадлежалъ къ какой нибудь иной системѣ. Онъ зналъ высшія степени, по актамъ, которые собиралъ съ великимъ трудомъ и большими издержками, но остался вѣренъ англійской системѣ до конца.

Съ внѣшней стороны онъ и устоялъ на этомъ; съ внутренней стороны, въ самой сущности дѣла, онъ имѣлъ ту же судьбу, какая постигла наше масонство вообще, особенно въ его лучшихъ представителяхъ, новиковскаго кружка. «Елагинская Система» окончила тѣмъ же фантастическимъ мистицизмомъ и точно также потеряла смыслъ стараго учрежденія.

Какъ мы выше сказали, англійская «Великая Ложа» не давала никакихъ письменныхъ «актовъ» (какъ назывались тогда письменные документы, законы или ритуалы той или другой системы), и ограничивалась только сообщеніемъ «Конституцій». На этотъ счетъ она вообще была очень беззаботна. «Къ сожалѣнію, — го-

---

[1]) Лѣтоп. Тихонр. IV, 49 — 50. Ср. выше о «свѣтильникахъ ложи».

[2]) См. выше, т. III, стр. 552 и слѣд.

ворятъ масонскіе историки,—Великая Ложа слишкомъ мало заботилась объ учрежденіяхъ и отношеніяхъ братства въ другихъ странахъ, куда однако оно было принесено изъ Англіи, и потому, когда съ ней искали связей и сношеній, она много разъ дѣлала самыя прискорбныя ошибки, которыя являются совершенно необъяснимыми, если не приписать ихъ самому грубому незнанію положенія масонскихъ дѣлъ внѣ Англіи» [1]). Елагинъ зналъ этотъ способъ дѣйствій англичанъ и такъ говоритъ объ англійской Великой Ложѣ: — «Вѣдаетъ она, что *первыя три степени* суть *совершенное содержаніе* всего цѣлаго *ученія нашего*, а сего точно ради письменно не только ихъ не даетъ, но и писать и вырѣзывать, инако какъ токмо для дѣйствія мѣломъ обрисовать, запрещаетъ законами» (стр. 598). Мы видѣли, что этого дѣйствительно строго требовала масонская клятва, и что въ англійскихъ ложахъ, въ теченіе кажется всего XVIII вѣка, не былъ въ употребленіи даже «коверъ», принятый уже очень рано въ континентальныхъ ложахъ. Елагинъ находитъ также, что «показуетъ сія книга (Конституціи) то, что всѣ системы, всѣ высшія степени суть выродки и уроды, незнающими прямаго существа изъ нея по большей части произведенные» (стр. 599). — Онъ провѣрилъ это и собственнымъ опытомъ. Сдѣлавшись великимъ провинціальнымъ мастеромъ русскихъ ложъ, онъ счелъ своею обязанностью еще больше стремиться къ «разрѣшенію таинственнаго узла», т. е. къ полному уразумѣнію масонства. Онъ отовсюду собиралъ все, что могъ пріобрѣсти изъ учрежденій и постановленій ордена въ Европѣ. «За безумно истраченныя деньги, — говоритъ онъ, — собралъ я громады писаній, громады начертаній или плановъ, громады такъ называемыхъ высшихъ степеней и обрядовъ», — но во всемъ этомъ онъ не нашелъ ничего удовлетворительнаго, и увидѣлъ здѣсь одни умствованія, иногда «острыя и разумныя», иногда нелѣпыя, увидѣлъ множество заблужденій и «мракъ, витійственнымъ бредомъ предлагаемый», а всего больше корыстолюбіе, прикрывавшееся великолѣпіемъ ложъ и дорого стоющихъ принятій, «въ которыхъ за взятое у пріемлемаго существенное золото обѣщевается ему въ награду способъ къ изобрѣтенію мечтательнаго злата». Можетъ быть, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ Елагинъ разумѣлъ именно розенкрейцерство, — хотя впрочемъ дѣланіе золота не было его исключи-

[1]) Handb. I, 294. Сюда относятъ напр. и договоръ англійской Великой Ложи съ великой ложей, основанной Циннендорфомъ въ Берлинѣ (1773), — обстоятельство, къ которому, быть можетъ, имѣетъ отношеніе и упомянутое нами прежде заимствованіе Елагинымъ ритуала Іоанновскихъ степеней у Рейхеля.

тельнымъ притязаніемъ. Такимъ образомъ Елагинъ вполнѣ повидимому устоялъ противъ произвольной фантастики, щедро разсыпанной въ высшихъ степеняхъ; въ своихъ ложахъ онъ рѣшился не допускать ихъ. «Узнавъ подробно *всѣ обманы*, не могъ я приступить къ преподаванію высшихъ степеней, и донынѣ (т. е. до 1786, когда это писано) еще никто отъ меня ниже четвертыя степени не воспріялъ [1]), тѣмъ паче, что къ дѣйствительному ученію нашему токмо первыхъ трехъ довлѣетъ» (стр. 598). Это было совершенно въ духѣ англійскаго масонства. Оно всегда относилось недовѣрчиво къ высшимъ степенямъ, и единственное исключеніе составляла упомянутая выше степень Royal Arch, которая явилась у Старыхъ масоновъ какъ дополненіе къ степени мастера, но которой вовсе не принимали Новые масоны Великой Ложи. Правда, высшія степени проникали съ теченіемъ времени и къ англичанамъ, и отдѣльные члены съ высшими степенями были терпимы, но въ собраніяхъ ложъ эти высшія степени не имѣли никакого особаго значенія и шли заурядъ. Въ прошломъ столѣтіи это отверженіе высшихъ степеней выражалось очень рѣзко: въ 1787 г., почти въ то же время, когда Елагинъ писалъ свои записки, лондонскіе масоны Великой Ложи праздновали особенно торжественнымъ образомъ день св. Іоанна, и въ протоколѣ были положительно отвергнуты «всѣ, *введенныя іезуитами*, степени масонства, тампліерская система, Royal Arch и подобныя отклоненія, происшедшія съ начала (XVIII) столѣтія» [2]).

Любопытно, что Елагинъ вооружается и противъ новиковскаго масонства. Мы не вполнѣ понимаемъ то мѣсто его записки [3]), гдѣ онъ говоритъ объ этомъ предметѣ; намъ не совсѣмъ ясно, что̀ разумѣлъ Елагинъ подъ именемъ *Карлсбадской* системы, которую онъ считалъ столь гибельной [4]), но очевидно, что обви-

---

[1]) Т. е. даже и четвертой степени не получилъ,—не говоря о дальнѣйшихъ.

[2]) Altenburger Zeitschr., 1826, 409.

[3]) Мы приведемъ это мѣсто. Упомянувъ о гоненіи, начавшемся противъ масонства въ Москвѣ, Елагинъ говоритъ: «Воздвиглась мрачная негодованія дворскаго туча (въ Р. Арх. напечатано туга), и на всю братію, особливо на соборъ московскій громъ запрещенія тайныхъ собраній испустила. Система Карлсбадская! Система на корысти сооруженная! Ты сему злополучію нашему виною! Безразсудное основателей твоихъ покушеніе возродить изъ пепла іезуитскаго новаго, вреднѣйшаго еще феникса и себя чужимъ обогатить стяжаніемъ, ввергнуло нашу братію въ нѣкій небывалый еще родъ суевѣрнаго *пустосвятства*, и симъ подвигло духовную и свѣтскую власть не на *однихъ* токмо *тобою обольщенныхъ*, но и противъ всего свободныхъ каменьщиковъ общества, обратить строгое къ истребленію собраній вниманіе.» (Стр. 591).

[4]) Г. Лонгиновъ считаетъ ее Циннендорфской, но это едва ли такъ. По разсказу Елагина выходитъ, кажется, что Карлсбадская система, смутившая братьевъ старой

неніе въ «суевѣрномъ пустосвятствѣ», относится къ московскому кружку.

Итакъ, повидимому, Елагинъ долженъ былъ составить свои мнѣнія совершенно независимо отъ новиковскихъ тенденцій и сберечь простоту англійскаго взгляда на дѣло.

На дѣлѣ этого однакоже не было. Елагинъ сохранялъ, сколько могъ, внѣшность англійскаго масонства, отвергалъ высшія степени, обличалъ ихъ какъ обманъ, осуждалъ суевѣрное пустосвятство, и при всемъ томъ мы видимъ его въ концѣ концовъ въ сущности на той же самой дорогѣ, по которой шли московскіе розенкрейцеры.... Какъ ни можетъ это показаться неожиданнымъ, это выходитъ однако весьма естественно изъ того общаго положенія, въ какомъ находилось русское общество, и какое мы старались очертить, говоря о Новиковѣ. Тѣ же внутреннія пружины, темное исканіе какихъ-нибудь новыхъ общественныхъ началъ, новыхъ теоретическихъ понятій, та же безпомощность относительно науки и бѣдность образовательныхъ средствъ, дѣйствовали и здѣсь, и принесли тотъ же самый результатъ.

Итакъ, Елагинъ впалъ въ фантастическій мистицизмъ. Исторія его сомнѣній достаточно обнаруживается изъ тѣхъ записокъ о масонствѣ, которыя мы не разъ упоминали, и отъ которыхъ впрочемъ существуетъ только начало. Эти записки должны были составить цѣлое сочиненіе съ такимъ заглавіемъ: «Ученіе древняго любомудрія и богомудрія или наука свободныхъ каменьщиковъ, изъ разныхъ творцовъ свѣтскихъ, духовныхъ и мистическихъ собранная» и т. д. Поводомъ къ составленію этого «Ученія» было то, что когда въ русское масонство стали проникать новыя системы, утверждавшія, что старое каменьщичество есть чистое заблужденіе и потеря времени, а что «давно взыскуемое таинство» находится именно въ ложахъ этихъ новыхъ системъ, то братья стали убѣдительно просить Елагина открыть имъ чистосердечно: правильна ли ихъ старая система, или надо имъ искать истины въ новыхъ ложахъ, и если старая правильна, то чтобы онъ открылъ имъ, «чего они отъ толь продолжительнаго упражненія ихъ, кромѣ неудобь вразумительныхъ гіероглифовъ,

---

системы, явилась уже послѣ того, какъ Елагинъ занимался изученіемъ Сенъ-Мартена. Это послѣднее могло быть только послѣ 1775, а циннендорфство явилось у насъ около 1770. Мы полагаемъ, что Карлсбадъ скорѣе могъ (по ошибкѣ или по неизвѣстному намъ обстоятельству) означать вильгельмсбадскій конвентъ (1782), съ котораго беретъ начало новая система «Благотворительнаго Рыцарства», введенная послѣ этого конвента и въ Москвѣ, а потомъ усиленная розенкрейцерствомъ. Къ дѣятельности московскаго кружка именно и можетъ идти эпитетъ «суевѣрнаго пустосвятства», которое Елагинъ ставитъ въ связь съ Карлсбадской системой.

непонятныхъ символовъ и прекословныхъ иносказаній ожидать долженствуютъ»? Елагинъ сталъ опасаться, что братья увлекутся въ заблужденіе; онъ согласился на ихъ требованіе и принялся за трудъ. Онъ выбралъ достойнѣйшихъ братьевъ, которымъ онъ нашелъ возможнымъ передать свои познанія о масонскомъ ученіи и составилъ «повѣствованіе, сказующее, что оно знаменуетъ? Откуда оно? Какъ до насъ достигло? И достойно ли вѣроятія и вниманія нашего?»

Этотъ трудъ былъ для Елагина уже не первымъ случаемъ разъясненія масонской мудрости, потому что еще прежде онъ началъ писать толкованія на книгу Сенъ-Мартена. Эта книга, судя по его словамъ, произвела сильное впечатлѣніе въ тогдашнемъ образованнемъ обществѣ и породила самые разнообразные отзывы: одни считали ее сумасбродною, другіе вреднымъ іезуитскимъ ухищреніемъ, третьи видѣли въ ней иллюминатское изчадіе. Елагинъ видѣлъ въ этихъ нападкахъ па книгу «сущее невѣжество» и презрительно говоритъ о хулителяхъ, обращающихъ «самую важнѣйшую премудрость въ глумленіе и шутку». Между прочимъ эта книга заинтересовала графа Н. И. Панина, который не понималъ «сокровеннаго смысла» этой книги и спрашивалъ о ней мнѣнія Елагина. Этотъ послѣдній сказалъ ему, что книга «мыслящему явно открываетъ истинныя познанія какъ въ любомудріи, такъ и богомудріи», и что, словомъ, она символически излагаетъ настоящее ученіе масонства. Онъ принялся объяснять Панину сокровенную мудрость, но тотъ опять не удовлетворился «словесными объясненіями, которыя къ отверстію (sic) глубокомыслія творцова (т. е. автора, Сенъ-Мартена) недостаточными ему казались», и тогда Елагинъ принялся писать примѣчанія къ труднѣйшимъ мѣстамъ, и написалъ ихъ такъ много, что они могли составить цѣлую книгу. Но Панинъ тѣмъ временемъ умеръ, и Елагинъ не успѣлъ сообщить ему своей мудрости... Она и должна была войти теперь въ его записки, которыя онъ началъ составлять по требованію «братьевъ».

Единственное извѣстное начало этого труда представляетъ только введеніе и предварительный разсказъ Елагина о его собственныхъ масонскихъ исканіяхъ. Но и въ этомъ отрывкѣ мы найдемъ достаточно указаній о томъ, въ чемъ собственно Елагинъ видѣлъ содержаніе масонскаго ученія и въ какія страны направлялись его мысли. Мы уже сказали, какъ прошелъ первый періодъ его легкомысленнаго отношенія къ масонству, періодъ сомнѣній и вольнодумства. Когда затѣмъ онъ сталъ бесѣдовать съ людьми «состарѣвшимися въ масонствѣ» и съ чужестранными братьями, онъ мало по малу пріобрѣлъ высокое мнѣніе о ма-

сонскомъ таинствѣ, а наконецъ и тотъ характеръ понятій, въ которомъ онъ приближался къ розенкрейцерскому мистицизму.— Прежде всего онъ указываетъ на знакомство съ какимъ-то англичаниномъ, о которомъ говоритъ съ великими похвалами. Это былъ путешественникъ, недолго бывшій въ Россіи; Елагинъ узналъ отъ него, что масонство есть таинственная наука, которая рѣдко кому открывается; что Англія не сообщаетъ о ней письменно ничего, что тайна эта хранится въ Лондонѣ, въ особенной ложѣ, «древнею называемой», что очень немногіе братья знаютъ эту ложу, и что быть посвящену въ ея таинства чрезвычайно трудно. Не знаемъ, такъ ли дѣйствительно говорилъ англичанинъ, но Елагинъ повидимому утвердился въ этомъ понятіи; по крайней мѣрѣ, какъ мы упомянули выше, онъ не увлекся системами высшихъ степеней, и увидѣлъ въ нихъ одинъ обманъ. Ложа, о которой говорилъ ему пріѣзжій англичанинъ, какъ о самой древней, была конечно «Lodge of Antiquity», одна изъ четырехъ старыхъ ложъ, соединеніе которыхъ въ 1717 составило англійскую Великую Ложу и открыло новую исторію масонства. Эта ложа считалась дѣйствительно самой старой, и начало ея относимо было къ незапамятнымъ временамъ, откуда и ея названіе. Около этого времени мастеромъ стула былъ въ ней упомянутый нами выше Престонъ (1742 — 1818), одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ англійскихъ писателей о масонствѣ, который и въ свое время пользовался большой славой. Его книга «Illustrations of Free-Masonry», 1772, имѣвшая потомъ много изданій, считается однимъ изъ главнѣйшихъ произведеній масонской литературы, и изъ лучшихъ кодексовъ англійской системы [1]). Не знаемъ, впрочемъ, до какой степени Елагинъ ознакомился съ этой редакціей масонскихъ ученій: но онъ не удержался на этой сравнительно простой точкѣ зрѣнія англійской системы.... Между тѣмъ онъ познакомился съ другимъ братомъ, имени котораго также не называетъ, и который былъ посвященъ въ «истинные масоны». Этотъ братъ также утверждалъ, что масонство есть «древнѣйшая таинственная наука, святою премудростію называемая», что она существуетъ отъ начала вѣковъ, закрытая иносказаніями и символами, что она никогда не придетъ въ забвеніе и не подвергнется измѣненію; что это — та самая премудрость, которая хранилась у патріарховъ, потомъ хранилась въ храмахъ «халдейскихъ, египетскихъ», «въ училищахъ Соломоновыхъ, Ессейскомъ [2]), Синайскомъ, Іоанновомъ», потомъ «новою благо-

[1]) О «Древней ложѣ» и Престонѣ см. Handb. 1, 36; II, 607—616.

[2]) Въ Р. Арх. напечатано «Елейскомъ».

датію въ откровеніи Спасителя преподавалась», наконецъ, что эта самая премудрость пребывала «въ ложахъ или училищахъ Θалѣевомъ (т. е. Θалесовомъ), Пиѳагоровомъ, Платоновомъ и у любомудрцевъ индѣйскихъ, китайскихъ, арабскихъ, друидскихъ» и т. д. Все это обыкновенная масонская хвастливость или самообольщеніе, которыя повторялись постоянно въ масонскихъ разсужденіяхъ о древности ордена и глубинѣ его мудрости, но въ особенности стали господствовать тогда, когда масонство приняло съ особой силой свое фантастическое направленіе въ новоизобрѣтенныхъ высшихъ степеняхъ. Историческое изложеніе въ «Конституціяхъ» Андерсона уже тронуло эту тему, но еще не безъ искренней простоты средневѣковой легенды. Впослѣдствіи эта тема развивается при помощи мнимой исторіи, въ легенду вставлены были ученыя ссылки, археологическія толкованія, еврейская или классическая эрудиція—все это конечно съ полнѣйшимъ отсутствіемъ критики, чего впрочемъ и не замѣчали братья, обыкновенно въ наукахъ весьма неглубокіе. Преимущественно отличались въ этомъ нѣмцы и французы, но англійская литература также представляетъ подобнаго рода фантастическія исторіи масонства, какова, напр., упомянутая книга Гучинсона, переводъ которой между прочимъ изданъ былъ новиковскимъ кружкомъ, именно въ числѣ его тайныхъ изданій.

Елагинъ, услышавъ эту генеалогію масонской мудрости отъ «истиннаго масона», былъ совершенно пораженъ «толь избыточественнымъ содержаніемъ таинствъ» масонскихъ, и убѣдился въ своемъ полномъ невѣжествѣ и безплодной потерѣ времени въ школѣ, — которая не дала ему ничего подобнаго этимъ глубинамъ знанія.... Онъ принялся за дѣло. «Братъ» руководилъ его своими толкованіями, и назначилъ ему на изученіе мудрости пять лѣтъ, — въ теченіе которыхъ онъ ревностно читалъ Писаніе и отцовъ церкви, изучалъ древнихъ мудрецовъ: «Пиѳагоръ, Анаксагоръ, Сократъ, Эпиктетъ, Платонъ, Ермій Трисмегистъ и самъ Орфей, Гомеръ и Зороастръ, съ помощію Геродота, Діодора Сикилійскаго, Плутарха, Цицерона, Плинія и многихъ симъ подобныхъ, вліяли въ душу мою новыя и спасительныя размышленія». Пусть впрочемъ не подумаетъ читатель, чтобы Елагинъ дѣйствительно углублялся въ настоящую классическую древность; черезъ нѣсколько строкъ онъ выражаетъ сожалѣніе, что не могъ читать этихъ произведеній въ подлинникѣ [1]),

[1]) Ср. восхваленіе классической учености Елагина — въ пику нашему времени — въ «Біографическомъ свѣдѣніи объ И. П. Елагинѣ». Журн. Землевлад., т. VI (1859, № 21), стр. 6.

и говоритъ, что вѣроятно не достигъ бы «воззрѣнія на отдаленное храма премудрости зданіе», если бы «всевышній Архитектъ» не даровалъ ему просвѣщеннѣйшаго учителя и совершеннаго друга въ нѣкоемъ *Станиславѣ Эли.*

Елагинъ отзывается объ этомъ Эли самымъ восторженнымъ образомъ. По словамъ его, это былъ человѣкъ, совершенный въ наукѣ масонской и врачебной наукѣ, «въ знаніи языка еврейскаго и кабалы превосходный, въ ѳеозофіи, въ физикѣ и химіи глубокій»; наконецъ, по свидѣтельству Елагина, это былъ авторъ книжки «Братское увѣщаніе». Повидимому онъ долго былъ руководителемъ Елагина, который говоритъ, что онъ преподалъ ему многое, «или паче сказать и нынѣ (1786) продолжаетъ преподавать» все, что нужно «къ разумѣнію таинственнаго смысла и рѣченій иносначущихъ.» Этотъ Эли по всѣмъ видимостямъ былъ розенкрейцеръ. Книжка его, о которой намъ уже случалось упоминать, представляетъ весьма характерный образчикъ розенкрейцерскаго, мнимо глубокаго, теологическаго и алхимическаго вздора [1]). Клоссъ, въ своей библіографіи, отнесъ ее прямо въ разрядъ розенкрейцерскихъ сочиненій (имени автора Клоссъ не зналъ). Что характеръ наставленій этого «совершеннаго друга» былъ именно таковъ, можно судить уже и по тому, что Елагинъ говоритъ о немъ. Вслѣдствіе наставленій Эли передъ нимъ нѣсколько открылся тотъ свѣтъ, «который при начальномъ въ орденъ нашъ вступленіи освобожденнымъ отъ перевязки глазамъ нашимъ показуется», — говоритъ онъ, намекая на завязыванье глазъ вступающему масону. Елагинъ утверждаетъ, что онъ преодолѣлъ тьму гіероглифовъ и символовъ, проникъ ихъ смыслъ и «*проразумѣлъ* преданія египетскія, писаніи творцевъ Des erreurs et de la verité, Tableaux naturels Велинга (Welling von Saltz), Роберта Флуктиба (Schutzschrift für Rosenkreutzer-Gesellschaft) Еліасъ артиста (Elias, Buch der Welt) въ его истинѣ и заблужденіяхъ и прочихъ, таинственными называемыхъ.» «Симъ

---

[1]) «Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братіямъ свбдным. книщкм. Писаны братомъ Седдагомъ», М. 1784. Переведена была съ нѣмецкаго майоромъ Оболдуевымъ. Подлинникъ (Kloss, № 2649) называется: Brüderliche Vermahnungen an einige Brüder Freimaurer, von dem Bruder Seddag. Philadelphia, 1781; — по указанію Клосса книга издана въ Лейпцигѣ (Leipzig, Böhme), но въ другомъ указаніи мѣстомъ изданія этой книги означенъ именно Петербургъ (см. Neues Taschenbuch für Freymaurer auf d. J. 1801, Rostock, bei Stiller (стр. 86). Книга есть въ Публ. Б-кѣ. Въ концѣ ея (стр. 108): geschrieben in meiner Studirstube den 9ten des 3ten Monats 1781 — von mir, einem wahren Bruder, wohnhaft in Fleischburg (т. е. Петербургъ).—Въ новыхъ документахъ о Новиковѣ, изданныхъ въ «Сборникѣ Историч. Общества», этотъ докторъ Эли упомянутъ въ числѣ членовъ Елагинскихъ ложъ (т. II, стр. 146).

способомъ», замѣчаетъ Елагинъ, объяснились для него притчи св. Писанія, «открылось несумнѣнное *слова* или *первенца* сына Божія воплощеніе», его пришествіе въ міръ, страданіе и смерть, «его живоноснаго креста таинство» и проч. «Труба Іоанна Евангелиста, гласъ вопіющаго въ пустынѣ Іоанна и вѣщаніи апостоловъ, благовѣствующихъ миръ и новую благодать человѣку», наполнили его душу вѣрою и святымъ почитаніемъ. «Словомъ, посредствомъ объявленныхъ (т. е. указанныхъ выше) пособій и чрезъ нихъ откровеннымъ свѣтомъ, который и во тмѣ, какъ говоритъ Богословъ, свѣтится, постигъ я нѣсколько царственную науку [1]) нашу», — она царственна потому, говоритъ Елагинъ, что она есть премудрость, которая «глаголетъ царственное» по Соломону.

Такъ довершились исканія великаго провинціальнаго мастера русскихъ ложъ англійской системы. Елагинъ сознается, что «нѣсколько постигъ», но только «нѣсколько», потому что всю эту науку едва ли возможно постигнуть кому нибудь изъ смертныхъ; и онъ убѣждаетъ братьевъ, что если свѣтъ еще имѣетъ для нихъ приманки, если желаютъ они получить почести и власть въ орденѣ, то пусть они лучше не пускаются въ тернистый путь этой многотрудной науки, потому что вмѣсто веселья потребуется здѣсь неусыпное прилежаніе и бдѣніе, вмѣсто «пріятныхъ Волтеровыхъ сочиненій» займетъ время темная глава изъ Исаіи пророка, а вмѣсто почестей и власти «часто кротость, униженіе, повиновеніе и смиреніе встрѣчаются». Очевидно, что Елагинъ приходилъ къ тому же мистическому піэтизму, какой мы видѣли у нашихъ розенкрейцеровъ, и если Елагинъ не принималъ формально розенкрейцерскихъ «градусовъ», то онъ принималъ ихъ смыслъ,— вѣроятно самъ того не сознавая. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состояли «пособія» Елагина, при помощи которыхъ онъ *проразумѣлъ* всю таинственную премудрость? Они приводятъ насъ именно къ тѣмъ же источникамъ, изъ которыхъ питались московскіе розенкрейцеры; въ книгахъ, пересчитанныхъ Елагинымъ, мы узнаемъ произведенія, наполнявшія ту огромную мистическую литературу, явную и тайную, печатную и рукописную, которая произведена была въ послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго въ особенности трудами Новиковской школы, подъ очевиднымъ вліяніемъ розенкрейцерскихъ тенденцій. Наставникъ Елагина, «въ кабалѣ превосходный и въ ѳеозофіи глубокій», указывалъ ему тѣ самыя книги, которыя въ тоже время

[1]) То, что старые масоны называли royal craft, «королевское ремесло», выражая этимъ покровительство англійскихъ королей своему цѣху.

переводились и издавались въ Москвѣ, въ видахъ розенкрейцерской системы, какъ переведено было и собственное произведеніе этого наставника, «Братскія увѣщанія». Та пестрая смѣсь старой и новой мистики, алхиміи, магіи и т. п., которая переполняетъ розенкрейцерскую литературу, повторяется и въ «пособіяхъ» Елагина. Книга Сенъ-Мартена, которой онъ придавалъ такое значеніе, была самой лучшей школой мистическаго суевѣрія и въ этомъ смыслѣ совершенно сходна съ розенкрейцерскими книгами. «Робертъ Флуктибъ» есть Робертъ Флоддъ (Fludd, или въ латинской формѣ de Fluctibus, 1574—1637), ревностный проповѣдникъ стараго розенкрейцерства, выросшаго, какъ мы упоминали прежде, въ началѣ XVII-го столѣтія изъ фантастической выдумки или сатиры Валентина Андреэ. Флоддъ написалъ цѣлую массу мистико-теософскихъ и алхимическихъ сочиненій, которыя пользовались большой репутаціей между нѣмецкими піэтистами и алхимиками XVII-го вѣка, и снова были пущены въ ходъ новыми розенкрейцерами второй половины XVIII-го. Флоддъ былъ совершенно увѣренъ въ дѣйствительномъ существованіи розенкрейцерскаго общества, выдуманнаго Андреэ, и въ защиту своего мнѣнія написалъ названную Елагинымъ апологію. Когда основалось новое розенкрейцерство, эта апологія была переведена съ латинскаго на нѣмецкій однимъ ревностнымъ розенкрейцеромъ, и издана въ 1782 году [1]). Вѣроятно около тѣхъ же временъ, когда Елагинъ изучалъ Флодда подъ руководствомъ Эли, появилась на русскомъ языкѣ его «Исторія микрокосма», розенкрейцерскій трактатъ, который, въ огромномъ фоліантѣ, находится въ числѣ рукописей Публ. Библіотеки. На русскомъ языкѣ существовали также и «маго-кабалистическія и теозофическія сочиненія» Георга Веллинга [2]). Такое руководительство не могло миновать своей цѣли, какъ скоро оно принималось, и если Елагинъ подчинился этимъ вліяніямъ не до такой степени, какъ новиковскій кружокъ, то во всякомъ случаѣ онъ былъ къ нему очень близокъ въ сущности дѣла, т. е. въ той игрѣ символами и буквами, которую онъ считалъ глубокимъ богомудріемъ, и въ туманномъ піэтизмѣ. «Таинство креста» вѣроятно также не даромъ отмѣчено имъ въ числѣ вещей, которыя открылись его разумѣнію; это таинство было разъяснено въ особенной розенкрей-

[1]) Kloss № 2483: Robert de Fluctibus, Schutzschrift für die Aechtheit der Rosenkreutzer Gesellschaft a. d. Latein. mit Anm. von Adamah Booz (A. M. Birkholz). Leipz. Böhme, 1782.

[2]) Первая часть сочиненій Веллинга трактуетъ «о соли», откуда вѣроятно и вышло замѣчаніе, поставленное Елагинымъ при его имени. Другія указанія Елагина библіографически намъ пока неясны.

церской книжкѣ, имѣвшей у насъ нѣсколько переводовъ, печатныхъ и рукописныхъ... Основныя понятія масонства англійской системы конечно должны были совершенно затеряться среди такого рода истолкованій и примѣненій: «королевское ремесло» стало піэтистической «царственной наукой», и болѣе или менѣе широкія религіозныя понятія о человѣческомъ достоинствѣ и братской любви къ людямъ превратились въ проповѣдь смиренія и повиновенія, ту же проповѣдь, которая въ другихъ казалась самому Елагину «суевѣрнымъ пустосвятствомъ»... Судьба подшутила надъ Елагинымъ тѣмъ, что въ то самое время, когда онъ обвинялъ «суевѣрное пустосвятство» Новиковскаго кружка, побудившее духовную и свѣтскую власть къ «истребленію собраній» и навлекшее «мрачную дворскаго негодованія тучу», — въ число шести розенкрейцерскихъ книгъ, запрещенныхъ при разборѣ 1786 г., попали и «Братскія увѣщанія» его глубокомысленнаго руководителя и друга Станислава Эли.

Такимъ образомъ «Елагинская Система» сводилась къ тому же знаменателю, и это явленіе характеристично для исторіи понятій и образованія за то время. Мы говорили уже, что масонство было одною изъ первыхъ попытокъ самостоятельной дѣятельности общественныхъ силъ, и въ этомъ смыслѣ оно должно было неизбѣжно отразить въ себѣ общее положеніе вещей. Силы эти были еще очень не велики въ русскомъ обществѣ, положительное образованіе крайне слабо, а вмѣстѣ съ нимъ слаба и критическая мысль, такъ что эти люди, почти въ первый разъ задавшіе себѣ серьезные вопросы религіи, нравственности и общественныхъ отношеній, стали легкою добычею мистическаго піэтизма и фантазерства, которые вообще всего легче овладѣваютъ мало вооруженными умами. Многіе изъ людей, ставшихъ потомъ ревностными масонами, передъ тѣмъ бывали крайними вольнодумцами, какъ самъ Елагинъ, какъ Лопухинъ; но они отказывались отъ вольнодумства, кажется, очень легко, потому что и вольнодумство ихъ не имѣло никакихъ корней въ собственной, логически обдуманной мысли. Они бывали одинаково слабосильны и въ томъ и въ другомъ направленіи. Но въ мистицизмѣ, они больше находили себя въ своей сферѣ, потому что мистицизмъ именно и гонитъ всякую разсудительную мысль, — и они успокоивались въ немъ окончательно. Для русскихъ «братьевъ» это успокоеніе облегчалось тѣмъ, что примѣръ этого подавало имъ множество чужеземныхъ «братьевъ», все-таки сохранившихъ въ ихъ глазахъ нѣкоторый особый авторитетъ, несмотря на всю привязанность многихъ изъ нихъ къ національно-русскому, какъ это было у Новикова. Скептическое сомнѣніе и критика на

нихъ не дѣйствовали, не потому, чтобы скептицизмъ XVIII-го вѣка (мы говоримъ объ истинныхъ представителяхъ его) былъ несостоятеленъ, а потому, что онъ былъ имъ не по силамъ. Въ самомъ дѣлѣ, несостоятельность, которую мы видимъ въ этомъ скептицизмѣ теперь, — видимъ благодаря тому, что современная наука ушла дальше его положеній, — въ то время далеко не была очевидна, и люди нашего общества въ особенности не были въ силахъ опровергнуть его логическимъ образомъ. Они просто уходили, отвертывались отъ него, какъ ученикъ отъ трудной задачи, или, наконецъ, воображали, что противъ французской философіи можно было бороться нѣмецкимъ розенкрейцерствомъ.... Между тѣмъ, даже оставаясь въ чисто масонской средѣ, наши масоны, еслибы были нѣсколько серьезнѣе, уже и въ то время могли бы найти себѣ лучшихъ руководителей; потому что къ періоду 1780—90-хъ годовъ, въ Германіи въ самыхъ ложахъ и въ масонской литературѣ возникла энергическая реакція противъ масонскаго обскурантизма. Въ 1778 г., Лессингъ уже издалъ свои замѣчательные «Разговоры для масоновъ» (Gespräche für Freimaurer), — гдѣ онъ думалъ осмыслить масонство широкой идеей о служеніи дѣлу общаго счастія, идеей терпимости и братскаго облегченія общественныхъ тягостей и неравенствъ. Но если идеи Лессинга и въ самой Германіи не могли скоро уничтожить нелѣпостей масонства, то у насъ эти идеи были еще менѣе доступны для «братьевъ» розенкрейцерской или Елагинской Системы, все равно; имъ вообще остались чужды и другія стремленія къ реформѣ искажавшагося ордена: замѣтимъ, что къ этому періоду 1780—90 относятся и попытки иллюминатовъ, усилія Николаи, Боде, литературная дѣятельность Гердера, стремленія Эклектическаго Союза; наконецъ, въ это время начинаются и реформаторскіе труды Фесслера.

Послѣдующее поколѣніе масоновъ, воспитавшееся на взглядахъ Елагина или Новикова, осталось почти на томъ же самомъ пунктѣ развитія; такъ, напр., было у Лабзина, Невзорова и другихъ людей этого стиля. Другіе воспитанники Новиковской школы пошли дальше и уже скоро освободились отъ нелѣпыхъ крайностей своихъ предшественниковъ, какъ напр., Карамзинъ и другіе. Но любопытно, что и въ этомъ поколѣніи еще осталась извѣстная неопредѣленность теоретическихъ понятій, наклонность къ туману, и если не было піэтизма, то явилась сантиментальность, — черта, въ значительной мѣрѣ наслѣдованная отъ предъидущаго періода.

А. Пыпинъ.

ДРЕВНѢЙШІЙ ПЕРІОДЪ

ИСТОРІИ СЛАВЯНЪ

ГЛАВА ПЕРВАЯ *).

СЛАВЯНЕ ВЪ РЯДУ ДРУГИХЪ ПЛЕМЕНЪ АРІЙСКИХЪ.

I.

Славянское племя въ настоящую пору и за тысячу лѣтъ.

Славянами называются слѣдующіе народы: русскіе, поляки, сербы лужицкіе, чехи, словаки, словенцы (или хорутане), хорваты, сербы дунайскіе и болгары. Сходство ихъ языковъ и обычаевъ, а также преданія и историческія свидѣтельства доказываютъ, что эти девять народовъ происходятъ отъ одного поколѣнія. Поэтому они и называются вообще славянскимъ племенемъ.

Самую большую часть славянскаго племени составляетъ

*) Помѣщаемое нами изслѣдованіе изъ древнѣйшаго періода исторіи славянъ составляетъ начало обширнаго сочиненія, въ которомъ должна быть изложена первоначальная исторія всего славянскаго племени въ его совокупности. Предметъ этотъ столь же мало разработанъ, сколько долженъ быть интересенъ для насъ. О слабости разработки древнѣйшаго періода исторіи славянъ можно заключить по той легкости, съ которою раждаются самыя нелѣпыя теоріи по этому предмету въ западныхъ литературахъ вообще, и во французской въ послѣднее время въ особенности. Между тѣмъ, это дѣло весьма близко касается насъ, и нельзя не отнестись весьма сочувственно къ обширному предпріятію нашего автора,—предпріятію, которое слѣдуетъ считать долгомъ, тяготѣвшимъ не малое время надъ нашею наукою и литературою.

Ред.

русскій народъ. Жилища его обнимаютъ восточную половину Европы, отъ Бѣлаго моря и устья Невы до Карпатскаго хребта и за нимъ, и до морей Чернаго и Каспійскаго; на востокъ, его поселенія простираются далеко въ Азію, до Сыръ-Дарьи и Тихаго океана. Народъ этотъ составляютъ три колѣна: великорусское, занимающее весь сѣверъ, средину, востокъ и юговостокъ русскихъ земель; бѣлорусское, занимающее ихъ сѣверозападный, и малорусское — ихъ юго-западный край.

Русскихъ называютъ восточными славянами, для отличія отъ славянъ западныхъ, которые состоятъ изъ четырехъ народовъ: поляковъ, сербовъ лужицкихъ, чеховъ и словаковъ, и славянъ южныхъ, къ которымъ принадлежатъ другіе четыре народа: болгары, дунайскіе сербы, хорваты и словенцы.

Народы западно-славянскіе имѣютъ между собою весьма много сходнаго, также точно и народы, составляющіе южно-славянскую вѣтвь, въ языкѣ и обычаяхъ ближе другъ къ другу, чѣмъ къ прочимъ славянамъ.

Край, обитаемый западными славянскими народами, имѣетъ видъ неправильно-очертаннаго клина, который какъ-будто врѣзался въ среднюю Европу, между нѣмцевъ съ сѣвера и запада, нѣмцевъ и мадьяръ (или венгровъ) съ юга. Широкою своею стороною этотъ клинъ западно-славянскихъ земель примыкаетъ къ славянамъ восточнымъ, то есть къ Россіи; узкая его оконечность къ западу доходитъ до Баваріи. Восточную и самую большую полосу этого клина занимаетъ народъ польскій, населяющій наше царство польское, южную полосу восточной и небольшой край западной Пруссіи, Познанскую область, уголъ Силезіи и западную часть Галиціи (восточная часть Галиціи населена русскимъ народомъ). Польскій народъ состоитъ изъ четырехъ колѣнъ: великополянъ на западѣ, кашубовъ въ крайней сѣверо-западной оконечности польскихъ земель, мазуровъ на сѣверо-востокѣ, и малополянъ на югѣ.—На югъ отъ поляковъ, отдѣляемые отъ нихъ и отъ русскихъ въ Галиціи Карпатскимъ хребтомъ, и примыкая на востокѣ къ русскому населенію за Карпатами, живутъ словаки, занимая сѣверный край Венгріи, который они называютъ «Словенско». Къ западу отъ словаковъ, въ Моравіи и Богеміи простирается народъ чешскій. Наконецъ, къ сѣверу отъ Богеміи, среди нѣмцевъ, находится отдѣльно-лежащая землица лужицкихъ сербовъ, въ части королевства Саксоніи и Бранденбургской области.

Западно-славянскій край или земля польская, словацкая и чешская, образуетъ, какъ мы сказали, нѣчто похожее на клинъ, примыкающій къ Россіи и врѣзывающійся въ середину Европы.

Край южныхъ славянъ не прилегаетъ ни къ русской землѣ, ни къ славянамъ западнымъ. Онъ имѣетъ видъ полукруглой, изогнутой къ югу, полосы, которая съ западной стороны ограничивается Адріатическимъ моремъ и граничитъ съ Италіею, на востокъ доходитъ до Чернаго моря, а на югѣ прикасается къ Архипелагу. Эту полосу земель южно-славянскихъ отдѣляютъ отъ славянъ западныхъ — нѣмцы и мадьяры (венгры), отъ русскихъ земель — валахи (или молдаване) и добруджскіе татары; къ югу она ограничивается поселеніями албанцевъ, грековъ и румелійскихъ турокъ.

Итакъ, *въ настоящее время*, земли славянъ представляютъ вотъ какой видъ: на востокѣ — громадный материкъ, обнимающій восточную половину Европы и сѣверъ Азіи; къ западу отъ этого материка, клинъ, вдавшійся въ средину Европы, въ формѣ полуострова, между нѣмцами; на юго-западной сторонѣ того же материка, но отъ него въ нѣкоторомъ разстояніи, отдѣльная полоса, въ видѣ острова, окруженная валахами, татарами, турками, греками, албанцами, италіянцами, нѣмцами, венграми.

За *тысячу лѣтъ*, славянскій край имѣлъ иное очертаніе. Въ немъ не было такой черезполосности съ чужими народами, а составлялъ онъ одно цѣлое и сплошное. На западъ простирался много дальше нынѣшняго, но къ востоку былъ гораздо меньше.

Въ то время вся страна на южной сторонѣ Балтійскаго моря между рѣками Эльбою и Вислою, гдѣ теперь Голштинія, Лауэнбургъ, Мекленбургія, Бранденбургія, островъ Рюгенъ, Померанія, населена была славянами [1]). Они составляли часть того же народа, что и поляки, но дѣлились на весьма многія колѣна: вагровъ, бодричей, велетовъ, лютичей, руянъ, поморянъ и другихъ.

Къ югу отъ этихъ славянъ, теперь уже совершенно исчезнувшихъ, находилась земля западныхъ сербовъ, обнимая нынѣшнюю Прусскую область, Саксонію и Саксонское королевство съ прилегающими землями, отъ рѣки Салы, которую славяне называли Солявою, до р. Бобра, впадающаго въ Одру; а за Бобромъ начиналась славянская же земля Слезко или Шленско, что̀ нынѣ Силезія. Народъ въ Силезіи принадлежалъ къ полякамъ.

Къ западнымъ сербамъ, отъ которыхъ уцѣлѣла только маленькая частица въ нынѣшнихъ Лужицахъ, непосредственно при-

---

[1]) Кромѣ западнаго края Голштиніи, прилегающаго къ Нѣмецкому морю; тутъ и тогда жили нѣмцы.

мыкали чехи; далѣе простирались владѣнія моравянъ и славянъ закарпатскихъ и хорутанскихъ, занимавшихъ нынѣшнюю Венгрію, Австрійское эрцгерцогство, Штирію, Каринтію, часть Тироля, Краину, Истрію.

За ними лежала земля хорватовъ, сербовъ и, наконецъ, славянъ болгарскихъ, селенія которыхъ были обширнѣе, чѣмъ нынѣ. На сѣверной сторонѣ Дуная они владѣли нынѣшнею Валахіею и частью Венгріи; къ югу обхватывали почти всю Македонію, часть Θессаліи, Албаніи и Греціи.

Такимъ образомъ, западнымъ и южнымъ славянамъ принадлежалъ, тысячу лѣтъ тому назадъ, весь средне-европейскій материкъ, отъ Даніи до Тироля и границъ Италіи, отъ Балтійскаго моря до Адріатическаго, Чернаго и Архипелага.

Но край восточныхъ славянъ въ ту пору не простирался далѣе устья Волхова, верховьевъ Волги и Оки и Днѣпровскихъ пороговъ. Сѣверная Двина, великая Волга и тихій Донъ текли въ то время еще внѣ славянскаго края [1]).

По этому видно, что судьба славянъ восточныхъ была другая, чѣмъ западныхъ и южныхъ. Восточные славяне въ теченіе послѣднихъ тысячи лѣтъ разрослись въ многочисленный и сильный народъ, который занялъ и заселяетъ весь сѣверъ Стараго Свѣта. Въ то же время западныя и южныя славянскія племена утратили значительную часть своихъ земель, умалились, захирѣли, и нѣкоторыя вовсе вымерли. Это повсемѣстное паденіе западныхъ и южныхъ славянъ происходило не безъ тяжкой борьбы съ внѣшними непріятелями и еще болѣе тяжкихъ внутреннихъ смутъ. Были у каждаго изъ этихъ народовъ свѣтлые дни; поочередно, то у словенцевъ и моравянъ, то у болгаръ, то у хорватовъ, то у бодричей и лютичей, то у сербовъ, у чеховъ, у поляковъ восходило вешнее солнце. Но свѣтлый день померкалъ; гроза побивала слишкомъ слабые всходы, и поля славянскія или принимали чужой посѣвъ, или долго, до нашихъ дней, не производили ничего.

Оттого исторія этихъ народовъ почти забыта нами. Мы учимъ исторію западно-европейскихъ странъ и отдѣльно отъ нея исторію Россіи. При первомъ взглядѣ мы правы. Въ самомъ дѣлѣ, народы западной Европы и Россія жили и развивались почти особо, и только въ послѣдніе 150 лѣтъ пришли въ соприкосновеніе. Только западно-европейскіе народы, т. е. люди латинскаго и нѣмецкаго племенъ, съ одной стороны, а съ другой стороны,

---

[1]) Были только отдѣльныя поселенія славянскія около Волги (Ростовъ) и за Дономъ (Тмуторокань).

изо всего славянскаго племени только одинъ русскій народъ имѣли то, что̀ можно назвать историческій успѣхъ: устроили прочныя государства, оставались хозяевами въ своей землѣ и подчиняли себѣ чужія. Ихъ-то исторію мы стараемся узнать, а судьба лежащихъ между западомъ Европы и Россіею славянскихъ народовъ, несчастливо кончившихъ свою политическую жизнь, мало занимаетъ насъ. Но эти западные и южные славянскіе народы, не только составляютъ съ русскимъ одну семью по происхожденію и языку; не только всѣ славяне, западные, южные и восточные, долго находились въ близкой связи между собою, и потомъ, даже разобщившись имѣли, въ разныя времена, сильное вліяніе другъ на друга; мало того: одинъ духъ, одинаковыя наклонности, одинаковыя силы и тѣ же слабости выказываются во всей минувшей жизни каждаго изъ славянскихъ народовъ, при всемъ различіи положеній и успѣховъ, и заставляютъ думать, что ихъ развитіе совершалось подъ дѣйствіемъ однихъ законовъ. Исторія всѣхъ славянъ должна разсматриваться какъ одно цѣлое, это должна быть одна семейная повѣсть.

II.

Свидѣтельство о происхожденіи славянъ—ихъ языкъ.—Поколѣніе арійское.—Бытъ первоначальнаго народа арійскаго въ Азіи.

Славянское племя начало становиться извѣстнымъ только въ шестомъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова. До того времени оно ничѣмъ не обнаруживало себя въ мірѣ, такъ что на первый взглядъ кажется, какъ будто прежде шестого вѣка славянъ вовсе не было, и что это племя откуда-то пришло въ Европу или какъ нибудь въ ней возникло не болѣе, какъ за 1300 лѣтъ.

Однако, при внимательномъ разсмотрѣніи извѣстій, сообщаемыхъ древними писателями, греческими и римскими, оказывается, что въ странахъ средней и восточной Европы обитали народы славянскіе не только въ то время, когда римская имперія обнимала весь образованный міръ, и на нее начинали нападать выходцы изъ Германіи, но и гораздо прежде, — еще тогда, когда римская держава заключалась въ небольшой части Италіи, а германское племя было также мало извѣстно, какъ и славяне.

Но писатели греческіе и римскіе, рѣдко и то вскользь обращавшіе вниманіе на народы сѣвера и востока Европы, которые не принимали тогда почти никакого участія въ дѣлахъ міра, только намекаютъ на славянъ, находившихся въ числѣ этихъ народовъ, и ихъ намеки, слишкомъ неясные и толкуемые раз-

лично, не разъяснили бы началъ славянскаго племени, если бы въ этомъ не былъ вѣрнымъ свидѣтелемъ самый языкъ славянскій.

Въ языкѣ осталось свидѣтельство, что славяне принадлежатъ къ одному поколѣнію съ литовцами, нѣмцами, кельтами, латинцами, греками, албанцами, персами, индусами. Какъ ни различны теперь языки ихъ, но, по тщательномъ сравненіи, корни ихъ словъ и ихъ грамматическія измѣненія доказываютъ, что всѣ языки эти произошли отъ одного общаго языка, гораздо древнѣйшаго. Изслѣдованія ученыхъ достигаютъ нынѣ уже того, что можно во многихъ случаяхъ съ полною достовѣрностью опредѣлить, какъ то или другое названіе, то или другое слово, теперь столь различное у каждаго изъ этихъ племенъ, звучало въ то время, когда предки индусовъ, персовъ, албанцевъ, грековъ, латинцевъ, кельтовъ, нѣмцевъ, литовцевъ и славянъ говорили на одномъ языкѣ и стало быть составляли одинъ народъ, первобытный народъ, который принято называть арійскимъ [1]) и который въ то время жилъ, по всей вѣроятности, въ южной части средней Азіи, на сѣверъ и западъ отъ горныхъ хребтовъ, ограждающихъ Индію. Несомнѣнно также, что когда поколѣнія этого арійскаго народа отдѣлились другъ отъ друга и разошлись, чтобы занять, кто югъ, кто западъ, кто сѣверъ Европы, кто земли Малой Азіи, Ирана и Индіи, эти люди были уже не дикари, не какіе-нибудь бродячіе звѣроловы, а домовитые скотоводы, знакомые и съ хлѣбопашествомъ [2]). Скотъ составлялъ главное ихъ бо-

---

[1]) Употребляются также, въ томъ же значеніи, названія: *индо-европейцы* или *индо-германцы*.

[2]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ слова для обозначенія хлѣбовъ, земледѣльческихъ орудій и другихъ предметовъ, относящихся къ хлѣбопашеству, слова, общія у поименованныхъ нами такъ называемыхъ *арійскихъ* народовъ и однако очевидно незаимствованныя однимъ у другого; стало быть, эти слова и, конечно, предметы ими обозначаемые, были извѣстны прежде чѣмъ арійскіе народы раздѣлились. Такъ напр., мы находимъ названія: у славянъ рожь, у литвы ругей, у нѣмцевъ Roggen въ смыслѣ ржи, у древнихъ индусовъ (на языкѣ санскритскомъ) pârû, какъ названіе мѣстнаго, воздѣлываемаго въ южной Индіи хлѣбнаго растенія (a sort of grain, commonly *raggy*, much cultivated in the south of India). Мы находимъ у литвы явай, какъ названіе ячменя, дона въ смыслѣ хлѣба (печенаго), а у древнихъ индусовъ и персовъ јава значитъ тоже ячмень, у индусовъ *dâna* значитъ зерновой хлѣбъ. Славянскія слова просо и пшено повторяются въ языкѣ индусовъ въ словахъ prâsa (именит. пад. prâsam) и psâna (именит. пад. psânam), которыя оба еще имѣютъ тамъ болѣе общій смыслъ: *пища*. Самое образованіе этихъ словъ, стоящихъ совершенно особнякомъ въ языкѣ славянъ, объяснимо только изъ эпохи, когда они еще не отдѣлились отъ предковъ индусовъ: именно, prâsa оказывается, по языку индусовъ, сложнымъ изъ предлога pra и глагола as, asnâmi, *пъсть*, *я пмь*, а psâna—производнымъ отъ глагола psâ, psâmi, *жевать*, *жую*. Не только такія обиходныя выраженія, какъ поле, пахать, вѣять, молоть образовались въ эпоху, предшествующую разселенію: напр.,

гатство; и не только лошадь и овца были поддержкою ихъ хозяйства, какъ у народовъ, преданныхъ совершенно кочевой жизни, но еще болѣе рогатый скотъ, спутникъ осѣдлаго человѣка. Вмѣстѣ съ молокомъ, сыромъ и мясомъ, уже зерновой хлѣбъ и овощи, просо и ячмень, рожь и пшеница, чечевица и чеснокъ, — составляли пищу этого народа. Не только шкуры звѣрей служили ему одеждою, но шерсть и ленъ доставляли ему *сукно* и *порты*, т. е. холщевую одежду [1]). Для украшенія носилось *монисто* изъ

греч. *ἀγρός*, лат. ager и древне-индійское аджра (имен. пад. аджрас) поле; орать, лат. arare и т. п. на всѣхъ языкахъ Европы и индійскій глаголъ ар, означающій *сильно двигать, подымать что-нибудь* (а также *возвышать голосъ:* какъ и у насъ онъ имѣетъ двойное значеніе—*пахать* и *кричать*); молоть, греч. *μύλλειν*, латинск. molere, готское malan, ирландское meilim, мелю, персид. мâлûдан, молоть, индійское малана-м, молотье и т. д. Мало того: даже такія спеціальныя названія, какъ напр. наши: амбаръ, пуня, рига ведутъ свое начало отъ той же отдаленной эпохи, какъ доказываетъ происхожденіе этихъ словъ: амбаръ тоже, что древне-индійское амбара-м, означающее вообще *покровъ* и произведенное изъ предлога ану и глагола варâми, *ограждаю, охраняю;* такъ что амбара-м, какъ видно, первоначально значило хранилище. Пуня (извѣстное во многихъ мѣстахъ Россіи названіе для строенія, гдѣ держатъ мякину) ведетъ свое начало прямо отъ слова, у славянъ не существующаго, но находящагося у древнихъ индусовъ: пӯ, пӯнâми, *я вью хмѣль*, точно также какъ рига—отъ древняго индійскаго глагола: ридж, рêджâми, *я жарю*.

Такихъ примѣровъ можно привести гораздо больше, и не только изъ языка славянъ, но и изъ греческаго, латинскаго, германскаго, кельтскаго и т. д. Впрочемъ, и этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, что сказанное нами о древности земледѣлія, предшествовавшаго у арійскихъ народовъ ихъ разселенію и раздѣленію ихъ рѣчи, опирается на несомнѣнномъ свидѣтельствѣ языка. Точно также и все, что̀ говорится далѣе о древнемъ бытѣ этого племени, основано на доказательствахъ, доставляемыхъ тѣмъ же источникомъ, сравненіемъ языковъ; но мы не считаемъ возможнымъ приводить всѣ эти доказательства, иначе пришлось бы при каждомъ почти словѣ настоящаго параграфа дѣлать ссылку на данныя, принадлежащія къ области другой спеціальной науки. Помѣщаемъ ниже только нѣкоторыя наши соображенія, отсылая читателя, желающаго подробнѣе ознакомиться съ этимъ любопытнымъ предметомъ, преимущественно къ сочиненію Адольфа Пикте: Les Origines Indo-Européennes, ou les Aryas primitifs.

Примѣчаніе. Относительно приводимыхъ въ нашей статьѣ словъ изъ языковъ древне-индійскаго (санскрита) и древне-бактрійскаго (зенда) просимъ читателя замѣтить слѣдующее. Чтобы не пестрить текста значками, которые могли бы затруднить не спеціалисту чтеніе этихъ словъ, мы печатаемъ просто *курсивомъ* буквы Б, Г, Д, ДЖ, К, П, Т и Ч, когда эти согласные произносятся въ означенныхъ языкахъ съ придыханіемъ, и букву С, когда она имѣетъ такъ наз. гортанный звукъ. Такъ называемое р—гласное передаемъ соотвѣтственнымъ славянскимъ сочетаніемъ *рь*. Что касается до оттѣнковъ, обыкновенно обозначаемыхъ въ латинской транскрипціи санскритскихъ и зендскихъ словъ точками подъ согласными, то мы ихъ опускаемъ, какъ не имѣющіе существеннаго значенія въ сочиненіи, не относящемся спеціально къ лингвистикѣ.

[1]) Оба эти слова существовали у арійскаго племени уже до его раздѣленія: сукно соотвѣтствуетъ древне-индійскому сука-м, *сукно* и *одежда*; портъ, прътъ (въ древнее время означавшее у славянъ вообще *платье* и *холстъ*, и съ которымъ тожде-

блестящаго *бисера* [1]). Жили арійцы не только въ шатрахъ и шалашахъ, но уже строили дома и селились *громадами*, то есть деревнями, и деревня составляла у нихъ общину [2]); имѣли укрѣпленія и кажется, даже нѣчто въ родѣ городовъ. Они цѣнили золото и серебро, обработывали мѣдь, хотя сомнительно, чтобы они уже знали и желѣзо [3]). Ихъ жизнь преимущественно была семейная; бракъ былъ ея основою, и брачный союзъ имѣлъ у этихъ древнихъ людей такое святое значеніе, что у нихъ вполнѣ господствовало единобрачіе. Свидѣтельствомъ тому служитъ, между прочимъ, опредѣлительность выраженій для обозначенія, во всѣхъ оттѣнкахъ, степеней родства, происходящихъ отъ брачнаго союза, опредѣлительность возможная только при постоянномъ и единомъ

ственны по происхожденію слова: платъ, откуда произошли *платокъ, плащъ, полотно* и т. д.), совпадаетъ съ индійскимъ пата-с, измѣненнымъ изъ древнѣйшаго парта-с, въ значеніи *тканой матеріи* вообще, а также *холста*, какъ и у славянъ.

[1]) Монисто есть собирательное (съ древнѣйшею формою окончаніе — *исто* вмѣсто болѣе обыкновеннаго — *ище*, *ище*), произведенное отъ слова, находимаго у древнихъ индусовъ: мани-с *жемчужина, драгоцѣнный камень*. Бисеръ тождественно съ древне-индійскимъ бâсура *блестящій* (отъ корня бâс, *блистать*); какъ существительное, бâсура-с, значитъ тамъ *кристалл*. Что блестящіе камни или металлы носились преимущественно въ видѣ ожерелья показываетъ, между прочимъ, значеніе, которое слово мани, монисто получило у славянъ (также латинское *monile*, ожерелье и т. д.); сравнимъ также славянскую гривьна (первоначальное значеніе—ожерелье, а потомъ монета, какъ носившаяся на шеѣ въ видѣ украшенія) съ древне-индійскимъ грûвâ, *шея* (славянск. *грива*).

[2]) Всѣ названія для дома и селенія восходятъ какъ у славянъ, такъ и у древнихъ европейскихъ народовъ, къ періоду предшествовавшему раздѣленію арійцевъ; при этомъ замѣчательно въ этихъ словахъ колебаніе между значеніемъ отдѣльнаго *дома* и *селенія* вообще, что, вѣроятно, можетъ быть принято за доказательство, что въ ту пору селеніе только-что успѣло развиться изъ дома. Такъ, славянск. вьсь (*весь*), *деревня*, совпадаетъ съ древне-индійскимъ вис и вêса-с *домъ;* тоже слово у древнихъ персовъ (зендское вû*с*) значитъ и *домъ* и *семья* и *село* и *община*; въ греческомъ (οἶκος) *домъ*, въ латинскомъ и готскомъ (*vicus*, *veihs*) — *деревня;* наконецъ, и у славянъ другая форма того же слова (*вьжа*) употреблялось въ смыслѣ отдѣльнаго жилья, съ разными спеціальными оттѣнками (у словенцовъ — вѣжа, *бесѣдка*, у поляковъ *башня*, въ древнемъ русскомъ языкѣ *шатеръ*). Возьмемъ другое слово: у древнихъ индусовъ срâма-с (вмѣсто первоначальной формы крâма-с) значитъ *шатеръ*, грâма-с — *жилое мѣсто, деревня, община:* это два видоизмѣненія одного и того же слóва, и съ ними тождественны у славянъ храмъ (собственно *домъ*, какъ видно изъ употребленія въ древнихъ памятникахъ церковнаго языка) и громада. Съ этимъ послѣднимъ ближе еще совпадаетъ древне-индійское грâматâ, производное изъ грâма, означающее совокупность нѣсколькихъ селеній. Это производное (громада), образовавшееся, очевидно, еще въ древнѣйшую эпоху, до раздѣленія арійскихъ племенъ, замѣнило у славянъ слово грâма и означало собственно *селеніе* и вмѣстѣ съ тѣмъ *общину жителей селенія*, и наконецъ также, въ переносномъ смыслѣ, *кучу* чего-нибудь: такъ и грâма у индусовъ въ сложныхъ словахъ получаетъ значеніе *кучи* или *толпы*.

[3]) Fick, Wörterbuch der indogermanischen Grundsprache. Vorwort v. Benfey.

бракѣ: *тесть* и *теща* [1]), *свекоръ* и *свекровь*, *зять* и *сноха*, *дьверь* и *золовка*, всѣ эти слова принадлежатъ еще времени первобытнаго арійскаго народа. Общество держалось на родовой связи [2]) и признавало своею цѣлію взаимную помощь [3]). Охраненіе общаго стада было, какъ видно, первою общественною потребностью, которая повела къ соединенію родовъ въ болѣе обширные союзы, *жупы* [4]). Власть принадлежала владыкѣ рода или дома, *господину* [5]); но какъ составлялись союзы родовъ, такъ во главѣ *господъ* являлся общій «охранитель», *жупанъ*. Еще до своего раздробленія арійцы начинали строить укрѣпленія и города, гдѣ родовая связь, конечно, должна была терять свою силу. Вмѣстѣ съ тѣмъ возвышалось, конечно, и значеніе человѣка, имѣвшаго власть надъ городомъ: онъ становился не родоначальникомъ только, или охранителемъ общаго стада, а прямымъ *правителемъ* народа [6]). Люди эти имѣли ясное понятіе о нравственномъ законѣ, о добрѣ и злѣ, о долгѣ и преступленіи. Они признавали

---

[1]) Слово это соотвѣтствуетъ древне-индійскому tâtja, *отеческій*; сочетаніе *ст*, замѣняющее простое *т* смягченное, совершенно въ духѣ славянской фонетики.

[2]) Сравнимъ, между прочимъ, слова: древне-индійское саbâ (сокращенное изъ са-бва, т. е. *со* и *бытіе*) значило вмѣстѣ и *комната, жилье* и *общество, общественное собраніе*. Первому матеріальному значенію соотвѣтствуетъ у славянъ сербское соба, комната, второму — славянское — семья, образовавшееся изъ себья, и германское sipja, sibja, *племя* (оба эти слова, семья и sipja совпадаютъ не прямо съ сабâ, а съ производнымъ сабja, *общественный*). Тутъ видно, какъ понятіе сожительства, выражающееся въ домѣ и семьѣ, примѣняется къ племени и обществу. Такихъ примѣровъ можно бы привести много.

[3]) Эта мысль первобытнаго арійскаго общества нигдѣ не выражается такъ ясно, какъ въ славянскомъ словѣ обьшть (общій), которое тождественно съ древне-индійскимъ абишти-с, (въ мужескомъ родѣ) *помощникъ*, (въ женск. родѣ) *помощь, пособіе, прибыль*. Абишти происходитъ отъ предлога аби (*при, подлѣ, объ*) и глагола ас-ми (*есмь*); хотя и та и другая составная часть слова общій существуютъ отдѣльно у славянъ, но очевидно, что изъ нихъ подобной формы они произвести не могли, и что слово абишти, общій существовало уже въ древнѣйшемъ языкѣ арійскаго племени.

[4]) Это доказывается происхожденіемъ слова жупа, означавшаго и отчасти означающаго и нынѣ у западныхъ и южныхъ славянъ опредѣленную совокупность селеній (каждое племя подраздѣлялось на нѣсколько жупъ). Жупа и жупанъ (*начальникъ жупы*) тождественны съ древне-индійскими: гôпа-с, гôпâ (отъ гô, *корова, рогатый скотъ вообще* и пâ *охранять*), собственно, *пастухъ коровъ*, а также *старшина, царь*, гôпâjâми, *оберегаю*, гôпана-м, гôпанâ, *охрана* и т. д.

[5]) Славянское господь, литовское вѣшпатс, тоже слова, сложившіяся въ первобытную эпоху: господь — соотвѣтствующее древне-индійскому джâспати-с, значитъ *владыка рода* (джâс родит. пад. слова джâ, родъ, пати, владыка); вѣшпатс (по литовски господинъ, Господь) совпадаетъ съ древне-индійскимъ виспати-с, *господинъ*, собственно *домовладыка*, древ. перс. вûспаитис, *начальникъ колѣна или общества*.

[6]) См. Fick, Indisch. Wört. подъ словомъ râgan.

высшее божество, которое означали словомъ: дѣвас, *свѣтлый* или *небесный*, придавая ему также названіе багас, т. е. податель благъ, и первымъ изъ этихъ выраженій означая свою внѣшнюю идею Бога, вторымъ—свое пбнятіе объ участіи его къ человѣку [1]).

Но чуждый отвлеченной и безплотной мысли о Богѣ, которою отличались издревле, какъ кажется, нѣкоторыя вѣтви поколѣнія семитовъ (евреи и отчасти арабы), народъ арійскій представлялъ себѣ божественныя существа въ явленіяхъ природы, въ солнцѣ и зарѣ, въ огнѣ и вѣтрѣ, въ свѣтломъ небѣ [2]) и *матери сырой земли* [3]).

---

[1]) Были и нѣкоторые другіе эпитеты, выражавшіе идею высшаго Бога, но эти два главные. Дѣва-с происходитъ отъ слова див (у древнихъ индусовъ и др.) *небо; бага-с* имѣетъ корень въ глаголѣ *бадж—распредѣлять, даровать, ущедрить*, и *бача-с* значитъ также *счастіе, благополучіе* (слав. небогъ, *несчастный*, убогъ, собственно *лишенный счастія*), багават *счастливый, богатый*.

[2]) Див—у древнихъ индусовъ какъ глаголъ (dîvjâmi) *сіять*, какъ существительное (имен. дјаус) *небо* вообще, и въ Ведахъ, *Небо* въ смыслѣ божества, Дјаушпитар, *небо — отецъ:* выраженіе встрѣчающееся въ Ведахъ. Къ общеизвѣстнымъ сравненіямъ съ греческимъ Ζεύς (=Дјаус), Διός (=Дивас), латинскимъ *Jupiter, Jovis* (=*Djupiter, Diovis*), германскимъ *Tiu, Ziu* и т. д., нужно, мы полагаемъ, прибавить еще слѣдующее: 1) Албанское зот, во множ. числѣ зотэре-тэ, Богъ, Господь (форма сокращенная изъ зопитер=Djaupitar). 2) У славянъ божество Дый, имя котораго мы читаемъ въ приводимой Востоковымъ (Словарь церковно-славянскаго языка. II, 49) выпискѣ изъ одного рукописнаго слова: «мняще бо́гы многы, пе́роуна и хо́рса, *дыя* и трояна». А въ другой рукописи (Григорія Назіанз. XI вѣка, см. Ученыя Записки, II, 2 стр. 79): овъ рѣкѫ богыни нарицаетъ и звѣрь живѫщь въ неи ꙗко бога нарицая трѣбѫ творіть. овь *дыю* жреть, а дроугыи *дивии*». Въ нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ памятникахъ, какъ и въ нынѣшнемъ текстѣ славянской библіи (Дѣян. Апост. XIV, 11, 13), Дій есть не что иное, какъ греческое слово (Ζεύς Διός, Δία); но, не смотря на совпаденіе этихъ именъ, мы должны признать въ вышеприведенномъ *Дыи* не греческаго Дія или Зевса, а божество дѣйствительно существовавшее въ миѳологіи славянъ и которое они, какъ и греки своего Дія, принесли съ собою изъ своей древней арійской родины, ибо невозможно предполагать, чтобы греческое, чуждое славянамъ, божество вдругъ попало въ исчисленіе языческихъ боговъ, въ суевѣрномъ поклоненіи которыхъ обличались славяне, рядомъ съ Перуномъ, Хорсомъ и Траяномъ. Первоначальная форма имени, въ именительномъ падежѣ Дјаус, въ родит. Дивас, у славянъ должна была обратиться въ Ды, родит. Диве и т. д.; но по необычности этого склоненія, оно, какъ и во многихъ подобныхъ случаяхъ, расширилось въ Дый, Дыя. Подлѣ Дыя была у славянъ и женская богиня неба, Диви, какъ видно изъ текста выписаннаго выше, и это еще болѣе подтверждаетъ, что и Дый не былъ заимствованъ у грековъ, ибо женскаго божества съ подобнымъ названіемъ нѣтъ во всей греческой миѳологіи. Соотвѣтствуетъ оно древне-индійскому дѣвû, какъ прилагательное *небесная* и какъ существительное *богиня*. 3) У литвы—*Дивирикис*, названіе божества, упоминаемое въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1252 и 1258 гг. («Миндогъ... жряше богомъ своимъ въ тайнѣ, первому Нѣнадѣеви и Телявели и *Дивериквзу*, Заеячему богу и Мѣидѣину»; «Литва тужаху и плеваху, по-свойски рекуще *янда*, взывающе богы своя, Андая и Дивирикса»). Дивирикисъ значитъ Дивъ —царь (*рикис*, въ древне-прусскомъ нарѣчіи, господинъ, господь, царь).

[3]) Что земля представлялась людямъ ихъ матерью, кормилицею, этого не нужно

Арійцы ихъ боготворили, окружая ихъ роемъ поэтическихъ наименованій и представленій, получавшихъ мало по малу видъ легендъ, жгли имъ жертвы [1]), дѣлали возліянія; но до своего разселенія еще не переступали грань между единобожіемъ и идолопоклонствомъ; еще не отдѣляли божествъ, которыя видѣли въ природѣ, отъ единаго высшаго Бога, не олицетворяли ихъ въ рѣзко очерченныхъ образахъ, не воздвигали имъ храмовъ и кумировъ. Они приближались къ миѳологіи, которая стала потомъ, въ формахъ болѣе или менѣе развитыхъ, религіею всѣхъ арійскихъ народовъ, но еще не были подъ ея заманчивою властію.

III.

Арійцы осѣдлые и кочевые.

Таково было въ главныхъ чертахъ, судя по признакамъ, почерпаемымъ изъ языка, состояніе арійскаго поколѣнія въ ту пору, когда оно стало выходить изъ древнихъ жилищъ своихъ въ Азіи и дробиться на отдѣльныя племена. Конечно, цѣлые вѣка, можетъ быть тысячелѣтія, должно оно было прожить, прежде чѣмъ достигло этой степени развитія общественнаго и умственнаго, прежде чѣмъ сдѣлалось такъ многочисленно и сильно, что могло занять лучшія страны азіатскаго и почти весь европейскій материкъ. Когда нибудь наука (въ томъ ручаются ея быстрые въ наше время успѣхи на этомъ полѣ) придвинетъ насъ еще ближе къ колыбели нашихъ предковъ и мы перешагнемъ за черту, на

поясняетъ (въ Ведахъ, древнѣйшихъ пѣснопѣніяхъ индусовъ: дjауш-питâ, мâтâ-прътивî, *небо-отецъ, мать-земля*); приведенное же нами выраженіе русскихъ народныхъ былинъ замѣчательно тѣмъ, что оно принадлежитъ древнѣйшей арійской эпохѣ, какъ видно изъ слова *сырая*, придаваемаго Матери-Землѣ. Очевидно, что тутъ не выражается сырость, влажность земли, это было бы слишкомъ прозаическій и мелкій признакъ для эпической фантазіи. *Сырая* земля, такъ она называлась еще тогда, когда у славянъ слово *сырой* (вмѣстѣ съ своимъ производнымъ *суровый*), тождественное съ древне-бактрійскимъ сûра, значило также какъ и сûра — *крѣпкій*. Въ этомъ смыслѣ и придавалась оно Матери-Землѣ какъ эпитетъ, одинаково у персовъ и у славянъ. Въ Зендавестѣ постоянно воспѣвается ардви сûра анâхита, кормилица *сырая* (т. е. крѣпкая, могучая), неоскверненная; это таже «мать сыра земля». Прибавимъ замѣчаніе, что тоже слово сûра, которое, какъ существительное, мы находимъ у древнихъ индусовъ въ смыслѣ богатырь, владыка, царь,—греч. κύριος—встрѣчается опять у славянъ и въ русскихъ же народныхъ былинахъ, также въ значеніи богатыря (суръ). Какъ признакъ первобытнаго взгляда на связь человѣка съ землею, любопытенъ переходъ понятій отъ древне-индійскаго прътивî, *земля* (вмѣсто прътви, т. е. *широкая*, отъ прилагат. пръту) къ славянскому плъть, *плоть, тѣло*.

[1]) Самое слово *жертва*, глаголъ *жрѣти*, означаютъ, что жертвы сожигались.

которой теперь останавливаются свѣдѣнія наши, за черту того времени, когда арійское поколѣніе, окончивъ свой ростъ въ древней азіятской родинѣ, уже готово было съ нею разстаться и начинало дробиться на части. Можетъ быть уяснится (о чемъ мы теперь смѣемъ лишь гадать), что холодная *арійская родина*, арјанам вѣджас, слово въ слово *арійское сѣменище* [1]), — гдѣ, по древнѣйшему преданію персовъ, было «пять мѣсяцевъ зимы и семь мѣсяцевъ лѣта», не могла быть мѣстомъ перваго развитія человѣка, голаго и безпомощнаго; что какъ арійское поколѣніе, раздѣлившись на части, породило многіе народы, сдѣлавшіеся совершенно различными по языку и характеру, такъ и оно прежде того само выдѣлилось изъ какого нибудь первоначальнаго центра, въ составѣ котораго предки арійцевъ жили вмѣстѣ съ предками семитовъ [2]) и чуди [3]), что «арійское сѣменище» въ средней Азіи было не первымъ, а уже вторымъ отечествомъ нашего племени. Но во всякомъ случаѣ, это вопросы, заходящіе за предѣлы предмета, о которомъ мы должны вести рѣчь. Въ исторіи, славянское племя есть только часть поколѣнія арійскаго; правда, по мѣрѣ того, какъ поколѣніе это болѣе и болѣе распространяло власть свою надъ землею, и исторія его принимаетъ значеніе исторіи всемірной; но мы увлек-

---

[1]) Въ Зендавестѣ аирјана ваѣджо (вмѣсто первоначальной формы арјанам вѣджас): ваѣджо тождественно по корню, и, по всей вѣроятности, по значенію, съ древне-индійскимъ вûджам, *сѣмя, начало*.

[2]) Семиты—поколѣніе, къ которому принадлежатъ евреи, арабы, ассиріяне, сирійцы, финикіяне и т. д.

[3]) Мы разумѣемъ здѣсь подъ именемъ чуди, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, всѣ народы обыкновенно обнимаемые названіемъ туранцевъ (см. Макса Мюллера и др.), т. е. всю массу болѣе или менѣе родственныхъ между собою племенъ финскихъ, турецкихъ, монгольскихъ, манджурскихъ, тибетскихъ, декканскихъ (первобытныхъ жителей Индіи), малайскихъ и т. д. Названіе туранцевъ дается имъ по тому предположенію, будто древніе кочевые жители Средней Азіи, которые въ Зендавестѣ означаются именемъ *Тӯра*, были люди тюркскаго племени; но мнѣніе это, основанное на созвучіи слова *тюркъ* съ *тӯра*, оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи совершенно невѣрно, ибо нѣтъ сомнѣнія, что имя Тӯра, какъ мы увидимъ ниже, въ древности означало у осѣдлыхъ персовъ ихъ сосѣдей-кочевниковъ, саковъ, массагетовъ, даховъ и др., т. е. племена чисто-арійскія. Потому надобно отказаться отъ употребленія имени туранцевъ, какъ названія для народовъ не арійскаго, а тюркскаго или финскаго поколѣнія. Славянское слово чудь болѣе отвѣчаетъ этому значенію, хотя и оно, какъ и всякое другое этнографическое названіе, какое бы ни придумали, не можетъ, конечно, обнять всей совокупности племенъ отъ Лапландіи до острововъ Индійскаго Архипелага; точнѣе ужъ было бы назвать племена эти сѣверо-восточнымъ поколѣніемъ. Впрочемъ, для нашего предмета имя чудь вполнѣ достаточно, потому что мы въ исторіи славянъ будемъ встрѣчаться почти только съ двумя вѣтвями этого поколѣнія, финскою и тюркскою, а къ нимъ прямо прилагается славянское прозвище: чудь.

лись бы здѣсь слишкомъ далеко, если бы стали разсматривать какъ самое происхожденіе арійскаго поколѣнія, такъ и отношенія его, какъ цѣлаго, къ другимъ отраслямъ человѣчества и къ предшествовавшимъ его развитію цивилизаціямъ египетской, китайской, вавилонской, семитической и т. д. Жизнь славянъ начинается съ того дня, когда арійское поколѣніе, переставъ составлять одно цѣлое, распалось и выдѣлило изъ своей среды вѣтвь славянскую.

Этому распаденію способствовала, какъ кажется, сама природа страны, гдѣ было «арійское сѣменище». Если справедливо,—какъ указываютъ, повидимому, всѣ признаки,—что коренная земля арійская, изъ которой это поколѣніе разошлось потомъ въ разныя стороны, находилась въ юго-восточной части Средней Азіи, по верхнему теченію рѣкъ Сыра и Аму-Дарьи, въ странѣ потомъ называвшейся Согдіей и Бактріей, и въ ближайшихъ къ ней краяхъ (т. е. тамъ, гдѣ теперь Коканъ, Бухара, Балхъ, Кундузъ, Бадакшанъ, часть Хорасана), то не все тамошнее населеніе могло перейти отъ пастушеской жизни вполнѣ къ осѣдлой, земледѣльческой. Многія семьи и общества должны были оставаться при пастушескомъ бытѣ: ибо въ странѣ этой перемѣшаны мѣста, превосходныя для земледѣлія, съ степными пространствами, годными только для скотоводства. Мы и замѣчаемъ въ остаткахъ первобытнаго языка арійскаго, возстановляемыхъ путемъ сравненія, сочетаніе понятій, свойственныхъ пастушескому народу, съ понятіями людей уже осѣвшихъ и принявшихся за земледѣліе. Для пастушескихъ обществъ тотъ край представлялъ широкій просторъ; было гдѣ разгуляться стадамъ по нижнему Аму-Дарьѣ и Сыру, да въ степяхъ Хорасанскихъ и нынѣшнихъ Киргизскихъ, которыя къ тому же не были въ старину такъ скудны водою и растительностью, какъ теперь. Вращаясь въ этихъ степныхъ пространствахъ, аріецъ все болѣе и болѣе отдавался привычкамъ кочевой жизни, между тѣмъ, какъ собратъ его въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, съ своей стороны, все болѣе и болѣе освоивался съ потребностями осѣдлаго быта. Такъ должно было возникнуть въ этомъ народѣ первое раздѣленіе, именно, между земледѣльцемъ и кочевникомъ, раздѣленіе, слѣды котораго восходятъ до глубочайшей древности. Оно-то и выражается въ первыхъ прозвищахъ нашего племени. Арjâс, т. е. *любезные, милостивые, почтенные*, слово, которымъ, какъ видно, обращались другъ къ другу члены первобытнаго общества арійскаго, сдѣлалось собственнымъ именемъ осѣдлаго, устроеннаго народа, и ему противополагалъ онъ имена Дâсâс, т. е. *бѣдняки* и Тӯрас, т. е. *быстро движущіеся*,

для означенія своихъ сосѣдей-кочевниковъ [1]). Пусть читатель замѣтитъ эти названія и первоначальныя понятія, съ ними связанныя: эти же понятія славяне принесли съ собою, какъ мы увидимъ, въ свое новое европейское отечество.

Эти кочевники, Дâсâс или Дасjавас, Тӯрâс, были, какъ сказано, вѣтви того же поколѣнія, какъ и осѣдлые арійцы. Это не были Варварâс или Млѣччâс, т. е. *невнятно говорящіе, иноязычники*, а люди той же арійской крови и языка, у которыхъ пастушеская жизнь, главная основа быта всего арійскаго народа, вмѣсто того, чтобы переходить къ осѣдлости и хлѣбопашеству, обратилась въ кочеванье. Но была бы крайная ошибка—этихъ арійскихъ кочевниковъ, которые сдѣлаются намъ извѣстны въ исторіи славянской подъ именемъ *скиѳовъ*, принимать за орды турецкаго, монгольскаго, или финскаго происхожденія, словомъ, за людей чуждыхъ по крови славянамъ и другимъ народамъ нашего племени [2]). Гораздо позднѣе, не ранѣе

---

[1]) Въ древне-индійскомъ языкѣ Дâса-с, а также Дасjу-с, — общее названіе варварскихъ народовъ въ противоположность Арьямъ, т. е. благоустроенному брахманическому обществу; корень этого слова, безъ сомнѣнія, въ глаголѣ дас, дасjâми, *терпѣть нужду*. У древнихъ персовъ мы находимъ тоже слово въ формѣ Дâха и Дâхи (въ языкѣ персовъ индійскому *с* всегда соотвѣтствуетъ звукъ *х*; но сохранялась и древняя форма съ звукомъ *с*, какъ видно изъ замѣтки Стефана Визант.: *Δάαι, Σκυθικὸν ἔθνος. εἰσὶ δὲ νομάδες. Λέγονται καὶ Δάσαι μετὰ τοῦ σ*»). Эти Дâха, Дâхи являются и въ Зендавестѣ и у Геродота (*Δάαι, Δάοι*) и другихъ греческихъ и римскихъ писателей, какъ кочевой народъ, жившій въ степяхъ на сѣверъ отъ Персіи. Еще при Геродотѣ они вмѣстѣ съ тремя другими кочевыми колѣнами признавались за часть персидскаго народа (Herod. I, 124). Тӯра было общимъ названіемъ степныхъ народовъ у древнихъ персовъ, какъ видно изъ Зендавесты. По преданію персидскому, Туръ, при первомъ раздѣленіи земли, получилъ страну при Аму-Дарьѣ. Тоже имя въ производной формѣ Турушка (т. е. Турскій) является у индусовъ, какъ названіе кочевниковъ, вторгавшихся съ сѣвера въ Индію (такъ называемыхъ индо-скиѳовъ) и въ позднѣйшія времена прилагалось также, кажется, и къ тюркскимъ племенамъ. Но, по своему происхожденію и первоначальному значенію, слово это не имѣетъ ничего общаго съ тюрками; корень его въ древне-индійскомъ глаголѣ тур, турâми, *бѣжать, набѣгать, спѣшить*; тура, *стремительный, крѣпкій*; тӯр (какъ прилаг.) *быстрый*, (какъ существит.) *быстрота*, славянск. турити (въ русскомъ: *вытурить, протурить*, област. *туровить*, торопить, *турять*, скоро бѣжать), и т. д.

[2]) Это одна изъ тѣхъ коренныхъ ошибокъ, которыя, какъ намъ кажется, всего болѣе искажаютъ пониманіе древнѣйшаго періода исторіи славянъ и вообще европейскаго востока, представляя въ ложномъ свѣтѣ всѣ тогдашнія отношенія народовъ въ этомъ краѣ. Стоитъ только прочитать со вниманіемъ у Арріана описаніе среднеазіятскихъ странъ при Александрѣ Македонскомъ и потомъ разсказъ Менандра о посольствѣ въ эти же края къ турецкому хану Дизабулу, въ VI в. по Р. Х., — чтобы убѣдиться, что въ этотъ промежутокъ времени господствующее племя, языкъ, общественный характеръ,—все тамъ измѣнилось. Объ арійскомъ характерѣ собственно европейскихъ скиѳовъ, какъ находившихся въ ближайшемъ соприкосновеніи съ славянами, скажемъ въ своемъ мѣстѣ съ большею подробностію. Доказывать же эту истину относи-

100-200 лѣтъ послѣ Рождества Христова, стали турецкія орды наплывать на равнины Сыра и Аму-Дарьи [1]) съ сѣверо-востока, и измѣнили весь характеръ края, до того времени чисто-арійскаго.

тельно скиѳовъ азіятскихъ (т. е. саковъ, массагетовъ, даховъ и ихъ многочисленныхъ подраздѣленій) было бы здѣсь излишне. Впрочемъ, чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только обратить вниманіе на названія этихъ азіятскихъ кочевниковъ, на собственныя имена ихъ вождей, рѣкъ и мѣстностей въ ихъ краѣ, наконецъ на тѣсную связь ихъ съ персами, отъ которыхъ отдѣляла ихъ очевидно не національность, а бытъ, и потомъ также религія, съ того времени, какъ у осѣдлыхъ персовъ утвердилось ученіе Зороастра. Стóитъ вспомнить, что въ составъ зерна персидскаго народа, на которомъ основалась монархія Кира, входили четыре колѣна кочевниковъ: *дахи*, прямо причисляемые къ скиѳамъ; *марды*, «воинственные бѣдняки», и «воры», какъ ихъ называютъ древніе писатели (Arrian, IV, 24. Curt. VI, 5. Steph. Byz. sub v. *Μάρδοι* и *Ἀμάρδοι*), жившіе въ прикаспійскихъ степяхъ (Страб. XI, 8); *дропики*, которые, если они тождественны съ *дербиками* у Страбона, кочевали въ тѣхъ же степяхъ, и *сагартіи*, обитавшіе въ степяхъ среди Персіи и также на полуостровѣ Каспійскаго моря, вѣроятно Мангишлакѣ (Step. Byz. *Σαγαστία*). Имя *даховъ* мы уже объяснили; *марды* имѣетъ корень въ древне-индійскомъ глаголѣ мард, мардâми, мардajâми и мръднâми, *давить*, *опустошать*, *мучить*, откуда санмардас *война, сраженіе* (съ этимъ послѣднимъ словомъ прямо связывается имя *Ἀμάρδοι*, гдѣ *с*, по обычаю персовъ и грековъ улетучилось въ придыханіе); имя *дербиковъ* замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ именемъ демона, котораго, по сказанію Веды, одолѣлъ благотворный богъ Индръ—Дръбúка-с (см. ниже о переходѣ названій кочевыхъ племенъ въ названіе чудовищъ у осѣдлыхъ арійцевъ); такъ что если это не случайное созвучіе, то мы имѣемъ здѣсь прямое указаніе, что до раздѣленія арійскаго поколѣнія было въ его средѣ кочевое, враждовавшее съ осѣдлыми жителями—общество *дербиковъ;* корень же этого слова—дарб, исчезнувшій у индусовъ и персовъ, сохранило намъ славянск. *дрѣбити* (въ древнемъ чешскомъ, а у лужичанъ дырбить), *быть должнымъ*; нѣмецк. (готск.) thaurban, *нуждаться*, tharbs, *нужный*, tharba, *нищій* и т. д., корень, отъ котораго произошло и древне-бактрійск. дриви, *нищенство*, дривика, *бѣдность*, такъ что *дербики* значило бы тоже, что дасы, *бѣдняки* (замѣчателенъ такой же переходъ понятій въ албанскомъ вâрфэрэ, *бѣдный, несчастный, сирый*, сравнительно съ древне-индійскимъ варвара-с, греческ. *βάρβαρος, варваръ*). Имя *сагартіевъ*, встрѣчающееся и въ надписяхъ Ахеменидовъ, очевидно также арійскаго происхожденія (сравн. Три-гарта, имя края и народа въ сѣверной Индіи), хотя трудно теперь опредѣлить его точное значеніе. Наконецъ, что азіятскіе скиѳы-кочевники видѣли въ осѣдлыхъ персахъ не иноплеменниковъ, а только людей другого образа жизни, ясно изъ свидѣтельства Плинія (VI, 17): Scythae (appellavere) Persas *Chorsacos* (по другому чтенію Chorsaros). Это имя *Chorsaci*, тождественное съ древне-индійскимъ каршака-с, или кръшака-с, значитъ просто: *земледѣльцы.*

[1]) Древнія арійскія имена Сыра были: *Раса, Танаисъ, Яксáртъ* и *Силисъ*. Что всѣ эти четыре имени обозначали одну и ту же рѣку, не подлежитъ никакому сомнѣнію, при сличеніи древнихъ памятниковъ; впрочемъ, и въ Европѣ многія рѣки, а особенно большія (напр. Дунай, Днѣпръ) носили разныя названія. *Раса* есть древне-индійск. расâ, волна и названіе миѳической рѣки, отдѣляющей страну благотворнаго Индра, т. е. осѣдлыхъ арійцевъ, отъ страны зловредныхъ, охраняющихъ какія-то сокровища, демоновъ т. е. кочевыхъ племенъ; въ Зендавестѣ имя это, съ обы-

Но понятно, что между осѣдлымъ арійцемъ и арійцемъ-кочевникомъ, когда онъ былъ его сосѣдомъ, разница быта порождала отчужденіе и вражду. Осѣдлый человѣкъ, хлѣбопашецъ не могъ дружелюбно смотрѣть на своего грубаго собрата кочевника, который, конечно, че разъ угонялъ его скотъ [1]) и уносилъ его имущество. Кочевой бытъ развивалъ въ степныхъ жителяхъ подвижность, духъ товарищества и воинственность, которые и давали кочевникамъ въ началѣ легкую побѣду надъ земледѣльческими населеніями, пока эти послѣднія не успѣвали объединиться для отпора. Въ устахъ отдѣльныхъ арійцевъ, имена Дâсâс и Тӯрас уже и по коренному своему значенію выражали нѣкоторое презрѣніе къ степнымъ кочевникамъ (*бѣдняки, бѣгуны*), но потомъ эти слова получили прямо смыслъ *врага* и даже *чудовища*, и съ ними стали соединяться понятія о какой-то сверхъестественной вражьей силѣ [2]). Между тѣмъ, сами кочевники при-

---

чнымъ переходомъ звуковъ въ форму Рaнха, обозначаетъ крайнюю къ сѣверу рѣку, извѣстную персамъ, т. е. очевидно Сыръ-Дарью, и принимаетъ у греческихъ писателей форму Ἀράξης, отчего и могло выходить смѣшеніе съ нашимъ закавказскимъ Араксомъ. Другое имя Сыра, *Танаисъ*, звучало, по всей вѣроятности *Дânавй* и такимъ образомъ происходило отъ древне-инд. слова *дâну-с*, песчаная отмель (это предполагаемое *данавй*, кажется, сохранилось въ нѣсколько искаженной формѣ въ древне-инд. *дуни*, какъ существит. *рѣка*, и какъ прилагат. *бушующій*). *Танаисъ*, какъ названіе Сыръ-Дарьи, является у Арріана въ описаніи походовъ Александра Македонскаго и отличается имъ весьма опредѣлительно отъ европейскаго Танаиса, т. е. Дона (III, 30); къ этому онъ прибавляетъ, что этотъ Танаисъ слылъ у мѣстныхъ варваровъ также подъ другимъ именемъ, *Яксарта*. Въ словѣ Яксартъ мы ясно узнаемъ вторую составную часть его, *сартъ*, тождественную съ древне-индійскимъ сарит, *рѣка*; скрывается ли въ первой его части ведическое jахва, великій, или другое слово, трудно рѣшить. Наконецъ, есть свѣдѣніе, что скины называли Танаисъ, какъ европейскій (т. е. Донъ, такъ и азіятскій (т. е. Сыръ-Дарью)—*Silis*. См. Plin VI, 16: Flumine Jaxarte, quod Scythae *Silim* vocant; VI, 7. Tanaim ipsum Scythae *Silim* vocant, Maeotim Temarundam. Сравни съ этимъ именемъ р. Silis (нын. Sile) въ краѣ древнихъ вендетовъ и р. Шиль въ Валахіи: очевидно, того же корня, какъ древне-индійск. сара-м, *вода*, ведич. сӣра, *рѣка* и т. д. Что́ касается до Аму-Дарьи, то мы знаемъ только одно имя его въ древности переданное греческими и римскими писателями, *Оксъ* (Ὦξος). Если имя это тождественно съ названіемъ другой рѣки въ Прикаспійскихъ степяхъ, Ὦχος, то оно безъ сомнѣнія по происхожденію совпадаетъ съ древне-индійскимъ ôта-с, *потокъ*.

[1]) Угонъ скота и его возвращеніе составляетъ содержаніе многихъ древнѣйшихъ арійскихъ миѳовъ, сохраненныхъ особенно ясно въ Ведахъ.

[2]) Древне-индійское дасjавас, «Völkerstämme, welche ausserhalb des brahmanischen Staatsverbandes stehen, sie mögen arische oder barbarische Sprache reden», и *зловредныя чудовища;* дâса-с, *варваръ* и *чудовище* (значитъ также *рабъ*, по прямому ли производству отъ корня дас, *нуждаться, бѣдствовать*, или потому, что враждебные осѣдлымъ арійцамъ дасы обращались ими въ рабство). Затѣмъ уже отъ имени Дâса или Дасjу, превратившагося въ названіе чудовища, произошли: дасма-с *чудесный*, дасра-с, *чудотворный*, дâнсаси, дâнсама-н, *чудо*. Въ древне-бактрійскомъ въ такой же связи съ именемъ кочевыхъ даховъ — дахâка, *губительный* и тоже Дахâка —

давали себѣ названіе *араміи*, т. е. *товарищи* [1]); другія ихъ названія, общія или принадлежавшія отдѣльнымъ вѣтвямъ, выражали ту же мысль товарищества или могущества: абіи, т. е. *товарищи*, сколоты, т. е. *сродичи*, саки — *сильные*, массагеты — *великородные*, сарматы (если настоящая форма этого имени была, какъ мы полагаемъ, сармавантас) — *счастливые* [2]), таковы имена, которыми себя величали эти кочевые арійцы.

IV.

Выселеніе арійскихъ племенъ.

Мы сказали, что кочевымъ арійцамъ былъ широкій просторъ внутри и кругомъ древней родины нашего племени въ средней Азіи, но что для осѣдлой жизни, для земледѣлія тамъ было не такъ много мѣста. Сама природа мало-по-малу уменьшала тамъ пространство плодородной почвы, занося постепенно поля пескомъ и истощая орошавшія ихъ воды [3]).

какъ названіе змѣя, властвовавшаго надъ землею (*Зогакъ* позднѣйшихъ сказаній); тȗра является и тамъ какъ названіе кочевого народа и въ значеніи врага вообще.

[1]) Древне-индійское арјамја, арјаман, *товарищъ*.

[2]) Имя *абіи* тождественно съ древне-индійскимъ сабја-с, *членъ общества или схода*, а также *вѣрный* (кому можно довѣриться). Что въ этомъ названіи, переданномъ греками, обратилось въ придыханіе и улетучилось начальное *с* (по особому закону греческаго, а также персидскаго языка), доказывается тѣмъ, что греки писали это имя также габіи (*Γάβιοι*, Steph. Byzant. sub v. *Αβιοι*); у Плинія Gabii VI, 7; сколоты, имя, которымъ себя называли скиѳы въ Европѣ, по свидѣтельству Геродота (IV, 6), мы признаемъ несомнѣнно за искаженное греческимъ произношеніемъ слово сакулата, какъ подтверждаетъ славянское сакулатинъ; это сакулата есть сложное изъ частицы сасо̀ и кула-м, въ древне-индійскомъ *родъ, община, товарищество* (отсюда и имя царя родоначальника царственныхъ скиѳовъ у Геродота — *Κολαξάϊς*, т. е. кулакшајас, родовладыка). *Саки* имя одной вѣтви азіятскихъ скиѳовъ, сдѣлавшееся потомъ общимъ названіемъ этихъ кочевниковъ у персовъ и, кажется, также у индусовъ (Сакâс), имѣетъ корнемъ глаголъ сак, сакно̂ми и сакјо̂ми (въ Ведахъ), *быть сильнымъ, быть въ силахъ*, откуда сакти-с, *сила*, сакван, *могущественный* и т. д. *Массагеты* представляетъ сложеніе изъ мах или маха (древне-инд.), маз (древне-персид.) *великій*, и гâта (древне-инд.), *рожденный* или *родъ*. Имя *сарматовъ* или *сауроматовъ* мы отожествляемъ съ древне-индійскимъ сармават, во множеств. сармавантас, *счастливый*, по догадкѣ, которая намъ кажется вѣроятнѣе всѣхъ другихъ этимологій этого имени и, согласуясь съ характеромъ другихъ названій, какія себѣ придавали эти племена, вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ объяснить всѣ разнообразныя видоизмѣненія этого имени: *Σαυρομάται*, *Σαρμάται*, Syrmatae, *Χαρμάται* (Steph. Byz.), Sermende, Serimunt и т. д.

[3]) Это явленіе несомнѣнно доказывается сличеніемъ извѣстій древности о земляхъ бассейновъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи съ нынѣшнимъ ихъ положеніемъ. Постепенное

Переселеніе становилось необходимостью для бо̀льшей части земледѣльческихъ семей. По соображеніямъ, конечно еще весьма гадательнымъ, нача̀ло его относятъ къ періоду около 3000 лѣтъ до Рожд. Христова [1]). Происходило ли оно исподволь, или же этихъ людей охватило вдругъ какое-то всеобщее движеніе, произведенное голодомъ или напоромъ кочевыхъ колѣнъ на земледѣльческія, рѣшить нельзя, хотя послѣднее мнѣніе казалось бы вѣроятнѣе: оно имѣло бы за себя примѣръ того движенія, которое, бывъ произведено нашествіемъ турецкихъ и уральскихъ ордъ на среднюю Азію и приволжскія степи во II и III вѣкѣ послѣ Р. Х., распространилось затѣмъ на всѣ народы восточной и средней Европы и повлекло за собою паденіе римской имперіи; а чѣмъ древнѣе время, тѣмъ подобное внезапное и всеобщее передвиженіе людей было легче. Но, разумѣется, предполагая даже, что и тогда арійскимъ поколѣніемъ овладѣлъ такой внезапный и общій порывъ къ переселенію, мы должны думать, что прошли цѣлыя сотни лѣтъ, пока они всѣ, одни за другими, успѣли подняться и ушли изъ своей родины.

Самый ходъ этого переселенія или разселенія нашего племени мы можемъ, впрочемъ, представить себѣ довольно ясно. Ему были три дороги: на югъ въ долину Инда и оттуда въ Индійскій полуостровъ, на западъ въ Персію и южнымъ берегомъ Каспійскаго и Чернаго морей въ Малую Азію и южную Европу; на сѣверъ и западъ по Аму-Дарьѣ, которая встарину текла главнымъ русломъ въ Каспійское море, или по Сыру и сѣвернымъ берегомъ морей Каспійскаго и Чернаго въ восточную, среднюю и западную Европу.

Нѣтъ сомнѣнія, что куда ни приходили арійскіе переселенцы, обладаніе новыми землями не доставалось имъ даромъ. Вездѣ уже были люди, и этихъ туземцевъ нужно было отодвинуть или покорить. Спускаясь въ Индію, арійцы встрѣчали чернокожихъ и курчавыхъ варвара̀с, потомки которыхъ до сихъ поръ составляютъ тамъ низшія касты. Въ Иранѣ (Персіи) и западной

оскудѣніе этого края, которое можно прослѣдить въ исторіи, есть, безспорно, лишь продолженіе физическаго процесса, начавшагося со временъ неизмѣримо древнѣйшихъ. Когда мы примемъ во вниманіе постепенную физическую перемѣну этой страны, когда, судя по тому, сравнительно съ нынѣшнимъ, цвѣтущему виду, въ которомъ она находилась еще при Александрѣ Македонскомъ, мы постараемся представить себѣ, до какой степени земля эта могла быть плодородна за двѣ или три тысячи лѣтъ передъ тѣмъ, то намъ разъяснится противорѣчіе между выводомъ науки, указывающей на среднюю Азію, какъ на вѣроятнѣйшую родину арійскаго поколѣнія, и теперешнею скудостью тѣхъ краевъ.

[1]) См. Pictet, Les origines Indo-Européennes, II, 729 и слѣд.

Азіи приходилось частью имѣть дѣло съ такими же чернокожими [1]), частью размежеваться съ племенами семитовъ, которые въ своемъ средоточіи на верхнемъ и среднемъ Евфратѣ и Тигрѣ преграждали арійцамъ ближайшіе пути къ Средиземному морю[2]). Въ Греціи нужно было покорить дикихъ пещерниковъ; въ западной Европѣ вытѣснить жившія тамъ племена, отъ которыхъ уцѣлѣли и нынѣ баски; наконецъ, на востокѣ Европы, справиться съ огромнымъ чудскимъ народомъ, разбросанные обломки котораго еще остаются среди насъ въ племенахъ эстовъ, финновъ, лопарей, самоѣдовъ, зырянъ, корелы, мордвы, черемисовъ, вотяковъ и т. д.

Гимны Ведъ, древнѣйшій памятникъ арійской рѣчи, даютъ понятіе о томъ, какъ совершалось переселеніе одной изъ вѣтвей арійскихъ, индусовъ. Въ нихъ мы застаемъ этихъ арjа̂с, какъ они себя называли, на пути изъ Средней Азіи къ собственной нынѣ такъ называемой Индіи, которую послѣ тяжелой, длившейся цѣлыя столѣтія, борьбы съ туземцами имъ удалось покорить. Ведя съ собою женъ своихъ и дѣтей, окруженные стадами коровъ, своимъ главнымъ богатствомъ, подвигались они мало по малу на югъ и востокъ по «Семи рѣкамъ», составлявшимъ долину Инда, преддверіе ихъ будущаго отечества. Призывая пѣснями и ублажая жертвами и со́момъ, — выжимаемымъ съ обрядами и опьяняющимъ сокомъ священнаго растенія, боговъ своихъ покровителей,

---

[1]) Съ кушитами, первобытными обитателями Месопотаміи и страны, прилегающей къ Персидскому заливу (см. между прочимъ Rawlinson, Ancient Monarchies, I).

[2]) Явное указаніе на нашествіе арійцевъ, оттѣснившихъ племя семитическое съ сѣвера (отъ Арарата) къ югу и юго-западу, мы находимъ и въ книгѣ Бытія (IX, 27), гдѣ Ной проситъ Бога распространить Яфета и вселить его въ шатры Сима (Яфетъ какъ видно изъ родословной народовъ въ той же книгѣ, былъ предкомъ, т. е. представителемъ народовъ арійскихъ). Историческое значеніе этихъ словъ выказывается особенно ярко, если прочесть ихъ въ связи съ цѣлою рѣчью Ноя, въ которую они вставлены. Праотецъ человѣчества, проснувшись отъ опьянѣнія, благословляетъ своего первенца Сима и второго сына Яфета, за ихъ стыдливое вниманіе къ отцу, — и вдругъ тутъ же пророчитъ Симу, что младшій братъ—его изгонитъ изъ шатровъ его. По всей вѣроятности и самое выселеніе евреевъ на западъ Азіи, гдѣ они силою завоевали себѣ новыя жилища, слѣдуетъ связать съ нашествіемъ арійцевъ на страны около Арарата. Впослѣдствіи, когда удержавшіеся за цѣпью Загра и на среднемъ Евфратѣ семиты соединились въ сильное государство (монархія ассирійская, начало которой относятъ къ XIII вѣку до Р. Х.), они перешли къ наступленію. Надписи ассирійскія наполнены извѣстіями о побѣдоносныхъ походахъ ассирійскихъ царей на раздробленныя еще арійскія колѣна, жившія къ сѣверу и западу отъ ассирійскаго царства. Греческіе авторы не только подтверждаютъ это свидѣтельство, но приписываютъ ассирійцамъ даже завоеваніе Бактріи и разрушеніе (около 1200 г.) перваго возникшаго здѣсь между арійцами государства. Конецъ преобладанію семитовъ надъ арійскими народами Ирана положило великое нашествіе скиѳовъ въ VII вѣкѣ до Р. Х. и образованіе государственнаго единства у мидянъ.

громовержца Индра, Агни (огонь), хранителя домашняго очага и другихъ, шли они на битву съ туземцами, которые представлялись имъ какими-то зловредными существами, врагами божества, и въ новыхъ своихъ владѣніяхъ дробились на отдѣльныя колѣна и княжества, между которыми не разъ лилась кровь въ усобицахъ. Вѣроятно такъ было, болѣе или менѣе, и вездѣ: только въ благодатной и уже густо населенной Индіи сопротивленіе туземцевъ было особенно сильно. Арійцы не могли ни прогнать ни истребить ихъ, а поработивъ, обратили ихъ въ низшее, отверженное, исключенное даже изъ религіознаго общенія, сословіе. Но если въ другихъ странахъ и особенно на сѣверѣ, рѣдкія и слабыя населенія туземцевъ не оказывали арійцамъ такого сопротивленія и могли уходить передъ ними (какъ мы знаемъ, что чудскія племена уходили передъ славянами, литовцами и скандинавами), — ва то, какая тутъ предстояла водворяющемуся земледѣльцу борьба съ холоднымъ или слишкомъ сырымъ климатомъ, съ скудною почвою, съ непроницаемымъ лѣсомъ или безвыходнымъ болотомъ [1]). Покорить природу пришедшимъ въ Европу арійцамъ едвали было легче, чѣмъ арійцамъ въ Индіи поработить толпы чернокожихъ «варваровъ».

V.

Племена кельтское, италійское, греческое, оракійское.

Сколько можно догадываться по отношеніямъ между языками разныхъ вѣтвей арійскаго корня и по ихъ положенію, первые выдѣлились изъ древняго «сѣменища арійскаго» и двинулись на западъ **кельты** [2]) и **латинцы**, которыхъ правильнѣе бы было называть, какъ племя, **италійцами**. Можетъ быть, кельты и италійцы, по выходѣ изъ арійскаго единства, нѣкоторое время оставались вмѣстѣ, какъ одинъ народъ, и только потомъ пошли врозь, кельты по сѣверному берегу Чернаго моря, италійцы — вѣроятно черезъ Малую Азію и югомъ Дуная въ полуостровъ, по которому мы ихъ называемъ [3]).

---

[1]) Не говоря о нашемъ сѣверѣ, вспомнимъ, что столь цвѣтущія нынѣ страны, какъ Англія, Франція, Германія, во время около Р. Хр., изобиловали еще дремучими лѣсами, огромными топями и пустырями.

[2]) Подъ именемъ кельтовъ мы разумѣемъ древнихъ галловъ и белговъ въ Галліи, кимровъ и логровъ (британновъ) въ Британіи, гаэловъ въ Ирландіи и Шотландіи. Изъ ихъ потомковъ сохранили кельтскій языкъ только галійцы и бретонцы (нарѣчіе кимрское), ирландцы и горные шотландцы (нарѣчіе гаэльское).

[3]) Имя италійцевъ, здѣсь употребляемое, не должно обнимать всей древней Ита-

За ними шли греки и ѳракійцы. Нѣтъ сомнѣнія, что эти два племени составляли одно цѣлое довольно долго и раздѣлились въ эпоху уже близкую къ началу европейской исторіи [1]). Изъ грековъ небольшая часть осталась на западномъ берегу Малой Азіи; другіе заняли острова между азіятскимъ материкомъ и Европою; бо́льшая же часть греческаго поколѣнія водворилась въ Европѣ, — въ Ѳессаліи, въ собственной Элладѣ и Пелопоннезѣ. Сосѣди ихъ эпироты и одноплеменные съ эпиротами македонцы [2]), т. е. жители древней коренной Македоніи, составлявшей только южную часть страны, нынѣ называемой этимъ именемъ, — не смотря на близкое соотношеніе къ грекамъ и заимствованіе эллинскаго образованія, не принадлежали къ греческому племени, а къ ѳракійскому. Предки нынѣшнихъ албанцевъ-тосковъ — составляли юго-западную вѣтвь ѳракійскаго племени [3]); непосредственно примыкали къ нимъ съ сѣвера

ліи, а только среднюю и югозападную часть ея, населенную многочисленными, близкородственными другъ другу племенами латиновъ, сабелловъ, опиковъ или осковъ, умбровъ и т. д. Сѣверная и сѣверо-западная часть Италіи была, какъ извѣстно, населена лигурами и этрусками, которыхъ арійское происхожденіе еще сомнительно; восточная часть—племенами япиговъ, которые, по всей вѣроятности, были вѣтвью иллирскаго народа, переселившеюся съ восточнаго берега Адріатическаго моря на противоположный берегъ Италіи.

[1]) На это указываютъ, между прочимъ, миѳы эллиновъ объ ихъ старинѣ, неразрывно связанныя съ Ѳракіей, сказанія, въ которыхъ предки эллиновъ именуются пелазгами, между тѣмъ какъ въ историческое время названіе пелазговъ дается племенамъ, которыхъ эллины считали «варварами» и которые безспорно принадлежали къ ѳракійскому поколѣнію и т. д.

[2]) Страбонъ VII, 8.

[3]) Мы знаемъ, что нынѣ болѣе распространено еще мнѣніе, по которому эпироты и македонцы причисляются къ грекамъ. Въ пользу его приводятся особенно слова Ливія (XXXI, 29), которыя онъ влагаетъ въ уста одному македонцу: «Aetolos, Acarnanas, Macedonas, *eiusdem linguae homines*, leves ad tempus ortæ causæ distiungunt coniunguntque; cum alienigenis, cum barbaris aeternum omnibus Græcis bellum est eritque». Но римскій писатель могъ приписать эти слова македонскимъ посламъ на этольскомъ сходѣ не потому, чтобы онъ признавалъ коренное этнографическое сродство македонцевъ съ греками, а на томъ основаніи, что они, усвоивъ себѣ со временъ Филиппа и Александра греческій языкъ и греческую образованность, дѣйствительно стали составною частію эллинскаго міра. Въ пользу же признанія македонцевъ и эпиротовъ отдѣльнымъ племенемъ, предками нынѣшнихъ албанцевъ-тосковъ, говорятъ доводы, какъ намъ кажется, несравненно болѣе убѣдительные. У греческихъ писателей мы находимъ нѣсколько разъ выраженіе, что языкъ эпиротовъ и македонцевъ «варварскій», т. е. не-греческій. Александръ Великій, хотя и самъ говорилъ обыкновенно по-гречески, а на македонскомъ языкѣ выражался только въ минуты раздраженія (Plut. in Alex. LXX), обратился къ Филотѣ, сыну своего знаменитаго сподвижника, Парменіона, обвиняемаго въ измѣнѣ, съ укоризною, что онъ пренебрегалъ своимъ роднымъ языкомъ, а при этомъ нашелся одинъ изъ старыхъ служилыхъ македонскаго войска, «неотесанный» ветеранъ (rudis, vetus miles), который къ обвиненію

иллиры. Иллиры въ собственномъ смыслѣ — это предки нынѣшнихъ албанцевъ-геговъ, и жили они, подраздѣляясь на много колѣнъ, въ тѣхъ же приблизительно границахъ, какъ нынѣшняя сѣверная Албанія или «Гегарія», со включеніемъ Черногоріи (древней Лабеатіи) и окружающихъ ее мѣстъ [1]). — Кромѣ того, къ иллирской же вѣтви ѳракійскаго племени принадлежали: долматы, либурны и истры, занимавшіе прибрежье Адріатическаго моря отъ Черногоріи до Истрійскаго полуострова, дарданы, въ части нынѣшней Сербіи, и панноны въ нынѣшней Босніи и Кроаціи.

прибавилъ, что онъ, Филота, «насмѣхался надъ людьми необразованными (т. е. изъ македонцевъ), обзывая ихъ *фригами* и *пафлагонами*, и не краснѣлъ онъ, македонецъ по рожденію, объясняться съ людьми своего языка черезъ переводчика» (Curt. VI, 11: ludibrio ei fuisse rusticos homines, Phrygasque et Paphlagonas appellatos: qui non eruberesceret, Macedo natus, homines linguæ suæ per interpretem audire). Все это, очевидно, было бы немыслимо, если бы языкъ македонцевъ былъ не болѣе, какъ нарѣчіемъ греческаго. Особенно заслуживаетъ вниманія, что Филота, выражая презрѣніе къ языку македонцевъ, давалъ «необразованнымъ» своимъ соотечественникамъ, его употреблявшимъ, прозвище фриговъ и пафлагоновъ. Эта насмѣшка получаетъ смыслъ только при томъ предположеніи, что македонцы принадлежали къ ѳракійскому поколѣнію. Такъ какъ фриги и пафлагоны были безспорно племенами ѳракійскими, то ихъ нарѣчіе было, въ такомъ случаѣ, дѣйствительно похоже на языкъ македонскій; а между тѣмъ сопоставленіе съ этими племенами было особенно обидно для македонскаго воина, презиравшаго этихъ фриговъ и пафлагоновъ, какъ прежнихъ данниковъ персидскаго государства, которое онъ разгромилъ.—Въ книгѣ Гана, *Albanesische Studien*, читатель найдетъ сравненія мѣстныхъ именъ и нѣкоторыхъ другихъ словъ, подтверждающія родство нынѣшнихъ албанцевъ, и особенно южной ихъ вѣтви, съ древними эпиротами и македонцами. Не смотря на разныя ошибки, сравненія эти представляютъ совокупность данныхъ весьма убѣдительную. Прибавимъ еще одно сближеніе: *молоссы*, названіе извѣстнаго въ древности горнаго эпиротскаго племени, есть, по нашему мнѣнію, не что иное, какъ нынѣшнее албанское *маллесіа*, что̀ значитъ «горный край» вообще, а также «сельскій народъ» въ противоположность горожанамъ (Албанія такъ гориста, что тамъ городу естественно противополагается не поле, а гора); сюда же относится и *Маллезіа*, албанское названіе Черногоріи: корень *малл*—гора. Нельзя наконецъ не принять во вниманіе, что нынѣшніе албанцы-тоски занимаютъ именно край древнихъ эпиротовъ и отчасти македонцевъ, тогда какъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда, чтобы они сюда когда-либо переселились или завоевали эту страну.

[1]) Имя *иллировъ* употреблялось древними греческими и римскими писателями, какъ и имя ѳраковъ, иногда въ смыслѣ болѣе тѣсномъ, иногда въ обширнѣйшемъ. Плиній и Помпоній Мела называютъ «иллирами въ собственномъ смыслѣ (Plin. III, 22: proprie dicti Illyrii. Mela II, 3: proprie Illyrii) жителей края около Скутарскаго озера (т. е. Лабеатіи) и отличаютъ отъ нихъ, какъ особыя вѣтви того же племени, партиновъ, дассаретовъ, энхеліевъ, таулантіевъ и пр.; между тѣмъ какъ Страбонъ и другіе считаютъ всѣ эти племена какъ бы только колѣнами народа иллировъ въ собственномъ смыслѣ. Что̀ касается до приведенныхъ нами лабеатовъ, то Ганъ въ вышеприведенной книгѣ удачно сближаетъ ихъ съ нынѣшнимъ албанскимъ *ляпе* или *ляби*, во множеств. *лябере-тэ*, названіемъ одного изъ албанскихъ племенъ, занимающаго Акронеранскія горы и пространство отъ р. Віусы до Аргирокастра.

Между иллирами, занимавшими западный уголъ Балканскаго полуострова и населеніемъ его восточной части, которому собственно присвоено названіе **ѳракійской вѣтви**, было самое близкое родство, такъ что римляне, будучи, по сосѣдству илліровъ съ Италіей, болѣе привычны къ ихъ имени, распространяли его далеко на востокъ, на народы чисто ѳракійскіе, тогда какъ греки, имѣвшіе сношенія особенно съ ѳракійцами и занявшіе своими колоніями лучшія у нихъ прибрежныя мѣста, столь же склонны были расширять имя ѳракійцевъ на края иллирскіе [1]). Преимущественно же назывался **ѳраками** (ѳракійцами) народъ населявшій нынѣшнюю Румелію и сѣверную Македонію: страну эту онъ именовалъ **Аріей**. Ѳраки дѣлились на множество колѣнъ, между которыми мы приводимъ только, какъ важнѣйшія, **одризовъ** на востокъ, и **пеоновъ** и **бриговъ** на западъ отъ р. Стримона (Струмы) и около Лихнидскаго (Охридскаго) озера. Затѣмъ, на сѣверъ отъ Балканскаго хребта, поселились народы той же ѳракійской вѣтви: **трибаллы** въ нынѣшней Сербіи, **мизы** въ части нынѣшней Болгаріи, **геты** или **даки**, жившіе сначала тоже въ нынѣшней Болгаріи, а потомъ перешедшіе на сѣверную сторону Дуная.

Этимъ еще не кончается рядъ ѳракійскихъ народовъ. Значительная часть ѳракійскаго племени осталась въ Малой Азіи, отдѣляясь отъ своихъ европейскихъ собратій Дарданеллами (Геллеспонтомъ), Мраморнымъ моремъ (Пропонтидой) и Босфоромъ. Одно и тоже колѣно ѳракійцевъ, **тины**, владѣло обоими берегами Босфора, европейскимъ и азіятскимъ. Малую Азію ѳракійское племя занимало на востокъ до р. Галиса (Кизиль-Ирмакъ) и до границъ населенной семитическимъ поколѣніемъ Киликіи. Мы уже назвали одинъ изъ ѳракійскихъ народовъ въ Малой Азіи, тиновъ. Другіе народы азіятской вѣтви ѳракійцевъ были: **битины**, **дарданы** (къ которымъ принадлежали знаме-

---

[1]) Такъ, даже истры въ нынѣшней Истріи, крайнее къ западу племя иллирское, причисляются къ ѳракійцамъ у Скимна Хіосскаго: «Венетамъ сосѣди ѳракійцы, называемые истрами»; противъ нихъ лежатъ два острова и т. д. (*Ἐνετῶν ἔχονται Θρᾷκες Ἴστροι λεγόμενοι*). Конечно, близкому родству иллировъ съ ѳракійцами, отсутствію между ними какой-либо ясно обозначавшейся племенной разницы, слѣдуетъ приписать столь частое смѣшеніе этихъ двухъ названій, на которое теперь обыкновенно жалуются изслѣдователи древности, приписывая его невѣжеству греческихъ и римскихъ историковъ и географовъ: какъ бы ни были смутны и невѣжественны ихъ представленія о народахъ отдаленныхъ, жившихъ внѣ греческаго и римскаго міра, невозможно предполагать недостатка свѣдѣній или неопредѣлительности понятій, когда дѣло шло о ближайшихъ сосѣдяхъ грековъ и римлянъ, съ которыми они постоянно имѣли столкновенія, среди которыхъ находились ихъ колоніи, ихъ войска и т. д.

нитые троянцы); мизы; лиды или меоны, кары, ликіи или трамелы [1]), фриги, пафлагоны и пр. Читатель видитъ тутъ, даже по именамъ многихъ изъ этихъ народовъ, раздробившіяся части одного и того же племени въ Европѣ и Азіи. Меоны азіятскіе даже древнему писателю греческому казались тождественными съ европейскими меонами; трибаллы въ Европѣ и трамелы въ Азіи; тамъ бриги около Охридскаго озера, гдѣ особый край назывался Пелагоніей, — здѣсь фриги и пафлагоны; мизы и дарданы около горы Иды, и мизы и дарданы въ нынѣшней Болгаріи и Сербіи. Намъ особенно необходимо сохранить въ виду племенное сродство всѣхъ народовъ, занявшихъ въ древности края отъ сѣверныхъ предѣловъ греческаго племени до Дуная и отъ Адріатическаго моря до Галиса въ Малой Азіи, потому что сродство это еще слишкомъ мало признано и доселѣ часто дѣлаются ложныя попытки причислить тотъ или другой народъ ѳракійскаго племени, и особенно важнѣйшій изъ нихъ по историческому значенію, гетовъ, то къ славянамъ, то къ нѣмцамъ; что̀ только затемняетъ и запутываетъ древнюю исторію какъ нѣмцевъ, такъ и славянъ [2]).

Уже замѣчено выше, что потомки эпиротской и иллирійской вѣтвей ѳракійскаго племени суть нынѣшніе албанцы южные (тоски) и сѣверные (геги). Такіе же потомки ѳракійцевъ, но усвоившіе себѣ римскій языкъ и съ нимъ принявшіе внѣшніе признаки латинской (или такъ называемой романской) народности,—это валахи (румыны), которыхъ мы находимъ въ трехъ мѣстахъ ѳракійскаго края: во-первыхъ, въ Валахіи, Молдавіи, части Бессарабіи и Трансильваніи, тамъ, гдѣ поселились, какъ мы увидимъ, древніе геты и даки, затѣмъ въ Македоніи и наконецъ въ Истріи [3]). Чтобы затѣмъ

---

[1]) Ликійцы, предки которыхъ, по преданію, приплыли въ Азію изъ Крита (что̀ указываетъ скорѣе на переселеніе мало-азіятскихъ выходцевъ на Критъ, гдѣ мы дѣйствительно находимъ несомнѣнные признаки ѳракійскаго, мало-азіятскаго племени) сами называли себя первоначально, по словамъ Геродота (I, 173) *термилами*, и остались извѣстными подъ этимъ именемъ у сосѣдей. У Стеф. Византійскаго мы читаемъ *Τρεμιγη* какъ названіе Ликіи, *Τρεμιγεῖς* — ея жителей. Настоящая форма этого имени была, какъ видно по ликійскимъ надписямъ, *трамелэ*. До сихъ поръ въ древней Ликіи недалеко отъ озера Гёль-Хиссаръ, находится деревня *Тремилей* (см. примѣчаніе къ Раулинсонову переводу Геродота I, 309). Имя это, какъ названіе трибалловъ, лучше всего объясняется изъ албанскаго *трим*, храбрый; во множеств. *тримать*, вооруженные люди, составляющіе свиту знатнаго человѣка, чиновника, *тримеріа*, храбрость, геройскій подвигъ и т. д.

[2]) См. объ этомъ ниже, въ приложеніи А, особую статью о сродствѣ древнихъ гетовъ и даковъ съ ѳракійцами.

[3]) Объ этихъ, столь замѣчательныхъ для этнографіи, румынахъ или валахахъ въ Истріи сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія г. Миклошичемъ, въ его разсужденіи: Die sla-

уяснить отношеніе между албанцами и валахами, нужно вспомнить примѣръ Франціи и ея жителей — французовъ, и пріютившихся въ дикомъ и неприступномъ сѣверозападномъ углу страны бретонцевъ; и тѣ и другіе прямые потомки кельтовъ; но только бретонцы сохранили кельтскій языкъ, а французы промѣняли его на римскій и пристали къ семьѣ италійскихъ или такъ называемыхъ романскихъ народовъ.

VI.

Племя иранское и кавказская его вѣтвь.

Изъ племенъ арійскаго поколѣнія, двинувшихся подобно италійцамъ, грекамъ и оракійцамъ на западъ, менѣе всѣхъ удалилось отъ средне-азіятской родины своей племя персидское или иранское [1]). Послѣ выхода другихъ арійцевъ, въ обладаніи восточныхъ вѣтвей иранскаго племени, бактровъ, согдовъ и др., осталась самая страна, гдѣ было зерно нашего поколѣнія, такъ называемое «сѣменище арійское.» Здѣсь, въ сѣверовосточной части земли иранской, возникло первое, сколько мы знаемъ, государство арійскаго племени, такъ называемое бактрійское царство, процвѣтавшее, какъ полагаютъ, въ 1400 — 1200 годахъ до Р. Хр. [2]) Здѣсь же, въ Бактріи, по всей вѣроятности, про-

---

vischen Elemente im Rumunischen, стр. 55—69. Въ настоящее время, окруженные со всѣхъ сторонъ славянскимъ населеніемъ, они, какъ видно изъ этихъ свѣдѣній, постепенно исчезаютъ въ хорватской народности и остается ихъ не болѣе 6000 душъ. Языкъ ихъ сосѣдніе славяне называютъ *цирибирскимъ* (не тоже ли это названіе, что наше *тарабарскій*?). Этотъ небольшой остатокъ истрійскихъ валаховъ составляетъ, по нашему мнѣнію, неопровержимое доказательство племеннаго единства многочисленныхъ народовъ, населявшихъ въ древности Балканскій полуостровъ на сѣверъ отъ Греціи и которые мы обнимаемъ именемъ оракійцевъ. Валахи Истріи живутъ въ томъ краѣ издавна; переселеніе ихъ туда съ нижняго Дуная немыслимо. Между тѣмъ языкъ ихъ тотъ же почти, что языкъ румынскій, отличаясь отъ него лишь діалектическими оттѣнками. Про языкъ румынскій мы можемъ сказать положительно, что это есть рѣчь латинская, привитая къ мѣстному корню гетскому, т. е. оракійскому. Если латинская прививка произвела такой же самый языкъ въ Истріи, то не свидѣтельствуетъ ли это, что тамъ мѣстный корень, т. е. языкъ туземцевъ, принявшихъ римскую національность, былъ тотъ самый, что и въ земляхъ нижняго Дуная? Такъ подтверждаются слова географа Скимна, писавшаго (около 90-го г. до Р. Хр.), что сосѣди жившихъ въ Италіи венетовъ — *Оракійцы, называемые Истрами* (*Θρᾷκες Ἴστροι λεγόμενοι*).

[1]) Слово *Иранъ*, какъ извѣстно, есть видоизмѣненіе первоначальнаго *Аравна*, т. е. земля Арійская.

[2]) См. объ этомъ: Duncker, Geschichte der Arier, стр. 472 и слѣд.

изошелъ и великій религіозный переворотъ, обозначаемый именемъ Зороастра, переворотъ, который замѣнилъ первобытное арійское поклоненіе божествамъ природы болѣе отвлеченнымъ представленіемъ о божествѣ и ученіемъ о борьбѣ добраго начала съ началомъ зла.

Изъ другихъ иранскихъ вѣтвей, подвинувшихся далѣе къ западу и югозападу, особенно извѣстны двѣ: мидяне и персы (Мада и Парса); о прочихъ народахъ и колѣнахъ, входившихъ въ составъ этого племени, мы распространяться не будемъ.

Особая вѣтвь арійская, которая весьма вѣроятно выдѣлилась изъ племени иранскаго, заняла восточную часть Малой Азіи, Арменію и Прикавказскія земли, словомъ пространство, лежавшее между поселеніями ѳракійцевъ въ Азіи и собственнымъ Ираномъ. Вѣтвь эту слѣдовало бы, мы полагаемъ, назвать *Кавказскою*.

Главнымъ изъ составлявшихъ ее народовъ были въ древности, какъ и въ наше время, армяне, и къ ней же, по всей вѣроятности, принадлежали древніе жители Каппадокіи и Понта въ Малой Азіи, а также, можетъ быть, Колхиды (что̀ нынѣ Гурія и Имеретія), Иверіи (Грузія) и Албаніи (часть Дагестана). Что̀ вѣтвь кавказскихъ арійцевъ была всего ближе къ персамъ, но существенно отъ нихъ отдѣлялась, доказываетъ языкъ армянскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ кавказскихъ арійцахъ замѣчаютъ много сходнаго съ ѳракійцами, такъ что они вѣроятно не только по положенію, но и по дѣйствительному сродству занимали какъ бы средину между ѳракійскимъ племенемъ и персами.

Кавказская вѣтвь, какъ кажется, не ограничивалась однимъ Закавказьемъ, но нѣкоторыя ея колѣна разселились и на сѣверъ отъ Кавказа, по Черноморскому берегу, какъ то: синды у Гипаниса (Кубани), меоты на восточной и тавры на сѣверозападной сторонѣ Азовскаго моря и въ Крыму. Но надобно сказать, что изо всѣхъ арійскихъ племенъ, эта кавказская вѣтвь, не смотря на важность ея, особенно въ нашей исторіи, наименѣе изслѣдована, и родство народовъ, которые мы здѣсь обнимаемъ этимъ именемъ, пока только гадательное. Дѣло тутъ усложняется еще и тѣмъ, что арійскіе переселенцы, подвигаясь на западъ, загнали къ Кавказскимъ горамъ первобытныхъ жителей сосѣднихъ странъ, такъ что около Кавказа мѣста арійскихъ поселеній перемѣшались съ участками, которые удержали за собою туземцы. Такимъ образомъ, мы находимъ тамъ и въ отдаленнѣйшей древности, какъ и нынѣ, въ небольшихъ горныхъ краяхъ, лазовъ (въ нын. Лазистанѣ), абазговъ (Абхазы), сановъ

(Сванеты), зиговъ (джигеты), абзе [1]) (обезы въ старинныхъ русскихъ памятникахъ, нынѣ абадзехи), аеркетовъ, къ которымъ прилагается и имя ахеевъ (черкесы, они же адиге) [2]), псесіевъ (гдѣ рѣка Пшишъ), утовъ (уды, удины), леговъ (лезгины) и мн. др. Зная, по нынѣшнимъ нарѣчіямъ этихъ племенъ, что въ нихъ нѣтъ вовсе ничего арійскаго и видя, въ какихъ неприступныхъ убѣжищахъ они жили и живутъ, мы съ полною достовѣрностью считаемъ ихъ потомками уступившихъ передъ арійцами въ горы туземныхъ поколѣній. Но относительно многихъ другихъ древнихъ народовъ Кавказскаго края остается подъ сомнѣніемъ, принадлежали ли они къ арійцамъ, или къ не-арійскимъ туземцамъ.

VII.

Племена германское, литовское и славянское. — Близкое сходство литовцевъ и славянъ. — Литовцы и славяне, послѣдніе переселенцы въ Европу.

Окончивъ обозрѣніе тѣхъ племенъ арійскихъ, которыхъ путь лежалъ на западъ отъ ихъ древней родины, мы должны возвратиться къ сѣверному пути арійскаго переселенія. Тутъ первые двинулись упомянутые уже нами кельты, самые ранніе, по всей вѣроятности, изъ арійскихъ переселенцевъ въ Европу. Что̀ кельты такъ рано пришли въ Европу, видно, между прочимъ, и изъ того, ка̀къ широко они въ ней первоначально расположились. Весь западъ Европы принадлежалъ кельтамъ [3]), а между тѣмъ часть ихъ племени Киммеріи, оставалась на берегахъ Чернаго моря, и только въ 650—600 годахъ до Р. Хр., уступая напору позднѣйшихъ переселенцевъ, рѣшились удалиться на западъ.

За кельтами шло племя германское и заняло средину европейскаго материка, отъ Дуная до морей Нѣмецкаго и Балтій-

---

[1]) У Плинія, VI, 13: *Abze*, по другимъ спискамъ *Abzoae*; онъ прибавляетъ, что этотъ народъ носилъ много названій.

[2]) Сличеніе извѣстій древнихъ писателей показываетъ, что *керкеты* и *ахеи* были, по всей вѣроятности, одинъ и тотъ же народъ. Жилища ихъ совершенно совпадаютъ съ мѣстностью, гдѣ до послѣдняго времени находились *черкесы*, они же *адиге*. Не слѣдуетъ ли предположить, что имя *керкеты*, *черкесы* было названіемъ, даннымъ арійцами этому народу, настоящее имя котораго, *адиге*, греки передѣлали на свой ладъ въ *ахеевъ*? Имя *керкеты*, *черкесы* замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ древне-индійскимъ словомъ каркаса, *жесткій*; былъ и какой-то народъ, котораго индусы называли Каркота.

[3]) Кромѣ части Испаніи, гдѣ жило племя, называемое Геродотомъ кенетами, см. Герод. II, 33, IV, 49.

скаго и Скандинавскій полуостровъ. Оно, уже гораздо позднѣе своего выхода изъ общей арійской семьи, раздѣлилось на двѣ вѣтви, нѣмецкую и скандинавскую.

За германскимъ племенемъ перешли, наконецъ, въ Европу восточнѣйшія изъ арійскихъ племенъ, племена литовское и славянское.

Литовское племя съ первыхъ поръ, какъ становится оно извѣстнымъ, жило тамъ же, гдѣ живетъ и теперь, т. е. на восточномъ и отчасти южномъ побережьи Балтійскаго моря. Имя, которымъ сѣверная вѣтвь литовцевъ, латыши, называютъ своихъ сосѣдей чудскаго поколѣнія эстовъ — игауни, что̀ значитъ *покоренные*, свидѣтельствуетъ о завоеваніи прибывшими въ прибалтійскій край литовцами туземныхъ финновъ.

Славянское племя, которое, какъ будетъ нами показано впослѣдствіи, распространилось отъ Днѣпра до сѣверо-восточнаго угла Италіи и южнаго берега Балтійскаго моря, представляетъ въ языкѣ своемъ такъ много общаго и сходнаго съ племенемъ литовскимъ, что между ними существовало несомнѣнно ближайшее родство. Вѣроятно, что когда славяне и литва вышли изъ общей родины арійскаго поколѣнія, они составляли одинъ народъ, который потомъ раздѣлился на двое. Впрочемъ, раздѣленіе это произошло во время столь отдаленное, что уже въ первыхъ историческихъ свѣдѣніяхъ о прибалтійскомъ краѣ, какія только до насъ могли дойти, можно различить литовское племя отъ славянскаго. Изъ двухъ этихъ языковъ, литовскій имѣетъ видъ гораздо болѣе старинный, чѣмъ славянскій. Уединенность и замкнутость литовскаго племени, которое, забившись въ дремучіе лѣса и болота Нѣманскаго и Двинскаго края, вело жизнь менѣе дѣятельную, чѣмъ славяне, и менѣе могло развиваться, были причиною неподвижности и въ языкѣ: ничто такъ не разрушаетъ древнихъ формъ и склада рѣчи, такъ не наполняетъ ее новизною, какъ дѣятельность историческая и сопряженныя съ нею тревоги и потрясенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ литовскій языкъ, такъ и славянскій, особенно близки къ языку древнихъ индусовъ (впослѣдствіи названному санкритскимъ). Языкъ индусовъ извѣстенъ намъ по гимнамъ Веды, сложеннымъ за 1500 (иные полагаютъ и за 1800) лѣтъ до Р. Хр.; языкъ славянскій дошелъ до насъ только въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ около 1000 лѣтъ тому назадъ, а первый памятникъ литовской рѣчи — лютеранскій катихизисъ, напечатанный въ 1545 году [1]). Предста-

[1]) Катихизисъ этотъ принадлежитъ нарѣчію пруссовъ, литовской вѣтви, нынѣ уже вымершей.

вимъ же себѣ, сколько въ продолженіе 2500—3000 лѣтъ славяне и литовцы должны были въ своемъ языкѣ забыть стараго, вынесеннаго ими изъ арійской родины, и заимствовать или составить у себя новаго: понятно, почему у нихъ исчезли почти безъ слѣда первобытные образы и миѳы арійской поэзіи (тому же способствовало и христіанство), и почему сгладились у нихъ тонкіе и сложные оттѣнки, которые древніе арійцы умѣли выражать особенными формами своихъ глаголовъ и своимъ словосочиненіемъ, тогда какъ въ этихъ тонкихъ чертахъ слова и его поэтическихъ образахъ замѣчается еще такъ много сходнаго въ гимнахъ Веды и ближайшихъ къ нимъ по времени происхожденія памятникахъ арійской рѣчи, Зендавестѣ у иранцевъ и «былинахъ» древней Греціи. Но если мы отбросимъ тонкости грамматическихъ формъ и словосочиненія и откинемъ все то, что связано съ миѳическими представленіями и преданіями, а возьмемъ голый составъ языка въ его звукахъ и словахъ, то рѣчь славянская и литовская окажется значительно ближе къ древней индійской, чѣмъ даже языкъ Иліады. У иранцевъ и грековъ, у ѳракійцевъ (если судить по нынѣшнему языку албанскому), у кельтовъ и италійцевъ, а всего болѣе у германцевъ, послѣ выхода ихъ изъ арійскаго единства, весь составъ языка подвергся перевороту болѣе или менѣе обширному, чрезъ общее во всѣхъ словахъ проведенное измѣненіе тѣхъ, либо другихъ звуковъ, какъ-то: у иранцевъ чрезъ выключеніе коренного звука *с* и замѣну его разными придыханіями [1]); у грековъ, чрезъ выключеніе звуковъ *в*, *й* (j) и почти вездѣ того же *с* [2]); у латинцевъ, чрезъ образованіе звука *ф*, замѣняющаго всѣ вообще древніе арійскіе придыхательные звуки [3]); у германцевъ черезъ такъ называемый перебой (замѣтный и теперь въ рѣчи нѣмцевъ, когда они произносятъ иностранныя слова), заставившій ихъ передѣлать вездѣ древне-арійскія: *к* въ *х*, *г* въ *к*, *д* въ *т*, *б* въ *п*, *п* въ *ф* и т. д. [4]). Мы привели только немногіе примѣры и не можемъ исчислять здѣсь всѣхъ

---

[1]) Напр. ахми, хенти, вмѣсто асми, санти — *есмь, суть*; кханхар, вмѣсто свасар, *сестра*.

[2]) Напр. ἅγιος *святой* — древне-инд. јаджјас, *досточтимый*, ἡδύς — свадус, *сладкій*, ἅτοες — сатјас, *сущій, настоящій*, νέος — навас, *новый*.

[3]) Напр. fervere, быть жаркимъ — корень гар въ древне-инд. гарма-с, *жаръ*, слав. горѣть, жаръ; fumus — *дѵмас, дымъ*, frater — брâтар, *братъ*.

[4]) Напр. готскія: taihun, вмѣсто первоначальнаго арійскаго дакан, древне-индійск. дасан *десять*; kaurs — древне-инд. гурус, *тяжелый* (русск. *гиря*); braids; прътус, *широкій*; faths, *господинъ* — патисъ; tvai — *два*, двâ, *два* и т. д.

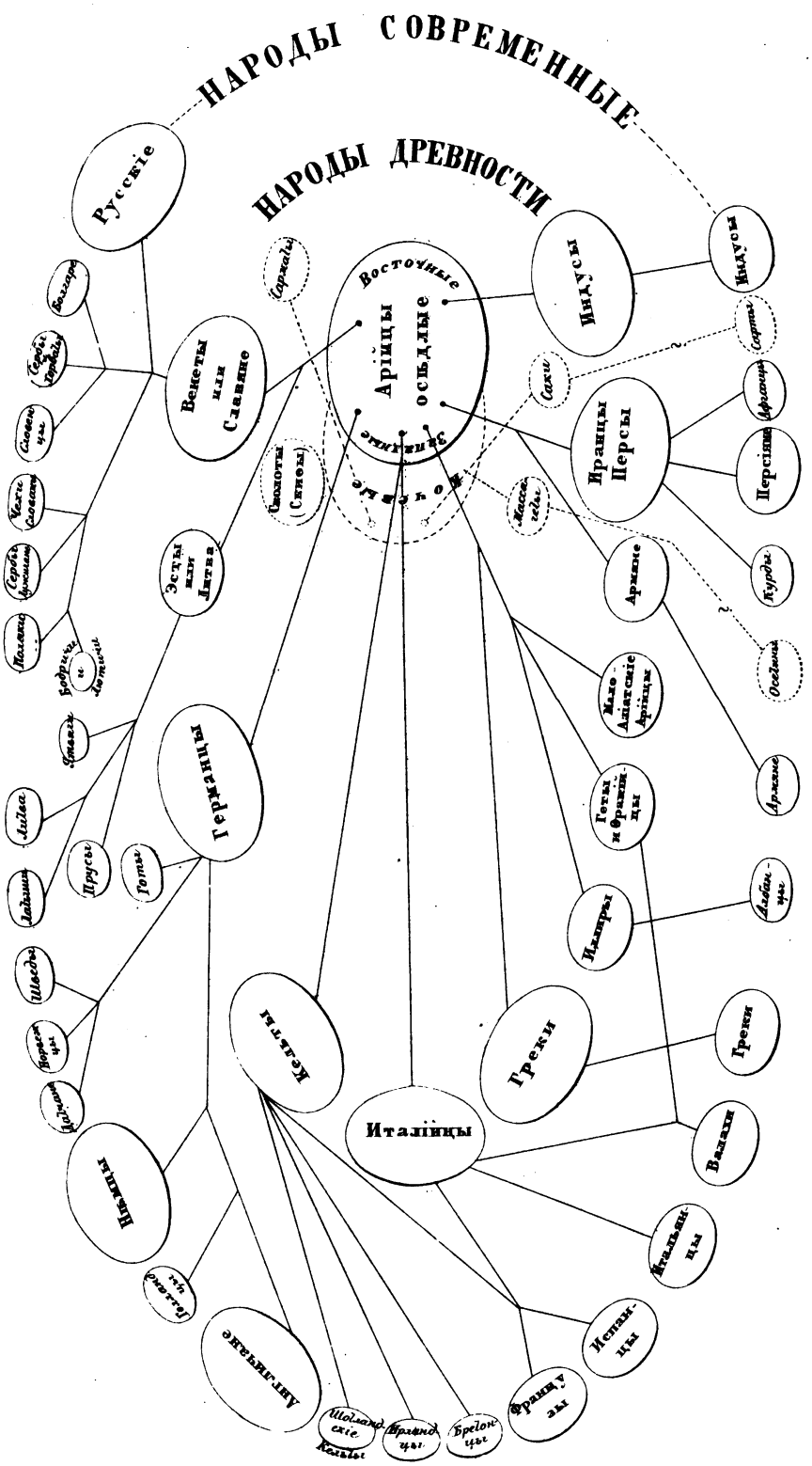
даже важнѣйшихъ случаевъ этого рода; но читатель пойметъ, какой переворотъ происходилъ въ языкѣ, когда хотя бы одинъ коренной звукъ подвергался послѣдовательному во всѣхъ словахъ измѣненію или изгнанію.

Ничего подобнаго у славянъ и литовцевъ не было. Тѣ измѣненія, какія произошли въ ихъ языкѣ, не имѣютъ ничего похожаго на какой либо *переворотъ* въ его составѣ; они были только *упрощеніемъ* выговора, не мѣнявшимъ внѣшнихъ видовъ: а именно славяне и литовцы отбросили придыханія при другихъ согласныхъ, сгладили различіе между гласными протяжными и краткими, да сократили грамматическія окончанія (хотя, впрочемъ, склоненіе славянское и литовское гораздо полнѣе и первобытнѣе, чѣмъ у грековъ временъ Гомера, не говоря уже о прочихъ арійскихъ языкахъ въ Европѣ). Другія перемѣны въ славянскихъ и литовскихъ словахъ противъ коренныхъ арійскихъ, имѣютъ характеръ случайныхъ неправильностей, отъ смѣшенія ли сходныхъ звуковъ, или по простой прихоти выговора, — неправильностей, отъ которыхъ ни одинъ языкъ не могъ оставаться свободнымъ. Если же у литовцевъ и славянъ существуютъ и такія особенности звуковъ, которыя составляютъ отличительныя свойства ихъ языка и отчасти получили у нихъ правильное и постоянное примѣненіе, какъ-то замѣна коренныхъ *г*, *к*, *с*, второобразными звуками *ж*, *ч*, *ш*; переходъ кореннаго *к* въ *с;* произношеніе звуковъ *р* и *л* (какъ у многихъ славянскихъ народовъ) безъ всякой гласной, вмѣсто кореннаго *ар*, *ал*, — то именно эти самыя особенности являются въ языкѣ древнихъ индусовъ и отчасти иранцевъ, будучи между тѣмъ совершенно чужды всѣмъ прочимъ арійскимъ отраслямъ въ Европѣ. Вотъ несомнѣнное свидѣтельство, что предки кельтовъ, латинцевъ, грековъ, германцевъ отдѣлились отъ арійскаго корня раньше литовцевъ и славянъ [1]), въ такое время, когда въ арійскомъ языкѣ не было этихъ новыхъ звуковъ *ж*, *ч*, *ш*, безгласнаго *р* и т. д., между тѣмъ, какъ звуки эти успѣли возникнуть, пока предки литовцевъ и славянъ оставались съ предками индусовъ и иранцевъ въ древней азіятской родинѣ.

Прилагаемый чертежъ покажетъ наглядно положеніе арійскихъ народовъ въ древности и главныхъ изъ ихъ нынѣшнихъ отраслей въ отношеніи къ племени славянскому.

---

[1]) О ближайшемъ родствѣ языка славянскаго съ древне-индійскимъ см. особое приложеніе, въ которомъ разобрана противоположная этому мнѣнію теорія г. Шлейхера объ отношеніи языковъ славянскаго и литовскаго къ германскому (приложеніе Б).



Лит. Н. Бресе, СПб. 10 л. Мещанской ул. д. И. 8.

VIII.

Признаки эпохи переселенія славянъ и литовцевъ въ Европу.

Извѣстно, какое важное значеніе для развитія человѣчества имѣло употребленіе металловъ; совершенно достовѣрно, что древнѣйшіе извѣстные металлы были золото, серебро и мѣдь. Этими тремя металлами обладали арійцы, какъ замѣчено выше, когда они еще составляли одно племя въ Азіи, но желѣза они не умѣли обработывать. Золото, серебро и мѣдь принесли съ собою въ Европу южные и западные арійцы (т. е. греки, ѳракійцы, италійцы, кельты и германцы); по названіямъ желѣза въ ихъ языкахъ можно судить, что этого металла они еще не знали при своемъ отдѣленіи отъ общаго корня. Напротивъ того, когда обособились и вышли въ Европу славяне и литовцы, желѣзо имъ было извѣстно. Имя желѣзо, по-литовски гележис, по-латышски дзелзе, вполнѣ тождественное съ древне-индійскимъ *сила̂джам*, принадлежитъ къ числу тѣхъ словъ, которыя несомнѣнно принесены славянами и литовцами изъ азіятской родины. У литовцевъ и славянъ оно не имѣетъ уже корня, тогда какъ въ азіятской формѣ *сила̂джам* оно значитъ просто: *рожденное изъ камня или изъ скалы* [1]). Такимъ образомъ можно признать почти несомнѣннымъ, что арійскія племена южной и западной Европы пришли въ нашу часть свѣта еще въ такъ называемый бронзовый вѣкъ, т. е. до открытія желѣза; литовцы же и славяне отдѣлились отъ азіятскаго корня и переселились въ Европу уже во время употребленія желѣза [2]).

---

[1]) *Сила̂* — камень, скала, джа — приставка, образовавшаяся изъ корня джам, рождать. Г. Пикте сближаетъ слово желѣзо съ другимъ однозначащимъ названіемъ гириджам (собственно, рожденное изъ горы). Мы отдаемъ предпочтеніе первой этимологіи; хотя въ ней славянское *ж*, литовское *ž* неправильно заступаетъ древне-индійское *с*, но буква *ѣ* въ словѣ желѣзо вѣрнѣе соотвѣтствуетъ долгому а̂ въ сила̂джам, чѣмъ краткому *и* въ гириджам, а малорусская форма зализо указываетъ, какъ кажется, на то, что *ж* въ этомъ словѣ не коренное. Впрочемъ, если и принять этимологію г. Пикте, сущность дѣла остается таже.

[2]) Древнее русское названіе стали, харалугъ, совпадаетъ, очевидно, также съ древне-индійскимъ ка̂ралоха-м (сложное изъ ка̂ра отличный, лучшій, существо, эссенція, и лоха-с, лоха-м, руда); но остается сомнительнымъ, принадлежало ли слово *харалугъ*, мало распространенное у славянъ и рано ими забытое, къ числу коренныхъ выраженій, наслѣдованныхъ ими отъ арійскихъ предковъ, или случайно занесено къ нимъ съ востока торговыми сношеніями. Во всякомъ случаѣ, при явномъ тождествѣ названій стали древне-индійскаго и славянскаго, нельзя производить нашего слова *харалугъ*, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, отъ тюркскаго *каралок*. Скорѣе кочевые тюрки

Отъ признака вещественнаго обратимся къ указанію изъ міра идей нравственныхъ. Мы уже упомянули о томъ религіозномъ переворотѣ, который оторвалъ племя иранское или персидское отъ первобытной вѣры арійцевъ и замѣнилъ въ немъ простодушное обожаніе явленій природы нравственнымъ понятіемъ о божествѣ и представленіемъ о борьбѣ добра и зла. Этотъ переворотъ произошелъ, по признакамъ несомнѣннымъ, сперва въ сѣверо-восточномъ Иранѣ, въ Бактріи и окрестныхъ краяхъ, т. е. въ самомъ центрѣ первобытнаго племени арійскаго, и потомъ распространился и на другія части Ирана. Онъ обозначался тѣмъ, что боги, которымъ поклонялось издревле арійское племя, какъ олицетвореннымъ силамъ свѣтлой и благотворной природы, признаны были за темныя существа, исполнявшія волю злого духа [2]), и стали почитаться божества новыя, отвлеченныя: верховный богъ, котораго именовали господомъ премудрымъ (ахуро-маздâо) или святымъ духомъ (спенто-майнjус) и окружающіе его безсмертные святые (амешâ спентâ). Самое названіе бога вообще, господствовавшее у первобытныхъ арійцевъ, названіе, выражавшее ихъ внѣшнее представленіе о божествѣ, дêвас, т. е. *небесный*, *свѣтлый*, подверглось дѣйствію реформы. Оно стало означать чорта (даэва). Какъ общее наименованіе бога установилось другое слово, которое въ первоначальномъ языкѣ арійцевъ составляло, какъ кажется, только одинъ изъ эпитетовъ божества, понимаемаго уже болѣе отвлеченно, въ смыслѣ покровителя, подателя благъ: слово багас, богъ [2]).

Когда отдѣлились отъ арійскаго корня племена, занявшія югъ и западъ Европы, и предки индусовъ оставили свои древнія жилища на сѣверѣ, объ этомъ великомъ религіозномъ переворотѣ не было помину. Основа ихъ миѳологій общая, первобытная. Названіе бога одно и тоже слово дêвас въ разныхъ звуковыхъ видоизмѣненіяхъ. Литовское племя въ этомъ отношеніи сходится съ арійцами западно-европейскими [3]); но племени славянскаго, очевидно, коснулся до нѣкоторой степени религіозный пе-

---

могли заимствовать названіе стали отъ осѣдлыхъ и болѣе образованныхъ индусовъ, либо славянъ, чѣмъ обратно.

[1]) Ангро-майнjус. Главный богъ древнихъ индусовъ, Индрас, сдѣлался въ Зендавестѣ главнымъ изъ служителей злого духа (см. Justi, подъ словомъ: Indra). Исчисленіе другихъ древнихъ боговъ, подвергшихся такому же перевороту въ представленіи иранцевъ, см. у того же Justi подъ словомъ daêva, и Duncker, Gesch. d. Arier., 499 и слѣд.

[2]) Въ Зендавестѣ бага, въ древне-персидскихъ надписяхъ бага. Сюда же очевидно относится и слово βαγαῖος, названіе высшаго бога Юпитера у фригійцевъ.

[3]) Богъ по-литовски дѣвас, по латышски дѣвс, въ древне-прусскомъ катихизисѣ deiwas, deiws.

переворотъ, совершившійся въ Бактріи. Они принесли съ собою въ Европу то названіе бога, которое сдѣлалось господствующимъ въ странахъ, охваченныхъ реформою Зороастра, а первоначальное арійское имя бога стало означать у славянъ злое существо. Такимъ является *дивъ* въ Словѣ о полку Игоревѣ, таковы *дивы* (злые великаны) въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ [1]), и что это было общее и коренное у славянъ понятіе о *дивѣ*, о томъ свидѣтельствуетъ произведенное отъ него слово *дивій*, *дивокій*, наше *дикій*.

Когда предки литовцевъ и славянъ вмѣстѣ двинулись изъ арійской своей родины, религіозный переворотъ, отпечатлѣвшійся въ переходѣ названія божества въ имя злого духа, не былъ еще, конечно, завершенъ. Славяне не пришли въ Европу исповѣдниками той оконченной, систематической религіи дуализма, которая водворилась въ Бактріи и записана въ священныхъ книгахъ персовъ. Переворотъ этотъ, — повторимъ наше выраженіе, только коснулся славянъ. Сѣверныя вѣтви, отдѣлившіяся потомъ отъ славянъ и образовавшія особое литовское племя, вовсе, какъ видно, ему не подверглись и остались при первобытной религіозной основѣ. Но племя славянское уже испытало начинавшійся въ Азіи переворотъ. Вполнѣ оно, конечно, не успѣло имъ пропитаться. Не смотря на новыя понятія, высказавшіяся въ значеніи зловѣщаго *дива*, славяне продолжали приносить жертвы тождественнымъ съ нимъ по происхожденію *Дыю* и *Дивьи*, небесному богу и богинѣ первобытныхъ арійцевъ. Однако, старинная основа арійской миѳологіи была уже глубоко потрясена; мы найдемъ у славянъ лишь обломки ея; а жизнь у нихъ имѣла то новое религіозное созерцаніе, зерно котораго, лежавшее уже въ словахъ *богъ* и *дивъ*, они принесли съ собою изъ сосѣдства съ родиной вѣры Зороастровой. Изо всѣхъ арійскихъ племенъ въ Европѣ, одни славяне въ развитіи религіозной мысли дошли до противопоставленія Чернобога и Бѣлбога, до той самой теоріи, которая выработалась въ Бактріи.

Итакъ, сводя все нами сказанное, мы должны предположить такой ходъ переселенія земледѣльческихъ племенъ арійскихъ, переселенія, съ котораго и начинается исторія славянъ, какъ и всѣхъ ихъ соплеменниковъ. Первые переселенцы въ Европу были кельты и италійцы; за ними, западнымъ путемъ, пошли греки съ ѳракійцами, сѣвернымъ путемъ племя германское. Вышли всѣ они искать новыхъ жилищъ еще въ вѣкъ мѣдныхъ орудій и первобытныхъ вѣрованій въ олицетворяемую природу. Послѣ выхода

[1]) Вукъ, II, № 8.

ихъ, остальные арійцы, раздвигаясь въ Азіи, вѣроятно тутъ сперва распались на три группы еще другъ другу не чуждыхъ колѣнъ: западную (племя иранское съ кавказскимъ), юго-восточную (индусы) и сѣверо-восточную (племя литовско-славянское). Окончательное ихъ обособленіе произошло уже въ вѣкъ желѣза. Индусы удалились на югъ. Группа иранская распространилась на западъ, но, не выселяясь вполнѣ, удержала за собою и самую родину арійскую. Колѣна сѣверо-западныя двинулись въ Европу, по пути, которымъ нѣкогда шли кельты и германцы и остановились позади ихъ, образовавъ два отдѣльныхъ племени, литовское и славянское. Колѣна, которыя составили племя славянское, уже несли съ собою начала религіозной реформы, стремившейся замѣнить вещественные образы древнихъ боговъ идеей о добромъ богѣ и о борьбѣ его съ началомъ зла.

Впослѣдствіи, когда рѣчь у насъ дойдетъ до италійскихъ венетовъ, мы приведемъ показаніе одного греческаго писателя Арріана, писавшаго въ началѣ II вѣка по Р. Хр., который говоритъ, что эти венеты переселились въ Европу вслѣдствіе пораженія, нанесеннаго имъ ассирійцами. Здѣсь нельзя намъ останавливаться на этомъ свидѣтельствѣ, потому что для его оцѣнки слѣдуетъ прежде всего разсмотрѣть, кто такіе были встарину венеты италійскіе. Въ своемъ мѣстѣ представлены будутъ доводы, по которымъ необходимо признать въ нихъ одну изъ вѣтвей славянскаго племени. Тогда свидѣтельство Арріана явится важнымъ подтвержденіемъ настоящихъ нашихъ выводовъ. Извѣстно, что завоевательные цари Ассиріи не разъ пролагали своимъ семитическимъ полчищамъ путь съ береговъ Евфрата далеко на востокъ, въ страны, населенныя арійскими колѣнами. Ихъ завоеванія наполняютъ собою періодъ, начинающійся съ XIII и кончающійся въ VIII-мъ вѣкѣ до Р. Х. Въ эти же вѣка, — можно сказать положительно, — начался въ Бактріи и овладѣлъ постепенно другими краями Ирана религіозный переворотъ, отвергшій старую вѣру арійцевъ. Вотъ эпоха, въ которую, по нашимъ догадкамъ, славянское племя должно было переселиться въ Европу.

IX.

Изъ первобытныхъ арійскихъ племенъ литовцы и славяне послѣдніе въ историческомъ развитіи.

Мы говорили о томъ, что славяне и литовцы сохранили, въ цѣломъ, составъ своей рѣчи нетронутымъ съ того времени, какъ выдѣлились изъ первобытнаго единства арійскаго поколѣнія. Остановимся еще на этомъ. Сообразимъ, что рѣчь славянъ и литовцевъ во всемъ, что есть наиболѣе существеннаго, т. е. въ общемъ звуковомъ составѣ, осталась въ томъ видѣ, въ какомъ предки ихъ принесли ее съ собою въ Европу болѣе чѣмъ за 3000 лѣтъ тому назадъ. И это относится не только къ языку какихъ-нибудь старинныхъ памятниковъ, но и къ нынѣшнимъ живымъ отраслямъ литовской и славянской рѣчи и, между прочимъ, къ нашему русскому языку, особенно богатому, — преимущественно въ устахъ великорусскаго простонародья,—первобытною стариною арійскою. Всѣ эти нынѣшнія отрасли славянскія и литовскія суть нарѣчія, ведущія свое начало прямо отъ первобытнаго языка племенъ славянскаго и литовскаго, какъ они выдѣлились изъ арійскаго единства, и исключеніе составляетъ только языкъ нынѣшнихъ болгаръ, который принадлежитъ уже, такъ сказать, ко второму періоду и образовался въ недавнее, относительно, время (не ранѣе XV вѣка) изъ развалинъ стараго языка болгарскаго, извѣстнаго намъ подъ именемъ *славянскаго* въ нашихъ церковныхъ книгахъ и богослуженіи.

Между тѣмъ какъ у славянъ только въ одномъ племени изъ десяти, и то такъ недавно и лишь вслѣдствіе особеннаго потрясенія народнаго быта (отъ порабощенія турками, сопровождавшагося въ Болгаріи насильственнымъ водвореніемъ обширныхъ турецкихъ и ногайскихъ поселеній), старый языкъ разрушился и сложился потомъ въ новыя формы,—подобный переворотъ постигъ, даже постигалъ по нѣскольку разъ, всѣ прочія безъ исключенія отрасли арійской рѣчи. Кромѣ какъ у славянъ и литовцевъ, нѣтъ уже давно въ живыхъ ни одного языка, ведущаго свое начало непосредственно отъ тѣхъ коренныхъ типовъ, на которые распалась арійская рѣчь при выходѣ изъ первобытнаго единства.

Но перевороты въ языкѣ не происходятъ случайно: имъ, это можно сказать положительно, соотвѣтствуетъ потрясеніе, проникшее въ народъ до глубины или, по крайней мѣрѣ, усиленная и напряженная, въ теченіе долгаго времени, дѣятельность. Изслѣдуя

же древнюю исторію литовцевъ и славянъ, мы изумляемся отсутствію какихъ-либо событій, въ которыхъ обнаруживалась бы жизнь этихъ народовъ, такъ что нужно, такъ сказать, догадываться о самомъ ихъ существованіи. Цѣлыя двѣ тысячи лѣтъ, по крайней мѣрѣ, прожили они въ Европѣ, прежде чѣмъ начали, съ VI вѣка по Р. Х., выступать дѣятельно въ исторіи; а между тѣмъ занимали они, какъ оказывается, значительную часть нашего материка. Невольно рождается сомнѣніе: дѣйствительно ли такъ было. Не обманываетъ ли насъ просто недостатокъ или случайная потеря извѣстій о дѣяніяхъ древнихъ славянъ? Въ самомъ ли дѣлѣ могло такое обширное и многочисленное племя столько вѣковъ сидѣть сиднемъ, какъ сидѣлъ, по нашимъ сказкамъ, Илья Муромецъ до тридцатилѣтняго возраста, не принимая участія въ событіяхъ окружающихъ странъ и съ младенческою покорностью снося всѣхъ пришельцевъ, которые съ оружіемъ прогуливались по славянскимъ землямъ и жили на ихъ счетъ?

Языкъ славянскій даетъ положительный отвѣтъ. Еслибы славяне, поселившись въ Европѣ, не оставались тутъ, въ первое время, безъ участія въ томъ, что происходило вокругъ ихъ и даже въ ихъ странѣ; еслибы они или сами дѣйствовали въ событіяхъ міра или ощущали отъ нихъ потрясеніе, то едва ли языкъ ихъ могъ бы не подвергнуться перевороту, подобнаго тѣмъ, какіе испытала рѣчь персовъ, грековъ, италійцевъ, германцевъ, по отдѣленіи ихъ отъ общаго корня. И еслибы не такъ долго длилось у славянъ это время безучастія въ событіяхъ міра, время, которое въ исторіи народа можно сравнить съ порою младенчества въ жизни человѣка, — то и языкъ, на какомъ они говорятъ въ наше время, не былъ бы ровесникомъ, по своему происхожденію и формамъ, языку Гомера и Ульфилы[1]), но принялъ бы давнымъ давно новый складъ, какъ у всѣхъ другихъ арійскихъ народовъ и, какъ это случилось между самими славянами, въ испытанной столь многими переворотами Болгаріи. Замѣчательна противоположность, представляемая въ этомъ отношеніи славянами и индусами. Изъ всѣхъ отраслей арійскаго поколѣнія эти два племени, по началу, самыя близкія между собою; въ томъ свидѣтельствуетъ особенное, среди арійской семьи, сродство звукового состава ихъ языковъ; ихъ колыбель, вѣроятно, лежала вмѣстѣ, въ одномъ краѣ первобытной родины арійцевъ. Между

---

[1]) Ульфила — переводчикъ библіи на языкъ готовъ въ IV столѣтіи. Этотъ переводъ его есть, какъ извѣстно, древнѣйшій дошедшій до насъ памятникъ германскаго языка.

тѣмъ въ жизни исторической, какъ и по мѣстоположенію, именно они-то разошлись всего далѣе. Индусы — первые изъ арійцевъ; славяне — послѣдніе. Индусы успѣли развиться, достигнуть процвѣтанія и впасть потомъ въ безсиліе состарѣвшагося народа, пока у славянъ еще только начались первые признаки исторической дѣятельности. Славяне удержали до сихъ поръ свой языкъ при первобытномъ его складѣ; у индусовъ успѣли смѣнить другъ друга три поколѣнія языковъ, и нынѣшнія арійскія нарѣчія Индостана — уже четвертый наросшій слой на этихъ развалинахъ. За то индусы, вышедшіе изъ общей арійской родины въ средней Азіи едва ли ранѣе славянъ, а можетъ быть и послѣ ихъ, выбрали себѣ путь въ страну, роскошнѣйшую по природѣ. Земля эта не только не требовала отъ человѣка тяжелаго труда для его существованія, не только не препятствовала его естественному размноженію, но арійцы нашли въ ней многочисленныя населенія, которыя можно было заставить кормить своею работою пришельцевъ, сдѣлавшихся ихъ господами. Понятно, что при такомъ обезпеченіи, такомъ досугѣ и такомъ размноженіи, арійское племя тутъ скоро достигло политическаго устройства и умственной дѣятельности, развило цѣлую литературу, религіозныя системы, философскія теоріи, цѣлое законодательство, когда его собратья на сѣверѣ еще не дошли до умѣнья читать и писать; но какъ рано это племя начало жить умственною и политическою жизнію, также скоро оно истощилось и обезсилѣло. Такъ и изъ остальныхъ племенъ ранѣе развились и за то скорѣе истощились тѣ, у которыхъ природа страны была благопріятнѣе. На долю литовцевъ и славянъ достались, безспорно, края самые худшіе и по скудости природы и по невыгодности ея обстановки; а прежде чѣмъ народъ можетъ принять участіе во внѣшнихъ дѣлахъ и умственныхъ заботахъ міра, онъ долженъ обезпечить вещественныя нужды насущнаго дня; пока народъ не справился съ природою своей страны, до тѣхъ поръ все въ немъ поглощено потребностями частной жизни и жизнь общественная и умственная, другими словами — дѣятельность историческая для него невозможна.

X.

Послѣдовательныя историческія группы въ арійскомъ поколѣніи.—Группы индусовъ и иранцевъ; грековъ и италійцевъ.

Такимъ образомъ, въ постепенности исторической арійскія племена слѣдовали другъ за другомъ въ этомъ порядкѣ: индусы, иранцы, ѳракійцы, греки, италійцы, кельты, германцы, славяне съ литовцами. Первый, древнѣйшій періодъ въ исторіи арійскаго міра принадлежалъ двумъ азіятскимъ вѣтвямъ — индусамъ и иранцамъ (персамъ); развитіе ѳракійскаго племени относится частію къ этому первому періоду, частію ко второму. Второй періодъ — это такъ называемая классическая древность, время двухъ южноевропейскихъ вѣтвей арійскаго поколѣнія, племенъ греческаго и италійскаго; тогда же началась и дѣятельность кельтскаго племени и перешла потомъ въ третій періодъ — средневѣковой и новой исторіи. Этотъ третій періодъ ознаменованъ развитіемъ арійцевъ сѣверныхъ: племенъ германскаго и славянскаго съ ихъ спутникомъ, племенемъ литовскимъ. По два главныхъ племени обозначаютъ собою каждый изъ трехъ періодовъ въ исторіи арійскаго поколѣнія: индусы и иранцы, греки и италійцы, германцы и славяне, — и каждая эта историческая чета столь же тѣсно связана положеніемъ и взаимнымъ другъ на друга дѣйствіемъ, сколько народы, ее составляющіе, различны между собою характеромъ и направленіемъ своей дѣятельности. Это особенно ясно въ племенахъ, исторія которыхъ принадлежитъ прошедшимъ періодамъ. Хотя потомки индусовъ, иранцевъ, грековъ, италійцевъ живутъ и нынѣ, но при новыхъ народахъ, вступившихъ въ міръ, они не имѣютъ прежняго значенія, и племена эти уже разъ совершили полный кругъ историческаго развитія; ихъ исторія видна намъ вся. Развѣ же она не представляетъ въ индусахъ и иранцахъ, также какъ потомъ въ грекахъ и италійцахъ, сочетанія противоположностей, и развѣ эти противоположности не одинаковаго свойства и тамъ и здѣсь, не восполняютъ ли онѣ другъ друга какъ бы по одному образцу? У индусовъ, какъ и у грековъ во всемъ преобладаетъ *лицо;* у иранцевъ, какъ потомъ у италійцевъ — *общество.* Первымъ принадлежитъ преимущественно личное развитіе, умственное творчество; вторымъ — преимущественно общественное строительство, развитіе государственное.

Извѣстно, какъ мелка и дробна была политическая жизнь у индусовъ. Они, правда, сознавали себя единымъ народомъ, но

таинственность, которою они окружали своихъ боговъ, всемогущее общество отшельниковъ друидовъ, которое властвовало не только надъ совѣстью и умами кельтовъ, но держало въ своихъ рукахъ и ихъ внѣшнюю судьбу, ибо отлученіе, произнесенное друидомъ, лишало человѣка и даже цѣлое колѣно, гражданскихъ и политическихъ правъ, — все это такъ хорошо извѣстно и, вмѣстѣ съ воинственною страстью, — страстью къ войнѣ для войны — такъ ярко выдается въ характерѣ кельтскаго племени, что нѣтъ надобности подробнѣе описывать въ немъ эти черты.

Только съ мистицизмомъ древнихъ кельтовъ и ѳракійцевъ

несомнѣнно подлинная, какъ потому, что она и древнѣйшая (именно ее употребляетъ нѣсколько разъ Геродотъ) и наименѣе сродная греческой эвфоніи; наконецъ, только при ней могла возникнуть приводимая Порфиріемъ этимологія (сама по себѣ, разумѣется нелѣпая), отъ ѳракійскаго слова ξαλμόν или ξαλμός, что значило шкура. И лексикографъ Гесихій подтверждаетъ эту форму; онъ пишетъ: Σάλμοξις — ὁ χρόνος. Объясняемъ мы это имя древне-индійскимъ сарман, *счастіе, блаженство*, и кши *властвовать*, откуда древне-бактрійск. кшаja, *властитель, владыка, могущественный*. Настоящая форма этого имени была бы *Çarmakšajas*. Этимологія наша подтверждается особенно тѣмъ, что верховный народный богъ гетовъ носитъ въ надписяхъ названіе *Sarmandus*, очевидно указывающее на тотъ же корень сарман, и соотвѣтствующее древне-инд. сармавант, *благополучный, счастливый* (въ сборникѣ дакійскихъ надписей Акнера и Мюллера, № 664: maximo deo Sarmando populari, и № 826: deo Sarmando; сравни тамъ же, № 668: Zamolxi optimo maximo getarum populari. Обѣ надписи, гдѣ и *Sarmandus* и *Zamolxis* величаются высшимъ и народнымъ богомъ, найдены въ одномъ и томъ же мѣстѣ). 2) *Гевелеизисъ*. Геродотъ говоритъ (IV, 94), что нѣкоторые изъ гетовъ считаютъ его за того же бога, что Залмоксисъ, къ которому идутъ умершіе (δι δὲ αὐτῶν τὸν αὐτὸν τοῦτον νομίζουσι Γεβελέϊσιν), и затѣмъ приводитъ разсказъ объ отправленіи къ нему вѣстника на тотъ свѣтъ. Мы полагаемъ, что въ этомъ имени у Геродота *β* выражаетъ звукъ *в*, и настоящая форма была бы: gîva—leĭzis; первая половина ясна сама собою, это корень гûв древне-инд. джûв, *жить*, джûвас, *живой, душа*, джûвам, *жизнь;* вторая половина—корень риш, который, какъ глаголъ, является въ древне-индійск. языкѣ только въ спеціальномъ значеніи раздѣлять, но представляетъ первоначальное, болѣеобщее значеніе въ производныхъ: ришам, *счастіе* или *несчастіе* (т. е. собственно, *рѣшенное, предопредѣленное*), ришас, *счастливый* или *несчастливый;* затѣмъ тотъ же корень мы видимъ въ славянскомъ рѣшити (собственно *разрѣшать*, *развязывать*); литовск. ришти, *связывать*, латышск. рист, рисю, *развязываться;* литовск. лайшвас, *свободный* и т. д. 3) *Ктиты* и *полисты*. Первое слово вполнѣ соотвѣтствуетъ древне-индійскому чêтишта, *свѣтлѣйшій, превосходнѣйшій, чудеснѣйшій* (превосходная степень прилагательнаго читра); въ словѣ *полисты* мы видимъ также превосходную степень прилагательнаго, которое въ языкѣ древне-индійскомъ сохранилось только во второобразной формѣ: палита, *старый, старческій;* но что оно въ формѣ первообразной (вѣроятно, пâла или пâлja) существовало именно у ѳракійцевъ, доказательствомъ тому служатъ слова Страбона (VII, Fragm. 2.) 4) Наконецъ, слово капноватъ καπνοβάται, какъ пишетъ Страбонъ, явно представляетъ древне-индійскій глаголъ кшап, *воздерживаться, совершать аскетическіе подвиги;* кшапана-м, *воздержаніе;* кшапанас, *нищенствующій странникъ;* окончаніе *ват* есть обыкновенное производное для образованія прилагательныхъ отъ словъ, имѣющихъ отвлеченное значеніе, каково здѣсь кшапанам, *воздержаніе.*

странцами и особенная переимчивость. «Нѣтъ людей, которые бы такъ охотно подражали чужимъ обычаямъ, какъ персы», говоритъ отецъ исторіи, Геродотъ. Но этой подражательности, вмѣстѣ съ открытымъ характеромъ народа, способствовалъ, конечно, и недостатокъ въ немъ самобытной умственной жизни. Рядомъ съ племенемъ индійскимъ онъ былъ великъ общественною силою; онъ былъ трезвѣе мыслію, какъ это выразилось и въ религіи древнихъ персовъ, отличающеюся между всѣми языческими вѣрованіями чистотою понятія о божествѣ и высокимъ нравственнымъ смысломъ; но личность человѣка сковывалась силою государственною, и сама религія скрѣпляла эти цѣпи.—«Когда у персовъ частный человѣкъ приноситъ жертву Богу, — разсказываетъ тотъ же Геродотъ, — то ему нельзя испрашивать какихъ-нибудь благъ для себя одного, но онъ молится о благополучіи всѣхъ персовъ и царя, ибо въ числѣ всѣхъ персовъ состоитъ и онъ самъ». Послушаемъ также, что̀ говоритъ одинъ изъ древнихъ царей персидскихъ и лучшій между ними въ оставленной имъ потомству надписи; переводъ слово въ слово:

«Великъ богъ Аурамаздъ [1]), который сію землю сотворилъ, который оное небо сотворилъ, который человѣка сотворилъ, который владычество сотворилъ человѣка [2]), который Дарія царемъ поставилъ, единаго многимъ царя, единаго многимъ властителя.

«Я Дарій, царь великій, царь царей, царь странъ многонародныхъ [3]), царь сей земли великой, дальней и ближней, Гистасповъ сынъ, Ахаманіева рода, персъ сынъ перса, аріецъ сынъ арійца...

«Говоритъ Дарій царь:—Аурамаздъ какъ увидѣлъ сію землю удалившеюся отъ правды, мнѣ поручилъ ее, меня царемъ поставилъ, я царь милостію Аурамазда, я ее благоустроилъ; что̀ я говорилъ, то дѣлали, какъ мнѣ угодно было; что̀ только мною [было задумано], то я приказывалъ и то [исполняли] [4]) страны, которыми правилъ Дарій царь...

«Говоритъ Дарій царь... Человѣкъ! живи по закону Аура-

скимъ. За исключеніемъ этихъ маговъ, древнее государство персидское не знало никакихъ сословій и нѣкоторыя преимущества по рожденію принадлежали только родственникамъ царской династіи, потомкамъ нѣсколькихъ лицъ, оказавшихъ царю особенныя услуги (см. объ этомъ статью: On the Persian system of administration and government, въ приложеніяхъ ко второму тому Раулинсонова изданія Геродота).

[1]) Имя благого божества, которому покланялись древніе персы.

[2]) Эти слова значатъ вѣроятно: «который распредѣлилъ власть между людьми».

[3]) Въ подлинн.: странъ всенародныхъ, въ смыслѣ: обнимающихъ всѣ народы.

[4]) Поставленныя между скобками слова стерты въ надписи и дополнены по догадкѣ.

мазда! Онъ тебѣ просвѣтитель! Не покидай пути праваго! Не оскверняйся»!

Это надпись надгробная. Царь Дарій говоритъ эти слова уже какъ бы изъ другого міра, и тѣмъ знаменательнѣе такая рѣчь. Но въ народѣ, среди котораго слышалась подобная рѣчь, не могло быть умственнаго творчества; оно требуетъ свободной дѣятельности личныхъ силъ. У индусовъ создавались безчисленныя произведенія поэзіи, дѣлались изысканія въ наукахъ, составлялись философскія системы: умственная жизнь иранцевъ оставалась безплодною. Они довольствовались книгами своего религіознаго закона, наслѣдованными отъ отдаленной древности, да записями о великихъ дѣлахъ своихъ царей [1]); поэзія ограничивалась народною пѣснію или былиною, и только черезъ 1,500 лѣтъ послѣ разгрома древняго иранскаго быта и при новыхъ вліяніяхъ получила литературную форму.

Конечно, нигдѣ въ арійскомъ поколѣніи уже не повторилась такая рѣзкая противоположность характера, такая крайняя односторонность, какъ въ двухъ его первенцахъ — индусахъ и иранцахъ; въ томъ-то и заключается поступательное развитіе человѣчества, что жизнь народовъ, какъ и отдѣльныхъ людей, становится богаче, разнообразнѣе, полнѣе. Но и во второмъ періодѣ исторіи, обозначенномъ преобладающею дѣятельностію племенъ греческаго и италійскаго, является между ними опять тоже основное различіе — преимущественнаго развитія личнаго и мѣстнаго на одной сторонѣ, общественнаго и государственнаго на другой. Для грека высшій законъ — красота и добро въ человѣкѣ; для италійца — польза «общественнаго дѣла», rei-publicae, какъ онъ называлъ государство. Сознавая свое народное единство, но только въ отвлеченномъ видѣ (въ религіи, въ литературѣ, въ отношеніи къ инородцамъ) и только въ случаяхъ крайней необходимости соединяя свои силы, древніе эллины столь же ревниво охраняли независимость своихъ мелкихъ общинъ и колѣнъ, сколько самостоятельность личную. Всѣ эти общины и колѣна имѣли у нихъ равномѣрно историческую жизнь; но за то устроить государство было невозможно. Чувство личной и мѣстной особенности сопровождалось исключительностью характера. Не было въ Европѣ людей болѣе гордыхъ своимъ проис-

---

[1]) Таково, по преимуществу, значеніе надписей персидскихъ царей, изъ которыхъ нѣкоторыя дошли до насъ (см. въ особенности обширную Бехистунскую надпись царя Дарія, имѣющую вполнѣ характеръ историческаго документа). Писались ли подобные историческіе документы только въ видѣ надписей на камнѣ, или также на папирусѣ, либо другомъ письменномъ матеріалѣ, неизвѣстно.

хожденіемъ, болѣе недоступныхъ для чужестранцевъ, болѣе жестокихъ для племенъ, подпадавшихъ подъ ихъ власть: только у индусовъ и у эллиновъ были паріи и илоты, и положеніе, въ которомъ граждане аѳинскіе держали населенія, поступившія въ ихъ зависимость, показываетъ, какъ силенъ въ нихъ былъ аристократическій духъ даже и въ то время, когда въ ихъ собственной общинѣ господствовала демократія.

Нужно ли распространяться о богатствѣ умственной жизни на этой почвѣ личной самостоятельности и мѣстнаго соревнованія? Нужно ли говорить, какъ свѣжо и цѣльно, чуждыя внѣшнихъ побужденій и помѣхъ, развились здѣсь поэзія, образовательныя искусства, философія, наука? Мы до сихъ поръ живимся плодами умственной свободы этого народа, который, какъ бы нарочно, лишенъ былъ чувства политической пользы, чтобы люди въ немъ могли полнѣе отдаться идеаламъ фантазіи и отвлеченіямъ мысли.

Въ италійскомъ племени отдѣльные народы и колѣна, вначалѣ не менѣе многочисленныя, чѣмъ у грековъ, какъ извѣстно, не удержали своей самостоятельности, бо́льшая часть ихъ рано сошли съ историческаго поприща, также какъ это случилось между иранцами. Два народа, опять-таки какъ у иранцевъ, стали сосредоточивать въ себѣ историческую жизнь всего племени (латины и самниты) и среди одного изъ нихъ выдвинулась небольшая, долго не замѣчавшаяся городская община и, какъ бы положивъ себѣ задачею осуществить стремленіе этихъ народовъ къ единству, собрала около себя сперва всѣ другія общины латинскія, потомъ, разбивъ самнитскій центръ, совокупила всѣ колѣна италійскаго племени, потомъ всѣ остальныя населенія Италіи, и, наконецъ, соединила въ своей власти всѣ народы кругомъ Средиземнаго моря, весь міръ по понятіямъ той эпохи. Какъ персы въ сравненіи съ индусами, такъ и римляне,—имя этой общины совмѣстило въ себѣ и всѣ колѣна латинскія и все италійское племя,—отличались своею доступностію чужимъ народамъ и чужимъ вліяніямъ. Выступивъ въ исторію позднѣе эллиновъ, они сдѣлались ихъ подражателями; но они не чуждались и народовъ менѣе образованныхъ или несходныхъ по характеру своего образованія. Гордый своею народностью, какъ совершеннѣйшею въ мірѣ, грекъ любовался собою и презиралъ всѣ остальныя племена, какъ варваровъ. Въ Римѣ, даже среди торжествъ тріумфа, насмѣшникъ долженъ былъ бѣжать за колесницею побѣдоноснаго полководца и выказывать его слабости. Заимствовавъ у грековъ выраженіе «варвары», римлянинъ иначе понялъ его; онъ устранилъ въ немъ всякій оттѣнокъ презрѣнія. «Я самъ варваръ для

гетовъ, среди которыхъ живу, писалъ Овидій: ибо они меня не понимаютъ». Покоренный галлъ и испанецъ, сиріецъ и египтянинъ находилъ легкій доступъ въ римское гражданство, принимался въ кругъ римской жизни. Дѣловой умъ римлянъ свелъ древнюю миѳологію арійскую, такъ поэтически разцвѣтшую въ греческомъ мірѣ, на степень аллегорической морали или обрядовъ, связанныхъ съ государственными учрежденіями. Вся умственная ихъ дѣятельность, пока они оставались при своемъ народномъ бытѣ, ограничивалась практическими цѣлями богослуженія, законодательства или сохраненія памяти о прошлыхъ событіяхъ; поэзія не выходила изъ предѣловъ народной пѣсни и только когда римляне приняли въ себя вліяніе Греціи, проявились въ нихъ болѣе обширныя умственныя потребности. Но греческое вліяніе подѣйствовало такъ сильно, такъ мало уцѣлѣло въ этомъ народѣ самобытной умственной силы, что всѣ его творенія остались копіями греческихъ образцовъ.

XI.

Историческій характеръ племенъ ѳракійскаго, кельтскаго и литовскаго.

Иное значеніе, иной характеръ въ исторіи, чѣмъ индусы и иранцы, эллины и римляне, представляютъ племена ѳракійское и кельтское. Тогда какъ племена индійское, иранское, греческое италійское, смѣняя другъ друга, слѣдовали каждое, отъ первыхъ подвиговъ героической молодости до упадка въ старческомъ изнеможеніи, такому непрерывному и постепенному ходу развитія, что теченіе ихъ исторіи можно бы сравнить съ правильнымъ оборотомъ какихъ нибудь планетъ, ѳракійцы и кельты являются около нихъ точно какъ бы метеорами. Вдругъ, мы видимъ, посреди ихъ встрепенется тотъ или другой народъ; онъ быстро усилится, разовьется блистательно; потрясетъ или приведетъ въ страхъ сосѣднія страны, и также скоро сойдетъ со сцены, какъ внезапно и грозно на ней выступилъ (припомнимъ, напримѣръ, царство лидійское, царство одризовъ, гетовъ и т. д. между ѳракійцами; припомнимъ исторію древней Галліи). Послѣ блестящаго эпизода все племя опять какъ бы впадаетъ въ безсиліе. Можно бы подумать, что ѳракійцы и кельты не ощущали въ себѣ самобытнаго историческаго призванія и что, поэтому, пока они сохраняли свою народность, то появлялись въ мірѣ лишь случайными налетами, не оставляя слѣдовъ своей дѣятельности, настоящее же значеніе и опредѣленную, такъ сказать, за-

дачу получали только тогда, когда усвоили себѣ и языкъ и бытъ и понятія чужого племени и какъ бы заступали его мѣсто. Такъ между многочисленными отраслями ѳракійцевъ дѣйствительное вліяніе на развитіе человѣчества пріобрѣлъ только одинъ народъ македонскій, который, подчинившись совершенно духу Греціи, затѣмъ проложилъ ему своимъ оружіемъ дорогу въ древній міръ семитовъ и иранцевъ; а изъ кельтовъ значеніе въ мірѣ получили тѣ, которые, какъ населеніе древней Галліи, Испаніи и верхней Италіи, приняли народность латинскую и сдѣлались ея представителями среди новыхъ народовъ Европы. — Между этими новыми народами Европы, племя литовское, столь близкое къ славянамъ въ языкѣ и бытѣ, столь тѣсно связанное въ своей судьбѣ какъ съ славянами, такъ и германцами, совершенно отличается однако какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ, своимъ характеромъ и свойствомъ своей дѣятельности. Малочисленное и сдавленное посреди двухъ такихъ громадныхъ племенъ, какъ славянское и германское, оно не заняло виднаго мѣста въ исторіи; но, когда обнаруживало себя въ ней, то такимъ же способомъ, какимъ въ древнемъ мірѣ дѣйствовали ѳракійцы и кельты. Долго о немъ не знали сосѣди и не замѣтно было въ немъ никакой политической жизни, и вдругъ оно выступало въ порывѣ страстной воинственности и подымало, не надолго, но ужасную грозу. Эти порывы, эта страстность въ войнѣ, одинаково свойственныя какъ литовскому, такъ и ѳракійскому и кельтскому племенамъ въ пору ихъ независимости, рѣзко отличаютъ ихъ въ характерѣ отъ другихъ арійцевъ. И прочіе народы арійскіе вели немало войнъ и сражались храбро; но лишь въ самую раннюю пору развитія, когда еще кипѣла въ нихъ молодая сила, можно замѣтить, что война была для нихъ страстью: скоро наклонности ихъ обращались къ мирному труду, и война становилась уже только дѣломъ разсчета, средствомъ для достиженія какихъ-либо политическихъ цѣлей. Но литовцами двигала безразсчетная воинственность, охота къ войнѣ ради войны; это видно изъ описаній походовъ литовскихъ на Русь и Польшу. Особенно же ярко выступаетъ эта черта характера въ одной изъ вѣтвей литовскаго племени, ятвягахъ. «Свирѣпые и воинственные — по словамъ лѣтописца — жаждущіе похвалы и славы, никогда не соглашавшіеся отступить или отказаться отъ неровнаго боя», ятвяги воевали весь свой вѣкъ, пока не были истреблены въ безчисленныхъ битвахъ» [1]). Не такими-жъ ли являются въ исто-

[1]) Длугошъ I, 770. Est autem Jaczwingorum natio.... cum Pruthenica et Lithuanica lingua habens magna ex parti similitudinem et intelligentiam, populos habens immanes et

ріи и древніе ѳракійцы, про которыхъ еще Геродотъ писалъ, что у нихъ «самымъ почетнымъ считается праздность, самымъ постыднымъ—обработывать землю, и жить войною и грабежемъ признается за наилучшую долю», и которые сохраняли эти склонности во всѣ послѣдующіе вѣка и передали ихъ потомкамъ своимъ, албанцамъ? Не та же ли страсть къ войнѣ отличала и древнихъ галловъ и другіе кельтскіе народы, пока ихъ порывистую энергію не сломила спокойная и систематическая сила латинскаго и германскаго племени?

Другая замѣчательная черта въ историческомъ характерѣ ѳракійцевъ и кельтовъ — какой-то особенный религіозный мистицизмъ. Подобнаго направленія у другихъ арійскихъ народовъ или вовсе незамѣтно, или оно прививалось къ нимъ со стороны. Такъ у индусовъ изъ сословнаго устройства, бывшаго послѣдствіемъ отношенія арійцевъ-завоевателей къ завоеваннымъ туземцамъ возникла власть брахмановъ, составлявшихъ наслѣдственную аристократію жрецовъ, и религіозный мистицизмъ и отшельничество явились только какъ плодъ теорій, закончившихъ общественное развитіе индійскаго народа. У иранцевъ ученіе маговъ развилось подъ вліяніемъ чужого племени и чужой религіи. Греки, италійцы, германцы, славяне не менѣе чужды были мистическаго направленія и отшельничества, и заимствовали ихъ только при христіанствѣ. У ѳракійцевъ же и кельтовъ и также опять-таки у племени литовскаго, мистическіе взгляды коренились, какъ видно, издревле въ самомъ духѣ народа, окружая его вѣрованія покровомъ таинственности и придавая особенное вліяніе людямъ, которые отрекались отъ міра, чтобы проникнуть въ эту таинственную область. Древніе народы ѳракійскіе, какъ въ Малой Азіи, такъ и въ Европѣ, были, какъ извѣстно, творцами и обладателями разныхъ религіозныхъ мистерій. У одного изъ колѣнъ европейскихъ ѳракійцевъ, у траусовъ [1]) былъ обычай оплакивать человѣка, когда онъ рождался, потому что входилъ онъ въ міръ горя и грѣха, и пѣть пѣсни веселія надъ умершимъ, радуясь за него, что онъ отъ золъ этой жизни перешелъ къ блаженству [2]). У сосѣдняго съ траусами колѣна сатровъ былъ особый классъ

bellicosos, et tam laudis quam memoriae avidos.—Матв. Меховскій 145: omnisque natio Jaczwingorum eo bello (1264 г.), quoniam pedem referre nec unquam pugnam etiam iniquam detrectare voluit, deleta est ut pauci agrestes superstites essent, et tunc et in temporibus nostris Lithuanis conjuncti, sicque nomen Jaczwingorum perrarum et paucis notum extet.

[1]) На сѣверъ отъ Эгейскаго моря, въ краѣ между Гебромъ, нынѣ Марицей, и Нестомъ, нынѣ Местой.

[2]) Геродотъ V, 4.

истолкователей воли божества, называвшихся *бессами* [1]) (до сихъ поръ въ албанскомъ языкѣ существуетъ слово *бесса*, въ значеніи *вѣра*). Геты, еще во времена Геродота (450 лѣтъ до Р. Хр.), прозывались «безсмертствующими», потому что они не признавали смерть за дѣйствительность, а думали, что умирающій идетъ къ богу Залмоксису (т. е. *владыкѣ счастія*), носившему названіе и *рѣшителя жизни* или *разрѣшителя душъ*, Гевелеизиса; къ нему посылали въ положенные сроки [2]) вѣстника съ этого свѣта, человѣка, избраннаго по жребію изо всего народа и котораго съ торжественнымъ обрядомъ предавали смерти. И спустя 500 лѣтъ послѣ Геродота о томъ же мистическомъ духѣ гетовъ свидѣтельствуетъ извѣстіе о бывшемъ у нихъ тогда многочисленномъ [3]) обществѣ полистовъ (что значило, кажется, *старѣйшіе*), безбрачныхъ подвижниковъ, занимавшихся полевыми работами, у которыхъ начальниками были избранные ими жрецы, и которые признавали все свое имущество общимъ. Подобныя явленія были нерѣдки у ѳракійскихъ народовъ: такъ у мизовъ существовало общество капноватовъ (т. е. воздержныхъ), налагавшихъ на себя безмолвіе и воздержаніе отъ всякой мясной пищи; у другихъ ѳракійцевъ были люди, посвящавшіе себя точно также безбрачной и отшельнической жизни (такъ называемые ктисты, т. е. *просвѣщеннѣйшіе*) [4]). Религіозный мистицизмъ древнихъ кельтовъ,

---

[1]) По Геродоту, VII, 111, *бессы* были, какъ сказано, только чѣмъ-то въ родѣ касты прорицателей у ѳракійскаго народа *сатровъ*, независимыхъ жителей Родопскихъ горъ (Деспото-дагъ); Ѳукидидъ же (II, 96) называетъ этотъ самый народъ *діями*. За тѣмъ, у позднѣйшихъ писателей, бессы являются уже какъ особый народъ ѳракійскій, упоминаемый между прочимъ Овидіемъ вмѣстѣ съ гетами, какъ сосѣди его въ ссылкѣ; а имя сатровъ вовсе исчезаетъ. Не слѣдуетъ ли предположить, что это имя, которое Геродотъ принялъ за названіе народа діевъ, означало собственно только,—также какъ *бессы*, сословіе, и именно противоположное *бессамъ* сословіе воиновъ, соотвѣтственно древне-индійскому кшâтра-м, высшее, господствующее сословіе, кшâтра-с, воинъ? У индусовъ слово кшâтра-м обнимало въ началѣ всю господствующую арійскую аристократію, и духовные, брахманас, были только частью этого кшâтрам; впослѣдствіи же, когда брахманы поставили себя во главу всего кастическаго устройства Индіи, кшâтрам сдѣлалось названіемъ второй касты, уступавшей первенство духовному сословію. Такъ, мы догадываемся, и независимые ѳракійскіе горцы, дін, извѣстны были также подъ именемъ ихъ военнаго сословія; когда же одержало верхъ сословіе духовное, *бессы*, то названіе это стало означать и весь народъ (подобно тому, какъ подъ именемъ брахмановъ разумѣлся иногда весь народъ индусовъ). Во время движенія гетовъ на сѣверъ, бессы, вѣроятно, послѣдовали за ними, и такимъ образомъ мы находимъ ихъ, при Овидіѣ, на низовьяхъ Дуная.

[2]) Именно, каждые пять лѣтъ: Герод. IV, 94.

[3]) До 4000, по словамъ Іосифа Флавія.

[4]) Мы объясняемъ эти имена слѣдующимъ образомъ: 1) Имя *Залмоксисъ*. Изъ двухъ формъ Залмоксисъ и Замолксисъ, встрѣчающихся у древнихъ писателей, первая

только въ отвлеченномъ смыслѣ, въ жизни умственной и религіи и въ отношеніи къ иностранцамъ. Отдѣльныя колѣна и княжества не жертвовали особностью для страны, и стремленія къ политическому единству вовсе не замѣтно въ этомъ народѣ, по крайней мѣрѣ до подчиненія его чужимъ завоевателямъ. Но, среди этого политическаго ничтожества, какимъ обильнымъ ключемъ била умственная жизнь, какъ самобытно и цѣльно проявлялось творчество въ поэзіи, въ религіи, въ философіи! Полетъ фантазіи и глубина отвлеченной мысли одинаково поражаютъ насъ въ древнихъ индусахъ; но не менѣе замѣчательно, при этой умственной дѣятельности, при громадномъ богатствѣ создавшейся у индусовъ литературы, совершенное отсутствіе исторіи, мало того, даже лѣтописи [1]), или какихъ бы то ни было, хотя бы самыхъ скудныхъ записокъ о прошедшихъ или современныхъ событіяхъ въ странѣ, — до такой степени эти люди были равнодушны къ дѣламъ общественнымъ.

Племя иранское начало развиваться нѣсколько позднѣе индійскаго и прежде чѣмъ съ нимъ поровнялось, заимствовало многое изъ его образованія. Но большаго несходства въ характерѣ, при одинаковомъ происхожденіи и такихъ тѣсныхъ связяхъ, нельзя придумать. Личная дѣятельность, мѣстная самостоятельность подавлены дѣломъ государства. Многочисленные народы и колѣна, на которыя дѣлилось иранское племя, легко сосредоточились. Можетъ быть тому способствовало предшествовавшее владычество иноплеменниковъ [2]), иго которыхъ это племя вынесло на себѣ 500 лѣтъ. Объединеніе происходило вначалѣ въ двухъ центрахъ — мидійскомъ и персидскомъ, но скоро народъ персовъ, вначалѣ незначительный, сосредоточившись около одного изъ своихъ колѣнъ, притянулъ къ себѣ и мидійскій центръ, затѣмъ соединилъ вокругъ себя все племя и создалъ первое обширное и крѣпко устроенное государство арійскаго поколѣнія. Какъ у индусовъ сильно развитому личному самосознанію соотвѣтствовала родовая гордость, замкнутость сословій, исключительность въ отношеніи къ чужимъ, такъ, напротивъ, въ племени иранскомъ съ чувствомъ общественнаго единства соединялось и большее равенство въ народѣ [3]) и склонность сближаться съ ино-

---

[1]) Начало лѣтописи у индусовъ принадлежитъ позднимъ вѣкамъ упадка и чужого владычества.

[2]) Ассирійцевъ, племени семитическаго.

[3]) Раздѣленіе на сословія (жрецовъ, воиновъ и земледѣльцевъ), замѣтное еще въ предписаніяхъ Зендавесты, исчезаетъ въ исторіи древнихъ персовъ, кромѣ только сословія жрецовъ (маговъ), существованіе котораго связывалось съ обрядами ихъ религіи и которое, какъ кажется, поддерживалось преимущественно вліяніемъ ассирій-

можно сравнить религіозное направленіе литовскаго племени, пока оно не было принуждено промѣнять своихъ народныхъ боговъ на христіанскую вѣру. Наши свѣдѣнія о религіи литовской весьма скудны, и главныя черты ея будутъ представлены нами впослѣдствіи, въ связи съ вѣрованіями древнихъ славянъ. Мы увидимъ тогда, что существенное различіе между религіозными воззрѣніями литовцевъ и славянъ-язычниковъ, вообще столь сходными между собою, заключалось именно въ той таинственности, которою литовецъ окружалъ своихъ боговъ, и въ томъ развитіи колдовства, въ томъ могущественномъ значеніи жрецовъ, какое здѣсь, какъ и вездѣ, сопровождало этотъ мистическій духъ въ религіи. *Вайделоты* древнихъ пруссовъ, *жиничи*, хранители священнаго огня, вѣщавшіе волю боговъ въ языческомъ Вильнѣ, и вся эта многообразная жреческая іерархія съ верховнымъ ея первосвященникомъ, власть котораго надъ всѣми народами литовскаго племени средне-вѣковой лѣтописецъ уподоблялъ власти папы надъ христіанскимъ Западомъ, и который, не ожидая естественной смерти, всходилъ добровольно на костеръ, чтобы своею жертвою отвратить гнѣвъ божества отъ своего народа, — можно ли не признать во всемъ этомъ того же религіознаго настроенія, какое выразилось у кельтовъ въ ихъ іерархіи бардовъ, прорицателей и друидовъ, у ѳракійцевъ въ ихъ *бессахъ* и *ктистахъ*, у тѣхъ и другихъ въ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, такъ часто обагрявшихъ ихъ землю?

Вслѣдствіе ли этихъ особенностей характера, вслѣдствіе того ли, что необузданная воинственность, безъ пользы истощая силы народа, мѣшала его политическому устройству, и что религіозный мистицизмъ отвращалъ его умъ отъ практической жизни и сковывалъ мысль, жреческою мудростью, или были тому какія-нибудь другія причины: но литовское племя уподобилось кельтскому и ѳракійскому въ томъ, что оно оставалось какъ бы безъ опредѣленнаго дѣла, пока сохраняло свою собственную народность. Только тогда пріобрѣло оно историческое значеніе, когда отказалось отъ своихъ народныхъ особенностей, стало усвоивать себѣ языкъ, учрежденія, политическія стремленія, даже вѣру распавшейся послѣ татарскаго разгрома Руси, и вошло, какъ новый дѣятельный членъ, въ среду славянскаго міра.

XII.

Историческій характеръ племенъ германскаго и славянскаго.

Историческая дѣятельность племенъ германскаго и славянскаго принадлежитъ не только прошедшему, но и будущему. Живя посреди ея,—даже, въ отношеніи племени славянскаго, можетъ быть, видя только начало его исторической дѣятельности,—ибо развитіе славянъ началось позднѣе чѣмъ германцевъ и въ племени столь огромномъ должно было идти медленнѣе, — мы не знаемъ, куда эта дѣятельность направляется. Мы видимъ историческія событія, но не въ состояніи угадать общаго хода исторіи этихъ племенъ, какъ мы постигаемъ ходъ исторіи отжившихъ народовъ древности. И эта близорукость, неизбѣжная въ отношеніи къ каждому народу, доколѣ онъ продолжаетъ развиваться, становится еще ощутительнѣе, когда дѣло идетъ о цѣломъ племени, какъ славянское, вѣтви котораго жили разрозненно и безъ видимой связи между ихъ судьбою. Такимъ образомъ, исторія славянскаго племени должна будетъ казаться простымъ сопоставленіемъ или случайнымъ сцѣпленіемъ хода событій у нѣсколькихъ отдѣльныхъ народовъ, русскаго, польскаго, чешскаго, сербскаго, болгарскаго и. т. д., пока будущее не разъяснитъ общаго значенія этихъ народовъ въ мірѣ и не покажетъ цѣли, къ которой вели разнообразные пути ихъ жизни. Въ настоящее время, мы объ этомъ можемъ лишь смутно догадываться, если, имѣя передъ глазами совершившійся ходъ развитія старшихъ арійскихъ племенъ въ двѣ прежнія эпохи исторіи, мы примемъ за вѣроятное, что тѣ же, въ сущности, начала продолжаютъ дѣйствовать и въ ихъ младшихъ собратьяхъ. Это можетъ только быть предположеніемъ; но вѣроятность его подтверждается тѣмъ, что двѣ сѣверно-европейскія вѣтви арійцевъ, развитіе которыхъ принадлежитъ нынѣшнему періоду исторіи, дѣйствительно представляютъ несомнѣнныя черты той же основной противоположности, какая выразилась въ арійскихъ племенахъ, обозначившихъ собою оба ея предшествующіе періода. Въ первыхъ историческихъ дѣятеляхъ изъ арійскаго поколѣнія, въ двухъ азіятскихъ его вѣтвяхъ, видѣли мы самый рѣзкій ея отпечатокъ: съ одной стороны, въ племени индійскомъ, личную сосредоточенность и дробность, не допускавшую никакого политическаго развитія, съ другой стороны, въ иранцахъ, духъ общественной организаціи, исключавшій возможность какого-либо личнаго творчества. Не такою

крайнею односторонностью, но тѣмъ же въ существѣ различіемъ характера и направленія запе атлѣна исторія двухъ южно-европейскихъ племенъ, дѣятельность которыхъ наполняетъ собою періодъ такъ называемой классической древности. Быть можетъ, еще менѣе односторонними въ своемъ развитіи должны явиться племена германское и славянское: но, можно ли отрицать, что они представляютъ, въ сравненіи между собою, германцы — такой же перевѣсъ личности, индивидуализма, славяне — такое же преобладаніе общественнаго духа, какими нѣкогда отличались другъ отъ друга, въ своей исторической дѣятельности, племена индійское и персидское, эллинское и латинское? Казалось бы, что арійское поколѣніе (и въ этомъ-то, можетъ быть, и заключалось одно изъ его преимуществъ)—должно было во всемъ развиваться подъ вліяніемъ такихъ противоположныхъ направленій: подобно тому, какъ въ сѣверной Европѣ поставлены были, рядомъ и связаны между собою постояннымъ взаимнодѣйствіемъ и соперничествомъ нѣмецъ съ его замкнутою личностью и общежительный славянинъ, такъ, въ то же время, въ ихъ соприкосновеніяхъ съ остатками древняго міра, нѣмцевъ исторія свела съ потомками государственныхъ строителей римлянъ, тогда какъ склонные и безъ того къ государственному строю славяне встрѣтились съ греческимъ народомъ, въ которомъ даже, въ пору крайняго униженія, не умиралъ духъ личной самодѣятельности древнихъ эллиновъ.

Когда мы стали на эту точку зрѣнія, то общій ходъ исторіи славянскаго племени будетъ намъ яснѣе. Славянъ влекло къ общежитію, къ политическому единству, а у нѣмцевъ, напротивъ того, въ продолженіе слишкомъ тысячи лѣтъ, всѣ попытки государственнаго объединенія, исходили ли онѣ изъ вліянія римскихъ идей или изъ необходимости отразить внѣшнихъ враговъ, разбивались объ упорную исключительность лицъ, обществъ и колѣнъ, и только съ прошлаго столѣтія, со временъ Фридриха Великаго, стало обнаруживаться стремленіе выйти изъ этой дробной жизни. Раздѣленная на множество самостоятельныхъ владѣній и мелкихъ обществъ, даже когда она признавала власть своего императора, Германія, какъ Греція въ древнемъ мірѣ, дала просторъ богатому развитію личныхъ и мѣстныхъ силъ; всѣ вѣтви нѣмецкія почти равномѣрно участвовали въ этой дѣятельности. Какъ въ древности племени италійскому, такъ въ новомъ мірѣ славянскому не было дано такого равномѣрнаго развитія. Мы уже упомянули, что большая часть его вѣтвей рано утратили свою независимость; одна за другою лишались онѣ самостоятельнаго значенія, иныя вовсе почти не оста-

вивъ слѣда своей дѣятельности, другія, ознаменовавъ ее кратковременнымъ могуществомъ политическимъ и умственнымъ напряженіемъ. Въ двухъ народахъ (польскомъ и русскомъ) стала сосредоточиваться историческая жизнь славянскаго племени и среди одного изъ нихъ выдвинулось небольшое, долго безвѣстное княжество, и какъ бы посвятило себя созданію государственнаго единства; оно сперва собрало вокругъ себя разрозненныя части великорусскаго народа и сознало себя не Московскимъ только государствомъ, но будущимъ государствомъ всей Руси. И за тѣмъ, это государство, одолѣвъ противоположныя ему силы другого объединительнаго центра славянскаго, Польши, стало собирать и остальныя, примкнувшія къ польскому центру, вѣтви русскаго народа, а за ними притянуло къ себѣ и самую Польшу. И когда оно довершитъ, еще въ наше время недоконченное, дѣло русскаго единства,—ибо немалая часть русскаго народа въ Галиціи и Венгріи остается еще подъ властію чужихъ племенъ,—то, по всѣмъ вѣроятностямъ, оно должно будетъ изъ всероссійскаго государства сдѣлаться и всеславянскимъ.

Отъ политической стороны обратимся къ внутренней, и она покажетъ намъ еще яснѣе черты существеннаго различія между двумя сѣверно-европейскими племенами арійцевъ. Соотвѣтствуя преобладающему въ германскомъ племени личному чувству, въ его бытѣ и учрежденіяхъ ярко выдается аристократическій духъ, его отношенія къ инородцамъ отличаются замкнутостью, также какъ перевѣсъ общественной стороны жизни надъ личною въ славянскомъ племени совпадаетъ съ его склонностью къ равенству, съ его доступностью чужому человѣку и чужому вліянію. Когда въ средѣ славянской встрѣчаются явленія сословнаго неравенства, то они или имѣли (напр., на Руси) источникомъ государственную службу, подобно патриціату въ древнемъ Римѣ, никогда не признававшемъ какой либо «аристократіи по праву» [1]), или возникали изъ заимствованія чужихъ учрежденій, (напр., чешская и польская шляхта). Напротивъ, въ германскомъ племени аристократія существовала искони, оно съ нею, какъ съ кровною принадлежностью своего быта, явилось въ исторіи. Аристократія въ германскомъ племени, говоря словами знаменитаго изслѣдователя [2]), «есть одно изъ тѣхъ учрежденій, начало и существо которыхъ опредѣлить невозможно; священная

[1]) См. Mommsen, Röm. Gesch. I, 59: „Die römische Gemeinde, die aus freien und gleichen Bauern bestand und keines Adels von Gottes Gnaden sich zu rühmen vermochte".

[2]) Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, I, 81:

мгла окружала ея происхожденіе, которое, конечно, связывали съ богами; въ понятіяхъ, въ сознаніи народа жила идея ея преимущества.»

Принятіе христіанской вѣры не допустило, чтобы въ германцахъ развитіе аристократическаго духа довело отношенія ихъ къ завоеваннымъ племенамъ до такихъ явленій, какъ греческіе илоты и пенесты или индійскіе судры и паріи; но способъ, которымъ это племя примѣняло власть свою надъ инородцами, свидѣтельствуетъ о томъ же направленіи, о той же исключительности, какая отличала древнихъ арійцевъ Индіи и Эллады, тогда какъ славянское племя всякаго инородца ставило тотчасъ въ равноправное положеніе съ собою, мало того, готово было уступить ему преимущество.

Сила личной самостоятельности обезпечивала въ германскомъ племени умственную свободу, вызывала умственный трудъ. Германія явилась преемницей древней Греціи въ области мысли и знанія. Славяне начали свою историческую жизнь шестью столѣтіями позднѣе германцевъ; ихъ общительный духъ дѣлалъ ихъ столько же склонными къ подражательности, какъ нѣкогда иранцевъ и италійцевъ; преобладаніе силы общественной надъ самостоятельностью лица, также какъ въ иранцахъ и италійцахъ, противодѣйствовало умственной производительности. Этотъ переимчивый характеръ, этотъ недостатокъ личной самостоятельности имѣлъ послѣдствіемъ, что западные и южные славянскіе народы, уже на первыхъ порахъ своего историческаго бытія, столкнувшись съ народами болѣе развитыми, тотчасъ же подчинились ихъ понятіямъ и быту. Умственная дѣятельность этихъ славянъ была лишь отголоскомъ иностранныхъ вліяній и только проблесками являлось у нихъ самородное творчество. Независимымъ отъ иностранныхъ вліяній развивался, между всѣми славянскими вѣтвями, одинъ только народъ великорусскій, онъ только одинъ выработался и окрѣпъ на почвѣ самороднаго славянскаго духа и быта, и уже тогда, когда совершенно сложился и устроился въ государство, въ полнотѣ независимой силы, сталъ искать полезныхъ заимствованій и умственнаго обогащенія отъ иностранцевъ: такъ нѣкогда и римляне, уже послѣ того какъ объединили вокругъ себя всю среднюю Италію и создали несокрушимый организмъ государственный, пошли къ грекамъ на выучку наукамъ и искусствамъ. И если всмотримся во внутренній характеръ римлянъ въ эпоху, когда начался у нихъ этотъ поворотъ къ греческой образованности, то мы изумимся сходству основныхъ его свойствъ съ внутреннимъ характеромъ допетровской Руси, не смотря на безконечную разницу всей внѣш-

ней обстановки, условій жизни, религіи, формы правленія и т. д.; Когда писатель, лучше всѣхъ представившій природный ходъ римской исторіи, когда Моммзенъ рисуетъ римское государство, какъ оно было въ пятомъ вѣкѣ своего существованія, при окончательномъ завоеваніи средней Италіи, онъ какъ будто изображаетъ намъ существенныя черты московскаго царства передъ Петромъ. — «Рѣзко поражаетъ въ эту эпоху — говоритъ онъ — совершенное отсутствіе индивидуальности въ италійскомъ, и преимущественно въ римскомъ бытѣ сравнительно съ безконечнымъ разнообразіемъ племеннымъ, мѣстнымъ и личнымъ въ эллинскомъ мірѣ. Не было болѣе энергической эпохи въ исторіи Рима, какъ эпоха съ образованія римской республики до подчиненія Италіи. Въ эту пору основалось общественное устройство внутреннее и внѣшнее, создалось единое государство италійское, установилось преданіе законодательное и политическое. Но лица, принесшія отдѣльные камни въ эту исполинскую постройку исчезли изъ памяти безъ слѣда, и римская община также всецѣло слила въ себѣ личности своихъ гражданъ, какъ съ нею слились отдѣльныя колѣна италійскаго народа. Не геній отдѣльнаго лица владѣлъ Римомъ и черезъ Римъ Италіею, но неизмѣнная, передававшаяся изъ рода въ родъ, политическая мысль. Такъ достигнуты были громадные результаты, но за громадную цѣну. Въ римскомъ государствѣ не имѣлъ самъ по себѣ значенія ни одинъ человѣкъ, ни рядовой, ни полководецъ, и подъ строгою нравственно-полицейскою дисциплиной глохла всякая особенность личной природы. Римъ сталъ великъ, какъ ни одно государство въ древности; но величіе свое онъ дорого купилъ — пожертвованіемъ прелестнаго разнообразія, сладостнаго удобства, внутренней свободы эллинской жизни» [1]).

Такую жертву принесло, ради государства, и славянское племя тамъ, гдѣ жизнь его текла безъ помѣхи отъ иноземныхъ понятій и стремленій, предоставленная своему природному влеченію. Дѣйствительно дорогую цѣну, какъ говоритъ Моммзенъ о древнихъ римлянахъ, далъ и великорусскій народъ за свое государственное величіе; онъ отказался въ то время отъ личной самостоятельности, отъ свободнаго творчества мысли; всѣ свои умственныя потребности ограничивалъ онъ церковнымъ уставомъ, книгою законовъ и какихъ-нибудь практическихъ наставленій, да лѣтописью; самую вѣру связалъ съ государственнымъ своимъ устройствомъ. Конечно, такихъ жертвъ для государства

[1]) Mommsen, Röm. Gesch. I, 425 — 428. Слова этого историка приведены нами съ сокращеніями.

не принесъ ни одинъ народъ послѣ римлянъ. Но въ томъ-то и заключается, кажется, причина необыкновеннаго историческаго счастія, сопровождавшаго римскій народъ, а также успѣховъ, которые до сихъ поръ имѣлъ народъ великорусскій сравнительно со всѣми другими славянами. И тотъ и другой, прежде всего, удовлетворили сполна потребности общественнаго единства, лежавшей въ характерѣ племени, а потомъ уже стали помышлять о другихъ сторонахъ жизни. Этимъ сохранили они самостоятельность своего племенного духа и характера, которую теряли ихъ соплеменники, по врожденной италійцамъ въ древности и славянамъ еще въ наше время общительности, поддавшись чужимъ направленіямъ прежде, чѣмъ успѣли себя скрѣпить незыблемою государственною организаціею. Безъ государственнаго подвига, совершеннаго великорусскимъ народомъ, какъ прежде того римлянами, самое славянское племя, какъ и въ древности италійское, остались бы безъ значенія въ жизни человѣчества.

Говорятъ, исторія не повторяется. Напротивъ того, покрайней мѣрѣ въ арійскомъ поколѣніи, она совершаетъ какъ бы повторяющіеся обороты. Но они идутъ всякій разъ шире и дальше; начало каждаго оборота параллельно прошлому, но потомъ кругъ его простирается далѣе. Это доказываютъ два древніе періода. Индусы остановились на своемъ индивидуализмѣ и сословномъ раздробленіи и заснули, не достигнувъ вовсе жизни политической. У иранцевъ развитіе ограничилось простою, наружною, такъ сказать, государственною постройкою, и они пали, прежде чѣмъ проявилось въ нихъ личное самосознаніе. Вслѣдъ за тѣмъ, греки не остались уже при одномъ индивидуальномъ развитіи; они умѣли сложиться и политически на столько, что были въ состояніи защищаться отъ ига персовъ, хотя сдѣлались потомъ легкою добычею для македонцевъ и римлянъ. Съ своей стороны, римляне не остались тѣмъ безличнымъ, поглощеннымъ всецѣло въ государствѣ народомъ, какимъ мы ихъ видимъ въ ту пору, когда, довершивъ объединеніе средней Италіи, они стали принимать участіе и въ дѣлахъ внѣ своего полуострова; они дали въ своей средѣ нѣкоторое мѣсто личной своеобразности и свободной мысли и, хотя не избавились отъ подражанія грекамъ, однако внесли не мало и своихъ вкладовъ въ наше умственное наслѣдство. Идеаломъ въ этомъ поступательномъ развитіи исторіи было бы полное и цѣльное сочетаніе обѣихъ силъ, проявлявшихся доселѣ розно и противоположно въ арійскихъ народахъ: сочетаніе свободной дѣятельности личной и мѣстной съ единствомъ общественнымъ и могуществомъ политической жизни. Племя германское, въ одной изъ своихъ

вѣтвей, уже представляетъ отчасти осуществленіе этого идеала: мы говоримъ объ Англіи, умѣвшей совмѣстить силу государственной организаціи съ нетронутыми основаніями германскаго индивидуализма и свободнаго личнаго и мѣстнаго развитія. Сама Германія, очевидно, старается идти къ той же цѣли. Когда идеалъ этотъ сдѣлался уже доступенъ людямъ въ германскомъ мірѣ, по крайней мѣрѣ между англо-саксами, то заключимъ ли мы отсюда, что онъ будетъ доступенъ и въ мірѣ славянскомъ, развивающимся рядомъ съ германскимъ, — что на почвѣ славянской общительности и всемогущества государственнаго откроется просторъ для свободной дѣятельности личныхъ и мѣстныхъ силъ, подобно тому, какъ тамъ неподатливыя угловатости германскаго индивидуализма дали себя сомкнуть въ крѣпкій строй государственный?

Какъ бы то ни было, но мы знаемъ, что развитіемъ славянскаго племени замыкается цѣлая эра, открывшаяся появленіемъ арійцевъ въ исторіи. Славяне — послѣдняя изъ семей арійскихъ, которыя нѣкогда вышли изъ средней Азіи, послѣднее племя древняго арійскаго корня, выступившее въ міръ. Послѣ нихъ являться будутъ уже только новые ростки или новыя сочетанія дѣйствовавшихъ прежде народовъ. Когда славянское племя (а это неизбѣжно) подчинитъ себѣ и усвоитъ арійской жизни весь материкъ на востокъ отъ Европы, какъ племена германское и кельто-латинское усвоили материкъ, лежащій на западѣ отъ нашей части свѣта, тогда работа, начавшаяся въ тотъ день, какъ арійскія семьи оставили свою колыбель, чтобы искать себѣ счастія въ новыхъ мѣстахъ, довершится, охвативъ весь земной шаръ, и, вѣроятно, настанетъ новая историческая эра.

А. Гильфердингъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

О СРОДСТВѢ ДРЕВНИХЪ ГЕТОВЪ И ДАКОВЪ СЪ ѲРАКІЙЦАМИ *).

Окончательное признаніе одноплеменности извѣстныхъ ѳракійскихъ народовъ и колѣнъ, какъ особой группы въ семьѣ европейскихъ арійцевъ, составитъ, по нашему мнѣнію, одинъ изъ самыхъ важныхъ шаговъ въ уясненіи древней исторіи нашей части свѣта. Хотя изслѣдователи, какъ Шафарикъ, Цейсъ и др., уже признавали это родство, однако до сихъ поръ являются, даже въ самыхъ серьозныхъ сочиненіяхъ, противоположныя теоріи, и вообще ѳракійское племя какъ-то улетучивается въ книгахъ о европейской древности, и на его мѣсто ставятся то греки, то славяне, то нѣмцы, смотря по тому, на комъ изъ этихъ народовъ преимущественно сосредоточено вниманіе автора. Главная причина этихъ ложныхъ взглядовъ заключалась, кажется, въ совершенной неизвѣстности, въ какой до послѣдняго времени находился народъ албанскій и его языкъ, и въ невниманіи къ языку румынскому. Нынѣ, при лучшемъ знакомствѣ съ ними (хотя еще крайне недостаточномъ), нельзя будетъ устранять изъ исторіи племя, которое оставило въ этихъ двухъ столь своеобразныхъ народахъ живое свидѣтельство своего бытія. Не останавливаясь здѣсь на цитатахъ изъ древнихъ писателей и другихъ доводахъ, чтобы подтвердить племенное единство прежнихъ обитателей западной половины Малой Азіи съ ѳракійцами и иллирами европейскими, такъ какъ въ этомъ едва-ли кто-либо въ настоящее время усомнится, мы постараемся только доказать слова наши относительно происхожденія гетовъ или даковъ, какъ вопроса наиболѣе спорнаго и существенно важнаго въ древней славянской исторіи. Приведемъ свидѣтельства:

1) По Геродоту, писавшему около 450 г. до Р. Хр., во время похода персидскаго царя Дарія на Скиѳію въ 513 г., геты жили на южной сторонѣ Дуная, въ нынѣшней Болгаріи; при этомъ Геродотъ называетъ гетовъ мужественнѣйшими и праведнѣйшими изъ ѳракійцевъ (*οἱ δὲ Γέται—Θρηίκων ἐόντες ἀνδρειότατοι καὶ δικαιότατοι*. IV, 93). Въ другомъ мѣстѣ (V, 3), тотъ же Геродотъ разсказываетъ, что «ѳракійцы носятъ много различныхъ названій, смотря по каждой мѣстности, но держатся во всемъ совершенно одинаковыхъ законовъ, кромѣ гетовъ, траусовъ и жителей окрестностей Крестона» (послѣдніе, какъ полагаютъ, были жители нынѣшняго Солунскаго края); особенность же гетовъ между ѳракійцами состояла, какъ онъ объясняетъ, въ особомъ вѣрованіи относительно безсмертія.

2) Въ 429 г. до Р. Хр., геты, по словамъ современника, Ѳукидида (II, 96), жили также между Балканомъ и Дунаемъ и участвовали, вмѣстѣ со множествомъ ѳракійскихъ колѣнъ, въ походѣ могущественнѣйшаго въ то время изъ князей ѳракійскихъ, Ситалка, государя одризовъ, противъ Македоніи.

*) Къ стр. 246.

3) Въ 335 г. до Р. Хр., геты обитали уже на сѣверной сторонѣ Дуная, и тамъ съ ними воевалъ Александръ Македонскій. Побѣжденные въ сраженіи на берегу Дуная, они бросились сперва въ какой-то городъ, въ 1 парасангѣ (около 5-ти верстъ) отъ этой рѣки; но какъ городъ былъ плохо укрѣпленъ, то съ приближеніемъ Александра, забрали на коней сколькихъ могли изъ женъ и дѣтей и удалились въ степь (*ἐς τὰ ἔρημα*. Arrian. Anab. I, 3—4). — Изъ этихъ столь опредѣленныхъ извѣстій оказывается, что переходъ гетовъ съ южнаго на сѣверный берегъ Дуная совершился въ періодъ между 429 и 335 г. Въ другомъ мѣстѣ мы скажемъ о вѣроятнѣйшей причинѣ этого переселенія. Впрочемъ, геты, какъ видно изъ Страбона, Овидія и др., не покидали совершенно южнаго берега, а оттуда только распространили свое владычество на сѣверъ. Страбонъ прямо говоритъ (VII, 3), что земля гетовъ, въ началѣ узкая, простиравшаяся на южной сторонѣ Истра, потомъ распространилась отъ Геркинскаго лѣса до тиригетовъ (т. е. отъ Богеміи до Днѣстра): очевидно, что геты не могли заселить столь огромнаго пространства, а занявъ, можетъ быть, дѣйствительно поселеніями своими ближайшіе на сѣверномъ берегу Дуная края, гдѣ и сражался съ ними Александръ Македонскій, остальную страну подчинили своей власти. Когда Овидій жилъ въ ссылкѣ въ Томи на берегу Чернаго моря, на южной сторонѣ Дуная, его непосредственно окружали геты.

4) Страбонъ говоритъ еще о гетахъ слѣдующее (VII, 3): «Греки считали гетовъ за ѳракійцевъ; жили они на обѣихъ сторонахъ Дуная, какъ они, т. е. сами геты, такъ и мисы — *Μυσοί*, — которые и сами также ѳракійцы и называются нами нынѣ (Страбонъ писалъ въ исходѣ послѣдняго вѣка до Р. Хр.) мэсами—*Μοισοί* — и отъ которыхъ произошли и мисы, обитающіе нынѣ между лидами, фригами и троянцами». Далѣе Страбонъ распространяется объ одноплеменности мало-азіятцевъ съ европейскими ѳракійцами, ошибаясь только въ томъ, что онъ считаетъ первыхъ выходцами изъ Европы, а не на оборотъ. Затѣмъ возвращаясь къ европейскимъ мисамъ, онъ продолжаетъ: «Посидоній (жившій между 135 и 51 годами до Р. Хр.) говоритъ о мисахъ, что они по благочестію воздерживаются отъ мяса живыхъ тварей, а потому и отъ домашнихъ животныхъ; употребляютъ медъ и молоко и сыръ, живя въ безмолвіи, почему ихъ и называютъ богобоязненными (*θεοσεβεῖς*) и капноватами. Есть и такіе между ѳракійцами, которые живутъ безъ женъ, и которыхъ называютъ ктистами; уваженіе, ими внушаемое, освящаетъ ихъ, и они живутъ въ безопасности». Впрочемъ, Страбонъ оговариваетъ, что не слѣдуетъ принимать въ слишкомъ обширномъ смыслѣ этого обычая безбрачной жизни, и особенно, прибавляетъ онъ, ѵѳракійцевъ и въ числѣ ихъ у гетовъ (*καὶ μάλιστα παρὰ τοῖς Θραξὶ καίτοι τούτων τοῖς Γέταις*). Смотри—выписываемъ далѣе—что говоритъ о нихъ Менандръ (р. 342 г. до Р. Х.) не выдумывая, какъ казалось бы, а взявъ изъ дѣйствительности (*ἐξ ἱστορίας λαβών*): «всѣ Ѳракійцы, особенно между всѣми мы геты — ибо и я хвалюсь быть оттуда родомъ (*πάντες μὲν οἱ Θρᾷκες, μάλιστα δὲ Γέται—ἡμεῖς ἁπάντων, καὶ γὰρ αὐτὸς εὔχομαι—ἐκεῖθεν εἶναι το γένος*)— мы не совсѣмъ умѣренны... изъ насъ ни одинъ не женится иначе какъ на десяти или одиннадцати женахъ, а иные и на двѣнадцати и большемъ числѣ».

Итакъ, очевидно, что и Страбонъ и приводимый имъ Менандръ признавали гетовъ вѣтвью ѳракійскаго племени. Хотя Страбонъ въ началѣ выписаннаго нами мѣста говоритъ объ этомъ, только какъ о мнѣніи грековъ, однако далѣе онъ же самъ отмѣчаетъ фактъ, по которому это мнѣніе оказывается несомнѣнною истиною; именно, онъ приводитъ, что геты говорятъ на одинаковомъ языкѣ съ ѳракійцами: *τῶν Γετῶν, ὁμογλώττου τοῖς Θρᾳξὶν ἔθνους*.

5) Тотъ же Страбонъ разсказываетъ, что гетскій народъ дѣлили издавна на

на даковъ и гетовъ; что даками назывались тѣ, которые жили Германіи и къ верховьямъ Дуная, гетами—обитавшіе на востокъ, къ морю, и что разграничительную черту между ними составляли Дунайскіе пороги. Страбонъ прибавляетъ, что геты и даки имѣютъ одинъ языкъ; же болѣе извѣстны грекамъ, потому что они безпрестанно передвигаются одной стороны Истра (нижняго Дуная) на другую и смѣшались съ мисами. акова же участь, прибавляетъ онъ, и трибалловъ, народа ѳракійскаго.

6) Живши въ ссылкѣ съ 8 до 17 г. по Р. Хр., извѣстный Овидій могъ въ мѣстѣ своего изгнанія, Томи, лежавшемъ на самой границѣ подвластнаго римлянамъ края гетовъ на южной сторонѣ Дуная и земли независимыхъ сарматовъ, наблюдать окружавшіе его «варварскіе» народы и въ своихъ элегіяхъ оставить намъ не одну картину ихъ образа жизни. «Мнѣ недостаетъ словъ, пишетъ онъ въ одной изъ нихъ (Trist. III, 13), я разучился говорить. Вездѣ кругомъ меня звучитъ ѳракійская и скиѳская рѣчь (Threicio Scythicoque iere circumsonor ore), и мнѣ кажется, что я могъ бы писать гетскими стихами»; а въ другой элегіи:—«Кажется мнѣ, что я разучился уже по-латыни, потому что выучился говорить по-гетски и по-сарматски (Ipse mihi videor iam dedidicisse Latine: Nam didici Getice Sarmaticeque loqui. V. 12).» Что же это: Овидій слышитъ вокругъ себя ѳракійскую и скиѳскую рѣчь, а выучивается говорить по-гетски и по-сарматски? Невозможно предположить, чтобы онъ выучился не тѣмъ языкамъ, на которыхъ говорили люди, его окружающіе; трудно также допустить, чтобы поэтъ, подобный Овидію, употреблялъ слова не впопадъ и не отдавая себѣ отчета въ ихъ смыслѣ. Но мы найдемъ, что онъ выразился совершенно точно, ибо еще Геродотъ засвидѣтельствовалъ, что сарматы говорятъ на томъ же языкѣ, что и скиѳы, лишь съ нѣкоторыми «ошибками» (*σολοικίσοντες*. Herod. IV. 117), а объ языкѣ гетовъ мы сейчасъ привели извѣстіе Страбона, что это языкъ ѳракійскій. Итакъ, Овидій выразился какъ нельзя болѣе правильно, когда писалъ, что вокругъ себя онъ слышитъ рѣчь ѳракійскую, — на которой говорили геты, и скиѳскую, т. е. ту, которую употребляли сарматы, и за тѣмъ, что онъ выучился по-гетски и по-сарматски. Эти слова поэта могутъ, по нашему мнѣнію, быть поставлены на ряду съ самыми вѣрными показаніями о происхожденіи гетскаго языка,

7) Географъ Помпоній Мела, писавшій во 2-ой половинѣ I-го столѣтія по Р. Хр., также причисляетъ гетовъ прямо къ ѳракійцамъ: «Ѳракійцы, составляя одно племя, имѣютъ многоразличныя названія и обычаи; нѣкоторые изъ нихъ суровы и готовы жертвовать жизнію, какъ-то геты» (Una gens, Thraces habitant aliis aliisque praediti et nominibus et moribus. Quidam feri sunt et ad mortem paratissimi, Getae utique). Прибавимъ къ этому, что римляне, у которыхъ имя даковъ сдѣлалось болѣе употребительнымъ, такъ какъ они преимущественно сталкивались съ западною частію этого народа, не теряли изъ виду тождества даковъ съ гетами. Плиній (IV, 12) пишетъ: «Геты названы у римлянъ даками» (Getae Daci Romanis dicti); Юстинъ, извлекая изъ Трога Помпея (XXXII, 3), замѣчаетъ: Daci quoque soboles Getarum sunt.

8) Іосифъ Флавій (Antiq. Iud. XVIII, 1) описываетъ у гетовъ такое же религіозное общество, какое по приведенному выше свидѣтельству Посидонія, сохраненному Страбономъ, существовало у мисовъ, народа безспорно ѳракійскаго. Общество это, по словамъ Іосифа, носило названіе полистовъ и весьма сходствовало съ извѣстною іудейскою сектою эссеевъ, вѣровавшею въ безсмертіе души и отличавшеюся подвижническою жизнію. Эти полисты тоже отличаются чистотою нравовъ; они усердно занимаются хлѣбопашествомъ. Все у нихъ общее, и богатый не пользуется большими наслажденіями, нежели бѣдный. Они

избираютъ себѣ въ начальники лучшихъ людей, жрецовъ. Ведутъ они жизнь безбрачную, не держатъ рабовъ и служатъ другъ другу. Ихъ считается до 4000. Къ этому извѣстію, свидѣтельствующему о сходствѣ религіознаго направленія у гетовъ и мисовъ можно прибавить, что, по словамъ Лукіана (Jup. trag.), ѳракійцы приносятъ жертвы Замолксису; между тѣмъ, по Геродоту и другимъ писателямъ извѣстно, что этотъ Замолксисъ или Залмоксисъ былъ верховнымъ богомъ гетовъ, какъ подтверждаетъ и найденная въ древней Дакіи, а именно въ Тордѣ (въ Трансильваніи, какъ полагаютъ, древнемъ Salinae), надпись *):

ZAMOLXI
O. M.
GET. PP.
ERMID. SIGAVVS.
SAC. EIV
V. S.

9) Діонъ Хрисостомъ, самъ путешествовавшій въ странѣ гетовъ въ царствованіе Домиціана (81—97 г.) и написавшій особое о нихъ сочиненіе, до насъ не дошедшее, прямо причисляетъ ихъ къ ѳракійскому племени: «Нѣкоторые изъ ѳракійцевъ, называемые гетами», говоритъ онъ (*τῶν Θρᾳκῶν τινες τῶν Γετῶν γελομένων.* Oratio LXXII). По его мнѣнію, мисы, упоминаемые въ Иліадѣ, были тотъ же народъ, что современные ему геты (Or. XII: *εὐθὺ τοῦ Ἴστρου καὶ τῆς Γετῶν χώρας κατὰ τὴν νῦν ἐπίκλησιν, ἣ Μυσῶν ὡς φησιν Ὅμηρος.*)

10) Ко всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ, относящимся ко времени политической извѣстности и самостоятельности гетовъ, можно прибавить и позднѣйшія. Діонъ Кассій (жившій во второй половинѣ II-го вѣка) указываетъ, не смотря на нѣкоторую сбивчивость выраженій, на ихъ связь съ ѳракійскими народами: «Даки, говоритъ онъ (LI, 22), суть въ нѣкоторомъ смыслѣ скиѳы (*Σκύθαι τρόπον τινά*); живутъ они на обѣихъ сторонахъ Истра; но тѣ изъ нихъ, которые обитаютъ по сю сторону и близъ края трибалловъ (т. е. на южной сторонѣ), принадлежатъ къ области Мисіи и называются — впрочемъ только не у мѣстныхъ жителей, мисами; обитающіе по ту сторону названы даками, все равно геты-ли они или ѳракійцы дакійскаго колѣна, нѣкогда населявшаго Родопскія горы» (*οἱ δὲ ἐπέκεινα Δακοὶ κέκληνται εἴτε δὴ Γέται τινὲς εἴτε καὶ Θρᾷκες τοῦ Δακικοῦ τοῦ τὴν Ροδόπην ποτε ἐνοικήσαντος, ὄντες*).—Въ другомъ мѣстѣ, упомянувъ о тождествѣ даковъ съ гетами, онъ прибавляетъ, что этимъ именемъ—даковъ, и римляне и сами они (даки) себя называли (LXVII, 6).

Комментаторъ Виргилія Сервій упоминаетъ о тождествѣ гетовъ съ мисами: ad Aen. VII, 604. Getarum fera gens etiam apud maiores fuit; nam ipsi sunt Mysii; quos Sallustius a Lucullo dicit esse superatos. Наконецъ, Стефанъ Византійскій, въ исходѣ V-го вѣка составившій словарь именъ народовъ и городовъ по сочиненіямъ греческихъ писателей, отмѣтилъ, что «геты—ѳракійскій народъ» (*Γετία, ἡ χώρα τῶν Γετῶν. Γέτης γὰρ τὸ ἐθνικὸν οὐ τὸ κύριον. ἔστι Θρᾳκικὸν ἔθνος*).

Вся эта совокупность свидѣтельствъ доказываетъ довольно ясно, что геты и даки принадлежали къ ѳракійскому племени. Тѣмъ не менѣе, знаменитый Гриммъ составилъ цѣлую систему, основанную на томъ, что они были народомъ германскаго происхожденія, а именно тѣмъ же народомъ, что готы, и въ настоящее время, эта система, благодаря авторитету ея родоначальника, принимается не только многими учеными въ Германіи, но и находитъ отголосокъ въ сочиненіяхъ

*) T. e. Zamolxi optimo maximo, Getarum populari, Ermid. Sigavus, sacerdos eius, votum solvit.—Die Röm. Inschr. in Dac. № 668.

французскихъ и англійскихъ. Присмотримся ближе къ доводамъ, на которыхъ она у Гримма опирается (доводы эти сведены въ IX главѣ его книги: Geschichte der Deutschen Sprache, и мы слѣдуемъ порядку, въ какомъ они въ этой главѣ изложены).

Первый доводъ: сходство именъ г е т о в ъ и г о т о в ъ заставляетъ предполагать тождество этихъ народовъ, да готы и являются позднѣе въ странѣ, гдѣ вначалѣ извѣстны были геты. — Безспорно, что готы, нѣкоторое время, занимали страну, прежде принадлежавшую гетамъ. Но мы знаемъ, достовѣрно, что геты въ этой странѣ были завоеваны римлянами при императорѣ Траянѣ окончательно въ 105 году нашего лѣтосчисленія, и что ихъ земля вслѣдъ затѣмъ подвергнута была римской колонизаціи въ обширнѣйшихъ размѣрахъ. Только сто лѣтъ спустя, а именно въ 214 г., готы, приближаясь съ востока, со стороны Черноморья, подходятъ къ обращенному въ римскую провинцію Гетскому краю и начинаютъ тревожить римскія границы. Но нападенія ихъ не имѣютъ цѣлію завладѣть Гетскою землею, къ чему бы они, конечно, прежде всего устремились, если бы то были потомки ушедшихъ передъ римлянами готовъ, теперь возвращающіеся въ родной край; нѣтъ, ихъ главная цѣль — грабить съ суши и съ моря богатыя мѣста на югѣ отъ Дуная, около Босфора и въ Малой Азіи, а въ Гетскій край они бросаются только послѣ того, какъ гунны ихъ вытѣснили изъ страны при Черномъ морѣ (въ 376 г.). Такимъ образомъ, преемственность готовъ и готовъ исторически не подтверждается; а при этомъ она положительно опровергается существованіемъ въ странѣ древнихъ готовъ народа румыновъ, которыхъ можно считать, очевидно, только либо потомками готовъ, принявшими внѣшніе признаки латинской народности послѣ ихъ покоренія римлянами и подъ вліяніемъ римскихъ колоній, или потомками самихъ этихъ колонистовъ, подвергшимися воздѣйствію туземнаго населенія. Въ томъ и другомъ случаѣ, у румыновъ должны найтись слѣды туземной стихіи. Разлагая языкъ ихъ, мы находимъ въ немъ преобладающую стихію латинскую, весьма много славянскаго, и кромѣ того не мало и такихъ словъ, которыя не принадлежатъ ни латинскому, ни славянскому корню; и слова эти, на сколько они до сихъ поръ могли быть объяснены, оказываются сродными албанскимъ (см. Миклошича, Die slavischen Elemente im Rumunischen стр. 8—10): стало быть, тутъ стихія ѳракійская, между тѣмъ какъ ни малѣйшаго присутствія германской стихіи въ румынскомъ языкѣ не замѣтно. Это одно совершенно уничтожаетъ всю теорію о связи готовъ съ готами. Очевидно, готы также безслѣдно ушли изъ Гетскаго края, какъ они мимоходными гостями вошли въ него, и непонятно только какимъ образомъ румынскій народъ и его языкъ былъ совершенно упущенъ изъ виду Гриммомъ и его послѣдователями въ разсужденіяхъ о происхожденіи готовъ.—При неоспоримомъ свидѣтельствѣ румынскаго языка, созвучіе именъ: геты и готы, теряетъ свое значеніе и оказывается простою случайностью. Мало того, сродство этихъ словъ не можетъ быть принято безъ нарушенія законовъ германской фонетики. По этимъ законамъ, изъ слова «геты», не говоря даже о разницѣ гласной (въ имени го́товъ коренная гласная *y*: настоящія германскія формы, какъ выводитъ Гриммъ, Guthai или Guthans), не могло выйти «готы»; *т* должно было тутъ обратиться въ *к*, какъ слово Graecus перешло у готовъ въ Krêks. Для объясненія этой неправильности, Гриммъ ссылается на то, что въ собственныхъ именахъ нарушался иногда у готовъ законъ нѣмецкой перегласовки, и что Ульфила писалъ напр. Galatia, Galiaia, не превращая *g* въ *k*: но то были слова книжныя, а могло ли имя самого народа не подлежать законамъ его собственнаго языка?—Послѣ всего этого, мы не имѣемъ надобности останавливаться на созвучіи именъ даковъ и дановъ (датчанъ), которые ставятся въ параллель съ гетами и готами; къ тому же имя

Dacus не коренное, а настоящая его форма была *Davus*, у грековъ Δάος (что, вѣроятно, соотвѣтствуетъ древне инд.: дава-с, мужчина, господинъ), такъ что *Dacus*, *Daci* есть только производное, вмѣсто *Davicus*, *Davici*; поэтому Гримму приходится отвергать первообразное значеніе слова *Dani* и искать въ немъ тоже какого нибудь сокращенія (*Dani* вмѣсто *Davini* или *Davicini*), не смотря на то, что нѣтъ ни малѣйшаго слѣда подобнаго измѣненія въ этомъ имени, и что, напротивъ, миѳическій герой, родоначальникъ народа, именуется *Dan;* а подобныя имена обыкновенно соотвѣтствуютъ древнѣйшимъ формамъ народныхъ названій. Гриммъ и его послѣдователи ссылаются еще на русскую форму *Датчанинъ* и лапландское *Tavs*, чтобы доказать, что корень этого имени не *Dan*, а *Dak;* но очевидно, что *Датчанинъ* есть евфоническая передѣлка слова *Данчанинъ* (у поляковъ, Дуньчикъ), а лапландцы свое *Tavs* вѣроятно заняли у русскихъ.

Второй доводъ Гримма основывается на томъ, что писатели послѣднихъ временъ древности и среднихъ вѣковъ употребляли названіе гетовъ вмѣсто готовъ, даковъ вмѣсто дановъ. Но этотъ фактъ, какъ указываетъ Вайтцъ въ своей превосходной книгѣ: Deutsche Verfassungsgeschichte, не имѣетъ никакого значенія. Писатели временъ литературнаго упадка, слѣдовавшаго за классическою эпохою, также какъ и средне-вѣковые ихъ преемники, любили облекать новые народы въ классическое одѣяніе древности: готовъ, славянъ, печенѣговъ называли они безъ разбора скиѳами, болгаръ мисами, сербовъ трибаллами и т. д. Тѣмъ охотнѣе должны они были ухватиться за созвучіе варварскихъ названій: готы даны, съ классическими именами гетовъ и даковъ. Гриммъ (Gesch. der deutsch. Spr. т. I, 128. 2 изд.) придаетъ особенную важность тому, что пока готы жили именно въ Придунайской странѣ, современные писатели обыкновенно обозначали ихъ названіемъ гетовъ. Но это-то обстоятельство всего менѣе доказываетъ. Неужели, когда Англія населилась германскимъ племенемъ, писатели, продолжавшіе по прежнему называть ея жителей британцами, хотѣли выразить, что они считаютъ народъ англо-саксонскій за потомковъ кельтскаго населенія острова? Греческій лексикографъ Свида, писавшій въ IX вѣкѣ, говоритъ: «Даки, народъ нынѣ называемый печенѣгами» (Δάκες οἱ νῦν Πατζινακίται λεγόμενοι). Неужели онъ хотѣлъ сказать, что печенѣги происходили отъ древнихъ даковъ, а не просто то, что даки были жителями страны, гдѣ въ его время обитали печенѣги?

Третій доводъ состоитъ въ томъ, что историкъ готскій Іорнандъ, написавшій книгу: «О происхожденіи и дѣяніяхъ Гетовъ или Готовъ» (de Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis), не только отождествляетъ эти два имени, но присвоиваетъ готамъ всю древнюю исторію гетскаго народа, съ его Замолксисами, Беребистами, Декенеями и т. д. По словамъ Гримма, чтеніе этой книги и вызвало въ немъ мысль о тождествѣ гетовъ и готовъ, мысль, послужившую потомъ основою всего взгляда его на германскую древность. Но, не говоря уже о прочихъ сторонахъ дѣла, взятая даже сама по себѣ, книга Іорнанда служитъ къ опроверженію этой теоріи. Іорнандъ писалъ въ Италіи около 550 г., то-есть лѣтъ 60 послѣ ухода готовъ изъ Придунайской страны. Знать достовѣрно, были ли готы, сопровождавшіе Теодорика въ Италію, тотъ же народъ, что коренные жители Придунайской страны, уже въ то время наводненной славянами, или нѣтъ,—онъ не могъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Іорнандъ зналъ очень хорошо, что прежде перехода въ Италію готы владѣли землею прежнихъ гетовъ; про этихъ гетовъ онъ зналъ изъ классическихъ авторовъ, которыхъ читалъ немало,—что они, геты, имѣли нѣкогда обширное царство и громкую извѣстность. При сходствѣ именъ, при совпаденіи жилищъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіи одного столѣтія, и наконецъ при желаніи, ясно проглядывающемъ въ сочиненіи Іорнанда, возвеличить славу своего народа, могъ ли онъ (особенно въ тотъ вѣкъ, такъ мало отличавшійся духомъ крити-

ческимъ) не счесть себя въ правѣ присвоить своимъ готамъ дѣянія гетовъ? Онъ самъ разсказываетъ въ своемъ предисловіи, какъ онъ это сдѣлалъ. Онъ составилъ извлеченіе изъ сочиненія въ 12 частяхъ нѣкоего сенатора (это италіянецъ Кассіодоръ, другъ Теодорика) «о происхожденіи и дѣлахъ *Гетовъ*», и добавилъ къ этому извлеченію еще кое-что изъ нѣкоторыхъ исторій греческихъ и латинскихъ: а въ этихъ выдержкахъ изъ греческихъ и латинскихъ историковъ рѣчь шла, разумѣется, тоже о древнихъ *гетахъ*, а не о новѣйшихъ готахъ, какъ впрочемъ видно изъ самой книги Іорнанда.

«Кромѣ того, *начало и конецъ*, говоритъ онъ въ заключеніе, и многое въ серединѣ я изложилъ своими словами (initium finemque et plura in medio mea dictione permiscens)». Это-то начало и этотъ конецъ, принадлежащіе самому готскому историку, дѣйствительно представляютъ преданія и событія, относящіяся къ *готамъ*; но они такъ мало вяжутся съ серединою книги, заключающею въ себѣ разсказъ о *гетахъ*, что отсутствіе какой-либо исторической связи между тѣми и другими бросается въ глаза при первомъ же чтеніи Іорнанда. Разсказъ начинается съ выхода готовъ изъ Скандинавіи и доводитъ ихъ до Чернаго моря, до Скиѳіи, гдѣ они водворяются подъ предводительствомъ Филимера; все это имѣетъ чисто германскій типъ и характеръ живого преданія. Вдругъ, отъ готскаго царя Филимера, авторъ обращается (гл. V), къ Замолксису, древнѣйшему гетскому законодателю, и отсюда начинается книжный разсказъ, въ которомъ играютъ роль амазонки, египетскій царь Сезострисъ (Vesosis), Киръ царь персидскій и его война съ массагетами, Александръ Македонскій и историческія личности собственно *гетскихъ* царей, Беребистъ, Декеней, и проч., до побѣдъ готовъ надъ войсками римскаго императора Домиціана. О послѣдовавшемъ за этимъ завоеваніи ихъ Траяномъ Іорнандъ умалчиваетъ, потому что это разрушило бы весь планъ его сочиненія, но вмѣсто того, отъ войнъ Домиціана съ гетами переходитъ прямо (гл. XIV) къ новому уже отдѣлу: вновь онъ вводитъ на сцену готовъ (дѣйствительныхъ германскихъ *готовъ*, а не гетовъ), и начинаетъ опять съ самаго начала, т. е. съ генеалогіи ихъ царей, идущей отъ полубоговъ (semideos, id est Anses): «Horum ergo heroum, ut ipsi suis in fabulis referunt, primus fuit Gapt, qui genuit Hulmul, Hulmul vero genuit Augis, at Augis genuit eum qui dictus est Amal» и проч. Вотъ собственно съ чего начиналась исторія готовъ, какъ Іорнандъ ее зналъ изъ народа, а все, что предшествуетъ этимъ строкамъ, кромѣ легенды о выселеніи изъ Скандинавіи и прицѣпленныхъ къ этой легендѣ свѣдѣній о народахъ сѣвера, — все прочее, говоримъ мы, искусственно навязано готамъ и не имѣетъ съ ними никакого отношенія. Неловкая вставка выписанной Іорнандомъ изъ книгъ «Исторіи гетовъ» въ народную повѣсть о похожденіяхъ *готовъ* — обнаруживается сама собою.

Въ заключеніе, Гриммъ разбираетъ остатки гетскаго языка, какъ-то собственныя имена и названія растеній по-гетски, сохраненныя Діоскоридомъ въ сочиненіи о лекарствахъ (I-го вѣка по Р. Хр.). Но эти остатки языка одни могутъ достаточно убѣдить въ томъ, что геты именно не были германцами, ибо въ нихъ, кромѣ общаго арійскаго типа, нѣтъ рѣшительно ничего сроднаго или схожаго съ германскими нарѣчіями. Гриммъ разобралъ 32 гетскихъ названія растеній, и какъ на зло, ни въ единомъ изъ нихъ не послышалось отголоска германской рѣчи; если же ему удалось объяснить совершенно удовлетворительно два изъ этихъ именъ (*χρουστάνη-χελιδόνιον*, т. е. ластовичная трава, и *δύν-ακαλύφη*, т. е. крапива), то первое изъ нихъ оказалось родственнымъ слову литовскому, а второе кельтскому. Не болѣе удачна была попытка Лео, въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. т. III, въ статьѣ: Einige Bemerkungen über die Sprache der Geten. И онъ объясняетъ разныя имена съ помощью другихъ арійскихъ

языковъ, и именно германскій языкъ оказывается тутъ совершенно не подходящимъ.

Другая, славянская теорія происхожденія гетовъ находила и находитъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ особенно между польскими учеными, такъ какъ она необходима для того, чтобы придать хотя тѣнь историческаго значенія баснословнымъ разсказамъ, которые Кадлубекъ предпослалъ своей польской хроникѣ. У насъ на ту же теорію потратилъ огромную ученость покойный Чертковъ. Но при всемъ уваженіи нашемъ къ трудамъ Черткова, также какъ и Лелевеля, Бѣлевскаго и другихъ польскихъ ученыхъ, мы не станемъ входить въ подробное опроверженіе этой теоріи; она не имѣетъ за себя даже тѣхъ, на первый взглядъ довольно заманчивыхъ, доводовъ, которыми Гриммъ доказывалъ тождество гетовъ съ готами. Лелевель, Бѣлевскій, Чертковъ и др., признавая достовѣрность показаній о сродствѣ гетовъ съ ѳракійцами (показаній, которыя Гриммъ, напротивъ того, старается обойти), отождествляютъ уже гуртомъ, вмѣстѣ съ гетами, и все ѳракійское племя съ племенемъ славянскимъ. Это мнѣніе падаетъ само собою передъ фактомъ существованія албанскаго языка и родственныхъ ему корней въ языкѣ румынскомъ и передъ свидѣтельствами исторіи, такъ ярко описывающими переселеніе славянъ съ сѣвера въ земли ѳракійскаго племени за Дунай въ VI вѣкѣ нашего лѣтосчисленія. Къ тому же намъ извѣстны сотни собственныхъ именъ лицъ, городовъ, колѣнъ ѳракійскихъ, и ихъ вполнѣ достаточно, чтобы доказать, что ѳракійцы, и въ числѣ ихъ геты, не были славяне.

Б.

Разборъ теоріи г. Шлейхера о мнимомъ славяно-германскомъ языкѣ *).

Высказанное нами мнѣніе о ближайшемъ сродствѣ славянскаго языка съ древне-индійскимъ и о позднемъ, сравнительно съ западно-европейскими арійцами, отдѣленіи славянъ отъ древняго арійскаго корня, отвергаются нѣкоторыми новѣйшими нѣмецкими лингвистами. Ихъ теорія та, будто славяне и литовцы выдѣлились изъ арійскаго единства вмѣстѣ съ германцами, будто эти три племени, германцы, литовцы и славяне составляли нѣкоторое время одно цѣлое, одну вѣтвь, которую эти ученые называютъ сѣверо-восточнымъ отдѣломъ индо-германскаго поколѣнія или славяно-германскою отраслью, и будто эта славяно-германская отрасль обособилась прежде другихъ арійскихъ племенъ въ Европѣ. Главнѣйшимъ представителемъ этого мнѣнія явился г. Шлейхеръ, который посвятилъ своей теоріи о «совокупленіи», какъ онъ выразился, литовско-славянскаго и германскаго языка особую статью, напечатанную въ Запискахъ академіи наукъ (Т. VIII: «Краткій очеркъ доисторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо-германскихъ языковъ. А. Шлейхера»). Затѣмъ нѣкоторые другіе изслѣдователи стали принимать на вѣру теорію г. Шлейхера, какъ окончательный выводъ науки.

Намъ кажется, что теорія эта основана на простомъ недоразумѣніи. Недоразумѣніе произошло оттого, что г. Шлейхеръ смѣшивалъ два начала, которыя необходимо строго различать при сужденіи объ отношеніяхъ народовъ и языковъ, а именно: первобытное, коренное родство и взаимодѣйствіе

*) Къ стр. 252.

историческое. Г. Шлейхеръ основываетъ свое ученіе о ближайшемъ сродствѣ литво-славянскаго языка съ нѣмецкимъ на слѣдующихъ признакахъ: 1) замѣнъ въ склоненіяхъ окончанія *би*, служащаго падежнымъ суффиксомъ въ разныхъ падежахъ, на ми; 2) образованіе въ прилагательныхъ двухъ формъ склоненія: опредѣленной и неопредѣленной; 3) потеря сослагательнаго наклоненія и наклонность различать въ формахъ глагола дѣйствіе совершенное отъ несовершеннаго; и наконецъ, 4) разныя слова, принадлежащія исключительно славянамъ, литовцамъ и нѣмцамъ. Между тѣмъ Шлейхеръ не замѣтилъ, что въ общемъ складѣ языкъ германскій, по своимъ звукамъ и законамъ ихъ измѣненій, по характеру грамматическихъ флексій и по лексическому составу представляетъ, напротивъ того, вѣтвь крайне отдаленную отъ славянскаго и литовскаго; что, если ужъ искать коренныхъ родственныхъ чертъ между разными арійскими вѣтвями въ Европѣ, то языкъ латинскій оказался бы сроднѣе литво-славянскому языку, чѣмъ германскій, и что всѣ признаки, на которыхъ онъ основываетъ мнѣніе свое о существовавшемъ будто бы нѣкогда языкѣ германо-славянскомъ, объясняются просто историческимъ взаимодѣйствіемъ между сѣверными народами арійскаго поколѣнія. Извѣстно, что племена, живущія въ сосѣдствѣ, тѣсно другъ съ другомъ соприкасающіяся и вліяющія другъ на друга, не ограничиваются простымъ заимствованіемъ другъ у друга нѣкоторыхъ словъ; они привыкаютъ къ общему складу рѣчи, такъ что самая ихъ грамматика и синтаксисъ становятся во многомъ сходными. Живыми свидѣтелями этого явленія служатъ современныя нарѣчія народовъ Балканскаго полуострова, грековъ, албанцевъ, румыновъ, болгаръ и сербовъ. Нынѣшніе греки, румыны, албанцы, болгаре и отчасти даже сербы[1]), отказались отъ особой формы для неокончательнаго наклоненія глагола, которую однако имѣютъ всѣ другія славянскія и романскія нарѣчія, которую имѣли древніе греки, и вѣроятно, имѣли предки албанцевъ. Теперь всѣ эти балканскіе народы не говорятъ: «я желаю имѣть», а должны сказать: «я желаю да имѣю». Тѣ же пять народовъ одинаково образуютъ будущее время помощью глагола хочу. Албанцы, румыны, болгары, для выраженія опредѣлительнаго члена при имени существительномъ, одинаково приставляютъ его къ концу слова; о другихъ грамматическихъ и звуковыхъ свойствахъ, общихъ языкамъ Балканскаго полуострова, мы не упоминаемъ, читатель найдетъ ихъ указаніе въ статьѣ Миклошича: Die slavischen Elemente im Rumunischen. Добавимъ только, что въ рѣчи македонскихъ болгаръ замѣчается весьма характеристическая черта выбрасыванія звуковъ *в*, *й*, *х*, и даже *д*, особенно между двумя гласными: греои вмѣсто грехови (грѣхи), убаа нееста (вмѣсто хубова невѣста, красивая невѣста), поглеамъ вмѣсто погледамъ (погляжу), змеои вмѣсто змеёви (змѣи) и т. д. (См. Сборникъ пѣсенъ Миладиновыхъ). Такимъ образомъ, у болгаръ въ ближайшихъ къ греческимъ поселеніямъ мѣстахъ повторяется въ наше время звуковой процессъ, сходный съ тѣмъ, который совершился у самихъ грековъ нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ, по выходѣ ихъ изъ арійскаго единства. Однако никто не станетъ утверждать, чтобы языкъ болгарскій былъ по коренному родству ближе къ греческому, чѣмъ всякое другое славянское нарѣчіе. Прямого заимствованія во всѣхъ исчисленныхъ нами общихъ чертахъ языковъ Балканскаго полуострова

---

[1]) У сербовъ еще существуетъ форма неокончательнаго наклоненія, но она употребляется почти только въ книжномъ языкѣ. Въ обыкновенной разговорной рѣчи сербъ-простолюдинъ ее почти всегда замѣняетъ, по примѣру языка болгарскаго, формою изъявительнаго наклоненія съ частицею да.

тоже никто предполагать не станетъ; но, очевидно, по этимъ примѣрамъ, что сожительство въ одной странѣ порождаетъ, путемъ историческимъ, между племенами, далекими другъ отъ друга по происхожденію, общіе обороты рѣчи, выражающіеся въ грамматическомъ складѣ, даже общія звуковыя склонности, которыя было бы совершенно ошибочно смѣшивать съ признаками коренного этнографическаго родства. Къ такимъ же явленіямъ историческаго сожительства и взаимодѣйствія относятся, мы утверждаемъ, всѣ тѣ общія черты грамматики славяно-литовской и германской, изъ которыхъ г. Шлейхеръ выводитъ свою теорію. Сравнимъ, напримѣръ, спряженіе глагола у нѣмцевъ и у славянъ: мы найдемъ, что выходя изъ общей арійской основы, оно вырабатывалось у тѣхъ и у другихъ совершенно самостоятельно и розно, но имѣетъ двѣ общія черты, потерю формы сослагательнаго наклоненія и сильное развитіе различія между глаголами совершенными и несовершенными, замѣнившаго собою отчасти и выраженіе будущаго времени. Не совершенно-ли сходное явленіе мы видимъ на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ пять нарѣчій разнаго происхожденія даютъ одинъ оборотъ выраженію будущаго времени и утратили форму неокончательнаго наклоненія?

Что касается фонетики, то г. Шлейхеръ считаетъ признаками ближайшаго родства языковъ германскаго и славянскаго смѣшеніе гласной *а* и ея повышеній съ повышеніями гласной *і* и замѣну первобытныхъ *придыхательныхъ г, б* и *д* простыми *г, б* и *д*. Но первый признакъ принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ фонетическимъ неправильностямъ, которымъ нельзя придавать значенія общаго звукового закона, второй свойственъ одинаково и кельтамъ. Если же г. Шлейхеръ прочтетъ въ своей собственной превосходной книгѣ: «Compendium der vergleichenden Grammatik der indo-germanischen Sprachen», статью о звуковыхъ законахъ и въ особенности о движеніи согласныхъ въ разныхъ языкахъ арійскихъ, то онъ убѣдится, какъ далека фонетика германская отъ литовско-славянской. Въ особенности желательно, чтобы онъ обратилъ вниманіе на переходъ звука *к* въ *с*. Изъ сравненія оказывается, что первоначально арійцы говорили: *дакан*, десять, *ката*, сто, *кравас*, слава, *квѣта-с*, свѣтлый, и что въ такомъ видѣ слова эти и другія тому подобныя перенесены были въ Европу не только греками, ѳракійцами, италійцами, кельтами, но и германцами, тогда какъ у славянъ и литовцевъ мы видимъ въ этихъ словахъ преимущественно такія формы, гдѣ *к* замѣнено уже шипящимъ звукомъ, подобно формамъ этихъ словъ въ языкахъ древнихъ индусовъ и иранцевъ (*дасан*, *сата*, *сравас*, *свѣтас*). По этому-то признаку основатель сравнительной лингвистики Боппъ уже въ 1835 г. открылъ, что языки литовскій и славянскій позднѣе другихъ европейскихъ вѣтвей отдѣлились отъ азіятскаго своего корня. «Кто хотѣлъ бы, писалъ онъ, спеціальную встрѣчу литовскаго и славянскаго съ Санскритомъ и Зендомъ въ этомъ случаѣ (т. е. въ превращеніи *к* въ *с*) и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ основать на историческомъ преданіи, тотъ долженъ бы былъ допустить предположеніе, что литовскія и славянскія племена вышли изъ азіятской родины въ такое время, когда уже наступило въ языкѣ смягченіе, которое не существовало еще тогда, когда греки и римляне, а также германцы, кельты и албанцы перенесли общій коренной языкъ въ Европу».

Дальнѣйшія изысканія, прибавляетъ къ этому Боппъ, еще болѣе утвердили его въ этомъ убѣжденіи [1]). По теоріи же г. Шлейхера выходило бы, что славяне уже въ позднее время, не только по переселеніи своемъ въ Европу, но и по

[1]) Bopp, Vergleich. Gramm. 2-е изданіе, т. I, стр. 39. Такимъ же признакомъ позднѣйшаго отдѣленія языковъ литовскаго и славянскаго отъ азіятскаго ихъ корня

окончаніи здѣсь періода своего нераздѣльнаго существованія съ германцами выработали, сами по себѣ, звуковой законъ, тождественный съ тѣмъ, который совершился у индусовъ и иранцевъ, по отдѣленіи отъ нихъ европейскихъ народовъ, и потомъ опять утратили этотъ самый звуковой законъ: ибо славяне и литовцы, на сколько мы знаемъ ихъ языкъ исторически, уже не обладаютъ возможностью превращать звукъ *к* въ *с*. Это предположеніе, составляющее однако необходимое послѣдствіе теоріи о мнимомъ славяно-германскомъ отдѣлѣ арійскаго племени, было бы до такой степени странно и неестественно, что самая теорія разрушается своимъ логическимъ выводомъ.

Не менѣе слабы тѣ доказательства этой теоріи, которыя г. Шлейхеръ отыскиваетъ въ общихъ германцамъ, литовцамъ и славянамъ словахъ и оттѣнкахъ значенія корней. Такими доказательствами служатъ для него слова: лгать; слабъ; кладу; ужасаю; лить; литовск. сакûти сказать; тысяча; литовск. квѣтис, ячмень; рожь; сребро; злато; многъ; долгъ; люди; полкъ; особенные оттѣнки, данные значенію обще-арійскихъ корней въ словахъ: владѣю; могу; литовск. шелпти, помочь; гребу; люблю; ищу; приставка *с* къ корню слу въ словѣ слышу; сохраненіе буквы *т* въ словѣ сестра, готск. svistar; суффиксъ — ьскъ, готск. iska. Прежде всего нужно замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ и окончаній вовсе не составляютъ спеціальной особенности трехъ разсматриваемыхъ языковъ и поэтому никакъ не могутъ служить свидѣтельствомъ ближайшаго ихъ родства. Такъ слово рожь принадлежитъ не только германцамъ, литовцамъ и славянамъ, но и индусамъ: pârû—a sort of grain, commonly raggy, much cultivated in the south of India (Словарь Вильсона). Указаніе г. Шлейхера, что корень луб, означающій у древнихъ индусовъ и латинцевъ желать, получилъ у германцевъ и славянъ оттѣнокъ любить, едва ли можетъ быть принято какъ доказательство, что славянскій языкъ ближе къ германскому, чѣмъ къ древне-индійскому или латинскому: ибо тотъ же корень является у славянъ въ словѣ любо, либо, которое совершенно тождественно по значенію съ латинскимъ lubet, libet. Г. Шлейхеръ говоритъ, что корень иш, означающій у индусовъ хотѣть, желать, только у славянъ, литовцевъ и нѣмцевъ получилъ болѣе спеціальное значеніе искать, но онъ не принялъ во вниманіе, что до сихъ поръ у сербовъ этотъ глаголъ сохраняетъ общее значеніе желать, настаивать на чемъ нибудь, требовать. Вставка *т* въ словѣ сестра, svistar, приставка *ш* въ словѣ слушать, слышать, употребленіе суффикса на ьскъ вовсе не составляютъ такой исключительной принадлежности языковъ, которыхъ г. Шлейхеръ причисляетъ къ славяно-германской вѣтви: у литовцевъ сестра — сесу, родит. падежъ сесерс, стало быть здѣсь *т* нѣтъ. У древнихъ индусовъ мы находимъ слово *с*раушат, употребляемое какъ возгласъ при жертвоприношеніяхъ (an exclamation used in making an offering to the Manes or gods), — очевидно, сокращеніе вмѣсто *с*раушатас—слушайте! Стало быть, была нѣкогда у индусовъ такая же формація изъ корня *с*ру посредствомъ приставки *ш*. Но, чтобы не останавливаться долѣе на разборѣ приводимыхъ г. Шлейхеромъ примѣровъ, обратимъ вниманіе на постоянное, въ теченіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, сосѣдство, смѣшеніе и взаимное историческое вліяніе германцевъ, славянъ и литовцевъ. Все это непремѣнно пріучало ихъ выбирать изъ огромнаго запаса синонимовъ, которыми изобиловала древняя рѣчь арійская, одинаковыя выраженія для означенія общихъ понятій, придавать одинаковые оттѣнки смыслу древнихъ корней, употреблять одинаковые пріемы для

Бопп признавалъ тождество у нихъ формъ двойственнаго числа и неокончательнаго наклоненія съ формами древне-индійскими (т. I, 415 — 419; т. III, 298).

образованія производныхъ словъ. Поэтому списокъ примѣровъ, представленныхъ г. Шлейхеромъ, хотя бы онъ и удесятерилъ ихъ число, ни мало не доказываетъ ближайшаго коренного родства германцевъ съ славянами и литовцами. Если мы возьмемъ словари славянскій и литовскій, то въ нихъ дѣйствительно найдемъ тысячи совпаденій (не говоря о прямыхъ заимствованіяхъ, сдѣланныхъ литовскимъ племенемъ у славянскаго); здѣсь дѣйствительно видно, что Литва и славяне имѣли нѣкогда одинъ языкъ по отдѣленіи своемъ отъ арійскаго корня. Въ отношеніи же германцевъ мы можемъ только удивляться тому, что такъ мало съ ними лексическихъ аналогій у литвы и славянъ, и когда мы знаемъ, въ какой мѣрѣ историческія причины должны были способствовать здѣсь образованію одинаковыхъ словъ и выраженій, то малочисленность эта представляетъ намъ лучшее доказательство, какъ далеко отстояла уже рѣчь германская отъ литовско-славянской при первой встрѣчѣ этихъ арійскихъ племенъ въ Европѣ.

Нѣтъ, если извѣстное количество общихъ словъ, исключительно свойственныхъ двумъ племенамъ, можетъ независимо отъ общаго звукового и грамматическаго характера языка, служить свидѣтельствомъ ближайшаго сродства этихъ племенъ, то такое сродство необходимо признать между славянами и индусами. Здѣсь исторія не только не могла содѣйствовать появленію или сохраненію общихъ словъ, а напротивъ, съ каждымъ поколѣніемъ число ихъ должно было уменьшаться. Между тѣмъ, въ живущихъ нынѣ славянскихъ нарѣчіяхъ, мы находимъ огромное множество словъ, которыя совершенно тождественны съ словами древне-индійскими (санскритскими) и свойственны только этимъ двумъ племенамъ. Мы не рѣшаемся приводить, какъ это дѣлаетъ г. Шлейхеръ, глаголовъ и оттѣнковъ въ значеніи корней, ибо въ этомъ отношеніи примѣровъ можно бы набрать цѣлыя сотни, да притомъ въ корняхъ и глаголахъ между всѣми арійскими вѣтвями уцѣлѣло наиболѣе аналогій. Пусть намъ позволятъ только указать на слова вполнѣ развитыя, исключительно свойственныя славянской (отчасти литовской) рѣчи, съ одной стороны, и древне-индійской (и отчасти зендской) съ другой. Аналогіи въ этомъ отношеніи поразительны и, конечно, ни въ какомъ другомъ изъ языковъ европейскихъ нельзя найти такого близкаго родства съ древнею рѣчью Ведъ и Зендавестою. Имѣя въ виду читателей сочиненія историческаго, мы приведемъ только нѣсколько примѣровъ, преимущественно изъ русскаго языка, какъ-то: *баса́* (сѣверно-русск. краса, нарядъ) — древне-индійск. *бâса-с*, блескъ; *бесѣда* — *бâшита-с*, сказанный; *бâшита-м*, сказанное, рѣчь, разговоръ; *бирюкъ* — *бûрука-с*, медвѣдь; *бисеръ* — *бâсура*, блестящій, *бâсура-с*, хрусталь; *благой* — *валгу*, прекрасный; *болванъ* — *улвана*, *улбана*, массивный, громадный (klumpig, massenhaft, ungeheuer); *болій*, большій — *балûјас*, сильнѣйшій; *бръзъ*, борзый, польск. *барзо* (древн.), *бардзо*, очень — *брьса*, крѣпкій, стремительный, *брьсам*, очень; *буй*, буйный — *бу̂јас*, большій (у славянъ, сравнительная степень обращена въ положительную, какъ у насъ въ словѣ большой); *буса* — *бу̂шâ*, украшеніе; *бусъ* (сѣверн. русск.) мелкій дождь, мучная пыль — *буса-м*, вода, мякина; *ва́кара*, *ва́карь* (русск. въ Арханг. губерн. коряга, кривулина лѣсная) — *вакра*, кривой; *вина* — *ênас*, вина; *верхъ*, *ворохъ* — *варâха-с*, гора, бархас, объемистый, толстый; *врълъ* (сербск.) крѣпкій, *врѣло*, очень — *врьдда* рослый, большой; *вакъшій*, вящьщій, большій — *ванхûјас*, *ваѧхишта*, большій; *вымя* — *вâма-с*, вымя; *гадъ* — *гаду-с*, червь; *гайно́*, *гойно́*, гнѣздо звѣря, сибирск. хлѣвъ, арханг. шалашъ, древне-русск. *изгой* (т. е. бездомный) — *гаја-с*, домъ, дворъ; *галманъ*, русск. областн. олухъ, невѣжа — *джâлма-с*, презрѣнный, низкій человѣкъ, *гать* — *гати-с*, дорога; *гиря* — *гуру*, *гурвû*, тяжелый; *горій*, худшій — *гарûјас*, худшій; *грива* — *грûвâ*, задняя сторона шеи; *гласъ*, *гроза* — *хрâса-с*, звукъ,

шумъ; грудь—крôдû, грудь; гуня (сѣверно-русск.), рубище—гôнû, рубище; гурма (областн.) гурьба—гулма-с, отрядъ; давній—давûjас, отдаленнѣйшій; древній—дравина-м, прочность, крѣпость; иней (вмѣсто индей, сравн. заиндивѣть)—инду-с, капля; искра—ишира-с, огонь; кость (русск. простонар.), пакость, мерзость—каштa, гадкій, злой, кашти, скорбь, затрудненіе; кишика—кукши-с, брюхо; хокотъ (пѣтухъ)—куккута-с пѣтухъ; колоколъ—калакала-с, глухой шумъ; кошь—кôса-с, вмѣстилище всякаго рода, ящикъ, и т. п.; кратъ, разъ—крату-с поступокъ, дѣло; крьт, въ словѣ сакрьт, однократно; кръкъ (польск. каркъ), горло—крька-с, горло; кръсы (чешск.), маленькій—крьса, исхудалый, тонкій; курносый—куранаса, съ изогнутымъ носомъ (изъ кура, копыто, и наса, носъ); курчавый—кŷрчамъ, пухъ, клокъ волосъ; лагодькъ (древн. болг.), отличный, польск. лагодны, нѣжный—лагада, прекрасный; древне-русск. лада, ладо, польск. ладны, красивый—рâдâ, красота; лáлы, лылѣ, русск. простонародн. нижняя (слюневая) скула—лâлâ, слюня; ласка—лâса-с, любезничанье, ласка, пляска, лâсака-с, объятіе, лâсикâ, кокетка, любовница; лата, южно русск. заплатка—лâта-с, дырявое, изорванное платье; левенъ (болгарск.), чистый, изящный—лавана, прекрасный, изящный; луста русск. (простонародн.), ломоть, срѣзокъ—лôшта-с, глыба; лѣха, (старинн.), борозда—лêкâ черта; мазь—маси-с (женск.), мазь черная, чернила; младой—мрьду, сравнит. ст. мрадûjас, мягкій, нѣжный; морда—мŷрдан, чело, голова; мошка—масака-с, мошка, комаръ; мразь (русск. народн.), мерзкій—мрылâ, ложно; невѣста—нивêштавjа, тотъ кто хочетъ или можетъ женить (отъ глаг. ни-вис, нювисâми, жениться); ништь, нищій—ништjа, отверженный (человѣкъ); обьштъ, община (чешск. обецъ, родит. обце), общій—абишти-с покровительство, помощь (при этомъ замѣтимъ, что это слово нужно отдѣлять отъ древне-болг. обдо, богатство, которое соотвѣтствуетъ древне-индійск. âпта, пріобрѣтенный, обильный; съ этимъ послѣднимъ совпадаетъ и наше выраженіе оптомъ); одинъ—âди-с, начало, первенецъ, âдима, первый; опако, наоборотъ—апâк, назадъ; орава—арâва-с, шумъ, гамъ; перси—парсу-с, ребро; плеште, плечо—прьшта-м, спина; плохой—палгу, плохой; повонь древне-болг., наводненіе—павона-м, очищеніе, вода; пора—пâрâ, цѣль, конецъ; порато (рус. простонар.), очень—паратас, частица, означающая высшую степень при сравненіяхъ; порохъ—пâрага-с, пыль; прокъ, прочій—прâнъ, передній, прâк, впередъ; просо—прâса-м, пища; простой—прашта, идущій впередъ, лучшій; пшено—псâна-м, пища; пѣна,—пêна-с, пѣна; русый—русант, красный; рѣсница—расми-с, рѣсница; рѣсьнъ, древне-болг. дѣйствительный, рѣснота, истина—расна-м, вещь, существо (thing, substance); санъ—сани-с, почтеніе, благоговѣніе; сивый—сâва, темный, сjâва, блѣдный; сила—сûла-с, природа, нравъ, мужество; синій—сjâма, синій; собака, шавка—савака-с, молодое животное; соха (собств. шестъ, жердь)—сâкâ, сукъ; сренья (словенск.), община—срêнû, общество; сугатъ (русск. простонар.), толкотня, шумъ, гамъ—сангâта-с, толпа; сука—сŷчака-с, собака; сукъ—санку-с, сукъ; суй, суетный—сŷнjа, пустой; теленокъ—тарна-с, тарнака-с, теленокъ; тимѣно (древне-болг.), грязь—тêмана-м, мокрота; трынь, трава—трьна-с, трьна-м, трава; тулъ—тŷна-с, тулъ; тѣло (родит. тѣлесе)—тараса-м, мясо; тетива—танту-с, нить, струна; усно, усніе, усма (древне-русск.), кожа—васна-м, кожа; уста—ôшта-с, губа; худой—кшудра, сравнит. кшôдûjас, худой; цѣшта (древне-болг.) ради, gratia—чêштâ, дѣло; чаша—чашака-с, чашка; чемеръ (русск. простонар.), вихоръ, чубъ—чамара-с, бунчукъ; чета (древне-болг., сербск. военный отрядъ)—читâ толпа; читъ (областн. русск.), мелкій дождь, изморозь; читый, трезвый—

cûta-м, холодъ, вода; *cûta*, холодный, безстрастный; чичеръ (областн. русск.), холодный вѣтеръ съ дождемъ или снѣгомъ—*сисира*-с, холодъ, морозъ; шибкій—*cûбам*, скоро; ѧдръ (древне-болг.), быстрый, ядреный—*андûра*, крѣпкій, ядреный; ѧчьмы, ячмень—*ансуманm*, обильный ростками, отпрысками или волокнами (говоря о растеніи), и множ. др.

Эти замѣчательныя аналогіи, которыя мы подобрали мимоходомъ, и которыхъ, при болѣе тщательномъ изысканіи, нашлось бы несравненно болѣе,—вполнѣ подтверждаютъ, со стороны лексической, выводъ, сдѣланный Боппомъ изъ формъ грамматическихъ,—что славяне съ литовцами долѣе всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ пребывали въ единствѣ съ предками индійскаго племени, что они позднѣе грековъ, оракійцевъ, италійцевъ, кельтовъ и германцевъ отдѣлились отъ своего азіятскаго корня и переселились въ Европу. Теорія г. Шлейхера о мнимомъ сѣверо-восточномъ отдѣлѣ арійскаго поколѣнія, нѣкогда обнимавшемъ будто бы германцевъ и славянъ, какъ одно цѣлое, не выдерживаетъ критики. Съ тѣмъ вмѣстѣ падаютъ, само собою разумѣется, и всѣ выводы, которые имъ построены на этомъ предположеніи. Между прочимъ, г. Шлейхеръ, вѣрный своей теоріи, говоритъ, что «сѣверные языки нашего племени оказываются наиболѣе отличными отъ того, что́ можно признавать основною индо-германскою (т. е. арійскою) формой; они больше южно-европейскихъ и азіятскихъ языковъ обнаруживаютъ въ себѣ самостоятельнаго развитія». Съ точки зрѣнія голой лингвистики это,—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, справедливо; но только упущена изъ виду бездѣлица—различіе въ нѣсколько тысячъ лѣтъ между возрастомъ сравнительныхъ языковъ. Если бы г. Шлейхеръ принялъ въ соображеніе, что языки славянскій и литовскій намъ извѣстны только по памятникамъ, первый X-го или XI-го, второй XVI-го вѣка по Р. Хр., тогда какъ мы знаемъ языки древнихъ индусовъ, иранцевъ, грековъ и италійцевъ въ томъ видѣ, въ какомъ они находились за нѣсколько столѣтій до начала нашего лѣтосчисленія, или, если бы онъ сравнилъ съ языкомъ Остромірова Евангелія и прусскаго Катихизиса современныя имъ нарѣчія Индіи и Ирана, Греціи и Италіи, то онъ, конечно, не рѣшился бы сказать, что рѣчь славянъ и литовцевъ наидалѣе отошла отъ основныхъ арійскихъ формъ, а вѣроятно признаетъ бы, напротивъ, что эти именно племена всего тверже сохранили древнія основы языка арійскаго.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ

РУССКИХЪ БЫЛИНЪ

XI *).

Нѣтъ надобности особенно много распространяться о близкомъ сходствѣ одежды, описываемой нашими былинами, съ подобными же описаніями въ поэмахъ монгольскихъ и сибирско-тюркскихъ народовъ. Уже одни названія разныхъ частей одежды достаточно говорятъ сами за себя: кафтанъ, епанча, соянъ, сарафанъ, чеботы, чулки, туфли, карманъ, кушакъ, сафьянъ, и т. д. [1])—всѣ происхожденія монгольскаго или тюркскаго; значитъ, примѣры очень частаго употребленія этихъ предметовъ, у послѣдне-названныхъ азіятскихъ народовъ, становятся излишни. Богатыри нашихъ былинъ носятъ бѣлыя рубашки (наприм., Добрыня, Чурила [2]); онѣ упоминаются и въ монгольскихъ и тюркскихъ поэмахъ и пѣсняхъ: въ «*Джангаріадѣ*» герой всегда носитъ подъ кулякомъ бѣлую холстинную рубашку; куэрикскій богатырь Таска-Матыръ также одѣтъ въ рубашку [3]). Шапки съ золотымъ верхомъ, какія были на челяди Чурилы Пленковича, встрѣчаемъ въ пѣсняхъ у сагайцевъ, на челяди ханъ-Тёгёса, а изъ Шахъ-Намэ узнаемъ даже,

---

*) См. выше, т. I, стр. 169—221 и 637—708; т. II, 225—276 и 651—698; т. III, 590—664.

[1]) *Рыбниковъ*, I, 269, 270, 38, 39, 105, 108, 263, 259, 261, 439, 461.—Древн. росс. стихотвор., 96, 97, 156, 141.—*Кирѣевскій*, I, 18, 20; II, 7, 30; III, 23, 77, 78; IV, 39, 78, 79, 88, 89.

[2]) *Рыбниковъ*, I, 121, 287.

[3]) *Bergmann*, IV, 199, 208, 209. — *Radloff*, II, 701.

что золотыя шапочки издревле принадлежали къ костюму рабовъ [1]). Шляпы, или колпаки, въ которыхъ иногда появляются наши богатыри (Добрыня, Хотенъ Блудовичъ) и наши калики [2]), и которые намъ хотятъ выдать за греческій «петазосъ» [3]), встрѣчаются у всѣхъ монгольскихъ и тюркскихъ племенъ (колпакъ, на тюркскихъ нарѣчіяхъ, значитъ—шляпа); она кажется, обыкновенно дѣлалась изъ бѣлаго войлока [4]). О шубахъ и мѣховыхъ шапкахъ и говорить нечего: легко понять, что въ поэмахъ и пѣсняхъ азіятскихъ, и особенно сибирско-тюркскихъ народовъ, онѣ играютъ еще бо̀льшую роль, чѣмъ въ нашихъ былинахъ, и наши шубы являются иногда отороченными золотомъ и серебромъ только потому, что онѣ часто таковы въ описаніяхъ монгольскихъ и тюркскихъ поэмъ и пѣсенъ [5]). Мѣха часто упоминаются въ Магабгаратѣ [6]); въ Шахъ-Намэ уже говорится о бобровомъ мѣхѣ [7]); а лисицы, волки, медвѣди, куницы, горностаи, олени и дѣланныя изъ ихъ мѣха шубы и шапки, въ сибирско-тюркскихъ пѣсняхъ встрѣчаются можно сказать, на каждомъ шагу. Но для насъ особенно важно упоминаніе собольяго мѣха. Со̀боля у насъ, на югѣ, не водилось, по крайней мѣрѣ около Кіева, а между тѣмъ, въ былинахъ онъ занимаетъ точно такое же мѣсто, какъ въ пѣсняхъ сибирско-тюркскихъ: наши богатыри ходятъ на охоту за соболями, такъ сказать у самыхъ стѣнъ Кіева [8]), вѣроятно, только по той же самой причинѣ, по которой они иногда ходятъ на охоту за барсами и за львами, и даже обѣдаютъ львами [9]): все это ничто

---

[1]) *Рыбниковъ*, I, 266.—*Radloff*, II, 139.—*Mohl*, Shah-Nameh. I, 501.

[2]) *Кирѣевскій*, II, 25, 51; IV, 74; III, 84; I, 29.

[3]) *Кирѣевскій*, II, 25, примѣчаніе издателей.

[4]) Третій томъ Радлоффа, пѣсни о Саинъ-богатырѣ, о ханской дочери. Также Radloff, II, 216. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что въ сказкѣ о Еруслан̀ѣ Лазаревичѣ особливо много монгольскихъ и тюркскихъ названій одежды и вооруженія: тебеньки, кутасъ, саадакъ, тегиляй, и т. д. Относительно послѣдняго, надо сказать, что оно означаетъ по-монгольски *камзолъ*, *полушубокъ* (Kowalewski, Dictionn. mongol, стр. 1740). Этимъ указаніемъ я обязанъ академику Шифнеру. Въ испорченныхъ, очень позднихъ редакціяхъ Еруслана, иногда встрѣчается вмѣсто «*Алый тегиляй*» (какъ стоитъ въ хорошихъ редакціяхъ)—Алоктигирей. См. «*Памятн. стар. русской литерат.*», изд. *Костомаровымъ*, вып. I, стр. 326; и *Пыпина*, «*Очеркъ лит. стар. сказокъ*», стр. 298.

[5]) *Рыбниковъ*, I, 472.—*Radloff*, I, 246.—Третій томъ Радлоффа, поэма *Кузу-Курпешъ*.

[6]) *Fauche*, Mahabharata, I, 313; II, 190, 509, 512 и т. д.

[7]) *Mohl*, I, 235, 243; II, 575.

[8]) *Рыбниковъ*, I, 2, 14.

[9]) Др. росс. стих., 48. — *Рыбниковъ*, I, 14. — *Кирѣевскій*, III, 34. Наши былины не довольствуются, въ своихъ заимствованіяхъ съ Востока, *барсами* и *львами*. У насъ, по Руси расхаживаютъ даже *слоны*, какъ туземныя животныя (*Кир.* III, 36; IV, 91).

иное, какъ перенесеніе къ намъ совершенно чуждыхъ намъ эпическихъ подробностей, очень частыхъ и совершенно умѣстныхъ въ азіятскихъ поэмахъ и пѣсняхъ. По этой же самой причинѣ у насъ говорится и о соболиномъ одѣялѣ: такія одѣяла очень часто упоминаются въ монгольскихъ и тюркскихъ поэмахъ и пѣсняхъ [1]). Правда, въ нашихъ историческихъ памятникахъ [2]) говорится о соболиныхъ одѣялахъ русскихъ князей, но они тутъ величайшая рѣдкость и исключеніе, тогда какъ въ пѣсняхъ монгольскихъ и тюркскихъ они поминаются на каждомъ шагу.

Упомянувъ объ одѣялахъ, скажемъ уже здѣсь за одно, что перины и пуховыя подушки нашихъ былинъ, и кровати, задернутыя пологами [3]), имѣютъ, конечно, своими первообразами не употребленіе этихъ предметовъ въ дѣйствительной русской жизни временъ Владиміра, а упоминаніе ихъ въ монгольскихъ и тюркскихъ поэмахъ и пѣсняхъ [4]).

Кафтаны и шубы въ нашихъ былинахъ то *шелковыя*, то *бархатныя:* изъ этихъ самыхъ матерій постоянно дѣланы кафтаны и шубы въ поэмахъ монгольскихъ и тюркскихъ племенъ. Въ примѣръ одеждъ изъ бархата довольно привести *черный бархатный* кафтанъ на «одномъ пріѣзжемъ человѣкѣ» и *бархатную шубу* на красавицѣ Баянѣ, въ киргизскихъ поэмахъ и пѣсняхъ [5]). Что же касается до одеждъ шелковыхъ, то примѣры ихъ, можно сказать, безчисленны въ поэмахъ и пѣсняхъ монгольскихъ и тюркскихъ, потому-что здѣсь вообще большинство вещей—всѣ шелковыя: шубы, кафтаны, пояса, платки, одѣяла, юрты, подпруги, поводья, плети и т. д., и вотъ почему въ нашихъ былинахъ на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ шелковые: шубы, кафтаны, кушаки, сапоги, колпаки, лапти, одѣяла, подпруги, потники, поводья, плети, тетивы луковъ, струны гусель.

Про костюмъ нашихъ каликъ-перехожихъ пространно говорено уже выше, при разборѣ былины о Сорока-каликахъ со каликой, и указано его вѣроятно буддійское значеніе.

Въ общей сложности, всѣ эти подробности одежды имѣютъ величайшее сходство съ подробностями поэмъ и пѣсенъ двухъ племенъ азіятскихъ: монгольскаго и тюркскаго, и несравненно

---

[1]) *Рыбниковъ*, I, 103, 105, 268, 454.—Др. росс. стихотв., 21.—*Schmidt*, Gesser-Chan, 111.—*Radloff*, II, 128, 138, 160, 703, 704. Третій томъ Радлоффа: пѣснь о Саинъ-Батырѣ.

[2]) Слово Даніила Заточника, *Сахаровъ*, Сказанія русскаго народа, I, кн. IV, 60.—Извѣстія Акад. Наукъ, X, 267.

[3]) Древн. росс. стихотв. 14, 20.—*Рыбниковъ*, I, 265, 358, 454.

[4]) Въ III-мъ томѣ Радлоффа: свадебныя пѣсни, и пѣснь о Саинъ-Батырѣ.

[5]) Тамъ же, повѣсть объ Ешигельди и поэма «*Кузу Курпешъ*», по редакціи академика Вельяминова-Зернова.

менѣе съ подробностями другихъ племенъ и народовъ (поэмы персидскія и индѣйскія), хотя, безъ сомнѣнія, и съ этими послѣдними можно указать нѣкоторые пункты сходства. Это особенно относится до чрезвычайно распространеннаго употребленія всякаго рода шелковыхъ издѣлій.

Теперь просмотримъ детали богатырской жизни, быта и дѣйствій.

Про иныхъ изъ числа нашихъ богатырей говорится, что еще въ дѣтствѣ ихъ сажали за грамоту, и они въ ней сдѣлались очень тверды. Про Добрыню сказано, что «когда онъ былъ *семи годовъ*, присадила его матушка грамотѣ учиться, а грамота ему въ наукъ пошла; присадила его матушка перомъ писать [1]); про Константинушку Леванидовича въ тѣхъ же самыхъ почти выраженіяхъ сказано, что когда онъ былъ *семи годковъ*, присадила его матушка грамотѣ учиться: скоро ему грамота далась и писать научился [2]); наконецъ, про Вольгу Всеславьевича также разсказывается: «Задался Вольга на *семь годъ*, а прожилъ двѣнадцать лѣтъ, обучался хитростямъ, мудростямъ, всякимъ языкамъ разнымъ»; «будетъ Вольга *семи годовъ*, передастся Вольга семи мудрецамъ, понимаетъ Вольга всѣ хитрости, всѣ хитрости и всѣ мудрости»; сверхъ того, про него повторяются иногда тѣ самыя выраженія, что сказаны про Добрыню [3]). Какъ уже выше было замѣчено, грамотность русскихъ богатырей въ древнюю эпоху нашей исторіи, и особенно въ эпоху князя Владиміра, не имѣетъ никакого значенія, и потому этотъ фактъ оставался-бы въ былинахъ чѣмъ-то темнымъ и страннымъ, еслибъ произведенія восточной литературы не являлись тутъ на помощь и не представляли-бы вполнѣ удовлетворительнаго разъясненія дѣла.

Седьмой годъ въ жизни (т. е. тотъ самый, который упоминается здѣсь про Вольгу, Добрыню и Константина Леванидовича) есть годъ причисленія человѣка, по предписаніямъ брахманскаго и зороастровскаго закона, къ индѣйскому и персидскому народу. До этихъ поръ ребенокъ находится въ такой тѣсной связи съ родителями, что что-бы онъ ни сдѣлалъ дурного, все падаетъ на родителей. Послѣ совершенія же семи лѣтъ, ребенка отдаютъ въ науку учителю, и тотъ долженъ учить его чтенію закону и обря-

---

[1]) *Кир.*, II, 49. — Древнія росс. стих., 345.
[2]) *Кир.*, III, 117. — Древнія росс. стих., 253.
[3]) Др. росс. стих., 46. — *Рыбн.*, I, 1, 7, 13.

дамъ [1]). Поэтому-то, древне-азіятскія поэмы и пѣсни, разсказывая о необыкновенномъ ростѣ и развитіи силъ того и другого мальчика-богатыря, тутъ же всегда тщательно упоминаютъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, его учили чтенію священныхъ книгъ, и что онъ сдѣлался очень свѣдущъ и премудръ. Вообще же, про каждаго взрослаго героя, при исчисленіи его добродѣтелей и достоинствъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ всегда то, что онъ «зналъ Веды», и учился имъ, еще въ юности, у такого-то учителя [2]). Въ буддійскія времена точно также всѣ разсказы о геройхъ начинаются съ того, что они въ ранней молодости отданы были въ ученье, и превосходили всѣхъ сверстниковъ быстрымъ схватываніемъ знаній, ревностью и способностью, и тѣмъ снискали особенное расположеніе учителя; во всѣхъ этихъ разсказахъ видимъ, что дѣти и юноши все первое время свое проводятъ въ ученьи чтенію и религіозному закону, и это вошло даже въ тюркскіе разсказы мусульманскаго времени [3]). Все это вмѣстѣ достаточно объясняетъ, какъ надо смотрѣть на «ученье грамотѣ» нашихъ богатырей, начиная съ 7 и до 12 лѣтъ. У нѣкоторыхъ азіятскихъ племенъ и народовъ исчезло упоминаніе о томъ, что богатырь-юноша съ молодости учился чтенію религіозныхъ книгъ, но уцѣлѣло указаніе на 7-й годъ жизни, какъ на переходный отъ младенчества къ дѣтству, или вообще какъ на какой-то особенно важный годъ жизни. Такъ напр., у многихъ сибирско-тюркскихъ племенъ разсказывается не только о томъ, что съ 7 лѣтъ начинаются всѣ подвиги мальчиковъ-богатырей, но что даже въ эту эпоху они женятся или насилуютъ женщинъ [4]).

Пускаясь на подвиги, богатырь русскихъ былинъ всегда проситъ благословенія у своихъ родителей (Илья, Добрыня) [5]). Напрасно стали-бы мы считать эту подробность исключительно-русскою, и думали-бы видѣть въ ней выраженіе собственно-русскаго благочестія. Въ былинахъ, она происходитъ не изъ привычекъ русскаго народа христіанскаго времени, а изъ эпическихъ пріемовъ азіятскихъ поэмъ и пѣсенъ. Уже и молодой Рустемъ, пускаясь на подвиги, проситъ благословенія у своего отца; но, въ пѣсняхъ тюркскихъ народовъ, про *родительское благословеніе* го-

---

[1]) *Spiegel*, Avesta, I. Вступленіе, гл. I, стр. 8 — 9.

[2]) *Fauche*, Mahabharata, I, 206, 237, 240, 446, 464, 541, 550; II, 121, 263; III, 508.

[3]) Dsanglun, 301. — Gesser Chan, 280, 281. — *Radloff*, I, 208.—Киргизскія поэмы и пѣсни въ III-мъ томѣ Радлоффа, напр. разсказъ «О мальчикѣ, учившемся у муллы» и т. д.

[4]) *Radloff*, II, 382, 386. — Радлоффа III-й томъ, пѣсни: о Джелькильдэкѣ, Саинъ-Батырѣ и т. д.

[5]) *Кир.*, I, 21, 25, 34, 77; II, 3, 4, 43, 50.

ворится уже при всякомъ случаѣ, конечно никакъ не рѣже, чѣмъ въ нашихъ былинахъ. Такъ, напр., телеутскій богатырь Ай-Ханъ отъѣзжаетъ изъ дому на подвиги не ранѣе, какъ получивъ благословеніе обоихъ своихъ родителей; кызыльскій мальчикъ-богатырь, сынъ Сюдей-Мергэна, отправляясь на подвиги, также испрашиваетъ благословенія у отца и у матери [1]), но всего чаще бываетъ рѣчь о родительскомъ благословеніи въ поэмахъ и пѣсняхъ киргизскихъ, и здѣсь мы даже много разъ встрѣчаемъ самыя формулы, въ которыхъ дается это благословеніе: «Да будетъ счастлива твоя дорога! Кыдыръ (Илья-Пророкъ) да сопутствуетъ тебѣ!»; или: «Да сдѣлаетъ Господь дорогу твою счастливою! Пусть длинна будетъ рука твоя (т. е. достанетъ враговъ)! Пусть ты всегда узнаёшь, что̀ есть направо и что̀ налѣво отъ тебя!»; или же: «Когда станутъ стрѣлять, пусть въ тебя не попадутъ! Когда станутъ рубить мечемъ, пусть онъ не сѣчетъ! Путь, что̀ ты предпринимаешь, пусть будетъ счастливъ! Твоимъ спутникомъ пусть будетъ Кыдыръ (Илья)! Пусть силу тебѣ дастъ пророкъ Азрель-Али»! У сибирскихъ тюрковъ мы находимъ слѣдующія формы благословенія отъѣзжающему молодому богатырю. Дядя говоритъ племяннику: «Выстрѣленная тобою стрѣла да не падетъ на землю! Да будешь ты человѣкъ, который беретъ и находитъ! Да не умрешь ты! Да не пропадешь ты! Буди богатырь! Пори грудь богатырямъ, хватай красавицъ за косу! Да имѣешь ты душу, что̀ не робѣетъ! Да имѣешь ты кровь, что̀ не льется!» [2]). Однимъ словомъ, всѣ эти благословенія не что иное, какъ «заговоръ» (у киргизовъ уже съ примѣсью нѣкоторыхъ мусульманскихъ подробностей).

Во время своихъ подвиговъ, богатыри былинъ, вставъ утромъ отъ сна, «чистою водою умываются, бѣлою ширинкою утираются» [3]). Опять и эта подробность зашла въ былины не изъ русскаго быта, а изъ восточныхъ поэмъ и пѣсенъ. Здѣсь надо видѣть не разсказы о чистоплотности богатырей, а разсказы о соблюденіи особаго обряда, предписаннаго закономъ, вѣрою, и это доказывается тѣмъ, что объ умываньи раннимъ утромъ говорится у насъ исключительно только *передъ самымъ началомъ какого-нибудь подвига* богатырева. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не объ началѣ подвига, или не о богатырѣ, а о другихъ дѣйствующихъ лицахъ, тамъ былина не говоритъ ни слова объ умываньи. Точь-въ-точь

---

[1]) *Radloff*, Proben, I, 89; II, 642.

[2]) Третій томъ Радлоффа, пѣсни: о *Джелькильдэкѣ*, *Саинъ-Батырѣ*, *Ханъ-Шентаѣ* и т. д. — *Radloff*, II, 648.

[3]) *Кир.*, I, 8; II, 71; III, 15, 120; IV, 110. — *Рыбн.*, I, 443, 445, 450.

тѣже самое мы находимъ и въ пѣсняхъ монгольскихъ и тюркскихъ народовъ. Народы эти, какъ не разъ замѣчали о нихъ, сами по себѣ, въ дѣйствительности, не любятъ умыванья, даже считаютъ его, отчасти, чѣмъ-то грѣшнымъ [1]), и, не смотря на это, герои ихъ эпическихъ разсказовъ, *передъ началомъ каждаго подвига*, и именно рано утромъ, только что вставъ отъ сна, умываются: такъ Гесеръ-Ханъ, проснувшись, прежде всего умываетъ себѣ лицо и руки; телеутскій богатырь Алтаинъ-Саинъ-Саламъ, проснувшись отъ мертвеннаго усыпленія, прежде всего говоритъ: «Дайте мнѣ воды умыться!», а потомъ уже пускается на подвиги; сагайскій богатырь Ай-Толызы, проснувшись утромъ, тотчасъ умываетъ себѣ руки, лицо и ноги; богатырь чернолѣсныхъ татаръ Тарбатты-Тана тоже утромъ рано умываетъ себѣ лицо и руки: богатыри же киргизскихъ поэмъ и пѣсенъ еще чаще остальныхъ эпическихъ своихъ товарищей совершаютъ, каждый *передъ главнымъ своимъ подвигомъ*, умываніе лица и рукъ [2]). По всей вѣроятности, этотъ обрядъ идетъ изъ глубокой древности: въ поэмахъ брахманской эпохи онъ представляется намъ подъ видомъ безпрестанныхъ, никогда не опускаемыхъ разсказомъ омовеній, совершаемыхъ почти каждымъ дѣйствующимъ лицомъ, въ видѣ утренняго обряда, посредствомъ погруженія въ рѣку, море или прудъ.

Важную и видную роль въ былинахъ играетъ побратимство богатырей: братья названные есть у Ильи-Муромца, у Добрыни, у Алёши-Поповича, у Василья Казимировича, у Годена Блудовича и т. д. Этотъ обычай извѣстенъ всей древней Азіи, но, кажется, нигдѣ онъ такъ часто не встрѣчается, какъ въ поэмахъ и пѣсняхъ монгольскихъ и тюркскихъ. Такъ, въ пѣсняхъ минусинскихъ татаръ, богатыри Канакъ-Калешъ и Ханъ-Миргэнъ положили быть *братьями*, и притомъ такъ, что первый сталъ считаться младшимъ, а второй старшимъ братомъ; богатырь чернолѣсныхъ татаръ, Адынъ-Тёрёнъ-Алактай является побратимомъ богатыря Тогусъ-Толадая; шорскій богатырь Ханъ-Алипъ побратимъ Ханъ-Пергэна; богатырь Аймангысъ побратимъ Чекъ-Пер-

---

[1]) *Castren*, Ethnologische Vorlesungen über die Altaischen Völker. S. Petersburg, 1857, 57. Бругшъ замѣчаетъ тоже самое о каирскихъ мусульманахъ: «Aus dem Orient», von *Heinr. Brugsch*, Berlin, 1864, стр. 2.

[2]) *Schmidt*, Gesser-Chan, 244. — *Radloff*, I, 21; II, 191, 218. Большинство пѣсенъ въ третьемъ томѣ Радлоффа, и въ особенности разсказъ *объ удящемъ юношѣ*, гдѣ эта подробность обозначилась особенно явственно. Здѣсь юноша, герой разсказа, три раза сряду, разъ за разомъ, передъ выуживаніемъ волшебныхъ рыбъ, умывается рано утромъ, только что проснувшись.

гэна, и т. д. [1]). Эти богатыри иногда становятся побратимами послѣ боя, мѣняются конями, помогаютъ другъ другу во время подвиговъ — однимъ словомъ, мы тутъ находимъ тѣ самыя эпическія подробности, что̀ и у насъ.

Пріѣзжая къ которому-нибудь врагу своему, или вообще куда-бы то ни было, въ сердцàхъ, русскій богатырь обыкновенно «въ палату идетъ бездокладочно, не спрашиваетъ у воротъ приворотниковъ, у дверей не спрашиваетъ придверниковъ, всѣхъ онъ взашей прочь отталкиваетъ, смѣло проходитъ въ палаты княжескія, — и вслѣдъ тѣ идутъ, жалобу творятъ» [2]). Черта совершенно восточная. У царской или ханской резиденціи, всегда стоятъ приворотники и придверники; примѣры тому въ Магабгаратѣ, Рамаянѣ, сказкахъ Сомадевы, Шахъ-Намэ, Гессеръ-Ханѣ, Дзанглунѣ и т. д., очень многочисленны. Но всего чаще въ монгольскихъ и тюркскихъ поэмахъ и пѣсняхъ пространно разсказывается, кàкъ пріѣзжій богатырь оттолкнулъ этихъ придверниковъ, и когда входилъ силою, какіе тутъ произошли разговоры. Въ индѣйскихъ и персидскихъ поэмахъ мы не встрѣчаемъ такихъ сценъ насилія. Въ видѣ особенно характернаго примѣра, можно представить слѣдующее мѣсто, изъ одной пѣсни минусинскихъ татаръ. Богатырь Канакъ-Калешъ пріѣзжаетъ къ страшной ханшѣ, и 60 богатырей не хотятъ пропустить его къ ней въ жилище. «Сюда нельзя входить безъ позволенія», говорятъ они. Канакъ-Калешъ отвѣчаетъ: — Экіе вы чудные люди! Неужели я стану ждать на дворѣ, пока хозяйка придетъ?—И онъ сильною рукою отпихнулъ отъ входа всѣхъ 60 богатырей, подступившихъ къ нему, и хотѣвшихъ помѣшать ему войти; послѣ того онъ спокойно вошелъ къ ханшѣ» [3]).

Богатыри русскихъ былинъ часто посылаются княземъ Владиміромъ «справлять дани—выходы, за старые годы и за нынѣшніе» [4]). Такой задачи мы не находимъ въ числѣ подвиговъ индѣйскихъ и персидскихъ богатырей. Но въ поэмахъ и пѣсняхъ монгольскихъ и тюркскихъ народовъ это мотивъ, встрѣчающійся очень часто. Тамъ ханы и ихъ богатыри поминутно въ разъѣздахъ за сборомъ дани съ подвластныхъ народовъ. Такъ, напр., богатырь Алтенъ-Кусъ восемь лѣтъ собираетъ такія дани; два брата-богатыря девять лѣтъ собираютъ такія-же дани; Калангаръ-Таидши

---

[1]) *Schiefner*, Heldensagen, 425, 426. — *Radloff*, I, 93, 288, 340, 361, 398, 404; II, 58, 127, 174, 183, 189.

[2]) *Рыбн.*, I, 131. — *Кирѣевскій*, II, 34, 36.

[3]) *Schiefner*, Heldensagen, 302.

[4]) *Рыбн.*, I, 213, 218.

съ братомъ Катай-Ханомъ и шуриномъ Сокай-Алтеномъ требуютъ дани съ Ханъ-Миргэна, а тотъ 40 лѣтъ противится этому требованію; три богатыря являются требовать, отъ имени своего хана, дани отъ ойротскаго князя Конгодоя [1]), и т. д. Такія отношенія — естественное слѣдствіе набѣговъ, поминутно случающихся въ жизни кочевыхъ народовъ.

Особенность нашихъ богатырскихъ боевъ та, что побѣдитель (естественнымъ образомъ, *всегда* русскій богатырь) хватаетъ своего врага и бросаетъ его «выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго», садится побѣжденному на грудь и убиваетъ его своеобразнымъ способомъ: «скоро споролъ ему груди бѣлыя, вынималъ у него сердце съ печенью, скоро затмилъ очи ясныя» [2]). Все это боевые пріемы монгольскихъ и тюркскихъ поэмъ и пѣсенъ, особенно тюркскихъ. Богатыри сибирско-тюркскихъ пѣсенъ хватаютъ врага и бросаютъ его вверхъ «подъ сводъ небесный, промежду черныхъ облаковъ», или же: «къ небу вверху, къ черной землѣ внизу» [3]); эти же богатыри, побѣдивъ врага, рѣжутъ ему грудь и вынимаютъ сердце: такъ алтайскій богатырь Алактай взрѣзываетъ грудь семи-головому Іельбегену, побѣжденному имъ, и вынимаетъ оттуда сердце; точно также онъ побѣждаетъ чудовище Монгусъ-Пакая, и вынимаетъ у него сердце; кызыльскій мальчикъ-богатырь бросаетъ своего огромнаго противника въ воздухъ, потомъ «садится на него, выхватываетъ саблю и порет ему грудь»; отпуская своего племянника, кызыльскаго же богатыря Іолтанъ-Мергэна на подвиги, старый Тёрёмёнъ-Мёкё, въ видѣ прочихъ наставленій, говоритъ ему: «Пори грудь богатырей»![4]). По всей вѣроятности, этотъ способъ убиванія врага зависитъ отъ распространеннаго въ Азіи, и особенно у монгольскихъ и тюркскихъ племенъ, повѣрія, что кровь изъ сердца и печень врага излечиваютъ отъ болѣзней и даже возвращаютъ жизнь, на чемъ основано множество легендъ и разсказовъ, очень разнообразныхъ. Такихъ боевыхъ пріемовъ мы не встрѣчаемъ ни въ индѣйскихъ,

---

[1]) *Schiefner*, Heldensagen, 323, 326, 397. — *Radloff*, Proben, I, 206. Наши былины, исчисляя дани, которыя надо давать или получать, часто говорятъ: «миса чиста золота, миса чистаго серебра, миса скатна жемчуга» (*Кирѣевскій*, II, 83. — *Рыбниковъ*, I, 47, 109. — Древнія росс. стих., 273.). Это подробность — *персидская*; въ Шахъ-Намэ часто говорится о золотѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, отмѣриваемыхъ чашами (*Mohl*, II, 575, 577; III, 375; IV, 127) и блюдами (тамъ же, I, 389; II, 17). Посредствующихъ звеньевъ, между персидскими и русскими разсказами, относительно этой подробности, я покуда указать не могу.

[2]) *Кир.*, I, 6, 10, 12, 35, 39, 54, 84; IV, 16. — *Кир.*, III, I, 75, 109, 112. — Кир., I, VI, 51, 54; IV, 110, 112.

[3]) *Radloff*, I, 370, 371, 388; II, 297, 298, 326, 327, 338, 352.

[4]) *Radloff*, I, 289, 291; II, 674, 648.

ни въ персидскихъ поэмахъ. Тамъ никогда въ воздухъ не бросаютъ врага, а побѣжденныхъ убиваютъ не иначе, какъ отрубая, или, еще чаще, *отрѣзывая* имъ голову.

Мы упоминали выше, что въ нашихъ былинахъ нѣтъ рѣчи ни о танцовщицахъ, ни о пѣніи и музыкѣ цѣлымъ хоромъ, во время пировъ, столь часто упоминаемыхъ персидскими и индѣйскими поэмами при описаніи пира. Между тѣмъ, *пѣніе хоромъ*, эта отличительная черта всѣхъ славянскихъ народовъ, и особенно русскаго, непремѣнно должно было бы стоять на первомъ планѣ, при описаніи пировъ, пирушекъ и всякихъ вообще праздниковъ, еслибъ былины созданы были кореннымъ нашимъ народнымъ творчествомъ. Но и внѣ пировъ и праздниковъ, наши былины не упоминаютъ о игрѣ и пѣніи *хоромъ* [1]). Вмѣсто того, много разъ говорится въ нашихъ былинахъ объ *одиночномъ* пѣніи и игрѣ на гусляхъ. Добрыня, Соловей Будимировичъ, Ставръ-бояринъ, Садко играютъ на гусляхъ, сами поютъ [2]). Въ индѣйскихъ и персидскихъ поэмахъ всѣ герои и вообще дѣйствующія лица очень любятъ музыку и пѣніе; они играютъ на лирахъ, винахъ, лютняхъ, инструментахъ въ родѣ гитары, и поютъ съ этимъ аккомпаниментомъ. Рустемъ играетъ на лирѣ даже въ дорогѣ, для отдыха, въ промежуткѣ между двухъ подвиговъ [3]), и особенно примѣчательно, что въ персидской поэмѣ говорится о «шелковыхъ струнахъ» на лирѣ [4]) точно также, какъ въ нашихъ былинахъ о «шелковыхъ тетивочкахъ» на гусляхъ [5]). Но едва-ли не чаще и не пространнѣе всѣхъ остальныхъ любятъ упоминать о музыкѣ и пѣніи богатырей — поэмы и пѣсни племенъ монгольскихъ (въ томъ числѣ калмыцкаго) и тюркскихъ. Ихъ богатыри обыкновенно играютъ на «арфахъ» со множествомъ струнъ: на однѣхъ изъ нихъ 24 струны, на другихъ 40, на иныхъ даже 60 [6]). Сибирско-тюркскія пѣсни говорятъ намъ про «*горизонтально лежащія арфы*» [7]); значитъ, мы подъ ними и должны разумѣть наши многострун-

---

[1]) Едва-ли не единственное исключеніе составляютъ веселые скоморохи, цѣлой толпой играющіе на гусляхъ и поющіе, въ пѣсни о «*гостѣ Терентьищѣ*» (Др. росс. стих., 13—21). Но навряд-ли можно сомнѣваться въ томъ, что по мелкой, анекдотической, буфонской основѣ своей и по чертамъ нравовъ (= мужъ вылечиваетъ притворяющуюся жену дубиной), эта пѣсня ничего не заключаетъ древняго, кромѣ нѣкоторыхъ выраженій, взятыхъ какъ бы на прокатъ изъ пѣсенъ, болѣе старыхъ, и перемѣшанныхъ съ подробностями позднихъ временъ, быть можетъ XVI и XVII вѣка.

[2]) *Рыбниковъ*, I, 136, 324. — Древн. росс. стихотвов., 132, 341.

[3]) *Mohl*, Shah-Nameh, I, 523; IV, 505.

[4]) Тамъ же, II, 125.

[5]) *Рыбниковъ*, I, 136.

[6]) *Schiefner*, Heldensagen, 26, 51, 56, 247.— *Radloff*, II, 708, 717, 718, 719.

[7]) *Radloff*, II, 708.

ныя гусли. Послушаемъ сибирско-тюркскіе разсказы объ игрѣ богатырей: «Таска Маттыръ (богатырь) заигралъ на 40-струнной лежачей арфѣ, и игралъ 40 разныхъ мелодій. Юдзенгъ очень удивлялся этому. «Никто не умѣетъ такъ играть! кому еще сыграть, какъ ты, 40 мелодій?» Старые люди жалобно плакали, слушая игру, птицы летучія повертывались назадъ и три раза летали тамъ вокругъ»... «Пріѣхавъ изъ далека, молодой Таска Маттыръ (*переряженный и никѣмъ неузнаваемый*) вошелъ въ домъ, сѣлъ у дверей. Жена Юдзенгъ-Пэга сказала: «Мой мужъ вотъ уже два мѣсяца какъ уѣхалъ на войну. Скоро онъ воротится, и я со служанками готовлю водку.» Сорока-струнный ядыганъ (лежачая арфа) лежалъ на черномъ ящикѣ; юноша взялъ ядыганъ, приладилъ изъ-подъ низу подставку, заигралъ; онъ игралъ тѣ же мелодіи, что̀ и прежде, но игралъ ихъ не совсѣмъ хорошо. Жена Юдзенгова спросила: «Развѣ ты здѣшней деревни? — Да, я здѣшней деревни. — Отъ кого же ты слышалъ эти пѣсни? — Отъ Таски-Маттыря я ихъ слышалъ. — Играй-же, играй! сказала она. И онъ сталъ играть, только игралъ не совсѣмъ хорошо. Потомъ ушелъ прочь»... Скоро потомъ возвращается Юдзенгъ-Пэгъ съ войны, и, выслушавъ разсказъ о неизвѣстномъ юношѣ, посылаетъ за нимъ. Таска-Маттыръ приходитъ, нарочно надѣвъ, чтобъ его не узнали, гадкіе сапоги, гадкую шубу, гадкую шапку. Его заставляетъ Юдзенгъ играть. «Онъ взялъ ядыганъ, приладилъ изъ-подъ низу подставку, и заигралъ. Онъ сыгралъ всѣ 40 пѣсенъ, но игралъ ихъ не совсѣмъ хорошо. Юдзенгъ-Пэгъ поставилъ передъ нимъ водки; юноша выпилъ, и сталъ играть лучше, тотъ ему еще налилъ, онъ заигралъ еще лучше. А какъ онъ выпилъ третьимъ разомъ, тутъ ужъ онъ сталъ играть на-славу, и запѣлъ: «Таска-Маттыръ уѣхалъ отсюда, вотъ тому три года назадъ, въ другихъ странахъ побывалъ онъ; а самъ богатырь, самъ могучій Таска-Маттыръ не умиралъ еще!» Послѣ того онъ сбросилъ съ себя свой нарядъ, и показался въ настоящемъ своемъ видѣ. Они стали разговаривать, плакать, потомъ пошелъ у нихъ пиръ. Таска-Маттыръ игралъ на 40-струнномъ ядыганѣ, игралъ чудно, всѣ слушали и дивились» [1]). — Сравнимъ съ этимъ разсказы былинъ. Добрыня, точно также какъ Таска-Маттыръ, возвратившійся домой «переодѣтый въ другое платье и никѣмъ не узнаваемый, входитъ въ палату княжескую, садится въ углу, на печку мурамленую, натягиваетъ тетивочки шелковыя на тыя струночки золоченыя; учалъ по струночкамъ похаживать, учалъ онъ голосомъ поваживать; играетъ-то въ Царѣ-Градѣ, а на выигрышъ

[1]) *Radloff*, II, 708, 717—719.

беретъ все въ Кіевѣ онъ, отъ стараго всѣхъ до малаго. Тутъ всѣ на пиру призамолкнули, сами говорятъ таково слово: — Что не быть это удалой скоморошинѣ, а кому ни надо быть русскому, быть удалому доброму молодцу!» Послѣ того, князь Владиміръ начинаетъ подносить, одну за другою, чары зелена-вина переряженному Добрынѣ, тотъ ихъ пьетъ, но тутъ же опускаетъ перстень въ одну чару; тогда жена узнаетъ его, они цалуются, обнимаются, и послѣ пошелъ пиръ [1]). Кажется, никакихъ комментаріевъ здѣсь не надобно: близкое родство обѣихъ пѣсенъ въ общемъ и подробностяхъ, само бросается въ глаза. Разсказъ объ инструментальной музыкѣ нашего богатыря — чистѣйшая копія съ азіятскаго.

Богатыри нашихъ былинъ нерѣдко играютъ въ какую-то игру на шахматной доскѣ. Пѣсни называютъ иной разъ эту игру «шашки-шахматы», и тутъ же прибавляютъ: «тавлеи нѣмецкія» [2]). Казалось бы, на первый взглядъ, всего естественнѣе предположить, что здѣсь рѣчь идетъ объ игрѣ въ шахматы. Но это совсѣмъ не такъ. Описывая калмыцкій образъ жизни и нравы, Бергманъ разсказываетъ, что у калмыковъ въ большомъ употребленіи «одна персидскаа игра, которую калмыки зовутъ *нарръ*, а русскіе — *тавлея* [3]). Она похожа на европейскій триктракъ. Играютъ на низенькомъ столѣ, у каждаго игрока есть по 6-ти мѣстъ (квадратовъ), по которымъ мечутъ бѣлые и черные камешки» [4]). Эта азартная игра любима на Востокѣ со временъ глубокой древности: уже въ Магабгаратѣ, Рамаянѣ, Гариванзѣ и т. д., цари, царевичи и богатыри предаются ей со страстью, и проигрываютъ не только всѣ богатства, все состояніе свое, но даже женъ, и, наконецъ, даже собственную свободу и жизнь. Довольно вспомнить знаменитые эпизоды Магабгараты о пяти братьяхъ Пандуидахъ, играющихъ съ Куруидами, двоюродными братьями своими, о Налѣ и Дамаянтѣ и т. д. Эту же игру мы встрѣчаемъ также въ поэмахъ и пѣсняхъ почти всѣхъ народовъ Азіи, и, въ числѣ особенно любопытныхъ примѣровъ, близко подходящихъ къ разсказамъ нашихъ былинъ, можно указать на одну алтайскую пѣсню: тутъ богатырь Тастаракай играетъ съ дочерью Ай-Хана, сначала проигрываетъ ей коня, шубу, самого себя, а потомъ отыгрываетъ все это назадъ, да еще въ добавокъ выиг-

---

[1]) *Рыбн.*, I, 136, 146.—*Кир.* II. 9, 12.

[2]) *Рыбн.* I, 155.

[3]) Объ этой игрѣ упоминается и въ грузинской поэмѣ «*Тариель—Барсова кожа*» (Груз. христом. Чубинова, II часть, стр. XVI), конечно, вслѣдствіе сильнаго вліянія персидской національности на грузинскую.

[4]) *Bergmann*, Nomadische Streifereien. II, 216; VI, 230.

рываетъ и самую дочь Ай-Хана [1]). Но только тутъ игра идетъ уже не въ кости, а въ карты, вѣроятно, подъ вліяніемъ китайскаго сосѣдства; въ сибирско-тюркскихъ пѣсняхъ часто говорится о карточной игрѣ: играютъ въ 9-ть колодъ [2]). У насъ въ былинахъ говорится не только о томъ, какъ богатыри вообще играютъ въ тавлеи другъ съ другомъ, но еще разсказывается, что они играютъ съ иноземнымъ царемъ, и ставятъ на-конъ все имущество, собственную свободу и жизнь. Но разница нашихъ богатырей отъ восточныхъ здѣсь въ томъ, что наши никогда ничего не проигрываютъ, и всегда одерживаютъ верхъ, точно также въ былинахъ, какъ и въ сказкахъ.

Въ русскихъ былинахъ часто говорится о «камняхъ самоцвѣтныхъ». На первый взглядъ, можно подумать, что они должны свидѣтельствовать только о роскоши предметовъ, на которыхъ находятся, и о богатствѣ ихъ хозяевъ. Но на самомъ дѣлѣ, ихъ значеніе совсѣмъ другое. Они занимаютъ въ былинахъ ту роль, которую въ восточныхъ поэмахъ и пѣсняхъ, преимущественно буддійскаго времени, играютъ драгоцѣнные камни, сами собой свѣтящіеся и исполняющіе всякія желанія. Нашъ самоцвѣтный камень лежитъ на днѣ моря [3]); добытый оттуда, онъ освѣщаетъ все, что̀ около него находится. Такъ, наприм., въ палатѣ у Дюка Степановича (его отечество, по словамъ былины, Индія) «вкладены камни драгоцѣнныя: видно молодца станомъ, лицомъ, возрастомъ» [4]); у коня Ильи Муромца «межъ глазмы да подъ ушмы самоцвѣтное насажено каменье, не для-ради красы молодецкія, а для-ради осеннихъ темныхъ ноченекъ: оно за 30-ти верстъ какъ свѣтелъ мѣсяцъ пекётъ» [5]); царевичъ Константинъ Леванидовичъ велитъ вставить въ заднюю и въ переднюю луку своего сѣдла «по тирону по камню, по дорогу, по самоцвѣтному: не для-ради его самого молодца, басы (красы) для-ради и крѣпости богатырскія, для-ради-пути дороженьки, для-ради темной ночи

---

[1]) *Radloff*, I, 48.

[2]) *Radloff*, II, 20, 44.

[3]) *Рыбн.*, I, 139. Вспомнимъ, что со дна озера выноситъ подобный же камень Еруслань Лазаревичъ.

[4]) Сравнимъ въ *«Сказаніи объ индѣйскомъ царствѣ»*: «Палата сдѣлана въ чистомъ золотѣ, въ ней же 8 стояновъ отъ чистаго злата, а на всѣхъ стоянахъ по камени, по драгому: въ нощи свѣтятся, аки огнь горящій, а въ день аки злато сіяетъ; а въ палатѣ огнь не горитъ, вмѣсто огня камень свѣтитъ». *Лѣтоп. русск. лит.*, *Тихонравова*, II, 101.

[5]) *Кир.* I, 87. — *Рыбн.*, III, 50.

осенней, чтобы видѣть при пути-дороженьки: темна ночь до бѣла свѣта» [1]); у Дюка Степановича и у каликъ-перехожихъ вплетено въ лапотики, семи шелковъ, «по ясному по камешку самоцвѣтному» [2]); или же говорится, что калики «взяли по камешку антавенту, день идутъ по красному солнышку, ночь идутъ по камешку антавенту» [3]); наконецъ, такіе же «камни самоцвѣтные, все яхонты, втираны были» въ 300 стрѣлъ Дюка Степановича: «гдѣ стрѣла летитъ, отъ нее лучъ печетъ, въ день красно солнышко, въ ночь отъ свѣтлаго мѣсяца» [4]). Всѣ эти камни отголосокъ тѣхъ чудодѣйныхъ камней, разсказами о которыхъ наполнены азіятскія поэмы и повѣсти. Первоначальное ихъ мѣстопребываніе, какъ и у насъ, дно морское: вспомнимъ, какъ богатырь Агъ-Ай выноситъ оттуда бѣлый камень, а когда онъ положилъ его въ своемъ жилищѣ, «всю темную, словно ночь, юрту освѣтило свѣтомъ его, точно сдѣлался день» [5]). Отчизна свѣтящагося драгоцѣннаго камня Гессеръ-ханова, также глубина морская [6]). Гессеръ-ханово жилище освѣщалось драгоцѣнными камнями, вставленными въ кровельную балку и въ четыре угла палаты: они свѣтились словно огонь, такъ, что ночью не надо было лампъ [7]). Гессеръ-хановы 30 стрѣлы свѣтились огнемъ отъ драгоцѣнныхъ камней, въ нихъ вправленныхъ [8]). Для освѣщенія дороги, Гессеръ-Хану служитъ драгоцѣнный же камень, свѣтящійся какъ огонь, и данный ему изъ благодарности «Божьими дѣтьми», освобожденными имъ изъ неволи у 12-ти-головаго волшебника: «Держи только этотъ камень въ рукахъ, говорятъ они, и ужъ онъ посвѣтитъ тебѣ, сколько нужно, въ дорогѣ» [9]). Но въ восточныхъ разсказахъ свѣтящіеся камни имѣютъ еще и другую роль, кромѣ освѣщенія. За свѣтящимся драгоцѣннымъ камнемъ спускается, въ «*Дзангмунъ*», на дно моря Дчинпаченпо (нашъ Садко), и этотъ камень оказывается также и свѣтится въ рукахъ у 500 дѣвицъ, выходящихъ на встрѣчу къ царевичу Гедону [10]). Этотъ камень, очень часто упоминаемый въ индѣйскихъ, тибетскихъ, монгольскихъ и калмыцкихъ разсказахъ, называется *Чин-*

---

[1]) *Кир.*, III, 118 — 119.
[2]) *Рыбн.*, I, 89, 237; II, 179.
[3]) *Рыбн.*, II, 88; I, 89.
[4]) *Рыбн.*, I, 274, 295; II, 138, 161; III, 149.
[5]) *Schiefner*, Heldensagen, 88.
[6]) Gesser-Chan, 54, 102.
[7]) *Schmidt*, Gesser-Chan, 46.
[8]) Тамъ-же, 128 и далѣе.
[9]) Тамъ-же, 135.
[10]) Dsanglun, 240, 271.

тамани—по-санскритски это значитъ *исполняющій всѣ желанія;* въ киргизскихъ разсказахъ—*Эрмэкъ Тасъ* [1]); и обладатель его можетъ, по своему желанію, получать все чего только захочетъ и даже спастись отъ всякой бѣды. Такого обще-распространеннаго въ Азіи значенія не удержали наши самоцвѣтные камни, за то тѣмъ крѣпче удержалось ихъ свѣтовое значеніе: наши былины, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, разсказываютъ тѣ самыя подробности, и въ такомъ же количествѣ, какъ тѣ азіятскія поэмы и легенды, которыя принадлежатъ буддійству. Кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что эти камни первоначально должны были называться у насъ не «*самоцвѣтными*», какъ мы теперь вездѣ читаемъ въ былинахъ, а «*самосвѣтными*».

Въ нашихъ былинахъ и сказкахъ есть не мало эпическихъ выраженій, которыя мы издавна привыкли считать чисто-русскими, кровно-національными, и которыя, однакоже, на самомъ дѣлѣ не имѣютъ такого характера. Вотъ нѣсколько главнѣйшихъ примѣровъ.

Наше ухо съ дѣтства привыкло слышать, какъ что-то въ высшей степени русское, наприм., такое выраженіе: «конь бѣжитъ, земля дрожитъ [2]). Но это одно изъ любимѣйшихъ эпическихъ выраженій тюркскихъ народовъ. Богатырь Буйдалей Миргэнъ хлеснулъ коня плетью, и тотъ понесся, «съ горы на гору, такъ что только черная земля дрожитъ, верхушки горъ всѣ преклоняются»; ѣдетъ богатырь Канакъ-Калешъ верхомъ: скачетъ конь, трясясь дрожитъ черная земля, качается съ грохотомъ плоскость морская»; этотъ самый Канакъ-Калешъ сидитъ и попиваетъ въ юртѣ вино со старухой: они весело разговариваютъ, вдругъ слышатъ: «черная земля дрожитъ. Они выскочили изъ юрты, смотрятъ — это богатырскій конь Іедай-хана бѣжитъ»; поскакали врозь Канакъ-Калешъ и Айдолей, одинъ на восходъ солнечный, другой на закатъ, свиснули коней плетями, и тѣ шибко понеслись, такъ, что черная земля дрожала»; бѣжитъ конь Алтенъ-Айры богатыря, и «земля качается туда и сюда словно люлька»; бѣжитъ конь Алтенъ-Тактая, и «колеблясь дрожитъ черная земля, деревья въ лѣсу ломятся, свистъ и громъ ходитъ въ воздухѣ, съ громомъ носятся волны морскія и разливаются по степи» [3]); конь богатыря Кара-Хана бѣжитъ, и «изъ камней ле-

---

[1]) Третій томъ Радлоффа, легенда «*объ удящемъ юношѣ*».

[2]) *Кирѣевск.* III, 112.

[3]) *Schiefner*, Heldensagen, 242, 284, 286, 295, 317, 384.

титъ огонь, крутится кругомъ вихрь, вся земля дрожитъ»; конь хана-Таргана скачетъ къ тому мѣсту, гдѣ убитъ его господинъ, издали несется топотъ его копытъ, земля начинаетъ качаться»; Тарба-Киндши сидитъ на Алтаѣ и плачетъ, вдругъ издали послышался «конскій топотъ и земля задрожала» [1]):

Другое подобное же выраженіе: «Выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго», употребляется у насъ то про скачки коня, то про стрѣлы, пущенныя вверхъ, то про врага, брошеннаго богатыремъ въ воздухъ [2]). Монгольскіе разсказы очень любятъ эту самую эпическую фигуру: Гессеръ-хановъ конь несчетное число разъ подымается то одинъ, то со своимъ господиномъ, въ небо, подъ облака; тюркскія пѣсни также очень часто употребляютъ фразу очень близкую къ нашей: богатырь «подымаетъ врага отъ черной земли, мечетъ подъ сводъ небесный, промежду самыхъ чёрныхъ облаковъ»; или-же: «онъ бросилъ врага ниже неба, выше черной земли»; конь Ханъ-Пудая подымается «выше голубого облака, ниже бѣлаго; точно такъ же онъ бросаетъ и врага своего [3]).

Когда нашъ богатырь выстрѣлитъ изъ лука, то «дрожитъ матушка сыра земля» [4]): это повтореніе тюркскихъ эпическихъ выраженій: такъ, наприм., когда сагайскій богатырь Тарба-Киндши выстрѣливаетъ изъ лука, то «дрожитъ вся поверхность земли [5]).

Когда русскіе богатыри закричатъ, то обыкновенно «мать сыра земля всколебалась, изъ озеръ вода выливалась, небо съ землею потрясалось» [6]). При крикѣ богатыря Сугдюлъ-Мергэна «закачались горы, взбросило море волны свои, и крикъ этотъ дошелъ до живущихъ на верху творцовъ, до Эрликъ-хана (подземнаго бога) внизу» [7]).

Наши богатыри, когда бранятъ женщину, говорятъ обыкновенно «бабій волосъ длиненъ, а умъ коротокъ» [8]). Это тѣ самыя слова, которыми, въ тюркскихъ поэмахъ и пѣсняхъ, богатыри бранятъ женщинъ. Такъ, наприм. Алтенъ-ханъ кричитъ на свою жену: «Что ты тутъ знаешь, Алтенъ-Арегъ? Длиненъ у тебя волосъ, жена, а умъ-то коротокъ»; богатырь Картага-Мергэнъ, точно также говоритъ своей сестрѣ: «Длинны у тебя волосы, а разумъ коротокъ. Ну что ты такое говоришь!» [9]).

---

[1]) *Radloff*, II, 94, 116, 262.
[2]) *Кир.*, I, 10, 35, 39; III, 111.
[3]) *Radloff*, II, 338, 297, 298, 326, 327, 352; I, 25, 27.
[4]) *Кир.*, III, 76.—Др. росс. стих, 95.
[5]) *Radloff*, II, 264.
[6]) *Кир.*, IV, 10, 25.
[7]) *Radloff*, II, 350—351.
[8]) *Кир.*, II, 38; IV, 63.—*Рыбн.*, I, 138, 131.—Др. росс. стихотв., 129.
[9]) *Schiefner*, Heldensagen, 7.—*Radloff*, II, 502.

Наконецъ замѣтимъ мимоходомъ, что и наши сказки наполнены эпическими выраженіями, обыкновенно принимаемыми за коренныя созданія русскаго народа, но которыя, между тѣмъ, происходятъ изъ однихъ источниковъ съ эпическими выраженіями, только сейчасъ же приведенными, и имѣющими свой корень въ азіятскихъ поэмахъ и пѣсняхъ. Сюда относятся, наприм.: «Долго-ли, коротко-ли...»; «скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается...»; «есть-ли кто на свѣтѣ сильнѣе меня?...»; «здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ...»; наконецъ, за то-то или за то-то «даю полъ-царства моего». Все это очень употребительныя выраженія восточныхъ поэмъ и пѣсенъ.

Кромѣ приведенныхъ выше тюркскихъ и монгольскихъ названій разныхъ частей одежды, обратимъ вниманіе и на многія собственныя имена того же самаго происхожденія. Такъ нашъ «*бурза-мурза*» есть первоначально монгольское или калмыцкое имя «*Бурза*» (полное имя: «*Бурза Бёкё-Цаганъ*» въ« Джангаріадѣ»; см. выше, разборъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ), и здѣсь имя собственное превратилось въ нарицательное. Далѣе, мы имѣемъ имена Сартака, зятя царя Калина, нападающаго на Кіевъ, и Лоншека, его сына. Про имя второго, издатели пѣсенъ Кирѣевскаго свидѣтельствуютъ, что оно «у татаръ неупотребительно, но есть у киргизовъ и калмыковъ, и, вѣроятно, монгольское» [1]). Откуда почерпнуто это свѣдѣніе—мы не знаемъ; но, по словамъ нашего оріенталиста, П. И. Лерха, имя «*Лоншекъ*» имѣетъ физіономію совершенно тюркскую, и по всей вѣроятности происходитъ отъ имени «*Аланча*», очень употребительнаго у тюркскихъ народовъ. Здѣсь же мы должны припомнить и имя богатыря знаменитой нашей сказки: «*Еруланъ*». Имя это, безъ малѣйшаго сомнѣнія, происходитъ отъ персидскаго «*Арсланъ*», что значитъ «*Левъ*»: львомъ очень часто называютъ героевъ многихъ восточныхъ пѣсенъ и поэмъ, носящихъ разныя имена, и самъ Рустемъ, одинъ изъ главныхъ прототиповъ нашего Еруслана, нерѣдко получаетъ, то отъ однихъ, то отъ другихъ дѣйствующихъ лицъ поэмы Шахъ-Намэ, прозвище «*Льва*». Но имя «Арсланъ» также очень употребительно у монгольскихъ и тюркскихъ племенъ, и есть много историческихъ личностей, носившихъ это имя. Оно было въ ходу и у тѣхъ тюркскихъ племенъ, которыя были въ соприкосновеніи съ русскимъ народомъ въ древнія времена нашей исторіи, и мы имѣемъ

---

[1]) *Кир.*, I, 72, примѣч.

историческія свидѣтельства, что уже въ XII вѣкѣ изъ восточнаго «*Арслана*» образовалось русское «*Ерусланъ*». Въ Лаврентьевской лѣтописи, подъ 1103 годомъ разсказывается нашествіе половцевъ (народа тюркскаго племени) на Русь; русскіе одержали блистательную побѣду, и, говоритъ лѣтопись, «убиша ту въ полку князій 20: Урусобу, Кчія, Аръсланапу, Китанапу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочая князій ихъ» [1]). Въ разнорѣчіяхъ изъ другихъ списковъ лѣтописи, приложенныхъ къ этому мѣсту, находимъ, что въ одной лѣтописи, вмѣстѣ «*Аръсланапу*» стоитъ: «*Ярославопу*», что̀ даетъ намъ уже вполнѣ образовавшееся имя: *Ерусланъ* [2]). Итакъ, имя «*Арсланъ*» извѣстно было древней Руси еще со временъ древнихъ тюркскихъ племенъ.

Въ заключеніе, обратимъ вниманіе на то, что герои нашихъ былинъ постоянно носятъ имя *богатырей*. Его иногда производили у насъ отъ слова: «богъ» [3]). Но *богатырь* слово не только не русское, но даже не арійское. Одинъ изъ значительнѣйшихъ современныхъ санскритологовъ, академикъ Бётлингъ, заявилъ, что слово *богатырь* чуждо санскриту; одинъ изъ значительнѣйшихъ современныхъ знатоковъ иранскихъ нарѣчій, академикъ Дорнъ, заявилъ, что хотя слово *бегадуръ* или *багадуръ* и встрѣчается въ персидскомъ языкѣ (напр. въ Шахъ-Намэ), но оно не персидскаго происхожденія, а вѣроятно тюркскаго или монгольскаго. И дѣйствительно, во всѣхъ монгольскихъ поэмахъ и пѣсняхъ понятіе «*витязь, знаменитый богатырь*» иначе не выражается какъ посредствомъ слова: «*багатуръ*» или «*багатыръ*». Отъ монголовъ или тюрковъ оно вѣроятно и перешло къ намъ. Впрочемъ въ тюркскихъ языкахъ (въ томъ числѣ и киргизскомъ) это слово является въ нѣсколько уже болѣе далекой отъ русскаго формѣ: *батыръ* или *маттыръ*.

Числа, встрѣчающіяся въ русскихъ былинахъ, довольно многообразны и разнородны. Но сквозь всю ихъ пестроту можно различить нѣсколько такихъ, которыя чаще и систематичнѣе повторяются, и которыя можно считать особенно любимыми цифрами.

---

[1]) Полн. Собр. русск. лѣтоп. I, 118.

[2]) *Па* и *ба* въ вышеприведенныхъ именахъ тюркскихъ—приставка; по объясненію нѣкоторыхъ оріенталистовъ, она вѣроятно означаетъ: *сынъ*.

[3]) *Аѳанасьевъ*, «Поэтич. воззр. славянъ на природу», II, 221.

Всего чаще и всего обыкновеннѣе число *три*. Оно встрѣчается на каждомъ шагу, примѣры его употребленія — безчисленны. Все главнѣйшее, что̀ ни существуетъ, что̀ ни случается въ былинахъ, существуетъ и случается въ тройномъ видѣ. Такъ, мы находимъ тутъ: 3 богатыря, 3 брата названыхъ, 3 татарина, 3 борца, 3 стрѣльца, 3 мѣсяца, 3 года, 3 дня, 3 ночи, 3 часа, 3 зари, 3 терема, 3 корабля, 3 дороги, 3 камня, 3 шатра, 3 стана, 3 стрѣлы, 3 певода, 3 погреба, 3 мисы (золота, серебра и жемчуга), 3 слѣда, 3 толпы народа, 3 жеребца, 3 сажени, 3 струи, 3 игры въ шахматы, 3 свиста (Соловья-Разбойника), и т. д. Это число играетъ точно такую же важную роль едва-ли не у всѣхъ восточныхъ народовъ, какъ племени арійскаго (индѣйцевъ, персовъ), такъ и племени монгольскаго и тюркскаго.

Довольно значительное мѣсто занимаетъ у насъ число *12*: встрѣчаемъ—12 лѣтъ, 12 дней, 12 богатырей, 12 кораблей и т. д. Это число особенно свойственно поэмамъ и разсказамъ индѣйскимъ. Въ нихъ мы очень часто видимъ: 12 лѣтъ жертвоприношенія, 12 лѣтъ отшельничества, 12 лѣтъ покаянія, 12 лѣтъ проклятія, 12 лѣтъ проживанія въ лѣсу, 12 лѣтъ службы, 12 ночей [1]). Вспомнимъ, что число 12 всего чаще встрѣчается у насъ въ былинахъ о Добрынѣ, богатырѣ, въ лицѣ котораго у насъ уцѣлѣло не мало индѣйскихъ эпическихъ подробностей. Здѣсь поминутно на сценѣ: 12 лѣтъ, 12 подпругъ у коня, 12 хоботовъ у змѣя, 12 ордъ, дубъ толщиною въ 12 саженъ. Въ поэмахъ и пѣсняхъ монгольскихъ и тюркскихъ племенъ оно занимаетъ столько же посредственное мѣсто, какъ и у насъ.

Но несравненно чаще и значительнѣе числа: *7* и *9*. Какъ говорено было уже выше, 7 лѣтъ составляютъ важную эпоху въ жизни нашихъ богатырей; нашъ дворъ на 7 верстахъ, наша плеть о 7 концахъ, множество вещей у насъ 7 шелковъ (плеть, потникъ, сапоги, кушакъ, лапти); потомъ встрѣчаются еще: 7 братьевъ, 7 недѣль, 7 ордъ, 7 четвертей (стрѣла) и т. д. Число это играетъ величайшую роль въ индѣйской и персидской жизни, религіи и поэзіи, какъ число священное. Здѣсь мы находимъ: 7 брахмъ, 7 частей земли и тѣла, 7 Риши, 7 Магарши, 7 муни, 7 рожденій, 7 лѣтъ, 7 дней, 7 жертвоприношеній, 7 коней солнца, 7 шаговъ при совершеніи брака, 7 пустынниковъ, 7 рвовъ, 7 отказовъ въ милостынѣ, 7 струнъ лютни, 7 главъ у змѣевъ, 7 лѣтъ въ жизни богатырей, 7 цвѣтовъ (сосудовъ, шелковыхъ ма-

[1]) *Fauche*, Mahabharata, I, 1, 92; II, 106, 107, 121, 122, 124, 232, 236, 274; III, 3, 358, 515, 543, 562 и т. д.

терій, глазета), гаданіе надъ чашей 7 кишверовъ и т. д. [1]). Изъ Индіи и Персіи это священное и общеупотребительное число 7 перешло и къ монгольскимъ и тюркскимъ народамъ. Здѣсь встрѣчаемъ его почти на каждомъ шагу, чуть-ли не еще чаще, чѣмъ въ Индіи и Персіи. Въ монгольскихъ поэмахъ и пѣсняхъ есть: 7 небесъ, 7 драгоцѣнныхъ камней, 7 совершенствъ духовныхъ, 7 чашъ при богослуженіи, 7 слоновъ у Хормузды, 7 звѣздъ, 7 покаяній, 7 частей сердца, 7 тканей, 7 дней, 7 ночей, 7 недѣль, 7 мѣсяцевъ, 7 лѣтъ, 7 стѣнъ, 7 дверей, 7 рвовъ, 7 канатовъ, 7 саженъ, 7 шкуръ, 7 дочерей, 7 дикихъ звѣрей, 7 кузнецовъ, 7 головъ; — въ тюркскихъ поэмахъ и пѣсняхъ: 7 странъ свѣта, 7 странъ неба, 7 странъ земли, 7 пластовъ земли, 7 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ, 7 дней, 7 ночей, 7 кудаевъ, 7 айновъ (злыхъ духовъ), 7 богатырей, 7 дѣвъ, 7 деревьевъ, 7 поклоновъ, 7 волковъ, 7 зайцевъ, 7 лисицъ, 7 собакъ, 7 гусей, 7 копій, 7 роговъ, 7 саженъ, 7 шелковъ, 7 мѣховъ, 7 пядей, 7 языковъ, 7 рядовъ забора, 7 дорогъ, 7 горшковъ, 7 котловъ, 7 крюковъ, 7 этажей въ домѣ, 7 головъ у дракона, 7 народовъ, 7 поколѣній [2]).

Наравнѣ съ числомъ *семь* важнѣйшую роль играетъ въ монгольскихъ и тюркскихъ пѣсняхъ число *9*, и въ такой степени, что по весьма справедливому замѣчанію академика Шифнера, къ однимъ и тѣмъ же вещамъ прилагается то число 7, то число 9 [3]). Оно произошло конечно отъ утроенія кореннаго эпическаго *три*. Гаммеръ говоритъ, что оно имѣетъ *священное* значеніе у тюркскихъ племенъ [4]), и вотъ отчего, по всему вѣроятію, зависитъ особенная любовь нашихъ былинъ къ числу 9: оно почти столько же распространено здѣсь, какъ и число 7. У насъ въ былинахъ упоминаются: 9 князей, 9 сыновей, 9 жениховъ, 9 туровъ, 9 ранъ, 9 дубовъ, и т. д. Но у тюркскихъ народовъ нетолько въ большомъ употребленіи число 9, но даже счисленіе до извѣстной мѣры *девятиричное*. Такъ напр., у киргизовъ денежная пеня, назы-

---

[1]) *Fauche*, Mahabharata, I, 317, 491; III, 524; IV, 289, 361, 365, 572 — Harivansa, I, 6, 23, 39, 40, 41, 42, 63, 80, 91, 100, 115, 154, 155, 200, 206, 207, 362. — Schah-Nahmeh, I, 257; II, 181, 485, 589; III, 345, и т. д.

[2]) *Bergmann*, Streifereien, III (Thibet-mongol. Lehrsystem): 49, 55, 109, 166, 208, 215, 216; I: 250, 283, 284, 290, 296, 315, 318. — *Gesser-Chan*: 37, 67, 87, 95, 99, 144. — *Dsanglun*, 58, 78, 80, 81, 84, 178. 182, 193, 201, 238, 240, 241, 244, 392 — *Schiefner*, Heldensagen, 13, 16, 19, 25, 31, 37, 39, 45, 52. 55, 58, 60. 70. 71, 115, 123, 124, 127, 143, 174, 202, 209, 219, 220, 254. — *Radloff*, I, 68, 192, 202, 270, 272, 274, 288, 374, 376, 381, 408; II, 318, 331, 334, 340, 341, 343, 427, 429; третій томъ (киргизскій).

[3]) *Schiefner*, Heldensagen, предисловіе, стр. XXX — Даже число творцовъ вселенной (кудаевъ) тюркскія поэмы и пѣсни иногда опредѣляютъ числомъ 7 (отъ 7 персидскихъ амшаспандовъ), а иногда числомъ 9.

[4]) *Hammer*, Geschichte des Osmanischen I Reiches, 623; VII, 30.

ваемая «*аинъ*» исчисляется все только девятью единицами скота: за выломаніе руки — три-девять скота, за пойманіе любовника у жены — два-девять скота, за сломаніе большого пальца — одинъ-девять скота и т. д. [1]). Въ Хивѣ, при сватаньи невѣсты, калымъ также исчисляется девятерными единицами скота (овецъ, коровъ, коней, верблюдовъ). Бѣдные даютъ два-девять, богатые даже шесть-девять , только ханъ даетъ девять-девять [2]). Конечно, на этомъ-же основаніи, чтобъ выразить самую высшую степень обожанія, въ калмыцкой поэмѣ «*Малый Гесперъ-Ханъ*» говорится, что самъ герой кланяется Хормуздѣ (творцу) «девять разъ девять», а три князя—самому Гесперъ-Хану [3]). Кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что отъ тюркскихъ народовъ пришло въ наши былины и сказки выраженіе: «*тридевять*» земель, царствъ, богатырей, цвѣтовъ, вязовъ, дубовъ и т. д.

Наконецъ, послѣ *3*, *7* и *9*—самую важную роль играютъ у насъ числа *30* и *40*. Въ былинахъ встрѣчается слѣдующее: 30 лѣтъ сидитъ Илья-Муромецъ сиднемъ, 30 лѣтъ стоитъ на мѣстѣ конь Саула Леванидовича, 30 лѣтъ заложена дорога Соловьемъ-Разбойникомъ, или разбойниками-станишниками, 30 дней, 30 богатырей, 30 молодцовъ, 30 дѣвицъ, 30 кораблей, 30 замковъ, 30 телѣгъ съ золотомъ и драгоцѣнными камнями, 30 пудъ (шелепуга и палица), и т. д. Это число въ величайшемъ употребленіи въ монгольскихъ и тюркскихъ поэмахъ и пѣсняхъ: здѣсь, какъ у насъ, конь 30 лѣтъ стоитъ на мѣстѣ [4]), а герой ничего не ѣстъ и не пьетъ (быть можетъ, надо разумѣть, что и нашъ Илья-Муромецъ 30 лѣтъ сидитъ, ничего не ѣстъ и не пьетъ вплоть до чуднаго напитка, даннаго ему каликами). Здѣсь говорится на каждомъ шагу про 30 богатырей, 30 странъ, 30 вьюковъ, 30 лѣтъ боя, про 30-ти головыя чудовища, про 30 сыновей, 30 домовъ, 30 народовъ, 30 небесъ, 30 братьевъ, 30 зятьевъ, 30 товарищей (дружина), 30 телѣгъ и т. д. [5]). По всей вѣроятности, большое употребленіе числа *30* пришло въ монгольскія и тюркскія поэмы и пѣсни изъ источниковъ арійскихъ, гдѣ оно явилось распространеніемъ столько употребительнаго числа *три*.

---

[1]) Примѣчаніе Радлоффа къ пѣсни объ *Эрь-Таргынѣ* въ III-мъ (ненапечатанномъ) томѣ его «*Proben der Volkslitteratur der türk. Stämme Süd-Sibiriens*».

[2]) *Vambery*, Skizzen aus Mittel-Asien, 1868, 81,—и словесныя объясненія нашего оріенталиста, П. И. Лерха, основанныя на личныхъ его наблюденіяхъ, во время путешествій въ Хиву и Туркестанъ.

[3]) *Bergmann*, III, 248, 253.

[4]) *Schiefner*, 144.

[5]) *Gesser-Chan.*, 41, 55, 66, 108, 112, 165, 170, 171. — *Bergmann*, III, 206, 243, 257, 268.—*Radloff*, I, 373, 376, 378, 385. Киргизскія пѣсни III-го тома.

Но характеристическую черту тюркскихъ поэмъ и пѣсенъ составляетъ число *40*. Правда, иногда оно смѣшивается съ числомъ 30, подобно тому, какъ 7 съ 9 (или менѣе употребительныя 60 съ 70); но перевѣсъ остается всего чаще на сторонѣ числа 40, такъ что невольно представляется мысль, что число это по какимъ-то племеннымъ особенностямъ исключительно соотвѣтствуетъ представленіямъ тюркскихъ племенъ, и потому сдѣлалось у нихъ любимымъ. Гаммеръ говоритъ, что числа 4 и 40— *священны* у тюркскихъ племенъ [1]). Находимъ: 40 угловъ у подземнаго, адскаго дома, 40 лѣтъ своей юности лежитъ подъ камнемъ богатырь, есть 40 волшебныхъ женщинъ-лебедей, 40 зубовъ у вѣдьмы-старухи, 40 странъ неба и земли, 40 богатырей, 40 коней, 40 колесъ у повозки, въ 40 саженъ копье, въ 40 саженъ веревка, въ 40 саженъ яма, 40 прыжковъ у коня, 40 струнъ у арфы, 40 роговъ у быка-чудовища, 40 ведеръ, 40 лѣтъ, 40 дней, 40 человѣкъ дружины, 40 ранъ, 40 коней, 40 верблюдовъ, 40 коровъ, 40 овецъ, 40 мѣховъ кумыса, 40 глотковъ, 40 рабовъ, 40 товарищей, 40 подругъ, 40 дней поста, 40 кожъ и 40 иголъ, втыкаемыхъ въ шамана, 40 дней пира, свадьбы, 40 странниковъ, 40 волшебниковъ, 40 разбойниковъ [2]). Еще болѣе, еще чаще, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ тюркскихъ племенъ, упоминается число 40—у киргизовъ, и даже самое имя этого народа «*кыргызъ*» значитъ—сорокъ.—Въ нашихъ былинахъ, число 40 также играетъ наиважнѣйшую роль: тутъ столько же часто находимъ число 40, какъ въ поэмахъ и пѣсняхъ монгольскихъ и тюркскихъ племенъ. Такъ мы видимъ въ былинахъ: 40 разбойниковъ, 40 царей — 40 царевичей, 40 королей — 40 королевичей нападающихъ на Кіевъ, и у каждаго изъ нихъ собрано силы по 40 тысячъ, 40 тысячъ войска и у князя Владиміра, въ 40 пудъ палица паленицы, въ 40 же пудъ: латы-кольчуга Ермака, племянника Ильи-Муромцова, кафтанъ, мечъ, ось, клюка, подворотня, шлемъ, 40 саженъ шириной Донъ-рѣка, 40 тысячъ казны, 40 тысячъ воровъ-разбойниковъ, и т. д. Примѣчательно, что *въ большинствѣ случаевъ* число сорокъ служитъ въ былинѣ для обозначенія всякой силы и всякаго множества *вражескихъ*, между тѣмъ, какъ число 30, *въ большинствѣ случаевъ*, служитъ для обозначенія силы и множества *туземныхъ, русскихъ*. Это различіе кажется намъ чертою историческою, когда принять въ соображеніе особое значеніе числа 40 у тюркскихъ народовъ.

---

[1]) *Hammer*, Geschichte des Osmanischen Reiches, I, 6, 565.

[2]) *Schiefner*, Heldensagen, 11, 25, 39, 51, 56, 93, 201, 209, 222, 241, 243, 246, 247, 248, 268, 300, 398, 404, 409. — *Radloff*, I, 106, 336, 337, 373, 376, 378, 382, 393, 396; II, 81, 90, 104, 112, 120, 131, 294, 708, 718, 719.

Но, что̀ и еще для насъ важнѣе, это число *41*, которое мы встрѣчаемъ въ поэмахъ и пѣсняхъ у этого же самаго киргизскаго народа. Здѣсь упоминаются: 41 конь, назначенный въ калымъ, 41 женщина, 41 косичка у красавицы Баяны, 41 человѣкъ въ караванѣ, 41 странствующихъ въ Мекку мулла [1]). Это число столько характеристично, что составляетъ этнографическую особенность, ярко выдающуюся изъ числа другихъ. Но этого числа мы нигдѣ болѣе не находимъ, кромѣ киргизскихъ поэмъ и пѣсенъ, исключая—у насъ: вспомнимъ *«сорокъ королей съ королевичемъ»*, *«сорокъ тысячей и со тысячей войска»* вражьяго, *«сорокъ каликъ со каликой»*. Нашихъ каликъ, странствующихъ ко святымъ мѣстамъ, тутъ 40; 41-й — ихъ атаманъ или вождь: точно также въ поэмѣ *«Кузу-Курпешъ»* караванъ состоитъ изъ 40 человѣкъ; 41-й — предводитель каравана. Въ той же поэмѣ, странствующихъ въ Мекку пилигримовъ 40; 41-й—ихъ глава.

Всѣ эти черты числоваго сходства конечно не нечаянныя, не случайныя. Онѣ показываютъ, какими каналами и при посредствѣ какихъ именно народностей шли къ намъ съ Востока тѣ или другіе разсказы, превратившіеся у насъ въ былины.

XII.

Мудрено искать въ нашихъ былинахъ коренныхъ, самостоятельныхъ чертъ содержанія, скелета и подробностей. Однакоже, въ нихъ все-таки есть свои самобытныя, національныя особенности, которыхъ нельзя не замѣтить, и о нихъ-то мы и поведемъ теперь рѣчь. Правда, всѣ эти особенности имѣютъ характеръ чего-то второстепеннаго, подчиненнаго, въ сравненіи съ главнымъ, уже указаннымъ нами фактомъ — коренною несамостоятельностью былинъ; но тѣмъ не менѣе черты эти имѣютъ свою важность, потому что присутствіемъ своимъ онѣ придаютъ былинамъ особый колоритъ и физіономію.

И во-первыхъ, главное мѣсто здѣсь занимаетъ *особенность выбора*, былинами, матеріала изъ среды иноземныхъ элементовъ. Мы уже выше указывали, какъ много былины отбрасываютъ совершенно вонъ изъ этого матеріала, и какъ мало оставляютъ для своего употребленія. Вездѣ мы видимъ рамки самыя тѣсныя, самыя ограниченныя, добровольное сокращеніе своихъ средствъ, размѣровъ и горизонта.

---

[1]) Киргизскія брачныя пѣсни, въ III-мъ томѣ Радлоффа. — *«Кузу-Курпешъ»*, по редакціи академика Вельяминова-Зернова.

Въ восточныхъ поэмахъ и пѣсняхъ дѣйствіе происходитъ не только *на землѣ*, въ разнообразнѣйшихъ мѣстностяхъ, разныхъ царствахъ, своемъ и чужихъ, за моремъ, на вершинѣ горъ и т. д., но еще и *надъ землею*, на небѣ, на облакахъ, и *подъ землею*, въ водахъ, на днѣ моря, внутри земли: и тамъ и здѣсь богатыри находятъ цѣлыя царства, народы, существа, живущія особенною своею жизнью, наполненною всякихъ сверхъестественныхъ подробностей. Въ былинахъ нѣтъ такого изобилія и разнообразія. Тутъ уже дѣло никогда не происходитъ ни надъ землею, ни подъ землею. Правда, конь богатырскій иной разъ, точно будто въ восточныхъ поэмахъ и пѣсняхъ, поднимается «выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго», но тѣмъ все и кончается: ни богатырь, ни его конь все-таки не попадаютъ ни въ какія заоблачныя страны, тотчасъ же спускаются съ облаковъ на землю и уже на ней продолжаютъ свои дальнѣйшія похожденія. Точно также, за исключеніемъ единственнаго Садки (который, впрочемъ, тоже нисходитъ не въ подводное царство, а только къ подводному царю), никогда богатыри былины не спускаются подъ воду и внутрь земли. Они совершаютъ всѣ свои подвиги только на землѣ. Надъ землею и подъ землею предоставлено дѣйствовать лишь однимъ героямъ сказокъ. Но и на землѣ, богатыри былинъ совершаютъ свои подвиги въ предѣлахъ очень ограниченной мѣстности: дѣйствіе вездѣ происходитъ либо все въ одномъ и томъ же постоянномъ и неизмѣнномъ *отечественномъ* центрѣ — Кіевѣ, Новгородѣ, либо переносится, да и то на минуту, въ Орду или Литву — постоянный и неизмѣнный *вражескій* центръ. Бѣдность расположенія — примѣрная, отсутствіе многообразной реальности — замѣчательное!

Что касается до самаго дѣйствія, то и тутъ (какъ мы уже выше указывали) встрѣчаются на каждомъ шагу въ былинахъ непостижимое добровольное ограниченіе и урѣзываніе. Вездѣ уничтожены психическіе мотивы, выпущены вонъ внутреннія причины дѣйствія, разсказъ со всѣхъ сторонъ укороченъ, сжатъ. Нашей былинѣ, словно какому-нибудь дѣловому человѣку-прозаику, разсказывающему о событіяхъ, съ нимъ случившихся, только и важны, что *начало* и *конецъ* дѣла. Она быстро шагаетъ отъ событія къ событію, стремится поскорѣе дойти до конца, до развязки, и постоянно урѣзываетъ какъ можно больше *середину*, столько же всего разсказа, какъ и каждой отдѣльной его части. Вся лирическая, эпическая и драматическая обработка фактовъ ей ни по чемъ — ей важенъ только самъ сырой фактъ.

Въ тоже время не замѣтно въ былинахъ особенной заботы соединять однородныя черты характера главныхъ дѣйствующихъ

лицъ и разъединять разнородныя — приписывать похожденія извѣстнаго рода такому-то богатырю и похожденія другого рода иному богатырю. Былины часто перемѣшиваютъ имена своихъ героевъ, не ставятъ строгаго художественнаго разграниченія между характерами главныхъ дѣйствующихъ лицъ, и то, что въ одномъ мѣстѣ разсказано объ Ильѣ, въ другомъ разсказано объ Ермакѣ, Алёшѣ-Поповичѣ или Михайлѣ Казариновѣ и т. д.

Итакъ — былинѣ мало дѣла и до лицъ, и до дѣйствія, и до мѣстности: ей есть только дѣло до сырого, непосредственнаго факта. Ея мѣсто дѣйствія — что-то общее, собирательное, неопредѣленное, идеальная отвлеченность; ея дѣйствіе — точно также что-то общее, идеальное, не пріуроченное ни къ какому психическому настроенію, что-то не имѣющее никакихъ предыдущихъ степеней въ духѣ и чувствѣ героя, и исчезающее потомъ безслѣдно изъ его ума и душевной жизни: точь-въ-точь, какъ въ сказкахъ, которыя держатся однихъ лишь внѣшнихъ фактовъ; ея дѣйствующія лица — опять-таки какія-то идеальныя личности, общія отвлеченности, безъ опредѣленнаго характера, лишенныя не только національнаго облика, но и вообще всякой реальности и всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ мелкихъ подробностей внѣшняго проявленія, которыя дѣлаютъ лицо живымъ, одушевленнымъ.

Все это въ высшей степени замѣчательно и своеобразно. Здѣсь высказывается въ яркихъ чертахъ, что̀ именно въ извѣстную эпоху исторіи было нужно нашему народу, что̀ способно было питать его чувство и художественныя потребности, и что̀, напротивъ, было для него лишнее. Богатый, очень полный и разнообразный матеріалъ лежалъ передъ нимъ: умышленно или по нечаянности, изъ него выбрана и пущена въ оборотъ лишь очень незначительная, вовсе не художественно урѣзанная часть, и эту-то именно часть нашъ народъ привыкъ считать и называть самымъ что̀ ни есть народнымъ, кореннымъ своимъ созданіемъ, привыкъ дорожить имъ, какъ чѣмъ-то самымъ роднымъ себѣ и близкимъ. Историческій фактъ — достопримѣчательный!

Послѣ выбора матеріала, въ былинахъ обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыя бытовыя подробности, дѣйствительно русскія. Ихъ немного, но все-таки онѣ есть, и ярко выдаются на густомъ сплошномъ фонѣ матеріала чуждаго, иноземнаго.

Здѣсь можно, во-первыхъ, указать на нѣкоторыя особенности священнодѣйства и волхвованія, имѣющія типъ національный.

При разсказѣ о бракѣ Добрыни съ Мариной и Дуная съ Настасьей у насъ въ былинахъ говорится, что они «кругъ ракитова куста вѣнчалися.» Эта форма вѣнчанія—древняя обще-славянская, ея мы не встрѣчаемъ въ тѣхъ восточныхъ оригиналахъ, которые принадлежатъ къ числу доступныхъ намъ теперь прототиповъ былинъ о Добрынѣ и Дунаѣ. Правда, *обхожденіе вкругъ* какого-нибудь предмета или существа есть вообще одна изъ коренныхъ, древнѣйшихъ формъ азіятскаго высокопочитанія, обожанія и священнодѣйства: въ Магабгаратѣ, Рамаянѣ и т. д. на каждомъ шагу говорится, что такое-то дѣйствующее лицо три раза совершило *обхожденіе, въ правую руку, кругомъ* бога, священнаго огня, жертвы, горы, царя, человѣка, лука, слона, коня, колесницы, дворца, и, въ особенности, *кругомъ дерева* [1]); въ пѣсняхъ монгольскихъ и тюркскихъ народовъ также очень обыченъ обрядъ *обхожденія, три раза, вкругъ* извѣстнаго предмета, особливо *вкругъ дерева* [2]). Но нигдѣ мы не встрѣчаемъ, чтобъ этотъ обрядъ относился собственно къ священнодѣйствію вѣнчанія (хотя, быть можетъ, въ дѣйствительной жизни древне-арійскихъ народовъ онъ и существовалъ). Въ индѣйскихъ и персидскихъ поэмахъ вѣнчаніе совершается посредствомъ *взятія руки* невѣстиной и *обхожденія съ невѣстой вкругъ* огненнаго алтаря; въ поэмахъ и пѣсняхъ монгольскихъ и тюркскихъ часто говорится, что богатырь взялъ себѣ въ жены героиню разсказа (часто въ полѣ), и потомъ *праздновалась* столько-то дней, мѣсяцевъ и даже лѣтъ, свадьба, но собственно объ обрядѣ вѣнчанія нигдѣ нѣтъ ни слова. Между тѣмъ, *обхожденіе вкругъ дерева* принадлежитъ къ числу несомнѣнныхъ, коренныхъ основъ древне-славянскаго языческаго вѣнчанія [3]). — Теперь обратимся къ формамъ чародѣйства. Въ былинѣ о Добрынѣ весь скелетъ, все содержаніе — чужіе, ничуть не наши народные. Но колдовство Марины для того, чтобъ приворожить къ себѣ Добрыню, или колдовство сестры Добрыниной, чтобъ приворожить къ нему Добрыню,—ярко отличаются отъ всего остальнаго въ былинѣ, какъ вставка своего особеннаго характера. Марина «собираетъ слѣдочки Добрынюшкины, собравши ихъ побросала въ печь: Гори, гори слѣдочки Добрынюшкины! Боли, боли, сердечко молодецкое!» Сестра же Добрынина говоритъ: «Загоритесь, загоритесь дубо-

---

[1]) *Fauche*, Mahabharata, I, 225, 359, 507; II, 11, 13, 152, 164, 188, 228, 253; III, 294; IV, 108, 110, 151; V, 111, 245; VI, 127, 129, 131, 159, 171. — *Gorresio*, Ramayana, I, 118, 193, 320, 362.

[2]) *Radloff*, II, 218, 316, 331, 334, 342 и т. д.

[3]) *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. славянъ на природу, II, 324—325.

выя дрова; разгорися, разболѣйся у Маришки ретивое сердце, по Добрынѣ Никитьевичѣ!» Точно также въ разсказѣ о Ванькѣ Вдовкинѣ-сынѣ,—разсказѣ, имѣющемъ основу совершенно намъ чуждую, иноземную, мы встрѣчаемъ вдругъ чародѣйство въ формахъ, неизвѣстныхъ тѣмъ восточнымъ первообразамъ этой былины, которые доступны намъ. Могуль-птица учитъ Ваньку дѣлать и говорить слѣдующее: «Сѣки ты огнивце птичье надъ верхомъ надъ царемъ Волшаномъ Волшанскимъ, сѣки а самъ выгоривай:—Засѣкаю я, заклинаю всѣ твои книги волшанскія и всѣ твои слова проклятыя; чтобъ та книга не волховала, не проказывала про меня про добра про молодца!»[1]) На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ у насъ въ былинѣ происходитъ это чародѣйство, совершается чародѣйство и въ восточномъ оригиналѣ; но оно выражено въ формѣ того народа, которому принадлежитъ разсказъ. У насъ же это волхвованіе выражено въ формѣ русской: оно здѣсь не что иное, какъ русскій заговоръ, правда, имѣющій основаніе общее древне-арійское, но здѣсь являющееся въ позднихъ русскихъ формахъ.

Далѣе, къ числу національныхъ особенностей былинъ принадлежатъ безчисленные поклоны и почтительныя или ласковыя названія, поминутно расточаемыя каждымъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Въ былинахъ всѣ на каждомъ шагу кланяются другъ другу, кто въ поясъ, а кто и въ землю: сынъ кланяется въ землю отцу и матери, когда начинаетъ съ ними разговаривать и проситъ чего нибудь, особенно благословенія на дорогу; жена кланяется въ землю мужу; богатыри кланяются другъ другу при каждой встрѣчѣ; всякій кланяется входя въ палату «на всѣ на три на четыре стороны, а князю въ особину;» когда князю надо просить о чемъ нибудь богатыря, онъ точно также кланяется напередъ «на всѣ на три на четыре стороны, а тому богатырю въ особицу;» разсказывая о своемъ желаніи жениться князь Владиміръ говоритъ, что ему нужна такая жена, съ которой ему можно было-бы вѣкъ коротать, «а всѣмъ князьямъ, всѣмъ боярамъ, всѣмъ могучимъ богатырямъ и всему красному городу Кіеву *было бы кому покланятися;* наконецъ, князь Владиміръ кланяется иной разъ своимъ богатырямъ даже въ ноги, когда ему уже очень плохо приходится [1]). Безъ почтительныхъ или ласковыхъ обращеній не начинается также ни одна рѣчь

---

[1]) *Кирѣевск.*, II, 44, 43.—*Рыбник.* I. 449.

[2]) *Кир.*, I, 10, 13, 25, 27, 34, 36, 56, 74; II, 1, 3, 4, 14, 17, 21; III, 37, 53; IV, 2, 42.—*Рыбник.*, I, 110, 137, 142, 149, 151, 155, 164, 178, 179, 186, 279.

отъ одного лица къ другому въ былинахъ: «Красное солнышко, ласковый Владиміръ князь, удалый добрый молодецъ, свѣтъ государыня родная матушка, душечка Михайла Потокъ Иановичъ» и т. д. Но всего этого вовсе не слѣдуетъ буквально принимать за выраженія почтительности и любви. Поклоны, поясные и земные, безъ сомнѣнія, играютъ величайшую роль во всѣхъ восточныхъ поэмахъ и пѣсняхъ (особливо въ индѣйскихъ и персидскихъ: въ послѣднихъ, кланяющійся не только распростирается ницъ, но еще *цѣлуетъ землю*). Здѣсь тоже всѣ необыкновенно часто кланяются, въ поясъ или въ землю, другъ другу, или-же божеству, царю, отцу, матери, коню, слону, дереву, непріятелю и т. д. Изъ числа нескончаемаго множества примѣровъ достаточно указать здѣсь на одинъ тотъ, что даже сами 9 Эрли-Хановъ (подземные боги) кланяются въ ноги богатырьшѣ Кубайко, увидавъ, какъ она преодолѣваетъ всѣ препятствія, чтобъ выручить изъ подземнаго царства (ада) голову своего брата [1]). Ласковыхъ и почтительныхъ именъ тоже не мало. Но и они и поклоненія имѣютъ здѣсь нѣсколько иной характеръ, чѣмъ у насъ. Въ тѣхъ поэмахъ и пѣсняхъ ласковыя имена и поклоненія служатъ внѣшнимъ выраженіемъ обожанія или почтенія: сынъ не только что кланяется въ ноги отцу и матери, но еще уважаетъ ихъ, и исполняетъ что ими приказано или присовѣтывано; богатырь не только распростирается передъ своимъ царемъ, княземъ или ханомъ, но еще и считаетъ его чѣмъ-то высшимъ, верховнымъ, достойнымъ уваженія. У насъ въ былинахъ не такъ: сынъ поминутно кланяется отцу и матери, проситъ у нихъ благословенія и позволенія, тѣ совѣтуютъ ему то или другое, приказываютъ или запрещаютъ что нибудь — и поминутно кланяющійся имъ сынъ *рѣшительно никогда* не исполняетъ того, что они ему присовѣтывали или приказали (вспомнимъ приказаніе, данное Ильѣ Муромцу отцомъ его, въ дорогѣ не вынимать ни противъ кого лука и стрѣлъ; приказаніе данное Добрынѣ матерью его, не ходить за третью струю, не ѣздить на подвиги и оставлять жену; подобныя-же приказанія, данныя Михайлѣ Казаринову, Василью Буслаеву и т. д.) Богатыри униженно кланяются князю и княгинѣ, но это не мѣшаетъ имъ, при первомъ же случаѣ, бить князя и весь дворъ его плетью, ломать маковки церквей у него въ столицѣ и продавать ихъ въ кабакъ (Илья Муромецъ), а княгиню звать «сукой и волочайкой» (Алёша Поповичъ). Своего крестнаго «братца» и сво-

[1]) *Schifner*, Heldensagen, 415.

его крестнаго «батюшку» Василій Буслаевъ подчуетъ—ударами шалыги (плети) въ 90 пудъ или оси телѣжной въ 40 пудъ по головѣ, въ отвѣтъ на ихъ кроткія уговариванія, а мать свою милуетъ только потому, что она зашла къ нему сзади, а не спереди. Такимъ образомъ, всѣ ласковыя названія и поклоны, поясные и земные, не выражаютъ въ былинахъ никакого душевнаго настроенія и чувства, а только внѣшнюю проформу и церемонію. Это — черта историческая.

Еще замѣчательно то, что богатыри нашихъ былинъ вовсе, повидимому, лишены религіозности и набожности. Герои восточныхъ былинъ очень богато надѣлены обоими этими свойствами: они, передъ началомъ каждаго похожденія, еще даже не зная, будетъ-ли оно имъ легко или трудно, обращаются къ Богу, или къ божествамъ своимъ, къ солнцу, лунѣ, звѣздамъ, рѣкамъ, горамъ и т. д., и просятъ ихъ благословенія и помощи. Въ трудныхъ обстоятельствахъ они обращаются къ нимъ же снова, а по окончаніи подвига набожно благодарятъ ихъ. У насъ въ былинахъ всего этого нѣтъ. Богатырь обращается къ той или другой божественной личности (всего чаще къ св. Николѣ) лишь тогда, когда ему приходится плохо; но, раньше трудныхъ своихъ обстоятельствъ, а также по окончаніи подвига, онъ никогда ни къ кому не обращается, и не знаетъ никакихъ благочестивыхъ обрядовъ и благодарности (исключеніе—одинъ Садко). Навряд-ли эта черта имѣетъ основу въ національномъ характерѣ нашего народа, вообще крайне набожнаго, и въ языческое, и въ христіянское время. Это лишь свойство тѣхъ сжатыхъ экстрактовъ, которые сдѣланы у насъ, подъ названіемъ былинъ, изъ восточныхъ поэмъ и пѣсенъ, но тѣмъ не менѣе это черта, исключительно намъ принадлежащая.

Далѣе, къ числу самостоятельныхъ особенностей въ былинахъ относятся: коса дѣвицъ и волосы мущинъ. Волосы нашей героини до замужества всегда заплетены въ *одну* косу, которая при замужествѣ расплетается, и послѣ того замужняя женщина носитъ уже *нѣсколько* косъ [1]) Въ восточныхъ поэмахъ и пѣсняхъ, дѣло происходитъ на оборотъ. Индѣйскія дѣвушки носятъ множество локоновъ, вьющихся кольцами; у персидскихъ дѣвушекъ, такіе-же локоны и еще въ добавокъ множество косъ; у тюркскихъ незамужнихъ дѣвушекъ, обыкновенно 60 или 70 заплетенныхъ косъ; послѣ же замужества, индѣйскія и персидскія женщины продолжаютъ носить тѣже локоны и косы, или

[1]) *Рыбн.*, I, 191, 208, 242.—*Кир.*, IV, 96.

складываютъ ихъ въ видѣ болѣе или менѣе сложной прически, а тюркскія замужнія женщины, вмѣсто 60-70 косъ, начинаютъ носить только двѣ [1]). Сверхъ того, волосы нашихъ дѣвушекъ и женщинъ въ былинахъ всегда *русыя*, въ азіятскихъ поэмахъ и пѣсняхъ всегда *черныя* (иногда про нихъ даже говорится: «темныя какъ ночь»). Что же касается до волосъ мущинъ, то они у всѣхъ *черные* въ тѣхъ былинахъ, которыя у насъ сибирскаго происхожденія, или тамъ, гдѣ говорится о врагѣ или иноземцѣ [2]), и *русые* («кудри желтыя») во всѣхъ былинахъ, которыя были записаны въ собственно-русскихъ мѣстностяхъ [3]). Кудрями своими князь Владиміръ обыкновенно «потряхиваетъ» [4]) — черта національная.

Иногда въ былинахъ говорится, что на князѣ Владимірѣ надѣты «зарукавья серебряныя, ожерелья жемчужныя», и его подъ руки ведутъ слуги [5]). Это явное воспроизведеніе царскаго костюма и церемоніала; и уже К. Аксаковъ указывалъ на то, что по своей редакціи эта пѣсня принадлежитъ эпохѣ нашихъ царей [6]).

Кромѣ вина, на пирахъ былинъ всегда есть «питья медвяныя» [7]), и къ вину примѣшиваютъ медъ. О медѣ не говорятъ восточныя поэмы и пѣсни, первообразы разсмотрѣнныхъ нами былинъ. Правда, въ Магабгаратѣ, при картинныхъ описаніяхъ лѣсовъ, часто говорится о пчелахъ, но нигдѣ не упоминается о напиткѣ изъ меда. Этотъ напитокъ, кажется, исключительно принадлежитъ арійскимъ племенамъ уже послѣ ихъ поселенія въ Европѣ. Здѣсь онъ оказывается, между прочимъ, любимымъ напиткомъ славянскихъ племенъ, въ томъ числѣ и русскаго.

Но особенно характерно частое упоминаніе былинами предметовъ полотняныхъ и деревянныхъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ: бѣлый полотняный шатеръ, бѣлый полотняный занавѣсъ у кровати, бѣлая полотняная рубашка героевъ и героинь раз-

---

[1]) *Fauche*, Mahabharata II, 83,495; III, 225.—*Mohl*, Shah-Nameh, I, 245, 253, 255, 259, 267; II, 79, 83, 95, 213, — I. 133, 245, — *Radloff*, II, 115, 129, 245, 403, 457, 480, 631, 636, 841;—318, 475, 553, 555, 608.

[2]) Вообще всѣ былины сборника „*Кирши Данилова*“ (*Др. росс. стих.*), наприм. 85, 138, 195.—*Кир.*, I, 84, II, 18, III, 22, 70. Ставрова жена, желая выдать себя за иноземца, надѣваетъ *кудри черныя* (*Кир.*, IV, 60).

[3]) *Кир.*, II, 29, 39; III, 17, 42.

[4]) *Кир.*, III, 42.

[5]) *Кир.*, I, 83.

[6]) *К. Аксаковъ*, сочиненія, I, 385.

[7]) *Кир.*, II, 75; III, 30, 78, 86, 93, 104; IV, 107.

сказа, бѣлое полотняное полотенце [1]); ко вторымъ: бѣлодубовыя гридни и крыльца, ворота рѣшотчатыя и бѣлодубовыя, двери кленовыя или бѣлодубовыя, кровати тесовыя; скамьи и столы, полки, бочки, сходни — бѣлодубовыя, шашки кленовыя, жеребьи волжаныя [2]). Полотняныхъ палатокъ не знаютъ восточныя поэмы и пѣсни: тамъ палатки шелковыя и изъ леопардовой или тигровой кожи — въ Шахъ-Намэ, или бѣлыя войлочныя и кожаныя, у монгольскихъ и тюркскихъ племенъ. Юрты, занавѣсы у ихъ кроватей и въ ихъ домахъ — шелковые же; полотенца вовсе не упоминаются, рубашки изрѣдка [3]). Въ противоположность всему этому, о полотняныхъ предметахъ говорится въ былинахъ необыкновенно часто, и это легко можно видѣть изъ приведенныхъ цитатъ, съ умысломъ нами здѣсь не сокращенныхъ. Тоже почти надо сказать и о предметахъ деревянныхъ: въ восточныхъ поэмахъ и пѣсняхъ всегда говорится о столахъ, сѣдалищахъ и тронахъ золотыхъ, или изъ слоновой кости [4]), и вовсе нѣтъ рѣчи о деревянныхъ. Тюркскія племена, по словамъ одного путешественника, индѣйца-буддиста, въ VII вѣкѣ по Р. Х., будучи огне-обожателями, «не употребляютъ деревянныхъ сѣдалищъ, потому что дерево содержитъ огонь; отъ этого-то они и не садятся, изъ почтенія, на деревянныя сѣдалища, а вмѣсто того разстилаютъ на землѣ двойныя цыновки, или ковры изъ шкуръ» [5]). О крыльцахъ вовсе и помина нѣтъ; двери всегда металлическія: желѣзныя, серебряныя, золотыя, или изъ драгоцѣнныхъ камней. Такимъ образомъ, предметы полотняные и деревянные составляютъ особенность нашихъ былинъ, особенность, конечно, прямо зависящую отъ условій древняго русскаго быта, имѣвшаго всего болѣе характеръ земледѣльческій и сельскій, и пользовавшагося, преимущественно, произведеніями царства растительнаго.

---

[1]) *Рыбн.* I, 73, 74, 85, 103, 130, 139, 152, 163, 183, 191, 198, 203, 213, 250, 268, 275, 277, 287, 443, 445. — *Кир.*, II, 30, 57, 71; III, 13, 14, 15, 23, 24, 25; IV, 110.

[2]) *Кир.*, II, 8, 37, 85; III, 62, 65, 86, 105; IV, 19, 40, 59, 81, 110. — *Рыбн.*, I, 50, 81, 93, 115, 137, 142, 145, 147, 173, 181, 187, 208, 218, 230, 231, 238, 260, 266, 285, 286, 327, 355.

[3]) *Mohl*, Shah-Nameh, I, 119, 145, 155, 167, 177, 235, 243, 303; II. 133, 213, 215, 217, 575; III, 297; IV, 219, 221. — *Schiefner*, Heldensagen, 235, 241, 250, 254. — Gesser-chan, 163, 218, 226, 236.

[4]) *Mohl*, I, 53, 85, 161, 211, 213, 235, 341, 415, 487. — *Schiefner*, 237, 290. — *Radloff*, II, 91, 114, 117, 128, 200, 252 и т. д. Впрочемъ, надо замѣтить, что иногда наши былины забываютъ отечественные *столы* и *скамьи бѣлодубовые*, и говорятъ про *золотой столъ* и *золотой стулъ* (*Рыбн.*, I, 108, 170, 190, 286) — прямое повтореніе выраженій восточныхъ поэмъ и пѣсенъ.

[5]) *Stanislas Julien*, Histoire de la vie de Hiouen-thsang et de ses voyages dans l'Inde. Paris, 1853, 56.

Таковы самостоятельныя бытовыя черты нашихъ былинъ. Повторяемъ еще разъ: ихъ не много, и всѣ онѣ второстепенныя, никогда отъ нихъ не зависитъ ходъ событій въ былинѣ, онѣ попали въ разсказъ, по всей вѣроятности, въ позднее время, какъ вставки, какъ замѣна или пополненіе предметовъ и названій болѣе древнихъ и первоначально иноземныхъ. Но все-таки онѣ есть, и на нихъ нельзя не обратить вниманія, такъ какъ онѣ придаютъ былинамъ извѣстный національный колоритъ.

Народный русскій языкъ, какъ извѣстно, заключаетъ въ себѣ многія особенности, придающія ему необыкновенную живописность и своеобразную колоритность, а вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенную силу и мягкость. Тѣже самыя особенности принадлежатъ и языку нашихъ былинъ, и, можно сказать, здѣсь онѣ получили еще болѣе развитія, разнообразія и выпуклости, такъ какъ нигдѣ не встрѣчали такого частаго и обширнаго примѣненія.

Сюда относится, во-первыхъ, постоянное удвоеніе, какъ въ разсказѣ, такъ и въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ, всѣхъ предметовъ и дѣйствій, о которыхъ идетъ дѣло въ былинѣ. Такъ, напримѣръ, былина всегда говоритъ: гуси-лебеди, бурзы-мурзы, латы-кольчуги, князья-бояре, пиръ-бесѣдушка, путь-дорога, тоска-печаль, бой-драка, почесь-хвала; цѣловать-миловать, ходить-погуливать, идти-ѣхати, взялся-принялся, въ перелетъ-летитъ, два ужина-ужиналъ, третій завтракъ-завтракалъ, думу-думати, дождь-дожжитъ; сердце разгорчиво-неуёмчиво, рѣка широкимъ-широкая, глубокимъ-глубокая, потихохоньку-посмирнехоньку, по старому-по прежнему, не для-ради красы-басы.

Другая особенность: привычка непремѣнно ставить прилагательное при каждомъ существительномъ: сыта-медвяная, дубъ-сырой или коренастый, стрѣла-каленая, голова-буйная, вино-зеленое, степь-широкая, берега-крутые, ноги-рѣзвыя, языкъ-рѣчистый, кельи-низкія, камень-бѣлъ-горючъ, вдова-честная, сердце-ретивое, кровь-горючая, матушка-родная, луга-шелковые, конь-борзый, очи-ясныя, уста-сахарныя.

Еще иная особенность — это двѣ поминутныя крайности: то уменьшительныя, то увеличительныя наименованія предметовъ. Уменьшительныя: мужъ ладушка, крѣпкая сдержавушка, хмельные напиточки, колечико серебряно, гусёлышки яровчаты, косынька русая, тетивочки шелковенькія, ухваточка богатырская, дороженька широкая, бесѣдушка веселая; жалобнехонько, скоре-

шенько; Добрынюшка, Алёшинька, Чурилушка. Надо при этомъ замѣтить, что всѣ эти уменьшительныя прилагаются не только къ предметамъ, къ которымъ относятся съ ласкою и нѣжностью, но и къ предметамъ враждебнымъ или непріятнымъ: воры-разбойнички, ночные подорожнички, атаманушка, раздольице-безвременьице, вѣсточка нерадостная, наученьице по женскому (послѣднее выраженіе употребляетъ мужъ, рубя женѣ руки, ноги и губы, и называетъ ихъ: рученьки, ноженьки, губушки).

Увеличительныя выраженія: коровища старая, ножище-кинжалище, деревеньщина засельщина, домовище - великое (гробъ), старчище-пилигримище, мужичище-калѣчище, чернизина, нахвальщина, головище у бабы съ дощанище, а глазища-то съ пивны корцы; у царища-уланища ушища будто блюдища, глазища будто чаши пивныя, носище будто палица боевая, мужище-блудище, Идолище поганое, Змѣище-горынище. Здѣсь опять-таки любопытно замѣтить, что названія увеличительныя не означаютъ непремѣнно что-то большое и уродливое; напротивъ, они часто употребляются совершенно безразлично, въ перемѣшку съ уменьшительными, относясь къ одному и тому же предмету: такъ, напримѣръ, сама былина, въ разсказѣ своемъ, называетъ одно и тоже дѣйствующее лицо то Иванушкой, то Иванищемъ, то каликушкой, то сильнымъ и могучимъ каликой [1]).

Въ глаголахъ точно также бросается въ глаза наклонность къ двумъ крайностямъ: наклонность къ формамъ, изъ которыхъ однѣ выражаютъ медленность, удлиненіе и многократность дѣйствія, а другія — стремительность и быстроту дѣйствія. Къ первымъ принадлежатъ такія выраженія: подаваетъ гусёлышки яровчаты; кладываетъ потнички на потнички; не ясенъ соколъ по небу разлетываетъ, младъ Ермакъ Тимоѳеевичъ на добромъ конѣ разъѣзживаетъ; тутъ-то на столбѣ онъ подпись подписывалъ; Владиміръ по гриднѣ похаживаетъ, желтыми кудерками потряхиваетъ; сошка у ратая поскрыпиваетъ; всѣ на пиру порасхвастались; испострѣлены бѣлы груди. — Ко вторымъ принадлежатъ выраженія: какъ разгорѣлось его сердце богатырское, какъ почалъ онъ бить поганыхъ татаровей; какъ выскочитъ, какъ вылетитъ она (Соловьева дочь) выше церквей соборныихъ и т. д.

Наконецъ, къ числу особенностей рѣчи принадлежитъ употребленіе маленькихъ пейзажныхъ подробностей или картинъ природы, кромѣ переводовъ [2]), *только* въ двухъ случаяхъ: или для

---

[1]) *Рыбникова*, I, 89 — 94.

[2]) Къ числу переводовъ или передѣлокъ мы относимъ, какъ уже выше говорено, описаніе разныхъ волненій природы при рожденіи богатыря (*Кир.* II, 1, 2, 10), при

подобія и сравненія, или же для выраженія силы своей и непріятельской, и вреда, причиненнаго непріятелемъ. Такъ наприм., былины говорятъ: «день за днемъ будто дождь дожжитъ, недѣля за недѣлей, какъ трава ростетъ, а годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ»; «укатается изъ глазъ красно солнышко, уѣзжаетъ изъ виду добрый молодецъ»; «не бѣлая береза къ землѣ клонится, не шелковая въ полѣ травка разстилается, ужъ какъ кланяется сынъ своей матери»; «не бѣлы снѣги забѣлѣлися, не черныя грязи зачернѣлися: забѣлѣлася, зачернѣлася сила русская»; «посмотрѣлъ онъ на силушку поганаго: нагнано-то силушки чернымъ-черно, чернымъ-черно какъ чернаго ворона, и не можетъ пропекать красное солнышко между паромъ лошадинымъ и человѣческимъ: вешніимъ долгіимъ денечкомъ сѣрому звѣрю вокругъ не обрыскати, меженныимъ (лѣтнимъ) долгіимъ денечкомъ черному ворону этой силы не обграяти, осенніимъ долгіимъ денечкомъ сѣрой птицѣ вокругъ не облетѣть»; «рыкнулъ татаринъ по звѣриному, свиснулъ татаринъ по змѣиному, въ чистомъ полѣ камешки раскатывались, травушки въ чистомъ полѣ повянули, цвѣточки на землѣ повысыпали»; «у татарина рать—туча черная, княженецкая рать — молонья свѣтлая» [1]). Но, кромѣ развѣ выраженій позднихъ, перешедшихъ въ былины изъ пѣсенъ бытовыхъ, не-богатырскихъ [2]), никогда наши былины не рисуютъ *прямо, непосредственно* картинъ природы, какъ составную часть разсказа, какъ мы это видимъ обыкновенно во всѣхъ эпическихъ созданіяхъ, и въ томъ числѣ (какъ было уже замѣчено выше) въ поэмахъ и пѣсняхъ восточныхъ, первообразахъ былинъ. Былины рисуютъ пейзажныя подробности всегда лишь вскользь, мимоходомъ, по поводу какого-нибудь предмета или событія. Въ этомъ былины отличаются не только отъ восточныхъ первообразовъ, но и отъ бытовыхъ, не-богатырскихъ пѣсенъ русскихъ, гдѣ картины и картинки природы играютъ всегда непосредственную и значительную роль.

Всѣ эти своеобразныя особенности языка былинъ, хотя и приложенныя къ матеріалу чужеземному, заключаютъ въ себѣ столько особенности, что, въ соединеніи съ оригинальнымъ стихосложеніемъ былинъ и всегдашнею мѣткостью, силою, образностью и юморомъ русскаго выраженія, придаютъ былинамъ совершенно исключительную, самобытную физіономію.

выстрѣлѣ его изъ лука (*Кир.* III, 76, 111—112; IV, 94), при крикѣ богатырскомъ (*Кир.* I, 49, III, 91, 92; IV, 10, 25), при описаніи бѣга богатырскаго коня (*Кир.* I, 35, 46—47; III, 111; IV, 109—110. — *Рыбн.*, I, 77, 153, 273).

[1]) *Рыбник.*, I, 111, 131, 183.—*Кир.* I, 57, 71; II, 15, 17; III, 36; IV, 113.

[2]) Наприм.: «Тутъ заря зарумянилась, бѣлыя облака закудрявились» (*Рыбн.* I, 313); «день вечеряется, солнце закатается» (*Кир.*, IV, 83).

XIII.

Главная задача настоящаго изслѣдованія заключалась въ томъ, чтобы доказать совершенную несостоятельность мнѣнія, будто русскія былины — коренное произведеніе нашего народнаго творчества, и будто онѣ представляютъ несомнѣнные, чистѣйшіе, самостоятельные элементы русскіе, какъ въ общемъ, такъ и въ подробностяхъ.

Но, кромѣ этого главнаго, преобладающаго мнѣнія, есть еще другое мнѣніе о былинахъ, менѣе предъидущаго распространенное, но не менѣе его несправедливое и требующее опроверженія.

Допустимъ, говорятъ иные, что коренной матеріалъ былинъ явился на свѣтъ и сложился не у насъ. Онъ не-русскій, это правда, но онъ тоже и не чей-нибудь другой въ особенности, онъ не принадлежитъ исключительно никакой отдѣльной національности. Онъ — общее индо-европейское достояніе; онъ — совокупность вѣрованій, понятій и міросозерцанія, вынесенныхъ изъ азіятской прародины разными племенами (въ томъ числѣ и славянскимъ), во времена до-историческія, въ ту эпоху, когда единичный первородный арійскій народъ сталъ раздѣляться на отдѣльныя вѣтви, и вѣтви эти, одна за другою, начали покидать первобытное отечество свое, Азію, и стали уходить въ Европу. Но потомъ, каждый изъ этихъ народовъ продолжалъ жить, на новой родинѣ своей, этимъ общимъ достояніемъ, этими миѳическо-эпическими преданіями, принесенными изъ прародины, и, сообразно съ условіями новой среды, вновь выдѣлявшагося характера и духа, новой своей исторіи, далъ имъ и новую національную физіономію, накладывалъ на нихъ печать своей особенности. Именно отъ такихъ причинъ происходитъ близкое сродство всѣхъ языковъ индо-европейскаго семейства; сродство это и причины его стоятъ нынѣче внѣ всякаго сомнѣнія. Значитъ, точно таково должно быть происхожденіе и сродство основныхъ эпическихъ мотивовъ у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ, и т. д.

Мнѣ кажется, что отвѣты на эти соображенія заключаются уже въ всемъ предъидущемъ изслѣдованіи. Но они тамъ разсѣяны по разнымъ мѣстамъ, потому что главная цѣль труда не заключалась собственно въ опроверженіи этихъ соображеній. Однакоже, такъ какъ и настоящій вопросъ имѣетъ свою важность, то мы совокупимъ здѣсь вмѣстѣ тѣ отдѣльныя черты опроверженія, которыя сюда идутъ, и дополнимъ ихъ нѣсколькими спеціальными замѣтками.

Я нисколько не отрицаю того факта, что въ азіятской общей прародинѣ индо-европейскихъ народовъ зародилось множество поэтическихъ мотивовъ, гдѣ высказались вѣрованія, понятія и міросозерцаніе первоначальнаго, единичнаго арійскаго народа; я не отрицаю, что эти мотивы могли быть унесены изъ Азіи разными членами арійской семьи, принесены ими въ Европу, и тутъ, на новыхъ поселеніяхъ, при новыхъ вліяніяхъ получили своеобразную форму и развитіе, сохранивъ однакоже вездѣ коренныя черты первоначальной основы. Мудрено было-бы сомнѣваться во всемъ этомъ, въ виду результатовъ, добытыхъ въ послѣднее время *сравнительною миѳологіею*, этою новою наукою, которая, едва возникнувъ, успѣла уже совершить такіе великіе и блестящіе подвиги. Ея доводы, основанные на столько же глубокомъ и многостороннемъ филологическомъ знаніи, какъ и на глубокомъ и тонкомъ анатомическомъ разслѣдованіи, неотразимы. Индѣйскія, персидскія, греческія, римскія, кельтскія и германскія вѣрованія, міровоззрѣнія и обряды одинаковы въ корню своемъ, всѣ идутъ изъ одного и того-же источника. Славянская наша вѣтвь не составляетъ здѣсь исключенія, и, точно также, какъ всѣ остальныя вѣтви индо-европейскаго семейства, не могла не принести съ собою въ Европу поэтическихъ мотивовъ, которые на прежней прародинѣ играли извѣстную роль въ отправленіяхъ поэтической, художественной и вѣровательной силы народовъ.

Съ другой стороны, я нисколько не отрицаю, что тѣ мотивы, которые составляютъ основу нашихъ былинъ, возникли въ Азіи, въ до-историческія еще времена, и вездѣ, гдѣ только это было мнѣ возможно, я въ своемъ изслѣдованіи именно старался возвести каждый мотивъ до древнѣйшихъ, доступныхъ мнѣ первообразовъ его; а первообразы эти всякій разъ оказывались древне-азіятскими, миѳическо-религіозными, и указывали, относительно первоначальнаго зарожденія своего, на древность до-историческую, намъ теперь недосягаемую.

Но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, что тѣ древнѣйшіе мотивы, которые принесены славянскимъ племенемъ изъ Азіи въ Европу, именно и уложились въ наши былины въ формѣ самостоятельной славянской обработки; или наоборотъ, что наши былины не что иное, какъ сложившіеся въ славяно-европейской формѣ и на славяно-европейской почвѣ общіе индо-европейскіе мотивы, вынесенные изъ Азіи.

Нашему соображенію представляются *два обстоятельства:* одно — это древнѣйшіе, до-историческіе мотивы азіятской прародины, принесенные въ Европу всѣми индо-европейскими племенами (въ томъ числѣ и славянскимъ); другое — это русскія бы-

лины, которыя по кореннымъ своимъ мотивамъ восходятъ до временъ глубокой до-исторической древности. Два эти обстоятельства близко родственны, въ извѣстныхъ пунктахъ, именно въ началѣ своемъ, соприкасаются и, тѣмъ не менѣе, это два обстоятельства совершенно разныя, совершенно расходящіяся.

Обозрѣвая то, что въ послѣднее время сдѣлано было въ Европѣ, особенно Сильвестромъ-де-Саси и Бенфеемъ, для вѣрнаго уразумѣнія обращающихся въ Европѣ *сказокъ*, Максъ Мюллеръ, одинъ изъ самыхъ могучихъ и передовыхъ, въ настоящее время, представителей сравнительнаго языкознанія и сравнительной миѳологіи, говоритъ, что у насъ у всѣхъ теперь въ рукахъ сказки двухъ родовъ: «Первый родъ сказокъ — это тѣ легенды, которыя были извѣстны первоначальной арійской расѣ, прежде чѣмъ она раздѣлилась на индѣйцевъ, грековъ, римлянъ, кельтовъ; ихъ можно назвать *первичными* или *органическими*. Второй родъ сказокъ — тѣ, которыя въ болѣе позднее время принесены изъ одной литературы въ другую; ихъ можно назвать *вторичными* или *неорганическими*. Первыя представляютъ одинъ общій древній пластъ языка и мысли, идущій отъ Индіи до Европы; послѣднія состоятъ изъ обломковъ разныхъ пластовъ, перенесенныхъ разными естественными и искусственными путями изъ одной страны въ другую. Въ каждомъ арійскомъ языкѣ мы различаемъ *общія* и *чужія* слова: первыя составляютъ древнее наслѣдство арійской расы, а послѣднія заимствованы римлянами отъ грековъ, германцами отъ римлянъ, кельтами отъ германцевъ. Такъ точно мы должны дѣлать различіе между *общими*, *первородными* арійскими легендами, и легендами, *заимствованными* и *пересаженными* въ позднѣйшее время. Правила, управляющія словами, съ одинакою силою прилагаются и къ сравнительному анализу легендъ. Когда мы находимъ въ санскритскомъ языкѣ слова точь-въ-точь тѣ самыя, что въ греческомъ, мы уже знаемъ, что это не могутъ быть одни и тѣже слова. Звуковая система у греческаго языка другая, чѣмъ у санскритскаго, и для того, чтобы доказать свое первобытное тожество, слова должны напередъ доказать, что они вынесли измѣнившее ихъ вліяніе той звуковой системы, которая свойственна каждому отдѣльному языку. Санскритское слово *ekatara* не можетъ быть тожественно съ греческимъ *ekateros*; англійское слово *better* не можетъ быть тожественно съ персидскимъ *behter*; нѣмецкое слово *ei* не можетъ быть тожественно съ англійскимъ *eye*. Еслибы это были одни и тѣже слова, они непремѣнно гораздо больше были бы непохожи одно на другое, именно вслѣдствіе того вліянія, которое сдѣлало

греческій языкъ непохожимъ на санскритскій, персидскій на англійскій, англійскій на нѣмецкій [1])».

То, что Сильвестръ-де-Саси, Бенфей, Максъ Мюллеръ и другіе новѣйшіе изслѣдователи замѣчаютъ про европейскія сказки, въ полной мѣрѣ относится и къ поэтическимъ произведеніямъ русскаго народнаго творчества. Одни изъ нихъ *первичныя*, другія *вторичныя*.

Ко вторичнымъ, безъ всякаго сомнѣнія, относятся — наши былины.

Еслибъ онѣ были созданія не заносныя, не чуждыя, не иноземныя, а, напротивъ, самообразовавшіяся на нашей почвѣ, изъ первородныхъ обще-арійскихъ элементовъ, что̀ бы мы тогда находили въ нихъ?

Въ нихъ соединялись бы *два* коренныхъ явленія: *во-первыхъ*, общая арійская основа и, *во-вторыхъ*, славяно-русская ея разработка. Что касается до первой, то она должна была существовать у славянскаго племени въ формѣ самой неразвитой, зародышной; чѣмъ же иначе, какъ не эмбріономъ могла и быть, въ древне-арійской прародинѣ, въ до-историческія времена, до раздѣленія арійскаго племени на народы, эта основа, если даже и въ Ведахъ, т. е. въ древнѣйшихъ памятникахъ отдѣлившейся и самостоятельно сформировавшейся индѣйской народности всѣ эпическія основы являются чѣмъ-то въ высшей степени эмбріоннымъ, неустановившимся въ твердую, опредѣленную форму? Что касается до второй составной части, то тутъ мы бы находили уже полное преобладаніе славяно-русскаго элемента, какъ въ общемъ взглядѣ на вещи, въ міросозерцаніи, такъ и въ историческихъ, эпическихъ и бытовыхъ подробностяхъ.

Поэтому, еслибы сравнивать наши былины съ азіятскими поэтическими произведеніями, то мало того, что былины наши имѣли бы наибольшее сходство съ ними, но еще, кромѣ того, всего болѣе сходились бы съ самыми древнѣйшими разсказами того или другого арійскаго племени, и именно съ тѣми, которые болѣе другихъ близки были ко временамъ обще-арійской прародины: чѣмъ древнѣе было бы такое племя и чѣмъ древнѣе его разсказы, тѣмъ болѣе родства можно было бы замѣтить между основными чертами этого разсказа и нашею былиною. Болѣе поздніе разсказы болѣе позднихъ народовъ и племенъ арійскихъ уже менѣе сходились бы съ былинами, и всего менѣе сходства было бы между разсказами самыхъ позднихъ, вполнѣ обособившихся арій-

[1]) *Max Müller*, «Chips from a german workshop». London, 1867, т. II, статья: «*Tales of the West Highlands*», стр. 244—245.

скихъ племенъ и народовъ, и русскими былинами. Что же касается до разсказовъ азіятскихъ племенъ вовсе не арійскаго корня, то съ ними не было бы уже у нашихъ былинъ ровно никакого сходства, какъ съ произведеніями національностей вполнѣ чуждыхъ и далекихъ нашему арійскому духу и происхожденію.

Вмѣсто этого мы находимъ въ былинахъ совершенно другое. Съ древнѣйшими разсказами древнѣйшихъ арійскихъ племенъ и народовъ наши былины хотя и имѣютъ, безъ сомнѣнія, много общаго, но только въ главныхъ мотивахъ; съ разсказами арійскихъ народовъ болѣе новаго времени онѣ имѣютъ общаго уже не одни только главные мотивы, но и главныя развитія этихъ мотивовъ и множество частныхъ подробностей; еще болѣе имѣютъ онѣ сходства съ позднѣйшими разсказами арійскихъ народовъ позднѣйшаго времени; а наибольшее, ближайшее сходство оказывается у нихъ съ разсказами тѣхъ народовъ вовсе *не арійскаго* племени, которые получили отъ *арійскихъ* народовъ первоначальные эпическіе мотивы и выработали, развили ихъ сообразно съ условіями своей исторіи и быта.

Факты противорѣчатъ фантазіямъ партизановъ отечественной самобытности нашихъ былинъ: съ чѣмъ, по ихъ соображеніямъ, онѣ должны были бы сходиться всего болѣе, съ тѣмъ онѣ сходятся всего менѣе; а съ чѣмъ не должны бы имѣть вовсе ничего общаго, съ тѣмъ именно онѣ-то всего тѣснѣе и связаны.

Чтобъ доказать справедливость этихъ положеній относительно *содержанія*, возьмемъ для примѣра нѣкоторыя изъ разсмотрѣнныхъ выше былинъ.

Главное содержаніе, главные мотивы былинъ о Добрынѣ, безъ сомнѣнія, восходятъ до временъ глубочайшей древности, до эпохи первичнаго арійскаго народа. Но въ какой формѣ эти мотивы могли существовать у этого первичнаго народа? Безъ сомнѣнія, въ самой эмбріонной, самой общей. Такъ, напримѣръ, мы бы тамъ нашли, по всей вѣроятности, очень краткіе и болѣе или менѣе связанные въ одно цѣлое или разбросанные по частямъ разсказы о томъ, что герой-богъ убилъ водяную змѣю, потомъ вола-чудовища, потомъ непріязненное ему волшебное существо-женщину, потомъ непріятеля-борца или непріятелей-борцовъ, высвободилъ изъ глубины преисподней тѣхъ, кто тамъ былъ заключенъ, наконецъ, съ помощью божества-брата или божества-товарища одолѣлъ и убилъ и главнаго противника своего, постоянно враждебнаго себѣ божество-царя. Такія общія, малосложныя черты имѣемъ мы право предполагать въ самыхъ древнѣйшихъ, первоначально-арійскихъ прототипахъ нашей былины

о Добрынѣ. И тогда наша былина имѣла бы общее сходство съ этими эмбріонными чертами какъ въ арійскомъ первообразѣ, такъ и въ поэтическихъ созданіяхъ разныхъ арійскихъ племенъ, происшедшихъ отъ первоначальнаго арійскаго народа. Но у насъ въ былинѣ дѣло не ограничивается однимъ общимъ, далекимъ сходствомъ въ основныхъ арійскихъ мотивахъ: сходство простирается и на то развитіе первоначальнаго мотива, на тѣ многочисленныя подробности, которыя, безъ малѣйшаго сомнѣнія, образовались никакъ уже не на арійской прародинѣ, а гораздо позже, въ совершенно другихъ мѣстахъ и въ средѣ совершенно другой народности. Мы указывали на сходство былины о Добрынѣ съ исторіей Кришны: тутъ, въ поэмѣ «Гариванза», на лицо было множество подробностей, сложившихся собственно въ Индіи и имѣющихъ основаніемъ индѣйскіе нравы, индѣйскій бытъ, условія индѣйской жизни. Молодость Добрыни, его ученье грамотѣ, потомъ все, чему центромъ служитъ царь Канза, все происходящее около него и при его дворѣ, сбираніе подати и отправленіе ея къ царю, праздникъ лука, единоборство, другія событія въ театрѣ, необыкновенное оружіе у главныхъ героевъ (плугъ, ось) и т. д. — все это такія подробности, которыхъ, конечно, въ древне-арійской прародинѣ не было и быть не могло, все это мѣстно-индѣйское, чисто-національное развитіе первоначальныхъ, малосложныхъ мотивовъ собственно арійскихъ: а между тѣмъ эти самыя мѣстныя, спеціально-индѣйскія подробности мы вдругъ находимъ и въ русской былинѣ. Неужели-же, на двухъ далекихъ краяхъ свѣта, индѣйскій и славяно-русскій народъ, совершенно независимо другъ отъ друга, оба развили, по нечаянности, первоначальные эмбріонные мотивы въ одной и той же формѣ, съ одними и тѣми же частными и мелкими подробностями? Но, кромѣ разныхъ частей и деталей, близко напоминающихъ индѣйскую поэму, мы находимъ въ нашей былинѣ много другихъ еще частей и деталей, которыхъ нѣтъ въ разсказѣ «Гариванзы», и которые, между тѣмъ, имѣютъ вполнѣ монгольскую или тюркскую физіономію. (Это въ особенности относится до эпизода съ Мариной и всего богатырскаго поворота и колорита разсказа.) Что же это доказываетъ? Это доказываетъ, что наша былина имѣетъ, конечно, съ индѣйской распространенной обработкой настоящаго мотива уже гораздо болѣе сходства, чѣмъ съ первоначальнымъ зародышнымъ мотивомъ обще-арійскимъ, но все-таки сходство далеко еще не полное, и самаго полнаго, ближайшаго сходства надо искать для нашей былины въ поэмахъ или пѣсняхъ монгольскихъ или тюркскихъ, гдѣ будетъ заключаться индѣйская обработка первоначальнаго мотива, да еще, сверхъ того, монгольская или тюрк-

ская его обработка. Именно по всѣмъ этимъ причинамъ наши былины о Добрынѣ имѣютъ, съ указанными нами греческими разсказами о Геркулесѣ, лишь самое общее, далекое сходство: у грековъ, первоначальные арійскіе мотивы разработаны своеобразно, согласно съ древне-греческимъ бытомъ, нравами и народною мѣстною исторіею и вѣрованіями: значитъ, сходство могло заключаться лишь въ общихъ, главнѣйшихъ мотивахъ, и его вовсе нѣтъ въ болѣе частныхъ подробностяхъ и развитіяхъ. А между тѣмъ, именно съ древне-греческими разсказами наша былина о Добрынѣ и должна была бы имѣть всего болѣе сходства, какъ съ разсказами, болѣе первоначальными и болѣе близкими къ первоначальному арійскому источнику.

Другой примѣръ. При разборѣ былины объ Иванѣ Гостинномъ-сынѣ мы представили три разсказа: два изъ Магабгараты, и одинъ изъ числа тюркскихъ пѣсенъ буддійской редакціи. Что же? Съ которыми изъ нихъ имѣетъ больше сходства эта былина? Больше всего съ послѣднимъ, котораго форма позднѣе и гдѣ всѣ детали относятся къ номадной жизни; менѣе предъидущаго, но все еще значительное сходство съ тѣмъ, который является въ опредѣленныхъ формахъ древне-индѣйской жизни (разсказъ о бѣгѣ двухъ сестеръ, Кадру и Винаты); и, наконецъ, всего менѣе съ тѣмъ разсказомъ, который, по всему видно, старше этого послѣдняго, едва тронутъ подробностями собственно-индѣйской жизни, и явно стоитъ въ близкомъ соприкосновеніи съ временами до-индѣйскихъ, обще-арійскихъ сказаній. А именно съ этими послѣдними наша былина должна бы имѣть всего болѣе сходства, происходи она прямо изъ элементовъ обще-арійскихъ.

Еще примѣръ. Основные мотивы былинъ о Потокѣ восходятъ, безъ сомнѣнія, до глубокой древности и поэтому должны были бы совершенно сходиться съ подобными же древнѣйшими мотивами этого разсказа у другихъ древнѣйшихъ народовъ. Однако же *первая* половина сказаній о Потокѣ, при всемъ сходствѣ съ индѣйской обработкой того же мотива (брахманъ Руру и воскрешенная, посредствомъ его самопожертвованія, жена), а также съ обработкой греческой (Орфей и воскрешенная, его самопожертвованіемъ, жена его, Эвридика),—все-таки заключаетъ, сверхъ того, еще много такого развитія, котораго нѣтъ ни въ индѣйской, ни въ греческой редакціи. А что такое это новое, туда еще прибавившееся, откуда оно взялось и гдѣ образовалось, мы узнаемъ изъ *второй* половины сказаній о Потокѣ, которая, безъ сомнѣнія, во сто разъ уже ближе къ разсказу о тибетско-монгольскомъ Гессеръ-Ханѣ, чѣмъ первая половина къ разсказамъ

объ индѣйскомъ Руру и греческомъ Орфеѣ. Нельзя сомнѣваться, что есть монгольскія и тюркскія обработки перваго мотива, съ которыми *первая* половина имѣетъ столько же ближайшаго сходства, какъ *вторая* съ «Гессеръ-Ханомъ». Монголо-тюркскій элементъ проникаетъ ее всю такими подробностями, которыхъ не могло быть не только въ древнѣйшихъ обще-арійскихъ, но и въ индѣйскихъ и греческихъ мотивахъ. Олицетвореніе женскаго злого начала подъ видомъ лебеди, погребеніе мужа съ женой и конемъ, воскрешеніе посредствомъ мертвой и живой воды и т. д.,— это мотивы, неизвѣстные легендѣ индѣйской и греческой, а тѣмъ менѣе возможные первоначальному арійскому мотиву, который есть въ сущности не что иное, какъ миѳологическая легенда о погребеніи зерна въ землю и выростаніи его потомъ изъ земли къ новой жизни. Наша былина есть чисто средне-азіятское развитіе древне-арійскаго малосложнаго мотива.

То же самое надо сказать про былины о Садкѣ и Сорока каликахъ. Онѣ всего болѣе имѣютъ сходства съ разсказами поздними, буддійскаго времени, наполненными подробностями поздняго азіятскаго времени, которыхъ, конечно, никогда не могло быть въ древне-арійскихъ эмбріонныхъ мотивахъ: таковы — купеческое сословіе, купеческая гильдія или братчина, препираніе купца съ городомъ, поѣздка за драгоцѣнностями, построеніе храма — *въ Садкѣ;* благочестивые странники, ихъ грамотность и путешествіе ко святымъ мѣстамъ, исторія влюбленной царицы и благочестиваго царевича — *въ Сорока каликахъ со каликой.* Чѣмъ старше и древнѣе тѣ восточные разсказы, съ которыми приходится сравнивать всѣ эти былины, тѣмъ сходства меньше, тѣмъ болѣе оно ограничивается одними общими контурами и очертаніями, такъ что, наконецъ, съ самыми древними онѣ сходятся лишь въ главномъ основномъ мотивѣ. А должно бы быть наоборотъ, еслибъ справедливы были соображенія тѣхъ, кто вѣруетъ въ дѣйствительно-отечественное происхожденіе былинъ.

Этихъ примѣровъ, я думаю, довольно, чтобъ показать, что относительно общаго ихъ состава, наши былины никакъ не похожи на такія, которыя бы прямо черпали изъ первороднаго арійскаго родника, помимо тѣхъ развитій первоначальнаго мотива, которыя совершились у разныхъ азіатскихъ народностей. Совпаденіе развитыхъ формъ мотива въ нашихъ былинахъ съ такими же развитыми его формами именно у этихъ послѣднихъ народовъ, и притомъ поздняго времени, такъ часто встрѣчается, такъ разительно, такъ спеціально, что не можетъ быть дѣломъ простого случая или тожества человѣческаго духа и одинаковой поэтической дѣятельности у всѣхъ народовъ вообще.

Происхожденіе всѣхъ индо-европейскихъ языковъ изъ одного источника и зависящее отъ того сходство ихъ между собою не только не служитъ къ опроверженію всего высказаннаго здѣсь, но еще подтверждаетъ мою мысль. Никто не сомнѣвается въ дѣйствительномъ происхожденіи ихъ изъ обще-арійскаго корня, и самостоятельномъ развитіи каждаго изъ нихъ на почвѣ новаго европейскаго отечества; но это нисколько не мѣшаетъ и заимствованіямъ у одного отъ другого, а также и отъ племенъ вовсе неарійскихъ. И сравнительное языкознаніе, далекое отъ того, чтобъ всѣ факты каждаго отдѣльнаго языка упрямо выводить *только* изъ однихъ источниковъ прародины, не боится видѣть и изслѣдовать эти заимствованія, не приходитъ отъ нихъ въ патріотическій ужасъ, и добросовѣстно отводитъ имъ значительное мѣсто на своихъ страницахъ.

Что же касается *подробностей* былинъ, то мы замѣчаемъ здѣсь слѣдующее.

Еслибъ былины создались дѣйствительно на нашей почвѣ, въ очень древнее время, изъ элементовъ первоначально арійскихъ, то, не смотря на всевозможныя позднія наслоенія временъ княжескихъ и царскихъ, мы имѣли бы тутъ, во-первыхъ, географическія черты нашей отечественной земли, а потомъ черты древняго нашего быта и народной нашей жизни. Такимъ образомъ, тутъ были бы на сценѣ: наша зима, снѣгъ, морозъ, ледъ на рѣкахъ, наши снѣжныя равнины, мхи и болота; русская плоская мѣстность, безъ горъ, и покрытая жатвами; земледѣльческій характеръ нашего народа; наша изба и вообще наши коренныя, всегда деревянныя постройки и утварь; нашъ очагъ и связанныя съ нимъ вѣрованія; огни купальные, и поклоненіе рощамъ и деревьямъ; древне-арійское совершенное отсутствіе храмовъ; обрядные хороводы и пѣсни; религіозное древне-арійское поклоненіе коню; сожженіе мертвыхъ; умыканье невѣстъ у воды; гаданье на птицахъ; поклоненіе душамъ предковъ; вѣрованіе въ русалокъ, лѣшихъ, домовыхъ, роженицъ, и разные другіе обряды и повѣрья языческой Руси; вездѣ на первомъ планѣ деревенская жизнь; хлѣбосольство; сельскія работы и игры; земскія, по преимуществу пѣшія, рати съ мечами, щитами, знаменами и воинскими трубами; рѣчныя мелкія ладьи (наши знаменитыя однодеревки), рыболовныя, купеческія и военныя; купцы-разбойники; рабы и военноплѣнные; наконецъ, повсюду непремѣнныя народныя вѣча, отсутствіе смертной казни, и, что всего важнѣе, самъ русскій народъ присутствовалъ бы и дѣйствовалъ бы на сценѣ многочисленныхъ былинъ нашихъ, принималъ бы

участіе во всемъ происходящемъ, и имѣлъ бы вліяніе на событія.

Но въ былинахъ оказывается совсѣмъ другое.

Здѣсь зима, ледъ, морозъ, не только не играютъ никакой роли, но даже вовсе не упоминаются, точно будто дѣло происходитъ не въ Россіи, а въ какомъ-то жаркомъ климатѣ Востока [1]). — Ни мховъ и болотъ, ни плодородныхъ земледѣльческихъ мѣстностей былины нигдѣ не рисуютъ. — Земледѣльческій бытъ имъ чуждъ и неизвѣстенъ. Единственнымъ представителемъ этого быта намъ выставляютъ Микулу Селяниновича; но онъ имѣетъ въ былинѣ лишь позднюю и совершенно внѣшнюю оболочку русскаго пахаря, въ сущности же это точно такой же богатырь монголо-тюркскаго характера, какъ и остальные наши богатыри: на немъ такой же богатырскій колпакъ (шляпа), какъ и на нихъ; онъ ѣздитъ на богатырскомъ конѣ, совершенно подобномъ, всѣми примѣтами и качествами, коню Ильи-Муромца; какъ остальные богатыри, онъ поколачиваетъ враждебныхъ ему людей шалыгою или плетью подорожной — орудіемъ, по преимуществу свойственнымъ монголо-тюркамъ и вообще племенамъ номаднымъ; притомъ, онъ поколачиваетъ все *мужиковъ*, чѣмъ самымъ проводится рѣзкая черта между ими и имъ самимъ; разговоръ его весь состоитъ точь-въ-точь изъ тѣхъ самыхъ условныхъ выраженій и фразъ, которыя всегда принадлежатъ и остальнымъ нашимъ богатырямъ характера монголо-тюркскаго; сверхъ того, и въ пѣсняхъ тюркскихъ народовъ мы находимъ точно такихъ же земледѣльцевъ [2]). — Деревянныхъ построекъ въ былинахъ нѣтъ (кромѣ случайнаго развѣ упоминанія, вскользь, избы Морского царя въ подводномъ царствѣ: но это лишь одинъ изъ позднихъ варіантовъ. Терема же Соловья Будимировича произведеніе не русскихъ, а иностранныхъ, пріѣзжихъ работниковъ). — Поклоненія очагу, рощамъ, водамъ, душамъ предковъ, коню и т. д., вообще всѣхъ подробностей истинно славянскихъ и русскихъ вѣрованій и обрядовъ — нѣтъ; кромѣ приведенныхъ выше примѣ-

---

[1]) О зимѣ и снѣгѣ говорится въ былинахъ едва-ли не всего одинъ только разъ, а именно въ одномъ разсказѣ о Чурилѣ Пленковичѣ: «Что съ вечера пороша порошила, съ полуночи выпалъ бѣлый снѣгъ, выпалъ бѣлый снѣгъ во весь бѣлый свѣтъ» и т. д. (*Кир. IV*, 85, 87). Но языкъ этой былины и самое содержаніе ея, анекдотическое и слишкомъ ничтожное, несомнѣнно указываютъ на позднее происхожденіе и особливо позднюю форму ея. — Эпическихъ же выраженій, такихъ наприм. какъ: «не бѣлы снѣжки забѣлѣлися» и т. п., конечно, въ настоящемъ вопросѣ принимать въ соображеніе нельзя, такъ какъ они принадлежатъ всѣмъ вообще нашимъ пѣснямъ, и, конечно, оттуда зашли въ былины.

[2]) Пѣсня о земледѣльцѣ Тарданакѣ. *Radloff*, II, 28—31.

ровъ, составляющихъ, въ общей сложности, исключеніе, можно сказать, совершенно незначительное. — Коренныхъ подробностей дѣйствительно славянскаго и русскаго національнаго быта и жизни—также нѣтъ.—Ратей—никакихъ.—Воинская вообще обстановка—не русская.—Народъ и вѣче—отсутствуютъ вполнѣ.

Вмѣсто всего этого, мы находимъ въ былинахъ подробности и обстановку, совершенно противуположныя тѣмъ, которыя свойственны нашей землѣ, нашему народу и нашему быту. Передъ нами картина, вся составленная изъ азіятскихъ подробностей.

Здѣсь у насъ передъ глазами: климатъ жаркой азіятской полосы, безъ зимы, морозовъ, льда и снѣга; вездѣ азіятскія степи и горы; табуны коней кочевыхъ народовъ; слоны, барсы, львы, соболи чуть не на улицахъ городскихъ; *бѣлокаменныя* палаты азіятскихъ народовъ; чисто-азіятскіе купеческіе корабли и чисто-азіятскій купеческій бытъ; азіятская ранняя письменность и грамотность, условленная брахманствомъ и буддійствомъ; монастыри, странствія и омовенія, по преимуществу буддійскаго характера; богатыри всегда верхомъ; вооруженіе, способъ боя, чисто-азіятскіе; богатырьши—совершенно азіятскаго характера; казни [1]); образъ жизни и привычки азіятскіе [2]); рѣчи, эпическія выраженія, наконецъ характерныя числа и многія имена—все это не русское, а азіятское.

И мало того, что все это азіятское вообще: мы на каждомъ шагу убѣждаемся, что подробности и обстановка эта всего чаще имѣютъ физіономію монгольскую и тюркскую, времени буддійскаго.

---

[1]) У насъ въ былинахъ, кромѣ отрубленія головы (наказанія вовсе не употребительнаго въ древнѣйшей Руси) упоминаются: привязаніе женщины за волосы къ стремени и размыканье по полю, закопанье мущинъ и женщинъ по-поясъ въ землю, раздергиванье жеребцами, отрубленіе рукъ, ногъ, грудей, носа (*Рыбн.*, I, 145, 185, 193, 201, 204, 227). Все это обычаи азіятскіе, и притомъ всего скорѣе номадныхъ народовъ.

[2]) Къ числу характернѣйшихъ особенностей и привычекъ надо отнести употребленіе всегда, вездѣ и всѣми у насъ въ былинахъ—плети. Былина до того проникнута азіятскими началами и привычками, уже вовсе *не-арійскаго* свойства (плеть и ея безмѣрное употребленіе создалось, конечно, не въ арійской земледѣльческой прародинѣ), что оставляетъ въ разсказахъ плеть даже и тамъ, гдѣ ей всего менѣе, кажется, было бы мѣсто. У насъ не только новгородецъ Васька Буслаевъ дерется плетьми съ новгородскими мужиками, но и благочестивые калики-перехожіе ходятъ въ дорогу съ шалыгами и плетями подорожными, и ими дерутся! Все это совершенно напоминаетъ нравы монголо-тюркскіе: тамъ даже старуха-мать, отправляясь въ степь къ тѣлу убитаго сына, идетъ съ плетью въ рукахъ (ст. *пѣснь о Саинъ-Батырѣ*, въ числѣ киргизскихъ пѣсенъ III-го тома Радлоффа), а красавица Баяна (въ поэмѣ *Кузу-Курпечъ*) гуляетъ въ полѣ съ плетью.

Мудрено, кажется, предположить, что вкусы, настроеніе духа, и умственныя и бытовыя привычки были до того сходны у нашего народа съ монгольскими и тюркскими племенами, что тѣ и другіе, совершенно независимо одни отъ другихъ, создали однѣ и тѣ же эпическія подробности для выраженія, въ національныхъ своихъ формахъ, эмбріоновъ обще-арійскихъ, и формы эти не представляютъ между собою никакой разницы.

Нельзя обойти очевидность, нельзя избѣгнуть убѣжденія, что тутъ произошло прямое заимствованіе.

Мы, народъ арійскаго происхожденія, имѣемъ въ нашихъ былинахъ матеріалъ первоначальный арійскій же, но полученный нами не прямо изъ его родоначальнаго источника, и въ древнѣйшую эпоху исторіи, а посредствомъ племенъ не-арійскихъ и въ формѣ развитія не-арійскаго, отъ тюрковъ и монголовъ, во время довольно позднее. Къ этому чуждому наслѣдству мы прибавили очень мало своего: едва лишь нѣсколько довольно внѣшнихъ подробностей быта и народнаго вкуса, и національный колоритъ языка.

Это нисколько не покажется удивительнымъ тому, кто изучалъ разныя стороны древне-русской интеллектуальной и художественной дѣятельности. Заимствованіе отъ другихъ народовъ цѣлыхъ областей этой дѣятельности и сохраненіе ихъ, потомъ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ были получены, не прибавивъ къ нимъ вновь ничего самостоятельнаго, существеннаго— это вовсе не рѣдкость въ исторіи нашего развитія, и примѣръ былинъ вовсе не какой-то небывалый, исключительный примѣръ. Архитектура и живопись, полученныя нами изъ Византіи, имѣли въ нашемъ отечествѣ точь-въ-точь ту-же участь, что былины (эпическая поэзія), полученныя отъ монгольскихъ и тюркскихъ племенъ. Ни тутъ, ни тамъ, древняя Русь не прибавила къ полученному достоянію ничего существеннаго съ своей стороны: вся ея дѣятельность ограничилась только сохраненіемъ, въ возможной точности и неприкосновенности, чужихъ преданій, и прибавленіемъ къ нимъ лишь немногихъ, и то мало существенныхъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ чертъ.

Въ томъ именно и заключается быть можетъ главная разница западно-европейскаго и нашего славяно-русскаго національнаго духа, что тамъ чужой матеріалъ столько-же охотно воспринимается какъ и у насъ, но немедленно подвергается самостоятельной переработкѣ, органическому претворенію въ собственную плоть и кровь; а у насъ чужой матеріалъ бываетъ воспринятъ, съ большою жадностью и любовью, но потомъ не испытываетъ никакого процесса національнаго претворенія и развитія, и только

очень тщательно уберегается отъ всякаго существеннаго измѣненія и разростанія. Первоначальный матеріалъ Калевалы, Нибелунговъ, Эдды, Одиссеи, Иліады—не самостоятельный, не возникъ на финской, германской, скандинавской, греческой почвѣ: онъ дитя Азіи, онъ заключаетъ въ корню своемъ зерна древнѣйшихъ арійскихъ легендъ и сказаній. Но къ этому первоначальному эмбріонному матеріалу, каждая изъ національностей, его принявшихъ въ очень стародавнее время, прибавила вновь столько своего, народнаго, самобытнаго, такъ измѣнила его сообразно съ условіями своихъ понятій, вѣрованій, народнаго чувства и вкуса, внесла туда такую громадную массу разнообразныхъ подробностей, выразившихъ ея отечественную мѣстность, исторію, бытъ и привычки, что вышедшее изъ національнаго горнила новое произведеніе, по всей справедливости, должно считаться въ высшей степени самостоятельнымъ и народнымъ. Съ нашими былинами этого не случилось. Не только матеріалъ, но и весь составъ ихъ, со всѣми подробностями (кромѣ немногихъ исключеній) заимствованы отъ монгольскихъ и тюркскихъ племенъ и несравненно позднѣе, чѣмъ одинъ только арійскій матеріалъ—тѣми народами. Уже и одна поздность заимствованія, сама по себѣ могла быть важною помѣхою самостоятельному національному творчеству: оно любитъ періодъ ранняго, отроческаго состоянія народнаго. А къ этому прибавился еще и особенный складъ народнаго духа, по преимуществу консерваторскій въ отношеніи къ чужеземнымъ заимствованіямъ и врагъ новой самостоятельной обработки ихъ. Ясно, что эти причины и должны были образовать огромную разницу между нашими былинами и эпическими произведеніями другихъ европейскихъ народовъ арійскаго же семейства.

Но все это не говоритъ противъ талантливости и художественности русскаго народа, все это нисколько не доказываетъ неспособности его къ поэтическому творчеству. Уже давно всюду и всѣми признаны, напротивъ, его могучія, великія, качества именно со стороны творчества художественнаго.

Только оно высказалось, въ настоящемъ случаѣ, не въ приложеніи къ тому арійскому матеріалу, который пришелъ къ намъ черезъ третьи руки, черезъ тюрковъ и монголовъ во времена позднія, а въ приложеніи къ арійскому матеріалу, прямо принесенному прародителями русскаго народа изъ арійской прародины въ Европу, въ нынѣшнее наше отечество. Самобытное творчество русское высказалось во множествѣ поэтическихъ созданій, обыкновенно малыхъ размѣровъ, которыя издревле существуютъ въ средѣ нашего народа и многими столѣтіями предшествовали появленію у насъ былинъ съ ихъ монголо-тюркскими формами.

Это — пѣсни обрядныя, хороводныя, свадебныя, заплачки, заговоры, загадки, пословицы и т. п. Основа этихъ чисто-отечественныхъ созданій—обще-арійская*), и мы ее найдемъ у всѣхъ народовъ арійскаго семейства; но этотъ первоначальный матеріалъ прошелъ сквозь русскую національность, нашъ народъ наложилъ на него печать своей мѣстности, исторіи, быта, своего міровоззрѣнія и національнаго духа и характера. Тутъ нарисовались и картины нашей природы, и черты всего народнаго нашего склада, со всѣми симпатіями и антипатіями, потребностями, стремленіями и оригинальнымъ юморомъ нашего народа. Но такъ какъ все это вмѣстѣ не что иное, какъ самобытно-русское развитіе, долгими столѣтіями, темъ обще-арійскихъ, то ничего нѣтъ удивительнаго, что многія изъ дѣйствующихъ здѣсь темъ нерѣдко сходятся съ тѣми самыми темами, которыя мы встрѣчаемъ не только въ подобныхъ же произведеніяхъ бытовой поэзіи европейскихъ народовъ и въ ихъ великихъ эпическихъ созданіяхъ, но и въ былинахъ, этихъ сколкахъ съ монгольско-тюркской обработки древнеарійскихъ мотивовъ. Многое изъ того, что мы здѣсь находимъ, по *частямъ* найдется и въ нашихъ пѣсняхъ, загадкахъ, заговорахъ, пословицахъ, и въ такихъ-же пѣсняхъ, загадкахъ, заговорахъ, пословицахъ германцевъ, скандинавовъ, кельтовъ, грековъ и т. д., и въ ихъ поэмахъ: иначе оно и быть не могло. Не новые какіе-нибудь матеріалы употреблены всякій разъ въ дѣло. Коренные элементы какъ вездѣ тамъ, такъ и здѣсь, все одни и тѣже: разница только въ національностяхъ, во времени и въ размѣрахъ развитія первобытныхъ, всюду однихъ и тѣхъ-же, элементовъ.

XIV.

Остается вопросъ о времени и способѣ перехода восточныхъ разсказовъ изъ Азіи въ Европу, изъ устъ монголовъ и тюрковъ—въ уста русскаго человѣка.

Это вопросъ, на который теперь, покуда, нѣтъ еще возможности отвѣчать удовлетворительно. Теперь есть на лицо (и особенно въ переводахъ на европейскіе языки) только лишь малая часть поэтическихъ произведеній—поэмъ и пѣсенъ—восточныхъ народовъ. Необходимо имѣть ихъ несравненно болѣе для того,

*) Объ основахъ арійской образованности, которыя послужили источникомъ чисто-отечественныхъ созданій, и на которыя указываетъ авторъ, наши читатели найдутъ подробное изслѣдованіе, выше, въ статьѣ А. Ѳ. Гильфердинга: «Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ», стр. 223 и слѣд. — *Ред.*

чтобъ явственно и точно обозначились всѣ переходныя ступени, вся цѣпь ихъ генетической послѣдовательности изъ сердца Азіи и до Россіи, отъ временъ отдаленнѣйшей азіятской древности и до времени ново-русской ихъ формы. Перешли-ли къ намъ восточные богатырскіе разсказы всѣ разомъ, въ одну эпоху, во времена нашествія на Россію монгольскихъ и тюркскихъ племенъ въ XIII вѣкѣ, или переходы эти были разновременны, постепенны и многочисленны, при посредствѣ давнишнихъ торговыхъ сношеній древней Руси съ разноплеменными восточными народами (все-таки преимущественно монгольскаго и тюркскаго племени), или же дѣйствовали и тѣ и другія причины совокупно — этого рѣшить удовлетворительно, покуда, нельзя.

Но есть въ былинахъ нѣсколько очень характерныхъ примѣтъ, на которыя нельзя не обратить вниманія.

Во всѣхъ нашихъ былинахъ, записанныхъ въ какой-бы губерніи ни было, при встрѣчѣ одного богатыря съ другимъ, а также при пріѣздѣ новаго лица ко двору князя Владиміра, прежде всего обыкновенно спрашиваютъ: «Ты коей земли, коей орды, коей сибирской украйны?» Богатыри, пускаясь на подвиги, всегда объявляютъ, что они идутъ воевать противъ разныхъ ордъ, въ сибирскія украйны, въ земли загорскія; въ сибирскія-же украйны и орды убѣгаетъ всякій побѣжденный врагъ, въ томъ числѣ даже и кони [1]). Не примѣчательно-ли это постоянное указаніе на Сибирь, ея загорные края и многочисленныя азіятскія орды, въ соединеніи съ поэмами и пѣснями сибирско-тюркскихъ и сибирско-монгольскихъ народовъ, съ которыми имѣютъ такое великое сходство наши былины?

Съ другой стороны, именно на границахъ Сибири, много разъ были находимы въ землѣ, въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи, разные металлическіе предметы (чаши, сосуды, зеркала и т. д.), происхожденія явно индѣйскаго, китайскаго, тибетскаго и монгольскаго, и лежавшіе въ землѣ съ монетами, самыя раннія изъ числа которыхъ относились къ IV—VI вѣку [2]). Если въ сѣверо-

---

[1]) *Кир.*, I, 54, 57, 78, 79, 80; II, 14, 16, 19, 20; III, 8, 67; IV, 16.—*Рыбн.* I, 46, 79, 83, 84, 284.

[2]) *Köhler*, Kleine Schriften, VI, 41—48. Тутъ разсмотрѣны чаши и сосуды монгольскаго, индѣйскаго и вообще средне-азіятскаго стиля. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что серебряный сосудъ, открытый въ пермскомъ имѣніи графа Строганова въ 1750 г. и теперь кажется пропавшій,—былъ явно *индѣйскій*, въ чемъ убѣждаетъ даже тотъ крайне-несовершенный рисунокъ, который изданъ съ него въ *Mémoires de l'Académie des Inscriptions*, 1764, томъ XXX-й, при статьѣ президента Де-Бросса, стр. 777—780. Писавшій объ этомъ сосудѣ, въ 1803 г., нашъ знаменитый археологъ Кёлеръ, принялъ представленную тутъ индѣйскую богиню — за Богоматерь, конечно, вслѣдствіе мало развитаго въ то время

восточныя наши губерніи со временъ очень отдаленныхъ заходили черезъ Сибирь, въ количествѣ довольно значительномъ повидимому (не смотря на едва испробованныя у насъ раскопки), предметы индѣйскіе, тибетскіе, монгольскіе и вообще среднеазіятскіе, то не было бы ничего мудренаго, если тѣмъ же путемъ приходили бы въ сѣверные и сѣверо-восточные края наши разсказы азіятскіе, и тамъ перелагались въ формы русскія, а потомъ распространялись оттуда и по остальной Россіи. Самое наибольшее количество лучшихъ былинъ собрано въ сѣверныхъ губерніяхъ нашихъ. Новгородская колонизація на сѣверъ и востокъ и выселеніе изъ новгородской области въ разные края русскаго государства должны были разнести сложившіяся въ сѣверной Россіи былины — по всему государству нашему.

Изучая памятники древняго русскаго искусства, поминутно приходишь къ убѣжденію, что изъ всѣхъ отраслей великорусскаго народа, отрасль новгородская была самая талантливая, самая творческая, и создала самыя своеобразныя, самыя характерныя и оригинальныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя многочисленныя произведенія по разнымъ отраслямъ художественной дѣятельности: поэтому неудивительно, что это талантливое и творческое племя переложило, нѣкогда, въ русскія формы приносившіяся къ нему съ Востока созданія азіатской поэзіи. Что же касается до вопроса, почему азіятскіе разсказы пріурочены жителями нашихъ сѣверныхъ областей (новгородцами и ихъ колонистами) къ князю Владиміру кіевскому и его эпохѣ, то это объясняется, по нашему мнѣнію, очень просто. Одинъ изъ талантливѣйшихъ изслѣдователей созданій народнаго творчества, Кастренъ, говоритъ: «Подобно тому, какъ зрѣлый и многоиспытавшій человѣкъ часто возвращается мыслью къ прошлымъ днямъ, когда въ сердцѣ его жили только радость и веселіе, а жизнь была ему такъ легка и пріятна,—такъ точно всѣ, даже самыя дикія, самоѣдскія племена разсказываютъ про исчезнувшее золотое время, разрисовываемое ими въ самыхъ чудесныхъ краскахъ. Они выхваляютъ это время и за благочестіе, и за чистоту нравовъ, которыя стяжали ихъ предкамъ милость и покровительство могущественныхъ боговъ. Въ это время царствовали всеобщее богатство и достатокъ въ народѣ, болѣзней не знали, и люди были велики, обладали необыкновенной силой и великой мудростью. Въ это много-восхваляемое время жили также и великіе герои, которые теперь со-

---

(начало XIX в.) знанія индѣйскаго искусства.—Пермскій сборникъ, I, 135 (китайское зеркало и другіе предметы); II, 42 (индѣйская стопа); 35—40 (блюдо индѣйское, тибетское или монгольское и куски серебра съ китайскими письменами).

вершенно исчезли съ лица земли» [1]). Для новгородцевъ, потомковъ тѣхъ русскихъ людей, которые переселились на сѣверъ изъ кіевской области, безъ сомнѣнія, всего скорѣе должно было представляться золотымъ и богатырскимъ вѣкомъ время князя Владиміра Кіевскаго, и какъ на его самого, такъ и на его богатырей всего ближе и естественнѣе было имъ переносить азіятскіе богатырскіе разсказы, приходившіе къ нимъ съ Востока.

Личность князя Владиміра, историческая или только эпическая, была столько знаменита, что заняла мѣсто даже въ пѣсняхъ и лѣтописяхъ сѣверныхъ, западныхъ и южныхъ нашихъ сосѣдей: въ сагахъ скандинавовъ, въ пѣсняхъ германцевъ и хроникахъ византійцевъ. На сколько же еще болѣе была всюду распространена въ предѣлахъ самой Россіи слава этого князя, особливо между выходцами изъ Кіева, безъ сомнѣнія, унесшими съ собою на сѣверъ, изъ первоначальной своей родины, воспоминанія о ласковомъ князѣ Владимірѣ Красномъ-Солнышкѣ, какъ о центрѣ и собирательномъ пунктѣ всего славнаго, богатырскаго и могучаго, совершавшагося на древней Руси? Какая другая еще историческая личность могла болѣе пригодиться для того, чтобъ выразить собою всѣхъ неизвѣстныхъ царей и хановъ, о которыхъ повѣствовали восточныя легенды?

Можетъ представиться предположеніе, что азіятскіе разсказы, сдѣлавшіеся основою нашихъ былинъ, перешли къ намъ въ эпоху очень отдаленную, именно въ тѣ времена, когда процвѣтала, отъ конца VII-го и до первой половины XI-го вѣка, торговля древней Руси съ Востокомъ. Торговля эта велась посредствомъ двухъ торговыхъ союзовъ: *восточнаго* или *низоваго*, образованнаго изъ волжскихъ булгаровъ, эрзы или мордвы, и части веси (главными дѣятелями и хозяевами здѣсь были булгары), и *западнаго*, состоявшаго изъ веси, мери, славянъ, кривичей и чуди (душою его были новгородцы [2]). Легко предположить, что при существованіи такой торговли, и такихъ связующихъ, сообщающихся центровъ, азіятскіе разсказы уже и въ эту эпоху переходили въ Россію. Но противъ такого предположенія говоритъ очень многое. *Во-первыхъ*, если-бъ азіятскіе разсказы, легшіе въ основу былинъ, пришли къ намъ съ Востока въ эпоху между VII и XI вѣковъ, тогда они были бы распространены не только и у всѣхъ остальныхъ славянскихъ племенъ, но и у тѣхъ западныхъ наро-

---

[1]) *Castren*, Vorlesungen über die finnische Mythologie, 239 — 240.

[2]) Соображенія о торговлѣ древней Руси съ Востокомъ въ эпоху съ VII по XI вѣкъ составляютъ предметъ двухъ классическихъ сочиненій: *Савельева*, Мухаммед. Нумизматика (1846) и *Григорьева*: О куфическихъ монетахъ VIII—X вѣка (1844).

довъ, съ которыми тогдашняя Русь была въ ближайшихъ и постоянныхъ соприкосновеніяхъ. У болгаръ, у сербовъ и проч. были бы свои Ильи-Муромцы, Добрыни, Соловьи Будимировичи, Ваньки Вдовкины-сыновья и т. д.; подъ другими, быть можетъ, именами, но они все-таки были бы носителями тѣхъ самыхъ разсказовъ, которые были въ ходу и у насъ. Этого однакоже на дѣлѣ мы не видимъ. У прочихъ славянскихъ племенъ нѣтъ произведеній, тожественныхъ съ нашими былинами. Богатырскія пѣсни болгаръ, сербовъ, и другихъ славянскихъ племенъ (не разсмотрѣнныя здѣсь лишь по недостатку мѣста) — пѣсни эти совершенно другого характера, чѣмъ наши былины. Физіономія богатырей, всѣ эпическія и бытовыя подробности разсказа, вся обстановка, весь эпическій тонъ и поворотъ,—все здѣсь другое, чѣмъ въ русскихъ былинахъ; и если иногда оказывается сходство въ отдѣльныхъ мотивахъ, то причину того мы объяснили уже выше. Ясно, значитъ, что эти разсказы явились въ наше отечество тогда уже, когда тѣсной, народной связи съ другими славянскими и западными племенами и народами уже не существовало, и когда нашъ народъ стоялъ уже особнякомъ, отдѣльною самостоятельною личностью, замкнутою сама въ себѣ. *Во-вторыхъ*, если-бъ тѣ разсказы, которые являются прототипами русскихъ былинъ, пришли къ намъ въ эпоху между VII и XI вѣками, тогда наши былины имѣли-бы непремѣнно въ себѣ много чертъ *мусульманства*, потому что непосредственныя наши сношенія съ Востокомъ происходили тогда черезъ мусульманъ (булгаръ), и, значитъ, мусульманскими подробностями и понятіями были бы окрашены тѣ разсказы, которые мы бы отъ нихъ получили. Но этого нѣтъ: наши былины имѣютъ преимущественно колоритъ *буддійскій*, или же *языческій*, а это объясняется именно тѣмъ, что буддійцами и язычниками были тѣ монгольскія и тюркскія племена, которыя нахлынули на Россію начиная съ XIII вѣка, и цѣлыхъ два столѣтія налагали на нее печать своего присутствія. *Въ-третьихъ*, если-бъ тѣ разсказы пришли къ намъ между VII и XI вѣками, тогда въ нашихъ былинахъ было бы много элементовъ *финскихъ*, и, по всей вѣроятности, весь эпическій поворотъ ихъ былъ бы въ значительной мѣрѣ финскій, потому что въ означенную эпоху финскія племена играли въ сношеніяхъ торговыхъ и иныхъ столько же важную роль для сѣверныхъ нашихъ племенъ, какъ и восточныя племена. Но и этого на дѣлѣ не оказывается. Въ физіономіи, общемъ духѣ, складѣ нашихъ богатырей и совершаемыхъ ими подвиговъ нѣтъ ничего похожаго на физіономію, духъ и складъ богатырей финскаго эпоса. Съ Калевалой наши былины имѣютъ сходство лишь только въ нѣкоторыхъ *общихъ* эпическихъ мотивахъ

(подобно тому, какъ онѣ имѣютъ такое же сходство съ древними эпическими произведеніями скандинавовъ и германцевъ), и это сходство имѣетъ основаніемъ, какъ мы выше уже говорили, обще-арійскіе древніе мотивы, распространенные не только у самихъ арійскихъ племенъ, но и у разныхъ племенъ азіятскихъ, каковы тюркскія, монгольскія — а также и финскія. Съ финской Калевалой наши былины имѣютъ также мало *дѣйствительнаго, близкаго* сходства въ физіономіи и подробностяхъ, какъ и съ Эддой и Нибелунгами, и можно было бы представить (что, быть можетъ, мы и сдѣлаемъ впослѣдствіи) длинную цѣпь всѣхъ несходствъ и особенностей какъ въ крупныхъ, такъ и мелкихъ подробностяхъ быта, жизни, привычекъ, вооруженія, боя, всевозможныхъ предметовъ жизненной обстановки. Здѣсь ярко высказался бы тотъ фактъ, что финскія, скандинавскія и германскія поэмы эти сложились уже въ эпоху самостоятельности и полнаго духовнаго обособленія каждаго изъ этихъ народовъ. Богатырь русской былины ни въ чемъ не похожъ на богатыря финскаго, скандинавскаго и германскаго эпоса, цѣлыя пропасти раздѣляютъ тѣхъ и другихъ, а между тѣмъ никакихъ подобныхъ пропастей не существуетъ между богатыремъ русской былины и богатырями монгольскихъ и тюркскихъ поэмъ и пѣсенъ: напротивъ, точки соприкосновенія и величайшаго сходства, даже тожества, бросаются въ глаза на каждомъ шагу.

Все это вмѣстѣ, кажется мнѣ, показываетъ довольно ясно, что матеріалъ для нашихъ былинъ пришелъ къ намъ съ Востока не въ раннюю, а довольно позднюю эпоху, что и было причиной указанныхъ нами явленій.

Результаты настоящаго изслѣдованія несходны съ обще-принятыми, издавна, результатами по вопросу о русскихъ былинахъ. Если они будутъ хотя сколько нибудь способствовать къ дальнѣйшему и болѣе правильному разсмотрѣнію и изученію былинъ, моя цѣль и всѣ мои желанія — выполнены. Но не могу при этомъ не выразить убѣжденія, что во всякомъ случаѣ дальнѣйшая судьба вопроса о нашихъ былинахъ — въ рукахъ нашихъ оріенталистовъ, и что отъ нихъ должно зависѣть разсмотрѣніе и рѣшеніе всего, касающагося этого предмета. Къ несчастію, до сихъ поръ они вовсе не обращали на него вниманія и обращали всѣ свои блестящія и глубокія знанія на изученіе однихъ только собственно историческихъ или филологическихъ произведеній Востока. Нельзя не сожалѣть объ этомъ исключительномъ направленіи, точно также, какъ нельзя впрочемъ не радоваться тѣмъ успѣхамъ, которые здѣсь

получены ими до сихъ поръ. Поэмы и сказки Востока не суть произведенія, гдѣ играла только одна праздная фантазія, и на которыя позволено было бы смотрѣть какъ на цѣнныя, но пустыя игрушки. Нельзя признавать игрушками такихъ созданій, которыми питались, какъ интеллектуальною и художественною пищею, въ продолженіе столѣтій, и можетъ быть тысячелѣтій, безчисленныя людскія поколѣнія; нельзя считать игрушками такія созданія, куда эти поколѣнія вложили выраженіе своихъ вѣрованій, понятій, мыслей, чувства и вкуса, и роль этихъ созданій, конечно, ни подъ какимъ видомъ не меньше той, какую играютъ разсказы о войнахъ, восшествіяхъ и нисшествіяхъ со престоловъ, или торговыхъ оборотахъ народовъ. Въ поэтическихъ созданіяхъ народовъ выражается ихъ *внутренняя* жизнь, а эта внутренняя жизнь наврядъ ли стоитъ меньше вниманія и изученія, чѣмъ *внѣшняя*. Но наши оріенталисты, при всѣхъ своихъ, безъ сомнѣнія, значительнѣйшихъ услугахъ передъ наукой, давно сознаваемыхъ всею научною Европою, почему-то оставляли до сихъ поръ въ тѣни именно всю поэтическую дѣятельность Востока, такъ что тотъ, кто у насъ хотѣлъ изучать созданія эти, не будучи самъ оріенталистомъ, долженъ былъ обращаться къ переводамъ иностраннымъ. Но величайшіе оріенталисты Запада иначе глядѣли на поэмы и пѣсни Востока, чѣмъ наши оріенталисты, не изучали исключительно одну историческую сторону восточной жизни, и нашли время и нужду не только писать трактаты о великихъ или примѣчательныхъ азіятскихъ поэмахъ и пѣсняхъ, но и переводить ихъ на свой родной языкъ, на языки нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій. Станемъ надѣяться, что и мы доживемъ до этого, и что наши оріенталисты, измѣнивъ прежній взглядъ свой, изучатъ и переведутъ созданія монгольской, калмыцкой, киргизской, башкирской, армянской, грузинской поэзіи, а также сказанія, поэмы и пѣсни разныхъ сибирскихъ и кавказскихъ племенъ и народовъ. Это не только долгъ нашъ вообще передъ наукой и передъ Европой, но еще болѣе передъ собственнымъ нашимъ отечествомъ и собственною нашею наукою. Здѣсь дѣло идетъ не только о новыхъ данныхъ для исторіи *восточной литературы*, но и о многомъ другомъ, еще болѣе для насъ важномъ и существенномъ. Здѣсь дѣло идетъ о новыхъ матеріалахъ для самой *русской исторіи*: первыя страницы нашей лѣтописи, въ большинствѣ случаевъ, могутъ оказаться точно такимъ же повтореніемъ восточныхъ легендъ и разсказовъ, какъ и наши былины.

Влад. Стасовъ.

СВѢТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

и

ЦЕРКОВЬ СЪ XVII-го ВѢКА.

Монастырскій приказъ (1649 — 1725 г.). Опытъ историко-юридическаго изслѣдованія. Свящ. *М. Горчакова.* Спб. 1868, стр. 296. Прилож. стр. 155.

Наиболѣе, повидимому, простая задача государственной жизни, — а именно, чтобы въ каждой сферѣ этой жизни отдѣльныя власти и установленія, оставаясь вѣрными своему назначенію, занимались свойственнымъ имъ дѣломъ, — представляется исторически наиболѣе трудною. Чтобы законодательныя установленія, положимъ, заботились объ изданіи не столько многочисленныхъ, сколько точныхъ и справедливыхъ законовъ; чтобы администрація, ограничиваясь своимъ дѣломъ, не столько переписывалась по поводу управленія, сколько дѣйствительно управляла; чтобы, обезпеченная отъ постороннихъ вторженій, судила по закону и по совѣсти, безъ опасеній, судебная, а не иная власть, — чего, кажется, можетъ быть проще этихъ нехитрыхъ, элементарныхъ требованій опыта и здраваго смысла! Однако нужны значительные успѣхи образованія и общежитія, чтобы такія требованія были сознаны, на практикѣ признаны и осуществлены, и чтобы на мѣсто захватовъ каждой власти въ области другой, т. е. на мѣсто хаоса, водворился сколько-нибудь разумный порядокъ. Чѣмъ обширнѣе государство, чѣмъ меньше въ немъ образованія, и чѣмъ менѣе стройно вслѣдствіе того, независимо уже отъ другихъ причинъ, слагаются въ немъ общественныя отношенія,—тѣмъ труднѣе государственной дѣятельности, слѣдящей за работой общественныхъ силъ, охватить

мыслію всѣ стороны жизни и указать каждому органу власти предѣлы, въ которыхъ должна заключаться его особая дѣятельность, для пользы цѣлаго. А между тѣмъ, безъ такой объединяющей мысли, не только сознающей потребности лучшаго порядка, но и твердо и неуклонно стремящейся къ нему, всякое движеніе впередъ парализуется, всякое улучшеніе крайне туго принимается, встрѣчаетъ на пути своемъ массу напрасныхъ столкновеній и препятствій, и если не глохнетъ, то, колеблясь, идетъ крайне медленно впередъ. Въ этомъ часто заключался въ былыя времена крайне медленный тактъ, если позволено такъ выразиться, нашей внутренней исторіи, и заключалась вмѣстѣ причина, почему съ такимъ трудомъ, съ такими усиліями осуществлялись подобныя вышеупомянутымъ, самыя простыя требованія.

То, что справедливо относительно отдѣльныхъ учрежденій и властей, справедливо также и относительно цѣлыхъ общественныхъ классовъ. Кажется, чего проще, чтобы пастыри народа всецѣло отдавались своему по-истинѣ высокому призванію — духовнаго и нравственнаго просвѣщенія народа; однако исторически мы видимъ, что въ Россіи требовалась коренная, всеобъемлющая петровская реформа для того, чтобы духовная власть, освобожденная отъ постороннихъ для нея занятій и вредныхъ для нея землевладѣльческихъ отношеній съ привилегіями вотчиннаго управленія и суда, обратила свою дѣятельность преимущественно на предметы духовные. Справедливость требуетъ сказать, что, кромѣ общихъ причинъ, почему каждая отдѣльная власть и каждый органъ ея первоначально стремятся захватить какъ можно болѣе широкую область въ свое вѣдѣніе, съ упущеніемъ даже собственнаго своего, настоящаго дѣла, — были еще особыя причины, обезпечивавшія духовенству въ древней Россіи, силою самыхъ вещей, весьма обширный кругъ вѣдомства. Независимо отъ причинъ нравственнаго свойства, т. е. вытекающихъ изъ самой миссіи, изъ самаго призванія духовенства, были тутъ еще причины историческія, и главная изъ нихъ — заимствованія изъ греко-римскаго законодательства. Религіозное чувство у народа, у котораго, кромѣ церкви, нѣтъ иного источника просвѣщенія, сливаясь и отождествляясь съ церковностію, уже само по себѣ обезпечиваетъ надолго духовенству и церковнымъ учрежденіямъ вліяніе не въ однихъ только дѣлахъ вѣры. Особенно значительно это вліяніе должно быть тамъ, гдѣ, какъ въ древней Россіи, при введеніи христіанства, народъ находился еще въ первобытномъ, полудикомъ состояніи, и принявъ сначала чисто внѣшнимъ образомъ новую религію, послѣ, въ теченіи вѣковъ, придерживался еще языческихъ вѣрованій и обычаевъ, вслѣдствіе чего вся народная жизнь, по убѣжденію духовной власти, поддерживаемой свѣтскою, подлежала передѣлкѣ; гдѣ страна не заключаетъ въ себѣ элементовъ какой-либо прежней образованности, и гдѣ, нако-

нецъ, съ готовыми уставами о своихъ правахъ и кругѣ вѣдомства, заимствованными изъ Византіи, церковь водворяется среди несложившагося государства. Такое государство должно было само изъ себя, безъ всякаго политическаго наслѣдія, выработать свои учрежденія, и свѣтское законодательство въ немъ, по необходимости, ограничивается на первое время одними самыми насущными предметами гражданской жизни. Естественно, однако, что отношенія, въ которыя церковь первоначально стала къ государству, и которыя она старалась установить по византійскому образцу, должны были на новой почвѣ, при совершенно иной обстановкѣ, чѣмъ въ Византіи, значительно измѣниться по мѣрѣ того, какъ государство крѣпло и росло, и, не имѣя никакого призванія осуществлять собою вторую Византію, стало постепенно расширять свою сферу и переносить въ нее цѣлыя отрасли суда, стоявшія прежде подъ церковнымъ вѣдѣніемъ.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что, несмотря на богословско-догматическія пренія, наполняющія византійскую исторію, отношенія церкви къ государству въ самой Византіи были не такого рода, чтобы въ нихъ заключалась опасность исключительнаго преобладанія церковной власти надъ свѣтскою. Правда, уже въ пятомъ вѣкѣ появляется въ Византіи ученіе объ установленныхъ свыше двухъ властяхъ, изъ которыхъ одна государственная (imperium), имѣетъ своимъ призваніемъ ограждать мірскіе, т. е. преходящіе интересы, другая же, духовная (sacerdotium), блюдетъ церковныя, т. е. вѣчныя блага человѣческой жизни. Это зародышъ того ученія, которое впослѣдствіи распустилось такимъ пышнымъ цвѣтомъ на Западѣ и, измѣненное въ смыслѣ превосходства духовной власти надъ свѣтскою, направлено было къ утвержденію супрематіи римскаго первосвященника и играло такую роль въ борьбѣ его съ императорами. Справедливо также, что грекоримскіе законы признаютъ за духовною властію, въ лицѣ епископовъ, право суда не только въ дѣлахъ собственно церковныхъ и надъ духовенствомъ, но и въ тѣхъ гражданскихъ отношеніяхъ, которыхъ всего болѣе коснулась христіанская религія, какъ то въ дѣлахъ брачныхъ и вообще семейныхъ. Имъ же принадлежитъ участіе въ назначеніи опекъ и попечительствъ, и предъ ними въ церквахъ совершается отпущеніе господами на волю своихъ рабовъ. Подъ ихъ началомъ стоятъ не только тюрьмы, благотворительныя и богоугодныя учрежденія (piae causae), но и учебныя заведенія. Независимо отъ этого, епископамъ предоставлено наблюденіе за мѣрами и вѣсами и за производствомъ торговли, именно, чтобы купцы не производили ее къ отягощенію людей бѣдныхъ, а также они принимаютъ участіе въ выборѣ лицъ городского управленія. Наконецъ, въ лицѣ епископа, жители каждой мѣстности имѣютъ ближайшаго защитника отъ угнетеній со стороны начальника провинціи, отъ его незаконныхъ поборовъ, отъ обре-

менения воинскимъ постоемъ и т. д. [1]). При такихъ правахъ духовной власти, ставящихъ подъ надзоръ ея многія стороны гражданской жизни, мы видимъ, однако, съ другой стороны, что постановленія духовной власти (sacerdotium), для того, чтобы они получили обязательную для совѣсти каждаго силу, должны быть утверждены государственною властью, и что византійскіе императоры считаютъ себя призванными не только ограждать церковь отъ несогласныхъ съ нею ученій, относя всякую ересь и совращеніе къ разряду гражданскихъ преступленій, за которыя положены, сверхъ церковныхъ, тяжкія уголовныя наказанія, но и прямо трактовать, въ своемъ свѣтскомъ законодательствѣ, какъ это именно дѣлаетъ Юстиніанъ въ своемъ кодексѣ [2]), о дѣлахъ вѣры и церковныхъ догматахъ. Очевидно, что если византійскіе императоры предоставляютъ епископской власти такія права, которыя обезпечиваютъ ей вмѣшательство въ гражданскія отношенія,— то сами они еще менѣе стѣсняются вторгаться въ церковную сферу. При такомъ отношеніи греко-римскаго государства къ церкви, опасности теократіи были не велики. Скорѣе, опасность здѣсь заключалась въ такомъ союзѣ между церковію и государствомъ, отъ котораго могла выиграть одна свѣтская власть, такъ какъ охрана или опека церкви государствомъ, при помощи тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыми оно располагаетъ, едва ли выгодно могло отозваться на внутренней духовной ея жизни, для которой прежде всего необходима независимость.

Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ изслѣдованію свящ. Горчакова о «Монастырскомъ Приказѣ», игравшемъ довольно видную роль въ исторіи нашего церковнаго права, мы должны предварительно замѣтить, что въ интересахъ научной разработки этой отрасли права нельзя не считать хорошимъ предзнаменованіемъ того обстоятельства, что авторъ защищалъ свое изслѣдованіе въ здѣшнемъ университетѣ для полученія магистерской степени. Въ нашихъ университетахъ именно давно уже существуетъ, и не безъ основанія, мысль, что церковное право для того, чтобы оно имѣло сколько нибудь полезное значеніе въ кругу юридическаго преподаванія, должно быть, по примѣру юридическихъ факультетовъ за-границей, преподаваемо не богословомъ, а юристомъ, или по крайней мѣрѣ богословомъ, имѣющимъ юридическое образованіе, такъ какъ въ такомъ случаѣ можно ожидать болѣе научныхъ пріемовъ въ обращеніи съ предметомъ.

Насколько же, спрашивается, авторъ остался въ своемъ изслѣдо-

---

[1]) О предметахъ вѣдомства духовной власти въ Византійской имперіи, см. у Неволина, т. VI (изд. 1859), стр. 254—267.

[2]) Cod. de summa trin. et fide cath. (I, 1). См. Richter, Lehrb. des Kirchenrechts, 2-е изданіе, стр. 41—43.

ваніи вѣрнымъ той исключительно-научной цѣли, которую онъ, по собственнымъ его словамъ, себѣ поставилъ?—Эту цѣль авторъ вообще не упускаетъ изъ виду и только въ одномъ мѣстѣ, сколько мы замѣтили, онъ какъ будто уклоняется отъ нея въ сторону. Вопросъ въ первой главѣ касается прежде всего состоянія въ удѣльный періодъ того вотчиннаго суда, который принадлежалъ церквамъ и монастырямъ въ ихъ земляхъ. Опредѣляя отношенія этого владѣльческаго суда съ одной стороны къ епархіальной власти, а съ другой къ суду намѣстническому или общегосударственному, насколько о послѣднемъ можетъ быть рѣчь въ томъ періодѣ, — авторъ говоритъ, что епархіальная власть «являлась посредствующею, второю инстанціею между низшимъ судомъ учрежденій (церковныхъ) и верховнымъ судомъ князя» (стр. 23). Затѣмъ въ выноскѣ, приводя ту «іерархическую лѣствицу землевладѣльцевъ», которую, по мнѣнію г. Чичерина, представляетъ Россія XIV и XV в., и на верху которой стоитъ князь—верховный землевладѣлецъ, затѣмъ боярин, имѣвшій право суда и дани, далѣе монастырь - собственникъ, — о. Горчаковъ говоритъ: «Указаніе «лѣствицы», по нашему, вѣрно; но мы не можемъ согласиться со взглядами г. Чичерина на значеніе и устройство юридическаго быта древней Россіи, какъ чисто-вотчиннаго и не имѣющаго ничего государственнаго и общественнаго въ тѣсномъ значеніи этихъ словъ. По крайней мѣрѣ, церкви никакъ нельзя приписывать значенія, въ древней Россіи, исключительно вотчиннаго: она устрояла жизнь вѣры, жизнь церковную, жизнь общественную, гражданскую и государственную». Насъ при этомъ интересуетъ собственно способъ, методъ разсужденія автора. Этотъ способъ разсужденія кажется намъ здѣсь не совсѣмъ научнымъ, хотя съ чисто-богословской точки зрѣнія авторъ, конечно, правъ. Дѣло въ томъ, что когда говорятъ о древнерусскомъ государственномъ устройствѣ, насколько оно опредѣлялось землевладѣніемъ, то о церквахъ и монастыряхъ только и можетъ быть рѣчь какъ о большихъ поземельныхъ собственникахъ. Вотчинное, землевладѣльческое значеніе древнерусской церкви выступаетъ въ такомъ случаѣ на первомъ планѣ, и одно только и можетъ интересовать изслѣдователя. Церковь и духовенство, какъ уже выше было замѣчено, пользовались въ допетровской Россіи, безъ всякаго сомнѣнія, большимъ вліяніемъ,—вотъ все, что́ можно сказать. Но сильна или несильна была внутренняя духовная жизнь въ древнерусской церкви, и не поглощалась ли она часто землевладѣльческими интересами, много ли заботилась церковь-вотчинница о нравственномъ воспитаніи народа, и насколько церковь *устрояла*, по выраженію автора, не только жизнь церковную, но и жизнь общественную, гражданскую и государственную,—это до такой степени обширные и сложные вопросы, къ тому же неразработанные еще критически, что ихъ въ данномъ случаѣ лучше оставлять въ сто-

ронѣ, именно потому, что нельзя, касаясь ихъ мимоходомъ, по поводу землевладѣльческаго значенія церкви, сказать что́-нибудь точное, неголословное. Намъ кажется это тѣмъ болѣе справедливо, что, обращаясь къ такимъ общимъ культурнымъ вопросамъ о древнерусской церкви, авторъ долженъ бы предварительно заняться полемической работой и опровергать свидѣтельства нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, посѣщавшихъ древнюю Россію, и которые, хотя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ отличаются большою правдивостію, какъ напр. Олеарій, но по предубѣжденію своему, конечно, противъ чуждой имъ церкви, отзывались о ней и о духовенствѣ ея весьма нелестно; говоря о церковной обрядности русскаго народа въ ихъ время, они доходили до того, что рѣшались даже выразить сомнѣніе, къ христіанскимъ ли націямъ принадлежитъ этотъ народъ. Значитъ, вмѣсто того, чтобы касаться мимоходомъ этихъ культурныхъ вопросовъ и довольствоваться въ такомъ случаѣ по необходимости болѣе или менѣе общими и ничего неговорящими отзывами, изслѣдователь поступитъ не только благоразумнѣе, но и научнѣе, если ограничится именно тѣми сторонами своего предмета, которые могутъ быть исчерпаны.

Въ исторіи русскаго церковнаго права стоятъ на первомъ планѣ два вопроса: о пространствѣ церковнаго суда и о секуляризаціи церковныхъ имѣній. Въ связи съ этими двумя вопросами и находятся судьбы монастырскаго приказа.

До Уложенія Алексѣя Михайловича 1649 г., церковныя учрежденія съ ихъ вотчинами вѣдались въ приказѣ Большого Дворца, изъ котораго постепенно выдѣлился монастырскій приказъ и въ которомъ уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ встрѣчается для дѣлъ церковнаго управленія особое отдѣленіе подъ этимъ названіемъ. Время, предшествующее Уложенію 1649 г., представляетъ, относительно управленія, суда и привилегій церковныхъ учрежденій съ ихъ вотчинами, крайнюю шаткость и неурядицу. Чѣмъ значительнѣе становилось число принадлежащихъ церкви мѣстностей, изъятыхъ изъ общаго управленія и суда, и чѣмъ болѣе эти мѣстности были разбросаны по всему государству, тѣмъ труднѣе было приказу Большого Дворца посылать въ каждую такую мѣстность особаго пристава или боярина, какъ бы это слѣдовало по жалованнымъ несудимымъ граматамъ. Оттого постоянныя жалобы со стороны духовенства, что областные воеводы, по порученію того приказа или по собственному усмотрѣнію, вторгаются въ церковныя владѣнія, изъятыя несудимыми граматами отъ общей подсудности, и не только присвоиваютъ себѣ въ нихъ судъ надъ мірянами и духовными въ дѣлахъ гражданскихъ, но и вмѣшиваются въ дѣла церковнаго управленія и суда надъ духовными лицами. Еще болѣе хозяйничали воеводы въ тѣхъ церковныхъ владѣніяхъ, которыя не были ограждены несудимыми граматами. «Оказалось, говоритъ авторъ (стр. 47), что

напрасно монастыри и церковныя власти добивались неподсудности областнымъ и вообще свѣтскимъ судамъ, прибѣгая подъ непосредственный судъ московскихъ государей. Стремленія ихъ, продолжавшіяся два столѣтія, стремленія къ самостоятельности во владѣльческомъ судѣ подъ защитою непосредственнаго суда государя, помимо областныхъ государственныхъ и церковныхъ—епархіальныхъ и патріаршаго судовъ,—эти самыя стремленія привели ихъ въ концѣ концовъ къ зависимости отъ разнообразныхъ судей свѣтскихъ не только въ судебногражданскомъ отношеніи, но и въ церковнослужебномъ».—Съ другой стороны, раздавались громкія жалобы остального населенія на судебныя привилегіи духовенства и лицъ, жившихъ на его земляхъ. Такъ въ челобитьи, съ которымъ въ 1641 г. обратились къ царю Михаилу Ѳеодоровичу дворяне и боярскія дѣти разныхъ городовъ, просители между прочимъ жалуются, что на монастыри и на состоящихъ за духовенствомъ приказныхъ людей и крестьянъ, въ обидахъ и во всякихъ исковыхъ дѣлахъ судъ въ Москвѣ дается только на три срока, на Семенъ-день, на Рождество Христово и на Троицынъ-день, «а имъ, челобитчикамъ, на тѣ сроки пріѣзжать къ Москвѣ не мочно», такъ какъ они въ то время живутъ по службамъ; точно также нѣтъ на нихъ суда и въ городахъ; «а онн изъ-за нихъ людей и крестьянъ вывозятъ и землею ихъ владѣютъ насильствомъ, и людемъ и крестьяномъ всякія обиды дѣлаютъ; а отъ суда отнимаются тѣми указными сроки, и противъ того наклепавъ на нихъ, ищутъ большими монастырскими иски»... Царь уважилъ челобитье и указалъ быть суду безсрочному во всякихъ дѣлахъ.

Несравненно болѣе коренную перемѣну въ этомъ отношеніи произвело Уложеніе Алексѣя Михайловича, образованіемъ монастырскаго приказа, какъ особаго самостоятельнаго учрежденія, независимаго отъ церкви, въ которомъ сосредоточенъ былъ свѣтскій, гражданскій «судъ во всякихъ истцовыхъ искѣхъ» на митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, ихъ приказныхъ и дворовыхъ людей, дѣтей боярскихъ и крестьянъ ихъ, на монастыри, на архимандритовъ, игуменовъ, строителей, келарей, казначеевъ, на рядовую братію, монастырскихъ слугъ и крестьянъ, на поповъ и церковный причтъ. Монастырскій приказъ такимъ образомъ означалъ подчиненіе свѣтскому, государственному суду,—за исключеніемъ патріарха и его области,—всѣхъ духовныхъ властей съ состоящими въ ихъ штатахъ лицами, всѣхъ монастырей и поселенныхъ на ихъ земляхъ крестьянъ—во всѣхъ не-церковнослужебныхъ дѣлахъ.

Несмотря на всѣ отступленія отъ этого основнаго начала равнаго для всякихъ чиновъ суда въ самомъ Уложеніи, несмотря на всѣ его неясности и недомолвки, безразличное подчиненіе этому суду всего многочисленнаго духовнаго сословія, съ высшими его представителями

и со всѣми подвластными ему учрежденіями и лицами, было относительно того времени огромнымъ нововведеніемъ. Подобная попытка введенія равнаго суда, съ уничтоженіемъ привилегій довольно вліятельныхъ общественныхъ разрядовъ, едва-ли могла обойтись безъ реакціи. Она тѣмъ болѣе была въ порядкѣ вещей, что, сколько можно судить по собраннымъ у автора свѣдѣніямъ, реформа эта на практикѣ проведена была не на половину противъ закона и не была такъ сказать притуплена, а сопровождалась совершенно противоположнымъ явленіемъ. Дѣло въ томъ, что самый составъ монастырскаго приказа не былъ въ точности опредѣленъ по Уложенію—въ сохранившихся доселѣ спискахъ его, по которымъ сдѣланы печатныя его изданія, ничего о составѣ приказа не постановлено, — но, на первое время, въ немъ вмѣстѣ съ думнымъ дворяниномъ и дьяками засѣдали по всей вѣроятности и члены отъ духовенства, подобно тому, какъ прежде «въ приказѣ Большого Дворца иски на духовныхъ лицъ, особенно по землямъ, разбирались боярами въ присутствіи поповскихъ старостъ и другихъ духовныхъ лицъ» (стр. 78). Затѣмъ эти члены отъ духовенства были вытѣснены изъ монастырскаго приказа. По-крайней-мѣрѣ патріархъ Никонъ, находившій многія статьи Уложенія оскорбительными для духовенства, писалъ въ 1661 году государю: «Уложенная книга хотя и по страсти написана многонароднаго ради смущенія, но и тамъ постановлено: въ монастырскомъ приказѣ отъ всѣхъ чиновъ сидѣть архимандритамъ, игумнамъ, протопопамъ, священникамъ и честнымъ старцамъ; но ты все это упразднилъ, судятъ и насилуютъ мірскіе люди».

Нужно при этомъ замѣтить, что на соборѣ изъ выборныхъ людей, на которомъ утверждено Уложеніе, самъ Никонъ присутствовалъ въ санѣ новоспасскаго архимандрита и подписался подъ Уложеніемъ. Впослѣдствіи, Никонъ, ставши митрополитомъ новгородскимъ, а съ 1652 г. патріархомъ, неоднократно совѣтовалъ государю «искоренить уложенную книгу». Извѣстно также, что когда въ 1663 году князь Одоевскій и Стрѣшневъ, по порученію Алексѣя Михайловича, спрашивали Никона: какія были ему обиды отъ царя?—Никонъ отвѣчалъ: — «Обиды-де отъ васъ великаго государя такія, что будто вы, великій государь, закону Божію не исполняете и въ духовные дѣла и въ священническіе суда вступаетесь, а дѣлаютъ-де всякія дѣла въ Монастырскомъ Приказѣ и судить-де насъ заставляютъ». Позже нѣсколько, на соборѣ, созванномъ въ 1666 г., царь Алексѣй Михайловичъ, въ присутствіи восточныхъ патріарховъ, лично обратился къ Никону со словами:—Къ этой книгѣ (Уложенію) приложилъ руку патріархъ Іосифъ и весь освященный соборъ и твоя рука приложена, для чего же какъ былъ на патріаршествѣ эту книгу не и справилъ и кто тебя за эту книгу хотѣлъ убить? — Никонъ отвѣчалъ: — «Я руку приложилъ по неволѣ».

Съ низложеніемъ Никона не прекратилась оппозиція духовенства противъ Уложенія. Соборъ 1667 г. отмѣнилъ подсудность духовенства свѣтскимъ судамъ и государь утвердилъ это постановленіе собора. Торжество противниковъ Уложенія было полное: судъ надъ духовными лицами предоставленъ духовному начальству не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ. Тѣмъ не менѣе монастырскій приказъ не былъ послѣ того тотчасъ закрытъ. Вслѣдствіе смѣшенія въ этомъ приказѣ, какъ и во всѣхъ. другихъ, самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, въ немъ независимо отъ суда вѣдались еще нѣкоторыя отрасли финансоваго управленія, какъ напр., сборъ съ церковныхъ вотчинъ государственныхъ податей и повинностей. Этими послѣдними дѣлами монастырскій приказъ продолжалъ исключительно заниматься, пока не состоялся именной указъ 1677 г. о закрытіи его и о передачѣ его дѣлъ по прежнему въ приказъ Большого Дворца.

Въ такомъ положеніи оставался вопросъ о подсудности духовенства до законодательства Петра Великаго. При немъ гражданскіе иски на духовныхъ и монашествующихъ лицъ отъ мірянъ подсудны были сначала возстановленному въ 1701 г. монастырскому приказу, а потомъ въ резолюціяхъ на докладные пункты св. синода (1721 г. марта 15) выражено было общее начало, что въ дѣлахъ тяжебныхъ, «гдѣ опредѣлено всѣмъ, тамъ и на духовныхъ бить челомъ» [1]). Точно также и сами духовные должны были въ гражданскихъ спорахъ своихъ съ лицами другихъ состояній обращаться въ общія судебныя мѣста. Относительно же уголовной подсудности духовенства въ той же резолюціи Петра Великаго постановлено было, чтобы духовныхъ лицъ по оговорамъ въ частныхъ преступленіяхъ («въ какомъ партикулярномъ злодѣяніи») предварительно отсылать въ духовное вѣдомство, «пока оные до гражданскаго суда приличны будутъ», т. е. пока предварительнымъ изслѣдованіемъ не обнаружено будетъ совершеніе такого обыкновеннаго преступленія, подлежащаго свѣтскому суду. Этотъ именно смыслъ слѣдуетъ изъ самаго докладного пункта синода, который ходатайство свое о предварительномъ изслѣдованіи вины въ духовномъ правительствѣ, «доколѣ не дойдетъ до розыска гражданскаго суда», мотивируетъ тѣмъ, «дабы иногда безвинные не страдали со злодѣями въ темницахъ». Слѣдуетъ это же самое и изъ того, что ежели духовное лицо застигнуто будетъ in flagranti,—«ежели какая духовная персона ята будетъ въ явномъ какомъ злодѣйствѣ», то свѣтскій судъ тотчасъ получаетъ свой законный ходъ, и только по окончаніи суда виновный посылается къ духовному правительству для снятія духовнаго чина. Но еще несравненно радикальнѣе были постановленія Петра Великаго относительно принадлежавшаго церковной власти права суда надъ лицами

[1]) П. С. З. № 3761.

всѣхъ состояній: за нею оставлены были только дѣла бракоразводныя и дѣла о незаконныхъ бракахъ, хотя впрочемъ даже не о всѣхъ незаконныхъ бракахъ, такъ какъ дѣла о такъ называемомъ насильномъ восхищеніи къ браку и о вступленіи въ бракъ безъ воли родителей переданы были вмѣстѣ съ другими свѣтскому суду.

Возвратимся однако къ сочиненію о. Горчакова. Разобравъ во второй главѣ постановленія Уложенія и слѣдующихъ за нимъ соборовъ о подсудности духовенства, авторъ, прежде чѣмъ перейти къ дѣятельности возстановленнаго при Петрѣ Великомъ монастырскаго приказа, показываетъ въ третьей главѣ, какъ уже при Іоаннѣ III возникаетъ въ государственной жизни вопросъ объ отношеніи монастырскихъ богатствъ къ иноческой жизни и слѣдитъ за тѣмъ за извѣстными законодательными мѣрами, предпринятыми въ царствованіе Іоанна IV, Алексѣя Михайловича и Петра Великаго, съ цѣлію ограничить церковныя учрежденія въ пріобрѣтеніи недвижимыхъ имуществъ. Въ этомъ отношеніи, мы замѣчаемъ несравненно меньше колебаній и гораздо бо́льшую послѣдовательность со стороны государственной власти, чѣмъ въ вопросѣ о подсудности духовенства. Мы даже думаемъ, что источникъ недовольства духовенства Уложеніемъ заключался не въ однѣхъ статьяхъ его о подсудности, такъ какъ оно тѣмъ же Уложеніемъ ограничено въ своихъ матеріальныхъ интересахъ: всѣ слободы и посады, принадлежавшія прежде церковнымъ властямъ и учрежденіямъ, признаны были собственностію государства. И тѣмъ самымъ соборомъ 1667 г., который пошелъ назадъ въ опредѣленіи подсудности духовенства, постановлялось, чтобы духовныя лица и монастыри «лавокъ и многихъ дворовъ за собою не держали и мірскими торговлями не промышляли»... Это подтверждалось и впослѣдствіи: въ этомъ отношеніи законодательство, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, не дѣлало попятныхъ шаговъ.

Въ 1701 г., Петръ Великій возстановилъ монастырскій приказъ и сосредоточилъ въ немъ всѣ мѣры и распоряженія по переводу церковныхъ вотчинъ въ завѣдываніе государства. Дѣятельность возстановленнаго приказа началась съ посылки переписчиковъ во всѣ монастыри и архіерейскіе дома для составленія инвентарей имуществу, которое должно было перейдти изъ-подъ власти церковныхъ учрежденій въ собственное его вѣдѣніе. Изъ напечатанныхъ у автора въ приложеніи двухъ актовъ, извлеченныхъ въ числѣ другихъ документовъ изъ главнаго московскаго архива мин. юстиціи, видно, какъ приступали посланные изъ приказа стольники къ составленію описи монастырскаго имущества. Они начинали съ того, что запечатывали ризницу, монастырскія приходныя и расходныя книги, наличныя деньги, серебряную, оловянную и мѣдную посуду и всякую монастырскую казну, вотчинныя крѣпости и другіе документы, и «изъ-за печати пересматривали» все

это; затѣмъ по старымъ переписнымъ книгамъ, которыя требовали отъ монастырскихъ казначеевъ, осматривали въ церквахъ св. иконы, церковные сосуды и всякую утварь; далѣе вносили въ опись, сколько оброчныхъ денегъ собирается съ монастырскихъ крестьянъ и со всякихъ угодій. Составивъ опись имуществу, посланные переписывали въ монастырѣ братію, слугъ, подъячихъ и т. д. Если бы при повѣркѣ казны на властяхъ монастырскихъ явились начетныя деньги, то «было приказано на нихъ править, пока не заплатятъ, т. е. бить на правежѣ, что и выполнялось.» (стр. 137). Составленіе переписныхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ богатый матеріалъ для оцѣнки древнерусскаго быта, начавшись въ 1701 г., продолжалось до 1707 г.; потомъ, когда введено было новое административное раздѣленіе государства на губерніи и провинціи, то монастырскому приказу поручено было составить новую перепись монастырскихъ вотчинъ по губерніямъ и провинціямъ. Работа эта, нѣсколько разъ возобновляясь, тянулась до 1720 г. Правительство заинтересовано было въ этихъ переписяхъ потому, что онѣ должны были составлять основаніе при раскладкѣ государственныхъ податей и повинностей. Но именно въ этомъ отношеніи переписныя книги, по громадности труда, котораго онѣ требовали, оказались мало удовлетворительными, и правительство впослѣдствіи принуждено было обращаться за точными свѣдѣніями о церковныхъ имѣніяхъ не въ монастырскій приказъ. Между тѣмъ для крестьянъ, жившихъ на монастырскихъ земляхъ, одна изъ такихъ переписей, именно перепись 1710 г., имѣла пагубныя послѣдствія, такъ какъ при составленіи ея не дѣлали никакого различія между крестьянами по прежнимъ ихъ правамъ, и оттого, при раскладкѣ государственныхъ податей съ 1710 г., всѣ монастырскіе крестьяне были уравнены и смѣшаны черносошные, половинники и полные крестьяне. Когда же впослѣдствіи крестьяне стали отыскивать свои прежнія льготы, присвоенныя имъ жалованными граматами, то уже поздно было. И въ другомъ отношеніи управленіе монастырскаго приказа отозвалось невыгодно на крестьянскомъ бытѣ. При прежнихъ монастырскихъ владѣльцахъ крестьяне пользовались отчасти своимъ собственнымъ выборнымъ управленіемъ и нѣкоторою заботою о ихъ благосостояніи, между тѣмъ, какъ новое вѣдомство ихъ, состоя подъ указами сената, прежде всего заботилось о томъ, чтобы не было недоборовъ въ государственныхъ податяхъ и повинностяхъ. Этихъ податей и повинностей, отправлявшихся подъ различными наименованіями въ вѣдомствѣ приказа, было достаточное количество, и разсмотрѣнію ихъ авторъ посвящаетъ въ пятой главѣ не менѣе сорока страницъ (204—246). Мѣстные же исполнители предписаній приказа, его прикащики, вѣдомцы и коммиссары не забывали при этомъ и себя. Понятно, почему встрѣчались въ то время примѣры, что крестьяне обращались къ правительству съ

прошеніями о возвращеніи ихъ въ вѣдомство и управленіе церковныхъ учрежденій.

Пріемъ монастырскихъ вотчинъ въ свое завѣдываніе и управленіе ими было главнымъ, но не единственнымъ дѣломъ монастырскаго приказа. Преобразовательные виды Петра Великаго, требовавшіе отъ каждаго учрежденія усиленную, всепоглощающую дѣятельность, отразились и на кругѣ вѣдомства монастырскаго приказа. Приказъ этотъ, кромѣ главной своей задачи и унаслѣдованныхъ имъ отъ прежняго времени обязанностей судебнаго и финансоваго управленія, долженъ былъ установить монастырскіе штаты; долженъ былъ заботиться объ уменьшеніи числа монаховъ и о томъ, чтобы монастыри служили благотворительнымъ и нравственнымъ цѣлямъ; чтобы монахи, «лучшаго ради исполненія монашескаго житія», пропитывали себя трудами рукъ своихъ; чтобъ въ монастыряхъ содержались отставные военные чины, убогіе, нищіе и больные; приказъ долженъ былъ наблюдать за всею учебною частію духовенства и чтобы дѣти духовныхъ посѣщали греческія и латинскія школы. Въ вѣдѣніи приказа, впрочемъ, находились школы не только церковныя, какъ Заиконоспасская, Кіевская и др., но и вновь заводимыя, какъ напр., четыре нѣмецкія школы. Наконецъ, въ управленіи приказа находилась еще старая, заведенная при Іоаннѣ IV, въ 1553 г., типографія съ учрежденнымъ при ней особымъ отдѣленіемъ гражданской печати, и приказъ вѣдалъ печатанія этой типографіи, типографскія лавки и всѣхъ «людей печатнаго дѣла».

Съ такимъ обширнымъ и разнообразнымъ кругомъ вѣдомства монастырскій приказъ просуществовалъ до самаго учрежденія петровскихъ коллегій; ставъ анахронизмомъ въ средѣ ихъ, онъ былъ закрытъ въ 1720 г. Затѣмъ, когда въ 1721 г. учреждена была «духовная коллегія»,— святѣйшій правительствующій синодъ, то монастырскій приказъ во второй разъ былъ возстановленъ, но уже съ совершенно подчиненнымъ значеніемъ. И съ такимъ значеніемъ приказъ оставался до конца 1724 г., когда на мѣсто его и въ противность видамъ синода учреждена была камеръ-контора синодальнаго правительства; эта контора, въ свою очередь при новомъ царствованіи, послѣ различныхъ перемѣнъ, переименована была въ коллегію экономіи, по которой бывшіе крестьяне названы были и доселѣ сами себя называютъ экономическими. Какъ, повидимому, ни безразлично названіе, которое придано было учрежденію, замѣнившему монастырскій приказъ, но въ немъ выразилась политика камеръ-коллегіи, поддерживаемой сенатомъ и желавшей подчинить церковныя вотчины общему порядку государственнаго управленія. А для этого и новое учрежденіе, ближайшимъ образомъ вѣдавшее тѣ вотчины, должно было уже самымъ названіемъ своимъ указывать на ту зависимость, въ какой находились къ камеръ-коллегіи, какъ высшему финансовому учрежденію въ государствѣ, дру-

гія камеръ-конторы, какъ-то: акцизная, гражданская и экономическая. Но святѣйшій правит. синодъ желалъ «удержать вотчины церковныхъ учрежденій въ управленіи собственномъ, особомъ отъ общихъ государственныхъ учрежденій». Въ такомъ нерѣшительномъ состояніи оставался вопросъ о положеніи церковныхъ вотчинъ еще въ теченіи цѣлыхъ сорока лѣтъ послѣ закрытія монастырскаго приказа, пока коммиссія о духовныхъ имѣніяхъ, учрежденная императрицею Екатериною II, окончательно не рѣшила этого вопроса прикрѣпленіемъ всѣхъ церковныхъ вотчинъ къ государству.

Оканчивая на этомъ обзоръ сочиненія о. Горчакова, пользовавшагося при своихъ розысканіяхъ о монастырскомъ приказѣ не одними только изданными источниками, и въ томъ числѣ печатавшимся и теперь только-что вышедшимъ въ свѣтъ «Описаніемъ дѣлъ и документовъ, хранящихся въ архивѣ св. синода», а также и подлинными дѣлами, какъ этого синодальнаго, такъ и главнаго московскаго архива министерства юстиціи, мы считаемъ долгомъ прибавить, что фактическое сочиненіе это принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ хорошимъ явленіямъ нашей ученой литературы. Изслѣдованіе это имѣетъ, конечно, одинъ чисто-историческій интересъ: вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ секуляризаціей ихъ навсегда упраздненъ, а вопросъ о подсудности духовенства, какъ онъ разрѣшался нашимъ законодательствомъ со времени Петра Великаго, и въ послѣдній разъ судебными уставами 20 ноября 1864 г., едва ли когда возбудитъ такія пререканія между церковными и свѣтскими установленіями, для разрѣшенія которыхъ слѣдовало бы обращаться за данными къ исторіи монастырскаго приказа. Тѣ же сомнѣнія, которыя встрѣчаются въ новой судебной практикѣ, относительно этой подсудности, имѣютъ своимъ источникомъ неясности и неточности въ нашемъ консисторскомъ уставѣ 27 марта 1841 г. Пересмотръ этого устава и согласованіе его съ новыми судебными уставами представляется тѣмъ болѣе необходимымъ и, вѣроятно, желательнымъ для самаго духовнаго вѣдомства, что при окончательной редакціи уставовъ 20 ноября 1864 г. сдѣлано было достаточно уступокъ въ пользу духовной подсудности, и что въ томъ же духѣ уступокъ послѣдовало разъясненіе уголовнаго кассаціоннаго департамента сената, по дошедшему до него довольно важному вопросу этой подсудности: какому суду, свѣтскому или церковному, подлежатъ оскорбленія, нанесенныя духовными лицами свѣтскимъ [1]). Впрочемъ, не этотъ, разрѣшенный теперь кассаціоннымъ сенатомъ вопросъ, а другой, несравненно болѣе серьёзно интересующій гражданское общество, долженъ будетъ въ ближайшемъ будущемъ стать на очередь: вопросъ о бракоразводныхъ дѣлахъ и о ихъ под-

[1]) Рѣш. угол. кассац. департ. 1867 г., № 181.

судности, т. е. полезно ли, чтобы дѣла этого рода безусловно и цѣликомъ подлежали вѣдомству духовныхъ установленій. Требованія женами отдѣльныхъ видовъ на жительство, съ особымъ отъ мужей содержаніемъ или даже безъ такого содержанія, требованія, съ которыми прежде обращались въ полицейскія и административныя мѣста и которыми нынѣ почти ежедневно осаждаются новые суды, должны будутъ раньше или позже обратить на себя вниманіе законодательства. Когда супруги не живутъ вмѣстѣ, т. е. когда мужъ оставилъ жену или не требуетъ ее къ себѣ, то суды не встрѣчаютъ никакихъ препятствій къ назначенію женѣ содержанія, которое, согласно закону, должно соотвѣтствовать состоянію мужа. Но очень часто подобныя требонія отдѣльныхъ видовъ, равняющіяся собственно ходатайствамъ о разлученіи съ супругомъ путемъ гражданскимъ, вынуждаются въ простомъ классѣ эксплуатаціей жены мужемъ, т. е. когда мужъ требуетъ отъ жены годовой платы или своего рода оброкъ за особый видъ на жительство. Въ виду закона, безусловно запрещающаго всякіе акты, клонящіеся къ расторженію супружества, суды оказываются совершенно безсильными въ подобныхъ случаяхъ, какъ бы вопіющи они ни были. Мы уже не говоримъ о тѣхъ частыхъ случаяхъ, когда дѣла этого рода, какъ это обыкновенно, однако, бываетъ, сопровождаются обвиненіями со стороны одного изъ супруговъ, въ прелюбодѣйныхъ связяхъ другого, или и взаимными обвиненіями подобнаго рода, и когда въ судѣ свѣтскомъ, но уже уголовномъ, можно добиться одного—наказанія виновнаго, съ красивою, впрочемъ, перспективою для невиннаго супруга, продолжать жить съ наказаннымъ, по его просьбѣ, супругомъ, потому что, если вслѣдъ затѣмъ обратиться въ духовный судъ, съ требованіемъ о разводѣ, то приговоръ свѣтскаго уголовнаго суда о прелюбодѣяніи нисколько не обязателенъ для духовнаго [1]). Не считая здѣсь умѣстнымъ долѣе распространяться объ этомъ дѣйствительномъ положеніи дѣла, какъ оно образовалось на практикѣ, вслѣдствіе черезчуръ ревниваго отстаиванія духовнымъ вѣдомствомъ, во время составленія судебныхъ уставовъ, объема его подсудности,—мы должны, однако, прибавить, такъ какъ уже коснулись этого предмета, что причина, плодящая всѣ аномаліи и вышеупомянутыя требованія, заключается не столько въ томъ весьма ограниченномъ числѣ поводовъ, по которымъ наши церковные законы допускаютъ разводъ, сколько въ исключительной подсудности бракоразводныхъ дѣлъ духовному суду, формальный порядокъ котораго, при общемъ преобразованіи судопроизводства во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ, остался прежній. Отъ такого стараго порядка суда, вездѣ и всегда оказывавшагося, какъ извѣстно, весьма гибкимъ, когда въ дѣло замѣшивались

[1]) Ст. 103 и 106 зак. гражд., ст. 2156 улож. о наказ. и ст. 1016 уст. угол. суд.

сильныя связи, богатство и другія преимущества, и весьма неподатливымъ въ обыкновенныхъ случаяхъ, когда въ дѣлѣ заинтересованы простые смертные, — ни семейная жизнь, ни частная и общественная нравственность ни въ какомъ случаѣ выиграть не могутъ. Законодательство раньше или позже должно будетъ коснуться этого предмета, чтобы вывести нашъ юридическій бытъ изъ того крайне затруднительнаго состоянія, въ которомъ онъ въ этомъ отношеніи находится.

Въ виду всего сказаннаго, всякое въ научномъ духѣ предпринятое изслѣдованіе по исторіи нашего каноническаго права представляется крайне желательнымъ, хотя въ окончательномъ результатѣ отъ подобныхъ изслѣдованій можетъ быть всего болѣе выиграетъ только наука, потому что пригодныя для новаго законодательства начала, по отношенію къ гражданскому обществу, едва ли могутъ быть открыты въ исторіи этого права. Но чѣмъ спеціальнѣе по цѣли и по результатамъ подобныя изслѣдованія — и мы думаемъ при этомъ именно о добросовѣстномъ трудѣ о. Горчакова—тѣмъ желательнѣе, чтобы авторы ихъ, овладѣвши историческимъ матеріаломъ, озирались нѣсколько кругомъ. Искать въ другихъ мѣстахъ что-нибудь въ параллель монастырскому приказу, разумѣется, нечего; но для вопросовъ, на которыхъ сосредоточено о немъ изслѣдованіе, именно о подсудности духовенства и въ особенности о привиллегированномъ состояніи въ государствѣ церковныхъ имѣній, — исторія западно-европейскихъ церковныхъ отношеній съ ея церковными бенефиціями, съ ея ученіемъ о *manus mortua* и съ ея богатымъ запасомъ такъ-называемыхъ амортизаціонныхъ законовъ, могла бы представить любопытныя черты сходства и различія съ положеніемъ нашихъ древне-русскихъ церковныхъ вотчинъ, и во всякомъ случаѣ нѣсколько раздвинула бы горизонтъ изслѣдованія.

В. УТИНЪ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ.

Questions Contemporaines, par *Ernest Renan*, membre de l'Institut. Paris, 1868.

Подъ этимъ заглавіемъ, знаменитый французскій оріенталистъ, Ренанъ, собралъ въ одну книгу свои отдѣльныя статьи, писанныя имъ въ разное время, отъ 1848 до послѣднихъ годовъ, по различнымъ предметамъ, которые, по его мнѣнію, составляютъ «современный вопросъ» и теперь. Мы сочли не безъинтереснымъ для русскаго читателя остановиться на этой книгѣ, любопытной и по имени автора, и по чертамъ общественной мысли въ нынѣшней Франціи, которыя мы здѣсь найдемъ.

Ренанъ пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность, какъ оріенталистъ и историкъ. «Всеобщая исторія семитическихъ языковъ», «Этюды изъ исторіи религіи», «Опыты морали и критики», «О происхожденіи языка», «Аверроэсъ и аверроизмъ» (этюдъ изъ исторіи средневѣковой арабской науки), наконецъ, переводы съ еврейскаго: «Книги Іова» и «Пѣсни пѣсней», — всѣ эти труды давно составили ему ученую репутацію и дали мѣсто въ Институтѣ. Книга его «Vie de Jésus» и ея продолженіе «Les Apôtres», были событіемъ во французской литературѣ, по своей ультра-протестантской свободѣ мысли, и ихъ успѣхъ (первая, судя по объявленіямъ, дошла уже до 13-го изданія) послужилъ симптомомъ настроенія общества, который до послѣдней степени обезпокоилъ и раздражилъ клерикальную партію во Франціи.

«Современные вопросы», о которыхъ Ренанъ говоритъ въ новой

книгѣ, сходятся главнымъ образомъ къ двумъ—вопросу религіозному, т. е. къ вопросу о положеніи католицизма въ современномъ обществѣ, и къ вопросу о высшемъ образованіи. На первомъ изъ этихъ сюжетовъ мы останавливаться не будемъ, а ограничимся только вторымъ; онъ представляетъ, по нашему мнѣнію, достаточно интереса и поучительности.

Впрочемъ, это послѣднее слово заставляетъ насъ сдѣлать маленькое отступленіе. Въ послѣднее время, въ нашей литературѣ безпрестанно раздаются голоса, что намъ нечего поучаться у другихъ, что намъ нечего смотрѣть на западную Европу и «расшаркиваться передъ западной цивилизаціей», что рѣшенія всякихъ вопросовъ мы должны искать у себя, въ нѣдрахъ и почвѣ русской народности, и т. п. Эти голоса раздаются такъ часто, что, начавъ говорить о «западной» литературѣ, которая именно очень часто можетъ представлять для насъ очень много поучительнаго, — мы поневолѣ должны обратить вниманіе на эти голоса и оговориться, въ какомъ смыслѣ и почему мы находимъ нужнымъ указывать эту «поучительность». Мы говоримъ о ней въ самомъ простомъ, непосредственномъ смыслѣ, и говоримъ потому, что европейское образованіе и литература несравненно выше нашихъ, богаче нашихъ положительными здравыми понятіями и замѣчательными писателями, и что тѣ общія идеи европейской образованности, которыя начинаютъ находить мѣсто и въ умахъ русскаго общества, и въ русскихъ книгахъ, эти идеи (едва ли были какія-нибудь исключенія) въ европейскомъ образованіи и въ европейской литературѣ были продуманы и высказаны несравненно глубже, многостороннѣе и полнѣе, чѣмъ когда-нибудь это было у насъ. Этими словами мы вовсе не хотимъ сказать (какъ это обыкновенно истолковываютъ литературные старовѣры), чтобы для насъ европейскія идеи были непремѣнно обязательны, или чтобы западная Европа имѣла надъ нами всегдашнее непремѣнное превосходство и т. п. Совсѣмъ нѣтъ, — мы вовсе не думаемъ считать европейскихъ авторитетовъ непремѣнно обязательными (потому что въ подобныхъ вещахъ для человѣка должна быть обязательна только логика), не признаемъ даже чьего-либо умственнаго превосходства, — потому что намъ бываютъ иной разъ видны слабыя стороны даже у лучшихъ представителей западныхъ литературъ, — но, мы не находимъ возможности отвергать того, что въ западной Европѣ сознательная интеллектуальная жизнь націй началась многими вѣками раньше нашей, что эта жизнь прошла тамъ не даромъ, что она дала европейской мысли поприще широкаго развитія, и въ результатѣ, во-первыхъ, произвела множество практическихъ улучшеній жизни, которыя мы перенимаемъ (когда понадобится) безъ разговоровъ, и во-вторыхъ, самому отвлеченному мышленію сообщила твердость и увѣренность, въ силу которыхъ это мышленіе еще

долго будетъ руководить нашими собственными трудами въ этомъ дѣлѣ. Спорить противъ *научнаго* превосходства Европы можетъ одно ребячество или невѣжество; странно было бы, еслибы это превосходство не выражалось и въ другихъ отрасляхъ европейской литературы, и, напримѣръ, въ особенности въ предметахъ нравственныхъ и общественныхъ.... До какой степени неопытна наша литература въ этихъ предметахъ, — это, къ сожалѣнію, можно видѣть слишкомъ часто. Возьмемъ примѣръ отъ самихъ литературныхъ старовѣровъ. Недавно одинъ органъ такого характера заговорилъ о вѣротерпимости и свободѣ совѣсти, предметѣ высокой важности философской и общественной. Старовѣръ заслуживалъ бы всякой похвалы за широту своихъ общественныхъ взглядовъ и стремленій; но къ великому нашему сожалѣнію, мы не могли повѣрить его словамъ, и напротивъ, усомнились въ прочности его понятій объ этомъ предметѣ, потому что еще недавно этотъ самый публицистъ проповѣдовалъ совершенно иное, и не допускалъ не-то что свободы «совѣсти», но даже самой безобидной свободы выразить несогласный съ его идеями взглядъ на значеніе славянскаго съѣзда. Публицистъ далъ въ своемъ изданіи мѣсто самымъ жалкимъ выходкамъ и инкриминаціямъ противъ человѣка, имѣвшаго несчастье думать, что въ славянскомъ съѣздѣ было нѣчто подогрѣтое и искусственное, и что энтузіазмъ, по этому случаю выражавшійся, повидимому, не особенно проченъ. Такимъ образомъ, мысли этого публициста о вѣротерпимости и свободѣ совѣсти были такъ слабы, что измѣнили ему при самомъ простомъ и незамысловатомъ примѣненіи къ невиннымъ литературнымъ мнѣніямъ.

У насъ часто глубокій вопросъ спотыкается на очень мелкую вещь, и этотъ примѣръ можетъ служить образчикомъ множества подобныхъ вещей, совершающихся въ нашей литературѣ каждодневно. Замѣтимъ, что въ примѣръ нами взятъ вовсе не дюжинный дѣятель нашей литературы, а, напротивъ, писатель, имѣющій теперь большую извѣстность и толпу поклонниковъ. Несмотря на такую ненадежность своей домашней философіи, или именно благодаря ей, извѣстная доля нашей литературы, а за ней и большая доля общества ни во что́ не ставитъ европейскую литературу, и негодуетъ на униженіе нашего національнаго достоинства тѣми, кто ищетъ въ ней чего нибудь.

Съ другой стороны, вслѣдствіе подобныхъ же побужденій, наша литература настоящей минуты совсѣмъ отвыкаетъ отъ общихъ вопросовъ и отвлеченныхъ предметовъ общественной политики, философіи, нравственности и т. п. Люди извѣстнаго закала считаютъ это пустымъ препровожденіемъ времени, фантазерствомъ, оторванностью отъ пресловутой «почвы». Эти общіе интересы кажутся намъ совершенно ничтожными: вмѣсто этого мы стремимся разрѣшать непосредственные практическіе вопросы, — къ чему насъ, большей частью, никто не

приглашалъ,—и критеріумъ для рѣшенія находится въ таинственныхъ «народныхъ началахъ».... Въ этомъ отношеніи, наша литература отстала даже отъ 30—40-хъ годовъ, когда литература все-таки, хотя и несовершенно, сознавала свою обязанность служить разъясненію общихъ основаній просвѣщенія и стремиться къ опредѣленію нравственно-общественныхъ идеаловъ. Теперь это сдѣлалось ненужнымъ, и недавніе годы, когда въ нашей литературѣ еще дѣйствовали подобныя стремленія, которыя займутъ нѣкогда живую страницу въ ея исторіи, эти годы считаются временемъ слѣпоты и заблужденія.

Итакъ, нынѣшній литературный обиходъ мало даетъ читателю этой пищи; между тѣмъ, она совершенно необходима, если только литература должна сколько-нибудь исполнять свое истинное назначеніе — содѣйствовать воспитанію и развитію общественнаго ума. Опредѣлить свой кодексъ философскихъ, или теоретическихъ, положеній всегда будетъ потребностью этого ума, если онъ былъ уже разъ возбужденъ къ ихъ отысканію, и разумное установленіе этого кодекса возможно только при томъ условіи, чтобы для этого литература воспользовалась тѣми результатами, какихъ вообще достигло человѣческое знаніе. Но наша литература въ настоящую минуту слишкомъ мало удовлетворяетъ этому условію: ея научныя средства и количество дѣйствующихъ въ ней талантовъ весьма ограниченны; въ большинствѣ своихъ дѣятелей она слишкомъ мало привыкла къ послѣдовательной и независимой мысли, которая находитъ еще мало опоры и въ самой степени умственнаго развитія общества, — такъ что, въ этомъ существенномъ отношеніи, литературы Европы, вѣроятно, еще надолго останутся для насъ источникомъ знаній и теоретическихъ понятій, т. е. останутся до тѣхъ поръ, пока собственныя русскія силы выростутъ до тѣхъ же размѣровъ и найдутъ себѣ такой же просторъ въ общественной жизни.

Признать подобное положеніе нашей литературы и науки вовсе конечно не значитъ оскорблять или унижать ихъ. Исторически еще не такъ далеко время, когда этой литературы и этой науки не существовало вовсе: онѣ появились и развились только въ петровскій періодъ, и за это время онѣ оказали великіе успѣхи, которые справедливо могутъ составить ихъ гордость. Въ своемъ настоящемъ моментѣ русская наука уже не одинъ разъ вносила свои вклады въ европейское знаніе, и эти примѣры могутъ служить знакомъ ея первой возмужалости: не будемъ только ее преувеличивать.... Съ другой стороны, можно бы перестать ужасаться и тѣхъ порывовъ литературы, которые не похожи на прежніе литературные нравы и обычаи, и свидѣтельствуютъ только, что ей становится тѣсно въ этихъ прежнихъ нравахъ.

Нельзя, наконецъ, не указать и слѣдующаго обстоятельства. Въ литературахъ европейскихъ, съ начала нынѣшняго столѣтія открывается

въ особенности сильное стремленіе ко *взаимному сближенію*. Если во всей исторіи европейской образованности мы находимъ значительно тѣсную солидарность, исходившую въ прежнія времена изъ преданій старой римской имперіи, католицизма и феодальной системы, протестантства, возрожденія, научныхъ движеній XVII вѣка и т. д., то теперь эта солидарность перестаетъ ограничиваться одними общими явленіями и крупными фактами цивилизаціи и литературы, а, напротивъ, стремится къ гораздо болѣе близкому и сознательному взаимодѣйствію. Эта литературная взаимность Европы, какъ мы сказали, въ особенности развилась въ нынѣшнемъ столѣтіи, событія котораго близко знакомили другъ съ другомъ цѣлыя націи, какъ то было въ Наполеоновскія войны, и котораго научныя открытія и практическія изобрѣтенія были такъ цѣнны, что для каждой отдѣльной націи дѣлали эту взаимность умственныхъ пріобрѣтеній неизбѣжной потребностью, дѣломъ простой осязательной выгоды. Въ литературѣ эта взаимность представляетъ множество любопытныхъ явленій, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ XVIII вѣкѣ, въ такихъ размѣрахъ: первостепенные писатели Англіи, Франціи, Германіи, Италіи становятся въ полномъ смыслѣ слова европейскими писателями, съ которыми европейскій читатель знакомится столько же, сколько съ своими собственными писателями. Это усвоеніе чужихъ литературныхъ результатовъ приноситъ, конечно, громадную выгоду цѣлому національному развитію каждой отдѣльной націи, потому что оно несомнѣннымъ образомъ расширяетъ умственный горизонтъ, знакомитъ съ новыми направленіями мысли и увеличиваетъ кругъ наблюденій. Трудъ цѣлой европейской литературы и науки становится несравненно производительнѣе, потому что плоды его распространяются теперь гораздо легче и быстрѣе, чѣмъ прежде, когда каждая нація работала отдѣльно для себя и только въ частныхъ случаяхъ знакомилась съ чужими произведеніями. Никогда, поэтому, не была такъ развита переводная дѣятельность, какъ именно въ нынѣшнемъ столѣтіи: всѣ лучшіе классическіе писатели каждой отдѣльной литературы извѣстны во всѣхъ другихъ, нерѣдко въ своемъ полномъ составѣ, иногда въ замѣчательно-искусной художественной передачѣ. Всего выше стоятъ въ этомъ отношеніи нѣмцы, далеко превосходящіе всѣхъ своимъ философско-литературнымъ космополитизмомъ; французская и англійская литература въ послѣднее время также особенно часто обращаются къ произведеніямъ другихъ націй. Эта взаимность распространяется одинаково и на ученые труды, и на произведенія поэтическія. При этомъ не забыта была и русская литература; въ нѣмецкой, французской, даже англійской литературѣ болѣе или менѣе извѣстны произведенія Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, даже Салтыкова, котораго такъ трудно передать на какомъ-нибудь европейскомъ языкѣ....

Лучшія произведенія новѣйшей литературы обходятъ тотчасъ же всѣ страны Европы, какъ это бывало съ Диккенсомъ, Теккереемъ, Гейне, Ж. Зандомъ, Ауэрбахомъ, Гюго, и др. Такъ бывало и съ книгами научнаго содержанія, даже не всегда легко доступными для обыкновеннаго читателя: назовемъ Бокля, Дарвина, Гервинуса, Фохта, Зибеля и т. д. Три главныя европейскія литературы дѣятельно мѣняются своими произведеніями, особенно въ послѣднее время, когда въ кругъ новыхъ изслѣдованій входятъ все болѣе и болѣе обширныя и глубокія научныя задачи, и предметомъ наблюденій становится жизнь человѣческая во всѣхъ историческихъ періодахъ, и всѣхъ далекихъ полярныхъ и тропическихъ странахъ, которыя до сихъ поръ еще не были доступны для европейскаго глаза.

Мы сказали, что русская литература также вносила свою долю въ эту литературную взаимность европейскихъ націй; конечно, не вина этихъ послѣднихъ, что эта доля до сихъ поръ не была особенно значительна, и что «русская мысль» не имѣетъ въ Европѣ столько значенія, сколько бы этого желательно было для нашего самолюбія. Мы вступаемъ здѣсь на открытую арену, и успѣхъ долженъ опредѣляться конечно общимъ голосомъ, а не нашимъ самовосхваленіемъ...

Итакъ, смыслъ нашего влеченія къ умственнымъ движеніямъ Европы заключается въ томъ, что мы, такъ или иначе, вступили на эту арену и участвуемъ въ этой взаимности. Наше отношеніе къ европейской литературѣ становится такимъ образомъ не совсѣмъ то, какимъ оно было въ XVIII столѣтіи, и даже въ началѣ нынѣшняго: въ XVIII вѣкѣ это было полное подчиненіе, почти исключительно одной французской литературѣ, и основаніемъ этого подчиненія былъ нестолько сознательный выборъ, сколько то обстоятельство, что авторитетъ французской литературы уже былъ утвержденъ до насъ другими и подкрѣпленъ придворной модой. Отъ такого рода подчиненія наша литература освободилась уже при Карамзинѣ, и ея дальнѣйшая дѣятельность обнаруживаетъ признаки сознательнаго выбора умственной пищи,—теоретическихъ понятій и поэтическихъ идеаловъ. Въ послѣднее время стала, въ самомъ дѣлѣ, обнаруживаться и извѣстная самостоятельность. Съ Пушкина русская поэзія стала принимать національный характеръ, который вполнѣ отличаетъ Гоголя и дальнѣйшее литературное движеніе. Въ наукѣ, изученіе собственно русскаго міра идетъ уже собственными средствами. Въ XVIII вѣкѣ это изученіе шло почти исключительно трудами нѣмецкой академіи и немногихъ русскихъ ея учениковъ; съ Карамзина это изученіе мало по малу устанавливается русскими силами, а къ нашему времени пріобрѣтаетъ уже очень обширные размѣры. Правда, что метода самаго изученія — въ исторіи, филологіи, естественно-историческихъ наукахъ и т. д., — еще занимается нами цѣликомъ изъ европейской науки, и съ этой стороны

наша литература еще не можетъ представлять интереса для европейскаго міра: но въ самомъ примѣненіи метода къ русскому содержанію, къ русскимъ предметамъ изслѣдованія, наша литература успѣла обнаружить достаточно силы и дѣятельности, дающихъ ей мѣсто въ движеніи европейскаго образованія. Нѣтъ спора, что дѣятельность русской науки еще не можетъ похвалиться цѣльными системами, послѣдовательнымъ развитіемъ извѣстнаго научнаго метода и длинной традиціей трудовъ; но она заявила себя однако достойными уваженія отдѣльными трудами по многоразличнымъ отраслямъ знанія и, припомнивъ рядъ этихъ трудовъ, — въ особенности трудовъ относящихся къ изученію русскаго міра, — мы съ полнымъ правомъ можемъ признать за русской наукой и литературой извѣстное значеніе въ европейскомъ цѣломъ. Если бы внѣшнія обстоятельства больше благопріятствовали свободному развитію умственныхъ силъ общества, нѣтъ сомнѣнія, что онѣ и теперь даже могли бы заявить себя болѣе оригинальнымъ и характернымъ образомъ, чѣмъ было до сихъ поръ.

Изъ вышесказаннаго видно, что какъ мы ни далеки отъ самохвальнаго преувеличенія русской умственной жизни и ея результатовъ, мы признаемъ сдѣланные ею успѣхи и, конечно, ничего такъ не желаемъ, какъ возможно прочнаго и быстраго ея разцвѣта. Но для этого ей именно необходимо сколько можно тѣснѣе примкнуть къ цѣлому европейскому научному движенію. Повторяемъ, — одно только невѣжество можетъ думать, что сдѣлать это было бы ущербомъ нашему національному достоинству; совсѣмъ напротивъ, не примкнуть тѣсно къ европейскому движенію будетъ для этого достоинства величайшимъ вредомъ. Люди, которые хлопочутъ о сохраненіи этого достоинства посредствомъ удаленія отъ Европы, забываютъ или не знаютъ того указаннаго нами факта, что въ средѣ самихъ европейскихъ націй работаетъ теперь сильное стремленіе ко взаимному сближенію и умственному взаимо-дѣйствію — для нихъ понятно уже, что каждая нація отдѣльно выигрываетъ въ этомъ сближеніи цѣлый громадный опытъ другой націи и обширный запасъ ея интеллектуальныхъ пріобрѣтеній. Это взаимодѣйствіе всего болѣе и болѣе охватываетъ умственную жизнь европейскихъ націй, и обѣщаетъ для нея богатую будущность. И въ прежнее время, конечно, интересъ этого рода уже существовалъ и являлось много «описаній», «путешествій» и т. п.; но, что́ прежде было предметомъ чистаго любопытства, описывалось какъ оригинальность и курьезъ, теперь становится дѣломъ сознательнаго изученія. Область «путешествія» раздвинулась теперь на отдаленнѣйшія страны, часто такія, куда до сихъ поръ еще не проникала нога европейца, а для Европы потребность взаимнаго знакомства восполняется уже цѣлыми обширными спеціальными изученіями и цѣлой взаимной связью литературъ. Въ европейской теку-

щей литературѣ уже не одинъ разъ появлялись такія попытки систематическаго изученія *чужихъ* націй, каково было, напр., замѣчательное «Revue Germanique» (въ Парижѣ); явилась наконецъ и мысль «Международнаго обозрѣнія» (Internationale Revue, въ Вѣнѣ). Эта международная литература есть, безъ сомнѣнія, знакъ времени и будетъ въ той или другой формѣ развиваться все больше и больше. Литературная взаимность является только однимъ изъ симптомовъ въ космополитическомъ движеніи цивилизаціи: желѣзная дорога и телеграфъ не могутъ не оставить на европейской жизни глубокаго слѣда въ смыслѣ этого сближенія и солидарности; общими силами совершаются уже громадныя научныя предпріятія, каковы, напр., изслѣдованія астрономическія, магнетическія, метеорологическія и т. д. Понятно, что то же стремленіе выразилось и въ литературѣ. Новѣйшая европейская литература представляетъ множество любопытныхъ примѣровъ этого взаимнаго изученія: нѣмецкіе ученые ревностно изучаютъ французскую и англійскую исторію (Ранке, Зибель, Гейссеръ, Паули); однимъ изъ лучшихъ знатоковъ—если не лучшимъ—англійскаго государственнаго устройства и его исторіи сами англичане признаютъ нѣмецкаго ученаго (Гнейстъ); лучшую до сихъ поръ исторію англійской литературы написалъ французъ (Тэнъ); у англичанъ, при всей своей исключительности, въ послѣднее время литература наполняется множествомъ книгъ и переводовъ, служащихъ для изученія нѣмецкой и французской науки, исторіи и литературы.... Нечего говорить о томъ, что отвлеченные вопросы научнаго изслѣдованія, т. е. вопросы, не имѣющіе никакого національнаго оттѣнка, не меньше сближаютъ отдѣльныя литературы самою общностью задачъ и умственныхъ интересовъ: чистое естествознаніе, археологія, исторія уже давно связывали литературы различныхъ націй, служившихъ каждая своими силами этому изученію.

Итакъ, русская литература, въ своемъ стремленіи изучать результаты европейскаго знанія, знакомиться съ умственной дѣятельностью другихъ націй, теперь сходится съ общимъ стремленіемъ образованныхъ народовъ Европы. Если она должна заимствовать больше, чѣмъ другія, и сама можетъ сообщать другимъ меньше, то это совершенно естественно: по своей умственной школѣ она несравненно моложе главныхъ европейскихъ націй; она трудилась до сихъ поръ несравненно меньше, и меньше несла жертвъ наукѣ и независимой мысли. Между тѣмъ эта наука и мысль не даются даромъ: для того, чтобы нація могла усвоить ихъ себѣ и считать ихъ своими, ей нужно пройти тотъ же неизбѣжный процессъ логическаго воспитанія,—хотя трудность этого воспитанія и можетъ быть теперь весьма облегчена результатами европейскаго знанія и опыта. Этимъ процессомъ теперь и занята русская умственная жизнь. Исключительно-національныя притязанія ли-

тературнаго старовѣрства тѣмъ страннѣе, что самую форму и теоретическія положенія свои оно заимствовало изъ тѣхъ же нѣмецкихъ источниковъ, напр., въ характеристикѣ русской старины, эксплуатируя Гримма и нѣмецкую учено-романтическую школу.

Европейскія литературы могутъ служить для насъ важнымъ и поучительнымъ предметомъ изученія особенно тамъ, гдѣ средства самой русской литературы оказываются недостаточными или совершенно отсутствуютъ. Нынѣшній періодъ нашей литературы, къ сожалѣнію, не богатъ ни талантами, ни благопріятными условіями; и для русскаго читателя часто было бы много полезнѣе искать себѣ чтенія въ богатыхъ запасахъ европейской литературы, чѣмъ въ мутныхъ произведеніяхъ отечественной публицистики. Современная европейская литература также не богата теперь геніальными мыслителями и поэтами, но она богата высокими талантами, которые, caeteris paribus, уже тѣмъ самымъ могутъ стоять выше уровня, какой представляетъ русская литература, — что владѣютъ историческими результатами европейской науки и пользуются всей многосторонностью мысли и привычной независимостью самаго изложенія. Мы нерѣдко находимъ въ европейской литературѣ тѣ самые вопросы, какіе рѣшаются вкривь и вкось въ нашей собственной — но вопросы, рѣшаемые гораздо болѣе многостороннимъ и компетентнымъ образомъ.

Нѣчто подобное читатель могъ бы найти и въ книгѣ Ренана, къ которой мы и обратимся.

Какъ мы замѣтили, современные вопросы, о которыхъ говоритъ Ренанъ, вопросы чисто нравственные, далекіе отъ прямой политики. Отъ политики Ренанъ преднамѣренно удаляется, какъ человѣкъ науки, но удаляется подъ извѣстнымъ ограниченіемъ:

«Человѣкъ серьезный, — говоритъ онъ на первыхъ строкахъ своей книги, — вмѣшивается дѣятельнымъ образомъ въ дѣла своего времени только тогда, когда онъ призванъ къ этому по своему рожденію или по добровольному желанію своихъ согражданъ. Нужна большая притязательность или большое легкомысліе совѣсти для того, чтобы безъ заботно брать на себя отвѣтственность за человѣческія дѣла, когда человѣкъ къ этому не призывается обязанностью. Но отвлеченное размышленіе вовсе не предполагаетъ подобной дерзости. Каждый въ своей мѣрѣ обязанъ думать объ общемъ благѣ и стремиться къ нему всѣми силами. Тотъ, кто занимается историческими науками, въ особенности обязанъ къ такого рода труду. Потому что, хотя знаніе настоящаго менѣе наставительно чѣмъ знаніе прошедшаго, настоящее есть также одинъ изъ видовъ дѣйствительности; оно заслуживаетъ изученія. Оставить подобную заботу такъ называемымъ «политическимъ людямъ»

литературой, вопросъ о покровительствѣ государства рѣшается относительно легко. Реформа, которая бы уничтожила такое покровительство въ дѣлѣ поэзіи, въ произведеніяхъ фантазіи, въ живописи, музыкѣ, скульптурѣ, такая реформа въ настоящую минуту почти уже созрѣла. Настоящимъ поощреніемъ будетъ здѣсь свобода. Настоящее искусство и литература извѣстнаго времени — тѣ, которыя производитъ само время, потому что само время всегда поощряетъ только то искусство и ту литературу, которыя отвѣчаютъ его чувству и его потребностямъ. Такая литература можетъ быть очень дурна, если время дурно; но это и бываетъ литература времени. Поддерживать искусственно и насильственно, мимо самой публики, тѣ ро́ды, какихъ она не требуетъ, — бываетъ довольно безполезно, потому что это никогда не создастъ произведенія свѣжаго и правдиваго. Впрочемъ, почти фатальнымъ образомъ случается обыкновенно, что эти поощренія, вовсе не желаемыя истинными талантами, находящими свою награду въ согласіи съ общественнымъ вкусомъ, достаются только посредственности и притягиваютъ на благородное поприще только людей безъ призванія, которые видятъ здѣсь только ремесло.

«Но какъ бы ни опредѣлялся этотъ пунктъ, въ которомъ надо бы еще избѣгать поспѣшныхъ и слишкомъ радикальныхъ рѣшеній, невозможно отвергать, что высшее образованіе и развитіе ума составляетъ истинный для государства. Государству въ высшей степени необходимо интересъ имѣть ученыхъ въ наукахъ о природѣ и наукахъ математическихъ. Эти науки произвели уже, и еще произведутъ, капитальныя революціи въ войнѣ, промышленности, торговлѣ, администраціи. Въ настоящую минуту въ мірѣ есть два разряда націй: однѣ, у которыхъ есть ученые, и другія, гдѣ ихъ нѣтъ. Эти послѣднія стоятъ столько же низко въ политическомъ отношеніи, сколько низко стоятъ они въ отношеніи умственномъ. Мусульманскій востокъ не уступалъ западу и даже побѣждалъ его до XVI столѣтія, т. е. до начала новѣйшей науки. Мусульманскій міръ убилъ себя самъ, задушивъ въ себѣ зерно науки въ XIII вѣкѣ. То, что я сказалъ сейчасъ о наукахъ математическихъ и физическихъ, можно сказать также и о наукахъ историческихъ. Эти науки — не что иное, какъ изслѣдованіе законовъ, управлявшихъ до сихъ поръ развитіемъ человѣческаго рода. Онѣ составляютъ основаніе наукъ соціальныхъ или общественныхъ. Безъ нихъ умы остаются лишены всякой твердости, живости, проницательности. Восточный человѣкъ ниже европейца еще не столько потому, что онъ не знаетъ природы, сколько потому, что онъ не знаетъ исторіи. Великая причина низшаго умственнаго развитія въ Соединенныхъ Штатахъ (сравнительно съ западно-европейскимъ),—въ которой мы на первый взглядъ едва можемъ отдать себѣ отчетъ и которая, однако, несомнѣнна, — заключается въ отсутствіи большихъ учрежденій для

предметовъ мысли, каковы университеты, академіи, — эта умственная аристократія нашихъ европейскихъ столицъ. Государству не все равно, если умы націи будутъ оставаться грубы и неразвиты».

У насъ существуетъ мнѣніе, что если польза наукъ, которая указывается въ этихъ словахъ, и не подлежитъ сомнѣнію, то все-таки государство можетъ обойтись безъ особеннаго покровительства имъ, потому что для своихъ потребностей ему довольно имѣть только то количество ученыхъ людей, сколько для практики нужно; въ послѣднее время высказывалось и прямо такое мнѣніе, что поощреніе физическихъ наукъ даже вредно, потому что ведетъ къ матеріализму; это мнѣніе въ особенности высказывалось, какъ извѣстно, защитниками классицизма. Но люди этихъ мнѣній, къ сожалѣнію, забываютъ, что наука, служащая только для одной практики, никогда не можетъ быть даже и настоящей наукой: первостепенный умъ не пойдетъ на одну роль практическаго исполнителя, а съ второстепенными—государство все-таки будетъ оставаться назади. Оно будетъ стоять внѣ движенія, совершающаго новые успѣхи знанія, новыя открытія и изобрѣтенія, и роль его будетъ всегда состоять только въ томъ, чтобы догонять другихъ, торопиться перенимать то, что̀ уже сдѣлано другими и, вслѣдствіе того, непремѣнно опаздывать. А изобрѣтенія и открытія совершаются и примѣняются теперь такъ быстро, что опоздать почти всегда значитъ потерять дѣло. Такъ Австрія опоздала съ игольчатыми ружьями... Но еще серьёзнѣе другая сторона дѣла — нравственное вліяніе свободной и широко развивающейся науки. Этого вліянія никогда не будетъ имѣть страна, которая эксплуатируетъ науку только для узкихъ практическихъ цѣлей минуты. Только широкое распространеніе знаній и умственное возбужденіе даетъ возможность націи пользоваться вполнѣ ея нравственными и матеріальными силами; только съ этимъ она въ состояніи будетъ развить свои экономическія средства въ ихъ полномъ объемѣ и пріобрѣсти истинное національное сознаніе, которое одно даетъ всю силу народной энергіи. Изъ двухъ, болѣе или менѣе равносильныхъ націй, въ нынѣшнемъ положеніи вещей перевѣсъ получитъ непремѣнно та, въ которой развитіе общественнаго ума или образованіе стоитъ выше, — будетъ ли вопросъ касаться отношеній научныхъ, литературныхъ, промышленныхъ или даже военныхъ.

Продолжая дальше разсужденіе о содѣйствіи государства дѣлу высшей науки, Ренанъ не считаетъ даже возможными тѣхъ понятій о предпочтеніи того или другого отдѣла человѣческаго знанія, которыя, какъ мы сейчасъ упоминали, крѣпко держатся въ нашей публицистикѣ извѣстнаго направленія.

«Прибавимъ, — говоритъ Ренанъ, — что въ дѣлѣ науки не могутъ имѣть мѣста тѣ возраженія, которыя можно поставить противъ

роли государства въ дѣлахъ вкуса. Было бы очень неудобно и странно, еслибы государство имѣло какое-нибудь одно мнѣніе въ дѣлѣ искусства или поэзіи. Для этого нужно, чтобъ у него былъ извѣстный теоретическій догматъ, классическій или романтическій, чтобы оно вмѣшивалось въ вещи абсолютно свободныя и предоставленныя выбору каждаго. *Напротивъ*, покровительствуя *наукѣ*, государство не рѣшаетъ никакого спорнаго мнѣнія. Здѣсь дѣло идетъ о положительныхъ изысканіяхъ, подверженныхъ, конечно, тысячѣ разныхъ сужденій, но гдѣ индивидуальный вкусъ не имѣетъ никакого мѣста. Государство не обязано заботиться о томъ, чтобы всегда были люди, занимающіеся сочиненіемъ трагедій или эпопей, но оно обязано заботиться, чтобы всегда были люди, занимающіеся научнымъ изслѣдованіемъ. Поощряя эти изслѣдованія, оно не беретъ сторону ни одной школы, оно служитъ только общему движенію мысли. Въ обществѣ гораздо болѣе усовершенствованномъ (чѣмъ современное), и гдѣ высшее образованіе будетъ гораздо больше распространено, такія поощренія были бы ненужны; но въ нашемъ отечествѣ онѣ совершенно необходимы. Всего чаще наука обработывается именно людьми, принужденными жить своимъ трудомъ. А наука, источникъ всякаго прогресса, сама по себѣ непроизводительна. Она обогащаетъ того, кто примѣняетъ ее къ практическому дѣлу, а не настоящаго автора открытій. Ни Ньютонъ, ни Лейбницъ не извлекли никакихъ денежныхъ выгодъ изъ своего открытія дифференціальнаго исчисленія. Истинные основатели химіи не воспользовались громадными промышленными состояніями, какія созданы были ихъ открытіями. Это справедливо, потому что за ними остается слава. Во всякомъ случаѣ это неизбѣжно. Итакъ, общество должно вступиться въ это дѣло, чтобы исправить эту необходимую несправедливость, которой плодами оно пользуется, или, вѣрнѣе, чтобы сдѣлать затрату на предпріятіе, выгоды котораго оно получитъ».

Понятно, что эта «затрата» была бы дѣйствительно только «затрата», а не какая-нибудь благосклонность или меценатство: сдѣлавши затрату, оно получитъ выгоду; не сдѣлавши, не получитъ. Это простой промышленный, экономическій разсчетъ.

Обращаемся опять къ нашимъ ходячимъ понятіямъ. Въ грубомъ пониманіи научной пользы, науки до сихъ поръ дѣлятся у насъ обыкновенно на «полезныя» и «безполезныя», или даже «вредныя»; подъ первыми разумѣются тѣ, отъ которыхъ видятъ прямую, непосредственную выгоду; подъ вторыми тѣ, отъ которыхъ подобной выгоды не видятъ, а иногда видятъ и вредъ такъ-называемаго вольнодумства. Понятно, что въ подобномъ разумѣніи вещей наука приравнивается къ портняжному или столярному ремеслу, польза которыхъ также совершенно непосредственна. Какъ ни дико подобное разумѣніе, оно, или очень близкое къ нему, еще недавно высказывалось, однако, въ отечественной

публицистикѣ. Къ сожалѣнію, публицисты выражали здѣсь мнѣнія, которыя еще крѣпко живутъ въ нашемъ обществѣ, какъ наслѣдіе старины. И, къ сожалѣнію, общество наше еще не скоро поймет, что подобныя дѣленія наукъ невозможны, что «вредныхъ наукъ» не существуетъ, что невозможно поощрять одной науки, преслѣдуя или стѣсняя въ тоже время другую. Ренану пришлось осуждать подобный предразсудокъ и во французскомъ обществѣ, гдѣ онъ не имѣетъ, конечно, такихъ грубыхъ формъ, какъ у насъ, но все-таки обнаруживается въ пренебреженіи науки и въ грубомъ меркантильномъ пониманіи ея.

«Великая опасность нашихъ обществъ, — говоритъ онъ, — есть *близорукость*. Люди думаютъ только объ одномъ поколѣніи.—Въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ (говоритъ очень хорошо Біо) физическія и химическія науки наполнили міръ своими чудесами. Пароходство, электрическій телеграфъ, газовое освѣщеніе или электрическій свѣтъ, употребленіе солнечныхъ лучей какъ орудія рисунка, печати, гравюры, сотни другихъ человѣческихъ чудесъ, которыхъ я не стану перечислять, произвели въ народахъ громадное и всеобщее изумленіе. Тогда недумающая толпа, не понимая причинъ, стала видѣть въ наукѣ только ея результатъ и, какъ дикарь, она охотно согласилась бы срубить дерево, чтобы имѣть плодъ. Говорите теперь съ ней о предварительномъ изученіи, о теоріяхъ физики или химіи, которыя, давно выработанныя въ тишинѣ кабинета, дали существованіе этимъ чудесамъ. Хвалите ей математику, этотъ животворный корень всѣхъ положительныхъ наукъ. Она не станетъ васъ слушать. Къ чему теоретиковъ? Развѣ Лагранжъ и Лапласъ устроивали фабрики или заводы? Вотъ что ей нужно. Толпа хочетъ только пользоваться. Для нея результатъ есть все; она не знаетъ предыдущаго и пренебрегаетъ имъ.

«Такія разсужденія, — замѣчаетъ Ренанъ, — справедливо осуждаемыя Біо, дѣлаетъ не столько невѣжественная толпа, сколько притязательная и пошлая посредственность; но совершенно справедливо то, что эти фальшивыя разсужденія составляютъ истинную опасность новѣйшихъ обществъ, особенно французскаго общества.»

Мы сказали бы, — особенно русскаго общества. Потому что, дѣйствительно, гораздо спокойнѣе можно смотрѣть на дальнѣйшую судьбу науки въ странѣ, которая имѣла уже въ этомъ отношеніи свое славное прошедшее, владѣетъ драгоцѣнными научными традиціями, — чѣмъ въ другой странѣ, гдѣ наука только-что начинаетъ свои первые самостоятельные шаги, и можно сказать, почти еще не касалась великихъ и самыхъ коренныхъ вопросовъ человѣческаго знанія....

Поводъ къ приведеннымъ разсужденіямъ Ренанъ находитъ въ своемъ разсмотрѣніи средствъ высшаго образованія во Франціи. Какъ мы видѣли, онъ придаетъ высшему образованію величайшую, первостепенную

пенную важность во всемъ умственномъ, нравственномъ и политическомъ существованіи націи. Между тѣмъ его далеко не удовлетворяетъ положеніе высшихъ образовательныхъ учрежденій Франціи, начиная съ коллегій до факультетовъ и Colège de France. Этотъ послѣдній, представляемый нѣкогда замѣчательными талантами, каковы были его профессора: Гизо, Вильменъ, Мишле, Кузенъ и др., имѣлъ тогда свою блестящую и привлекательную сторону, но и тогда не могъ, а теперь можетъ еще меньше, служить правильной научной школой, и вводить начинающаго серьёзнымъ и послѣдовательнымъ образомъ въ методы и строгіе пріемы науки. Что̀ касается до фалькутетовъ, они всю цѣль своихъ стремленій полагаютъ въ извѣстной классической дрессировкѣ, чисто внѣшней выучкѣ литературнымъ пріемамъ, гдѣ только не многіе, и то благодаря однимъ личнымъ дарованіямъ, могутъ потомъ пріобрѣсти недостающее, а большинство остается внѣ серьёзной науки, съ одной заученной декламаціей. Словомъ, крайняя рутина, школьное риторство — вотъ основныя черты и главный плодъ этого разряда *«классическаго»* образованія; а затѣмъ эти учрежденія совершенно отстали отъ движенія науки. Лучшее, что̀ здѣсь было сдѣлано французскими силами, было обязано личнымъ талантамъ, которыхъ было много, но не самой системѣ высшаго образованія.

Это положеніе вещей отражается на цѣлой роли Франціи въ научномъ движеніи. Эта роль теперь уже далеко не та, какой она была прежде.

«Не будемъ скрывать, — говоритъ Ренанъ: — это отсталость, о которой слѣдуетъ подумать. На тѣхъ новыхъ путяхъ, на которые вступила европейская мысль въ послѣднія сто лѣтъ, Франція потеряетъ свое мѣсто, если будетъ держаться за свои старыя традиціи легкаго остроумія. Допустимъ, что Франція теперь столько же умна, сколько и прежде; вѣрно по крайней мѣрѣ то, что этотъ умъ теперь не нравится такъ, какъ прежде. Этотъ умъ уже не служитъ больше закономъ для Европы. Многочисленная группа просвѣщенныхъ людей, которые съ ревностью и успѣхомъ стремятся отвлечь Англію отъ ея отсталыхъ привычекъ (de ses habitudes arriérés), эта группа вся обращена къ *Германіи* [1]). Италія, Греція, которыя пробуждаются теперь, не идутъ въ школу во Францію; они идутъ въ Германію. Россія уже сто лѣтъ отправилась туда и остается тамъ».

Авторъ указываетъ и для Франціи путь этой серьёзной, и вмѣстѣ независимой школы, и съ обычной увѣренностью француза, конечно, не сомнѣвается въ успѣхѣ:

---

[1]) Отсталыя привычки, о которыхъ говоритъ Ренанъ, относятся къ англійскому,— оксфордскому и кембриджскому,—классицизму, который столько же безплоденъ, сколько и французскій и теперь, какъ извѣстно, возбудилъ наконецъ сильную оппозицію противъ себя со стороны разумныхъ людей англійскаго общества.

«Франція именно отличается привилегіей — умѣть приноравливаться ко всему (se plier à tout) и отличаться даже въ томъ, что она заимствуетъ. Въ настоящую минуту Франція довольно невѣжественна: она думаетъ, что ей говорятъ очень смѣлыя вещи, когда говорятъ вещи элементарныя; но, не заблуждайтесь, завтра она уже овладѣетъ ими»...

Ренанъ питаетъ глубокое уваженіе къ нѣмецкой наукѣ, которая съ конца прошлаго столѣтія основала своими энергическими и смѣлыми трудами цѣлый рядъ новыхъ изученій и дала совершенно новый видъ человѣческому знанію. Онъ отдаетъ нѣмцамъ полное предпочтеніе и приписываетъ имъ почти исключительную заслугу въ созданіи новаго историческаго знанія, съ его многоразличными отраслями. Въ то время, — говоритъ онъ, — когда германскія школы систематически работали надъ своей великой задачей, французы не участвовали въ этой работѣ, за исключеніемъ только немногихъ уединенныхъ тружениковъ. «Въ дѣлѣ критики, самый умный изъ людей не шелъ дальше наивнаго или ребяческаго непониманія старой школы. Вольтеръ не понималъ ни Библіи, ни Гомера, ни греческаго искусства, ни древнихъ религій, ни христіанства, ни среднихъ вѣковъ. Онъ дѣлалъ превосходное дѣло, онъ основывалъ терпимость, справедливость, здравое общественное мнѣніе: признаемъ его заслугу, мы живемъ тѣмъ, что онъ основалъ; но въ области мысли мы научились у него не многому. Онъ не былъ въ традиціи широкаго просвѣщенія; отъ него не произошло никакого истинно плодотворнаго ряда изслѣдованій и трудовъ. Вольтеръ не создалъ школы. Я вижу, что вышло отъ Декарта, Ньютона, Канта, Нибура, Шлегелей, Гумбольдтовъ; но не вижу, что вышло бы отъ Вольтера.»

О настоящемъ положеніи дѣла въ Германіи Ренанъ говоритъ такимъ образомъ:

«Въ наше время, движеніе нѣмецкихъ университетовъ хотя и упало, но все-таки оно еще очень блестяще и составляетъ главную часть серьёзнаго труда человѣческой мысли. Въ наукахъ физическихъ и математическихъ, эти великія школы, быть можетъ, имѣютъ еще соперниковъ; но въ наукахъ историческихъ и филологическихъ ихъ превосходство таково, что можно считать, что Германія, въ этихъ изученіяхъ, оказываетъ больше заслугъ, чѣмъ вся остальная Европа вмѣстѣ. Обширное возстановленіе греческихъ и латинскихъ текстовъ, совершавшееся въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, есть дѣло Германіи. Сравнительная филологія есть созданіе Германіи. Историческая критика обязана ей если не созданіемъ ея, то по крайней мѣрѣ наиболѣе обширными примѣненіями. Только въ археологіи и въ ученыхъ путешествіяхъ слава ея имѣетъ себѣ равныхъ. Нѣмецкій университетъ послѣдней величины, Гиссенъ или Грейфсвальдъ, съ своими маленькими узкими обычаями, своими бѣдными и неловкими чудаками-профессо-

рами, своими худощавыми, голодающими приватъ-доцентами, дѣлаетъ больше для человѣческой мысли, чѣмъ аристократическій Оксфордскій университетъ, съ своими милліонными доходами, своими блестящими коллегіями, богатымъ жалованьемъ, своими лѣнивыми fellows.»

Изъ этихъ словъ читатель можетъ видѣть, какъ высоко цѣнитъ Ренанъ нѣмецкую науку. Онъ безусловно ставитъ ее выше того, что́ съ своей стороны Франція можетъ представить въ этомъ отношеніи,—сужденіе, любопытное уже тѣмъ, что мы слышимъ его отъ французскаго писателя, а французскій писатель, какъ извѣстно, вообще вовсе не склоненъ признавать чужое превосходство, когда рѣчь идетъ о сравненіи чужого съ національнымъ французскимъ. Нѣмецкая наука возбуждаетъ удивленіе Ренана и громадностью, смѣлостью своихъ трудовъ, и самой внѣшней организаціей. Нѣмецкій университетъ потому и могъ совершить столько великихъ предпріятій въ области науки, что его наука совершенно свободна, или по крайней мѣрѣ имѣетъ на столько свободы, сколько только можетъ давать современная жизнь. Широта научныхъ воззрѣній именно и утверждалась на этой свободѣ мысли, которой не связывала никакая навязываемая рутина и полицейско-клерикальный надзоръ. Ренанъ какъ будто затрудняется помирить это высокое умственное превосходство Германіи съ ея политическимъ безсиліемъ [1]). Въ политическомъ отношеніи движеніе Германіи дѣйствительно могло казаться медленнымъ и не соотвѣтствующимъ удивительному развитію ея научной дѣятельности. Но затрудненіе рѣшено было, и совершенно вѣрно, самимъ Ренаномъ, когда онъ указывалъ побѣдители при Садовой—въ сѣверно-нѣмецкой наукѣ, въ свободѣ ея философіи и критики. Потому что это умственное движеніе восполняло недостатокъ практическаго политическаго воспитанія націи; и нѣмецкая наука не была одной формалистикой и мертвымъ педантизмомъ. Ея лучшія имена не рѣдко встрѣчались въ этой непосредственной политической сферѣ (напр., Нибуръ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Бунзенъ); философія, исторія, политическія науки, при своей научной свободѣ, доставляли запасъ теоретическихъ познаній, которыя даже внѣ практическихъ примѣненій развивали разумное пониманіе вещей и отношеній политической и общественной дѣйствительности. Служа своимъ высокимъ отвлеченнымъ цѣлямъ, нѣмецкая наука вовсе не была такъ далека отъ жизни и такъ мертво безучастна къ ней, какъ думаютъ и любятъ иногда говорить наши почитатели науки для науки. Нѣтъ, она не была такова: какъ отвлеченность, она, конечно, была чужда мелкимъ житей-

---

[1]) Эти разсужденія его писаны были до прусско-австрійской войны; указывая на это, Ренанъ спрашиваетъ: — не станетъ ли теперь вопросъ иначе, и вступленіе Германіи на поприще политической и общественной дѣятельности не сдѣлается ли ея интеллектуальнымъ упадкомъ?

скимъ интересамъ и частнымъ вопросамъ, но ея носителями были живые люди, на которыхъ отражалось ея вліяніе, сообщавшее имъ — уваженіе къ изслѣдованію, свободу критики и извѣстныя нравственныя требованія. Безъ этого, въ чемъ же бы и состояло ея значеніе для личнаго человѣческаго развитія? Она превращалась бы въ формальную канцелярскую работу, — чѣмъ она, впрочемъ, и дѣлается нерѣдко у вышеупомянутыхъ нашихъ чтителей науки для науки... Шлоссеръ былъ настолько же моралистъ, насколько историкъ; Гервинусъ — настолько же политической мыслитель; у великихъ классическихъ ученыхъ Германіи изученіе классическаго міра создавало, кромѣ чисто историческаго результата, также и результатъ нравственный — извѣстный идеалъ человѣческаго и гражданскаго достоинства, переходившій изъ книги въ правило жизни. Таковы были многіе изъ знаменитыхъ классиковъ Германіи, напр. недавно умершій Бёкъ; недавно намъ случилось читать тоже о другомъ знаменитомъ нѣмецкомъ филологѣ Боппѣ, основателѣ сравнительнаго языкознанія, умершемъ въ концѣ прошлаго года. «Политическіе и религіозные взгляды Боппа, — говоритъ его біографъ, также извѣстный филологъ Адальбертъ Кунъ, — развились на той же почвѣ благородной человѣчности, какъ и другія черты его характера; въ политикѣ онъ удалялся партій, такъ легко впадающихъ въ несправедливости, но онъ былъ преданъ истинному человѣческому прогрессу, — онъ питалъ живой интересъ къ развитію политической жизни, и съ готовностью, и безъ страха исполнялъ свои гражданскія обязанности. Въ разговорахъ о предметахъ религіи никто бы не могъ подумать, что онъ былъ воспитанъ въ католицизмѣ; онъ былъ врагъ всякаго стѣсненія совѣсти» и проч.

Другая сторона, которая вызываетъ въ Ренанѣ сочувствіе къ нѣмецкой наукѣ, есть ея внѣшняя организація. Ученыя учрежденія Германіи стоятъ выше французскихъ учрежденій тѣмъ, что шире и разностороннѣе распространяютъ самыя средства знанія. Мы приводили выше его отзывы о Collége de France и его дѣятеляхъ: при всемъ уваженіи къ талантамъ послѣднихъ, Ренанъ находитъ, что нѣмецкіе ученые, вслѣдствіе организаціи ихъ ученой дѣятельности, приносятъ больше результатовъ для науки. «Ученикъ, даже второстепенный, Бёка, Боппа, Карла Риттера, оказываетъ свои заслуги, приноситъ свою пользу, участвуетъ въ научномъ движеніи времени и обработываетъ, на свою долю, одинъ изъ камней, которые войдутъ въ зданіе вѣчнаго храма: но что такое второстепенный ученикъ Кузена, Гизо, Вильмена, Мишле?»

Одна изъ статей въ книгѣ Ренана посвящена мнѣніямъ нѣмцевъ о французскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и Ренанъ приводитъ строгіе отзывы одного нѣмецкаго критика, Гана, о французскомъ «классическомъ» образованіи, — не только не приходя отъ этихъ отзывовъ въ негодованіе, но, напротивъ, совершенно признавая, что въ нихъ очень

много справедливаго. Ганъ—и самъ также рѣшительный классикъ, но классикъ нѣмецкій, который, если и самъ понимаетъ эту систему образованія довольно узко и ограниченно, то, по крайней мѣрѣ, имѣлъ резоны быть ея поклонникомъ, потому что въ своей литературѣ и наукѣ находилъ высокое пониманіе классической древности, созданное нѣмецкой школой. Французскій классицизмъ тѣмъ больше поражаетъ его своей мертвой рутиной. Отзывы Гана могутъ быть не безъ интереса и для насъ, какъ предостереженіе о томъ, во что́ можетъ вырождаться хваленое классическое образованіе, даже тамъ, гдѣ, какъ во французской школѣ, есть повидимому много основаній ожидать его успѣшнаго развитія — и общее признаніе, и старая привычка, и, въ литературѣ, большой запасъ замѣчательныхъ трудовъ по изученію древняго міра. Если при подобныхъ условіяхъ классицизмъ могъ упасть до такой безполезной рутины, какъ во Франціи, — то сколько можно опасаться того же въ другихъ обстоятельствахъ, менѣе благопріятныхъ, какъ у насъ?

«Университетъ [1]), — говоритъ Ганъ, — ставя классическую древность главнымъ и почти исключительнымъ предметомъ занятій, имѣлъ притязаніе оказать неоцѣненную услугу цивилизаціи, а также и воображаемому преобладанію французской образованности въ Европѣ; онъ тщеславно настаиваетъ на этомъ благодѣяніи, чтобы поддержать интересы своего абсолютнаго господства; и однакоже, несомнѣнно, что въ сущности онъ не имѣетъ правильнаго понятія объ истинномъ характерѣ гуманистическихъ изученій. Онъ обильно накопляетъ классическій матеріалъ, но не умѣетъ оживить его; античныя формы находятся въ ежедневномъ обращеніи и переходятъ изъ рукъ въ руки; но пониманіе античной красоты отсутствуетъ въ глубокой степени: онъ трудолюбиво собираетъ камни для постройки, но они никогда не возвышаются въ гармоническое зданіе; отъ сухого упражненія ума учащійся никогда не переходитъ къ жизненному питанію всего духовнаго человѣка. Все ограничивается узкими и пошлыми примѣненіями: вмѣсто того, чтобы укрѣплять умственныя способности, вмѣсто общаго развитія, въ которомъ бы красота формы гармонировала съ прогрессомъ мысли, школа сообщаетъ только удивительное искусство — скрывать отъ самого себя и отъ другихъ пустоту мысли подъ внѣшней, блестящей и пышной формой. Университетъ воображаетъ, что онъ хранитъ и продолжаетъ филологическія преданія Портъ-рояля; націи обѣщаются плоды, подобные плодамъ, произведеннымъ этой энергической школой, обѣщается новый золотой вѣкъ въ литературѣ; но эти люди не замѣчаютъ, что изъ всей этой классической образованности они схватили

[1]) Французскій «Университетъ» означаетъ общую сложность учебныхъ заведеній, вѣдомство народнаго просвѣщенія.

только шелуху, а не плодъ, и эта образованность, вмѣсто того, чтобы возвышать душу, только усиливаетъ зло времени, совершенно преданнаго внѣшности и глубоко зараженнаго погоней за матеріальными интересами. Духъ узкаго формализма есть главная характеристическая черта французскаго обученія; это вовсе не настоящее образованіе ума; это — его карикатура.

«Если надо — говоритъ Ганъ — сохранить классическимъ занятіямъ въ воспитаніи юношества то преобладаніе, которое они въ теченіе вѣковъ пріобрѣли съ полнымъ правомъ и ко благу народовъ; если они должны противодѣйствовать нетерпѣливому матеріалисту, единственно думающему о непосредственныхъ интересахъ [1]), если должны дѣлать это классическія занятія, дѣйствіе которыхъ почти вполнѣ безкорыстно, — то для этого абсолютно необходимо, чтобы истинный характеръ, существенныя и глубокія выгоды такого воспитанія для самихъ учителей вышли изъ тумана традиціоннаго уваженія и сдѣлались глубокимъ убѣжденіемъ. Скептическое общество нельзя увлечь пустыми фразами, противъ которыхъ легко будетъ имѣть силу первый осязательный аргументъ реалистовъ. Надо извинить свѣтскихъ людей, если они не видятъ цѣны классическаго образованія, предпочитаютъ для молодыхъ людей изученіе новѣйшихъ литературъ вмѣсто мертвыхъ языковъ, и думаютъ, что лучше узнаютъ классическія произведенія древности съ помощью хорошихъ переводовъ, чѣмъ путемъ десятилѣтняго изученія. Всѣ эти легкіе аргументы берутъ верхъ, если имъ будутъ противопоставлять только мнимую педагогію, въ сущности столько же банальную, которая трактуетъ древніе языки точно также какъ и новые, которая меньше вводитъ въ духъ древнихъ, въ гармоническое развитіе ихъ мысли, чѣмъ можетъ это сдѣлать сносный переводъ....

«Со всѣхъ сторонъ слышатся стереотипныя фразы о прелести и простотѣ классическаго изученія и его пользѣ для умственнаго развитія; но, кромѣ этихъ фразъ, кромѣ этихъ общихъ мѣстъ, мы не найдемъ въ сознаніи и въ практикѣ большинства учителей никакого

---

[1]) Предупредимъ небольшое возможное недоразумѣніе. Пусть не подумаетъ читатель, что здѣсь идетъ рѣчь о томъ матеріализмѣ, о которомъ вопіютъ наши классики, разумѣя подъ нимъ всякія положительныя стремленія образованія и, между прочимъ, развивающійся интересъ къ естествознанію; — Ганъ довольно образованный человѣкъ, чтобы это слово можно было принять у него въ подобномъ значеніи. Рѣчь идетъ здѣсь именно о томъ непосредственномъ, практическомъ матеріализмѣ (которымъ наше общество, напр., страдаетъ гораздо больше, чѣмъ первымъ), который состоитъ въ отсутствіи всякихъ нематеріальныхъ интересовъ, не заботится ни о какомъ знаніи, даже считаетъ его вреднымъ; вслѣдствіе котораго, вмѣсто всякаго нравственнаго интереса, является одинъ владычествующій интересъ — «обдѣлыванье дѣлъ», набираніе «матеріальныхъ» благъ, и при случаѣ ловля рыбы въ мутной водѣ.

принципа, никакой путеводной звѣзды. Изученіе древнихъ языковъ, изъ *средства*, какимъ оно было, стало само *цѣлью* воспитанія....»

И понятно, что *эта* цѣль становится совершенно жалкой и ничтожной. Ганъ справедливо называетъ этого рода изученіе псевдо-гуманизмомъ, потому что, дѣйствительно, трудно придавать какое-нибудь, достойное древнихъ, значеніе той педагогической рутинѣ, въ которую впадаетъ классицизмъ вездѣ, кромѣ нѣсколькихъ лучшихъ учебныхъ учрежденій Германіи, гдѣ онъ могъ стать истинно образовательнымъ средствомъ только благодаря широкому научному пониманію, — которое, въ свою очередь, возможно только при широкомъ и нестѣсняемомъ научномъ развитіи.

Итакъ, если ставить классицизмъ краеугольнымъ камнемъ національнаго образованія, передъ нимъ два пути: — на одномъ изъ нихъ, очень трудномъ и требующемъ истиннаго признанія правъ и независимости науки, онъ можетъ сдѣлаться, хотя и далеко неполнымъ для настоящаго времени, но все еще цѣннымъ образовательнымъ средствомъ; на другомъ — ему грозитъ судьба стать только каррикатурой, какой признаютъ его компетентные люди во Франціи, и даже въ Англіи.... и какой, къ сожалѣнію, мы уже видѣли разъ его у себя.

Независимость науки составляетъ тему статей Ренана по поводу Collége de France. Его отношеніе къ этому учрежденію состоитъ въ томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ назначенъ на каѳедру еврейскаго, халдейскаго и сирійскаго языковъ, которая оставалась вакантной со смерти Катрмера. Ренанъ принялъ каѳедру, но послѣ первой же вступительной лекціи онъ долженъ былъ прекратить свой курсъ; потомъ онъ остался только номинальнымъ профессоромъ, и чтобы исполнить обязательство, соединенное съ этимъ званіемъ, онъ даромъ читалъ частный курсъ у себя дома нѣсколькимъ лицамъ, занимавшимся восточными языками.—Предметомъ его публичнаго курса должна была быть таже чисто спеціальная восточная филологія; но онъ, по обычаю, нашелъ нужнымъ посвятить одну лекцію общему указанію важности предстоявшаго изученія. Эта лекція, которая потомъ могла свободно явиться въ печати, возбудила однако крайнее озлобленіе клерикальной партіи, и она нашла возможность немедленно прекратить курсъ, — хотя уже слѣдующая лекція должна была заниматься халдейской грамматикой, и всѣ дальнѣйшія лекціи по самому плану должны были ограничиться исключительной филологіей. Года черезъ три министерство и совершенно отставило Ренана. Въ своей статьѣ Ренанъ сообщаетъ подробности и акты этого дѣла, и по его поводу говоритъ о томъ, каково бы должно быть нормальное отношеніе государства къ конфессіональной сторонѣ высшаго національнаго образованія.

«Я много говорилъ въ этомъ томѣ,—замѣчаетъ онъ во введеніи,— о Collége de France, его характерѣ и достоинствѣ. Для меня это лю-

бимый предметъ. Я много думалъ о немъ около 1860 г., когда по разнымъ признакамъ можно было полагать, что есть надежда на лучшіе дни для общественныхъ интересовъ. Ораторскіе курсы въ Collége de France, на подобіе курсовъ временъ реставраціи, не казались мнѣ ни возможными, ни желательными. Курсы этого рода, болѣе способные выказывать талантъ профессора, чѣмъ образовывать сужденіе и характеръ слушателя, повредили у насъ научному духу. Будучи продолжаемы робко, они могутъ кончиться только большой посредственностью. Кромѣ того, подобныя торжественныя чтенія предполагаютъ политическую свободу и такое состояніе общественнаго мнѣнія, какого (говорю это съ сожалѣніемъ) въ наше время нѣтъ... Стѣсненія и оффиціальное лицемѣріе порождаютъ въ молодыхъ людяхъ буйство: нѣмецкіе университеты, гдѣ свобода мысли абсолютная, не знаютъ этихъ шумныхъ сценъ. Я думалъ, поэтому, что за недостаткомъ блестящихъ упражненій временъ реставраціи, можно думать о преподаваніи болѣе научномъ, чѣмъ литературномъ, скорѣе спеціальномъ, чѣмъ ораторскомъ, о такомъ преподаваніи, которое бы почерпало свою силу въ полной искренности, удалялось отъ всякой политики не по робости, а по уваженію къ истинѣ, не искало успѣха въ намекахъ, не дѣлало никакихъ уступокъ. Мечтать въ наше время о Сорбоннѣ временъ Гизо, Кузена, Вилльмена, было бы химерой; но мы завтра же могли бы имѣть, вокругъ Collége de France, научное движеніе, которому позавидовалъ бы Берлинъ...

«Пора бы, наконецъ, понять характеръ той роли, которую государство должно играть въ высшемъ образованіи! Когда государство выбрало человѣка, котораго компетентныя корпораціи представляютъ ему какъ человѣка достойнаго, его отвѣтственность исполнена. То, что профессоръ затѣмъ говоритъ, касается только профессора. Протестанты, евреи, свободные мыслители жаловались ли, что Озанамъ проповѣдовалъ въ парижскомъ словесномъ факультетѣ чистѣйшій католицизмъ? Конечно, нѣтъ; потому что достоинства Озанама признаны. Для его назначенія было достаточное основаніе; а разъ будучи назначенъ, онъ былъ совершенно свободенъ излагать свой предметъ такъ, какъ онъ его понималъ. Но когда, по выбору компетентныхъ корпорацій получаетъ каѳедру протестантъ, еврей, свободный мыслитель, онъ также долженъ быть свободенъ излагать свои мнѣнія... Когда католическій проповѣдникъ оскорбляетъ насъ, мы вовсе не жалуемся, что не имѣемъ права отвѣчать ему; мы не стоимъ за свободу оскорбленія: если бы мы имѣли это право (какъ этого требовала бы равноправность), мы бы имъ не воспользовались. Но если католикъ можетъ громко излагать свои мнѣнія на свѣтской каѳедрѣ, и если мы не можемъ излагать своихъ на этой же самой каѳедрѣ, это несправедливо. Законъ не говоритъ, что для того, чтобы быть членомъ корпораціи

для высшаго образованія, нужно быть католикомъ. Стало быть, не-католики принуждены или скрывать свои мнѣнія, или видѣть себя исключенными изъ профессіи открытой для всѣхъ? Къ такимъ слѣдствіямъ надо придти, если принимать, что государство прямо отвѣтственно за все, что преподается на учрежденныхъ имъ каѳедрахъ. Не очевидно ли, что возложить на государство такую отвѣтственность значитъ поразить ничтожествомъ всѣ публичныя учрежденія? Мало найдется людей съ высшимъ дарованіемъ, которые возьмутъ на себя обязательство нравиться всѣмъ. Такое чудо могло бы совершиться только тогда, когда профессоръ согласился бы благоразумно молчать обо всемъ, что́ деликатно, то есть именно о томъ, чѣмъ сто́итъ заниматься. Если бы высшее образованіе было такимъ образомъ сведено къ искусству все притуплять, все сглаживать, лучше было бы уничтожить его вовсе»...

Конечно, Франція въ настоящую минуту еще не въ такомъ положеніи, чтобы подобная широкая свобода мысли, восхищающая Ренана въ нѣмецкомъ университетѣ, могла найти мѣсто во французскихъ учрежденіяхъ. Господство клерикальной партіи несовмѣстимо и съ тѣнью этой свободы, какъ Ренанъ могъ видѣть на собственномъ примѣрѣ, и лицемѣріе большинства долго будетъ давать перевѣсъ партіи Дюпанлу, Вёльо и т. д.

Наконецъ, послѣднія статьи въ книгѣ Ренана посвящены изложенію современнаго религіознаго положенія французскаго общества. Эти статьи могутъ служить любопытнымъ указаніемъ о направленіи мнѣній въ той части французскаго общества, которая не идетъ за клерикалами. Ренанъ не вѣритъ въ либерализмъ «нео-католиковъ», съ другой стороны не сомнѣвается однако въ будущности католицизма, хотя для его дальнѣйшаго существованія все-таки считаетъ необходимымъ его преобразованіе, и въ близкомъ будущемъ предвидитъ расколъ, который отдѣлитъ въ католицизмѣ долю, вѣрную ультрамонтанству и неподвижности, и другую долю, которая откажется отъ фантастическихъ притязаній папства и будетъ искать примиренія съ новымъ просвѣщеніемъ.

Расширяя далѣе этотъ вопросъ, Ренанъ приводитъ много интересныхъ соображеній о религіозно-политическомъ ходѣ вещей; отъ римскаго вопроса переходитъ къ восточному и т. д. Относительно этого послѣдняго, очень интересны замѣчанія Ренана о стремленіяхъ католичества на Востокѣ, гдѣ оно встрѣчается съ противодѣйствіемъ греческой церкви, для которой, по мнѣнію автора, можетъ открыться здѣсь обширная будущность...

А. Н—въ.

ЗЕМСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

САМАРСКОЕ ЗЕМСТВО.

I.

Земское дѣло есть *исключительно мѣстное*, поэтому изучать его можно только на мѣстѣ, и, говоря о немъ, прежде всего необходимо познакомить ближе и самихъ читателей съ мѣстностію.

Самарская губернія [1]), по величинѣ, занимаетъ *шестое* мѣсто въ европейской Россіи, уступая только Архангельской, Вологодской, Оренбургской, Пермской и Астраханской. Она занимаетъ 2,885 кв. миль, или 12.057,911 дес. *удобной* земли, и больше пространствомъ Баваріи, Дунайскихъ княжествъ и пр. Но, не смотря на громадное свое протяженіе, Самарская губернія принадлежитъ къ числу *многолюдныхъ*, т. е. имѣющихъ болѣе $1\frac{1}{2}$ милліона, и за ней слѣдуетъ непосредственно, по абсолютному числу населенія, Тверская. Такая численность населенія происходитъ вслѣдствіе того, что Самара до сихъ поръ представляетъ у насъ нѣчто въ родѣ западныхъ американскихъ территорій: къ ней направленъ непрерывный и сильный токъ колонизаціи извнутри Россіи. Между 1816—1834 годомъ, колонизація эта происходила въ такихъ размѣрахъ, что въ этотъ періодъ населеніе николаевскаго и новоузенскаго уѣзда увеличилось болѣе нежели на 50% и изъ нихъ 23% приходилось на долю поселенцевъ. Въ 1836 г., слободы Мечетная и Чертакла переименованы въ Николаевскъ и Новоузенскъ, съ открытіемъ двухъ новыхъ уѣздовъ, а въ 1850 г. образована Самарская губернія. Оттого здѣсь повторяются въ названіяхъ селеній имена большинства внутреннихъ городовъ, а трактъ изъ Николаевска въ Саратовъ напоминаетъ названія большинства швейцарскихъ кантоновъ. Великоруссы, малоруссы, бѣлоруссы, татары, башкиры, киргизы, мордва, чуваши, нѣмцы изъ Швейцаріи, Вестфаліи, Бадена, Пфальца, изъ окрестностей Данцига, сошлись здѣсь на привольныхъ степяхъ и размѣстились бо́льшею частію отдѣльными сплошными мѣстностями,

[1]) Описаніе населенныхъ мѣстностей: «Самарская губернія». Изд. Мин. Вн. Д.

скученные въ большихъ селеніяхъ, иногда же перемѣшанные между собою до такой степени, что «въ одной и той же деревнѣ и типы поселянъ, и говоръ ихъ, и костюмы весьма разнообразны, какъ бы на какой выставкѣ».

Самарская губернія вытягивается по лѣвому берегу Волги, не переходя за ея черту, и, какъ большинство нашихъ губерній, рѣкой Самарой дѣлится на двѣ части: *сѣверную*, — (уѣзды бугульминскій, бугурусланскій, ставропольскій и сѣверныя половины уѣздовъ самарскаго и бузулукскаго), — и *южную*: уѣзды николаевскій, новоузенскій и южныя части самарскаго и бузулукскаго. Сѣверная половина, холмистая, относительно многолюдная, покрыта болѣе густымъ слоемъ чернозема и въ ней существуютъ остатки лѣсовъ, даже уцѣлѣли порядочные боры и рощи, на значительныхъ сплошныхъ пространствахъ большею частію принадлежащіе казнѣ. (Бузулукскій боръ около 60.000 десятинъ.) Это полоса *древней колонизаціи*, и потому населеніе здѣсь гораздо плотнѣе и,—за исключеніемъ бугульминскаго уѣзда, гдѣ на 39% русскаго населенія,—остальные приходятся на долю башкиръ (29%), татаръ (15%), мордвы и чувашей (15%),—здѣсь преобладаютъ поселенцы изъ внутреннихъ великороссійскихъ губерній. Плотнѣе всего великорусское племя приклонилось къ Волгѣ, занимая самый населенный ставропольскій уѣздъ и сѣверную часть самарскаго: за ними слѣдуютъ, по населенію, бугульминскій, сѣверная часть бузулукскаго и бугурусланскій уѣзды. Въ этой же полосѣ сосредоточилось незначительное живущее на мѣстахъ помѣщичье населеніе самарской губерніи [1]). Въ хозяйственномъ отношеніи, полоса эта принадлежитъ къ трехпольной системѣ и производитъ рожь, отчасти низкорослый сѣменный ленъ, овесъ и низшіе сорты пшеницы—русскую и переродку. Но за то здѣсь, при глубокомъ слоѣ чернозема — земли менѣе истощаются, и по этой причинѣ, — вмѣстѣ съ бо́льшею густотою населенія и болѣе сильнымъ запросомъ, сдаточныя или арендныя, цѣны на земли держатся ровнѣе, и въ *среднемъ выводѣ*, выше нежели въ южной полосѣ.

Южная полоса, начиная съ самаго почти лѣваго берега Самары, дѣлается болѣе ровною, открытою и наконецъ вовсе переходитъ въ степь, которая постепенно склоняется къ югу,—къ Каспійскому морю, и, чѣмъ южнѣе, тѣмъ маловоднѣе и суше. Почва здѣсь носитъ признаки недавно осушившагося морского дна: черноземный пластъ тоньше и къ югу все болѣе и болѣе переходитъ въ солончаки; лѣсовъ нѣтъ, рѣчки текутъ во впадинахъ, образовавшихся на равнинѣ степей, почва скудна растительностію даже вблизи рѣкъ, берега которыхъ одѣты тальникомъ и высокими и густыми камышами: въ нихъ кроются ка-

[1]) Въ Памят. кн. на 1863-4 годъ показано дворянъ въ самарскомъ уѣздѣ 236 ч., ставропольскомъ 103, бузулукскомъ 120, бугурусланскомъ 97, бугульминскомъ 72, николаевскомъ 42, новоузенскомъ 12, (всего 693).

баны и сайги, попадаются дикія лошади, водится драфа. Населеніе здѣсь несравненно рѣже: въ ставропольскомъ уѣздѣ на кв. милю приходится 842 чел., а въ новоузенскомъ 202. Главную инородческую примѣсь составляютъ здѣсь нѣмецкія колоніи, въ которыхъ считается до 94,000 душъ; кромѣ того, татары и мордва; въ новоузенскомъ же уѣздѣ сосредоточились малороссіяне (20%). Это полоса *залежнаго* хозяйства и земли безъ отдыха здѣсь скоро истощаются, — но на нихъ растутъ высшіе сорта пшеницы, — бѣлотурка и арнаутка; здѣсь высшія цѣны на сдачу земель подъ пшеницу и просо несравненно выше сдаточныхъ цѣнъ нагорной полосы; но за то они, смотря по густотѣ населенія, удобству сбыта и степени залежи понижаются до самыхъ крайнихъ предѣловъ, отъ 10 до 2 р. за десятину. Хлѣбопашество даетъ здѣсь громадный, но невѣрный доходъ: его сравниваютъ съ банковою игрою, которая или обогащаетъ человѣка или надѣваетъ на него кошель. Въ хорошій годъ, такъ называемая *сотенная* самарская десятина даетъ до 200 и болѣе пудовъ урожая пшеницы, такъ что обыкновенная (казенная) десятина приноситъ 75—80 р. и болѣе *чистаго дохода*; при неурожаѣ, не сбирается и сѣменъ. Вообще въ послѣднее время на измѣненіе землевладѣнія и хозяйства въ самарской губерніи имѣли сильное вліяніе: 1) раздача пожалованныхъ земель; 2) дозволеніе продажи башкирскихъ земель; и 3) пріобрѣтеніе удѣломъ значительныхъ помѣщичьихъ владѣній. Раздача пожалованныхъ земель, до недавняго ея прекращенія, происходила въ самыхъ сильныхъ размѣрахъ; роздано было по настоящее время:

Въ самарскомъ	уѣздѣ	14,544 д. (Е. И. В. принцу Гессенскому).
» ставропольскомъ	»	14,436 » (гр. М. Н. Муравьеву).
» бугульминскомъ	»	18,251 »
» бугурусланскомъ	»	21,550 »
» бузулукскомъ	»	115,670 »
» николаевскомъ	»	529,734 »
» новоузенскомъ	»	175,858 »
Итого . . .		890,043 д.

Такимъ образомъ, въ одномъ николаевскомъ уѣздѣ считается въ настоящее время до 90 новыхъ крупныхъ владѣній, на пространствѣ 350,000 д., принадлежащихъ отсутствующимъ лицамъ высшаго государственнаго управленія. Но большинство пожалованныхъ и въ особенности башкирскихъ земель скупается купцами. Такъ г. Плешановъ купилъ недавно 30,000 д., гг. Шехабаловъ и Мальцевъ составили себѣ огромныя владѣнія (по 100,000 д.) изъ пожалованныхъ земель. Посѣвы, предпринимаемые купечествомъ, громадны: есть посѣвы пшеницы по 5 и 6,000 десятинъ, на новяхъ или залежахъ, на обработку которыхъ приходятъ лѣтомъ тысячи рабочихъ изъ другихъ губерній. Такимъ образомъ, вмѣсто *переселеній*, какъ въ прежнее время, здѣсь

возникаетъ самый невыгодный для крестьянъ *отхожій промыслъ въ рабочую пору.*

Между тѣмъ, такое скопленіе громадныхъ поземельныхъ пространствъ въ рукахъ промышленниковъ, привыкшихъ извлекать возможно бо́льшій доходъ изъ затраченнаго капитала, никакъ нельзя признать полезнымъ, въ смыслѣ правильнаго народнаго хозяйства. Самарскія поселенія до сихъ поръ сохранили свой колонизаціонный типъ: здѣсь вы не встрѣтите выселковъ, небольшихъ деревень въ 5—6 дворовъ, которые раскинулись въ сѣверныхъ губерніяхъ. Ватага переселенцевъ занимала, не разбиваясь, «облюбленныя мѣста», и такъ они остались до сихъ поръ. Крестьянинъ не дорожитъ здѣсь, какъ на сѣверѣ, *ободворными землями.* На безнавозный посѣвъ цѣлое большое село спокойно отправляется за 30—40 верстъ, молотитъ на полѣ, бросаетъ солому и привозитъ зерно: такъ продолжается это хищническое хозяйство, до тѣхъ поръ пока почва совершенно не истощится и перестаетъ родить. Самая инерція казеннаго управленія обращалась во́ благо странѣ: нетронутыя залежи сохраняли богатый и необходимый запасъ для будущихъ поколѣній. Но дѣвственной почвы,—«цѣлины» мало уже осталось въ самарской губерніи: что́ будетъ дѣлать въ непродолжительномъ времени, въ своихъ безлѣсныхъ степяхъ, — это, привыкшее брать безъ труда богатый оброкъ съ природы, населеніе!!... Кромѣ того, самарская губернія, послѣ черниговской и полтавской занимаетъ первое мѣсто *въ разведеніи табаку*, которымъ занимаются исключительно нѣмецкіе колонисты въ николаевскомъ и новоузенскомъ уѣздахъ. Первыми его разводителями въ приволжскомъ краю были голландскіе выходцы, въ колоніи Екатериненштадтѣ николаевскаго уѣзда, около 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія; оттуда оно распространилось и по другимъ колоніямъ. Г. Груммъ-Гржимайло, въ статьѣ «о табачной промышленности», говоритъ, что въ 1858 г., по свѣдѣніямъ казенной палаты, табаководствомъ занимались 5766 производителей, на пространствѣ 6,396 десятинъ и собирали до 453,941 п. табаку, преимущественно русскаго или мохорки [1]). Весь этотъ табакъ отправляется для обработки за предѣлы губерніи, и единственная туземная *общественная* табачная фабрика существуетъ въ колоніи Золотурнъ.

Видное мѣсто занимаетъ также Самарская губернія въ *скотоводствѣ* и *отпускѣ сала* и *кожъ* въ обѣихъ ея полосахъ. Скотоводство особенно развито въ бузулукскомъ уѣздѣ, гдѣ у нѣкоторыхъ владѣльцевъ есть стада тонкорунныхъ овецъ. Салотопенные заводы самые значительные въ Самарѣ (9 заводовъ), затѣмъ въ Бузулукѣ и во всей

---

[1]) Въ 1862 г., разведеніемъ табаку занималось 5,939 человѣкъ, на пространствѣ 4,829 десятинъ: собрано было табаку русскаго 142,472 пуда, американскаго 91,186 п., виргинскаго 14,113 п., турецкаго 717 пуд.—Пам. кн. Сам. губ. за 1863—64 годъ.

губерніи, незначительные. Въ 1867 г., Самара отправила до 600,000 п. сала, преимущественно бараньяго, на сумму 2.700,000 р. Главная отпускная пристань, послѣ Самары, г. Бузулукъ. Кожи скупаютъ въ Самарской губерніи, преимущественно крестьяне села Богородскаго, Нижегородской губерніи, и сбываютъ на казанскіе кожевенные заводы.

Но, во всякомъ случаѣ, главную статью отпускного торга въ Самарѣ составляетъ *хлѣбъ*,—ежегодный его отпускъ съ одной самарской пристани простирается отъ 5½ до 7 милліоновъ рублей. Если положить, что всѣ прочія пристани торгуютъ только на половину этой суммы, то ежегодный отпускъ изъ губерніи простирается свыше 10 милліоновъ руб. сер. Главныя пристани на Волгѣ: Самара, Екатериновка, Балаково, Екатериненштадтъ и Покровскій городокъ; изъ другихъ пристаней замѣчательны: Старая Майна, одинъ изъ главныхъ рынковъ ржи и ржаной муки для сѣверной части Самарской и южной части Казанской губ., и Хрящевка на устьѣ Черемшана въ ставропольскомъ уѣздѣ; село Духовницкое и нѣкоторыя колоніи въ николаевскомъ уѣздѣ и пр. Изъ внутреннихъ рынковъ, которыхъ по нѣскольку въ каждомъ уѣздѣ, значительнѣе другихъ мелексескій заводъ въ ставропольскомъ уѣздѣ, кр. Черемшанская и Кинель-черкаская слобода, с. Сороки бузулукскаго уѣзда и г. Бузулукъ.

Кромѣ хлѣба, Самара служитъ пристанью, черезъ которую идетъ значительное количество илецкой соли и бухарско-хивинской бумаги. Въ настоящее время, предположенное утвержденіе Самарско-Оренбургской желѣзной дороги, съ вѣтвью на Илецкую-Защиту, обѣщаетъ Самарѣ еще болѣе блистательную будущность. Оренбургскій генералъ-губернаторъ лично приглашалъ самарское земство и купечество принять участіе въ этомъ предпріятіи: составился особый комитетъ, въ которомъ присутствуютъ губернскій предводитель, членъ отъ земства и городской голова. Но, насколько мы успѣли присмотрѣться, вопросъ этотъ не затрогиваетъ особенно здѣшняго общества. Капиталистовъ въ Самарѣ мало; тѣ, которые есть, получаютъ значительный барышъ отъ хлѣбной торговли, а свободные капиталы давно уже обращены въ государственныя бумаги, приносящія процентъ выше 5% гарантіи. На значительный же дивидендъ, по крайней мѣрѣ на первое время, въ этомъ предпріятіи разсчитывать нельзя. Земство—особенно при отсутствіи живущихъ на мѣстѣ и заинтересованныхъ положеніемъ края землевладѣльцевъ — едвали можетъ помочь, чѣмъ нибудь, предполагаемой дорогѣ, кромѣ бумажнаго сочувствія.... Въ особенности же все самарское населеніе встревожено проведеніемъ желѣзной дороги мимо Самары, по землѣ, пожалованной принцу Гессенскому, и, конечно, въ этомъ случаѣ на участіе самарскихъ жителей разсчитывать нельзя.

Посмотримъ, насколько всѣ эти мѣстныя условія выразились въ дѣятельности мѣстныхъ земскихъ учрежденій.

II.

7 февраля 1865 г., одновременно, открылись всѣ уѣздныя собранія въ Самарской губерніи, а 28 февраля — первое по порядку или *экстренное губернское собраніе*. Между 16 и 23 февраля, собрались уѣздныя собранія въ Костромской губерніи, а съ 9 по 25 марта — первое костромское губернское. Въ мартѣ мѣсяцѣ, открылись новгородскія уѣздныя собранія, а съ 17 по 27 марта, первое новгородское собраніе; между 2 и 3 марта херсонскія уѣздныя, а съ 28 по 4 мая первое херсонское губернское собраніе. Этимъ закончилась первая очередь губернскихъ земствъ, которымъ выпало на долю положить на нашей родной землѣ первый камень мѣстному хозяйственному самоуправленію.

На разныхъ концахъ обширнаго царства, безъ связи между собою, одиноко зажглись эти маяки земскаго дѣла. Передъ нами лежали ихъ скромныя лѣтописи, съ глубокимъ уваженіемъ мы перелистывали ихъ и не искали тѣхъ видныхъ, «радикальныхъ» стремленій, которыхъ требовало отъ земства наше непривычное къ органическому труду, но рьяно бросающееся впередъ и также скоро остывающее и засыпающее общество. Нѣтъ, медленный процессъ зародышнаго развитія есть символъ долгой жизни: все скороспѣлое, въ природѣ и обществѣ, осуждено на преходящее, непрочное и безслѣдное существованіе.... Такимъ образомъ, первое мѣсто въ ряду первыхъ открывшихся уѣздныхъ собраній принадлежитъ — Самарскимъ. Неотъемлемою заслугою самарскаго земства остается то, что оно съумѣло поставить на первыхъ порахъ сословный вопросъ въ надлежащія границы: кромѣ выбора членовъ управъ изъ всѣхъ сословій, практическая точка сближенія землевладѣльческаго элемента съ крестьянскимъ весьма вѣрно указана была, на уѣздныхъ собраніяхъ, добровольнымъ сознаніемъ необходимости переложенія натуральныхъ повинностей, исключительно обременявшихъ крестьянъ, на общій земскій денежный сборъ.

Вопросъ *о переложеніи натуральныхъ повинностей* возбужденъ былъ въ самарскомъ собраніи гл. отъ крестьянъ В. В. Молинымъ, — въ отношеніи къ повинностямъ подводной, дорожной и окарауливанія арестантовъ; въ ставропольскомъ, Л. Б. Тургеневымъ, въ отношеніи къ дорожной повинности; въ новоузенскомъ и бугурусланскомъ, онъ записанъ въ общемъ журналѣ собранія, безъ указанія лицъ, его возбудившихъ. Самарское и новоузенское собраніе приняли въ принципѣ необходимость такого переложенія и поручили собраніе свѣдѣній и составленіе проектовъ управамъ,—первое собраніе вмѣнило даже своей управѣ въ обязанность составить уравнительный разсчетъ для вознагражденія сельскихъ обществъ за отбываніе повинностей натурою со времени введенія въ дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ.

Ставропольское собраніе отклонило вопросъ о дорожной повинности до будущаго времени, но признало денежную повинность окарауливанія арестантовъ, отправлявшуюся и до того времени наймомъ. Бугурусланское собраніе ограничилось простымъ заявленіемъ этого вопроса. *Жалованье гласнымъ* положено было: губернскимъ и уѣзднымъ въ Николаевскѣ, уѣзднымъ въ Бугульмѣ. *Сельскія почты* учреждены въ Ставрополѣ и Новоузенскѣ. *Вопросъ о народномъ образованіи* былъ только затронутъ въ самарскомъ и бугурусланскомъ собраніи, а въ Ставрополѣ, въ тоже время, изъ дополнительнаго сбора ассигновано пособіе сельскимъ школамъ, для учрежденія которыхъ не было дано средствъ со стороны общества или правительства, и въ которыхъ окажется не менѣе 15 учениковъ, по 360 р., на жалованье учителямъ и снабженіе ихъ книгами и пособіями. Новоузенское собраніе весьма подробно разобрало положеніе и необходимость народной медицины. Даже вопросъ, впослѣдствіи такой шумный, но не приведшій ни къ какимъ результатамъ, *объ улучшеніи быта духовенства*, бугурусланское собраніе поручило своимъ губернскимъ гласнымъ внести на обсужденіе губернскаго собранія. Напротивъ, бугульминское собраніе отстранило предложеніе гл. Глумилина объ улучшеніи судоходства по р. Ику [1]), — «хотя оно и сознавало всю его важность». На первыхъ же порахъ отдѣлились отъ другихъ своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу — самарское, ставропольское, новоузенское и бугурусланское собранія. Первыя два собранія удержали этотъ характеръ и до сихъ поръ: начатки земскаго дѣла положены въ нихъ твердою и разумною рукой. Но, къ сожалѣнію, этого никакъ нельзя примѣнить къ послѣднимъ двумъ. Въ первое же очередное губернское собраніе открылось,— что въ Николаевскѣ собраніе приняло смѣту и раскладку, составленныя управою «на вѣру», не давъ себѣ труда разсмотрѣть ихъ, а николаевскіе губернскіе гласные заявили, что тамъ большинство не дозволяетъ свободнаго заявленія своихъ мнѣній каждому изъ членовъ собранія. Бугурусланское собраніе вовсе не видало смѣты и раскладки, а разошлось, поручивъ ея составленіе управѣ. Совершенно въ противоположную крайность вдалось новоузенское земство. «На перекоръ стихіямъ», въ этомъ уголкѣ, гдѣ собираются и съ членами управы 14 — 15 гласныхъ изъ крестьянъ и колонистовъ, возникли самые прогрессивные, но на практикѣ неосуществимые и потому не принесшіе никакихъ результатовъ проекты: земство предположило открыть въ уѣздѣ высшія школы для народнаго образованія; по всѣмъ направленіямъ, въ безлюдныхъ степяхъ новоузенскаго края устроить дилижансы; купить у правительства всѣ его земли, около полумилліона де-

[1]) Рѣка Икъ (впадающая въ Каму, ниже Мензелинска) многоводна и способна къ судоходству; но мѣстные жители мало пользуются ею. Опис. Сам. губ. въ «Нас. мѣстн».

сятинъ, выпустивъ для этого на милліонъ рублей «акцій новоузенскаго земства», обезпечиваемыхъ тою самою землею, которая покупается. Между тѣмъ, смѣта новоузенскаго уѣзда на 1866 годъ разрослась до 72,000 р., и на содержаніе управы изъ 3 членовъ ассигновано было 12,550 р.! Такого рода проекты не могли принадлежать сознательно не только большинству новоузенскаго населенія, но и большинству собранія: они родились въ головѣ отдѣльныхъ лицъ. Но какъ бы чисты и высоки ни были стремленія отдѣльныхъ лицъ,—не мѣшаетъ вспомнить, что земство не должно служить слѣпымъ орудіемъ для личныхъ цѣлей и опытовъ; что самоуправленіе и самовоспитаніе народа одно и тоже; слѣдовательно, ему положительно мѣшаетъ всякое опекунство; что тратить непроизводительно земскія суммы, хотя бы и для привлекательно-гуманныхъ фантазій, никто не вправѣ, и что рано или поздно сознаніе пробуждается въ большинствѣ и достойно осуждаетъ за подобныя увлеченія.

III.

Новизна земскаго дѣла привлекала общее вниманіе на первомъ губернскомъ съѣздѣ. По словамъ «Негласнаго» лѣтописца самарскихъ собраній (Спб. Вѣдом. № 144, за 1865 годъ), большая зала, гдѣ собрались гласные, оказывалась тѣсною для зрителей; они слѣдили внимательно за преніями и разъ раздались даже рукоплесканія говорившему крестьянину,—разумѣется прерванныя замѣчаніемъ предсѣдателя; «сословія отнеслись другъ къ другу съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ». Чтобы передать характеръ этого перваго собранія, мы напомнимъ нѣсколько возбужденныхъ въ немъ вопросовъ. Гл. свящ. Грекуловъ прочелъ двѣ записки: *о народномъ образованіи* и *о пьянствѣ*. Въ послѣдней авторъ, признавая, что «противъ глубоко вкоренившагося въ нравы порока безсильны не только полицейскія, но и законодательныя мѣры», находилъ единственно возможный и дѣйствительный путь въ учрежденіи обществъ трезвости, — «силы, предъ которою дрогнулъ хотя отживщій вѣкъ свой, но все еще могущественный откупъ»; противъ этого заявленія, гл. крест. Островидовъ прочелъ записку, въ которой, не отвергая существованія въ народѣ пьянства, указалъ, — какъ на одно изъ главнѣйшихъ пособій къ его искорененію, — на *хорошій примѣръ самого духовенства*. Гласные Микулинъ и Миллеръ возбудили вопросъ о земскихъ банкахъ и высказана была мысль о пользѣ уѣздныхъ кредитныхъ учрежденій. Гл. Мухановъ перенесъ вопросъ о натуральныхъ повинностяхъ въ губернское собраніе, которое впрочемъ его отложило. Гл. Шишковъ прочелъ записку о необходимости школы для приготовленія сельскихъ учителей и записка его вызвала продолжительныя пренія о степени участія духовенства

въ дѣлѣ народнаго образованія. Предсѣдатель собранія положилъ начало разработкѣ вопроса о народномъ продовольствіи, который впрочемъ остановился на точкѣ замерзанія во всѣхъ земскихъ учрежденіяхъ. Докторъ Укке представилъ записку о состояніи и устройствѣ медицинской части въ губерніи; ветеринарный врачъ Муратовъ — записку о необходимости распространенія между крестьянами свѣдѣній о правильномъ содержаніи рабочаго скота и о лучшемъ уходѣ за нимъ.

«Если настоящее собраніе, говорилъ предсѣдатель въ своемъ обзорѣ, не принесло тѣхъ матеріальныхъ плодовъ, которыхъ можно ожидать только въ будущемъ, то нельзя не признать, что оно принесло громадную нравственную пользу... Мы съ гордостію можемъ сказать, что первый шагъ сдѣланъ нами смѣло и съ достоинствомъ... Свобода, достоинство и обдуманность, съ какими выражались мнѣнія всѣми гласными собранія, вниманіе и участіе, съ какими эти мнѣнія выслушивались и обсуждались, наконецъ взаимная снисходительность къ неизбѣжной въ началѣ столь важнаго дѣла, застѣнчивости, оказали благотворное вліяніе на всѣхъ тѣхъ, кто вступалъ въ эти стѣны съ робкимъ чувствомъ недоумѣнія... Такой характеръ дѣйствій дѣлаетъ великую честь первому земскому собранію, и заслуга его въ этомъ отношеніи тѣмъ выше, что оно указало направленіе и характеръ будущихъ земскихъ собраній. Съ каждымъ собраніемъ мы будемъ болѣе и болѣе приносить съ собою знанія и опытности, и дастъ Богъ недалеко то время, когда мы на дѣлѣ докажемъ, что достойны были тѣхъ высокихъ правъ, которыя намъ дарованы предусмотрительною державною волею»...

Земская восторженность выразилась весьма оригинально на первыхъ очередныхъ уѣздныхъ собраніяхъ, въ концѣ сентября и началѣ октября 1865 года. Тогда сложился во всѣхъ уѣздахъ (кромѣ бугурусланскаго) проектъ немедленнаго переложенія натуральныхъ повинностей, и земскій бюджетъ въ Самарской губерніи, безъ мировыхъ учрежденій прежде составлявшій не болѣе 40,000 р. ежегоднаго сбора, вдругъ выросъ до громадной цифры болѣе *полумилліона!* Къ сожалѣнію, уѣздныя собранія весьма поверхностно взглянули на это дѣло. Такъ, подводная повинность, издавна существующая въ видѣ найма ямщиковъ на стоечныхъ пунктахъ сельскими обществами и соединенная со множествомъ злоупотребленій и невыгодныхъ послѣдствій, закрѣплялась въ этомъ видѣ, и шесть уѣздовъ на нее ассигновали 164,163 руб. Гл. Мухановъ, во второмъ очередномъ собраніи, между прочимъ, вычисляетъ, что, при этихъ издержкахъ, — на разъѣзды всякаго должностного лица предполагается истратить ежегодно 2,800 р. т. е. «цифру, представляющую крайнее безобразіе». «Положительно невозможно, даже не выходя изъ экипажа, проѣздить въ круглый годъ такую сумму въ предѣлахъ одного уѣзда». Но, предполагая такіе гро-

мадные расходы, — управы не озаботились объ уравнительной ихъ раскладкѣ, нѣкоторыя остановились на валовой подесятинной раскладкѣ, новоузенская освободила земли казенныя и удѣльныя отъ участія въ раскладкѣ при переложеніи повинностей, а напротивъ обложила скотъ, принадлежащій частнымъ владѣльцамъ, по самой возвышенной оцѣнкѣ, и т. д.

Въ первое же очередное губернское собраніе поступилъ протестъ губернатора противъ этихъ смѣтъ и раскладокъ. Въ протестѣ этомъ губернаторъ оспаривалъ у земскихъ учрежденій, противъ этихъ смѣтъ и раскладокъ, право переложенія натуральныхъ повинностей въ денежныя *до выполненія* 62 ст. Пол. зем. учр., т. е. предварительнаго раздѣленія натуральныхъ повинностей на губернскія и уѣздныя губернскимъ собраніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ право назначенія какого-либо *пособія гласнымъ* губернскимъ и уѣзднымъ. Въ отношеніи къ раскладкамъ, губернаторъ возражалъ: а) противъ права обложенія владѣльческаго скота новоузенскимъ собраніемъ, b) противъ способа привлеченія къ налогу торговыхъ свидѣтельствъ въ новоузенскомъ и ставропольскомъ уѣздахъ, гдѣ капиталъ, представляемый свидѣтельствами, сравненъ былъ съ извѣстнымъ земельнымъ участкомъ [1]) и подвергнутъ одинаковому размѣру сбора. Губернаторъ находилъ, что предметъ земскаго обложенія составляютъ *платимыя въ казну пошлины;* что же касается до капиталовъ, обращающихся въ торговыхъ предпріятіяхъ, то земство не только не имѣетъ никакихъ средствъ привести изъ въ извѣстность, но даже *не имѣетъ права производить о нихъ какія нибудь розысканія.* с) Губернаторъ находилъ казенныя земли вообще излишне обложенными и притомъ указывалъ на необходимость раздѣленія земель на *населенныя, ненаселенныя* и *лѣсныя.* «Всѣ земли, пріуроченныя къ селеніямъ и составляющія такъ называемые душевые надѣлы, *независимо отъ ихъ естественной производительности,* имѣютъ особенную цѣнность, какъ земли густонаселенныя, удобныя для селитьбы, и изъ которыхъ *масса водворенныхъ на нихъ рабочихъ силъ* извлекаетъ наибольшій доходъ. Отсюда *первое естественное дѣленіе земель на населенныя* и *ненаселенныя,* которое всегда признавалось и самимъ законодательствомъ. Оправданіе такого дѣленія на практикѣ можно видѣть изъ свѣдѣній о *сдаточныхъ цѣнахъ на землю по удѣльному вѣдомству:* земли населенныя, т. е. *отрѣзанныя отъ крестьянскихъ обществъ* (бывшія прежде подъ общественною распашкою) сдаются по двойной цѣнѣ противъ другихъ оброчныхъ участковъ». Этотъ протестъ, какъ сейчасъ увидимъ, послужилъ программою и исходною точ-

[1]) Въ Ставропольскомъ уѣздѣ 1-я гильдія приравнена 500 десятинамъ, 2-я—200 десятинамъ, въ Новоузенскомъ 2-я гильдія принята за капиталъ въ 1000 р., а 1-я въ 4⅓ раза болѣе.

кою всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій самарскаго губернскаго земства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, далъ направленіе и ходу дѣлъ въ уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ.

Губернское собраніе первой очередной сессіи рѣшило всѣ эти вопросы слѣдующимъ образомъ:

1) Собраніе единогласно признало противозаконнымъ всякое назначеніе пособія отъ земства, хотя бы и на путевыя издержки гласнымъ губернскимъ и уѣзднымъ.

2) Оно единогласно исключило изъ новоузенской раскладки обложеніе владѣльческаго скота и согласилось съ мнѣніемъ губернатора объ обложеніи въ пользу земства только *пошлинъ*, платимыхъ въ казну за право торговли и промысла, а не самыхъ *капиталовъ*.

3) По вопросу о раздѣленіи земель на заселенныя, незаселенныя и лѣсныя, коммиссія согласилась съ губернаторомъ. Она признала: 1) что понятіе о различной цѣнности земель населенныхъ и ненаселенныхъ, признаваемое нашимъ законодательствомъ, главнымъ образомъ основано на томъ наглядномъ признакѣ, что посредствомъ возведенія жилыхъ построекъ и хозяйственныхъ заведеній, къ землѣ пріурочивается капиталъ, необходимый для извлеченія выгодъ изъ естественной производительности почвы, чѣмъ и возвышается *цѣнность* земли; 2) что повсемѣстно замѣчается одно общее явленіе, а именно: земли увеличиваются въ цѣнности, по мѣрѣ приближенія ихъ къ центрамъ населенія, независимо отъ условій естественной производительности; фактъ этотъ подкрѣпляется тѣмъ, что повсемѣстно съ проведеніемъ дорогъ и улучшеніемъ сообщенія, другими словами, съ приближеніемъ отдаленныхъ мѣстностей къ рынкамъ сбыта, — цѣны на земли возвышаются; 3) что близость земель отъ населенныхъ мѣстъ имѣетъ прямое вліяніе не на одну ихъ цѣнность, но на *доходность*; 4) что сбереженіе лѣсовъ, требующее довольно значительныхъ затратъ, сопряжено съ самыми жизненными интересами для всего края, такъ какъ имъ обусловливаются климатическій характеръ мѣстности и въ особенности предохраненіе края отъ засухъ; 5) что по неравномѣрности распредѣленія лѣсовъ въ уѣздѣ, значительныя сплошныя ихъ массы въ сѣверныхъ частяхъ губерніи, гдѣ сбытъ на лѣса очень ограниченъ, даютъ гораздо низшій доходъ не только противъ заселенныхъ земель въ той же мѣстности, но и противъ небольшихъ отдѣльныхъ лѣсныхъ дачъ въ южной степной полосѣ губерніи. Но соглашаясь такимъ образомъ съ *принципомъ* раздѣленія земель на населенныя, ненаселенныя и лѣсныя, коммиссія, а вслѣдъ за нею и собраніе, признали, что ненаселенныя земли казны, удѣла и частныхъ владѣльцевъ находятся въ совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ, и требуемое протестомъ губернатора пониженіе въ обложеніи только однѣхъ *казенныхъ* земель не можетъ быть уважено. Мы увидимъ ниже, что гу-

бернское и большинство уѣздныхъ собраній ввели предложенное начальникомъ губерніи дѣленіе въ раскладки на 1867 годъ.

4) Вопросъ о переложеніи повинностей, какъ видно, сильно волновалъ собраніе и дѣлилъ его на два противоположные лагеря: защитниковъ и противниковъ переложенія. Во главѣ вторыхъ стоялъ предсѣдатель собранія, Ю. Ѳ. Самаринъ, и гласные, члены коммиссіи, — Рихтеръ, Болтуновъ и Мухановъ; противоположное мнѣніе поддерживали остальные два члена коммиссіи, гласные—Молинъ и Жедринскій, и гласные Островидовъ, Осыка, Чарыковъ и др. Мнѣніе этой послѣдней стороны формулировано совершенно ясно гл. Молинымъ: «Отбываніе дорожной и подводной повинности натурою, а не деньгами, положительно неудобно и тягостно для сельскаго населенія и отлагать перенесеніе ихъ на денежный сборъ, на неопредѣленное время, впредь до раздѣленія губернскимъ собраніемъ, нѣтъ никакого основанія, когда такое переложеніе становится явно необходимымъ. При рѣшеніи этого вопроса должна быть на первомъ планѣ общая польза населенія, отбывающаго повинности и сознанная въ томъ потребность уѣзднаго земства; а потому отлагать безъ особенно-важныхъ причинъ, перенесеніе натуральныхъ повинностей на уѣздный денежный сборъ, когда оно признано уже необходимымъ изъ семи уѣздовъ—*шестью*, значило бы замедлять ходъ самаго полезнаго дѣла, ко вреду огромнаго большинства населенія. Отказъ уѣзднымъ собраніямъ въ переложеніи натуральныхъ повинностей убьетъ въ самомъ зародышѣ то довѣріе къ земскимъ учрежденіямъ, которымъ они лишь начали пользоваться и породитъ нерѣшительность въ дѣйствіяхъ этихъ учрежденій, въ кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ». Противники переложенія основывались главнымъ образомъ на діалектическомъ толкованіи статей Положенія и понятія о губернскихъ и уѣздныхъ повинностяхъ; экономической стороны коснулся только слегка предсѣдатель. «Повидимому, сказалъ онъ, каждый уѣздъ въ настоящее время надѣется разрѣшить трудную задачу переложенія повинностей на деньги, не обременяя сосѣдей; но воздержность эта нисколько не ручается за будущее,—ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, какъ скоро сдѣлано будетъ распредѣленіе переложенныхъ на деньги повинностей на два разряда — губернскихъ и уѣздныхъ, — такъ каждый уѣздъ получитъ право требовать, чтобы вся та часть отбываемыхъ въ границахъ его повинностей, которая признана губернскою, отнесена была на губернскія средства. Только тогда каждый уѣздъ на опытѣ почувствуетъ тягость, принятую имъ не только за себя, но и за другихъ. *Во избѣжаніе позднаго, безплоднаго сожалѣнія и неисправимыхъ ошибокъ*, желательно, чтобы каждый уѣздъ не прежде приступалъ къ обложенію самого себя, «какъ получивъ возможность оглянуть и сообразить тѣ тягости, которыя должны пасть на него, вслѣдствіе такихъ же распоряженій сосѣд-

нихъ уѣздовъ. Поэтому-то законъ и призналъ необходимымъ, чтобы переложеніе натуральныхъ повинностей на деньги предшествовало раздѣленію ихъ на губернскія и уѣздныя». Собраніе, большинствомъ 24 голосовъ противъ 21, признало, что «уѣздныя собранія имѣли право перекладывать повинности на деньги, *до раздѣленія ихъ на губернскія и уѣздныя.*»

Уѣздныя смѣты и раскладки по протесту начальника губерніи поступили въ сенатъ. Слѣдующія очередныя собранія въ уѣздахъ, въ сентябрѣ и октябрѣ 1866 года, имѣли въ виду опротестованныя раскладки, а заключеніе сената, высказанное въ указѣ только отъ 17 ноября 1866 года, было имъ неизвѣстно. Одни по прежнему внесли расходы на переложеніе, другія исключили, нѣкоторыя уменьшили даже расходы на другіе предметы — на народное образованіе, на медицинскую часть, и т. д. Ставропольская управа заявила о совершенной недостаточности денежныхъ средствъ земства даже на содержаніе управы. Между тѣмъ, указъ сената, внесенный на второе очередное губернское собраніе въ декабрѣ 1866 г., признавая *неправильными* статьи *раскладокъ*, опротестованныя начальникомъ губерніи, опредѣлилъ оставить *эти раскладки* безъ измѣненія, «въ видахъ устр недостатковъ въ самыхъ сборахъ и возможности удовлетворенія обязательныхъ расходовъ земства», но въ то же время сенатъ указалъ, чтобы земскія собранія, при первомъ ихъ созывѣ, составили новыя раскладки, во всемъ согласно съ установленными правилами, съ тѣмъ, чтобы излишки сбора съ казенныхъ земель по нынѣшнимъ, *признаннымъ неправильными* раскладкамъ, были зачтены казеннымъ землямъ въ будущіе платежи». Коммиссія опять раздѣлилась: гласные Рихтеръ и Жедринскій (тотъ самый, который въ прежнее собраніе былъ *за переложеніе*) признали необходимымъ ходатайствовать у сената «о разрѣшеніи оставить безъ исполненія признанныя сенатомъ неправильными раскладки». Предложеніе это было мотивировано тѣмъ: а) что при исполненіи раскладокъ 1866 г., земство Самарской губерніи должно будетъ уплатить въ теченіе 1867 г. два сбора: за 1866 и 1867 г. что́ составитъ въ первое полугодіе 1867 г. около 650,000 р., что, особенно при неурожаѣ въ двухъ уѣздахъ, было бы слишкомъ обременительно; b) что вознагражденіе за излишніе сборы должно быть произведено не только въ пользу казны, но и другихъ владѣльцевъ незаселенныхъ земель, которыхъ губернское собраніе, въ сессію 1865 г., признало имѣющими съ казною одинаковое право, а это поведетъ къ крайней запутанности счетоводства и затруднитъ дѣйствія управъ; c) что обязательные расходы и главнѣйшіе изъ необязательныхъ удовлетворяются и могутъ быть удовлетворены въ теченіе 1867 г. изъ наличныхъ земскихъ сборовъ и остатка до 100,000 р. сер., разрѣшеннаго собраніемъ первой очередной сессіи на удовлетвореніе расхо-

довъ 1866 года; но было бы явною несправедливостію взыскивать неправильные сборы для покрытія такихъ расходовъ, которые *хотя и могутъ принести пользу*, но *вмѣстѣ съ тѣмъ не безусловно обязательны для земства*. Другіе два члена коммиссіи, гласные Молинъ и Бабкинъ остались въ этомъ случаѣ на чисто-*легальной* почвѣ: принимая во вниманіе, что сенатъ разрѣшилъ введеніе раскладокъ на 1866 г. безъ всякихъ исключеній и единственно подъ условіемъ за это въ пользу казенныхъ земель, они требовали, чтобы разрѣшенныя къ приведенію въ дѣйствіе раскладки порядкомъ, указаннымъ въ ст. 94, 95 и 96 Пол. Зем. Учр., были сообщены уѣзднымъ земскимъ управамъ, для исполненія; всякое же о нихъ разсужденіе или распоряженіе губернскаго собранія они считали съ его стороны «превышеніемъ власти». Собраніе, большинствомъ 17 голосовъ противъ 9-ти, рѣшило: «ходатайствовать о разрѣшеніи—оставить безъ исполненія уѣздныя раскладки на 1866 г.» Сенатъ, разумѣется, согласился на это ходатайсто, но мотивировалъ это согласіе, между прочимъ, тѣмъ, что «на такое рѣшеніе губернскаго собранія не было заявлено протеста со стороны уѣздныхъ земскихъ учрежденій», котораго, впрочемъ, и не могло послѣдовать, такъ какъ съ того времени уѣздныя собранія не открывались. Между тѣмъ, въ ту же вторую очередную сессію губернское собраніе, согласно новому протесту губернатора, исключило изъ уѣздныхъ смѣтъ статью расхода на переложеніе натуральныхъ повинностей въ 1867 году, и въ тоже время, приступивъ къ раздѣленію повинностей на губернскія и уѣздныя, собраніе, главное яблоко раздора, *подводную* повинность, вмѣстѣ съ дорожною и окарауливаніемъ и провожаніемъ арестантовъ, содержимыхъ при становыхъ квартирахъ, — признало *повинностями* [1]) *уѣздными*. Рядомъ съ этимъ, изъ путей сообщенія, всѣ существующія въ губерніи семь почтовыхъ трактовъ и два торговыхъ, собраніе признало *губернскими*, а остальные уѣздными. Но опять возникаетъ вопросъ: имѣетъ ли право каждое уѣздное собраніе исправленіе натурою лежащаго въ предѣлахъ уѣзда почтоваго тракта, признаннаго *губернскимъ*, обратить на денежную повинность, безъ согласія губернскаго собранія? Такимъ образомъ, на дѣятельность уѣздныхъ земскихъ собраній въ Самарской губерніи нельзя смотрѣть иначе, какъ до нѣкоторой степени на вынужденную и ограниченную обстоятельствами, и только съ этой точки зрѣнія заключеніе о достигнутыхъ результатахъ можетъ назваться справедливымъ.

Н. КОЛЮПАНОВЪ.

---

[1]) Повинности расквартированія войскъ и арестантско-этапная остались безъ раздѣленія, ибо самарское земство ходатайствуетъ объ отнесеніи ихъ на государственный счетъ.

ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

1-го іюля, 1868 г.

Путешествіе принца Наполеона въ земли Австріи и Турціи, филологическія изслѣдованія относительно славянскихъ языковъ, предпринятыя французскимъ законодательнымъ корпусомъ, съ цѣлью замѣнить единственное число въ программѣ Collége de France, по предмету каѳедры *славянскаго языка*, множественнымъ числомъ: *славянскихъ языковъ;* федеративныя стремленія въ Австріи, и «конституціонный султанъ» въ Турціи; наконецъ, ко всему этому печальная катастрофа въ Сербіи, послѣдствія которой едва ли можно предвидѣть въ настоящее время — все это собралось вмѣстѣ, улеглось въ рамкѣ почти одного мѣсяца, но, къ счастью, дѣло ограничивается пока сталью пера дипломатовъ и публицистовъ. Во всякомъ случаѣ, политическій центръ тяжести въ эту минуту находится на востокѣ, гдѣ болѣе всего горючаго матеріала, и если бы существовали общества для застрахованія насъ отъ войны, какъ устроены общества, страхующія отъ града, огня и бурь, то премія страхователей отъ войны значительно бы повысилась въ прошломъ мѣсяцѣ.

Правда, въ послѣднее время, наша внутренняя политика освободилась до нѣкоторой степени отъ оковъ, наложенныхъ на нее вѣнскимъ конгрессомъ, который приковалъ нашу внутреннюю политику къ дѣламъ внѣшнимъ,—но освободилась только до нѣкоторой степени. Въ рукахъ западной дипломатіи находилось прежде всегда готовое средство, легкая возможность потрясти тѣми оковами, чтобы замедлить ходъ нашего внутренняго развитія, не объявляя намъ войны, не истративъ на то ни одного солдата и ни одного су: сто́ило дать намъ работу на западной границѣ, внутри государства; а этой работы намъ давали уже не мало, такъ что удивляешься только терпѣнію тѣхъ, которые всегда изъявляли готовность быть орудіями весьма незамысловатой политики западныхъ державъ. Что «вѣнскіе оковы» на насъ только ослабли, но далеко еще не сброшены совсѣмъ, мы это видимъ и по направленію своей публицистики за послѣднее время; въ виду выше-

приведенныхъ фактовъ, и сосредоточившихъ общее вниманіе на востокѣ, у насъ снова и усиленнѣе заговорили и о польскомъ вопросѣ, и о такъ-называемомъ положеніи западнаго края, настаивая на необходимости — вопросъ уничтожить, и разговоръ о «положеніи», и притомъ «исключительномъ», прекратить, такъ какъ вообще лучше двигаться, чѣмъ находиться въ безконечномъ положеніи, съ рискомъ, какъ говорится, отлежать себѣ бокъ.

Между множествомъ высказанныхъ мыслей по этому поводу, мы обращаемъ вниманіе на одну замѣчательную, во многихъ отношеніяхъ, передовую статью «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»; въ ней весьма трезво взглянули на условія, при которыхъ наша печать могла *бы* хорошо послужить своему обществу, и мы бы съ этимъ согласились безусловно, еслибъ Василій Шуйскій, въ извѣстной нашимъ читателямъ, новой трагедіи гр. А. К. Толстаго, не сдѣлалъ замѣчанія относительно всяческихъ *бы*:

Кабы! Кабы
У бабушки бородушка была,
Такъ былъ бы дѣдушка!

«Только тогда печать наша — говоритъ тотъ публицистъ — можетъ съ пользою выполнить свою роль по отношенію къ дѣламъ западнаго края, когда она обратитъ особое вниманіе на *критику отношеній къ дѣлу самихъ русскихъ дѣятелей въ краѣ*, отношеній къ нему самого русскаго общества и въ томъ числѣ и самой печати». Но отъ публициста, высказавшаго эту истину, не могло скрыться, и не скрылось въ дѣйствительности, то обстоятельство, что первое поставленное имъ условіе было бы удобоисполнимо, *«еслибъ* на мѣстѣ, въ самомъ западномъ краѣ, печать находилась въ другихъ условіяхъ, и *еслибъ* у насъ вообще укоренился свойственный теперь другимъ европейскимъ странамъ обычай ясно и обстоятельно говорить о дѣйствіяхъ лицъ, которые призваны вершать важныя общественныя дѣла». Но справедливость требуетъ сказать, что такой обычай не можетъ у насъ укорениться и потому, что велика еще сила старыхъ привычекъ публицистики, сложившихся въ ту эпоху, когда, по невозможности полемизировать съ лицами дѣйствующими, мы ограничивались спорами пишущихъ между собою. Эта невозможность значительно ослабла, но сила привычки сохранилась, а оттого у насъ въ обиходѣ болѣе мнѣній, и мнѣній самыхъ разнообразныхъ, нежели дѣлъ.

Всѣ совершённыя великія реформы въ послѣднюю эпоху могутъ служить сами по себѣ достаточнымъ ручательствомъ, что правительство совершенно иначе смотритъ на печать; но мы выросли въ прежнемъ режимѣ, и намъ съ трудомъ иногда вѣрится, что печать несетъ теперь совсѣмъ другія обязанности. Мы читали не далѣе какъ въ 1862 г., по поводу вопроса, возбужденнаго въ высшихъ сферахъ объ

одной газетной статьѣ, сильно обличавшей какого-то дѣятеля, слѣдующую резолюцію высокопоставленнаго лица, которая дѣлаетъ честь нашему времени: «Въ настоящемъ случаѣ, въ помянутой статьѣ описываются дѣйствія нѣкоторыхъ чиновъ, выказывающія недостатокъ пониманія ими своихъ обязанностей и нѣкоторую небрежность въ исполненіи оныхъ, которыя безъ означенной статьи остались бы неизвѣстны высшему, а можетъ и непосредственному начальству. Я не полагаю, чтобы такое обличеніе частныхъ недостатковъ могло поколебать довѣріе и кредитъ вѣдомства, но думаю, что оно послужитъ острасткою тѣмъ, до кого касается, и побудитъ ихъ къ болѣе рачительному исполненію обязанностей; притомъ и вы справедливо изволили замѣтить, что запрещеніе подобныхъ статей могло бы возбудить въ публикѣ ложное мнѣніе, что правительство потворствуетъ безпорядкамъ». Такія слова принадлежатъ исторіи и украшаютъ ее.

Вошедшая въ пословицу «исключительность западнаго края», при внимательномъ ея разсмотрѣніи, можетъ оказать скорѣе исключительностью положенія нашихъ *общихъ* дѣлъ; подъ такою исключительностью мы разумѣемъ необходимость для кого-нибудь дѣйствовать одними экстраординарными мѣрами, быть непослѣдовательными, имѣть въ виду одну настоящую минуту. Вслѣдствіе того, человѣку всегда приходится въ одномъ углу поддерживать то, съ чѣмъ онъ борется въ другомъ, и наоборотъ. И напрасно бы такой человѣкъ считалъ исключительнымъ положеніе того мѣста, гдѣ онъ дѣйствуетъ такъ-называемыми исключительными мѣрами, потому что причина такой исключительности лежала бы въ немъ самомъ; другой, на его же мѣстѣ, нашелъ бы достаточно въ себѣ средствъ быть вѣрнымъ справедливому принципу, не опасаясь пагубныхъ для себя послѣдствій. Высочайшій указъ 25 мая (объ облегченіи наказанія политическимъ преступникамъ вообще и молодымъ людямъ, принимавшимъ участіе въ польскомъ возстаніи), помимо своего высокаго значенія, какъ акта монаршаго великодушія, можетъ быть разсматриваемъ, какъ знакъ того, что необходимость исключительныхъ мѣръ ослабѣваетъ, что наша увѣренность въ собственной правотѣ и силѣ растетъ, и мы приготовляемся вступить въ область общихъ мѣръ, успѣхъ которыхъ будетъ обусловливаться уже не спорами противоположныхъ мнѣній и страстей, а контролемъ надъ собственною своею дѣятельностью, и надъ тѣми, на кого она возлагается или будетъ возлагаться.

Открытіе въ прошломъ мѣсяцѣ с.-петербургскаго земскаго собранія — второе явленіе, которое мы относимъ къ разряду утѣшительныхъ знаковъ нашего времени. Исключительное положеніе с.-петербургскаго земства, изъ котораго происходило исключительное положеніе для самаго хозяйства цѣлой губерніи, теперь окончилось. Мы не имѣемъ подъ рукою необходимыхъ данныхъ, но было бы весьма лю-

опытно воспользоваться прошедшимъ годомъ для наблюденія, какую разницу представила стоимость управленія губерніею безъ земства, по сравненію съ тѣмъ управленіемъ, которое обходится земству. Тогда можно было бы весьма близко опредѣлить выгоду или невыгоду различныхъ системъ администраціи, и во что́ обошлась для губерніи замѣна одного управленія другимъ. Во всякомъ случаѣ, одною изъ главныхъ задачъ земскаго хозяйственнаго самоуправленія должно быть удешевленіе собственнаго механизма и привлеченіе къ равномѣрному участію въ повинностяхъ всего, что́ пользуется землею такъ или иначе; только при такомъ условіи, мы получимъ возможность вести хозяйство лучше, нежели оно было ведено до сихъ поръ. Мы страдали въ народномъ хозяйствѣ не оттого, что намъ была неизвѣстна польза хорошихъ дорогъ, благоустроенныхъ и многочисленныхъ школъ, больницъ и т. д.; пользу всего этого мы знали, но мы не имѣли къ тому средствъ, а не имѣли средствъ потому, что не собирали доходовъ въ полномъ размѣрѣ, за различными льготами и исключеніями. Одинъ формализмъ земскаго хозяйственнаго самоуправленія не заключаетъ еще въ себѣ никакихъ свойствъ «философскаго камня», обращавшаго все въ золото; самая мысль о земствѣ возникла отчасти вслѣдствіе недостаточности прежнихъ административныхъ способовъ и порядковъ, а потому, не должно удивляться, если земство будетъ часто находиться въ необходимости ходатайствовать объ измѣненіи того или другого изъ прежняго порядка вещей; сила не въ формахъ земскаго хозяйства, а именно въ надеждахъ, что имъ будутъ открыты и указаны источники прежняго неустройства, что эти открытія и указанія будутъ имъ доведены до правительства, и что, наконецъ, ходатайство земства, которое есть собственно ходатайство самой страны, будетъ услышано и принято во вниманіе. Безъ земства, мы не имѣли законнаго органа для изслѣдованія нуждъ страны и для ходатайства объ этихъ нуждахъ. Нужды продолжали быть нуждами, а молчаніе объ этихъ нуждахъ принималось за знакъ благоденствія страны; препятствія къ успѣшному веденію хозяйственныхъ дѣлъ благополучно существовали, не замѣчаемыя никѣмъ, и только чахлость и истощенность свидѣтельствовали, нѣмымъ образомъ, что хозяйство народное въ упадкѣ.

Послѣ небольшого числа засѣданій, подробности которыхъ уже извѣстны публикѣ по стенографическимъ отчетамъ газетъ, первое по возобновленіи с.-петербургское губернское земское собраніе было закрыто, и началась дѣятельность нашей земской управы. Нигдѣ крайности не могутъ такъ легко пріютиться, какъ въ нашемъ обществѣ, и потому въ нашемъ обществѣ давно уже ходитъ пословица о томъ, какъ кто-то «обжегся на молокѣ и потомъ на воду дулъ» безъ всякой уже надобности; хотя, сказать правду, въ человѣческой природѣ вообще лежитъ наклонность, послѣ столкновенія съ невозможностью,

бояться даже возможнаго, и на всякій случай обращать въ вопросъ все и обращаться съ вопросомъ при всякомъ удобномъ случаѣ, яснымъ даже какъ день; но гдѣ дѣятельность опредѣлена строго закономъ, какъ то мы видимъ въ дѣятельности земскихъ управъ, тамъ боязнь закона есть единственная спасительная боязнь, и потому наше общество имѣетъ всѣ основанія отнестись съ полнымъ довѣріемъ и надеждою къ своей новой земской управѣ.

Недавно мы получили отчетъ петербургской городской общей думы за 1865—1868 г., составленный по поводу окончанія срока, на который были избраны гласные въ 1864 году и новыхъ выборовъ. Отчетъ этотъ, кромѣ того, что даетъ возможность ознакомиться съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находится столичное городское хозяйство, интересенъ еще и потому, что представляетъ трехлѣтнюю дѣятельность нашего перваго общественнаго управленія, которое потомъ служило образцомъ не только для другихъ городовъ, но и для земскихъ учрежденій. Почти одновременно съ появленіемъ отчета петербургской думы за седьмое ея трехлѣтіе получили мы и сборникъ постановленій одесской думы за первое трехлѣтіе ея существованія, съ 1864 по 1867 годъ.

Въ обоихъ городахъ мы прежде всего находимъ печальное сходство,—въ недостаткѣ денежныхъ средствъ. Недостатокъ этотъ, выражающійся въ ежегодныхъ дефицитахъ, существовалъ въ Петербургѣ и Одессѣ еще и до появленія у насъ на свѣтъ общественнаго управленія. Точно также, какъ это было недавно съ земскими учрежденіями, такъ и въ городахъ, пришлось принять хозяйство истощенное. Поправить скоро денежныя дѣла — трудно, особенно тамъ, гдѣ неправильное распредѣленіе налоговъ, падающихъ всею тяжестью на бѣднѣйшіе классы, дѣлаетъ невозможнымъ простое увеличеніе существующихъ сборовъ. Необходимость крайней осторожности, въ этомъ отношеніи, была указана петербургской думѣ государственнымъ совѣтомъ, который призналъ, что главнѣйшимъ средствомъ для приведенія въ порядокъ денежныхъ средствъ города должно быть не увеличеніе налоговъ, и безъ того уже тягостныхъ, а экономія въ расходахъ и устраненіе расходовъ прямо къ обязанности города не относящихся. Слѣдуя этому указанію, петербургская дума постоянною бережливостью дошла до того, чего еще, конечно, не успѣла достигнуть Одесса: въ первый разъ, послѣ четырнадцати-лѣтняго ежегоднаго дефицита, въ бюджетахъ Петербурга 1865 и 1866 годовъ расходы не только не превышали доходовъ, но даже дали остатокъ около 500,000 рублей. Кромѣ того, петербургская дума составила предположенія объ исключеніи изъ городской росписи, на сумму около 200,000 руб., такихъ

расходовъ, удовлетвореніе которыхъ не должно падать на городскую казну, и объ уменьшеніи другихъ расходовъ соразмѣрно тому, насколько самые предметы, требующіе расходовъ, существуютъ собственно для города и его жителей. Такъ, дума просила освободить ее отъ ежегодныхъ субсидій театрамъ, комитету о раненыхъ, городской верфи, отъ содержанія казарменныхъ зданій военнаго вѣдомства, отъ отопленія петербургской Петропавловской крѣпости, объ уменьшеніи расходовъ на содержаніе столичной полиціи и жандармовъ, тюремнаго замка и проч., и проч. Всѣ эти предположенія представлены думою «куда слѣдуетъ, по порядку», на утвержденіе еще въ 1864 году. Но до сихъ поръ сложено съ обязанности города издержекъ всего только до 90,000 рублей, въ томъ числѣ по содержанію казармъ 83,556 руб. Что́ сталось съ остальными предположеніями думы—въ отчетѣ не сказано, вѣроятно, потому, что объ этомъ не имѣется извѣстій. Между тѣмъ, на преобразованіе петербургской полиціи изъ городской казны потребовалось еще до 380,000 въ годъ больше прежняго, такъ что теперь петербургская полиція, считая при этомъ и городскія зданія, ею занимаемыя, обходится городу до 1.500,000 руб. въ годъ.

Такія же стремленія къ уменьшенію расходовъ, которыя проявляла петербургская дума, видны и въ городскомъ общественномъ управленіи Одессы, но, конечно, въ размѣрахъ менѣе значительныхъ [1]).

Экономія и разныя предположенія, какъ видно, большею частью не осуществившіяся, объ уменьшеніи расходовъ, не исчерпываютъ еще всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ городскимъ общественнымъ управленіемъ къ увеличенію своихъ денежныхъ средствъ. Какъ ни обременены городскія имущества налогами, но все же, при правильномъ взглядѣ на дѣло, петербургской думѣ не мудрено было отыскать предметы, подлежащіе обложенію въ пользу городской казны. Особая коммиссія занималась пересмотромъ всѣхъ существующихъ городскихъ сборовъ; докладъ коммиссіи въ большой его части остался еще неразсмотрѣннымъ думою, но уже въ 1865 и 1866 годахъ она ходатайствовала о налогѣ на собакъ, о сборахъ съ городскихъ скотобоенъ, съ питейной торговли, и пивоваренъ, съ аукціонныхъ продажъ, съ привозимаго на хлѣбную пристань разнаго рода хлѣба, о сборѣ съ клейменія мѣръ и вѣсовъ, о налогахъ на промышленниковъ. Еслибы эти предположенія думы осуществились, то городская казна обогатилась бы нѣсколькими сотнями тысячъ рублей въ годъ. Но и на эти предположенія думы не послѣдовало «установленнаго разрѣшенія», какъ выражается оффиціальнымъ слогомъ отчетъ.

[1]) Для сравненія, приведемъ населеніе и бюджеты обоихъ городовъ: въ Петербургѣ—540,000 жителей, городскихъ доходовъ, въ 1867 г., 3.007,532 руб., расходовъ 3.616,181 р.; въ Одессѣ—120,000 жителей, доходовъ, въ 1867 г., 122,156 р. и расходовъ 145,107 р.

Трудно было при этомъ стремиться къ удовлетворенію расходовъ, которые дума сама признавала необходимыми. Въ числѣ такихъ расходовъ первой необходимости представляется народное образованіе, на которое изъ городской казны отпускается въ годъ всего 27,000 рублей, т. е. около одной пятидесятой части того, во что обходится городу полиція и одной шестнадцатой части расхода на городское освѣщеніе: просвѣщеніе уступаетъ мѣсто освѣщенію. Насколько необходимо просвѣщеніе въ столицѣ, видно не изъ однихъ статистическихъ цифръ, удостовѣряющихъ, что въ Петербургѣ, «этомъ центрѣ нашей цивилизаціи», какъ называетъ его отчетъ, приходится 45 человѣкъ грамотныхъ на 100 неграмотныхъ. Петербургскій г. оберъ-полиціймейстеръ просилъ думу обратить вниманіе на то, что множество малолѣтнихъ дѣтей, сиротъ, остается, въ «центрѣ нашей цивилизаціи» безъ всякаго надзора и воспитанія и, будучи лишены возможности сдѣлаться когда нибудь полезными членами общества, «естественно должны слѣдовать со временемъ путемъ порока и впослѣдствіи обратиться въ людей, не только праздныхъ, нищихъ, но даже преступниковъ, и слѣдовательно, во всякомъ случаѣ вредныхъ для общества». Другими словами, черезъ какихъ нибудь 30 лѣтъ придется снова увеличивать средства полиціи, чтобы бороться со зломъ, которое сѣется теперь. Но еще и до этого, справедливаго указанія г. оберъ-полиціймейстера, петербургская дума составила предположенія о раздѣленіи города на приходы съ устройствами въ нихъ, при пособіи отъ городской казны, школъ для дарового начальнаго образованія. Съ этою цѣлью дума ассигновала 75,000 рублей, изъ которыхъ хотѣла употребить 50,000 рублей на начальное общее образованіе, и 25,000 рублей на развитіе спеціальнаго, ремесленнаго образованія. Это предположеніе думы, представленное «куда слѣдуетъ по порядку», не получило утвержденія; въ виду «недостаточности городскихъ средствъ», г. бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ «затруднился» дать ходъ этому предположенію.

Однимъ словомъ, о дѣятельности нашихъ думъ можно только сказать:

Ut désint vires, tamen est laudenda voluntas;

т. е. «хотя силъ и недостаетъ, но должно похвалить за добрыя намѣренія».

Между тѣмъ новыя событія въ средней Азіи заставляютъ насъ болѣе, чѣмъ когда либо желать успѣховъ въ нашей гражданской жизни. Военные успѣхи пока выражаются цифрою затраченныхъ на нихъ денегъ и людей. Чтобы вознаградить эти затраты необходима бо́льшая предпріимчивость въ народѣ, обусловливаемая хорошимъ внутреннимъ хозяйствомъ, какъ городскимъ, такъ и земскимъ. Побѣда надъ владѣ-

телемъ Бухары, преемникомъ страшнаго Тимура, взятіе нашими войсками баснословнаго Самарканда — должны представлять не одинъ историческій «реваншъ» русскаго народа надъ племенемъ татарскимъ.

Новый успѣхъ нашего оружія въ средней Азіи — вступленіе въ Бухару и взятіе Самарканда, обращаетъ на себя прежде всего вниманіе тѣмъ, что онъ явился столь же неожиданно для центральнаго военнаго управленія, какъ и предшествовавшіе. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ недовѣрія, съ какимъ отнесся къ первому извѣстію о побѣдѣ въ Бухарѣ органъ военнаго министерства. Черезъ день ему самому пришлось напечатать телеграмму изъ Орска, сообщавшую обстоятельныя свѣдѣнія о побѣдѣ. Теперь передъ нами—подробное описаніе самаркандскаго дѣла и пространное изложеніе предшествовавшихъ ему обстоятельствъ.

Въ этихъ свѣдѣніяхъ нѣтъ ничего, что̀ уменьшило бы удовольствіе, съ какимъ мы смотримъ на успѣшное исполненіе безспорно предлежащей Россіи задачи, новый и счастливый шагъ на пути, съ котораго вернуться уже нельзя, на которомъ остановиться едва-ли возможно. Побѣда, одержанная генераломъ Кауфманомъ съ 30-ю ротами надъ скопищемъ, котораго числительность опредѣлена, конечно по глазомѣру, въ 80 тысячъ человѣкъ, нисколько не удивляетъ насъ, послѣ того, что̀ было сдѣлано прежде, послѣ того какъ городъ со сто-тысячнымъ населеніемъ, какъ Ташкентъ, былъ взятъ какими-нибудь десятью ротами, а крѣпкій Ходжентъ — не много бо́льшими силами. Фланговыя движенія подъ Самаркандомъ, при которыхъ люди шли по поясъ въ водѣ и пробирались подъ выстрѣлами чрезъ болота, дѣлаютъ честь испытанной энергіи нашихъ солдатъ. Но самое штурмованіе высотъ, подъ слабымъ огнемъ непріятеля, который, хотя и оставилъ 21 орудіе, кромѣ тѣхъ, которыя успѣлъ увезть, положилъ на мѣстѣ изъ нашихъ всего двухъ человѣкъ,—конечно, не можетъ идти въ сравненіе со штурмомъ Ташкента и Ходжента, а для европейскаго тактика представляетъ и совсѣмъ малый интересъ.

Къ удовольствію отъ блистательнаго успѣха нашего оружія, присоединимъ убѣжденіе, что наши войска вошли въ такой край, въ которомъ ожидаетъ насъ уже не одна богатая жатва побѣдныхъ лавровъ. Генералъ Кауфманъ, если не ошибаемся, четвертый генералъ, получившій за новѣйшіе успѣхи въ средней Азіи столь цѣнимую награду — крестъ св. Георгія на шею. Награда эта составляетъ въ самомъ дѣлѣ высокое отличіе, такъ какъ генералъ Хрулевъ получилъ ее за знаменитое отраженіе грознаго, перваго штурма на Севастополь. Искренно привѣтствуя съ этой лестной наградою почтеннаго генерала, который былъ до сихъ поръ извѣстенъ какъ администраторъ, и нынѣ такъ удачно подвинулъ дѣла наши въ средней Азіи военнымъ успѣхомъ, позволяемъ себѣ остановиться на одномъ обстоятельствѣ, которое

намъ представляется чрезвычайно важнымъ для дальнѣйшихъ успѣховъ въ той странѣ.

Взятіе Самарканда полагаетъ конецъ тому ненормальному положенію нашихъ дѣлъ, которое представлялось владѣніемъ Джюзакомъ, какъ крайнимъ пунктомъ впереди голодной степи. Но занятіе нами Джюзака, потомъ Яны-Кургана, наконецъ Самарканда, уже выводитъ насъ изъ бассейна Сыръ-Дарьи. Занятіе Самарканда отдало въ наши руки Бухару, у которой мы можемъ отрѣзать воду; теперь Бухара занята, и мы, наконецъ, вступили въ бассейнъ Аму-Дарьи. А на низовьяхъ этого бассейна находится ханство хивинское, съ которымъ намъ неизбѣжно вскорѣ придется имѣть дѣло. Разрушеніе этого ханства неизбѣжно; оно обезпечитъ сообщенія нашихъ средне-азіятскихъ владѣній съ Кавказомъ, посредствомъ Каспія, давъ безопасность путямъ чрезъ Усть-Уртъ; оно сдѣлаетъ Аральское море нашимъ озеромъ.

Вотъ, та задача, которая несомнѣнно возстаетъ предъ нами, коль скоро мы вступаемъ въ бассейнъ Аму-Дарьи. Бухарскій эмиръ провозгласилъ противъ Россіи «газатъ», т. е. священную войну, и звалъ на помощь хана хивинскаго; послѣдній отказался, по слухамъ, но въ виду предстоящей ему судьбы, колебаніе его не можетъ быть долговременно. Готовы-ли мы къ исполненію этой послѣдней задачи, сказали-ли мы себѣ даже, что не отступимъ передъ нею?

Всего важнѣе знать, чего мы хотимъ, и сообразно съ тѣмъ дѣлать приготовленія. Только этому, т. е. полному сознанію, полной подготовкѣ, съ отвращеніемъ всякихъ неожиданностей, однимъ словомъ, вполнѣ толковому веденію дѣла англичане обязаны своимъ блистательнымъ успѣхомъ въ Абиссиніи.

Между тѣмъ, постоянныя завѣренія, что мы не хотимъ дальнѣйшихъ завоеваній, безпрерывныя ссылки на вѣроломство эмира, даже предположенный было отъѣздъ туркестанскаго генералъ-губернатора въ Петербургъ—все это и многія другія обстоятельства, обнаруживаемыя подробнымъ изложеніемъ переговоровъ и всего хода дѣлъ—заставляютъ насъ опасаться, что этой-то полной сознательности, ясной программы у насъ нѣтъ. И это было бы очень опасно. Въ этихъ необозримыхъ степяхъ далеко не такъ опасенъ непріятель, какъ собственная безсознательность и неприготовленность. Неужели мы, въ самомъ дѣлѣ только *увлекаемые* въ бассейнъ Аму-Дарьи, идемъ туда противъ намѣренія, зависимъ отъ вѣроломства Мозаффара? Это было бы хуже всего, потому что въ тылу нашихъ главныхъ силъ, на югѣ Сибири, у Иссыкъ-Куля намъ могутъ представиться такія затрудненія, которыхъ мы, стало быть, не приняли въ разсчетъ. Уже теперь есть извѣстія, что въ токмакскомъ округѣ являлись толпы киргизовъ, что кашгарцы переходили на сѣверъ Тянь-Шана, что владѣтель Алты-Шара, Якубъ-Ханъ враждебенъ намъ и захватилъ нашихъ купцовъ.

Если объясненіе всего нашего движенія въ бассейнъ Аму-Дарьи однимъ вѣроломствомъ бухарскаго эмира признается нужнымъ такъ-себѣ, для дипломатическихъ цѣлей, то это утѣшительно. Значитъ мы идемъ впередъ сознательно, разсчитавъ и то, что́ намъ угрожаетъ въ тылу. Да и можно-ли серьёзно говорить о вѣроломствѣ Мозаффара, когда мы сами посылаемъ отрядъ (Гриппенберга) къ его владѣніямъ подъ предлогомъ, что въ предложенныхъ *нами ему* условіяхъ о мирѣ, мѣстность, въ которую посланъ отрядъ, признана — нашей? Между тѣмъ, эмиръ рѣшился на войну съ нами именно тогда, когда узналъ о движеніи этого отряда въ мѣстность, которую онъ, вѣроятно, считаетъ своею, и во всякомъ случаѣ, къ его границамъ.

Хорошо, если вѣроломство эмира, на которомъ настаиваютъ съ такимъ удареніемъ, служитъ только для другихъ цѣлей (потому что прикрыть что́ либо и для англичанъ оно не можетъ). Но, въ такомъ случаѣ, какъ же объяснить тотъ фактъ, что генералъ Кауфманъ уже совсѣмъ собрался въ Петербургъ, уже выѣхалъ-было изъ Ташкента, когда кругомъ насъ и впереди, и въ тылу проповѣдывался противъ насъ газатъ? Неужели, повторяемъ, мы въ самомъ дѣлѣ идемъ впередъ противъ воли, по чужому принужденію, безъ сознанія? Что́ мы станемъ тогда извлекать изъ нашихъ успѣховъ, куда они заведутъ насъ? Пожалуй въ Афганистанъ; вѣдь и афганцы проявили вѣроломство, оказавъ помощь Мозаффару, когда мы ихъ не трогали. Такъ неужели мы *обязаны* наказывать ихъ, «подъ опасеніемъ уронить наше обаяніе въ средней Азіи»?

Обо всемъ этомъ, правительство, не сомнѣваемся, серьёзно думаетъ. Дѣла наши въ этихъ отдаленныхъ странахъ находятся теперь въ моментѣ важнаго кризиса, и для рѣшенія вопроса всѣ элементы должны быть въ нашихъ рукахъ, а не въ чужихъ дѣйствіяхъ.

Ко дню, когда наше обозрѣніе появится въ печати, будетъ окончательно рѣшенъ, а быть можетъ и обнародованъ уже новый тарифъ. Коммиссія государственнаго совѣта, выработавъ свой проектъ, внесла его въ общее собраніе совѣта, которое должно было окончательно рѣшить вопросъ до утвержденія верховною властью. Такъ какъ дѣйствіе новаго тарифа предположено начать съ 1-го будущаго января, а самый тарифъ обнародовать за шесть мѣсяцевъ до этого срока, то книга нашего журнала выйдетъ именно ко дню распубликованія тарифа. Данными для сужденія объ окончательномъ результатѣ работъ по составленію тарифа намъ служатъ частныя свѣдѣнія о ходѣ его составленія въ коммиссіи государственнаго совѣта. Общее собраніе имѣло всего недѣлю для разсмотрѣнія проекта второй коммиссіи, до вакацій, и потому трудно было ожидать важныхъ измѣненій. Нельзя не пожа-

лѣть, что предварительныя работы заняли такъ много времени, и что окончательное разсмотрѣніе столь важнаго дѣла какъ тарифъ, который опредѣлитъ быть можетъ снова лѣтъ на десять условія нашей заграничной торговли и нашей фабрикаціи, пришлись къ самому концу законодательной сессіи. Тутъ уже не было возможности подвергнуть проектъ строгой критикѣ, едва ли даже было достаточно времени, чтобы тѣ члены, которые не намѣрены были ограничиться прочтеніемъ или выслушаніемъ доклада, могли собрать необходимые для самостоятельнаго мнѣнія, свѣдѣнія и справки.

А проектъ второй коммиссіи, насколько онъ извѣстенъ изъ частныхъ свѣдѣній, сильно нуждался въ критикѣ. Судьбу нынѣшняго пересмотра тарифа нельзя не признать странною. Въ докладѣ, представленномъ, годъ тому назадъ, г. министромъ финансовъ, цѣлями пересмотра тарифа были названы: усиленіе казеннаго таможеннаго дохода и облегченіе правильной торговли. Итакъ, министръ имѣлъ въ виду и цѣль фискальную, и цѣль экономическую. Собираніе свѣдѣній о силахъ нашей фабрикаціи, объ иностранныхъ таможенныхъ системахъ и т. д., ведено было съ большою добросовѣстностью, какъ то свидѣтельствуется «Матеріялами», составленными вице-директоромъ департамента таможенныхъ сборовъ. Но уже въ предположеніяхъ г. Колесова цѣль фискальная стала преобладающею, а цѣль экономическая достигалась преимущественно только упрощеніемъ тарифа, отмѣною дифференціяльныхъ пошлинъ съ товаровъ сухопутнаго и морского привоза, соединеніе въ одной группѣ нѣсколькихъ статей, исключеніе нѣкоторыхъ незначительныхъ статей и т. п. Такимъ образомъ, г. Колесовъ предлагалъ отмѣнить пошлину по 24 статьямъ, понизить ее по 136 статьямъ; 84 статьи оставить безъ измѣненія, а по 48 статьямъ еще возвысить пошлины 1857 года. Хотя, общею, экономическою мыслью, руководившею соображеніями г. Колесова и было ограниченіе пошлины высшею степенью 30 — 35% съ цѣны мануфактурныхъ издѣлій, а въ среднемъ размѣрѣ даже ограничиться пошлиною въ 25—30% цѣны, но предложенныя имъ пониженія по 136 статьямъ, для большинства ихъ составляло всего 9 или 10% противъ тарифа 1857 года. Итакъ, предложеній г. Колесова уже никакъ нельзя было назвать радикальнымъ отступленіемъ отъ протекціонистскаго тарифа 1857 года.

Для обсужденія предположеній министерства финансовъ была образована тарифная коммиссія, составленная на половину изъ чиновниковъ и изъ членовъ промышленнаго класса. Кромѣ того, открыты были коммиссіи экспертовъ, которыхъ собралось болѣе двухсотъ человѣкъ. Печать отнеслась съ полнымъ сочувствіемъ къ такому призванію лицъ изъ общества къ рѣшенію важнаго законодательнаго вопроса. Но въ этомъ случаѣ, представители общества не оправдали возложенныхъ на

нихъ надеждъ, именно потому, что истинными представителями общества они не были, и, какъ всякое представительство одного, привилегированнаго класса, поставили интересы этого класса выше интересовъ всего общества. Здѣсь еще разъ блистательно подтвердилось, что представительство, основанное на привилегіи, ведетъ къ эксплуатаціи непривилегированнаго большинства. Здѣсь самымъ яснымъ образомъ поставился вопросъ: не хуже ли подобное представительство привилегированнаго класса, чѣмъ отсутствіе всякаго представительства? Правда, оно въ извѣстномъ смыслѣ обусловливаетъ рѣшеніе администраціи, доставляя ей ближайшее знакомство съ дѣломъ. Но зато, оно пользуется своимъ привилегированнымъ положеніемъ, чтобы радѣть собственно о своихъ интересахъ, по большей части противоположныхъ интересу общему. Администрація, каковы бы ни были неудобства ея безусловной дѣятельности, всетаки, въ большинствѣ случаевъ имѣетъ въ виду только интересы государства.

На полѣ экономическихъ реформъ, по крайней мѣрѣ, мы обогатились этимъ опытнымъ выводомъ, что представительство одного привилегированнаго класса хуже отсутствія всякаго представительства.

Ходъ преній въ первой тарифной коммиссіи и результаты, къ которымъ она пришла, доставили намъ еще одинъ драгоцѣнный практическій выводъ, о которомъ мы уже упоминали въ прошломъ обозрѣніи: они показали намъ, какую силу имѣетъ сознательная и дисциплинированная агитація въ обществѣ, остающаяся въ предѣлахъ закона.

Среди этого множества экспертовъ и этого дисциплинированнаго дѣйствія членовъ тарифной коммиссіи, принадлежавшихъ къ промышленному классу, первоначальныя предположенія министерства финансовъ были подавлены, overruled, какъ выражаются англичане. Призваніе экспертовъ, само по себѣ, не могло бы еще измѣнить хода дѣла въ смыслъ положительно-протекціонистскій, хотя бы эксперты и оказались преимущественно экспертами своихъ собственныхъ выгодъ. Но дѣло въ томъ, что въ самой коммиссіи членамъ отъ промышленныхъ сословій было дано значеніе не экспертовъ только, какъ бы слѣдовало, а настоящихъ представителей общества; за ними наравнѣ какъ и за административными членами была признана какъ бы законодательная власть; вопросы въ коммиссіи рѣшались по большинству голосовъ. Такимъ образомъ вышло, что, подъ предлогомъ представительства, пересмотръ тарифа былъ сдѣланъ фабрикантами.

Это былъ важный промахъ; администрація попустила рѣшительно повліять на себя не обществу, а лицамъ, которыя могли имѣть право только быть спрошенными, а не рѣшителями; одной изъ сторонъ предоставлено было судейское право.

Произошло это оттого, что у насъ все еще принято, такъ сказать, надѣвать на общественные вопросы мундиры вѣдомства и при-

знаваемыхъ корпорацій. Съ этой точки вопросъ о тарифѣ есть вопросъ финансоваго вѣдомства и мануфактуръ-совѣтовъ; вопросъ о торговлѣ — числится въ томъ же вѣдомствѣ и подлежитъ пожалуй еще «почетному россійскому купечеству»; по отношенію къ этимъ вопросамъ, общество представляется мануфактуръ- и коммерціи-совѣтниками, которымъ «присвоены» мундиры со шпагами. Если бы у насъ были «консументъ-совѣтники», тоже съ «присвоенными» отличіями, тогда, быть можетъ, въ коммиссію попали бы и «фритредеры», которые думаютъ объ интересахъ 70 милліоновъ потребителей.

Однакоже, надо замѣтить, что когда у насъ разработывался вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, то администрація съумѣла избѣгнуть того промаха, въ какой увлеклась нынѣ по привычкѣ: она не допустила депутатовъ редакціонныхъ коммиссій до роли законодательной, напротивъ, заботливо ограничила ихъ одною экспертизою, не допустила, чтобы судьбы крестьянъ рѣшили помѣщики. А чѣмъ же они не были такіе же основательные эксперты по своей части, какъ депутаты тарифной коммиссіи? И чѣмъ бы кончился крестьянскій вопросъ, если бы рѣшеніе его зависѣло отъ экспертовъ?

Намъ скажутъ: да вѣдь тарифная коммиссія только подготовила проектъ, еще подлежащій разсмотрѣнію. Да; но великое у насъ дѣло подготовить проектъ! Едва ли нельзя съ достовѣрностью утверждать, что еслибъ проектъ, составленный министерствомъ, не былъ вносимъ въ тарифную коммисію, то окончательно прошолъ бы именно онъ. Государственные сановники, которымъ пришлось разсматривать проектъ, уже «провѣренный» знатоками, добросовѣстно приняли на себя роль безпристрастныхъ судей; но судили они не по новымъ даннымъ, судили не между потребителями, которые оставались безмолвны, и протекціонистскою тарифною коммисію, а между большинствомъ и меньшинствомъ этой же коммисіи. Не могли же они выйти изъ «крайнихъ мнѣній». И вотъ, въ рѣшеніяхъ второй коммисіи, насколько они извѣстны, отразилось начало примиренія, но не между принципомъ свободы торговли и принципомъ протекціонизма, а между предложеніями протекціонистовъ крайнихъ и протекціонистовъ умѣренныхъ. Такимъ образомъ, рѣшеніе второй коммиссіи вышло умѣреннѣе крайнихъ и крайнѣе умѣренныхъ.

Мы относимся съ полнымъ уваженіемъ къ примирительной мысли второй коммисіи, къ безпристрастному стремленію ея членовъ; почтенный предсѣдатель ея — лицо, извѣстное проницательнымъ умомъ, имѣвшее по прежней, многообразной своей административной дѣятельности, случай пріобрѣсть самыя разностороннія свѣдѣнія, можно сказать, обо всѣхъ условіяхъ нашего хозяйственнаго управленія, лицо, которому слухи не разъ предназначали портфель финансовъ. Но, несмотря на все это, предварительная постановка вопроса взяла свое,

какъ то всегда у насъ бываетъ, когда вопросъ рѣшается не прямо-заинтересованными въ немъ.

Другое дѣло было въ первой тарифной коммисіи, гдѣ была на лицо одна изъ сторонъ прямо-заинтересованныхъ: тамъ предварительная постановка вопроса администраціею не обусловила рѣшеніе; вопросъ преспокойно переставили. Его переставили до такой степени, что въ проектѣ составленномъ коммисіею очутились такія вещи, которыя совсѣмъ и не были въ виду при подверженіи тарифа пересмотру, какъ-то — установленіе пошлинъ на машины. Другія постановленія, усложняющія тарифъ, мелкія различія между статьями и т. д. были сохранены въ проектѣ тарифной коммисіи, хотя одною изъ цѣлей пересмотра тарифа была именно ихъ отмѣна.

Вторая коммисія пошлины на машины понизила, но не отмѣнила. О размѣрѣ этого пониженія и о результатахъ обложенія машинъ (кромѣ сельско-хозяйственныхъ) пошлинами для всей фабрикаціи — мы уже говорили въ прошлый разъ. Напомнимъ здѣсь только, что этой мѣрою создается умышленная дороговизна производства и установляется монополія существующихъ заводовъ, неравенство для устройства новыхъ. Вторая коммиссія выкупила пониженіе предположенной первою пошлины на машины тѣмъ, что возвысила предположенныя ею пошлины, напримѣръ, съ проволоки (вмѣсто 2 р. 50 к. съ пуда — 3 р.), съ фабричныхъ орудій, низшихъ валеныхъ шерстяныхъ матерій, слесарной работы, и т. д. Наконецъ, установила даже пошлину ($^1/_2$ коп. съ пуда) на привозный уголь въ царствѣ польскомъ. По слухамъ, она даже возстановила дифференціяльныя пошлины въ примѣненіи къ металлическимъ орудіямъ, между тѣмъ, какъ одной изъ цѣлей пересмотра тарифа была именно полная отмѣна дифференціяльныхъ пошлинъ, которыя дѣлаютъ дорогимъ нашъ фрахтъ и полезны только для прусскихъ купцовъ, въ ущербъ нашей торговлѣ.

Такимъ образомъ, дѣло предпринятое съ цѣлью нанесенія сильнаго удара контрабандѣ, лишающей нашу казну, быть можетъ, половины слѣдующаго ей таможеннаго дохода, привело къ установленію пошлины на машины, т. е. къ результату совсѣмъ неожиданному; необходимость же сколько-нибудь значительнаго пониженія тарифа 1857 года, для развитія нашихъ общихъ экономическихъ силъ, для усиленія сбыта нашему нуждающемуся сельскому хозяйству, для приведенія финансовой политики въ соотвѣтствіе съ громадною хозяйственною реформою, чрезъ которую прошла Россія — осталось слишкомъ недостаточно признанною, и удовлетвореніе ея отложено быть можетъ на многіе годы.

Такъ какъ тарифы 1850 и 1857 года охраняютъ преимущественно производство дешевыхъ товаровъ, на которыхъ вслѣдствіе того наши фабриканты наживаютъ огромные барыши, то фабрикація у насъ до

сихъ поръ и ограничивалась главнымъ образомъ производствомъ предметовъ дешевыхъ, низшихъ сортовъ, и такъ какъ въ тарифѣ 1868 года сохраняется духъ тарифа 1857 года, то слѣдуетъ ожидать, что наша фабрикація и впредь останется на низкой степени. Улучшенію ея дѣятельности до бо́льшаго совершенства, конечно, не можетъ способствовать обложеніе пошлиною машинъ. Что касается самихъ механическихъ заводовъ, то достигнувъ своей цѣли, именно они будутъ почивать на лаврахъ, и вмѣсто обѣщаемаго ими удешевленія продуктовъ, будутъ изготовлять такія орудія труда, которыя обильно доставятъ имъ столь желаемое ими занятіе починкою. Наложеніемъ подати на машины протекціонисты достигли еще одной, косвенной цѣли: они увлекли администрацію въ заколдованный кругъ общаго застоя въ протекціонизмѣ. Въ самомъ дѣлѣ, легко ли теперь будетъ доказать необходимость пониженія пошлинъ по той или другой статьѣ производства, когда представители ея тотчасъ возразятъ вамъ, что оно, вслѣдствіе вздорожанія машинъ, обходится нынѣ дороже прежняго?

Въ недавно напечатанной запискѣ здѣшняго англійскаго консула, г. Мичеля, представленной имъ его правительству, самыя предложенія г. Колесова выставляются, весьма доказательно, какъ недостаточные. Въ подробномъ разсмотрѣніи тарифа 1857 года, по статьямъ, въ ней доказывается, что покровительство его, по множеству предметовъ, въ которыхъ иностранная конкуренція не могла бы быть опасною, пошлины превосходятъ цѣну ввозныхъ предметовъ, превосходятъ ее иногда почти вдвое, однимъ словомъ, что тарифъ этотъ для многихъ отраслей промышленности, которыя сильны въ самой Россіи, равняются полному запрещенію.

А мы сохранили въ общихъ чертахъ этотъ самый тарифъ; пониженіямъ противъ него въ тарифѣ новомъ соотвѣтствуютъ и повышенія. Однимъ словомъ, ни значительнаго уменьшенія контрабанды, ни развитія нашихъ экономическихъ силъ отъ новаго тарифа ожидать нельзя. Вся выгода его почти ограничивается упрощеніемъ тарифныхъ подраздѣленій и отмѣною дифференціальныхъ пошлинъ.

Вотъ, что значитъ представительство однихъ фабрикантовъ въ дѣлѣ народнаго хозяйства. Вся эта сложная процедура пересмотра обогатила насъ только опытами, о которыхъ сказано выше. Будемъ надѣяться, что хоть на слѣдующій разъ, при новомъ пересмотрѣ тарифа, будутъ призваны «эксперты» и отъ 70 милліоновъ потребителей, напримѣръ, депутаты отъ земства. Вѣдь земство — корпорація столь же признанная, какъ и мануфактурные совѣты. Вотъ ихъ-то депутаты и могутъ представить, современемъ, въ новой тарифной комиссіи тѣхъ «консументъ-совѣтниковъ», которыхъ ей недоставало....

Востокъ давно утратилъ ту таинственность, которая зависѣла отъ малаго знакомства Европы съ его дѣлами и его людьми. Самая восточная окраина стараго свѣта, самыя далекія страны Азіи одна за другою открылись изслѣдованіямъ и вліянію европейцевъ. Они проникли въ Китай, въ Японію, въ самый центръ древней Татаріи — въ Бухару, и баснословное обаяніе этихъ древнихъ селеній человѣческаго рода утратилось окончательно. Но до сихъ поръ Востокъ, даже Востокъ ближайшій, остается страною неожиданностей, сюрпризовъ. Европа уже не судитъ о немъ по описаніямъ Марко Поло, но для того, чтобы предвидѣть тамъ естественный ходъ событій у насъ все-таки еще недостаточно данныхъ. Европу удивило возстаніе таэпинговъ въ Китаѣ; возмущеніе сипаевъ въ Индіи застало врасплохъ самихъ повелителей ея — англичанъ; раздоръ между японскими микадо и тайкуномъ, которыхъ она привыкла считать неподвижными столбами власти въ неподвижной странѣ, произвелъ сперва на Европу впечатлѣніе нѣсколько сходное съ тѣмъ, какое бы она ощутила, услыхавъ, что покачнулась пирамида Хеопса.

Между тѣмъ, именно Азія, въ которой мы привыкли видѣть сплоченіе недвижимыхъ, какъ бы окаменѣвшихъ государственныхъ и народныхъ организмовъ, представляетъ наименѣе прочности въ комбинаціи разныхъ своихъ элементовъ. Нигдѣ случай и произволъ одной личности не играютъ такой роли, какъ въ этихъ несознательныхъ обществахъ, въ этихъ скопленіяхъ народностей, нагроможденныхъ одна на другую въ видѣ пластовъ, нанесенныхъ случайною волною завоеванія, котораго сила часто уже утратилась, такъ что все это сцѣпленіе держится только пока инерціею или недоразумѣніемъ, какъ кирпичи развалинъ держатся мхомъ, которымъ они поросли....

Вотъ такимъ-то зданіемъ, изъ котораго давно выѣденъ связующій цементъ, которое держится только при помощи недоразумѣнія, является намъ оттоманская имперія въ Европѣ. Нѣкоторыя части ея, представляя сами въ себѣ отдѣльныя связи, связи національностей, наклонились въ сторону отъ ветхаго зданія и стоятъ какъ бы особняками, а между тѣмъ законченности, независимаго существованія онѣ все-таки не имѣютъ: прочному установленію, законченной отдѣлкѣ ихъ мѣшаетъ анормальная связь ихъ съ ветхимъ зданіемъ. И сама Европа, хотя не можетъ не признавать естественность національныхъ стремленій этихъ частей, и хотя знаетъ, что рано или поздно придется расчистить около нихъ мѣсто, опредѣлить ихъ границы и узаконить планъ для самостоятельнаго ихъ развитія,—вмѣстѣ съ тѣмъ удерживается страхомъ дать какой нибудь радикальный толчокъ ветхому зданію. Она опасается той минуты, когда придется дѣлать размежеваніе, дѣлежъ, между естественными наслѣдниками пресловутаго «больного». Международная юстиція доселѣ такъ устроена, что душеприкащики и

нотаріусы и сами судьи могутъ вмѣшаться въ дѣлежъ, предъявивъ свои векселя. А векселей имъ выдано не мало.

Подъ вліяніемъ такихъ соображеній, Европа относится къ турецкой имперіи, поочередно, то съ сочувствіемъ къ перестройкѣ, то съ желаніемъ подпереть statu quo. Понятно, что такой двойственный пріемъ только еще болѣе расшатываетъ оттоманское царство. Но таковъ спасительный законъ историческаго развитія; къ большей части изъ плановъ радикальныхъ перестроекъ или реформъ современность относится именно такимъ колеблющимся образомъ, такимъ двойственнымъ пріемомъ. Реактивныя стремленія, мимо своей воли, осуществляются единственно на столько, чтобы дать время созрѣть и окрѣпнуть стремленіямъ прогрессивнымъ.

Каково, однако, положеніе тѣхъ христіанскихъ народностей турецкой имперіи, которыя уже ясно сознали свою цѣль, пріобрѣли центры и опоры для дѣйствія, съ согласія европейской дипломаціи и самой отживающей власти падишаха, народностей, которыя въ Аѳинахъ, Бѣлградѣ, Бухарестѣ и Сетиньѣ видятъ и примѣры для полнаго осуществленія своихъ стремленій и готовые пункты для укрѣпленія тѣхъ національныхъ рычаговъ, которыми онѣ замышляютъ сбросить съ себя крышу древней мечети, чтобы открыть надъ собою ясное небо свободы?

Естественно, что положеніе этихъ народностей въ нѣкоторомъ смыслѣ столь же непрочно и зависимо, какъ положеніе самой мусульманской Турціи. Вѣчно спорящія между собою вліянія европейскихъ державъ согласны только въ одномъ, именно въ томъ, что не оставляютъ Греціи, Сербіи, Румыніи, Черногоріи ни малѣйшаго простора, спутываютъ каждый шагъ ихъ своею сѣтью и прибавляютъ къ анормальной зависимости христіанскихъ странъ отъ султана другую анормальную зависимость. Попеченіе надъ Греціею доходитъ до того, что иностранные посланники условливаются, съ кѣмъ будетъ танцовать король на придворномъ балу, точно и въ этомъ случаѣ можетъ произойти серьезное нарушеніе равновѣсія. Опека надъ Румыніею простирается до того, что едва ли не каждая изъ великихъ державъ постоянно имѣетъ своего кандидата на господарство, а между тѣмъ здѣсь, какъ и въ Греціи, всѣ онѣ торжественно условливаются «предоставлять народамъ полную свободу выбора». Такими же увѣреніями онѣ обмѣнивались недавно относительно Сербіи.

А между тѣмъ, постоянное дѣйствіе ихъ вліянія надъ всѣмъ, что происходитъ въ Сербіи, такъ несомнѣнно, что самый непредвидѣнный случай непремѣнно приписывается проискамъ той или другой великой державы. Не признаютъ ли когда-нибудь великія державы, что постоянная, чрезмѣрная опека ихъ составляетъ сама одно изъ глав-

ныхъ препятствій къ возмужалости, зрѣлости христіанскихъ странъ, входящихъ въ систему Оттоманской имперіи?

Эта-то двойная зависимость была причиною тому, что и ближайшій къ Европѣ Востокъ столь же богатъ сюрпризами, какъ Востокъ отдаленный. Исторія Греціи, Румыніи и Сербіи, со времени ихъ неполнаго освобожденія, представляетъ безконечный рядъ перемѣнъ и именно перемѣнъ неожиданныхъ, кризисовъ, похожихъ на тѣ, какіе разыгрываются въ сераляхъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, политика Европы и политика Порты въ этихъ странахъ имѣетъ именно характеръ серальныхъ интригъ, въ которыя втягиваются и сами эти маленькія народности. Онѣ теперь уже большею частью уяснили себѣ цѣль своихъ стремленій, но путь къ ней такъ загроможденъ препятствіями всякаго рода, что онѣ бросаются отъ одного къ другому, мечутся, какъ звѣри въ сѣти; онѣ именно и живутъ, и дѣйствуютъ въ сѣтяхъ....

Сербія, которой и друзья и враги приписываютъ роль Піемонта среди турецкаго славянства, именно вслѣдствіе этой роли, очевидно ей предназначенной, имѣетъ способность особенно тревожить европейскую дипломацію своими внутренними кризисами. А кризисовъ въ Сербіи было не мало; со времени своего освобожденія она перемѣнила уже пять правленій: Чернаго Георгія, Милоша Обреновича, Михаила Обреновича, Александра Карагеоргіевича, опять Милоша, наконецъ еще разъ Михаила; пять правленій втеченіи немногимъ болѣе полувѣка. Кризисъ въ Сербіи представляется всегда дипломаціи наиболѣе спорнымъ потому, что изъ всѣхъ центровъ, приготовленныхъ для будущаго дѣйствія, изъ всѣхъ фокусовъ національныхъ стремленій на Балканскомъ полуостровѣ, самый способный къ зажженію пожара на большомъ пространствѣ, именно Бѣлградъ. Сербы княжества, составляя одну національность съ босняками-христіанами и съ черногорцами, сознательно стремятся къ присоединенію Босніи и къ соединенію затѣмъ съ Черногоріею. У нихъ есть историческое преданіе — преданіе о сербскомъ царствѣ, о царствѣ Стефана Душана, которое обнимало и Болгарію. А гдѣ границы Болгаріи не географической, а этнографической, гдѣ граница болгарскаго племени на югъ? Недалеко отъ воротъ Константинополя. У сербовъ есть и историческая месть, чувство столь сильное для возбужденія національныхъ порывовъ: месть за Коссово поле, память о которомъ доселѣ живетъ въ пѣсняхъ, знакомыхъ каждому пахарю.

Еслибы этотъ планъ осуществился во всемъ своемъ объемѣ, еслибы возстало значительное сербо-болгарское царство, то это было бы смертельнымъ ударомъ для Турціи. Всѣ ея оборонительные пункты, всѣ поля ея побѣдъ и пораженій, Дунай съ его крѣпостями, Большой Балканъ и Варна перешли бы въ руки ея враговъ. Путь къ Константинополю былъ бы открытъ, и скоро, безъ сомнѣнія, на воротахъ

древней Византіи появился бы щитъ новаго Олега или лагерь новаго Крума или Шишмана.

Но не въ одной столицѣ Турціи отзываются сотрясенія, происходящія въ Бѣлградѣ: онѣ отзываются въ древней цесарской столицѣ. Для Пешта, для Вѣны, Бѣлградъ вѣками пріобрѣлъ значеніе грознаго пункта. Только опасность является теперь подъ другимъ знаменемъ: цѣлости габсбургской монархіи угрожаетъ уже не полумѣсяцъ ислама, а славянскій крестъ. Подъ властью Австріи, какъ извѣстно, находится часть чисто-сербскаго народа; подъ ея властью состоитъ и такъ-называемое Тріединое королевство, котораго жители одноплеменны съ сербами, какъ ближайшіе по славянству.

Вотъ почему всякое движеніе въ Сербіи производитъ въ дипломаціи болѣе впечатлѣнія, чѣмъ какое-либо иное событіе на Балканскомъ полуостровѣ, кромѣ, разумѣется, вступленія нашихъ войскъ въ Молдавію.

Нынѣшній кризисъ, по обычаю, произошелъ неожиданно; но въ силу того положенія дѣлъ, о которомъ мы упомянули выше, въ немъ не преминули тотчасъ усмотрѣть преднамѣренность. Умерщвленіе князя Михаила и любимой имъ родственницы Анки Константиновичъ сопровождалось такими звѣрскими признаками, что въ немъ уже по этому одному трудно предполагать чисто-политическую цѣль. Убійцы обезобразили тѣло князя, запятнали себя подлостью, убивъ женщину, которая закрыла павшаго своею грудью, посягнули даже на жизнь ея дочери.

Нужны ли были эти омерзительныя усложненія убійства для политической цѣли? Не представляетъ ли это искаженіе трупа именно личной злобы, которая рискуетъ даже своей головою, чтобы нанесть лишній ударъ ненавистному человѣку? Но положеніе дѣлъ таково, что подозрѣніе на иностранные происки тотчасъ возникло. Въ древней юридической практикѣ существовало заключеніе: is fecit, cui prodest. Кому же нужна была смерть князя Михаила? Вотъ вопросъ, на который догадчики поспѣшили отвѣчать, и отвѣчали, разумѣется, противорѣчиво. Михаилъ Обреновичъ былъ человѣкъ нерѣшительный, старавшійся, какъ то впрочемъ и велитъ здравая политика въ положеніи правителя Сербіи, поддерживать равновѣсіе между вліяніемъ разныхъ державъ, противопоставляя одну другой. Итакъ, вопросъ, «кому было выгодно», сводился на оцѣнку того, въ какую сторону клонилась политика князя Михаила въ послѣднее время его правленія, въ какомъ *начинаніи* застала его смерть.

Вопросъ: кто будетъ править Сербіею? Если не Карагеоргіевичъ, то Обреновичъ, и изъ этой дилеммы сербы еще не выходили. Великія державы заявили свое намѣреніе не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Сербіи и предоставить ея народу свободный выборъ; — это было въ

порядкѣ вещей. Что кандидатомъ въ преемники Михаилу является, за невозможностью воцаренія Карагеоргіевича, другой Обреновичъ, усыновленный покойнымъ княземъ племянникъ его — Миланъ, это тоже въ порядкѣ вещей. Но совершенно не въ порядкѣ вещей, чтобы верховная власть въ Сербіи, пока она существуетъ въ одномъ лицѣ, принадлежала малолѣтному, подъ опекою женщины, къ тому еще нелюбимой народомъ иностранки. Вдова князя Михаила, княгиня Юлія, изъ благороднаго венгерскаго дома Гунніадовъ, могла привлекать къ себѣ сочувственное настроеніе сербовъ въ послѣдніе года, по семейнымъ ея обстоятельствамъ. Но передъ тѣмъ она всегда была непопулярна въ Сербіи, и популярною правительницею быть не можетъ. Партія національной старины упрекала иностранку и въ гордости, и въ чрезмѣрной привязанности ко всему западно-европейскому. Намъ случалось видѣть, что даже образованные сербы покачивали головами, говоря о подражаніи сербскаго двора дворамъ европейскимъ, о церемоніалахъ, введенныхъ княземъ Михаиломъ и т. д. «Онъ занимается пустяками», обыкновенно говорилось при этомъ, и все это приписывалось княгинѣ Юліи. За этими внѣшностями, которыя сами по себѣ были, конечно, не важны, народъ подозрѣвалъ въ дочери австрійскаго камергера австрійскія симпатіи.

Сомнительно, чтобы тринадцатилѣтній Миланъ, подъ опекою своей тетки, могъ продержаться долго въ Сербіи, которая изгоняла и Милоша, одареннаго желѣзною волею, неразборчиваго на средства, наконецъ, окруженнаго ореоломъ освободителя страны. Мы нисколько не намѣрены утверждать, что сербы вовсе неспособны къ самоуправленію, что имъ нужна диктатура, что если бы единоличная верховная власть была отмѣнена у нихъ, то ее тотчасъ возстановилъ бы, въ свою пользу, глава какой либо партіи, Гарашанинъ, или Христичъ, или Марковичъ. Напротивъ, мы скорѣе согласны думать, что въ этой странѣ, гдѣ регулярнаго войска, способнаго служить орудіемъ честолюбцовъ, всего шесть тысячъ человѣкъ, и гдѣ каждый гражданинъ, воинъ, гдѣ вооруженная сила состоитъ изъ 50-ти-тысячной милиціи, каждый солдатъ которой прежде всего вольный гражданинъ, въ этой странѣ глубоко проникнутой духомъ демократическимъ и тѣмъ истиннымъ демократическимъ духомъ, который не жертвуетъ свободою мнимому равенству — возможно мирное правленіе народнаго совѣта, избраннаго скупштиною. Временное правленіе, хотя оно и дѣйствуетъ въ духѣ династическомъ, показало своими примѣрами, что Сербіею можетъ управлять, даже въ такое трудное время какъ нынѣ, облеченный верховною властью совѣтъ.

Для единоличности верховной власти въ Сербіи недостаетъ главнаго элемента: наслѣдственности, династичности. Это чувство династичности вовсе не укрѣпилось въ сознаніи сербскаго народа. Что видимъ мы въ исторіи Сербіи, со времени ея освобожденія? Власть Ми-

лоша исходила изъ обстоятельствъ; она была освящена народнымъ избраніемъ въ 1827 году, и власть за нимъ была признана наслѣдственная. Но уже въ 1835 году произошло возстаніе, вслѣдствіе его произвола, и только обѣщаніемъ конституціи Милошъ удержался. Милошъ попробовалъ опрокинуть данный имъ статутъ (уставъ) посредствомъ контръ-революціи; онъ прибѣгнулъ къ пріему, который впослѣдствіи сдѣлался такъ обыкновеннымъ: аппелированіе къ массѣ противъ свободы. Но эта попытка не удалась, и освободитель Сербіи долженъ былъ отречься отъ власти въ пользу своего сына, Милана, въ 1839 году, за смертью котораго на престолъ вступилъ братъ его, второй сынъ Милоша, нынѣ убитый Михаилъ, родившійся 4-го сентября 1825 года. Въ борьбѣ партій, тотчасъ проявилась слабость династическаго убѣжденія, а въ возстаніи 1842 года, которое было вызвано не столько иностранными происками, сколько деспотическими мѣрами регентства и возвышеніемъ налоговъ, проявилось уже положительно, что народу дороги не Обреновичи, а собственное его благосостояніе.

Вотъ почему, по изгнаніи Михаила, сербы призвали сына Чернаго Георгія, Александра, который былъ возвращенъ изъ изгнанія Михаиломъ и состоялъ при немъ адъютантомъ. Князь Александръ Карагеоргіевичъ слыветъ другомъ Австріи и врагомъ Россіи. Надо замѣтить, что не отъ него зависѣлъ выборъ такого положенія. Наша дипломація при молодомъ Михаилѣ Обреновичѣ была такъ всесильна въ Бѣлградѣ, нашъ консулъ Ващенко и посылаемые въ Бѣлградъ флигель-адъютанты имѣли тамъ такое вліяніе, что перемѣна правителя сама по себѣ не могла намъ быть пріятною. Во время крымской войны, Александръ Карагеоргіевичъ держался полнаго нейтралитета и, по слухамъ, вооружался даже именно съ цѣлью охранить себя отъ предполагаемаго принужденія дѣйствовать за одно съ Россіею. Карагеоргіевича сербы тоже смѣнили, почему? Потому что онъ нарушилъ уставъ, не созвавъ въ 1848 году народнаго собранія, которое по конституціи должно быть созываемо ежегодно. Это отклонило народъ отъ правителя, и хотя Александръ продержался еще десять лѣтъ, но уже вопреки народной волѣ. Когда, въ 1858 году, онъ прибѣгнулъ наконецъ къ радикальному средству рѣшить вопросъ между ними и народомъ и созвалъ усиленную скупштину, то она просто предложила ему отречься отъ власти. Это было настоящее, мирное impeachement, подобное тому, какое могло состояться относительно сѣвероамериканскаго президента.

Народъ призвалъ опять Милоша, которому въ 1860 году наслѣдовалъ сынъ его, Михаилъ Обреновичъ. Неясно-ли уже изъ этого самаго краткаго историческаго обзора, что въ сознаніи сербскаго народа укорененъ политическій догматъ народнаго избранія правителей? Династичность хотя и записана въ уставѣ, но она не занесена въ тотъ

кодексъ политическихъ вѣрованій народа, который всегда сильнѣе и прочнѣе устава письменнаго. Теперь же, когда право наслѣдованія пресѣклось бездѣтностью Михаила, народное избраніе представляется единственнымъ законнымъ основаніемъ власти для малолѣтнаго Милана.

Очень можетъ быть, что избраніе освятитъ преждевременное и незаконное выставленіе его какъ князя, временнымъ правительствомъ. Но самое это выставленіе, это безцеремонное обращеніе военнаго министра, къ войску, съ предложеніемъ признать Милана княземъ, очень можетъ повредить ему въ будущемъ, хотя бы власть его и была утверждена народнымъ избраніемъ. Что̀ такое значитъ войско въ Сербіи, чтобы къ нему можно было обращаться какъ къ какому-то источнику власти! шесть тысячъ человѣкъ среди слишкомъ милліоннаго и воинственнаго народа!

Нельзя не пожалѣть объ этой поспѣшности. Она, впослѣдствіи, когда около молодого князя начнется неизбѣжная борьба партій, непремѣнно дастъ противникамъ правительства поводъ утверждать, что воцареніе Милана было сюрпризомъ, навязаннымъ сербскому народу.

Заслуженный государственный человѣкъ, который стоитъ въ главѣ управленія нашими внѣшними дѣлами, выразилъ (послѣ панихиды, бывшей въ Казанскомъ соборѣ) уваженіе къ памяти покойнаго сербскаго князя. Характеръ покойнаго, какъ дѣятеля, и то настроеніе, которое проявляется теперь въ Сербіи, вполнѣ оправдываютъ такое заявленіе. Но было бы, разумѣется, ошибочно выводить изъ него заключеніе, что наша политика должна, во всякомъ случаѣ, quand même, поддерживать въ Сербіи Обреновичей. Было бы, быть можетъ, даже не совсѣмъ разсчетливо связывать наше вліяніе въ Сербіи именно съ такимъ правленіемъ, за силу и прочность котораго поручиться никакъ нельзя. Вліяніе наше можетъ быть удовлетворено уже тѣмъ, что кандидатура Александра устраняется сама собою.

Да сверхъ того, связь наша съ Сербіею вовсе не такова, чтобы она зависѣла отъ данной личности или даже отъ опредѣленнаго образа правленія. Быть можетъ, именно теперь утвержденіе власти въ рукахъ избирательнаго совѣта или президента, съ титуломъ князя, могло бы прекратить навсегда бѣдственный для Сербіи антагонизмъ Обреновичей съ Карагеоргіевичами (князь Александръ имѣетъ сына). Но, вообще, чѣмъ меньше державы будутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Сербіи—хотя протекторатъ надъ нею и порученъ коллективному ихъ попечительству, съ устраненіемъ всякаго отдѣльнаго военнаго вмѣшательства, статьями 28 и 29 парижскаго трактата 1856 года—тѣмъ будетъ лучше. Пора уже дать этимъ молодымъ организмамъ возможность окрѣпнуть и вступить на путь самостоятельнаго развитія, которое должно приготовить ихъ къ предстоящей имъ будущности. Европей-

ская дипломація можетъ слишкомъ часто повторять себѣ, что постоянное вмѣшательство и дѣятельная опека предполагаютъ въ будущности *раздѣлъ* турецкихъ владѣній *между великими державами*. Если не такова ихъ цѣль, если онѣ имѣютъ въ виду предоставить самостоятельность законнымъ наслѣдникамъ «больного», то слѣдуетъ теперь же приготовлять ихъ къ этому назначенію.

Сербскія дѣла, имѣющія первостепенную важность въ самомъ серьёзномъ изъ всѣхъ международныхъ вопросовъ въ Европѣ, въ вопросѣ восточномъ, поглотили все то мѣсто, которое мы обыкновенно удѣляемъ обзору внѣшнихъ событій. Намъ остается затѣмъ только вкратцѣ упомянуть о двухъ важныхъ фактахъ послѣдняго времени, относящихся къ важнымъ иностраннымъ вопросамъ: мы упомянемъ о республиканскомъ конвентѣ въ штатѣ Чикаго и объ окончательномъ принятіи англійскою палатою общинъ Гладстонова билля объ отмѣнѣ англиканскаго establishment въ Ирландіи. Политика, такъ сказать дипломатическая, то есть, касающаяся отношеній между государствами, отдыхаетъ, пользуясь отпускомъ дипломатовъ, или вращается въ кругѣ недостовѣрныхъ газетныхъ слуховъ о предполагаемыхъ союзахъ.

«Сотни тысячъ народа стремились къ Чикаго и этотъ всегда дѣятельный городъ представлялся дѣятельнѣе чѣмъ когда-либо»... пишетъ корреспондентъ Times'a. Всѣ знаменитости республиканской партіи собрались на конвентъ, который долженъ былъ избрать кандидата республиканцевъ для будущихъ выборовъ въ президенты. Конвенту придавало особую «пикантность» оправданіе Джонсона или, лучше сказать, неуспѣхъ суда надъ нимъ, такъ какъ большинство всетаки осудило его. Понятно, что въ республиканской партіи проявляется сильнѣйшее раздраженіе противъ тѣхъ семи республиканскихъ же сенаторовъ, которые отпаденіемъ своимъ помѣшали состояться большинству двухъ третей въ пользу обвиненія. Надъ ними назначено слѣдствіе по обвиненію въ подкупѣ. Ярый радикалъ, генералъ Ботлеръ даже не поѣхалъ въ Чикаго, чтобы наблюдать за ходомъ этого изслѣдованія. Оно до сихъ поръ не привело ни къ чему, да едва ли можетъ обнаружить bribery, еслибы таковое и было. Есть доносъ, что одинъ изъ приверженцевъ сенатора Помероя дѣлалъ предложеніе съ его стороны и со стороны еще другихъ республиканскихъ сенаторовъ — продать ихъ голоса Джонсону за 40 т. долларовъ. Но, само собою разумѣется, что обвиненные положительно отвергаютъ это обвиненіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они оспариваютъ у коммиссіи право допрашивать ихъ.

Какъ бы то ни было, на конвентѣ въ Чикаго, однимъ изъ great attractions было именно заявленіе всякаго осужденія сенаторамъ-отщепенцамъ. Братъ сенатора Фессендена, бывшій въ спискѣ вице-президентовъ, былъ даже допущенъ къ избранію, только формально заявивъ, что онъ не раздѣляетъ убѣжденій этого сенатора. Собраніе съ

восторгомъ принимало всякій враждебный намекъ на сенаторовъ-отщепенцевъ, и при упоминовеніи ихъ именъ и имени Джонсона, неоднократно требовало отъ музыки повторенія «Марша мошенниковъ» (Rogue's march), и встрѣчало его съ энтузіазмомъ. Обвиненія въ измѣнѣ сыпались градомъ и собраніе торжественно провозгласило, что оно считаетъ виновность Джонсона доказанною.

Кандидатомъ всей республиканской партіи на президентство признанъ генералъ Улиссъ Грантъ, *единогласно*, представителями всѣхъ штатовъ, бывшими на конвентѣ; кандидатомъ въ вице-президенты провозглашенъ Шюйлеръ-Кольфаксъ. Затѣмъ послѣдовало провозглашеніе республиканской партіи: одобреніе плана возстановленія юга, составленнаго конгрессомъ, предоставленіе избирательнаго права всѣмъ вѣрнымъ (loyal) гражданамъ на югѣ, исполненіе «по буквѣ и духу» финансовыхъ обязательствъ, уменьшеніе налоговъ и постепенное погашеніе долга въ опредѣленное время, равенство защиты оказываемой за границею природнымъ и натурализованнымъ гражданамъ союза, наконецъ—сочувствіе всѣмъ народамъ, возстающимъ для защиты своихъ правъ. Эти два послѣднія заявленія преимущественно относятся къ феніямъ.

Палата общинъ, въ Англіи, какъ мы уже сказали, приняла въ засѣданіи 16 (4) іюня, третьимъ чтеніемъ билль Гладстона объ отмѣнѣ государственной церкви въ Ирландіи. Министерство Дизраэли, повидимому, покорилось своей участи претерпѣвать пораженія. Кормчій, изображенный въ «Панчѣ» все еще стоитъ у руля, хотя пираты теперь уже и связали его. Что онъ сноситъ свое положеніе безъ особеннаго терпѣнія и не мирится со стремленіями либераловъ, это онъ недавно доказалъ въ своей отвѣтной рѣчи, обращенной къ протестантской депутаціи изъ Ирландіи, призывавшей защиту государства на установленную церковь. Онъ сказалъ, что если такая великая перемѣна должна произойти, то пусть ее рѣшитъ сама нація, а не «ухищренія партіи, имѣющей революціонные замыслы».

Между тѣмъ «партія, имѣющая революціонные замыслы», то есть просто политики, желающіе не господствовать надъ Ирландіею, а примирить ее, недавно объявила въ лицѣ Брайта, въ рѣчи произнесенной на митингѣ въ Ливерпулѣ, что «еслибы въ настоящее время предстояло ввесть въ Ирландіи государственную церковь, то едва ли даже въ Бедламѣ нашелся бы человѣкъ, который порекомендовалъ бы ввесть именно англиканскую». Онъ кончилъ рѣчь заявленіемъ увѣренности, что уничтоженіе государственной церкви въ Ирландіи вполнѣ примиритъ эту страну съ Англіею; а между тѣмъ 30 (18) іюня, въ палатѣ лордовъ нашлось 192 голоса, противъ 97, и эти 192 отвергли билль Гладстона.

КРИТИКА

И

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ІЮНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Радищевъ и его книга: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. С.-Петербургъ. 1790. г.»— С.-Петербургъ. 1868. Стр. 256. Ц. 1 р. 25 к.

Мы не упомянули бы въ нашей библіографіи объ этой книжкѣ, принадлежащей къ тому, что́ Бѣлинскій въ свое время весьма опредѣлительно называлъ «заднимъ дворомъ» литературы, — мы не упомянули бы, если бы эта книжка не выставила въ своемъ заглавіи почтеннаго имени, и если бы въ ней не эксплуатировалось произведеніе нашей старой литературы, знаменитое своей печальной исторической судьбой.

Судьба эта извѣстна. Въ этой книгѣ заключалась цѣлая участь человѣка: въ ней онъ высказалъ то, чѣмъ была наполнена его внутренняя жизнь, и что́ теперь, съ 19 февраля 1861 г., перешло окончательно и во всю нашу внутреннюю жизнь; въ ней онъ столкнулся и съ закономъ, и съ существовавшимъ тогда общественнымъ, или вѣрнѣе правительственнымъ мнѣніемъ, заплативъ за нее долговременной ссылкой, и, хотя эта ссылка, сравнительно, не была слишкомъ тяжела (духъ времени успѣлъ все-таки отразиться здѣсь и смягчить осужденіе), но она тѣмъ не менѣе оставила въ Радищевѣ такое впечатлѣніе, что потомъ, когда онъ опять вернулся въ общество и въ оффиціальную службу, одна мысль о возможности тойже перспективы заставила его выпить отраву. Въ корнѣ всего этого лежитъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву».

Осужденіе долго оставалось на книгѣ Радищева, и мы не знаемъ, продолжаетъ ли оно оставаться на ней... Мы думаемъ, что теперь пора было бы снять это осужденіе *вполнѣ* и возвратить русской литературѣ книгу, во всякомъ случаѣ замѣчательную и любопытную. Мы уже слишкомъ далеки отъ того времени, когда она могла считаться опасной: ея лучшая сущность — горячія мысли о свободѣ крестьянъ — теперь составляетъ прочно пріобрѣтенный фактъ нашей гражданской жизни, фактъ, утвержденный самимъ правительствомъ; многія другія мысли, очень смѣлыя въ свое время, теперь точно также не имѣютъ для насъ новизны и часто должны казаться намъ не столько

смѣлостью, сколько заблужденіемъ. Однимъ словомъ, книга имѣетъ для насъ чисто *историческое* значеніе. Но это историческое значеніе ея, въ нашихъ глазахъ, очень велико. Оно заключается въ томъ, что книга Радищева представляетъ собой симптомъ внутренняго развитія общественной мысли, на которое историки наши до сихъ поръ слишкомъ мало обращали вниманія, но которое собственно и составляетъ существенный предметъ историческаго изученія, способный придать этому изученію глубокій и плодотворный смыслъ. Историки чувствовали, что книга Радищева, и не мало другихъ книгъ, понятій и стремленій подобнаго свойства, являются какимъ-то диссонансомъ въ своей прочей обстановкѣ; но они рѣдко старались разрѣшать этотъ диссонансъ, объяснять вполнѣ его происхожденіе и причины: явленіе оставалось необъясненнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оставались необъясненными и другіе новые диссонансы, какіе слышитъ само нынѣшнее общество въ своей средѣ. У историковъ ли недоставало серьезнаго отношенія къ дѣлу, или обстоятельства не всегда позволяли имъ говорить; но фактъ не подлежитъ сомнѣнію, — что въ нашей исторіи до сихъ поръ остается много такого, что̀ умалчивается или недосказывается... Такія умолчанія, по сущности своей, крайне вредны. Мы понимаемъ, что предусмотрительная осторожность можетъ считать ихъ необходимыми, что въ извѣстной степени нравы дѣлаютъ ихъ неизбѣжными; но мы полагаемъ, что эта *степень* могла бы быть гораздо меньше, чѣмъ она есть до сихъ поръ. Если мы желаемъ обществу и литературѣ силы и развитія, которыя бы соотвѣтствовали достоинству націи въ ея европейскомъ сосѣдствѣ и — конкуренціи, мы должны желать обществу и литературѣ мужественной зрѣлости; а эта зрѣлость не можетъ быть воспитана безъ извѣстнаго простора для общественныхъ и литературныхъ идей: для литературы и общества должны бы больше открыться вопросы, на которыхъ они могли бы испытывать свои силы. Элементовъ консервативныхъ и неподвижныхъ въ обществѣ всегда бываетъ больше, и въ столкновеніяхъ свободнаго выраженія литературныхъ идей въ общемъ результатѣ окажется только средній пропорціональный выводъ, а не крайность,—какъ этого обыкновенно опасаются. — Сказанное нами относится и къ исторіи. Въ настоящую минуту, наша исторія едва существуетъ иначе, какъ только въ видѣ матеріала для дальнѣйшей переработки. Для того, чтобы она пріобрѣла полную серьезность, для нея нужно тоже расширеніе критики и пбля наблюденій. Ходъ внутренняго развитія общества въ особенности нуждается въ подобномъ изученіи, а оно невозможно, если для критики и изслѣдованія не будетъ открыто то, что̀ давно можетъ считаться историческимъ прошедшимъ. Напримѣръ, книга Радищева есть, безъ сомнѣнія, такое прошедшее. Мы часто хвалимся нашимъ быстрымъ развитіемъ (и не безъ основанія), и если оно въ самомъ дѣлѣ таково, то можно бы думать, что оно можетъ выслушать мысли, высказанныя 80 лѣтъ назадъ,—въ особенности, когда сущность этихъ мыслей, какъ мы сказали, сдѣлалась уже фактомъ практической жизни. Предъ нами остается историческое явленіе, изученіе котораго можетъ вести къ поучительному наблюденію того, какъ происходитъ движеніе общественной мысли, какія оно имѣетъ основанія и какіе результаты. Наблюденіе покажетъ, что подобныя историческія явленія совершаются не безъ своихъ глубокихъ основаній, что они опредѣляются не однимъ личнымъ капризомъ отдѣльнаго человѣка или нѣсколькихъ людей (какъ часто думаютъ), а цѣлыми общественными условіями. Люди, съ слишкомъ пылкими стремленіями къ общественному улучшенію, рѣдко не сталкиваются враждебно съ своимъ обществомъ и всего чаще бываютъ имъ осуждаемы; но послѣдующее развитіе жизни часто ихъ оправдываетъ. Ихъ должна оправдывать и исторія. Осужденіе книги, какъ достоянія литературы, совершенно могло бы быть снято, и мы не видѣли бы въ этомъ даже никакого юридическаго противорѣчія, какое пожалуй могли бы иные находить здѣсь: юридическая точка зрѣнія должна состоять не въ упрямствѣ на старомъ фактѣ, а на соотвѣтствіи съ требованіями времени и здраваго взгляда на вещи.

Главная ошибка Радищева была въ томъ, что онъ *напечаталъ* свою книгу: тогдашнія условія, конечно, всего меньше благопріятны были для такого рода публикаціи. Другія ошибки, которыя ему ставились въ вину, ошибки мнѣній, безъ сомнѣнія вовсе не были его личными ошибками: не одинъ онъ держался этихъ мнѣній. Говорятъ, что онъ и въ ссылкѣ сохранилъ

расположеніе своего прежняго начальника, Воронцова, и образъ мыслей Радищева, конечно, игралъ роль въ этомъ расположеніи. Въ его книгѣ, эти мнѣнія могутъ иногда казаться рѣзкими; но, чтобы правильно судить о нихъ, едва ли не слѣдуетъ нѣсколько ограничивать ихъ буквальный смыслъ: Радищевъ пользовался господствующей фразеологіей XVIII-го вѣка, которая не должна вводить насъ въ заблужденіе, потому что способъ выраженія не представлялъ вполнѣ характера самихъ практическихъ понятій. Въ практическомъ примѣненіи эти понятія были, безъ всякаго сомнѣнія, несравненно мягче, чѣмъ могло бы, пожалуй, показаться по ихъ абстрактному выраженію въ книгѣ. Радищевъ былъ, конечно, мирный гражданинъ и едва ли намѣревался выходить изъ этой роли. Во всякомъ случаѣ, книга Радищева, не смотря на нѣкоторую странность, имѣетъ много привлекательнаго: образъ мыслей его былъ образъ мыслей человѣка благороднаго,—хотя, быть можетъ, иногда наивнаго; не смотря на нѣкоторую примѣсь французской сентиментальности, принадлежащей вѣку, и иногда на искусственность внѣшняго выраженія, его отношеніе къ народу и народной жизни отличается замѣчательной для своего времени искренностью и пониманіемъ. Кромѣ «Живописца» Новикова, мы не знаемъ, съ чѣмъ бы можно было сравнить нѣкоторыя мѣста «Путешествія», во всей нашей литературѣ XVIII вѣка, по простотѣ этого отношенія къ народной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, Радищеву не нужно никакихъ усилій, чтобы войти въ эту среду и понимать ея языкъ: читая его, мы чувствуемъ это, хотя фраза иногда и измѣняетъ ему. Эта черта такъ рѣдка въ нашей литературѣ XVIII вѣка, что она придаетъ особенный историческій интересъ его книгѣ. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ и взглядъ Радищева на крестьянскій вопросъ, взглядъ весьма сознательный, отъ котораго онъ не отказался и на допросахъ, которые такъ его напугали. — Однимъ словомъ, книга Радищева, кромѣ личной судьбы автора, съ нею связанной, представляетъ много чрезвычайно любопытныхъ сторонъ, которыя дѣлаютъ изъ нея предметъ достойный внимательнаго историческаго изученія.

Что же сдѣлала изъ этого книжка, заглавіе которой мы выписали выше?

При появленіи книжки (издатель которой не поставилъ на ней своего имени), въ газетахъ неоднократно объявлено было, что она продается въ магазинѣ г. Шигина, и что она печатана *безъ предварительной цензуры*. При извѣстномъ характерѣ книги Радищева, это послѣднее заявленіе, повторенное не одинъ разъ, должно было имѣть понятный смыслъ: читатель, т. е., въ глазахъ издателя покупатель, долженъ былъ уразумѣть, что онъ найдетъ здѣсь нѣчто, чего могла и недоставить изданію предварительная цензура. Фраза: «безъ предварительной цензуры» уже успѣла пріобрѣсти значеніе, какъ будто намекающее на нѣкоторую смѣлую новизну изданія, предлагаемаго подъ этой фразой.—На заглавномъ листѣ, при имени книги Радищева поставлено обозначеніе перваго изданія: «С.-Петербургъ, 1790 г.». Дальше, когда за біографическимъ введеніемъ начинается текстъ, кромѣ этого обозначенія прибавлена на оборотѣ и старая цензурная отмѣтка: «Печатано съ дозволенія Управы Благочинія». Но все это нужно было бы (въ издательскомъ смыслѣ) только тогда, когда бы новое изданіе дѣйствительно *вполнѣ* передавало старую книгу; а при клочкахъ книги подобныя библіографическія тонкости были бы не нужны. А здѣсь, какъ увидимъ, мы и находимъ только клочки. Къ чему же это было нужно?

Самъ издатель на первыхъ же страницахъ заявляетъ, что онъ печатаетъ только *выдержки*. Въ такомъ случаѣ, онъ пусть бы просто отмѣчалъ, какія страницы онъ выписываетъ, и какія пропускаетъ. Но и выдержки бываютъ разныя. Обыкновенно дѣлается такъ, что если приводятся выдержки, то для этого выбираются характеристическія мѣста, которыя могли бы дать достаточное понятіе о свойствахъ писателя, главнѣйшихъ его интересахъ и способѣ трактовать предметы. Что же даетъ неизвѣстный издатель выдержекъ изъ Радищева?

Онъ даетъ нѣчто очень безобразное. Онъ обращается съ писателемъ съ безцеремонностью, переходящею всякіе предѣлы. Дѣлая *выдержки*, онъ конечно долженъ былъ передавать не все; но при этомъ онъ долженъ бы былъ, по крайней мѣрѣ, отмѣчать, если онъ дѣлаетъ пропуски, иногда очень большіе, и въ самой *серединѣ* текста. Издатель поступаетъ на оборотъ: онъ выбрасываетъ фразы, цѣлые періоды, даже цѣлыя страницы, и послѣ такой операціи ставитъ двѣ разорванныя фразы ря-

домъ, какъ ни въ чемъ не бывало, какъ будто бы между ними не сказано было еще ничего. Примѣровъ можно привести множество; но довольно хоть двухъ. Новый издатель Радищева заставляетъ его говорить:

«Всѣ почти голоса таковыхъ пѣсенъ (т. е. русскихъ народныхъ пѣсенъ) суть тону мягкаго. Въ *нихъ* найдешь образованіе души нашего народа. Посмотри на русскаго человѣка,—найдешь его задумчива. Если захочетъ разогнать скуку, или какъ то онъ самъ называетъ, если захочетъ повеселиться, то идетъ въ кабакъ. Въ веселіи своемъ порывистъ, отваженъ, сварливъ. Если что либо случится не по немъ, то скоро начинаетъ споръ или битву (стр. 73).»

Вся тирада — связная, и выдается читателю за настоящую мысль Радищева. Между тѣмъ эта мысль, на такомъ небольшомъ пространствѣ, *дважды* кастрирована, и притомъ такъ, что изъ словъ Радищева, весьма характеристичныхъ и даже очень остроумныхъ, остается только нѣчто весьма банальное.

Дѣло въ томъ, что между первой и второй фразой выброшена цѣлая новая мысль; — сказавъ о мягкомъ тонѣ народныхъ пѣсенъ, Радищевъ высказываетъ совѣтъ: на этомъ музыкальномъ расположеніи народнаго уха умѣй «учреждать бразды правленія». Въ концѣ тирады, сказавъ о другой чертѣ народнаго характера, порывистости и сварливости, Радищевъ считаетъ ее чертой исторической, и въ объясненіе, дѣлаетъ замѣчаніе, не лишенное оригинальности, что—бурлакъ, который идетъ въ кабакъ, повѣся голову, и возвращается обагренный кровью отъ оплеухъ, можетъ рѣшить «многое доселѣ гадательное въ исторіи россійской».

Вникнувъ въ этотъ примѣръ обращенія новѣйшаго издателя съ текстомъ книги, кажется можно видѣть, насколько полезнѣе и благоразумнѣе было бы ему обратиться просто къ «предварительной цензурѣ».

Дальше, статья о Новгородѣ начинается у новѣйшаго издателя прямо: «Подъѣзжалъ я къ Новгороду» и т. д. (стр. 116) между тѣмъ какъ этому началу предшествуетъ цѣлый рядъ мыслей, возбужденныхъ въ Радищевѣ ожиданіемъ Новгорода и опять весьма характеристическихъ. На стр. 117, опять выброшена изъ текста цѣлая тирада, ради которой собственно только и можетъ быть интересна вся статья.

Въ этомъ родѣ издатель дѣйствуетъ постоянно: какъ только встрѣтится мѣсто, гдѣ, какъ выше сказано, ему полезно было бы обратиться къ предварительной цензурѣ, онъ безъ предварительной цензуры выбрасываетъ это мѣсто совсѣмъ. Затѣмъ всѣ остальныя мѣста, не возбуждающія никакихъ недоумѣній, т. е. все совершенно обыкновенное и не собственно радищевское, все это печатается цѣликомъ. Однимъ словомъ, новѣйшій издатель, дѣлая свои «выдержки», печатаетъ все, наименѣе характеристическое и любопытное, и выбрасываетъ почти все, наиболѣе характеристическое и наиболѣе любопытное. Первое составило въ книжкѣ новѣйшаго издателя 192 стр.; послѣднее, т. е. выброшенное, по приблизительному разсчету, составляетъ около 130 стр. того же формата; другими словами, выброшена почти половина, и именно та, въ которой состоитъ настоящій смыслъ книги.

Остается прибавить еще о другихъ подробностяхъ. Корректура изданія — ужасна. Примѣры: «подстрекаемъ науки *алябою*, Ломоносовъ» и пр. (стр. 235), читай: алчбою; знатный бояринъ превращается въ знатную барыню (стр. 158); подобострастіе въ подобрастіе (ibid); Блекстонъ дважды превращается въ «Блекетона» (стр. 112) и т. д. безъ числа. Затѣмъ, безъ предварительной цензуры издатель заставляетъ Радищева вмѣсто: «ваше превосходительство», какъ стояло въ его книгѣ, писать: «вашество» (!!), какъ это пишется въ «Губернскихъ Очеркахъ».

Къ книжкѣ прибавлено введеніе, заключающее біографію Радищева. Образчикъ стиля: Отецъ Радищева «былъ отставной бригадиръ, старый суровый помѣщикъ (имѣлъ 2,000 душъ крестьянъ), котораго, впрочемъ, любили подчиненные. Это былъ одинъ изъ тѣхъ *типовъ*, про которыхъ(?) поется въ пѣснѣ:

За добро онъ хвалитъ,
А за худо бьетъ.

«Такое лестное реноме (?) и до сихъ поръ возбуждаетъ уваженіе и симпатію многихъ людей» (стр. 1).

Образчикъ знаній въ русской литературѣ: авторъ біографіи приводитъ допросные пункты Радищеву и его отвѣты, и источникъ свой указываетъ такъ: брошюра «Радищевъ» (безъ означенія мѣста печати и имени автора) 1865 г. Иной подумаетъ, что это тоже какое-нибудь тай-

ное изданіе, какъ книга Радищева: ни мѣста печати, ни *автора* не означено! А дѣло идетъ просто объ отдѣльномъ оттискѣ документовъ, изданныхъ въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей» (1865, книга III).

Нельзя не пожалѣть, что неопредѣленность нѣкоторыхъ вопросовъ печати приводитъ къ такимъ фактамъ, какъ появленіе этой книжонки. Люди, которые, безъ сомнѣнія, охотно отдали бы время на обстоятельное изданіе такого любопытнаго историческаго памятника, какъ книга Радищева,—эти люди не хотятъ браться за трудъ, исходъ котораго сомнителенъ, и памятникъ попадаетъ въ очень странный передѣлъ, съ поправками изъ «Губернскихъ Очерковъ», Щедрина.

Наконецъ, появленіе «Путешествія» въ новомъ изданіи наводитъ еще на другія мысли. По существующему закону о литературной собственности, право собственности автора или его наслѣдниковъ «не можетъ продолжаться долѣе пятидесяти лѣтъ со дня смерти сочинителя или переводчика» (стат. 283 Уст. о ценз.). Ограниченіе срока литературной собственности, безъ сомнѣнія, въ высшей степени благоразумно, и мы находили бы даже, что срокъ, принятый въ нашемъ законодательствѣ, еще слишкомъ продолжителенъ,—въ нашей литературѣ есть, къ сожалѣнію, примѣры, что это посмертное право собственности своей продолжительностью вредитъ интересамъ самой литературы, когда монополія не заботится объ изданіи произведеній писателя, какое бы соотвѣтствовало и его достоинству, и требованіямъ критики. Въ отношеніи къ Радищеву, мы полагали бы точно также, что, *если бы устранено было* упомянутое выше недоразумѣніе относительно возможности его *полнаго* изданія, право это должно, въ интересахъ литературы, перейти въ общую собственность. Но относительно Радищева существуетъ однако, обстоятельство, которое, по нашему мнѣнію, должно бы налагать на издателя нѣкоторую особую обязанность. Главная книга Радищева, на которой всего больше основывается его цѣнность какъ писателя, находилась въ такихъ условіяхъ, что наслѣдники Радищева *не могли воспользоваться своимъ достояніемъ*, каковымъ становится необходимо признать сочиненія Радищева, какъ скоро вновь является возможность ихъ изданія. Здѣсь представляется вопросъ, который долженъ быть извѣстнымъ образомъ рѣшенъ: юридически онъ можетъ и кажется долженъ бы быть рѣшенъ на основаніи тойже 283-й статьи Уст. о ценз.,— этого требовали бы, по нашему мнѣнію, интересы литературы; но съ нравственной точки зрѣнія издатель, который бы захотѣлъ печачать сочиненія Радищева, имѣлъ бы кажется обязанность исправить несправедливость судьбы относительно наслѣдниковъ Радищева и предоставить имъ извѣстную долю той собственности, которою они не могли прежде воспользоваться. *Въ особенности* онъ долженъ былъ бы сдѣлать это, если бы эти наслѣдники существовали и дѣйствительно нуждались въ этомъ. Быть можетъ, настоящій случай именно таковъ.

Приходили-ли подобныя соображенія въ голову неизвѣстному издателю «выдержекъ» изъ Радищева? Объ этомъ онъ ничего не говоритъ.

А. П—въ.

О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. Изслѣдованіе *А. Котляревскаго*. Изданіе К. А. Попова. Москва, 1868. Стр. 252. Ц. 2 р.

Книга г. Котляревскаго займетъ, безъ сомнѣнія, мѣсто въ ряду лучшихъ трудовъ въ нашей археологической литературѣ. Эта литература не богата; относительно древнѣйшихъ археологическихъ эпохъ она, можно сказать, только что начинается, и книга г. Котляревскаго представляетъ въ ней явленіе весьма замѣчательное. Авторъ, какъ и естественно, выбралъ одну частную тему и разработалъ ее на столько, на сколько дозволяло положеніе самой науки, котораго онъ не скрываетъ ни отъ себя, ни отъ читателей; задачей себѣ онъ поставилъ — «свести въ одно цѣлое разрозненные и доселѣ разбросанные факты погребальной старины языческихъ славянъ, критически осмотрѣть, опредѣлить ихъ надлежащій смыслъ и степень значенія; наконецъ, — собрать ихъ, по возможности, въ стройный порядокъ систематическаго изложенія». Задача исполнена у автора съ большимъ успѣхомъ. По самой сущности дѣла, книга его раздѣлилась на двѣ главныя части: въ первой, послѣ общаго объясненія предмета, авторъ опредѣляетъ и подвергаетъ критикѣ источники, доставляющіе свѣдѣнія о древнихъ погребальныхъ обычаяхъ, именно: языкъ, народный бытъ, письменныя свидѣтельства, и наконецъ, самыя могилы уцѣлѣвшія отъ древности; во второй части онъ старается изложить свои выводы и

предположенія сначала о погребальныхъ обычаяхъ временъ до-славянскихъ, потомъ о порядкахъ, существовавшихъ у славянъ.

Чтобы овладѣть этой темой, нужно было большое умѣнье обращаться съ предметомъ и не впадать въ фантазіи, какъ это случается у очень многихъ нашихъ археологовъ; нужна была и обширная начитанность въ старыхъ памятникахъ и новыхъ изслѣдованіяхъ. Очень можетъ случиться, что кое-что и ускользнуло отъ вниманія автора; въ иныхъ подробностяхъ критика его могла и ошибиться, но вообще онъ стоитъ на уровнѣ своего предмета, и начитанность его весьма разнообразна. Критика свидѣтельствъ даетъ ему нерѣдко поводъ къ весьма остроумнымъ и новымъ объясненіямъ, каковы, наприм., замѣчанія о Краледворской рукописи и поправки ея текста, объясненія преданія о мщеніи Ольги древлянамъ и мн. др.

Предоставляя спеціалистамъ подробное разсмотрѣніе книги г. Котляревскаго, замѣтимъ еще объ ея общемъ впечатлѣніи, что она выгодно отличается отъ многихъ другихъ произведеній нашей науки, такъ сказать, искренностью отношенія автора къ дѣлу. Скромно отзываясь о своемъ собственномъ трудѣ, авторъ не преувеличиваетъ положенія всей науки славянской бытовой древности. «Для науки славянской древности—говоритъ онъ — не наступило время совершеннолѣтія, когда она могла бы явиться, какъ живой и вѣрный образъ прошедшаго, какъ знаніе, полное убѣждающей, поучительной силы: она находится еще на степени собиранія и критической обработки матеріала» и т. д. Это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію и притомъ не только относительно археологіи, но и многихъ другихъ отраслей нашей исторической науки. Наконецъ, въ книгѣ г. Котляревскаго намъ пріятно было встрѣтить изложеніе, не смотря на спеціальность предмета, доступное для обыкновенныхъ читателей,—свойство, которымъ вообще не отличаются произведенія русской учености, и отсутствіе котораго едва-ли помогаетъ успѣхамъ самой науки, именно распространенію интереса къ ней въ большемъ кругѣ общества.

Логическія изслѣдованія Адольфа Тренделенбурга. Часть первая. Переводъ *Е. Корша*. Изданіе *К. Солдатенкова*. Москва, 1868 г. 361 стр. Цѣна 2 р.

Нравственная философія Ральфа Уальда Эмерсона. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго *Елизаветы Ладыженской*. С. Петербургъ, 1868 г., 433 стр. Цѣна 2 р.

Стремленіе къ отрицанію, къ разрушенію всѣхъ идеаловъ, всего, что высится надъ міромъ чисто-вещественнымъ — вотъ въ чемъ постоянно упрекаютъ современность съ разныхъ амвоновъ. Но, будто въ самомъ дѣлѣ мы дошли до той трезвости, которая не допускаетъ никакихъ убѣжденій внѣ осязательныхъ фактовъ? Этого нельзя сказать объ огромномъ большинствѣ европейскаго общества. Что касается передового лагеря старой цивилизаціи, лагеря заатлантическаго, Сѣверной Америки, которую обыкновенно представляютъ почвою самыхъ отчаянныхъ попытокъ отрицанія всего стараго и созданія совершенно новыхъ общественныхъ формъ, то въ отношеніи философскомъ Америка не только не радикальнѣе Европы, но даже въ значительной степени отстаетъ отъ нея. О Европѣ можно сказать — разумѣя образованное меньшинство — что она еще только дошла до степени сомнѣнія въ а-пріорическихъ мысляхъ. Эта степень сомнѣнія, сомнѣнія не только въ отвлеченныхъ традиціяхъ стараго времени, но еще и въ окончательности опытнаго, научнаго знанія, соотвѣтствуетъ самому положенію современнаго научнаго знанія.

Въ Европѣ мыслящее меньшинство уже сознало, что вѣрное знаніе можетъ быть добыто только путемъ строго научнымъ, путемъ послѣдовательнаго опыта, освѣщаемаго критикой. Но данныя, какія успѣла до сихъ поръ собрать наука, слишкомъ недостаточны для того, чтобы прирожденные человѣку инстинкты, стремящіеся къ безусловному, могли въ этихъ данныхъ найти для себя удовлетворительный отвѣтъ или же смириться, покориться передъ очевидностью и полнотою открытыхъ истинъ. Антропологія, можно сказать, дѣлаетъ еще только первые шаги; это зависитъ отъ того, что науки, въ которыхъ это сборное знаніе почерпаетъ свои элементы, еще далеко не приготовили достаточно матеріаловъ для общихъ выводовъ. Геологическія открытія относительно до-исторической судьбы человѣчества — нич-

тожны; физіологія если и богата изслѣдованіями объ устройствѣ нервной системы, то въ отношеніи къ дѣйствію этой системы все еще прибѣгаетъ къ ипотетичности. Органическая химія еще не рѣшила, безспорно, вопроса о возможности самозарожденія. Сравнительная зоологія еще споритъ относительно самостоятельности видовъ.

При такомъ положеніи наукъ, сомнѣніе является естественною предѣльною точкою выводовъ. Мы сомнѣваемся въ традиціяхъ, и наука, чтобы вполнѣ убѣдить насъ, должна еще представить данныя полныя для научнаго убѣжденія. Въ этомъ отношеніи одно обращеніе къ здравому смыслу, одно отрицаніе всего неизвѣстнаго — столь же нераціональны, какъ и утвержденіе на основаніи душевной потребности или инстинкта. Весь успѣхъ мысли новѣйшаго времени ограничивается тѣмъ, что она уже отказывается утверждать что-либо на основаніи одного личнаго желанія, инстинктивную потребность не принимаетъ болѣе за доказательство, и признаетъ путь опыта и науки какъ единственный путь, который *со временемъ* можетъ привесть къ вѣрному знанію основаній человѣческой природы.

Такому настроенію мыслящаго меньшинства въ Европѣ, въ массахъ грамотныхъ, полуобразованныхъ, несамостоятельно мыслящихъ, соотвѣтствуетъ — какъ то и естественно — полный индифферентизмъ къ философскимъ вопросамъ.

Въ Америкѣ мы видимъ совсѣмъ не то. Юная нація, обольщенная быстрыми, громадными успѣхами, полная довѣрія къ себѣ, не довольствуется трезвостью мысли мудрой опытностью Европы. Закваска многочисленныхъ фанатическихъ сектъ, положившихъ основаніе Новой Англіи, до сихъ поръ бродитъ въ Америкѣ, и въ юной, полной самоувѣренности, не чуждой даже необузданности, общественности ея производитъ самыя странныя философско-соціальныя явленія. Общій характеръ новыхъ соціяльныхъ формъ, возникающихъ въ Новомъ Свѣтѣ ученій всѣхъ этихъ мормоновъ, «общниковъ любви», Брейэм-Юнговъ, Принговъ и т. д. — смѣшеніе самаго отъявленнаго мистицизма, съ радикальными попытками перестройки общества. Было бы любопытно прослѣдить, какое пагубное вліяніе это смѣшеніе оказываетъ на такіе спеціяльные опыты, которыхъ поучительность, стало быть польза, была бы внѣ всякаго сомнѣнія, еслибы онѣ дѣлались сами по себѣ, своимъ именемъ, свободно, а не подъ вліяніемъ совершенно постороннихъ дѣлу и портящихъ его мистическихъ измышленій. Соціяльное новаторство Америки все еще стоитъ на той степени, на которой проявлялись стремленія къ соціяльной реформѣ въ средніе вѣка и на самомъ рубежѣ новой исторіи. Американскіе общественные преобразователи все еще прикрываются религіозными правами, будто бы данными имъ свыше, основываютъ свой авторитетъ на откровеніи, точно такъ какъ средневѣковые реформеры. Отсюда происходятъ явленія чудовищныя, описаніе которыхъ мы читаемъ не какъ поучительный разсказъ о работѣ общества найти для себя новыя, болѣе раціональныя, болѣе удобныя основы, а какъ повѣсть о новомъ вавилонскомъ столпотвореніи, о настоящихъ оргіяхъ ума зараженнаго фанатизмомъ.

Приведенная нами характеристика различія между настроеніемъ работающей мысли въ Европѣ и Америкѣ, достаточна для того, чтобы оцѣнить два указанныя нами переводныя сочиненія, одно принадлежащее старому, другое —новому свѣту. «Логическія изслѣдованія» Тренделенбурга вышли въ 1840 году, то есть въ то время, когда абстрактная философія уже сказала свое послѣднее слово, и общество уже начало отворачиваться съ недовѣріемъ отъ всѣхъ этихъ системъ, которыя въ сущности заключали въ себѣ только классификацію и терминологію, на основаніи предвзятой, самой въ себѣ обращающейся мысли.

«Философія», говоритъ авторъ «тогда только достигнетъ прежней силы, когда пріобрѣтетъ полную самостоятельность; а этого ей не добиться до тѣхъ поръ, пока она не станетъ расти и крѣпнуть такимъ же способомъ, какъ растутъ другія науки; пока не будетъ развиваться въ непрерывной постепенности, а не начинаться и обрываться всегда съизнова въ любой мыслящей головѣ; ей должно исторически принимать въ себя задачи и преемственно вести ихъ далѣе».—«Нѣмцамъ, говоритъ онъ далѣе, надо отдѣлаться отъ предразсудка, будто для грядущей философіи необходимо еще отыскать какое-то новозданное начало. Начало уже найдено; оно лежитъ въ томъ органическомъ мировоззрѣніи, которое, обосновавшись у Платона и Аристотеля, шло поступательно дальше, и которое должно вырабатываться и завершаться все болѣе глубокимъ изслѣдованіемъ основныхъ понятій и ихъ различ-

ныхъ сторонъ, да вмѣстѣ и живѣйшимъ взаимнодѣйствіемъ съ реальными науками».

Тренделенбургъ, дѣйствительно, призываетъ реальныя науки на помощь, но онъ всетаки берется за изслѣдованія явленій духа независимо отъ реальныхъ наукъ, потому что допускаетъ первичныя, априорическія понятія, предполагаетъ рѣшеннымъ вопросъ о субъективности духа, признаетъ два начала, не считая повидимому нужнымъ доказывать эту двойственность. Такимъ образомъ, если въ нѣкоторыхъ сферахъ дѣятельности духа онъ видитъ продукты внѣшнихъ фактовъ, ощущенія, производящія послѣдствія путемъ органическихъ отправленій и считаетъ нужнымъ изслѣдовать этого рода дѣятельность по указаніямъ наукъ точныхъ, то всетаки онъ не считаетъ нужнымъ доказывать своего положенія, что «духъ самъ себѣ врожденъ, а потому онъ для себя и изначаленъ». Положеніе, что nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu, онъ принимаетъ только съ Лейбницевою оговоркою: «nisi intellectus ipse»; поэтому въ самосознаніи онъ видитъ самопричинность. И вотъ, въ области этой-то первичной дѣятельности онъ видитъ возможность научнаго познанія духомъ самого себя и, конечно, признаетъ психологію *опытною* наукой, независимо отъ того реальнаго опыта, который одинъ мы уже привыкли признавать строго-научнымъ, потому что онъ несомнѣненъ.

Не спрашивайте, при такой независимости психическаго опыта, отчего же происходитъ то рѣзнообразіе философскихъ системъ, и та порванность каждой изъ нихъ, на которую жалуется Тренделенбургъ? И почему бы нѣмецкіе утописты повѣрили ему, перестали искать новыхъ основныхъ началъ? И возможно ли историческое, постепенное развитіе той «науки», въ которой произведенъ самый выборъ основной мысли?

Сочиненіе Тренделенбурга не соотвѣтствуетъ уже той степени, на которую стала мысль въ современной Европѣ, которая ограничивается простымъ выраженіемъ выводовъ реальныхъ наукъ, оставивъ окончательно путь измышленій объ области первичной дѣятельности.

За то сочиненіе американца Эмерсона вполнѣ соотвѣтствуетъ настроенію мысли американскаго общества. Замѣчательно, что и онъ исходитъ тоже изъ платонизма, и Платона признаетъ не только творцомъ философіи, но и ея завершителемъ. «Платонъ — это философія, и философія — это Платонъ», — говоритъ онъ. Платонизмъ, дѣйствительно, лежитъ въ основаніи — или заключаетъ въ себѣ основныя начала—большинства философскихъ религій. Вотъ почему, восторженная, сектаторская Америка не можетъ отъ него оторваться. Эмерсонъ самъ, впрочемъ, стоитъ внѣ, онъ приверженецъ чистаго деизма. Но въ нравственной философіи его отражаются именно любимыя убѣжденія американскихъ учредителей сектъ. «Довѣріе къ себѣ», этотъ девизъ, которымъ отчасти злоупотребляетъ юное общество — вотъ первое нравственное правило этого моралиста. «Наитіе», т. е. личное непрестанное откровеніе или вдохновеніе— вотъ для него источникъ всякаго познанія, всѣхъ открытій и даже личной дѣятельности. Итакъ, хотя Эмерсонъ и выше сектъ, и самъ, пожалуй, не мистикъ, въ грубомъ значеніи этого слова, но философія его заключаетъ въ себѣ именно оправданіе и даже главныя основанія всѣхъ, самыхъ мистическихъ сектъ его страны. «Довѣріе къ себѣ», «любовь какъ высшій законъ», понятіе о человѣкѣ, какъ «о воплощеніи слова», наконецъ «наитіе» или личное откровеніе—какъ нравственная основа— вотъ существенныя начала его философіи, и это именно — существенныя начала американскаго сектаторства. Между тѣмъ, тѣ грубые миѳы, тѣ уродливѣйшія, даже развратныя послѣдствія, къ какимъ иныя секты (напримѣръ «общество любви») приходятъ, представляютъ живое, наглядное и неотразимое доказательство, что самая возвышенная нравственная философія, согрѣтая самыми благородными инстинктами, высоко-поэтическая (все это относится къ Эмерсону) совершенно непригодна, когда она основана на инстинктѣ, на поэзіи, на указанныхъ выше, совсѣмъ произвольныхъ и возводящихъ даже произволъ въ систему, началахъ.

У Эмерсона есть краснорѣчивыя, поэтическія страницы. Напримѣръ:

«О вѣрь, что вовсе продолженіе твоей жизни, всякое слово, сказанное на какой бы то ни было точкѣ земного шара, великое слово, важное и необходимое тебѣ услышать—раздастся въ ушахъ твоихъ! Нѣтъ такой мысли, такой книги, такой поговорки, нужной тебѣ въ опору и въ утѣшеніе, которая-бы не дошла до тебя — неминуемо. Другъ, котораго жаждетъ не своевольная мечта, а твое великое, твое любящее сердце, сожметъ въ своихъ объятіяхъ. Какъ воды, облегающія земной шаръ, составляютъ

въ сущности одинъ океанъ, имѣющій тѣ-же приливы и отливы; — такъ и душа наша, и бытіе, и всѣ мы, съ нашими потребностями, желаніями, стремленіями, находимся въ храненіи Вездѣсущаго. Предъ неизмѣримыми возможностями души, все извѣстное намъ по опыту и по описаніямъ за великое и прекрасное—блѣднѣетъ и исчезаетъ.»

Вторая часть «Нравственной философіи» заключаетъ характеристики нѣсколькихъ великихъ людей. На основаніи теоріи Эмерсона, благоговѣніе предъ великими людьми является естественнымъ, такъ какъ въ нихъ представляется высшая степень «наитія.» Онъ написалъ восторженное слово о Платонѣ какъ философѣ, характеристики Сведенборга, какъ типъ мистика, Монтаня, какъ типъ скептика, Шекспира, какъ поэта, Гёте — писателя, наконецъ, Наполеона — какъ человѣка «міра сего». Эта послѣдняя характеристика всѣхъ лучше удалась Эмерсону. Въ ней преобладаетъ именно та трезвость мысли, которой недостаетъ этому восторженному моралисту.

Переводчица, г-жа Ладыженская, открыто объявляетъ себя горячею послѣдовательницею американскаго философа. Она перевела именно съ любовью его книгу, и къ труду ея, также какъ и къ искреннему, чистому ея убѣжденію, нельзя отнестись иначе, какъ съ уваженіемъ.

Л. А-въ.

Уголовная лѣтопись. (Les annales criminelles). Процессы всѣхъ странъ. Книжка 1, томъ I. Дрезденъ, 1868 г., 245 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

Это первый выпускъ изданія, которое имѣетъ цѣлью: «Рядомъ процессовъ замѣчательныхъ и въ психологическомъ отношеніи, и въ примѣненіи къ нимъ суда и правды, пополненныхъ популярно изложенными статьями сравнительнаго судопроизводства и уголовнаго права на западѣ»— знакомить русскихъ читателей съ данными и выводами уголовной практики въ Европѣ. Если мы хорошо поняли мысль изданія, то назначеніе его заключается преимущественно въ томъ, чтобы русской публикѣ, молодой въ опытѣ криминальномъ, такъ какъ передъ нею только-что растворились двери уголовныхъ судовъ, дать живой матеріалъ для сравненій и справокъ. Мысль эта — недурная. Нельзя не замѣтить, что именно вслѣдствіе нашей неопытности въ этомъ дѣлѣ, мы склонны въ каждомъ преступленіи, сколько-нибудь выходящемъ изъ ряда, видѣть нѣчто небывалое, безпримѣрное, требующее и исключительнаго суда и особаго «примѣрнаго» наказанія, однимъ словомъ — чрезвычайныхъ мѣръ, наклонность къ которымъ, вѣроятно, еще долго будетъ характеризовать наше общество. Между тѣмъ, еслибы публика имѣла передъ глазами недавній примѣръ, бывшій въ Гамбургѣ, гдѣ человѣкъ, убивъ мать и нѣсколькихъ братьевъ и сестеръ, одного за другимъ, по мѣрѣ того, какъ они возвращались домой, единственно съ цѣлью одному воспользоваться небольшимъ наслѣдствомъ — деревяннымъ домомъ, который онъ тутъ же, по совершеніи злодѣйства, зажегъ, подобно тому, какъ Горскій, убивъ нѣсколько человѣкъ съ цѣлью грабежа, и затѣмъ ничего не укралъ; если бы нѣсколько такихъ примѣровъ были доставлены намъ долговременною криминальною гласностью, то, безъ сомнѣнія, мы не стали бы отыскивать въ преступленіи полу-маніяка, какихъ-нибудь «особенныхъ», отягощающихъ причинъ, какъ то дѣлали у насъ, какъ то дѣлалъ даже одинъ изъ вліятельныхъ органовъ печати.

Еслибы мы были болѣе богаты свѣдѣніями по криминалистской практикѣ, то преступленіе въ Гусевомъ переулкѣ не повергло бы насъ въ такое удивленіе, что мы стали предполагать непремѣнно туже руку въ убійствѣ совершенномъ черезъ годъ въ домѣ Миллера; какъ будто первое изъ этихъ дѣлъ было нѣчто безпримѣрное, требовавшее какихъ нибудь небывалыхъ еще способностей убійцы, и какой нибудь совсѣмъ исключительной обстановки.

Издатели вѣрно смотрятъ на сущность криминальнаго факта вообще, говоря, что онъ «вызывается несовершенствомъ человѣческой натуры, потребностями того общества, въ которомъ совершается, юридическою жизнью своего времени». Но для того, чтобы ихъ изданіе соотвѣтствовало своей практической цѣли, надо именно строго держаться программы современности, дѣлая исключеніе только для такихъ процессовъ, давнихъ временъ, которые останутся навсегда важными примѣрами въ исторіи уголовнаго производства, напримѣръ, для процесса невинно-казненнаго Лезюрка. Между тѣмъ, этого процесса мы не находимъ въ первомъ выпускѣ (быть можетъ онъ войдетъ въ позднѣйшій; процессъ этотъ малоизвѣстенъ, хотя самый фактъ извѣстенъ хорошо; а вѣдь интересенъ то именно процессъ, характеръ той совокупности свидѣтельствъ (той evidence, кото-

рая погубила невиннаго), а вмѣсто того находимъ исчисленіе приговоровъ «лейпцигскаго судилища» съ 1584 по 1603 годъ, въ которомъ возникали дѣла нынѣ отчасти невозможныя (наприм., по колдовству), а другія дѣла производились по понятіямъ и законоположеніямъ, нынѣ нигдѣ не существующимъ. Сборникъ этихъ приговоровъ, очевидно, попалъ въ «лѣтопись» случайно. Онъ имѣетъ интересъ только историческій, а практической пользы никакой принесть не можетъ.

Непонятно также, для чего здѣсь помѣщено, съ утомительною подробностью, ссылками на всѣ статьи саксонскаго кодекса, цитатами изъ обвинительной и защитной рѣчей, даже съ именами всѣхъ судей,—дѣло профессора Линднера, уличеннаго въ покражѣ книгъ, пергамента и рисунковъ изъ лейпцигской университетской библіотеки. Самый фактъ этой покражи, совершенной образованнымъ и въ другихъ отношеніяхъ вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ, пожалуй интересенъ, но въ юридическомъ отношеніи дѣло не представляетъ никакого интереса, такъ что, во всякомъ случаѣ, не слѣдовало помѣщать этого дѣла въ такомъ сыромъ, необработанномъ видѣ. Если издатели хотятъ, чтобы ихъ предпріятіе получило значеніе и принесло пользу, то они должны принять за непремѣнное правило: представлять каждое дѣло раціонально-составленной статьею, а не простыми выписками изъ обвинительнаго акта и рѣчей прокурора, да адвоката.

Такъ, очень хорошо составлена статья о дѣлѣ Карла Маша (1856—1864 г.), изъ прусской уголовной практики. Этотъ человѣкъ представлялъ примѣръ самаго отчаяннаго преступника, и преступника, для котораго убійство обратилось въ самую обыкновенную вещь. Нравственное паденіе его было таково, что онъ удовлетворялъ чувственную страсть надъ трупами всѣхъ женщинъ, которыя дѣлались его жертвами. Вся жизнь его, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, была длиннымъ рядомъ убійствъ, поджоговъ и грабежей. Въ Машѣ не было замѣтно рѣшительно никакихъ признаковъ умопомѣшательства или изступленія. Иногда онъ какъ бы заключалъ съ обществомъ перемиріе и жилъ слугою, торговцемъ и т. д. Когда эта жизнь ему наскучала, онъ удалялся въ лѣсъ, выкапывалъ себѣ подземелье, устраивалъ его со всѣмъ робинзоновскимъ комфортомъ и проводилъ тамъ цѣлые мѣсяцы, выходя изъ берлоги на охоту, для доставленія себѣ убійствомъ недостававшихъ вещей или денегъ, или для удовлетворенія страсти надъ трупами. Все это совершалось не только съ полнымъ хладнокровіемъ, но и безъ малѣйшихъ угрызеній совѣсти. Машъ показалъ, что совѣсть его нисколько не мучила, послѣ того, какъ онъ привыкъ къ убійству.

Однако въ этомъ человѣкѣ, который, повидимому, совершенно обратился въ звѣря, оставалось сильнымъ чистое чувство: привязанность къ брату, который не разъ скрывалъ и кормилъ его. Карлъ Машъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы скрыть участіе брата въ своихъ преступленіяхъ; свою карьеру онъ кончилъ тѣмъ, что подробно разсказалъ о всѣхъ своихъ злодѣйствахъ, даже о многихъ изъ тѣхъ, въ которыхъ никто его не подозрѣвалъ, въ которыхъ даже не подозрѣвалось и чьего-либо преступленія. Но брата онъ отстаивалъ до послѣдней крайности, стараясь выгородить его изъ своего дѣла, отрицая даже знаніе брата о своемъ пребываніи въ лѣсахъ. А между тѣмъ, этотъ же человѣкъ, совершивъ убійство, и изумленный внезапной находкою пятилѣтняго мальчика, въ другой комнатѣ, мальчика, который сталъ ему улыбаться, убилъ его нѣсколькими ударами топора. «Если я убивалъ—признался Машъ,—то дѣлалъ это не изъ кровожадности, не изъ наслажденія, а потому, что видѣлъ въ томъ средства къ существованію, или къ удовлетворенію похотливыхъ инстинктовъ. Я хотѣлъ быть свободнымъ—и сталъ убійцей.»

Этотъ примѣръ представляетъ фактъ, который замѣчателенъ по своей полнотѣ, какъ возраженіе противъ теоріи, видящей въ преступныхъ дѣйствіяхъ вообще только «болѣзни воли», предполагающей въ убійствѣ непремѣнно нѣкоторое умопомѣшательство, манію. Мы не говоримъ, что этого факта *достаточно* для опроверженія теоріи весьма раціональной; мы хотимъ только сказать, что примѣръ Карла Маша интересенъ именно потому, что онъ *лучше другихъ* можетъ служить аргументомъ противъ этой теоріи. Этотъ человѣкъ откровенно говоритъ, что онъ убивалъ потому, что хотѣлъ быть совершенно свободнымъ. Стало быть, онъ убивалъ по принципу, совершенно посторонему собственно дѣлу убійства. Онъ хотѣлъ обходиться безъ общества, и на другія чело-

вѣческія личности смотрѣлъ просто, какъ на предметы эксплуатаціи, какъ мы смотримъ на животныхъ. Возможно ли признавать въ этомъ человѣкѣ умъ неповрежденный, умъ въ нормальномъ состояніи, только освободившійся отъ чувства налагаемыхъ на насъ сознаніемъ солидарности нашей особы съ человѣчествомъ? До какой степени возможно допустить здравое положеніе ума человѣка, сбросившаго съ себя эту солидарность, отрицающаго ее и всѣ естественныя самоограниченія изъ нея истекающія, до какой степени можно признать здравость человѣка внѣ общества, человѣка антисоціальнаго? При понятіи объ общественности, о солидарности съ себѣ подобными, понятіе *человѣчности* слѣдуетъ признавать столь кореннымъ въ человѣческомъ умѣ, что въ отсутствіи, или умышленномъ изгнаніи этого понятія слѣдуетъ видѣть уже болѣзнь ума.

Вотъ вопросъ, отъ рѣшенія котораго будетъ зависѣть: можно ли признать примѣръ такого преступника, какъ Машъ, доказательнымъ противъ вышеупомянутой теоріи, которая, объясняя преступленіе патологически, тѣмъ самымъ приходитъ къ заключенію и о невмѣняемости и даже — о безполезности системы устрашенія.

Мы, разумѣется, не станемъ разбирать здѣсь этого вопроса. Мы поставили его по поводу замѣчательнаго дѣла Карла Маша съ тою только цѣлью, чтобы показать, какъ важно собираніе и объясненіе уголовныхъ фактовъ, а стало быть и пользу такого изданія, какъ «Уголовная Лѣтопись», если издатели будутъ строже и логичнѣе въ выборѣ своихъ матеріаловъ.

Въ первой книжкѣ есть еще интересное дѣло прусской тайной совѣтницы Шарлоты Урсинусъ, обвиненной въ нѣсколькихъ отравленіяхъ. Но въ изложеніи его также много лишняго, какъ напримѣръ стихи, пропѣтые при ея погребеніи. Сверхъ того, переводъ съ нѣмецкаго здѣсь слишкомъ очевиденъ. Весь складъ рѣчи и многія выраженія — чисто-нѣмецкія.

Упомянемъ еще о процессѣ Герра, который, хотя и относится къ XVI вѣку, и потому въ отношеніи собственно производства дѣла не представляетъ практическаго значенія, но вошелъ въ изданіе по праву, какъ основанный на интересномъ физическомъ фактѣ: необыкновенномъ сходствѣ двухъ человѣкъ, сходствѣ доходившемъ до того, что одинъ изъ нихъ былъ признанъ за другого родственниками и даже женою послѣдняго, и впродолженіи трехъ лѣтъ пользовался всѣми правами своего двойника.

«Уголовная лѣтопись», повторяемъ, можетъ имѣть успѣхъ и принесть пользу, если ея издатели строго придержатся раціональной программы. Въ послѣднее время у насъ издано нѣсколько сборниковъ уголовныхъ дѣлъ, но всѣ они — за исключеніемъ одной серьезно-критической книги г. Леонтьева, составлены на-авось, безъ связующей мысли и безъ обработки. Въ такомъ сыромъ видѣ, криминалистскіе факты могутъ представлять только интересъ анекдотическій, подобно тому, какъ случаи убійства, о которыхъ печатается въ газетахъ. Тутъ все дѣло въ связи и въ обработкѣ. «Уголовная лѣтопись» будетъ выходить по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, и издатели обѣщаютъ помѣщать въ концѣ каждаго тома (изъ двухъ книжекъ) популярныя статьи по уголовному праву, судопроизводству и судебной медицинѣ. Примѣръ такой статьи представляетъ помѣщенное на этотъ разъ разсужденіе со слишкомъ много обѣщающимъ названіемъ: «Отношеніе психологіи къ праву и судопроизводству». Эта статья не обнаруживаетъ, каковъ именно взглядъ автора на психологическій фактъ преступленія; въ ней доказывается только, что одно преступленіе не похоже на другое, что каждое изъ нихъ составляетъ самостоятельный нравственный фактъ, и что правосудіе требуетъ изученія психологической особенности каждаго факта. Для популярной статьи и этого довольно.

Изданіе это предназначается не для спеціалистовъ, и ученой самостоятельности отъ него требовать нельзя; пусть только оно будетъ толково, и популярность не станетъ искать въ анекдотическомъ характерѣ. Иначе, оно обратится въ простую спекуляцію, какъ иные сборники уголовныхъ дѣлъ. Желаемъ ему избѣгнуть этого нравственнаго паденія.

Очерки природы и быта Бѣломорскаго края Россіи. Охота въ лѣсахъ Архангельской губерніи. *А. Михайлова.* С.-Петербургъ, 1868 г. 278 стр.

Тутъ описывается не одна охота, а также монастыри, преданія о Ломоносовѣ, города, дороги, и т. д. Однимъ словомъ, это — путевыя замѣтки. Къ серьезному знакомству съ краемъ онѣ прибавятъ мало; что касается собственно

охоты, то она описана занимательно; достовѣрность описанія, однако, уменьшается тѣмъ, что авторъ включилъ въ свой разсказъ не одно видѣнное имъ лично, но и слышанное. При книжкѣ — карта береговъ Бѣлаго моря.

Записка по поводу предлагаемыхъ измѣненій въ русскомъ тарифѣ 1857 года, представленная своему правительству великобританскимъ консуломъ въ С.-Петербургѣ, Т. *Мичелемъ*. С.-Петербургъ, 1868 г., 111 стр.

Объ этой дѣльной и богатой сравнительными фактами книжкѣ мы упоминаемъ въ «Ежемѣсячной хроникѣ». За рѣшеніемъ вопроса о тарифѣ, она утрачиваетъ практическое значеніе, оставаясь вообще краснорѣчивымъ протестомъ противъ всякой четверть-мѣры.

Пережитое и передуманное. Воспоминанія Василія Кельсіева. Спб. Стр. 443 Ц. 2 рубля.

Книжка г. Кельсіева не представляетъ ни особенно интересныхъ свѣдѣній, ни сколько-нибудь новыхъ взглядовъ. То, до чего онъ дошелъ только путемъ безполезнаго опыта, всѣмъ извѣстно. По всѣмъ тѣмъ причинамъ мы не стали бы сколько нибудь подробно говорить объ этой книжкѣ, если бы она не представляла намъ матеріала для психологическаго этюда надъ личностью одного изъ тѣхъ «маленькихъ великихъ людей», которыхъ нѣкогда удачно характеризовалъ А. В. Никитенко.

Литература, конечно, никогда не имѣла бы повода вспоминать о прежней жизни г. Кельсіева, и сопровождала бы сочувственнымъ молчаніемъ молчаніе юстиціи, обусловленное высочайшею милостью. Но г. Кельсіевъ самъ отвергъ это молчаніе; онъ самъ теперь обращается къ литературѣ и обществу съ книгою своихъ воспоминаній о прежней жизни. Какія психическія причины побудили г. Кельсіева къ такой нескромности? Что́ заставляетъ его говорить о своей прежней жизни, которая можетъ быть предметомъ только искренняго сожалѣнія, въ соединеніи съ глубокою благодарностью за данное ей право спасительнаго молчанія? Оправдаться въ государственныхъ преступленіяхъ онъ не можетъ; снять съ себя тяжелой нравственной отвѣтственности за другихъ, которые были увлечены имъ, нынѣ спокойно пишущимъ мемуары и издающимъ ихъ по два рубля за томъ — онъ также не можетъ. Оправданія въ рѣшимости отказаться отъ прежней жизни и возвратиться въ Россію — не нужно; развѣ оправдываются въ благомъ намѣреніи, какъ бы поздно оно ни пришло? Вѣдь это значило бы дорожить прежнимъ заблужденіемъ, и такое оправданіе относилось бы тогда не къ публикѣ, а къ прежнимъ товарищамъ по заблужденію, чего г. Кельсіевъ, разумѣется, не имѣлъ въ виду.

Какая же могла быть цѣль этого раскрытія внутренностей и притомъ собственныхъ, между тѣмъ какъ другіе, въ родѣ гг. Топорова и Колосова («Изнанка на лицо» и «Очерки съ натуры»), считаютъ интереснымъ показать намъ внутренности другихъ, напр., Ильи Арсеньевича Почтамскаго съ товарищи. Можетъ быть, г. Кельсіевъ желалъ предостеречь другихъ молодыхъ людей отъ заблужденій? Но авторъ самъ признаетъ, что нынѣшніе молодые люди вовсе политикою не занимаются, что прежніе идеалы г. Кельсіева, по собственному его выраженію, «опошлены въ ихъ глазахъ, наши золотые сны достались имъ позолоченными, да еще сусальнымъ золотомъ». «Политика — говоритъ г. Кельсіевъ о нынѣшнихъ молодыхъ людяхъ — для нихъ, богатыхъ опытомъ, оказывается даже и онъ соблазнительной». Но въ такомъ случаѣ, стало быть, и предостерегать ихъ вовсе не нужно. Затѣмъ, спрашиваемъ еще разъ, — что́ же могло побудить г. Кельсіева отвергнуть дарованную ему привилегію — пользоваться молчаніемъ, и ввести публику въ тайники души своей, собирая за входъ по 2 руб. сер. (цѣна книги), и объявляя въ газетахъ, что мемуары изданы «безъ предварительной цензуры», но, конечно, не безъ той, безъ которой г. Кельсіевъ издавалъ прежнія свои сочиненія.

Исчисливъ всѣ уважительныя цѣли, которыхъ изданіе его не имѣетъ, мы должны, къ сожалѣнію, остановиться на тѣхъ побужденіяхъ, которыя представляются выгодностью сбыта книжки, писанной бывшимъ государственнымъ преступникомъ — это succès de scandale — и неудержимою страстью выдвигаться впередъ, обращать на себя вниманіе, быть «предметомъ»...

Эта-то именно страсть, вмѣстѣ съ легкомысліемъ въ самомъ дѣлѣ замѣчательнымъ, легкомысліемъ, такъ сказать типическимъ, въ свое время и увлекли г. Кельсіева въ эмигрантскую, пропагандистскую дѣятельность, отъ которой отсовѣтывали ему, какъ мы увидимъ ниже, сами революціонеры сознательные. Та же

страсть нынѣ не позволяетъ г. Кельсіеву жить мирно, подъ покровомъ прикрывшаго его милосердія, и гонитъ его на общественные подмостки. Задавать вопросы критикѣ, значитъ желать получить на нихъ отвѣты. Кто всходитъ на эти подмостки, тотъ самъ, стало быть, недовольствуется покрывшею его амнистіею; самъ обращается къ суду, къ критикѣ, вызываетъ подробный процессъ. Но критика руководится только анализомъ и никакое «больше не буду» не смягчаетъ ея анализа надъ тѣмъ, что было.

Остановимся прежде всего надъ тѣмъ шагомъ, который доставилъ г. Кельсіеву возможность рисоваться сначала въ фигурѣ революціонера, то есть, человѣка, выходящаго изъ ряда вонъ, съ тѣмъ чтобы послѣ начать рисоваться раскаяніемъ. Онъ въ первой фигурѣ рисуется и теперь, постоянно говоря о революціонерахъ: «мы», «наше появленіе», «наши стремленія», «что мы такое?», «исторія Россіи вызвала наше появленіе» и т. д. Между тѣмъ, изъ собственной его книги, мы узнаемъ, что онъ былъ увлеченъ въ эмиграцію, и такъ далѣе, совсѣмъ не исторіею Россіи, а просто личною безтолковостью и желаніемъ рисоваться. Процессъ развитія, который довелъ его до этого шага, мы, на основаніи его книги, можемъ сократить такъ: будучи мальчикомъ, дома, онъ мечталъ о декабристахъ потому, что ихъ окружала тайна, и свѣдѣнія о нихъ были запрещеннымъ плодомъ; декабристами онъ интересовался также какъ Каліостро и графомъ Сен-Жерменомъ; впослѣдствіи, учась въ коммерческомъ училищѣ, въ Петербургѣ, онъ былъ заинтересованъ тайнымъ обществомъ, открытымъ въ 1849 году, и рисовалъ себѣ заговорщиковъ въ плащахъ, съ перьями на шляпахъ, съ кинжалами и т. д., а себя рисовалъ въ воображеніи такимъ же пернатымъ заговорщикомъ и колодникомъ, поднимающимъ розу, которую ему бросали прекрасныя дамы... Однимъ словомъ, мальчикъ онъ былъ съ праздными умомъ, и ученикъ, по всей вѣроятности, лѣнивый, что обнаруживается и проявляемымъ имъ нынѣ незнакомствомъ съ гимназическимъ курсомъ.

Въ праздныхъ мечтаніяхъ, оказывается, ему было все-равно, сдѣлаться ли пернатымъ революціонеромъ или храбрымъ воиномъ на защиту отечества. Какимъ же образомъ «исторія Россіи вызвала появленіе» пернатаго революціонера?! И вотъ, онъ, въ такомъ возрастѣ, когда уже могъ защищать отечество, во время крымской войны написалъ прошеніе о принятіи его въ военную службу, а потомъ прошеніе это, къ сожалѣнію, разорвалъ.

Упомянувъ, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу, а больше для важности, о декабристахъ, г. Кельсіевъ считаетъ нужнымъ ни съ того ни съ сего упомянуть и о Добролюбовѣ, который, по его словамъ, только въ одномъ стихотвореніи (выражавшемъ презрѣніе къ нашимъ либераламъ, сбивающимъ уже снятыя шапки) и оставилъ оправданіе своей личности.

Выдавъ, такимъ образомъ, оправдательный паспортъ Добролюбову, г. Кельсіевъ разсказываетъ, что такое былъ такъ-называемый нигилизмъ, и нигилизмъ оправдываетъ отъ даннаго ему названія, называетъ даже «положительною религіею», а нигилистовъ—«правдоискателями». Короче, г. Кельсіевымъ руководитъ весьма примирительная мысль, и Reineke-Fuchs невольно рисуется въ нашемъ воображеніи, когда она, съ четками въ рукахъ и колотя себя нещадно въ грудь, глубоко сожалѣла о съѣденныхъ ею цыплятахъ.

Извиняя и прощая нигилизму, онъ все-таки читаетъ ему длинное увѣщаніе, въ которомъ поясняетъ такую новую истину, что надо прежде справиться: «дѣйствительно ли въ Висконсинѣ живется легче, чѣмъ въ Костромѣ», и «сообразны ли висконсинскіе порядки съ нашими нравами, обычаями, условіями....». Все это хорошо, даже слишкомъ хорошо сказано, написано, но все же хочется повторить:

Wir kennen das Lied,
Wir kennen auch den Verfasser....

Но г. Кельсіевъ, какъ всѣ революціонеры, превратившіеся въ консерваторовъ, заходитъ въ своемъ консерватизмѣ такъ далеко, что, несмотря на сочувствіе къ его обращенію, нельзя не остановить его, когда онъ положительно утверждаетъ, что «на честность нашего купца, даже въ вопросѣ о пяти рубляхъ, можно положиться болѣе, чѣмъ на любого мистера Андерсона, имѣющаго контору въ Лондонѣ и въ Нью-Іоркѣ». Это ужъ слишкомъ лестно.

Съ нигилизмомъ г. Кельсіевъ познакомился также только потому, что его манила смѣлость отрицанія и вкусъ запрещеннаго плода. Даже иностраннымъ языкамъ онъ научился только, чтобы читать запрещенныя книги, которыя, однакоже, «ни бумагой, ни чернилами, ни

обертками не отличались отъ обыкновенныхъ книгъ»... Между тѣмъ, г. Кельсіевъ называетъ себя, вмѣстѣ съ нигилистами, прежде всего — «правдоискателями», хотя изъ всего предшествующаго ясно, что искалъ онъ и ему подобные вовсе не правды, а просто сюрпризовъ, сопряженныхъ съ эффектами. Г. Кельсіевъ и подобные ему правдоискатели совсѣмъ не занимались дѣломъ и ничему въ сущности не учились, а только ходили, восклицая, какъ говоритъ онъ самъ: «Мы молодость, мы новое поколѣніе, мы вносимъ новыя идеи, мы вамъ покажемъ, какъ и что слѣдуетъ сдѣлать. Вы, небось, Милля не читали, и о Молешоттѣ понятія не имѣете!» — «И вотъ все, даже либеральное, даже неотсталое какъ-то сжалось, конфузилось, усмирялось, умалялось», — прибавляетъ авторъ воспоминаній.

Вотъ къ этимъ-то глупымъ крикунамъ (а извѣстно, что крикуны въ каждой партіи именно—мародёры), а вовсе не къ правдоискателямъ, г. Кельсіевъ причисляетъ себя. Таковъ онъ остался и впослѣдствіи. Какъ легко и нелѣпо они отрицали, такъ легко и нелѣпо онъ впослѣдствіи рѣшился эмигрировать и пришелъ въ русское генеральное консульство въ Лондонѣ, куда его никто не звалъ, объявить, что не считаетъ себя болѣе русскимъ подданнымъ. Г. Кельсіевъ, объявляющій Россіи формально о прекращеніи между имъ и ею сношеній! Вотъ это именно и было то красное перо, о которомъ мечталъ г. Кельсіевъ въ раннемъ юношествѣ.

Мы согласны съ г. Кельсіевымъ, что названіе «нигилисты», какъ примѣненное ко всей университетской молодежи, и въ особенности къ зрѣлымъ людямъ радикальныхъ убѣжденій, было нелѣпо. Но почему оно такъ легко понялось и принялось? На это есть причина. Только тѣ клички пристаютъ плотно, которыя прилѣпляются къ мѣсту въ самомъ дѣлѣ больному. У насъ, среди дѣльной и серьезно учившейся молодежи, были именно и «нигилисты», и «нигилистки». Это были, какъ мы уже сказали, мародёры извѣстнаго направленія, хвастуны и пустячные люди радикализма, тѣ именно люди, изъ числа которыхъ всего легче возникаютъ потомъ не только ультра-консерваторы, какъ г. Кельсіевъ, но даже доносчики. Они въ своихъ отношеніяхъ къ идеѣ руководствуются не самою идеею, а «тѣмъ, что около нея пріобрѣсть можно». Такъ, они сперва носятся съ Молешоттомъ, котораго, положимъ даже, и читали, но читали не въ прокъ, не имѣя еще необходимѣйшихъ, элементарныхъ познаній, потому что Молешоттомъ они могутъ бить по головамъ людей смирныхъ и задавать шику; потомъ носятся съ краснымъ перомъ, потому что это также задаетъ шику, хотя и сопряжено бываетъ съ затрудненіями—чего не преодолѣваетъ тщеславіе! Но, наконецъ, наступаетъ пора, когда они убѣждаются, что однимъ шикомъ прожить нельзя, и вотъ тогда имъ съ удивительною ясностью представляется, что шикъ, въ сущности—глупость, аффектація, что совершенно справедливо. Затѣмъ, имъ остается уже только покаяться и жить смирно, а не искать поживы фразистымъ обличеніемъ заблужденія своего и въ особенности чужого.

Можетъ быть, г. Кельсіевъ и читалъ Молешотта, такъ что имѣетъ право говорить «мы» о радикалахъ-матеріалистахъ. Но правдоискателемъ онъ все-таки не былъ, потому что оставался невѣждой. Если онъ и теперь въ своей книжкѣ говоритъ, что воздухъ состоитъ изъ кислорода, азота и водорода, то спрашивается: при такихъ подготовительныхъ понятіяхъ объ естественныхъ наукахъ, что онъ могъ понять изъ Молешотта? Если бы онъ въ самомъ дѣлѣ «искалъ правды», то прежде всего, конечно, учился бы. Это его избавило бы отъ двухъ несчастій: во-первыхъ, попасть въ эмиграцію; во-вторыхъ, утверждать, что въ составъ воздуха входитъ водородъ, и что существовало великое герцогство гессенъ-кассельское....

Г. Кельсіевъ былъ настоящій, истинный нигилистъ. Онъ самъ себя опредѣляетъ всего лучше, когда говоритъ, что «эмигрантомъ и агитаторомъ» его «сдѣлало невѣжество, даже помимо согласія Герцена и Огарева».

Касаться дѣятельности этихъ послѣднихъ, по поводу книги г. Кельсіева, намъ нѣтъ причины, потому именно, что не они увлекли его въ эмиграцію и агитаторство. Вотъ почему мы ихъ совсѣмъ оставимъ въ сторонѣ. Но интересно знать, какъ они относились къ г. Кельсіеву:

— «Зачѣмъ вы хотите быть эмигрантомъ? спросили они меня.

— Хочу работать.

— Да работать въ Россіи лучше. Оставаясь

на службѣ и живя въ средѣ русскаго общества, хоть бы въ той же Ситхѣ, вы сдѣлаете вдесятеро больше, чѣмъ отрѣзываясь отъ Россіи и оставаясь въ Лондонѣ.

— И все-таки, я останусь, потому что мнѣ есть многое что́ сказать, чего въ Россіи нельзя высказать.

— Да что́жъ именно? Уясните себѣ, для чего вы остаетесь, уясните себѣ, что́ вы хотите сказать?

— Буду говорить о бракѣ, о христіанствѣ, о личности.

— Но что именно? Дайте себѣ подробный отчетъ.

«Подробнаго отчета дать я себѣ не могъ, говоритъ г. Кельсіевъ, и въ то же время не могъ не сдѣлаться эмигрантомъ: время было такое, такимъ воздухомъ вѣяло».

Это признаніе характеристично. Раствореніе воздуха, къ счастью для Россіи, не сдѣлало эмигрантами людей болѣе вѣскихъ. Но людей, подобныхъ г. Кельсіеву, дуновеніе вѣтра унесло; зато оно же ихъ и возвратило, и возвратило въ цѣлости, т. е. съ сохраненіемъ ихъ прежнихъ качествъ. Правда, г. Кельсіевъ, который, издавая свои мемуары и составляя фельетоны въ газетѣ «Голосъ», охотно смѣшиваетъ эмиграцію и ссылку, говоря объ эмигрантахъ, избѣгшихъ наказанія, и о ссыльныхъ, ему подвергшихся, въ общей формулѣ: «И были же *мы* казнены»!— но это, вѣдь, такъ сказать, не что иное, какъ аллегорическая фигура.

Сдѣлаемъ еще двѣ выписки объ отношеніяхъ г. Кельсіева къ лондонскимъ революціонерамъ: «Разставаясь съ ними въ 1862 г., — говоритъ онъ — я унесъ о нихъ самое свѣтлое воспоминаніе, отъ котораго не имѣю повода до сихъ поръ отказаться. Если они ошибались и до сихъ поръ ошибаются, какъ политическіе дѣятели, все же я лично не имѣю повода считать ихъ нечестными или недобросовѣстными.» Вотъ видите, какъ сильно чувство всепрощенія у г. Кельсіева; онъ, несмотря на свой крайній консерватизмъ, простираетъ его отчасти даже на отъявленныхъ революціонеровъ. Скажутъ: чтожъ ему дѣлать? Развѣ прилично было бы ему, бывшему ихъ одномышленнику, обличать ихъ, какъ бы слѣдовало? Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ г. Кельсіевъ говоритъ о нихъ вообще? Едва ли онъ не уступаетъ чувству ребяческаго тщеславія, едва ли не хочетъ даже, при всемъ консерватизмѣ, сохранить у себя на шляпѣ красное перо, поинтересничать передъ людьми и тѣми кандалами, которые „*могъ*“ носить, и тѣми связями, которые имѣлъ съ такими опасными и отверженными людьми. А вотъ еще одна мысль: «Больно мнѣ разсказывать о домашнихъ дѣлахъ нашей эмиграціи, о томъ, какъ наши гг. эмигранты съумѣли не съумѣть (въ оригиналѣ съ разрядкой) познакомиться и сблизиться съ нашимъ народомъ.... (въ оригиналѣ точки).» Къ чему же въ одно и тоже время увѣрять въ искренности раскаянія, и вмѣстѣ чувствовать боль, что молъ не съумѣли познакомиться и сблизиться съ народомъ, т. е. другими словами, что дѣло не удалось, такъ какъ г. Кельсіевъ вездѣ толкуетъ, что незнаніе народа и погубило эмигрантовъ?! Кого нибудь изъ своихъ читателей авторъ продолжаетъ и теперь вводить въ заблужденіе.

Въ заключеніе, упомянемъ о главныхъ фактахъ эмиграціи г. Кельсіева. Сдѣлавшись эмигрантомъ, онъ издалъ въ Лондонѣ случайно попавшіе въ его руки документы о раскольникахъ. Желая быть послѣдовательнымъ, и повидимому, отказавшись отъ мысли высказать «новое слово» о бракѣ, христіанствѣ и личности, такъ какъ тутъ, по собственному его признанію, трудно выдумать новую штуку, онъ съѣздилъ въ Россію къ раскольникамъ, съ турецкимъ паспортомъ, и потомъ отправился въ Турцію и поселился въ Тульчѣ, чтобы весть оттуда революціонную пропаганду въ смыслѣ тайнаго общества «Земля и Воля». Прокламаціи этого общества онъ понаклеилъ вездѣ, но ихъ никто не читалъ. Г. Кельсіевъ приводитъ много примѣровъ того, какъ русскій простой народъ вообще враждебно относится къ мятежникамъ, какъ сами раскольники преданы государству, однимъ словомъ, много примѣровъ здраваго смысла, съ какимъ русскій народъ относится къ агитаторамъ, которые сулятъ ему золотыя горы. Впрочемъ, такъ какъ самый этотъ фактъ совершенно несомнѣненъ, то примѣры тутъ не представляютъ общаго интереса, они имѣли значеніе только для тѣхъ утопистовъ, которые не знали самаго факта, не знали народа. Народъ къ счастью не похожъ на г. Кельсіева. Онъ не станетъ стремиться къ познанію Молешотта и къ различнымъ Фурье оттого только — что это запрещенный плодъ. Запрещенный плодъ манитъ только людей празд-

ныхъ, народу некогда; ему нужны плоды болѣе существенные: передъ нимъ вопросъ о кускѣ хлѣба.

Въ Добруджѣ, г. Кельсіевъ сдѣлался казакомъ-баши, т. е. атаманомъ некрасовцовъ. Холера 1865 г. лишила его семейства; онъ палъ духомъ. Поѣхавъ въ Вѣну, онъ тамъ впервые сталъ возрождаться къ умственной жизни, уже на совсѣмъ новыхъ началахъ, на началахъ главенства и племенной миссіи Россіи. Корреспонденціи въ этомъ смыслѣ онъ сталъ посылать въ «Голосъ», путешествуя по Галиціи, откуда былъ высланъ, и по Молдавіи. Наконецъ, онъ соскучился и явился въ русскую таможню, въ Скулянахъ, и отдалъ себя «въ руки правосудія». Г. Кельсіевъ представляетъ это дѣйствіе въ видѣ внезапнаго порыва и говоритъ, что еще за нѣсколько часовъ не зналъ, что предастъ себя русскимъ властямъ. Но неужели эта мысль не преобладала въ его умѣ, когда онъ писалъ свои корреспонденціи въ «Голосъ» втеченіи цѣлаго года? Едва ли! Корреспонденціи эти, очевидно, должны были служить къ тому, чтобы хотя отчасти загладить свою вину. Только послѣ цѣлаго ряда ихъ, онъ, съ надеждой, ступилъ на русскую почву; его продержали нѣсколько дней въ Кишиневѣ, привезли въ Петербургъ, и послѣ сто-дневнаго содержанія подъ слѣдствіемъ, выпустили на полную волю — которую онъ и употребилъ, чтобы написать свои «Воспоминанія», вѣроятно, въ надеждѣ ихъ продажею извлечь больше пользы, нежели сколько ему доставило въ дѣйствительности «пережитое и передуманное».

Но вотъ, чему учитъ насъ самая обыденная мораль: люди, вовлеченные въ преступленіе и искренно раскаявшіеся, должны избѣгать всего болѣе хвастовства своимъ раскаяніемъ, чтобъ снова не оскорблять тѣмъ публичной нравственности; мы ждемъ отъ такихъ людей нѣкоторой стыдливости, запрещающей даже и постороннимъ, при встрѣчѣ съ раскаявшимся, мучить его требованіемъ воспоминанія; даже обыкновенно избѣгаютъ всякаго предмета, который могъ бы имъ, хотя издалека, намекнуть на ихъ прошлое. Никакой подобной стыдливости не оказалось у автора «Воспоминанія», и никакого уваженія къ публичной морали.

Д.

Записки лазутчика во время усмиренія мятежа въ Польшѣ въ 1863 году. С. Петербургъ, 1868, 154 стр. Ц. 75 к.

Авторъ этихъ записокъ, г. Буланцовъ, разсказываетъ подробности своей полицейской дѣятельности. Но его литературныя средства несравненно слабѣе другихъ, а потому и записки представляютъ не только мало поучительнаго, но и мало интереснаго. Одинъ случай повторяется во всѣхъ остальныхъ. Такимъ образомъ, заглавіе книжки хотя и составлено по рецепту подобныхъ же заграничныхъ изданій, какъ, напримѣръ, извѣстныя «Записки палача», а именно, съ цѣлью заманить къ себѣ читателя и спекулировать на общечеловѣческую слабость — любопытство, которое, по выраженію Гоголя, заставляетъ многихъ взять въ руки всякую дрянь и даже понюхать; но самое содержаніе «Записокъ» унтеръ-офицера изъ дворянъ г. Буланцова такъ блѣдно, что любопытство читателя наказывается уже на первыхъ страницахъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Histoire du soulèvement des Pays-Bas contre la domination espagnole, par *Th. Juste*, membre de l'academie royale de Belgique. Nouv. éd., 2 vol. Didier 1868. 16 fr.

Въ томъ новомъ изданіи «Библіографическаго и литературнаго сборника» Гизо, о которомъ мы имѣли уже случай говорить (см. выше, т. III, стр. 906), помѣщена цѣлая статья о Филиппѣ II и его новѣйшихъ историкахъ. Это не столько анализъ, сколько разсужденіе по поводу предмета, составляющаго содержаніе превосходныхъ сочиненій Прескотта и Мотлея, изданныхъ и въ русскомъ переводѣ. Но съ того времени, какъ писалъ Гизо, вышло не мало новыхъ трудовъ, и между ними обращаетъ на себя вниманіе «Исторія возстанія Нидерландъ, противъ испанскаго владычества», написанная Теодоромъ Жюстомъ, членомъ королевской академіи Бельгіи.

Неудивительно, что Нидерланды, исторія ихъ

освобожденія отъ испанцевъ, основанія и процвѣтанія Голландской республики вызывали и еще не разъ будутъ вызывать труды историковъ всѣхъ странъ и не только Европы, но и Америки. Лотропъ Мотлей сразу снискалъ себѣ славу и знаменитость своимъ произведеніемъ о Нидерландахъ, и его исторія справедливо считается образцомъ правдиваго и художественнаго историческаго творчества,—живымъ воспроизведеніемъ прошлаго, освѣщеннаго сочувственнымъ отношеніемъ современнаго ума къ свободному праву народа на самостоятельное развитіе. Обращаясь къ Нидерландамъ, современные историки вовсе не увлекаются архивною сентиментальностью: интересъ предмета гораздо выше и гораздо ближе къ нимъ, чѣмъ казалось бы на разстояніи трехъ вѣковъ. Тамъ, на маленькой сѣверной окраинѣ Европы, завязалась и шла борьба за тѣ жизненные вопросы, которые и до сихъ поръ тянутся незамѣтные и полунѣмые, то возгораются обнаженные и окровавленные—всюду еще во всемъ цивилизованномъ мірѣ. — Борьба, тѣмъ болѣе поучительная, что уже въ то время она представлялась рѣшенною, кончившись торжествомъ маленькой протестантской республики Голландіи надъ громадною католической монархіей Испаніи. Въ побѣдѣ Голландіи торжествовало начало свободы совѣсти, шедшее рука-объ-руку съ свободою политическою, съ національною независимостью. Вся Европа, подѣленная на двѣ ожесточенныя партіи, была замѣшана въ неравномъ спорѣ борцовъ: на сторонѣ Испаніи стоялъ весь католицизмъ, поощряемый въ самой основѣ своей отказомъ ему въ непогрѣшимости, устрашенный грозившей утратой владычества надъ небомъ и еще болѣе надъ землей. Съ другой стороны, вокругъ Голландіи тѣснились надежды всѣхъ гонимыхъ, разсѣянныхъ по всей Европѣ и упорно сохранявшихъ вѣру и убѣжденіе въ правоту своего дѣла. Могучимъ покровителемъ средневѣкового міра являлся Филиппъ II; упорнымъ защитникомъ новыхъ началъ выступалъ Вильгельмъ Нассаускій, принцъ Оранскій, прозванный Молчаливымъ. Филиппъ стремился къ истребленію всякаго проявленія непокорности римской церкви, въ этомъ проявленіи видѣлъ онъ гибель своей собственной власти, утраты своего широко-раскинувшагося господства, и избраннымъ орудіемъ его цѣли были инквизиція и эшафотъ, обманъ и убійство, возведенное въ догматъ, въ ассасинатъ. Вильгельмъ бился за освобожденіе отъ духовно-свѣтскаго гнета испанскаго изувѣра,—въ этомъ освобожденіи лежалъ залогъ — нравственнаго, умственнаго и матеріальнаго развитія народа, и главныя орудія его въ борьбѣ были—открытыя симпатіи народа, возставшаго на зовъ безкорыстнаго предводителя, потому-что народъ видѣлъ въ Вильгельмѣ служеніе его насущнымъ интересамъ, служеніе его возмущенной совѣсти и его задушевной жизни.... Филиппъ ликовалъ при извѣстіяхъ о варѳоломеевской ночи:—«Я сто тысячъ жизней скорѣе пожертвую, чѣмъ потерплю малѣйшее измѣненіе въ католической религіи»—говорилъ онъ и жертвовалъ сотнями тысячъ людей, казня и сожигая ихъ въ Нидерландахъ, путемъ своихъ инквизиторскихъ коммиссій, своего «Совѣта Крови».... А Вильгельмъ, собирая голландскіе города на возстаніе, провозглашалъ свободу вѣры какъ протестантской, такъ точно и римской; объявлялъ желаніе, чтобъ каждый могъ свободно слѣдовать своему культу, и чтобъ даже католическое духовенство ничѣмъ не было стѣснено въ своей свободѣ, лишь бы само не покушалось на свободу другихъ.—Такая вѣротерпимость тѣмъ болѣе представляется важнымъ историческимъ актомъ, что даже и теперь она не существуетъ, — даже въ той странѣ, куда внукъ Вильгельма принесъ утвержденіе протестантизма; въ Англіи—протестантизмъ выродился и въ свою очередь сталъ гонителемъ и исключительнымъ претендентомъ на господство. Сравненіе, проведенное далѣе касательно двухъ противниковъ, является все тою же противоположностью. — Когда Филиппу приходилось плохо и онъ считалъ нужнымъ успокоить немного еретиковъ, то объявлялъ отмѣну инквизиціи въ Нидерландахъ и въ то же время сообщалъ кровожадному Альбѣ и римскому двору, что, совершивъ подобное объявленіе принужденнымъ образомъ и безъ предварительнаго согласія папы, — онъ вовсе не намѣренъ связывать себя своимъ словомъ. Вмѣсто обмана и лицемѣрства Филиппа, Вильгельмъ предпочиталъ дѣйствовать открыто и прямо; такъ, вслѣдъ за варѳоломеевской ночью, онъ торжественно отрекается отъ католицизма и объявляетъ себя кальвинистомъ. Послѣ, въ тяжелыя минуты борьбы, при переговорахъ и склоненіи Вильгельма императоромъ (Максиміліаномъ II)

на миръ съ Филиппомъ,—Вильгельмъ не хотѣлъ обманчиво обѣщать невозможнаго: онъ указывалъ на народъ, за который бился,—на то, что въ немъ «лучшая и большая часть, мужчины какъ и женщины столь преданы новой религіи, что никогда не отрекутся отъ нея, и скорѣе умрутъ въ битвѣ вмѣстѣ съ нимъ, чѣмъ оставятъ свои дома и преклонятся предъ врагомъ».... Когда Филиппъ понялъ, что предъ нимъ стоитъ неумолимый, неподкупный соперникъ—онъ обратился къ своему любимому средству—къ тайному убійству; уже въ 1573 г., онъ даетъ своимъ агентамъ въ Голландіи порученіе пріискать людей рѣшительныхъ, которые покончили бы съ Вильгельмомъ, не обнаруживая, что это дѣлается по повелѣнію короля. И только, когда наконецъ, чрезъ 11 лѣтъ (въ 1584 г.), удалось убійство купленнымъ фанатикомъ, то Филиппъ уже не счелъ нужнымъ отказываться отъ участія: «Еслибы этотъ ударъ былъ нанесенъ два года ранѣе,—католическая церковь и я были бы въ выигрышѣ».—А Вильгельмъ, на своемъ окровавленномъ одрѣ, умирая отъ пули убійцы, свои послѣдніе моменты посвящалъ заботѣ объ освобожденной странѣ, и послѣдними словами его была молитва не о себѣ, а о благѣ народа. — Вообще, если историку когда-либо можетъ быть простительно сосредоточивать свое вниманіе на одной господствующей личности, вмѣсто цѣлаго общества или народа, то именно въ этомъ случаѣ. Вильгельмъ былъ истинно народный герой, воплощеніе народныхъ стремленій и потребностей, олицетвореніе народной воли, энергіи и честности. — Сочиненіе Т. Жюста начинается съ манифеста Вильгельма Молчаливаго въ 1572 году, призывавшаго народъ Нидерландовъ на сверженіе тиранніи герцога Альбы, и, проходя чрезъ всѣ драматическіе эпизоды борьбы, не разъ колебавшейся и переносившей успѣхъ и пораженіе то на одну, то на другую сторону—останавливается на провозглашеніи знаменитаго акта союза между нидерландскими провинціями, извѣстнаго подъ именемъ Pacification de Gand (ноябрь, 1576). Сочиненіе, далеко отстоящее отъ Мотлея по художественной отдѣлкѣ, составляетъ тѣмъ не менѣе полезный и добросовѣстный вкладъ въ историческую литературу; оно знакомитъ насъ съ малѣйшими подробностями кровавой борьбы,—такъ какъ составлено по громадному числу источниковъ и документовъ, изданіемъ которыхъ и до сихъ поръ продолжаетъ усердно заниматься брюссельская академія, подъ предсѣдательствомъ Гашара.

Histoire d'Olivier Cromwell, par *J. M. Dargaud.* Librairie internationale. 1 vol. 452 стр. 7 f. 50.

Протестантизмъ, свобода совѣсти — создали независимую республику Голландіи и повели ее по пути широкаго развитія матеріальнаго и умственнаго. Насколько свобода религіозная неразлучно идетъ съ свободою политическою, и на сколько она требуетъ для себя пополненія другою—еще очевиднѣе представляется въ XVII-мъ вѣкѣ на примѣрѣ Англіи. Покушеніе королевской власти Карла I на права англійскаго парламента и на права религіозной свободы, добытыя шотландцами, повели къ тому общему движенію противъ Карла, которое перешло въ политическую революцію, поглотившую собой и королевскую власть и Карла I.

Исторія этой революціи нашла себѣ еще новаго разсказчика въ недавно скончавшемся авторѣ извѣстныхъ сочиненій о Маріи Стюартъ и Елизаветѣ— Ж. Дарго. Не смотря на то, что Дарго рѣшился разсказать исторію Кромвеля послѣ уже столь многихъ опытовъ, его разсказъ не только не лишній, но освѣщаетъ собою загадочную личность Протектора многими новыми чертами, и представляетъ Кромвеля въ еще большей полнотѣ и цѣлостности, чѣмъ—прежніе біографы. Самое достоинство посмертнаго произведенія Дарго, какъ и его другихъ трудовъ, выражается въ той пластической картинности, съ какою авторъ рисуетъ предъ нами прошлое, воскрешая историческія личности, и рядомъ съ этимъ — въ полномъ отсутствіи всякой предвзятости, всякой доктрины. Дарго старается сохранить полное безпристрастіе въ сужденіяхъ и чрезъ то достигаетъ наиболѣе вѣрной передачи характеровъ и личностей той эпохи. Дарго умѣлъ воздерживаться отъ панегирика и умѣлъ сохранять справедливое сужденіе предъ печальною участью судимыхъ. «Если бѣдствія — говоритъ Дарго (стр. 236)—порождались англійской революціей, то вмѣстѣ съ ними рождалась и свобода, и въ этомъ было высшее благо революціи. Карлъ I вызвалъ ту революцію, которая всегда кроется въ нѣдрахъ обществъ.» Такое краткое опредѣленіе роли и значенія революціи само собою указываетъ на присутствіе въ ней виновни-

ковъ бѣдствій и созидателей свободы. Здѣсь виновникомъ является Карлъ I, и Дарго не задумывается осудить его: «Не смотря на всѣ панегирики и на всѣ изображенія, я считаю Карла I виновнымъ, — виновнымъ въ подчиненіи всего средневѣковому авторитету, въ стремленіи властвовать безъ законовъ и противъ законовъ, въ управленіи страной безъ парламента и противъ парламента, только съ своими министрами-угнетателями, Букингэм'омъ, Лауд'омъ и Страффорд'омъ, да съ своей женой, невѣжественною и тщеславною.—Все это было вызовомъ, брошеннымъ революціи и приведшимъ къ гражданской войнѣ, къ казни короля и къ республикѣ. Если Кромвель убилъ Карла I изъ интереса столько же, сколько изъ убѣжденія, то галлюцинатъ Гаррисонъ, фанатикъ Лудло и безукоризненный Гэтчинсонъ и многіе другіе осудили короля за отечество и за Бога.» И вслѣдъ за этимъ Дарго прибавляетъ нѣсколько строкъ вполнѣ характеризующихъ всю его тенденцію, все воззрѣніе, съ которымъ онъ приступаетъ и которое онъ проводитъ чрезъ все произведеніе: «Я понимаю ихъ всѣхъ, но, конечно, я не поступилъ бы какъ они, потому что истинная справедливость лежитъ въ милосердіи;—это не значитъ въ безнаказанности: по моему, не слѣдовало казнить Карла, а слѣдовало обречь его на лишеніе престола и на ссылку. Кровь безчеститъ справедливость и марaетъ совѣсть; — и это не есть снисходительность нашего времени, это снисходительность всѣхъ временъ и всѣхъ великодушныхъ сердецъ,—свидѣтелями того являются Генри Венъ и Альджеронъ Сидней, которые проповѣдывали ее среди страстей XVI вѣка.»

Человѣкъ, который воплотилъ въ себѣ ту грозную революцію — былъ Оливье Кромвель.

Своей энергіею, своей непоколебимой рѣзкостью, своей чарующей способностью привлекать къ себѣ людей всѣхъ партій, своимъ мистическимъ умѣньемъ приковать къ своимъ судьбамъ всю армію — Кромвель болѣе всѣхъ другихъ явился орудіемъ революціи, запечатлѣвшей въ Англіи традицію свободы и преимущественно неприкосновенности свободы совѣсти. — Въ этомъ великомъ принципѣ — въ принципѣ терпимости всякаго исповѣданія, — отъ католическаго до наиболѣе раціональнаго — лежала та неотъемлемая заслуга Кромвеля, которая не помрачилась ни предъ какими его покушеніями на другія общественныя учрежденія. Въ этомъ принципѣ, отъ котораго Кромвель, при поддержкѣ Мильтона, никогда не отступалъ, была даже та его сила, которая давала ему возможность безнаказанно нарушать всѣ тѣ права — и между прочимъ права парламента — за что поплатился его коронованный предшественникъ.

Свобода совѣсти легла въ закваскѣ революціи; она должна была неминуемо вести къ свободѣ гражданской и умственной.—Пробужденная совѣсть, способная вести человѣка на самоотверженную борьбу, конечно, не могла оставлять въ рабствѣ ума человѣка или отдавать личность на произволъ того или другого властителя; и въ Англіи съ обезпеченіемъ личности, съ ея сознаніемъ прочности и ненарушимости установленныхъ законовъ,—иначе какъ путемъ общественнаго участія, шла возможность процвѣтанія матеріальной жизни націи — ея міровой торговли и ея широкой промышленности. — Такое соотношеніе религіозной и гражданской или политической свободы, разъ понятое и проникшее въ массы, — дѣлало въ Англіи невозможнымъ болѣе безнаказанное покушеніе на то или другое достояніе народа, купленное кровавой революціей. Это сказалось и подтвердилось позже, когда Яковъ II вздумалъ реставрировать свергнутыя абсолютистскія начала, — нація отвѣтила ему тоже напоминаніемъ своего прежняго начала, — и снова утвердила свободу религіи, призывая на помощь внука главнаго и перваго поборника той свободы—Вильгельма Молчаливаго, изъ фамиліи Оранской, извѣстнаго подъ именемъ Вильгельма III. Такимъ образомъ, не смотря на то, что Кромвель долженъ быть названъ узурпаторомъ, что онъ вызываетъ справедливый укоръ историка за свою диктаторскую власть, постановленную на мѣсто законныхъ властей въ Англіи, — Кромвель — какъ поборникъ начала религіозной свободы и терпимости—стоитъ неизмѣримо выше того другого диктатора, котораго конецъ XVIII вѣка сравнивалъ съ Кромвелемъ. Дѣйствительно, замѣчательно, какъ тѣнь Кромвеля не переставала представляться французскимъ революціонерамъ и пугать ихъ возможностью своего появленія. — Имя Кромвеля, предостереженія отъ подобнаго ему явленія, намеки и инструкціи—раздаются безпрестанно, начиная со 2-го французскаго Національнаго

Собранія (1791 г.); и когда наконецъ дѣйствительно явился узурпаторъ — Наполеонъ Бонапартъ, — общая боязнь увидѣла въ немъ оправданіе себѣ, и пророчество считалось сбывшимся. Увы! французы обочлись даже въ своемъ страхѣ, и копія явилась гораздо низшею и гораздо болѣе вызывающею негодованіе, чѣмъ оригиналъ. — Нѣтъ ни одного, ни великаго, ни здороваго начала, которое внесъ бы во французскую исторію Наполеонъ I; напротивъ, онъ одинаково извращалъ всѣ начала — и новой республиканской и старой феодальной Франціи, заимствуя изъ той и другой только тѣ формы, которыя могли быть злоупотреблены имъ для своей личной тщеславной фантазіи. — Стоитъ сравнить одинъ изъ аналогическихъ дебютовъ Кромвеля и Наполеона въ узурпаціи, чтобъ увидѣть, какъ далеко копія отставала отъ оригинала, даже въ ихъ злокачественныхъ, если можно такъ выразиться, проявленіяхъ. На стр. 309, Дарго мастерски чертитъ сцену разогнанія Кромвелемъ парламента, 20-го апрѣля 1643 г. Прочтите ее и сравните съ 18-мъ брюмера! — Кромвель не готовился къ подобной сценѣ съ тѣмъ театральнымъ искусствомъ, которое долго изучалъ Наполеонъ. Кромвель не падалъ въ обморокъ, при возраженіи и крикахъ на него; Кромвель не рядился въ тогу классическаго краснорѣчія, и не игралъ словами.—Въ замѣнъ свободы совѣсти, внесенной Кромвелемъ въ исторію Англіи, Наполеонъ I навязалъ Франціи дряхлый союзъ съ Римомъ — чрезъ извѣстный конкордатъ, — да кромѣ того возобновилъ во Франціи ту несчастную традицію эпохи Людовика XIV, отъ которой ей и до сихъ поръ трудно отдѣлаться — традицію фальшиваго первенства въ мірѣ — блескомъ своего оружія. — Нѣсколько строкъ, которыя мы приведемъ здѣсь изъ Дарго, хорошо поясняютъ этотъ характеръ, полный противорѣчія и странностей, рядомъ съ энергіей и желѣзной волей:

«Оливеръ Кромвель (стр. 298 и сл.) обладалъ всѣми семейными чувствами. Но внѣ домашняго очага, въ немъ существовали двѣ страсти, неразлучныя одна отъ другой. Тѣ страсти были какъ бы металлами, сплавленными вмѣстѣ, которыхъ даже нельзя различить въ ихъ первобытномъ видѣ, и которые уже составляютъ одно цѣлое. Кромвелемъ въ одно и тоже время владѣла страсть къ Богу и страсть къ власти. Въ немъ было пламя теологіи и пламя честолюбія, которыя вмѣстѣ горѣли весьма сильно, и онъ одинаково былъ пожираемъ ими обоими. Въ этомъ заключалась программа Кромвеля. Для пополненія, прибавимъ, что подъ исходнымъ покровомъ скромности, побѣдитель на столь многочисленныхъ поляхъ битвъ, не допускалъ, чтобъ великое перерожденіе Англіи совершилось безъ него или чрезъ другого, вмѣсто него. Какова бы ни была его дипломатія уничиженія, онъ не удовольствовался бы вторымъ или третьимъ мѣстомъ, ему возможно было только быть первымъ. Его здравый смыслъ, столь изумителенъ, что представляется геніемъ; его воля, столь упорна, что являлась Промысломъ; его благочестіе столь искренне, что казалось чудомъ; всѣ великія способности, всѣ неотразимые инстинкты этого необычайнаго человѣка сосредоточивались въ сложномъ единствѣ тѣхъ двухъ страстей, то сдержанныхъ, то разражавшихся, но всегда цѣлостныхъ: въ теодицеи и во власти. А отсюда, изъ такого двойственнаго элемента въ жизни Кромвеля рождался особый языкъ, ему свойственный, полный огня, который вырывался въ великіе моменты изъ его непонятной души. Языкъ — различный, смотря по времени, по часамъ,—сектаторскій, страшный, солдатскій; но когда надо было, и въ тотъ моментъ, когда надо было — онъ выливался въ рѣчь полную внезапной энергіи и высокаго краснорѣчія, при всей своей таинственности.»

Post-scriptum. — Рецензія сочиненія: «Радищевъ и его книга» (стр. 423) была уже отпечатана, когда мы прочли Высочайшее повелѣніе, отмѣняющее запрещеніе, наложенное на вышеупомянутую книгу Радищева, указомъ отъ 4-го сентября 1790 года, съ тѣмъ чтобы новыя изданія этой книги подлежали общимъ правиламъ новѣйшихъ узаконеній о печати. — *Ред.*

М. Стасюлевичъ.

…ники изъ русской исторіи, съ исхода XVII вѣка. *П. Щебальскаго.* Выпускъ шестой. Москва, 1868. Стр. 248. Ц. 1 р.

Нынѣшній выпускъ приближаетъ трудъ г. Щебальскаго, уже извѣстный нашимъ читателямъ, къ концу прошлаго столѣтія. Авторъ, по принятой имъ прежде формѣ отдѣльныхъ разсказовъ, излагаетъ теперь исторію Россіи во второй половинѣ царствованія Екатерины Великой, отъ 1775 г. и до смерти императрицы. При отсутствіи у насъ сколько нибудь полной и систематической исторіи XVIII вѣка, разсказы г. Щебальскаго служатъ намъ весьма полезнымъ дополненіемъ, тѣмъ болѣе, что авторъ, какъ видно, пользуется извѣстнымъ трудомъ нѣмецкаго ученаго, Германна (Geschichte Russlands), присоединяя къ нему важнѣйшіе результаты публикованныхъ въ послѣднее время матеріаловъ по русской исторіи XVIII вѣка. Автору предпочитаетъ только одно, что онъ не рѣдко отъ разсказа безъ претензій—переходитъ къ тону историка-изслѣдователя и произноситъ рѣшительные приговоры о лицахъ и дѣйствіяхъ, что является такимъ образомъ плодомъ его личныхъ возрѣній, какъ бы нечаянно попавшихъ на языкъ разскащику. Таково, напримѣръ, его разсужденіе о воспитателяхъ и приближенныхъ императора Павла I вообще, и о гр. Н. И. Панинѣ — въ особенности. Какъ доказательство своей справедливости, авторъ приводитъ разговоръ великаго князя съ А. С. Строгановымъ, который воскликнулъ: «Гдѣ у насъ сыщешь такого человѣка, чтобъ данной большой ему власти во зло не употребилъ!» На это Павелъ Петровичъ, тогда еще десятилѣтній, возразилъ ему съ неудовольствіемъ: «Чтожъ, сударь, такъ развѣ честныхъ людей совсѣмъ у насъ нѣтъ?» Строгановъ принужденъ былъ замолчать, но онъ и другіе, повторяя подобное передъ впечатлительнымъ ребенкомъ, успѣли мало по малу привить ему свой взглядъ» За этимъ приводится еще анекдотъ, и на всемъ этомъ основывается сожалѣніе автора, что «Н. И. Панинъ, воспитатель великаго князя, не возвысился надъ общимъ уровнемъ современныхъ понятій». Г. Щебальскій сдѣлаетъ лучше, если будетъ продолжать такъ прекрасно разсказывать, какъ онъ разсказываетъ, а дѣлать выводы и заключенія — предоставитъ читателямъ, которыхъ у него найдется не мало.

Желѣзныя дороги въ военномъ отношеніи. Часть I Перевозка войскъ по желѣзнымъ дорогамъ. Сост. А. Квистъ. Спб. 1868 Стр. 169. Ц. 1 р. 50 к.

Междоусобная война въ Сѣверной Америкѣ показала на практикѣ роль, которую отъ сихъ поръ предназначено играть желѣзнымъ дорогамъ въ военномъ искусствѣ. Въ Германіи, вслѣдъ за тѣмъ появилось и систематическое ученіе о томъ же предметѣ, въ формѣ спеціальнаго изслѣдованія: «Das Eisenbahnwesen vom militärischen Standpuncte». Съ этимъ то трудомъ и знакомитъ насъ теперь, въ обширномъ изъ него извлеченіи, г. Квистъ, присоединяя къ нему новѣйшія замѣтки и свѣдѣнія о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Но, судя по программѣ слѣдующихъ выпусковъ, авторъ намѣренъ ограничиться примѣненіемъ готовыхъ дорогъ, служившихъ для гражданской цѣли, къ военному дѣлу, на случай европейской войны. Между тѣмъ война можетъ явиться сама строительницей новыхъ желѣзныхъ дорогъ и тѣмъ содѣйствовать послѣ—гражданскимъ побѣдамъ надъ покоренною страною. Примѣръ тому представляютъ намъ часто англичане въ своихъ войнахъ съ азіятскими и африканскими народами, и чѣмъ мы могли бы воспользоваться въ своихъ послѣднихъ дѣлахъ на границахъ Туркестанской области. Тогда и побѣжденные со временемъ будутъ радоваться тому, что они побѣждены.

Римскія древности. Описаніе государственнаго устройства, частной жизни и военнаго дѣла римлянъ. *Д-ра Конца.* Москва. 1868. Стр. 214. Ц. 1 р. 25 к.

Предостерегаемъ читателей, чтобы они не были увлечены заглавіемъ книги. Авторъ, передѣлавшій это нѣмецкое сочиненіе, трудился въ 20-хъ годахъ надъ передѣлкою подобнаго же произведенія Адама, и въ своихъ педагогическихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ относительно цѣли классическаго преподаванія и его пріемовъ, остался на точкѣ зрѣнія 20-хъ годовъ. Это — сухая номенклатура съ риторическими опредѣленіями предметовъ, неизвѣстно для кого составленная. Книгою для чтенія ее нельзя признать; какъ справочная, она неудобна потому, что предметы не расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Никто изъ самыхъ радикальныхъ противниковъ псевдо-классическаго образованія не приводилъ такихъ краснорѣчивыхъ доводовъ противъ него, какъ издатель этой книжечки — своимъ трудомъ на пользу псевдо-классицизма. Въ XVI вѣкѣ, классицизмъ выступилъ на борьбу съ невѣжествомъ схоластики; въ наше время, за отсутствіемъ схоластики въ новѣйшей цивилизаціи, ему пришлось бы бороться съ однимъ разсчитаннымъ или наивнымъ невѣжествомъ своихъ же собственныхъ защитниковъ.

Сцены изъ народнаго быта. *И. Ѳ. Горбунова.* Изд. второе, значительно дополненное. Спб. 1868 Стр. 175. Ц. 1 р.

Вся сила «сценъ», или разсказовъ изъ народнаго быта, заключается въ личныхъ дарованіяхъ автора, въ его голосѣ, въ его мимическихъ средствахъ, когда онъ является самъ толкователемъ на сценѣ. Въ литературной формѣ, сцены теряютъ все обаяніе и разѣ могутъ служить сборникомъ народныхъ рѣченій, подслушанныхъ авторомъ на мѣстѣ. Въ чтеніи—эти же самыя сцены производятъ такое же слабое впечатлѣніе, какъ наприм., описаніе хорошаго обѣда или ужина. Г. Горбунова нужно слушать и видѣть, а не читать.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫХОДИТЪ ВЪ 1868 ГОДУ, 1-го числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ: шесть томовъ въ годъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ

СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ:

С.-Петербургъ и **Москва**. Годъ, **15** руб. — Полгода, **8** руб.
Губерніи . . . . . „ **16** „ — „ **9** „

За-границу подписка принимается только на годъ, съ приложеніемъ къ цѣнѣ въ губерніяхъ, за пересылку по почтѣ въ бандеролях: **2** руб. въ *Пруссію* и въ *Германію*; **3** руб. въ *Австрію*; **4** руб. во *Францію* и *Данію*; — **5** руб. въ *Англію*, *Швецію*, *Испанію* и *Португалію*; — **6** руб. въ *Швейцарію*; — **7** руб. въ *Италію* и *Римъ*.

Городская подписка принимается, *въ Петербургѣ:* въ Главной Конторѣ «Вѣстника Европы» (открыта, при книжн. маг. А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ пр., у Казан. моста, по будн. отъ 9 ч. ут. до 9 ч. веч., и по праздникамъ отъ 12 ч. до 3 ч. пополуд.); и въ *Москвѣ:* въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Иногородная и заграничная подписка высылается, *по почтѣ*, исключительно: *въ Редакцію журнала* «Вѣстникъ Европы» (Галерная, 20), или прямо въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ. — Подписывающіеся *лично* обращаются въ мѣста, указанныя для городской подписки.

Подписывающіеся лично въ Главной Конторѣ «Вѣстника Европы», для обезпеченія себѣ правильной и своевременной доставки книжекъ, требуютъ выдачи билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Конторы журнала, а не книжнаго магазина, и съ помѣткою для выдачи билета.

Подписка безъ доставки (годъ — 14 р.; полгода — 7 р. 50 к.) принимается въ мѣстахъ, указанныхъ для городской подписки.

NB. *Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную сдачу экземпляровъ въ Почтамтѣ только предъ тѣми, кто сообщаетъ ей нумеръ и число мѣсяца: или почтовой квитанціи, или билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Главной Конторы «Вѣстника Европы».*

☛ Въ случаѣ недоставки Почтамтомъ сданныхъ ему въ порядкѣ экземпляровъ, ☚ редакція обязуется немедленно выслать новый экземпляръ въ замѣнъ утраченнаго почтою, но не иначе, какъ по предъявленіи подписчикомъ свидѣтельства отъ мѣстной Почтовой Конторы, что требуемый нумеръ книги не былъ высланъ на его имя изъ Газетной Экспедиціи.

Желающіе пріобрѣсти полный экземпляръ «Вѣстника Европы» за 1867 годъ (четыре тома: **8** руб. безъ доставки) обращаются въ Главную Контору журнала. — **Гг. Иногородные — исключительно въ редакцію (Спб. Галерная, 20), съ приложеніемъ 1 руб. для пересылки годового экземпляра.**

М. СТАСЮЛЕВИЧЪ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

3 2044 019 213 578